

Л. С. КЛЕЙН
ВВЕДЕНИЕ В
ТЕОРЕТИЧЕСКУЮ
АРХЕОЛОГИЮ

Л. С. Клейн

ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРЕТИЧЕСКУЮ АРХЕОЛОГИЮ

Книга 1. МЕТААРХЕОЛОГИЯ

Учебное пособие

ИЗДАТЕЛЬСТВО «БЕЛЪВЕДЕР»
Санкт-Петербург
2004

ББК 63.4
К48

*Допущено Учебно-методическим советом
по направлению 522800 – искусства и гуманитарные науки
Учебно-методического объединения вузов Российской Федерации
по образованию в области математического обеспечения
и администрирования информационных систем (СПбГУ)
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений*

Клейн Л. С.

К48 Введение в теоретическую археологию. Книга 1: Метаархеология:
Учеб. пособие. – СПб.: «Бельведер», 2004. – 470 с.
ISBN 5-9259-0039-1

Теоретическая физика и теоретическая биология развиваются давно, теоретическая археология – с недавнего времени. Автор книги признан в мире как один из создателей этой отрасли науки. Книга родилась на основе курса лекций, прочитанных автором в Ленинградском–Петербургском университете, а также в Кембридже, Дареме, в Берлинском, Венском, Копенгагенском, Вашингтонском и других университетах мира.

Это первое в России и одно из первых в мире учебное пособие по теоретической археологии, рассчитано на студентов и преподавателей (снабжено наглядными схемами, списками вопросов для продумывания, библиографией, указателями), а так как обобщающих книг по теоретической археологии чрезвычайно мало, то оно окажется справочным пособием по этой теме и для всех археологов-исследователей. Книга будет интересна и для представителей смежных наук – историков, социологов, географов, науковедов, философов и др.

Ключевые слова: теория, факт, метод, эмпирический, эмпиризм, теоретик, наука, гуманитарный, прикладной, предмет науки, источник, история, преистория, социология, аксиома, принцип.

ББК 63.4

*This publication was made possible
by a grant from Carnegie Corporation of New York.
The statements made and views expressed are solely
the responsibility of the author.*

© Л. С. Клейн, 2004
© Издательство «Бельведер», 2004
© С. В. Воронятов, О. В. Гусакова,
Т. М. Кармов, сост. указ., 2004

ISBN 5-9259-0039-1

Оглавление

Предисловие	9
-------------------	---

Часть I. ОБЩАЯ

Глава 1. Представление о теоретической археологии	12
--	-----------

<i>А. Теоретики в археологии .....</i>	<i>12</i>
--	-----------

1. Теоретики и практики (12). – 2. Готовить теоретиков смолоду (17). – 3. Как готовить и как готовиться? (18).

<i>Б. Теоретическая археология как автономная отрасль .....</i>	<i>22</i>
---	-----------

4. Понятие теоретической археологии (22). – 5. Становление отрасли (25). – 6. Вводные и справочные труды (29). – 7. История археологических знаний (30). – 8. Обзоры теоретической археологии (31). – Исходные позиции (33). – 10. Структура теоретической археологии (36).

Часть II. ПРЕДМЕТ АРХЕОЛОГИИ

Глава 2. Спор о предмете археологии (историографический обзор)	44
---	-----------

1. Три традиции (44). – 2. Кризис идей? (48). – 3. Метаархеологическая критика: археология как метод (49). – 4. Исходя из потенциалов источников (51). – 5. Археология как история? (53). – 6. Современное состояние (54). – 7. Дискуссия о предмете науки в отечественной археологии (56). – 8. Параллели между советской и западной археологией (59).

Глава 3. Определение предмета археологии	64
---	-----------

1. Проблемы из-под ковра (64). – 2. Исходные принципы и понятия (66). – 3. Обзор концепций (68). – 4. Критика концепций (71). – 5. Методологическая основа разногласий (73). – 6. Определение решающего звена проблемы (74). – 7. Предложение (75).

Глава 4. От исторических источников к археологическим источникам	80
---	-----------

1. Современная ситуация и исторические корни (80). – 2. Выделение понятия «исторические источники» (82). – 3. Ограничение понятия с появлением и развитием критики источников (84). – 4. Остатки и предание (90). – 5. Обособление понятия «археологические источники» (93). – 6. Осознание сложностей (98). – 7. Есть ли в археологических

источниках историческая информация? (102). – 8. А есть ли вообще археологические источники? (104).

Глава 5. От археологических источников к историческим источникам 110

1. Источники в познании прошлого (110). – 2. Отражение в вещественных источниках (117). – 3. Слова и вещи (118). – 4. Археологическое отражение (123). – 5. Материальные древности (125). – 6. Специфика археологических источников (131).

Часть III. ПРИРОДА АРХЕОЛОГИИ

Глава 6. Методологическая природа археологии 136

1. Метод и методы (136). – 2. История и социология (138). – 3. Археология как наука? (141). – 4. Реконструкция в истории (148). – 5. Реконструкция в археологии (154). – 6. Археология как деятельность детектива (159).

Глава 7. Принципы археологии 165

1. Ради ясности – к темным началам (165). – 2. Поиск принципов (168). – 3. Принципы Хокса (170). – 4. Аксиомы и теоремы Даннела (173). – 5. Набор принципов (177). – 6. Принципы в критическом рассмотрении (181). – 7. Оправдание принципов (187). – 8. Противоположные принципы (189). – 9. Антиномии в основании и диалектика принципов (192). – 10. Аналитическая машина? (195).

Часть IV. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Глава 8. Эмпиризм в археологии 200

1. Чтение прошлого – первоначальный вариант (200). – 2. Преодоление эмпиризма (203). – 3. Отход от теории в советской археологии (206). – 4. Теоретическое гетто (211). – 5. Симптомы эмпиризма (213). – 6. С точки зрения современной философии (221). – 7. Эмпирии теории и эмпиризм практики (224).

Глава 9. Представления археологов о теории (историографический обзор) 226

1. Предпосылки (226). – 2. *Tour de force* в рефлексии (227). – 3. Концепции атеоретической археологии (229). – 4. Эрзац-теории (230). – 5. Надежда на логику (232). – 6. Упор на классификацию (233). – 7. Теория

в «новой археологии» (235). – 8. Осознание специфики источников (238). – 9. Теория как политика? (242). – 10. Заключение (244).

Глава 10. Что такое археологическая теория?
(Систематический анализ проблемы)..... 247

1. Проблема (247). – 2. Обиходные представления (248). – 3. Понятие в оппозициях (254). – 4. Перспектива (257).

Глава 11. Структура и механизм археологической теории 261

1. Пустой ящик? (261)

А. Законы и язык теории 264

2. Система законов (264). – 3. Язык теории (269).

Б. Базис и аппарат теории 274

4. Математический аппарат (274). – 5. Предпосылки теории (276). – 6. Операциональный аппарат и текст теории (280). – 7. Текст и тест теории (285).

Глава 12. Функции археологической теории 290

1. Трудный вопрос (290). – 2. Опознавательная функция (292). – 3. Интегративная функция (294). – 4. Селективная функция (298). – 5. Дескриптивная функция (299). – 6. Систематизирующая функция (302). – 7. Проблема объяснительной функции (305). – 8. Проблема предсказательной функции (310). – 9. Инструментальная функция (312). – 10. Эвристическая функция (313). – 11. Контрольная функция (316). – 12. Синтезирующая функция (317). – 13. Осветительная функция (318). – 14. Заключительные замечания (320).

**Часть V. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТ
И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ**

Глава 13. Исторический факт и археологический факт 322

1. Факт как проблема (322).

А. Исторический факт и историки 323

2. Факты и тексты (323). – 3. Потеря марксистской невинности (328).

Б. Археологический факт 331

4. От факта к данным (331). – 5. Термины и ступени (341).

Глава 14. Археологический факт и движение информации	349
1. Конверсия и реконверсия информации (349). – 2. Самые глубокие уровни АФ (353). – 3. Полный курс конверсии (355). – 4. Шлюзы на пути информации (357). – 5. Реконверсия, рефлексия и критика (363). – 6. Заключение (370).	
Глава 15. Процедура археологического исследования	373
1. Предвзятые идеи и неосведомленность (373). – 2. Нормативность процедуры (375). – 3. Усложнение (380). – 4. Индуктивная процедура (381). – 5. Проблемно-установочная процедура (383). – 6. Дедуктивная процедура (385). – 7. Дискуссионное противопоставление (386). – 8. Структурное сопоставление (389). – 9. Общая основа и ограничения (390).	
Заключение	394
1. Итоги (394). – 2. Озираясь вокруг (396). – 3. Самоидентификация (401).	
Библиография	403
Предметный указатель	446
Именной указатель	458

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга возникла из моего курса лекций, который я читал на английском языке в Копенгагенском университете в 1993 и 1998 гг., в университете Турку в 1998 и в Люблянском университете в 1999. Я читал этот курс в его первоначальном варианте на русском языке в Ленинградском (ныне Санкт-Петербургском) университете в 70-х гг., потом (ближе к его нынешнему виду) на немецком в Венском университете в 1994. Некоторые лекции из этого курса были читаны также в Германии (Свободный университет Западного Берлина), Англии, Норвегии и Швеции во время моего пребывания там в качестве приглашенного профессора в начале 90-х.

Разумеется, курс разрастался и претерпевал изменения. Смены языка способствовали осознанию различий в основах терминологии, за которыми стоят различия понятийных систем. Много стимулирующих идей родилось в ходе дискуссий со студентами, и я должен признать, что мои венские и копенгагенские студенты были самыми активными. Я благодарен также моим финским студентам за их добрую волю и терпение. По окончании курса они выполняли письменные работы, инспирированные моими лекциями, и посылали их мне в Петербург; некоторые из этих работ оказались очень интересными.

В Копенгагене мой друг профессор Клаус Рандсборг присутствовал на всех моих лекциях, которые он имел время посещать, живо обсуждал со мной на лекциях и по их окончании поднятые в них проблемы, что было для меня весьма ценно, и любезно предложил опубликовать весь курс в виде учебника как специальный выпуск журнала «Acta Archaeologica», выходящего под его редакцией. Коль скоро курс был подготовлен для печати на английском и обрел пригодный к публикации вид, это побудило меня предпринять и русское издание.

Кроме того, я готовил вместе с несколькими молодыми археологами библиографический справочник по российской теоретической археологии. В числе моих задач в этом предприятии было составление вводных статей к каждому разделу. Справочник еще не завершен, а тексты вводных статей я также использовал здесь.

Многие из лекций прежде, чем они стали главами этого учебника, были в разное время опубликованы мною, большей частью на рус-

ском, но иногда на английском. Так, главы 2–3 соответствуют моей статье 1977 г. В главах 4 и 5 об археологических источниках я во многом следую моей книге «Археологические источники» (опубликована в 1978; 2-е, расшир., изд. 1995). Основой главы 6 «Методологическая природа археологии» явилась одноименная статья 1992 г., опубликованная в журнале «Российская археология». В основу главы 7 «Принципы археологии» легла моя Кембриджская Мемориальная лекция 1993 г. памяти Д. Кларка, развернутая в книгу на русском языке в 2001. Главе 8 «Эмпиризм в археологии» предшествовала короткая статья 1977 г., изданная Ленинградским университетом в сборнике. Эта глава перестроена и значительно расширена. Главы 9 и 10 об археологической теории посвящены статусу и дефиниции теории и соответствуют двум моим статьям: глава 9 – статья «Метаархеология на Западе: современные представления западных ученых о том, что есть археологическая теория» (опубликована в «Journal of Theoretical Archaeology» в 1978 г.), глава 10 – статья «Археологическая теория», вышедшей на русском в серии сборников Ленинградского–Петербургского университета «Проблемы Археологии». Глава 11 близка по содержанию русской статье «Структура археологической теории», помещенной в журнале «Вопросы философии» в 1980. Глава 12 «Функции археологии» следует моей одноименной статье, вышедшей на английском в «Journal of Theoretical Archaeology» в 1995. Позиции, развернутые в главах 13 и 14 об археологическом факте, предварены тезисами, опубликованными в брошюре в качестве материалов к теоретическому симпозиуму в Ленинграде в 1978 г., а полностью этот материал вышел в журнале «Стратум» на русском языке в 1999 г. Глава 15 опубликована в уральской серии сборников в 1978. Более детальная информация – в библиографии.

Многие из этих работ обсуждались с моими ленинградскими–петербургскими коллегами, которым я весьма признателен за идейную поддержку. Из моих российских оппонентов хочу отметить покойных Ю. Н. Захарука (Москва) и В. Ф. Генинга (Киев). Я критически относился к их работам и продолжаю придерживаться той же позиции. Однако само существование этих оппонентов и их постоянная активность, воспринимавшаяся мною как вызов, немало способствовали развитию моих взглядов, оттачивали мои аргументы. Кроме того, некоторые разработки Ю. Н. Захарука я принял.

Со многими зарубежными коллегами-теоретиками у меня была длительная переписка (Э. Вале, Г. Даниел и др.), с некоторыми также сотрудничество и дружеские встречи (К. Ренфру, Л. Бинфорд,

М. Мальмер, Б. Триггер, А. Шнапп, Ж.-П. Демуть, и др.), во время которых велись плодотворные дискуссии и полемика (Ж. Кристиансен, Я. Ходдер, М. Шэнкс и др.), не говоря уже об обмене книгами и оттисками. Как это общение, отклики и высокие оценки, так и поддержка петербургских коллег и друзей создавали во мне ощущение включенности в большую науку. Если употребить термин социальной психологии, это была моя *референтная группа*, чьи ожидания и оценки служили мне ориентирами. Однако за ней я не терял из виду ту массу археологов-практиков, среди которых у меня много личных друзей и которых в конечном счете я хочу быть полезным, работая над теорией. Разумеется, перед глазами у меня всегда основной потребитель моего учебника: преподаватели и студенты.

В основном я стремился уложить тему в обычную лекцию из двух академических часов («пару»), поэтому в тех случаях, когда материала было гораздо больше, чем можно уложить в эти пределы, я разбивал его на две лекции. Когда лекции превратились в главы учебника, я сохранил это деление. Поэтому тут можно встретить тему, явно цельную, но изложенную в двух главах (например, «Археологические источники» или «Археологический факт»). В тех случаях, когда уложиться в одну лекцию было трудно, а растягивать на две лекции было нерационально, я опускал часть материала, однако при превращении курса в учебник я вернул эти пропущенные части. Таким образом, некоторые главы длиннее других.

Вопросы для семинарских занятий по каждой лекции составлены не для повторения курса, а так, чтобы стимулировать самостоятельное мышление слушателей.

Часть I

Общая

Глава 1

Представление о теоретической археологии

А. Теоретики в археологии

1. Теоретики и практики. Когда несколько лет назад мой коллега Кнут Хельског приехал из Норвегии копать поселения в Северной России и мы пили чай у меня на кухне, я спросил, что привлекает его именно в этих памятниках. Он ответил: «Ну, прежде всего, я люблю сами раскопки все новых памятников, люблю жить в палатках и целый месяц есть одну гречу (слово «греча» он произнес по-русски). Затем, — продолжал он, — я ищу аналогии моим местонахождениям в Норвегии». Разговор шел по-английски, но мы явно говорили на разных языках. Памятники привлекают меня главным образом как ключ к каким-то проблемам.

В археологии издавна было ощутимо разделение пристрастий.

Одни были преданы *полевой археологии* и центром их жизненных устремлений были экспедиции, разведки и раскопки — их привлекала романтика поисков и бивуачной жизни. Такими были Бельцони, Лэйард, из русских Толстов.

Других влекло *доказательство какой-то идеи*, как, скажем, Шлимана — подтвердить реальность гомеровой Трои.

Третьи были завзятыми музейщиками. Кропотливо копаться в коллекциях, систематизировать их, *сортировать материал* — вот их любимое дело. Идентификация вещей, устройство экспозиций и издание каталогов и сводов — все это доставляло им неизъяснимое наслаждение. Счастьем для них было найти аналогию, поместить артефакт в систему. К таким работникам относились Спицын и Дешелет.

А были и такие, которых к древним вещам тянула историческая их загадочность, *нерасшифрованность*, тайна. Этим интересовали *идеи*, которые можно из артефактов извлечь. Из такого рода увлечен-

ных выходили либо пустые мечтатели, либо идеологические спекулянты, либо «историки с лопатой». Но иногда — если их увлекал сам процесс извлечения идей — теоретики.

Габриэль де Мортилье и Оскар Монтелиус, Густав Коссинна и Гордон Чайлд, Уолтер Тэйлор и Матс Мальмер, Дэвид Кларк и Льюис Бинфорд, несомненно, относились к этому последнему типу ученых. Некоторые преуспевали не только в теории. Но Коссинна и копал-то в своей жизни всего несколько дней, никогда не был сотрудником музея. Чайлд мало копал, не работал в музее, не был блестящим лектором — его слава в другом.

Это всё громкие имена. Но теорию пополняли своими вкладами и не очень приметные исследователи — в отдельных статьях уточняли формулировки, приводили новые аргументы, систематизировали теоретическое знание.

Меня в археологии занимают ее тайны, но особенно привлекает именно теория. Считается, что *теория должна обслуживать практику* и что именно проблемы, возникающие в практических исследованиях, дают стимул к теоретическим размышлениям. И я тоже отдал дань этой трактовке, когда расписывал в предисловии к своей «Археологической типологии» (1991: 10–13), какие именно практические проблемы побудили меня обратиться к археологической теории. Но там же я отметил, что многих ведь те же трудности не приводят к теории. Видимо, демон-искуситель теории сидел во мне всегда. И когда в Берлине проф. Биба Тержан, бравшая у меня интервью для словенского журнала «Архео», спросила, как я пришел к теории, я с чистым сердцем ответил: «Никак», потому что теорией я интересовался всю сознательную жизнь. «Скорее я к археологии пришел от теории», — добавил я (Klejn 1992: 54–55).

Студенческую жизнь я начинал не с археологии, а с языкознания и фолклористики, где моим учителем был В. Я. Пропп, с проблем этногенеза и семиотического поиска первоначальных смыслов. Моей первой печатной работой по археологии была критическая статья по этногенезу славян (1955). Тогда моим учителем был М. И. Артамонов, также интересовавшийся этногенезом. В 60-е гг. среди моих статей попадались разработки теоретических вопросов типологии и этногенеза, с начала 70-х теоретические работы пошли у меня уже сплошным потоком.

Да, практика образует фундамент для теории, но радикально прирастает наше знание именно теорией. *Научные революции происхо-*

дят в ней. Нет науки без теории. В археологии эту истину игнорировали дольше, чем в других науках, не вполне освоили и сейчас.

Нужны ли такие специалисты? Оправдано ли выделение такой специализации в археологии? Я знаю по собственному опыту, что для работы с теорией надо изучить много не-археологических тем, которые вовсе не нужны археологу-практику, да и в самой археологии такого оказывается много и надо все это знать. Конечно, можно соединять это с практическими исследованиями, в какой-то мере это даже необходимо (иначе твоя теория рискует оказаться беспочвенной и беспредметной), но мало кто способен преуспеть в обеих отраслях.

Многие маститые археологи традиционного толка против выделения теоретиков в особую разновидность археологов, потому что считают занятия теорией пустым делом, заумной болтовней. Симпозиум теоретиков в Ереване, на котором я присутствовал, моя коллега-славист из Москвы оценила в письме ко мне так: там собрались люди, которые не любят археологию, а хотят лишь щеголять заумными словесами. Я ответил ей: «Уборщица, которая подметала зал заседания, думала именно так, но ей это простительно, а тебе — нет».

Постпроцессуалисты (постмодернисты) также против выделения специализации теоретиков, но по противоположной причине. Оппозиция этому выделению провозглашена на ТАГ (TAG – Theoretical Archaeology Group) 1992 г. Джулианом Томасом (Thomas 1995: 351). Он иронически отметил, что «каждая университетская кафедра [археологии] хочет иметь одного специалиста-теоретика — точно так же, как должна иметь одного специалиста по камню, одного по керамике и одного по природной среде». По его мнению, тут игнорируется та истина, «что вся археология теоретична». Известный теоретик Майкл Шэнкс объявляет: «Я... очень озабочен тем, что теоретическую археологию теперь все более определяют как просто еще одну специализированную отрасль. Говорят, что так же, как любой отчет о раскопках должен иметь специалистов по технике, экологии, керамике, датировке, коже, кости, количественному анализу и чему там еще, точно так же они нуждаются в специалисте по теории — рассматриваемой как отдельное занятие объяснением и интерпретацией» (A dialogue 1994: 19). Шэнкс противопоставляет этому мнение, что каждый должен знать теории, каждый должен уметь применять их.

«Должен знать», «должен применять». Но разумно ли настаивать, чтобы каждый был способен *вырабатывать* их? Против Томаса и Шэнкса вопиет их собственный опыт: они проделали не так уж много

практической работы в археологии по сравнению с их теоретической деятельностью.

Теоретиков всегда было мало, считанные единицы. Что для экспедиций и для музейной обработки материала нужно гораздо больше людей, чем для истолкования, это понятно. Но сказывалось и другое.

В о - п е р в ы х, чтобы заниматься теорией всерьез, требуются *другие знания и другой склад ума*, чем для конкретных исследований. Теоретику нужна обостренная способность устанавливать дальние ассоциации, нужны тяга к систематизированию, живое воображение, определенная смелость мышления и классное владение речью — он должен облекать четкую мысль в единственно подходящие слова. Желательна подкованность в логике, математике, лингвистике и философии. Недурно и владение основными иностранными языками. Поскольку эта необходимость не была осознана, такое сочетание встречалось среди археологов чрезвычайно редко.

В о - в т о р ы х, теория долго *не пользовалась уважением*, приравнивалась к пустому умствования, к спекуляции, а всякое спекулятивное (т. е. отвлеченное от непосредственного обсуждения фактов) мышление считалось ненаучным.

Позже оглядка на другие науки убедила археологов в необходимости и респектабельности теорий, но не познакомила со сложностями этого дела, не привила уважительной осторожности. Так что «коллега, предложивший новую догадку, скажем, о хронологическом различии между шарнирами двух фибул или о чем-либо еще, столь же кардинальном по значению, довольно помпезно (*bombastically*) провозглашает "...согласно моей теории..."» (Gjessing 1962: 504).

Еще позже увязка археологических теорий с философией, методологией и стратегией исследований повысила статус теоретической работы. Но, как ни странно, она не подточила представления, будто практическая опытность и фактологическая эрудиция — именно то, что нужно, и все, что нужно для успешной теоретической работы. Это привело к тому, что для маститых эмпириков стало считаться делом престижа и привилегии «выдать» что-нибудь общетеоретическое. Аналогичная ситуация в этнографии дала повод венгерскому ученому (Hofer 1968: 315) иронизировать над тем, что, в отличие от Америки, в Европе «теоретизирование... обычно оставляют лордам науки (*to the peers of the science*)».

Наконец, во второй половине XX в. с усилением дифференциации научного знания в археологию стало проникать осознание того,

что теоретический уровень исследований имеет свою специфику, требует особой, иной подготовки, нуждается в отдельной разработке, в собственных специально подготовленных кадрах (стало быть, в притоке молодежи) и выделяется в особую отрасль археологии (Захарук 1971б: 12).

Точнее, отношение среди археологов к теории и теоретикам двоякое.

С одной стороны, масса археологов-практиков – полевиков, музейщиков – почитает теоретические рассуждения пустым делом и относится к ним с насмешкой. Как отметил Клайд Клакхон, для большинства антропологов (а к ним он причислял и археологов) ‘теоретизирование’ «все еще остается тем, что вы делаете, если вы слишком ленивы, или слишком нетерпеливы или слишком кабинетный ученый, чтобы выйти и взяться за факты» (1940: 46).

С другой стороны, многие практики питают к теоретикам тайную зависть, поскольку у тех всегда шире кругозор (они ведь должны знать и смежные науки) и поскольку теория явно или неявно всплывает при интерпретации, а в ней ведь соль археологии.

А так как теория ближе к философии и мировоззренческому мышлению, т. е. к идеологии, занятия теорией рассматриваются как *привилегия*, которую надо заслужить – либо большими достижениями и опытом в практической археологии, либо высоким административным постом. По этой причине, особенно в социалистических государствах, где теории придавалось значение руководящей силы, в роли теоретиков нередко выступали почтенные и маститые практики или руководители научных учреждений. Исходили из того, что *опытность – лучшая гарантия хорошей теории*. Увы, данных для занятий теорией у них обычно оказывалось не больше, чем для занятий хореографией. Чаще всего их потуги на теоретические пируэты лишь усиливали неуважение остальных археологов к теории.

Среди теоретиков встречается противоположная крайность. Так, К. Тилли, известный своими теоретическими книгами и радикальными идеями, в дискуссии со мной (Tilley 1991: 60) с возмущением вспоминал, как некий старший коллега, известный теоретик, посоветовал ему сначала сделать и опубликовать конкретное исследование какого-нибудь заметного блока материала – памятника или периода – прежде чем выступать с теориями. Ему, теоретику! Тилли писал об этом с нескрываемой иронией.

Ну, совет был не так уж и глуп. И полевой опыт, и музейная практика, конечно, нужны и теоретику (надо же представлять себе, что стоит за твоими идеальными объектами!), хотя и не больше, чем физику-теоретику (скажем, Эйнштейну) надо быть искушенным в экспериментировании. Желательно не завязнуть в обретении опыта. Солидная опытность в практике обычно достигается к пожилому возрасту, когда браться за теорию уже поздно.

2. Готовить теоретиков смолоду. Я не хочу этим сказать, что теория — дело только гениев и вундеркиндов, а бездари пусть, де, занимаются практикой. Талант во всяком деле не лишний, но всякому делу нужен свой талант. А так как нужны еще и особые знания и особая тренированность ума, которая дается школой и долгими стараниями, то *теоретиков и готовить нужно смолоду* — именно как теоретиков. Это тем более верно, что теоретическая мысль в любой науке сродни математике и логике, а в этих-то науках выдающиеся успехи достигаются особой сосредоточенностью, особым напряжением мысли, которые всегда *лучше давались молодым*. Вот и в археологии многие теоретики создали свои основные концепции, или по крайней мере пришли к их основным идеям, будучи очень молодыми.

В эпоху Просвещения «Трактат о человеческой природе» Дэвида Юма вышел, когда автору было 28 лет, а Кондорсе в возрасте 26 лет стал членом Академии наук.

Опровергнувший короткую библейскую хронологию Буше де Перт признавал, что был прежде всего теоретиком: «Я работал с вероятностями и теориями. Одним словом, моя наука была не что иное как предвидение...» Об идее допотопного человека он писал: «Я был совсем юным, когда эта мысль впервые озарила меня». Судя по его биографии, это произошло, когда ему было между 17 и 22 (Boucher de Perthes 1863; Ledieu 1885).

Его ровесник Томсен, создатель системы трех веков в археологии, расположил свою выставку по этим «трем векам», будучи в возрасте около 30 лет. Его ученика Йенса-Якоба Ворсо, доказавшего стратиграфией систему трех веков и предложившего понятие замкнутого комплекса, мы все привыкли представлять себе чиновным старцем с бакенбардами — по портретам. Но когда вышла его знаменитая книга о датских курганных древностях, ее автору было 22 года! Софус Мюллер разработал свой комбинаторный метод установления хронологии до 28 лет — в этом возрасте он уже опубликовал свою работу «Хронология комплексов раннежелезного века Дании».

Аббат Брейль, в котором мы привыкли видеть патриарха палеолитоведения, выступил с доказательствами палеолитической живописи в 25 лет, а свой знаменитый доклад о перестройке периодизации про-изнес в 35 лет. Чайлду в год выхода его книжки «Заря европейской цивилизации», сделавшей эпоху в археологии, было 33 года. Борд написал свои «Начала метода...» в 31 год. Арциховский предложил «метод восхождения» в 24 года.

Признаюсь, эти и подобные сведения я собирал в молодости, когда нужно было обосновать свое право и вообще *право молодых заниматься теорией*. По складу своего характера, по особенностям судьбы (всегда приходилось пробиваться) и по кругу общения я привык ощущать себя молодым, солидаризироваться с молодежью. Нам, молодым, все время повторял я в уме, предстоит... Десятилетия пролетели мигом, и вот мне уже больше 75, и к молодому поколению я уже как-то не причастен, а мое мироощущение осталось прежним. «Нам, молодым», все еще твержу я в уме... Да, «нам, молодым» еще по-прежнему все предстоит, но в этом «мы», как ни странно, нет меня.

Что ж, теперь мне придется по-иному обосновывать свои претензии на внимание, на доступ к творческой лаборатории и в какой-то мере на лидерство — несмотря на преклонный возраст. Ведь я все еще занимаюсь теорией и живу не только старыми наработками, но *выдвигаю и новые идеи*. Основная идея моей книги «Принципы археологии», вышедшей в 2001 г., пришла мне в голову при подготовке к Кларковской лекции для Кембриджа в начале 90-х, когда мне было далеко за 60.

Я не один такой. Винкельману было 47, когда он издал свою «Историю искусств древности». Мортилье построил свою систему периодизации в 48 лет. Фокс опубликовал «Индивидуальность Британии» в 50. Ефименко было 47 лет, когда вышли его статьи о женских статuetках, и 50, когда вышла монография «Дородовое общество». Городцов выпустил свою брошюру «Типологический метод» в 63 года. Есть резон констатировать, что *иногда творческие потенции сохраняются и в преклонном возрасте*. Но это обычно связано с состоянием здоровья и со своеобразной *тренированностью ума*. Тренированностью все-таки смолоду. Так что если уж заниматься теорией, то начинать это нужно как можно раньше.

3. Как готовить и как готовиться? Теоретику нужны сведения по *общей методологии и логике науки, а также по истории*

теоретического мышления. Он должен быть осведомлен в *теориях других наук*, особенно смежных и родственных.

Обычно университетское образование археологов в этой области весьма страдает — не только из-за небрежения теоретической подготовкой, но и из-за *естественного отставания.* Будучи в зрелом возрасте, ведущие археологи применяют в своих работах те методологические идеи, которые они восприняли на студенческой скамье у своих профессоров, а те старались давать уже проверенное, устоявшееся и утвердившееся знание. К тому же нередко это — знание, развивавшееся в других науках и заимствованное у коллег с других факультетов; требовалось время на усвоение. Это не что-то свежее, с пылу с жару.

Так и получается, что неопозитивизм, процветавший в философии науки в первую половину XX в., был воспринят как откровение американскими и английскими археологами и стимулировал возникновение «новой археологии» в 60-х и 70-х гг., когда в философии он уже отцвел, был во многом дискредитирован и уступил место другим направлениям. В течение всего XX в. развивались в философии и искусстве идеи постмодерна, но лишь в 80-х гг., когда там назрело разочарование в них и господствовало уже, скорее, критическое отношение, они пробились в археологическую среду и сформировали в ней «постпроцессуальную» археологию.

Ввиду такого почти неизбежного отставания и отсутствия каких-либо «курсов повышения квалификации» для теоретиков археологии, им *приходится полагаться на самообразование.* Очень часто это выражается в том, что тянувшийся к теории археолог хватается за книги модных философов, науковедов и историков, чье имя у всех на слуху в данный момент, и, прочтя очередную книгу, воспринимает ее как последнее слово науки. Немедленно он организует свои собственные занятия теорией по обретенному рецепту, строит по нему теоретическую конструкцию и удивляется, почему коллеги не встречают его открытие с воодушевлением и не бросаются ему подражать и следовать. А они читали другую модную книгу.

Модные книги оценить легче, когда знаешь классиков науки. Работы классиков полезно читать не только потому, что они талантливо сделаны и содержат оригинальные идеи, но и потому, что эти идеи уже получили в науке взвешенную критическую оценку, что накопились возражения и ограничения. Разумеется, *надо отыскать и эту критику* — в рецензиях, критических обзорах или историографии.

Правда, можно возразить, что нынешние модные радикалы через какое-то время тоже станут классиками. Возможно, но далеко не все. Наверное, к модной книге тем больше стоит отнестись серьезно, чем меньше в ней эпатажа и чем больше труда, систематического и детального анализа, конструктивных рекомендаций.

Классиков не всех есть смысл читать каждому исследователю. Некоторые идеи классиков уже давно вошли в плоть и кровь науки и полностью растворились в ней — читать такие вещи теперь интересно только историкам науки.

Если взять *философию и логику науки*, то классическими и еще читаемыми являются, скажем, произведения Э. Кассирера (1912), Л. Витгенштейна (1994), К. Поппера (1983), Ф. Франка (1960), Л. Фейерабенда (1986). Из *теоретиков истории науки* такой статус приобрели книги Т. Куна (1975) и И. Лакатоса (1970), а для более глубокого понимания полезны работы, собранные в сборниках «Структура и развитие науки» (1978) и «В поисках теории развития науки» (1985). Из работ *научеведов* на первом месте книга Д. Прайса (1966). По *историософии* (философии истории и теории истории) выделяются книги Э. Бернгейма (1908), Г. Риккерта (1904, 1908) и особенно Р. Коллингвуда (1980), Э. Карра (Сарт 1964), А. Тойнби (1991). Марксистскую точку зрения наиболее талантливо отстаивал Н. Ирибаджак (1972). Из *социологов* кроме К. Маркса и Ф. Энгельса всё больше и больше читают М. Вебера и Э. Дюркгейма, П. Сорокина и Т. Парсонса. Из *культурологов* и *антропологов* бесполезно читать Э. Крёбера и Ф. Гребнера, Л. Уайта и Дж. Стюарда, Э. Сервиса.

Но и чтение классиков отнюдь не гарантирует здравого подхода и полноценной подготовленности к занятиям теорией. Классики обычно несколько односторонни, и знание их произведений — знание выборочное. За систематическим знанием надо обратиться к учебникам и руководствам, а также к историографическим обзорам. У соответствующих специалистов можно узнать, какие современные учебники считаются лучшими. Это вовсе не обязательно самые последние по дате выпуска.

В *философии и методологии науки* на хорошем счету учебники В. Крафта (Kraft 1960), В. Лейнфельнера (Leinfellner 1965), на русском языке старый учебник В. А. Штоффа (1978), а также книги Б. В. Маркова (1983, 1984). Английский географ Харви (Харвей 1974) ради своей специальности проработал методологические аспекты теории, но его книга может служить великолепным обзором теорети-

ческих проблем и для других наук. На русском языке есть также ряд систематических изложений частных проблем методологии науки — определения (Горский 1974), гипотезы, теории (Баженов 1979) и др. Здравые рассуждения по методологии науки и психологии исследователя собраны в небольшой книжке Регирера (1966). По *теории истории* известны учебники Дройзена (Droysen 1958), Готшока (Gotshalk 1951), Хокита (Hockett 1955), Дрея (Dray 1964), Шнейдера (Schneider 1968), Эткинсона (Atkinson 1978) и др. На русском языке популярны сочинения Ракитова (1982 и др.).

С другой стороны, было бы опрометчиво ограничиваться учебниками. Ведь очень многие думают, что полностью разобрались в теоретических вопросах, прочтя горстку стандартных учебников по философии и методологии. Среди ведущих археологов нашей страны я хорошо знаю таких мыслителей и по их работам легко могу установить тот небольшой список учебников (далеко не лучших), который лежит в основе их теоретического знания. Единственным их оправданием может быть то, что их коллеги не читали и этого. Эрудиция — не единственное качество, необходимое теоретику, но без нее в теоретической археологии делать нечего. Я имею в виду *эрудицию по крайней мере в нескольких смежных науках*. Теоретик — по необходимости универсал и полиглот.

Но, разумеется, больше всего он нуждается в систематическом представлении о *теориях и методах, применяемых в самой археологии*. Такой сводки пока нет. Моя «Панорама теоретической археологии» (Клејн 1977) является лишь историографическим и библиографическим обзором теоретической литературы мира за несколько десятилетий, а книга Ж.-К. Гардена «Теоретическая археология» (1983) не соответствует своему названию: она излагает лишь процедуру археологического исследования, как этот процесс видится автору, т. е. излагает (в его представлении) логику операций по сбору и интерпретации археологического материала.

Между тем, если еще недавно теоретические статьи появлялись sporadически в журналах, а книги по теории были редкостью, то с середины 70-х сформировалась теоретическая археология как особая отрасль науки — ежегодно стали публиковаться теоретические сборники, возникли специально-теоретические журналы по археологии, статьи потекли сплошным потоком.

Б. Теоретическая археология как автономная отрасль

4. Понятие теоретической археологии. То, что здесь представлено как *теоретическая археология*, в некоторых кругах называлось (и еще иногда называется) иначе: в советской литературе — «*методология археологической науки*» (Захарук 1969), в американской — «*теория и метод археологии*» (Hawkes 1954; Willey and Phillips 1958) или «*эпистемология археологии*», в английской — «*общая*» или «*центральная теория археологии*» (Clarke 1968: 663; 1973: 15–16). Есть и предложение назвать ее «*археософией*» (Szekely 1977).

Однако за этой отраслью все больше закрепляется название «*теоретической археологии*». Введение термина приписывается мне (Gardin 1980: 126; Barich 1977–1982: 11, note 10), но это не совсем точно — он возникал спонтанно в разных местах и у разных авторов (Klejn 1977; Fowler 1977, chapter 5; Gardin 1979, 1980; Barich 1977–1982; Hodder 1982; Holtorf and Quensel 1992; Guliaev 1993; и др.). Я нашел этот термин даже в столь ранней публикации, как Cuadernos 1971.

Существенно и то, что теоретическая археология вписывается в целую систему *аналогичных отраслей других дисциплин*. Монографии, систематизирующие теоретическое знание в этих дисциплинах, так и называются «Теоретическая... (следует название дисциплины)». Известны такие книги по биологии (Bertalanffy 1932; Бауэр 1935), антропологии (Bidney 1953), геоморфологии (Scheidigger 1961), географии (Bunge 1962), социологии (Merton 1967), лингвистике (Звегинцев 1967) и др. Очевидно, общее представление о теоретической отрасли в этих науках устоялось, понятие о такой отрасли сформировано и остается лишь приложить его к археологии.

Казалось бы в таком случае, что дефиницию теоретической археологии дать просто. Ясно, что теоретическая археология должна охватывать теоретические исследования по археологии. На деле вопрос имеет свои сложности. Они проистекают из нескольких обстоятельств.

В о - п е р в ы х, спорно, *что вообще считать теорией*, а в археологии — особенно. Соответственно, какие исследования относить к теоретическим — только имеющие дело с понятиями и законами или и другие. Например, есть представления, что теория это просто обобщение фактов, есть — что совокупность методов. Если принять первое, то очень трудно отграничить теоретическую археологию от

бесчисленных сводок материала. Если принять второе, то нужно включить в теоретическую археологию все работы о методах археологии. Да еще и с методами других наук, применяемыми в археологии, как быть?

Во-вторых, встает вопрос о *разграничении идей*. Многие называют всякую интерпретацию источников делом теоретическим, и в этом есть какой-то резон — для интерпретации все время приходится привлекать теории. Не отойдет ли и вся интерпретация к теоретической археологии? Да и только ли интерпретация? Приведенные высказывания Томаса и Шэнкса были в этом ключе.

В-третьих, не вызывает сомнений, что анализ мыслительного процесса археолога, развития его идей, тесно связан с теоретическим осмыслением. За последние полвека становилось все яснее, что и *развитие идей всей дисциплины* в ее историческом развороте тоже имеет прямое отношение к теоретическому осмыслению археологии. То есть история археологической мысли стала частью теоретической археологии. Но как выделить историю археологической мысли из истории археологии вообще, как отделить ее от истории открытий, раскопок, биографий ученых?

В-четвертых, кое-где ставится под вопрос, а *возможна ли вообще теория в археологии* или же археология — это описательная, фактографическая наука. Еще более распространены взгляды, что если и действуют в археологии теории, то это теории не археологические, а антропологические или исторические. А в таком случае теоретическая археология неправомерна.

По всем этим причинам с самого начала выделения новой отрасли и осознания этого факта идут споры о правомерности, предмете и границах теоретической археологии.

Одна из первых дефиниций теоретической археологии была дана в моей «Панораме теоретической археологии» (Klejn 1977: 1–2). Бросив взгляд на теоретические монографии в других науках, я отметил нередкие крайности: одни авторы определяют теоретическую отрасль широко, включая как философские проблемы, так и частные теории, другие предпочитают узкое определение, охватывающее только общую теорию данной науки. Сам я *предпочел средний путь*. Я исходил из того, что существующие представления о теории очень разнообразны и зыбки, а оставлять их вне отрасли неудобно (мои задачи были как-никак обзорные). Я исходил также из того, что людям приходится специализироваться в *целом комплексе взаимосвязанных проблем*,

обозначаемых обычно как *философские, методологические, логические, теоретические и частично историографические*. Но из этих проблем я счел тесно взаимосвязанными и заслуживающими названия «теоретической археологии» *только те, что касаются именно археологии*, при чем только проблемы *общearchеологического характера*.

К более широкому определению склонялся Фаулер. Хотя он и признавал практичность более узкого определения, но, ссылаясь на вовлеченность теории, хотя бы неосознанную, в любую интерпретацию, он приходил к выводу, что «в известном смысле вся археология является теоретической» (Fowler 1977: 131). Более радикальные выводы сделал из той же идеи Майкл Шэнкс. В дискуссии с Йейном Маккензи он провозгласил: «...нет такой вещи как теоретическая археология. Теория должна быть частью того, что делает каждый – критическим самосознанием» (A dialogue 1994: 19).

Наоборот, Гарден счел мое определение слишком широким, введенным мною в советской археологии и равнозначным «общей археологии». Что оно введено не только мною и как раз не в советской археологии, ясно из приведенных выше ссылок, а что «общая археология» – шире «теоретической», сообразить нетрудно: ведь справочники, введения, сводки, систематика методов, словари по археологии – это все «общая археология», но не теоретическая.

Сам Гарден определяет теоретическую археологию как «логическую структуру научных построений в археологии» (Gardin 1980: 126; Гарден 1983: 196) или как «науку о рожденных пером археологов рассуждениях, выраженных в символической, знаковой форме» или, проще, «науку о символических построениях» археологов (Гарден 1983: 245). Шер (1972) рассматривает теоретическую археологию как «теорию обработки археологических данных» (1973: 55), как «раздел науки, изучающий общие правила описания, анализа и интерпретации археологических источников» (1976: 68). Это близко к Гардену.

Теория – понятие из логики науки, но сводить всю теоретическую археологию к логике, к правилам и знаковым построениям кажется мне неправомерным сужением. Отсекать философские, методологические, эпистемологические, историографические аспекты вряд ли плодотворно. Это поведет к упрощению, усущению и схематизации проблем (что как раз и видно по книге Гардена).

Что же касается правомерности теоретической археологии, то если даже принять археологию за сугубо описательную дисциплину, она

будет нуждаться хотя бы в теориях научного описания археологического материала. А лучше всего вопрос о правомерности теоретической археологии решается практикой науки — несмотря на часто диагностируемый кризис (Gaffney and Gaffney 1987) и прогнозы ее конца (Колраков 1993) теоретическая археология существует. Она переживает приливы и отливы, расширяется в одних местах, сжимается в других, вводит в моду одни проблемы, не обращая внимания на другие, но в целом растет.

5. Становление отрасли. В моем представлении у теоретической археологии есть развитие, но нет различий по времени. Все теории, однажды появившиеся, существуют рядом друг с другом, и их право на существование не зависит от времени появления. Как в философии. Платон не меньше философ, чем Деррида. Точно так же Монтелиус не меньше теоретик, чем Ян Ходдер. Они могут спорить, и кто выиграет, не predetermined. Так что когда я выявляю хронологическое развитие, я рисую не только историю, но и панораму.

Теоретическая археология *развивалась поначалу невычлененно*, диффузно и спорадически — как сфера частных и непостоянных интересов отдельных археологов из различных отраслей. С середины 1970-х она *сформировалась в особую отрасль* археологии в Европе и обзавелась даже собственными вспомогательными дисциплинами (таковы *этноархеология*, *неотложная* или *срочная археология* и *экспериментальная археология*). Задним числом объединились и все теоретические изыскания, которые предпринимались в археологии — они теперь предстали как бы *предысторией теоретической археологии*.

Начальными вехами этой предыстории являются труды скандинавских археологов Оскара Монтелиуса (Montelius 1884, 1899, 1903) и Софуса Мюллера (Müller 1884, 1898), противостоявших друг другу в последней трети XIX в. Их методология была пронизана позитивистскими установками, а прошлое они представляли в духе диффузии (Монтелиус еще и с примесью эволюционных идей). Больше всего их занимали проблемы хронологии и географического распространения вещей, а для этого они разрабатывали типологию и сериацию. В начале XX в. англичанин Флиндерс Питри суммировал свои приемы исследования, главным образом полевого, в книге «Методы и цели в археологии» (Petrie 1904). Типология и сериация занимали видное место и в его методике.

Позже в изданной во Франции книге «Археология, ее предмет и цели» В. Деонна (Déonna 1922) предпринял опыт сведения воедино

общих идей, которыми все археологи руководствуются в своей работе. Он высказал мысль, что археология вправе создавать свою теорию. Следующий шаг в этой области принадлежит снова англичанину. Грэйм Кларк в книге «Археология и общество» (Clark 1939) постарался определить место археологии среди наук об обществе, определить специфику археологических источников. К тому же времени относится труд американца Ирвинга Рауза «Преистория на Гаити: исследование метода» (Rouse 1939). Отражая интерес американцев этого времени к детальным классификациям, Рауз разработал более чувствительную методiku и категоризацию для уловления типологических тонкостей. С появлением этой книги теоретическая эстафета переходит к американцам.

Выдающейся вехой в формировании теоретической археологии был труд американца Уолтера Тэйлора. Его книга, вышедшая в середине XX в., «Исследование археологии» (Taylor 1948) была первым сугубо и собственно теоретическим разбором оснований археологии как науки. Тэйлор ввел в археологию неокантианский подход, который уже до того Коллингвуд пропагандировал в истории. Регулярность и универсальность социокультурных процессов отвергались, культура представлялась полем неповторимых и непредсказуемых человеческих действий. По этой причине Тэйлор считал более корректным говорить не о реконструкции, а о конструировании прошлого. Однако в этом конструировании было и приближение к реальному прошлому: перенесся интерес со сравнительного анализа массы однотипных вещей, взятых с обширной территории, на непосредственные связи одной вещи в комплексе, в конкретном контексте, Тэйлор акцентировал внимание на ее функциях в исчезнувшей культуре.

Вскоре с более популярным изложением той же темы выступил крупнейший английский археолог Гордон Чайлд. В книге «Составление прошлого из обломков» (Childe 1956) он решал те же задачи с несколько иных позиций, поскольку придерживался марксизма. Он верил в закономерности исторического развития и в реальность выявляемых общностей, хотя и видел трудности на пути этого выявления, учитывая фрагментарность и односторонность археологических источников.

Другие его соотечественники развивали скорее идеи Тэйлора и Коллингвуда. Это прежде всего блистательный Глин Даниел с книгами «Сто лет археологии» (Daniel 1950, второе издание называется «Сто пятьдесят лет археологии», хотя вышло только 25 лет спустя) и «Идея

преистории» (Daniel 1962). Это также Кристофер Хокс со статьями «Археология как наука» и «Археологическая теория и метод» (Hawkes 1954, 1957) и Стюарт Пигготт с книгой «Подход к археологии» (Piggott 1965). Все трое придерживались гиперскептических идей относительно возможностей реконструкции прошлого. Чуть позже с оригинальными теоретическими разборами, развивающими положения Тэйлора, выступили американцы Чжан Гуанчжи (это американец китайского происхождения, его книга: «Переосмысливая археологию» — Chang 1967) и Джеймс Диц («Приглашение к археологии» — Deetz 1967).

Самостоятельную линию в подходе к истолкованию археологических источников наметили немецкие исследователи. Их наиболее заметным выразителем был Ганс-Юрген Эггерс в своем «Введении в археологию» (Eggers 1959). Для этих исследователей, увлекшихся проблемами этногенеза и поставивших перед собой задачу изжить националистические крайности Коссинны, исходным пунктом были трудности согласования археологических источников с письменными. Подметив различия в специфике разных видов источников и выявив, что прошлое отражается в них очень по-разному, немцы поставили вопрос о необходимости ввести внутреннюю критику источников и разработать правила синтеза источников.

«Новая археология», вдохновленная методологическими идеями неопозитивизма, открыто (и в археологии впервые) объявила теоретические исследования ведущими в науке. Ее произведения — труд Дэвида Кларка «Аналитическая археология» (Clarke 1968) и сборник статей Люиса Бинфорда «Археологическая перспектива» (Binford 1972), а также сборники под ред. Бинфорда «Новые перспективы в археологии» (Binford 1968), Кларка «Модели в археологии» (Clarke 1972) и Колина Ренфру «Модели в преистории» (Renfrew 1973) — сразу заполнили полку книг по теоретической археологии в университетских библиотеках, тем более, что к ним присоединились книги учеников и сторонников Бинфорда и сборники под их редакцией: книга Патти Джо Уотсон, Стивена Лебланка и Чарлза Редмена «Объяснение в археологии» (Watson et al. 1971), сборник Чарлза Редмена «Исследования и теория в современной археологии» (Redman 1973) и др., а также хрестоматии по теоретической археологии Дица (Deetz 1971), Леоне (Leone 1972) и др.

Книги Жана-Клода Гардена (Gardin 1979), Брюса Триггера (Trigger 1978) и мои (Клейн 1978, 1991; Klejn 1982) появились уже после середины 70-х, т. е. тогда, когда отрасль уже сформировалась и

статьи и книги по теоретической археологии пошли сплошным потоком. В этом потоке все же, пожалуй, стоит выделить наиболее примечательные труды поворотного значения. На мой взгляд, это появившиеся с десятилетним интервалом книги Майкла Шиффера «Поведенческая археология» (Schiffer 1976) и Яна Ходдера «Чтение прошлого» (Hodder 1986). Нужно также выделить суммирующие труды учебного характера: это Г. Гиббон «Антропологическая археология» и «Объяснение в археологии» (Gibbon 1984, 1989), Джейн Келли и Маша Хейнен «Археология и методология науки» (Kelley and Hanen 1988) и К. Ренфру и П. Бан «Археология: теории, методы и практика» (Renfrew and Bahn 1991) и последняя по времени (она менее оригинальна) книжка Рейнгардта Бернбека «Теории в археологии» (Bernbeck 1997).

Все названные в этом разделе книги приходится штудировать каждому, кто хочет заниматься теоретической археологией.

До 70-х гг. теоретические статьи по археологии печатались систематически, но редко, в «*Current Anthropology*», «*Antiquity*» и «*American Journal of Archeology*». А с этого времени стали возникать журналы, специализированные на археологической теории. С начала 70-х «новые археологи», ученики Бинфорда, захватили бразды правления в «*American Antiquity*» и придали журналу теоретическую направленность. Рано сформировалась теоретическая периодика в Скандинавии. С 1968 г. возник англоязычный журнал в Норвегии, проблемный и теоретический — «*Norwegian Review of Archaeology*». Позже созданы аналогичные журналы в Финляндии («*Fennoscandia Archaeologica*» — с 1984) и Швеции («*Current Swedish Archaeology*» — с 1993). В 1990 г. появился специальный теоретический журнал в Англии — «*Journal of Theoretical Archaeology*», пока выходящий редко (один номер в год) и с небольшим распространением. Еще через несколько лет появился «*Journal of Archaeological Theory and Method*».

О том, что отрасль сформировалась именно к середине 70-х, свидетельствует прежде всего резкая интенсификация потока теоретической литературы по археологии. Если в предшествующее время книги такого характера выходили раз в несколько лет, от силы (изредка) по несколько в год и даже заметные статьи по теории появлялись не каждый год, то теперь публикации пошли сплошным потоком: в 1974–1976 гг. по 8–10 книг в год, а с 1977 — по несколько десятков книг в год, не говоря уж о статьях (Klejn 1990).

С 1978 г. Майкл Шиффер стал выпускать ежегодные сборники проблемных обзоров «Успехи в археологической теории и методе»

(«*Advances in Archaeological Theory and Method*») в нью-йоркском издательстве «Академик Пресс», а с 1989 г. эту очень полезную серию продолжило под названием «Археологический метод и теория» («*Archaeological Method and Theory*») издательство Аризонского университета. Археологу-теоретику все эти сборники необходимо иметь у себя на полке.

Начали возникать и организационные формы для дискуссий и исследований по теоретической археологии. С 1978 г. в Англии стали созываться ежегодные конференции «группы теоретической археологии» (TAG – Theoretical Archaeology Group), вскоре ставшие международными (Fleming and Johnson 1990). В 1985 г. был сформирован Отдел теории и методов в Институте археологии Академии наук СССР.

6. Вводные и справочные труды. Некоторые соображения по теоретической археологии можно найти во «Введениях в археологию», особенно западноевропейских. Самым интересным из них мне представляется немецкий учебник Эггера, вышедший в 1959 г. и упомянутый выше. Он построен в историографическом ключе, излагает тему чрезвычайно увлекательно и наглядно, но несколько односторонне: он выдвигает на первый план один аспект – этническое истолкование археологических материалов и главным образом в немецкой науке. Шведский учебник Карла-Акселя Муберга, переведенный и на французский (Moberg 1969, 1976), также хорош: изыскан, легок, оригинален. Он поднимает и другие проблемы, но конспективно. Фундаментальным по охвату является учебник Ренфру и Бана, также уже упомянутый, однако он уделяет собственно теоретическим вопросам меньше внимания.

С нашими отечественными (российскими) дело обстоит хуже. «Введения в археологию», порою именуемые «Основами археологии», выходили у нас как учебники с начала XX в. – со времени начала преподавания археологии в университетах. В советское время они должны были быть стандартными, соответствующими официально утвержденным министерским программам.

Теоретических сюжетов они содержат меньше, чем можно было ожидать от вводных курсов ко всей дисциплине. Дело в том, что по традиции эти учебники строились как диахронические (т. е. описывающие все в последовательности) обзоры памятников и культур мира, по крайней мере, Европы. В изданиях со времени Отечественной войны это преимущественно обзоры памятников и культур нашей страны. В таком фактоописательном и хронологически упорядочивающем под-

ходе проявилась господствовавшая в отечественной археологии концепция, которая уподобляла ее истории и стремилась получить археологическое соответствие нарративу. Надобность в собственно археологической методологии и теории сводилась на нет.

За исключением первого издания (литографического) долгое время все учебники создавались и издавались в Москве.

В Ленинграде–Петербурге временами проявлялась другая традиция. В 1920-е гг. вышел солидный учебник, построенный как систематическое описание науки (Жебелев 1923), однако написанный историком-античником. Он вышел в двух томах. Первый был посвящен истории археологических знаний, второй носил название «Теория археологической науки». Но это была сводка методологических представлений, долго господствовавших в античной (классической) археологии. В применении ко всей археологии учебник был архаичным уже ко времени выхода. Позже только в одном случае нашел краткое отражение в печати курс, построенный как современное и систематическое описание самой науки, ее предмета, методов, теоретических вопросов, систематики, но это отражение не пошло дальше печатной программы курса, читавшегося в 70-е гг. в Ленинградском университете (Клейн 1982).

Характер общего введения в науку был более присущ популярным книгам Амальрика и Монгайта, в обоих вариантах – для взрослых («В поисках исчезнувших цивилизаций» 1959) и для детей («Что такое археология» 1957).

7. История археологических знаний. Наиболее интересные курсы истории науки, не исключая и археологию, всегда излагались как история теоретической мысли в ней. Именно то течение в археологии, которое поставило под вопрос познаваемость прошлого, возможность делать надежные реконструкции, обратилось специально к истории археологии, ибо здесь-то и выступали на первый план трудности познания. В постоянной смене археологических теорий исследователи увидели сигнал о недостоверности нашего знания. С другой стороны, некоторые теории включают в себя предшествующие – как частные случаи. Если так, то предшествующее знание не отвергается, а лишь ограничивается, в целом же знание прирастает и совершенствуется. Спор стал существенным для понимания задач и возможностей археологии.

С этого времени – с середины XX в. – история археологической науки стала сначала как бы предшественницей, а затем частью теоре-

тической археологии. Историю археологических знаний, бывшую делом историографов, начинают писать ведущие археологи.

Эрнст Вале, патриарх археологов Западной Германии, суть своих взглядов на возможности археологии и ее соотношения с историей выразил именно в своей истории археологической науки (Wahle 1950–1951). Глин Даниел, один из лидеров гиперскептического направления в Англии и крупнейший специалист по мегалитам, в последние десятилетия своей жизни сделал историю археологии своим главным делом. Его книги по этой дисциплине (Daniel 1950, 1961, 1967, 1975) надолго стали стандартом изложения мировой истории археологических знаний – в отборе материала, в характеристике ученых и распределении их по школам. Смена школ, отражающая смену теорий, – вот основная суть истории археологии, по Даниелу. Крупнейший канадский археолог Брюс Триггер и назвал свою историю мировой археологии «История археологической мысли» (Trigger 1989).

Похоже строятся и локальные истории археологической науки. В нашей стране А. А. Формозов, не считающий себя теоретиком (и зря – у него есть весьма оригинальные теоретические позиции), последние десятилетия целиком посвятил свою деятельность истории отечественной археологии. Его «Очерки по истории русской археологии» (1961) прослеживают, как изменялось место российской археологии в системе наук и как в связи с переменами в обществе изменялись ее задачи и методы. Связь развития теоретической мысли с общим климатом эпох прослеживает в своей «Истории отечественной археологии» Г. С. Лебедев (1992, *ср.* Клейн 1995). «История американской археологии» ведущих археологов-исследователей Гордона Уилли и Джереми Саблофа (Willey and Sabloff 1973) построена как смена периодов, различаемых основными теоретическими задачами.

8. Обзоры теоретической археологии. Если выделить обзоры специально теоретические, и притом современных теоретических исследований, то таких окажется всего несколько.

Один обзор содержится в двух моих больших статьях. Первая называется «*Панорама теоретической археологии*», была напечатана на английском в «*Current Anthropology*» и переведена на французский и словенский (Klejn 1977, 1980, 1980–1981). Она содержала довольно полный обзор теоретической литературы, вышедшей в мире за полтора – два десятилетия, предшествующих 1973 г. Сама по себе она была одним из сигналов о возникновении теоретической археологии. Продолжением первой статьи является вторая (Klejn 1990). Она выш-

ла в Финляндии на английском языке под названием «*Становление теоретической археологии: обзор книг, опубликованных на Западе в 1974–1979 гг.*». Время возникновения теоретической археологии как особой отрасли являлось как раз предметом этой статьи. Соответственно новой ситуации полный обзор стал затруднительным, и ею были охвачены уже только книги и только вышедшие за рубежом, на Западе. Обе статьи сопровождалась обсуждением в последующих номерах журналов. Обоих этих обзоров нет на русском языке. Из того же ленинградско-петербургского круга исходит еще один обзор, поменьше объемом и только отечественной литературы (Vishniatsky and Kolpakov 1990); этот есть и на русском языке (Колпаков и Вишняцкий 1993).

В 1975 г. в Чехословакии вышло на чешском языке введение в археологию со значительным упором на теоретические проблемы – «Археология: как и почему?» Единственным автором значится Я. Малина, известный своими трудами по петрографии и точным методам в археологии, однако на деле он работал не один. Второго автора и составителя, вероятно, главного, указать на титуле было невозможно, так как он был диссидентом. Однако Малина обошел эту административно-политическую трудность и сумел назвать своего соавтора: в именном указателе, содержащем указания на страницы, где упоминается тот или иной исследователь, значится З. Вашичек, упоминаний которого в томе нет, но страницы к этому имени указаны так: 13–239, т. е. практически весь том.

В 1980 г. вышел на чешском же языке и под тем же авторством двухтомный обзорный труд «Археология вчера и сегодня» с подзаголовком «Действительно ли у археологов больше серого вещества за ногтями, чем за ушами?» В подзаголовке неточность. В оригинальной шутке Дица сказано: «между ушами». С шуткой этой авторы двухтомника познакомились, кажется, через мое посредство, так как первый том в значительной мере перелагает мои работы, особенно мою «Панораму теоретической археологии» 1977 г., а второй том состоит из переводов в основном (за одним исключением) советских теоретических работ. Однако авторы не ограничились этим, а в числе добавок – большое количество портретов многих исследователей, работающих в теоретической археологии, так что теоретическая археология предстает в книге очень живой.

Несмотря на подчеркнутое внимание к советской археологии продажа двухтомника была вскоре приостановлена, возможно, в связи с

моим арестом (тогда же был «зарублен» чешский перевод моей книги «Археологические источники», готовившийся под руководством Малины), а свободное распространение книги началось только после освобождения Восточной Европы. Зависимость от советских трактовок сильно ослаблена в английском издании (Malina and Vašiček 1990), где, однако, нет и столь богатой портретной галереи, а название взято из самого первого издания — «Археология вчера и сегодня».

На рубеже 70–80-х гг. Триггер и Гловер организовали сбор обзорных статей регионального характера по теоретическому развитию и состоянию в разных странах и опубликовали его в журнале «World archaeology» (Trigger and Glover 1981–1982). В этом предприятии приняли участие многие известные археологи. Для этого обзора я дал статью о развитии и состоянии советской археологии (она была отправлена и напечатана под тремя фамилиями, так как я находился тогда в тюрьме). Впоследствии я развил ее в книгу «Феномен советской археологии», которая вышла в России, Испании и Германии (Клейн 1993; Klejn 1993, 1997).

Десятилетие спустя вышел такой же сводный обзор, собранный Ходдером, под названием «Археологическая теория в Европе: последние три десятилетия» (Hodder 1991). В этом сборнике частные обзоры очень разнокалиберные, но в целом книга дает хорошее представление о теоретическом развитии европейских стран (за исключением России — она не представлена).

Последним по времени является сводный обзор под редакцией Питера Аккоу (Уско 1995) «Теории в археологии». Он тоже составлен из локальных обзоров местных авторов с преобладанием азиатских, африканских, латиноамериканских и тех европейских стран, где археология остается неразвитой. Это должно придать сборнику всемирный охват и актуальность (стимуляция развития теоретической археологии в этих странах), но, конечно, содержательно эти статьи менее информативны и интересны для самой теоретической археологии.

9. Исходные позиции. У каждого теоретика свой подход, свои исходные позиции. У меня — свои. В большой мере они определены моей подготовкой, моей средой и моими общественными позициями, которые в свою очередь обусловлены, вероятно, моим темпераментом.

Моя подготовка была, как и у всех моих коллег-соотечественников, марксистской. Я начал с юношеского отвержения марксизма (еще в школе сколотил подпольную организацию либерального толка «Про-

метей»), затем был короткий период увлечения марксизмом, а потом, еще на студенческой скамье, это сменилось критикой марксизма, все более глубоко заходящей. Дальше моя самоидентификация оставалась марксистской только внешне и была настолько ограниченной, насколько это было допустимо, чтобы сохранить возможность работать в Университете. Так я старался не употреблять термина «ленинизм». Я, безусловно, не принимал лживую утопию «диктатуры пролетариата» и весьма скептически относился к «светлому коммунистическому будущему». Никогда не вступал в партию.

Основными пороками марксизма я считаю три: 1. Марксизм игнорирует биологические основы человеческой природы и сводит человека к взаимодействию экономических факторов и интересов. Это превращает марксизм в узкую популистскую доктрину, а его цели в утопию. Например, такой инстинкт, как любовь к собственным детям, не позволяет отменить институт наследования, а без этого равенство недостижимо. 2. Марксизм отдает преимущество далекому будущему перед настоящим и ставит государство над личностью, оказываясь антигуманным. 3. Марксизм всегда отличался фанатизмом и был готов применять любые средства ради своей утопической цели. Все это мне претило.

Но увлечение марксизмом не прошло бесследно. Многие положения материализма и приемы диалектики были укоренены глубоко и не встречали внутреннего сопротивления. Я безусловный атеист и до сих пор на религию могу смотреть только с иронией. Материальным и социально-политическим условиям творчества я придаю большое значение, и анализ социальных корней теорий я провожу всерьез, хотя и не трактую эти корни как единственные. На мой взгляд, ссылки индетерминистов на «свободную волю» человека, которая, де, может творить все, что угодно, просто смешны. Да, что угодно, но в определенных границах. И если единица может действительно сотворить невесть что (хотя и с очень малой вероятностью), то масса действует с регулярностью природы. Иначе социологам было бы нечего делать. С другой стороны, и прямолинейность марксистов, их слепая вера в закономерность истории не раз их подводила. Роль личности (на важном месте) и случая в истории делает историю непредсказуемой как раз в том, что обычно хочется предвидеть. Пожалуй, сама тяга к теории была в известной мере навеяна марксистской выучкой: марксизм в идеале теоретичен.

Диалектику марксизм использовал как обоснование необходимости революции. Но это слишком конъюнктурное использование метода. Если рассматривать диалектику как учение о противоречивости не только развития, но и современного мира и сознания, то она гораздо интереснее. Противоречия, антиномии, оппозиции должны рассматриваться не как аномалии, а просто так устроен мир. Марксизм непременно добивался «снятия противоречий» — революцией. А стороны противоречия могут быть справедливы обе. И надо учиться не снимать их, а жить с ними. Поворачиваясь разными сторонами, одно явление (и отражающее его понятие) могут выступать как разные явления (и понятия). Разные понятия могут оказываться разными сторонами одного. Дух такой диалектики можно почувствовать в моих работах.

От Гегеля марксизм заимствовал не только диалектику, но и казенный дух прусской государственности как идеала. Противоядием против такого гегельянства и марксизма мне послужило увлечение неокантианством. Я познакомился сначала не с произведениями Виндельбанда и Риккерта, а с их марксистской критикой. Но уже этого было достаточно, чтобы на меня произвела впечатление критикуемая концепция. Разъяснение специфики гуманитарного знания, новый (по сравнению с Контом и Энгельсом) взгляд на классификацию наук, на соотношение в них факта с законом дали мне опоры вне марксизма.

Моя среда — русская археология — обладает своими разработанными традициями, заметно отличными от западноевропейских. Я, конечно, усвоил эти местные традиции, и они, бывает, вносят не только своеобразный колорит в мои разработки, но и определенно позволяют мне занять самостоятельную и перспективную позицию. Так, в России нет обычного для Запада раскола археологии на две дисциплины — античную (нередко с восточной) и первобытную (со средневековой). В России археология — одна. Для меня это было исходной нормой, и это определило во многом мое понимание археологии не как части истории, а как исторической источниковедческой дисциплины (это то, что в ней одно для всех отраслей). Это было и протестом против идеологизации и политизации археологии. А отсюда стремление создать для нее единую теорию.

Разумеется, сказались в моем творчестве и воздействия моих учителей. Основоположник русской семиотики и русского структурализма Владимир Яковлевич Пропп, у которого мне посчастливилось учиться, часто обвинялся в формализме — обвиняли его в этом как марксистские идеологи, так и Леви-Стросс. Но как понять содер-

жание иначе, чем через форму? Разве что через бога. Я усвоил уроки такого формализма. Поэтому так долго и старательно исследовал познавательные потенции типологии.

Моим вторым учителем был Михаил Илларионович Артамонов, археолог и искусствовед широкого профиля, многолетний директор Эрмитажа. Он отличался независимостью суждений (выступал против ряда конъюнктурных концепций), и явной ориентацией на Запад в своем творчестве. Мне нравилась эта позиция, она представляется мне очень современной и сейчас, когда у нас идет спор об альтернативе: какой путь предназначен России — европейской цивилизации или некий особый, а по сути азиатский? Я, во-первых, подобно своему учителю, проявлял интерес к западной литературе и общемировой науке, а во-вторых, всю свою работу в теории посвятил разработке такой системы теорий и методов, которые бы обеспечили строгость и объективность археологического познания, чтобы археология была способна противостоять конъюнктурным замыслам. Формализм Проппа был мне и здесь опорой.

С другой стороны, разработанность в советской методологической литературе критики неопозитивизма вообще и аналитической философии в частности удержали меня от увлечения теоретической задачей создать для археологии «аналитическую машину». Хотя задача аксиоматизации археологии остается для меня заманчивой. Но и в этом, и вообще я старался избегать упрощений.

Все вместе обеспечило мне свою особую позицию в теоретической археологии, которая, надеюсь, будет интересной для читателя.

10. Структура теоретической археологии. Охват теоретической археологии весьма широк. В ней соединяется много разнообразных проблем, и для их обозримости нужно их как-то упорядочить. Нужно представить теоретическую археологию как систему — рационально дифференцировать ее части и расположить их в логическом порядке.

Первым структуру теоретической археологии предложил Дэвид Кларк, мысливший широко, системно и концептуально. В своей «Аналитической археологии» (Clarke 1968) он представил общую теорию археологии состоящей из трех «моделей»: для археологической процедуры, для археологических объектов и для археологических процессов. Первая модель диктует, как продвигаться *от археологических источников к их интерпретации*, какие шаги предстоят на этом пути. Вторая модель схватывает природу археологического матери-

ала, обусловленную его принадлежностью к культуре, а в конечном счете особенностями человеческого творчества — сложность, диффузность, при всей регулярности. Третья модель дает рамки для изучения динамики, стоящей за археологическим материалом, — изменений, роста, эволюции древних культур.

Как видим, вторая модель направлена на материал, на источники, третья — на скрытое за ними прошлое, а первая — на процесс познания, связывающий первое со вторым.

Через несколько лет Кларк иначе сформулировал трехчастное членение теоретической археологии. Он разделил ее на археологическую метафизику, археологическую эпистемологию и археологическую логику (Clarke 1972: 238). При этом под метафизикой он понимал прояснение археологических понятий и их соотношений с реальностью, их ограниченность. Под эпистемологией имел в виду выяснение специфики археологической информации и, следовательно, путей археологического познания. Археологическую логику понимал как развитие строгости и эксплицитности археологического рассуждения.

В статье «Археология: потеря невинности» Кларк усложнил структуру, рассмотрев компоненты теоретической археологии с точки зрения «археологической философии». Это оказались

1. теория понятий,
2. теория информации,
3. теория рассуждений и, наконец,
4. общая теория археологии.

Первую он характеризует как метафизическую, вторую как эпистемологическую, третью как логическую (Clarke 1973: 15), а четвертую — никак. Очевидно, она для него собственно археологическая. Первую он в тексте как-то связывает с представлениями о материале и о динамике культурного процесса, остальные — с процедурой исследования. Общая теория и разложена на части по шагам процедуры, по этапам археологического познания.

Вот тут, мне кажется, как раз самый важный вклад этой статьи. Кларк перечисляет эти компоненты:

1) *преддепозиционная и депозиционная теория* — должна рассматривать соотношения между деятельностью древних людей с их идеями, остатками и следами,

2) *постдепозиционная теория* — рассматривает изменения, произошедшие с остатками и следами после их упокоения в земле или на земле,

3) *теория восстановления* — рассматривает соотношения между теми археологическими объектами, которые оказались на месте после всех изменений от времени, и тем, что добыто раскопками и превратилось в данные (в основном это теория отбора),

4) *аналитическая теория* — это в основном теория обработки материала разными методами,

5) *теория интерпретации* — устанавливает соотношения между полученными результатами анализов и недоступными наблюдению древними событиями и процессами.

Эта линия ясна и логична, но соотношения первых трех теорий с нею не очень ясны, как и их соотношения между собой и соразмерность друг другу. Почему выделена теория понятий, но не выделены теории законов, принципов, критериев, языка теории? Если включена теория археологической информации, почему не заслуживает этого теория археологических систем, организованности археологического предмета? Если теория рассуждений есть, почему нет теории моделирования?

Тут что-то не до конца продумано, и, видимо, за пределами цепочки этапов процедуры остается широкое поле для систематизации, а из него выхвачены только некоторые компоненты разного ранга.

Как и можно было ожидать, «Теоретическая археология» Гардена структурирована и притом очень просто: ведь в ней взят только один аспект теоретизирования — логика. Соответственно предложенной Гарденом трактовке археологического познания, все разделено на две части — *компиляции* и *экспликации*. Грубо говоря, это сбор материала и его обработка с интерпретацией. Это можно приравнять к общей теории Кларка, так же, как у него, разложенной по процедуре, только у Гардена скупее и упрощеннее.

В советской науке о структуре теоретической археологии много размышлял Ю. Н. Захарук. Правда, если быть точным, он говорил об «археологической теории», но в его представлении теория — это «наиболее концентрированная форма выражения научного знания», «единственно истинная, достоверная система знаний относительно определенной предметной области», она «дает целостное знание о предмете, вскрывает его закономерности» (Захарук 1973: 43). Таким образом,

его «археологическая теория» по сути совпадает с теоретической археологией в целом.

Захарук различает в поле познания *объект* и *предмет*. Первый — это *фрагмент изучаемой действительности*, в нашем случае древнее прошлое, второй — его *отражение* в науке. Объект (или объективный предмет) распадается на целевой (*конкретные общества древности*) и непосредственный (результаты их деятельности, *материальная культура*). Предмет также распадается на объект науки (*археологические источники*) и результаты (*реконструированные общества прошлого и их история*). На схемах Захарука эти компоненты расположены в последовательности, которую проходит информация, получаемая нами в процессе познания — все так же, как и у Кларка и Гардена, только число этапов другое: *реальные общества древности — их (материальная) культура — археологические источники — реконструированные общества*. Соответственно он и постулирует теории, составляющие единую структуру. При таком подходе ожидались бы:

- 1) теория общества, общественного развития,
- 2) теория культуры (корректнее бы: материальной культуры),
- 3) теория археологического источниковедения и
- 4) теория реконструкции.

Весь пафос этого построения Захарука был обращен на то, чтобы показать, что археология не сводится к «голому вещеведению», т. е. что археологическое источниковедение — есть только часть археологии. Это было в русле общей борьбы за утверждение концепции Арциховского — Рыбакова, доминировавшей в советской археологии и приравнивавшей археологию к истории («археология — это история, вооруженная лопатой»).

Однако при такой трактовке *теорию общественного развития* и *теорию культуры* надо включить в теоретическую археологию, а они ведь представляют собой теории самостоятельных дисциплин — социологии, истории и культурологии. Между теорией общества и теорией культуры Захарук вставляет еще теорию их взаимоотношения, которую он, однако, считает лежащей в основе этнографии. Чтобы соблюсти логику и как-то скрыть эти противоречия, Захарук включает в общую теорию археологии не сами эти теории на уровне выделенных им четырех компонентов, а некое их обобщение на более высоком уровне — уровне «объекта» и «предмета». Это «теория объекта», или «теория общественного развития и культуры», которая «зиж-

дется» на тех частных теориях. Симметрии ради он постулирует и «теорию специфического предмета науки» на том же уровне. А перед ней в том же ряду помещает «теорию археологического источниковедения» — теорию более низкого уровня! У него получается три части общей археологической теории — две высокого ранга, одна — на ступеньку ниже. Нелогично. Поэтому его предложение по внутреннему строению «общей археологической теории» не привилось.

В. Ф. Генинг в своих работах (1982; 1985; 1989: 117–125) различает два типа теоретических построений в археологии — *научную теорию* как четкую «систему идей» и *теоретическое знание* как совокупность «представлений о закономерностях и связях действительности». Второе понятие, более широкое, ближе к понятию теоретической археологии. Теоретическое знание, как и вся археология, делится у Генинга на две части: *конкретно-археологическое* (или конкретно-историческое) знание и *логико-методологическое* знание. Первое включает в себя «источниковедческий раздел и различного рода описания истории прошлых обществ»; задача его теоретизации трудна и еще далека от реализации. Второе включает в себя (двигаясь от материала к интерпретации, на его таблице снизу вверх):

- 1) теорию структуры археологических объектов,
- 2) теорию археологических культур, стадий и ареалов,
- 3) теорию опредмечивания социальной деятельности,
- 4) теорию социально-исторической структуры общества,
- 5) общую теорию социально-экономических формаций (в региональных разновидностях) и соответствующих эпох.

Как видим, собственно археологическими оказываются лишь две первых теории из этого ряда, третья — этноархеологической, а две последних — чистейшая социология и история в духе истмата. При этом только три последних отнесены к теоретическому уровню исследований, а два первых к эмпирическому. Что фактически сюда попадает вся археология — ладно (это ведь не в его понимании вся), но с теориями-то как же быть?

В «Панораме теоретической археологии» я располагал литературой по периодам и течениям, в другой структуре мне не было надобности. Но когда я работал над «Археологической типологией», передо мной встала проблема определить место типологии среди других археологических теорий, установить их соотношения, т. е. структуру теоретической археологии. Впрочем я тоже говорил там об «общей теории археологии». Подобно моим предшественникам в этом вопро-

се Кларку и Гардену, я расположил некое ядро археологических теорий в ряд по линии прохождения информации от фактов к их истолкованию. Эти теории имеют дело с археологическим материалом и призваны дать идеи для его обработки, для истолкования, для извлечения из него исторической информации. Я назвал эти теории «*эндоархеологическими*» (внутренне-археологическими, собственно археологическими), поскольку они находятся в самой сердцевине нашей деятельности. К ним и принадлежит теория классификации и типологии.

Однако многие археологические теории из тех, которыми я тоже занимался, не укладываются в этот ряд. Они нацелены не на археологический материал, его особенности и возможности его интерпретации, а на саму археологическую науку, на ее усовершенствование. Это проблемы философские, эпистемологические, науковедческие, проблемы логики и психологии, но решаемые применительно к археологии. Это, так сказать, археологическая рефлексия, самокритика и самопознание археологии. Сюда относится определение предмета археологии, ее методологической природы, ее значения, характера ее фактов да и самой ее теории. То есть получается теория теории. Значит, это археологическая метатеория. Поскольку Ренфру как-то применил термин «*метаархеология*», я взял его на вооружение и назвал эту группу теорий «*метаархеологическими*».

Методологическое исследование самой нашей науки, ее общей теории и методов, Ренфру назвал «*метаархеологией*» (Renfrew 1969: 243). Под этим термином он иронически подразумевал, по-видимому, какое-то клише Д. Кларка. Точнее было бы говорить об археологической метатеории, но выражение Ренфру обладает потенциями к более широкому применению и поэтому привилось. Собственно, по нормам древнегреческого языка полагалось бы писать этот термин как «*метархеология*» (в греческом приставки на гласный теряют его перед гласным), но заимствованная приставка *мета-* воспринимается уже в новых европейских языках как своя собственная и именно в полной форме (вероятно, благодаря словам «*метафизика*», «*метафора*», «*метаморфоза*», «*метастаз*»).

Но и этим теоретическая археология не будет исчерпана. Остаются еще теории, которые, собственно, не принадлежат археологии, но имеют для нее существенное значение. Теории эти развиваются в основном в других науках – социологии, истории, культурологии, антропологии, этнологии, лингвистике, географии и т. д. – но

разрабатывают понятия и законы, без которых невозможно функционирование археологии. В числе этих понятий «культура», «артефакт», «этнос», «общество», «эпоха», и др. Эти теории устанавливают закономерности миграций, диффузии, признаки автохтонного развития, влияний, заимствований, независимых инвенций и т. п. Эту свиту теорий я назвал «параархеологическими». Археологам приходится их весьма тщательно изучать, а зачастую и разрабатывать, учитывая особые потребности археологии. Так, прежняя разработка этнологической теории не учитывала особый интерес археологов к тому, как у отсталых живых народностей со всей их культурой связана именно их материальная культура, да еще не вся, а та ее часть, которая способна пережить тысячелетия. Пришлось создать особую дисциплину – *этноархеологию*.

Таким образом, я обрисовал структуру теоретической археологии как трехчастную, состоящую из теорий эндоархеологической, метаархеологической и параархеологической. В этой группировке я их и рассматриваю. Предложенное позже Лестером Эмбри (Embree 1989; 1992) трехчастное деление Американской теоретической археологии в значительной мере совпадает с моим: «метаархеология» есть в обеих системах, его собственно «теоретическая археология» соответствует моей эндоархеологии, а его «философия археологии» в какой-то мере соответствует моей «параархеологии», поскольку занимается культурой, историческим процессом и т. п. Однако в моем понимании параархеология не совпадает с философией археологии, хоть философские вопросы в ней затрагиваются, также как и в метаархеологии.

Начну я с метаархеологии, поскольку она позволяет дать общий систематический обзор дисциплины, ее исходных понятий и принципов.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Имея в виду рекомендовать литературу для дальнейшего чтения, я здесь в затруднении, так как я уже посоветовал в разделах 5, 6 и 8 читать целый ряд книг и журналов. Суммирующие книги Гиббона, Малины и Вашичка, Ренфру и Бана могут быть лучшими для начинающих, серии Шиффера («Advances») больше подходят для продвинутых читателей. Всем им пригодятся критические обзоры Ходдера и Аккоу. Из обзоров истории археологической науки книги Даниела (с Ренфру), Саблофа и Уилли, как и Триггера наиболее информативны в отношении теорий.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Можете ли Вы привести в пример еще ряд ученых, подходящих под выделенные здесь специализации (полевики, музейщики, интерпретаторы, теоретики)?

2. Не рациональнее ли наметить другое деление по специализациям, отводящее место теоретикам?

3. Можете ли Вы добавить аргументы за или против выделения теоретической археологии в особую отрасль?

4. Есть науки, в которых теоретическая работа выделена в особую отрасль (физика, биология) и есть те, в которых не выделена (история, анатомия). К каким ближе археология и почему?

5. О «теоретической истории» не слыхать. Есть, однако, философия истории – не совпадает ли теоретическая археология с философией археологии?

6. Которое из существующих делений теоретической археологии представляется Вам наиболее удобным и почему?

7. Если Вы начитаны в теоретической археологии, не могли бы Вы предложить свое деление?

8. Реально ли в наши дни археологу сделать важные теоретические вклады уже в юности?

9. Какие качества Вы считаете необходимыми для творческих занятий теорией и как они располагаются по степени важности?

10. Согласны ли Вы с мнением, что все теории в археологии современны – старые и новые? Почему согласны или почему не согласны?

Часть II

ПРЕДМЕТ АРХЕОЛОГИИ

ГЛАВА 2

СПОР О ПРЕДМЕТЕ АРХЕОЛОГИИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

1. Три традиции. От предшествующего развития археологии метаархеология унаследовала и спор по проблеме определения предмета археологии, с давно кристаллизовавшимися позициями.

Одна линия преемственности тянется от коллекционеро-антиквариетов эпохи Возрождения, превращавшихся постепенно в археологов. Древние вещи (*антиквитеты*) вначале ценились только как *курьезы* (отбирались *раритеты*), затем как *памятники* (отбирались *уникумы*) и, наконец, с XIX в. – как *источники* (приобрел ценность *массовый материал*). Препарированием их как источников познания прошлого и ограничиваются задачи археологии по этой традиции. Само познание отводится другим наукам (прежде всего истории), которым археология и передает подготовленный материал. Она выступает как историковедческая дисциплина. Предмет ее сводится к источникам (Bulle 1913; Niemeyer 1968; Rouse 1972).

Иногда, особенно в последние десятилетия, в ее материалах усматривают самостоятельный интерес, связанный с познанием материальной культуры как части культуры вообще (Deetz 1967; Clarke 1968; Dunnell 1971: 116). Но познание это мыслится в культурно-антропологическом духе – как выявление общих законов (далее об этом будет сказано подробнее).

В противоположность этому Поль Курбэн (Courbin 1982; 1988) экспансивно защищает старую позицию: простое «установление фактов есть истинная роль и миссия археолога, есть то, что отличает его от всяческих “параархеологов”, ибо он способен делать эту работу и он тот, кто единственный способен делать ее правильно...» (Courbin 1988: 132).

Другая линия преемственности берет начало у историков, филологов и антропологов, заинтересовавшихся вещественными ос-

татками прошлого и ставших археологами. Первыми в этой линии были античники («классики») – их привлекала возможность проиллюстрировать реалиями сюжеты древних авторов, добыть новые тексты (эпиграфические), позже – возможность построить историю изобразительных искусств.

Затем подключились исследователи бесписьменных народов и эпох. Установив по пережиткам в культуре современных цивилизованных народов (путем сравнения с культурой отсталых народов) наличие бесписьменного («преисторического») периода, они возложили надежды на археологические остатки как основные источники изучения этого периода. Эти источники мыслились столь же основными, главными (почти единственными) для изучения дописьменного периода, сколь письменные – для последующего, и к тому же – гораздо более объективными (Bernheim 1889; Бернгейм 1908, 1910) и простыми. Коль скоро так, п р е и с т о р и я для этих исследователей практически совпала с преисторической археологией (Mortillet 1868; Dechelette 1908; Daniel 1950; Narr 1957), а отделение специальной источниковедческой дисциплины представилось ненужным. Это понимание хорошо выражено в названии статьи Леруа-Гурана об археологии – «История без текстов» (Leroi-Gourhan 1961).

В сопоставлении с этим археология письменного времени (античная, средневековая и т. п.) либо трактуется как вспомогательная историческая дисциплина, поставляющая и л л ю с т р а т и в н ы й материал для истории, так сказать, приложение к истории, дополнительная история, либо отождествляется с древней историей изобразительного искусства – отраслевой историей (Conze 1869; Futwängler 1908: 231; Rumpf 1953; Narr 1957; Deetz 1967), либо же подстраивается к преисторической археологии как однородная с ней, лишь условно выделяемая отрасль истории. В этом случае все они сливаются с историей, имея один с ней предмет – исторический процесс. Предмет сводится к конечным целям познания. Соответственно Рандсборг различает две истории – «традиционную, основанную на текстах» и «историю, основанную на прошлой материальной реальности, то бишь археологию» (Randsborg 1997: 189).

Наконец, третья линия. Некоторые исследователи предпочли исходить из противоположной оценки ситуации. Признавая специфику археологических источников, требующую специальной методики препарирования, они предположили сравнительную простоту и предопределенность их исторической интерпретации. Поэтому они сочли

необходимым сохранить некоторую обособленность археологии, в частности первобытной (это и глава истории и в то же время качественно отличная от других глава). С точки зрения этих исследователей, «археология началась как служанка истории, но теперь, развив собственную технику, стала полноправной дисциплиной. <...> Археологи приветствуют исторические и эпиграфические данные, но могут выполнять свою функцию независимо от таковых и в своем собственном праве. Их делом является не просто иллюстрировать историю, но переделывать ее» (Crawford 1960: 21, 29).

Но в рамках этой науки предполагается иметь все этапы познания – от препарирования до predeterminedной им исторической интерпретации. Это как бы еще одна история, отделяемая по специализации на вещественных источниках. Предмет понимается широко, и в нем различаются два уровня – источниковедческий и интерпретационный (справочник Джека по: Дикшит 1960; Sankalia 1965), или даже три: промежуточный – история культуры (Müller 1898; Crawford 1960). Иногда этот промежуточный уровень объявляется для археологии конечным (Brøndsted 1938). Некоторые археологи выводят из такого двойственного представления о предмете разделение археологии на две ветви, даже на две отрасли, две профессии (Rouse 1968: 12; Moberg 1969; *cp.* Bouard 1982).

Таковы основные взгляды. Разделение точек зрения непосредственно обуславливалось, кроме традиций, главным образом двумя факторами: а) оценкой специфики и сложности источников и б) определением характера и сложности тех сущностей, которые являются конечной целью исследования. Первое долго имело в виду больше специфику, чем сложность и само по себе не давало большого диапазона расхождений. Второе во многом зависело от понимания той науки, которой по преимуществу отводилось изучение тех же сущностей, т. е. прежде всего – истории. Здесь диапазон расхождений был велик.

Эмпиристическое представление об истории как о простом хронологическом изложении фактов, которые сами за себя говорят (Ранке, Ланглуа и Сеньобос, и др.), естественно, сводило всю научную процедуру к препарированию источников и, следовательно, историю – к источниковедению. При таком подходе археология имела такое же право называться историей, как и аналогичное препарирование письменных источников. Считать ли ее частью истории или отдельной па-

параллельной наукой попадало в полную зависимость от оценки специфики источников (ну, и, конечно, от амбиций археологов).

Неокантианское изгнание закономерностей из истории и неопозитивистское удаление каузальной связи приводило к тем же следствиям.

Когда же историки признавали главным делом истории выявление и оценку скрытой каузальной связи событий и поиск проявления законов в этой каузальной связи (Бернгейм), то из такого понимания истории проистекали совсем другие следствия для археологии. По такому пониманию, после источниковедческой обработки материалов – вещественных или письменных – главное дело собственно историка, исторический синтез, только начинается. Это достаточно сложное дело.

Отсюда выбор. Если препарирование источников признать делом сравнительно простым и сходным по характеру с процедурой синтеза, то можно присоединить источниковедение к синтезу, считать их одной наукой – историей. Так нередко поступали с обработкой письменных источников (на обоих этапах ученый имеет дело с записанными на бумаге суждениями). Реже так обходились с археологией (процедуры обработки и синтеза явно разнородны). В последнем случае можно, конечно, называть эту слившуюся науку археологией, но подразумевается наука параллельная истории – так сказать, вторая история, «история без текстов».

Если же препарирование источников признать достаточно сложным делом, резко отличным от процедуры синтеза (а именно эта тенденция становится все более влиятельной с развитием источниковедения), то обработку источников – как письменных, так и археологических (и особенно последних) – необходимо выделить в особые науки. Здесь уж археологии достается только роль источниковедческой дисциплины – служанки истории.

«Конечно, – пишет Курбэн, – многие археологи не удержатся от соблазна выдвинуть исторические интерпретации и подтвердить их фактами, которые они сами собрали (или могут собрать). Некоторые из них захотели формулировать законы поведения, культурные законы. Но если они в каком-то смысле незаменимы в установлении фактов, то на этой стадии их лучше бы сменили антропологи или историки. <...> Археологи могут становиться историками, эпиграфистами или антропологами. Но, как случается всякий раз, когда человек покидает свою специальность, результат оказывается (возможно или вероятно) не столь хорош, как тогда, когда работа сделана историком

или антропологом. Несомненно, лучше использовать специалиста. Иначе специализация не имела бы смысла и абсолютно всякий мог бы делать абсолютно все...» «Возможно, что какой-то археолог станет всерьез историком. Важно, чтобы он сознавал, что, делая это, он действует не как археолог, а как антрополог или историк. Он более не делает “археологию”, а делает нечто иное» (Courbin 1988: 154, 151).

Таким образом, разные методологические установки приводили нередко к очень близким схемам соотношения наук и близким определениям предмета археологии, а близкие установки иной раз – к различным схемам и определениям. Разумеется, воздействие социальных позиций было еще более сложным и опосредованным. Поэтому проводить жесткую однозначную, стандартную связь между определенными выводами о границах предмета археологии и классовыми позициями исследователей никак нельзя. В каждом случае эту связь нужно проследивать особо и чрезвычайно осторожно.

2. Кризис идей? На всем протяжении развития археологии на Западе не было (как нет и сейчас) недостатка в призывах извлекать из источников информацию о прошлом для написания истории или входящей и в историю и в антропологию преистории. При позитивистском понимании истории и антропологии это казалось легко осуществимым делом, и долго казалось, что так оно и есть: археологи тоже пишут историю.

В межвоенный период, однако, в связи с кризисом позитивистской методологии и развитием неокантианских идей у археологов Запада появилось ощущение, что гармония интересов этих наук иллюзорна, что она не реализуется в исследовательской практике. Эрнст Вале констатировал: «с тех пор, как преисторическое исследование распознало свою задачу как задачу исторической науки, – а это было уже в первой половине прошлого века, – стало ясно, что находки – это только средство для достижения цели», что они не только позволяют воссоздать материальную культуру, но и дают разнообразную информацию о хозяйстве, социальной и политической организации и духовной жизни. «Но, – продолжал Вале, – достаточно беглого взгляда на преисторическую литературу, чтобы увидеть, что разработке этих задач уделяется очень мало внимания», что на первом плане – формально-типологические вещеведческие штудии, что археологию даже стали считать естествоведческой наукой. Лишь постепенно приходит иной подход (Wahle 1924/1964: 316). Позже он отметил: «Но эта преистория, которую теперь, наконец, признают исторической наукой,

собственно говоря, если посмотреть пристальнее, вовсе не является таковой: она всё еще под господством типологических и антикварианистских взглядов...» (Wahle 1930/1964: 314).

Однако Брюс Триггер справедливо заметил, что и в разработках эволюционистов, в их законах и схемах содержалось отражение истории, только а) неполное отражение и б) истории, иначе понимаемой, чем бы того хотелось Вале и другим индивидуализаторам. Триггер также отмечает, что то, что затем противопоставлялось формально-типологическим схемам как слишком скупым, было нередко по истории, а «псевдоисторией» – тенденциозной, произвольно восполненной – при недостатке фактов и несовершенными методами (Trigger 1970: 29–31).

В 1937 г. Тальгрэн, сетуя на ограниченность целей и интересов археологов в исследованиях и на шаткость взглядов, с тревогой спрашивал: «Не достигнут ли нами кризис, когда необходимо ревизовать процедуру и цели нашей науки?» (Tallgren 1937: 155). Попытки такой ревизии предприняли Стюард и Зетцлер (Steward and Setzler 1938), однако эти попытки, по выражению Уолтера Тэйлора, «скатились с археологии, как вода с утки, окаменевшей в луже» (Taylor 1948: 7).

3. Мегаархеологическая критика: археология как метод. Становление метаархеологии начинается только с работы У. Тэйлора «Исследование археологии» (выполнена в 1942–46 гг., опубликована в 1948, переизд. в 1967). В советской литературе была лишь одна рецензия на этот труд, резко отрицательная (Монгайт 1949). Между тем, при всех недостатках ценность и значение книги Тэйлора трудно переоценить.

По мысли Тэйлора, дисциплину можно определить двумя указаниями: 1) ее объекта (subject matter) и 2) ее целей и намерений (aims and objectives) относительно этого объекта. То и другое можно сделать а) перечислением внутреннего состава и б) выделением из более широкого понятия. Хотя первый способ Тэйлор считает лучшим, он все же реализует второй. При этом он исходит из идеи, что археология, не будучи экспериментальной наукой, имеет дело с уникальными, неповторимыми событиями, а в структуре всех подобных наук, по его мнению, различаются 5 последовательных ступеней процедуры:

- 1) определение проблемы в понятиях концептуальной схемы,
- 2) сбор, анализ и критика эмпирических данных,
- 3) установление хронологической последовательности,

4) поиск и установление взаимоотношений между данными в контексте,

5) абстрагирование законов.

Если ограничиться второй ступенью, получится «антикварианизм», если остановиться на третьей – «хроника», на четвертой – «историография» (т. е. историческая наука) и «этнография», на пятой «антропология» (включая «этнологию» и «социологию»). Таким образом, история для Тэйлора – лишь подступ к антропологии. Сама по себе археология, по мнению Тэйлора, «не является ни историей, ни антропологией. Она не более чем метод и набор специальных технических приемов для сбора культурной информации». То есть остается на второй ступени? Там, где «антикварианизм»? Ответ зависит от того, что включать в «культурную информацию»: если и хронологию, то еще ступенькой выше. Во всяком случае не вровень с историей. «Археолог – не что иное, как технар» (Taylor 1948: 41, 48).

В то же время Тэйлор жестоко критикует археологов-американцев за то, что, признавая археологию частью истории и антропологии, исследователи на деле как раз не достигали ни того, ни другого. По его мысли, археология, оставаясь в своих границах, должна преодолевать антикварианизм, а это значит: разрабатываться так, чтобы препарированная ею информация далее могла быть использована для разработки истории и антропологии. Способам обеспечения этого и посвящена его книга: он рассматривает этапы работы, двигаясь «спереди назад» – от целей к средствам.

Важными достижениями Тэйлора были: новая постановка проблем, переход от разбора деклараций к рассмотрению их реализации в исследовательской практике, стремление сделать археологию полезной обществу.

Однако в системе Тэйлора границы «объекта» остались без уточнения и обоснования, необходимость ограничения археологии как науки второй ступенью лишь декларирована и подтверждена ссылкой на традицию, а способы обеспечения выходов в историю и антропологию оказались неэффективными: через 20 лет Пол Мартин (Martin 1968) подверг критике последователей Тэйлора за те же грехи, которые тот вменял в вину своим предшественникам. Оказывается, утка не вышла из луки.

Сведение археологии к методам и техническим приемам, постулированное Тэйлором, приняли англичане Даниел и Пиготт (Daniel 1950:

311; Piggott 1959: 2, 4), американцы Уилли и Филлипс (Willey and Phillips 1958), Чжан Гуанчжи (Chang 1967: IX).

Почти одновременно с Тэйлором, но независимо от него очень похожее определение археологии выдвинули в Западной Германии Вале и Эггерс и принял Нарр (Wahle 1950: 4–5; 1954: 1; Eggers 1950: 51, 59; 1959; Narr 1957).

У Вале обоснованием такой точки зрения служило сопоставление разных отраслей археологии – первобытной, классической, ориенталистической и др. Все они ориентированы на изучение разных религий и народов, периодов и территорий, в разных планах. «Отсюда ясно, – заключает Вале, – что суть археологии коренится не в постановке научной проблемы, а в виде источников и, следовательно, – в методе» (Wahle 1954/1964: 338 = 1970: 5). У Эггерса другое обоснование: задачи «преистории» и истории схожи, объект у них один («есть лишь одна история!»); отличает же «преисторию» (а имеется в виду преисторическая археология) вид источников и обусловленный этим метод. Таким образом, Вале складывает разные отрасли археологии и выносит за скобки то общее, что их объединяет. Эггерс сравнивает историю с преисторией и берет то, чем они различаются, т. е. вычитает из преистории историю. Ответ в обеих арифметических операциях один: метод.

Однако оба исследователя исходят из существующей научной практики, не доказав, что она является оптимальной. Пусть даже все отрасли археологии на деле связаны только методами (что еще не факт), но должно ли так быть?

4. Исходя из потенциалов источников. В «новой археологии» возобладали другая линия развития представлений о предмете археологии. За исходный пункт здесь взята не априорная ориентировка на историю или антропологию, а характеристика самих источников и оценка их потенциалов.

По мысли Элберта Сполдинга, «археология в самой узкой дефиниции может быть определена как изучение взаимоотношений форм, позиций времени и позиций пространственных, открываемых в артефактах. Иными словами, археологи всегда заняты этими взаимоотношениями, какие бы более широкие интересы их ни занимали, и эти взаимоотношения суть специальное дело археологии» (Spaulding 1960: 439).

Развивая эту мысль, Люис Бинфорд представил археологию как часть культурной антропологии в работе «Археология как антрополо-

гия» (Binford 1962). «Принимая Сполдингго минимальное определение археологии, – пишут С. и Л. Бинфорды, – мы можем сделать еще один шаг дальше и уточнить ее цель как объяснение наблюдаемых взаимоотношений, иными словами – как объяснение порядка, который мы наблюдаем в археологических источниках» (Binford and Binford 1968: 2). Поскольку артефакты – это данные о культуре, и некогда они функционировали как элементы культурной системы, многие из объяснений относятся к организации исчезнувших культурных систем. Вот почему археология, с точки зрения Бинфордов, – антропологическая дисциплина.

Не «реконструкции прошлого» считает Бинфорд конечной целью археологии, а извлечение законов (Binford 1967/1972). Методы же могут развиваться только в соотношении к определенным целям и с учетом специфики источников, на основе специальной теории, соответствующей этим целям и источникам. Поэтому Бинфорды не находят оправдания высказываниям, что археолог – это техник на службе антропологии (Binford and Binford 1968: 1–2).

Из специфики археологических источников, затрудняющей их точную идентификацию как элементов культуры, т. е. из их слабой диагностичности, другой лидер «новой археологии» англичанин Дэвид Кларк делает еще более радикальный вывод: археология – и не антропология, и не история, и не источниковедческая техника на службе этих наук. Археология – это дисциплина со своими собственными специфическими данными, своей собственной системой связей и своими собственными понятиями и процессами. Попытки исторической и социологической идентификации этих единиц необходимы и желательны, но реконструкция, ведущая к историческому изложению, – это только один, «опасный и случайный, путь выражения результатов археологических исследований». Словом, «археология это археология, это археология!» (Clarke 1968: 13). Однако, полагая задачей археологии объяснение регулярностей, наблюдаемых в археологическом материале, Кларк отмечает, что это превращает археологию в номотетическую обобщающую науку о материальной культуре, структурно близкую, а по содержанию – дополнительную к социальной антропологии.

Из этой позиции некоторые археологи делают вполне логичный вывод: нет никаких оснований ограничивать археологию далеким прошлым, она с тем же успехом может выводить общие законы и из изучения современной материальной культуры (Redman 1973: 6).

5. Археология как история? Критикуя эту линию развития, канадский археолог Триггер справедливо заметил, что если Бинфорд и Кларк отшатнулись от истории, то это объясняется их узким и карикатурным представлением об этой дисциплине. Для них она именно такова, какой ее хочет видеть только одна секта историков: чисто описательная, индивидуализирующая, партикуляристская дисциплина, без строгих методов и законов. Возможно, о такой науке Генри Форд высказал свое знаменитое изречение: «Вся история – это дерьмо». Такую «родственницу» и «владычицу» для археологии «новые» археологи отвергают.

Однако в представлении многих современных западных историков история не такова. Эти историки признают ее идеографической лишь в том смысле, что она не абстрагирует законы, а ищет их проявления в индивидуальных событиях. Ее цель – не просто описание, а объяснение, поиск причин. И такова же, по Триггеру, цель преисторической археологии: она развивается «как партикуляристская дисциплина, стремящаяся определить и объяснить ход культурного развития в преисторические времена во всех его деталях и локальных расцветках» (Trigger 1970: 32).

Открытие общих законов функционирования и изменения общества археология, по мнению Триггера, должна оставить другим наукам, имеющим дело с современностью: смешно было бы изучать законы кровообращения по ископаемым остаткам, когда есть живые организмы! А вот в индивидуализирующем, конкретном аспекте и знания о событиях прошлого необходимы. Дело в том, что одно лишь знание общих законов не позволяет делать «обратные предсказания» относительно прошлого. Наоборот, без знания действительного хода событий прошлого невозможно установить основные тенденции развития общества. А в установлении этих событий прошлого не обойтись без археологии. Поэтому археологи, оставляя другим открытие законов, не вправе так игнорировать идиографические задачи – задачи истории. Одну главу в своей работе 1970 г. Триггер назвал: «Археология как история» (Trigger 1970).

В соображениях Триггера ценной представляется констатация родства археологии с историей по линии конкретности результатов. Привлекательна и критика недооценки этих возможностей и задач. Однако в работе 1970 г., в сущности, не проведено различие между преисторией и археологией. А между тем в 1968 г. Триггер предупреждал, что «археология – не синоним преистории. Археология – это дис-

циплина, имеющая дело с техникой, применяемой для открытия материальных остатков прошлого» (Trigger 1968a: 3). Но в таком случае идиографическим (или, при другой трактовке, номотетическим) могло бы быть не содержание археологии, а лишь использование ее результатов.

При этом законами являются не только правила функционирования, но и те тенденции развития, о которых упоминает сам Триггер как об открываемых с помощью и на материалах археологии. Стало быть, и этот выход из археологии игнорировать нельзя.

6. Современное состояние. За два последних десятилетия многое изменилось в теоретической археологии. «Процессуальная археология», бывшая еще недавно лозунгом дня и именованная «новой археологией», сошла со сцены. Она сначала утратила процессуальность, перенесла основное внимание с культурно-исторического *процесса* на *формирование* источников (Шиффер не очень удачно назвал эту систему интересов и методiku «поведенческой археологией»), а потом эту уже *не-процессуальную* археологию сменила иная, которую опять же не очень точно стали называть «постпроцессуальной» (как если бы поведенческой и не было). Постпроцессуальная в значительной мере основана на возрождении и неожиданном сочетании ряда старых идей, в свое время отвергнутых «новой археологией», – от контекстуализма до постструктурализма, с добавлением марксизма. Еще больше изменений произошло в мире вокруг археологии...

Тем не менее в вопросе о предмете науки обсуждение ведется в пределах тех же немногих позиций. Ответы на некоторые вопросы, определяющие понятие предмета археологии, сменились на противоположные, но вопросы те же, и аргументы перебираются те же.

Чайлд говорил, что археология – одна. Бьёрн Мюре, не вспоминая об этом высказывании, констатирует: «Больше нет одной археологии или одной преистории – их много» (Muhre 1991: 161). Лидер постпроцессуальной археологии Ян Ходдер подтверждает: «Идея единой археологической науки, еще удерживающаяся в Северной Америке и чуть скользящая по Скандинавии и Британии, ныне в полном расстройстве в Европе. Представление, что археология должна иметь единые теорию, метод и цели, повсеместно оставлено» (Hodder 1991a: 19). Ходдер объясняет эту диверсификацию социально-политической рознью в современном мире. Для постпроцессуалистов у археологии нет средств объективного познания прошлого и исследование обречено на зависимость от мировоззренческих и политических взглядов

исследователя, от его классово-позиции. Это постпроцессуалистское извлечение из марксизма.

«Новая археология», особенно американская, отвергала связи археологии с историей. Она взамен предлагала связи с культурной антропологией или независимое конституирование. Ныне Америка перестала играть роль застрельщика в теоретической археологии, уступив лидерство Англии. В Англии же, да и «по всей Европе у археологии наиболее тесные связи – с историей» (Hodder 1991a: 10). Археология тут оказывается «принципиально исторической в основе, сугубо марксистской по ориентации и несомненно социальной по мотивации» (Hodder 1991b: VIII). Французские археологи признают для Франции: «Археология – абсолютно интегральная часть истории» (Olivier and Coudart 1995: 364).

Казалось, идея превратить археологию в историю материальной культуры или науку о материальной культуре давно оставлена – даже в СССР, где это увлечение имело место раньше и было выражено отчетливее, чем на Западе. Но вот Тимоти Чемпион пишет: «археология всё больше и больше становится наукой о материальной культуре» (Champion 1991a: 139). Это представление связано с распространением так называемой «промышленной археологии» и тенденцией протянуть предмет археологии до современности (что практически означает распрямление археологии или по крайней мере обесмысливание ее названия).

Правда, верный своему эклектическому подходу, соединяющему разные трудно согласуемые традиции (контекстуализм Тэйлора, критическую теорию западного марксизма, феминизм и проч.) и своему обыкновению часто менять теоретические решения, Ходдер пишет и о самостоятельности археологии. «За последние десятилетия... (археология) все больше становится способной определяться как дисциплина, независимая от истории и классических исследований...» (Hodder 1991a: 7). «В то время как доказываются, что археология должна восстановить свои европейские связи с историей, также важно видеть и различия между археологией и историей». Он признает, что «археология – часть истории», но, коль скоро письменные источники созданы из какого-то материала, вещества, стало быть и «история – часть археологии» (Hodder 1991c: 12).

Ходдер сочувственно вспоминает высказывание Тэйлора, что «археология – ни история, ни антропология», и высказывание Дэвида Кларка, что «археология это археология, это археология». Но, с точки

зрения Ходдера, у Тэйлора недостаточно контекстуализма, а у Кларка его вовсе нет. Сам же Ходдер считает, что археология отличается от антикварианизма именно упором на контекст каждой вещи (1991с: 190–191). Таким образом, предмет археологии, с точки зрения постпроцессуалистов, это *вещи и их контекст*. Археология – это исторически ориентированная наука о материальной культуре, прежде всего, как системе символов, значений, которые можно читать, как читается письменный текст. «Чтение прошлого» («Reading the Past», дословно – «Читая прошлое») – называется известнейшая книга Ходдера, вышедшая первым изданием в 1986 г. (1991с).

Проблема «чтения» материальных остатков сложнее, чем она представляется постпроцессуалистам. В остальном же их определение предмета археологии реалистично, хотя и не очень далеко ушло от позиции столетней давности – Софуса Мюллера.

Сходство советских и западных археологических дискуссий, выведенное Триггером (Trigger 1978: 196–197) из моей «Панорамы» 1977 г. (Klejn 1977), ныне уже никого не удивит. Мир уже не расколот на два лагеря, и искусственно разжигавшееся идеологическое противостояние закончилось естественным фиаско. Однако очевидность не исключает для ученого необходимости в доказательствах. К тому же идеология противостояния не умерла и может возродиться в новом обличье. Археология не одна? Это опровергается самим результатом данного обзора. При всем размахе идеологий, при всем многообразии своих школ и течений археология как наука одна: у нее одни проблемы и один набор возможных решений.

7. Дискуссия о предмете науки в отечественной археологии. В годы советской идеологической перековки («революции в археологии») С. Н. Быковский критически разбирался с наследием старой науки и по вопросу о ее предмете. Он отметил, что в дореволюционной России «с точки зрения одних, археология составляет науку, параллельную с историей. Такова, например, была точка зрения И. Забелина. С точки зрения других, археология стоит на грани естественноисторических наук. С точки зрения третьих – археология неразрывно связана с этнографией... Споры не прекратились после Октябрьской революции...» А далее Быковский с удивлением констатировал: «Удержались все дореволюционные направления в решении этого вопроса: и параллелизм археологии с историей, и археология в качестве естественнонаучной дисциплины, и палеоэтнология». Мало того, – добавил Быковский, – прибавились новые трактовки, напри-

мер, преобразование археологии в историю материальной культуры (Быковский, 1932а: 8; см. также Быковский, 1932б).

Прошло еще полвека, и в нашей науке снова разгорелся спор о предмете. Специально этой теме посвящен ряд статей (Григорьев 1973; Генинг 1975а, в; Захарук 1975; Боряз 1975, 1976; Рогачев 1975; и т. д.), не говоря уже о первых разделах учебников археологии и о толкованиях в энциклопедиях. Тем не менее вопрос остается открытым.

Таким образом, хотя и в иной идеологической оболочке, противостояние удержалось. Его суть наметилась еще в дореволюционной археологии и сохранилась после революции.

Вряд ли где-либо еще, в археологии какой-либо еще страны (кроме разве Польши – см. Żak 1968; Trudzik 1971; и др.) столь интенсивно разрабатывалась эта тема, как у нас. Такое внимание здесь к предмету археологии объясняется тем, что с самого начала это был вопрос о ее единстве с историей или – как альтернатива – о ее самостоятельности, о границах между ними (ср. Стефанов 1961). А это означает ту или иную социальную роль археологии. Ведь слияние археологии с историей обеспечивало подчинение археологии господствовавшим в исторической науке концепциям, в основном консервативным, охранительным (до революции – религиозным и самодержавным, после революции – коммунистическим), тогда как отделение от истории создавало свободу для проникновения бродильного фермента. До революции эту роль выполняли эволюционные идеи из антропологии. Позже в нашей исторической науке господствовал исторический материализм и слияние с историей означало наложение марксистской философии на археологический материал, а отделение от истории – возможность и необходимость разработки собственной археологической теории.

До революции за нераздельное единство изучения вещественных и письменных источников ратовали многие – Погодин, Срезневский и др., причем отличие археологии от истории виделось в концентрации внимания на культуре (быте, т. е. не политике и не искусстве). А Забелин (1878) видел это различие в том, что история изучает родовые явления, а археология – индивидуальные, т. е. если и не наделял историю номотетическими функциями исторической социологии, то приближал к ней, а археологию видел идиографической дисциплиной.

С другой стороны, имелись высказывания сторонников естествоведческой, антропологической ориентации (школа Анучина в Москве, Волкова в Петербурге) о принадлежности первобытной археоло-

гии к антропологии, если не по предмету, то по методу. Но, возможно, и по предмету (эволюция человека со всей его деятельностью).

Лишь Грузинский в начале XX в. (1902) поставил вопрос о необходимости самостоятельной науки для изучения вещественных памятников.

В советское время нераздельное изучение письменных и вещественных источников утверждал Готье (не в специальной работе по теме, а в общем курсе 1925 г.).

Понимание проблемы приобрело философскую глубину – вопрос об объеме дисциплины перерос в вопрос о предмете изучения: являются ли этим предметом археологические источники или само оставившее их общество и его деяния? Соответственно, источниковедческая ли наука археология или попросту отрасль истории? Вторую позицию отстаивал Быковский (ряд работ 1932 г.); предлагалось даже ликвидировать археологию (Быковский) или заменить ее историей материальной культуры (Равдоникас 1930; Быковский 1932а).

Долгое время первую позицию, т. е. источниковедческий характер археологии никто прямо не решался отстаивать – это шло вразрез с установкой ранних советских идеологов на быстрые исторические выводы нужного характера. Однако практика дисциплины имела свою логику, и эта логика тяготела над теоретиками и побуждала их отступать от несогласуемых с ней позиций. Сразу же была отвергнута ликвидация археологии, постепенно сошла на нет подмена ее историей материальной культуры.

В основном вопросе мало кто придерживался ортодоксального отождествления предмета археологии с предметом истории (Массон в отдельных высказываниях – 1975б, 1976). Велись поиски компромиссных решений, особенно в пору некоторой либерализации. Одни предлагали считать предметом археологии как археологические источники, так и само древнее общество (Захарук 1970, 1975, 1978), другие объявляли только первобытную археологию исторической наукой, оставляя остальные ее отрасли за источниковедением (Рогачев 1975, 1978; Аникович 1975), третьи, в частности, как Генинг, расчленили понятие предмета на два понятия – предмет и объект, только последний отождествляя с источниками. Э. Неуступны (Neustupny 1993: 2–3) поддержал это предложение и перевел как раз первый термин как «объект» (с экспликацией: исторический процесс), а второй – как «средства» (экспликация: источники). Генинг же предметом считал «закономерности опредмечивания» человеческой жизнедеятельности,

при том не «общечеловеческие», а конкретные, т. е. весь путь от жизни древних обществ до превращения остатков их жизнедеятельности в археологические памятники (Генинг 1975а, 1975в, 1982, 1983). Соответственно у Захарука и Генинга констатируется «археологическая история» и «археологическое источниковедение».

Противоположную точку зрения – об источниковедческом характере археологии – отчетливо выразил в советской науке Григорьев (1972, 1981), а обосновал, сняв крайний радикализм, Клейн (1977, 1978, 1986).

Обсуждение этого вопроса приняло характер резкой полемики в журнале «Советская археология» между сторонниками как раз не самых крайних решений – Клейном, с одной стороны, Захаруком и Генингом – с другой (Генинг 1983; Клейн 1986; Генинг 1989; Захарук 1989; Клейн 1991а, 1991б; Захарук 1992, 1993; Генинг 1993). Это оказались основные позиции противостояния, при чем, собственно, спор начался даже несколько раньше – с обсуждения книги Клейна 1978, см. об отклике Захарука (1983) в разделе «Археологические источники». Оригинальную позицию по этому вопросу занял Аникович (1988а). Он предложил разграничить два понятия: археология *de facto* (что археологи делают) и археология *de jure* (что они должны делать как археологи). Он развил мои аргументы, хотя и не упоминая моего имени (его работа была отправлена за рубеж, когда мое имя было еще табуировано).

Книга непосредственно по этому вопросу опубликована только одна (Генинг 1983). В ней есть некоторые материалы о ходе обсуждения проблемы (только в отечественной науке), однако собственную концепцию автор неукоснительно выводит из самых ортодоксальных положений советской марксистской догматики, что сильно сужает его кругозор и обедняет оценки. Подробнее и объективнее ранний ход обсуждения проблемы освещен в омских статьях Аниковича (1989, 1990, *продолжение см. в* Klejn 1977; в короткой заметке 1973 Клейн также очертил зарубежные исследования этой темы).

8. Параллели между советской и западной археологией. В советской археологической литературе в последние десятилетия советской власти проводилось мнение, что идее советских археологов считать археологию разделом истории противостоит на Западе и доминирует там тенденция оторвать археологию от истории, замкнуть в самой себе, превратить археологию в антикварианизм, в фор-

малистическое вещеведение, в чисто описательную дисциплину. Это упрощенное противопоставление далеко от действительности.

На деле завуалированные пережитки антикварианизма представляют там большую редкость. Чаще они проявляются как вещеведческая тенденция в исследовательской практике. Но, во-первых, здесь их трудно отличить от необходимого и нормального развития вещеведческих исследований (ведь принципиально разница ощутима больше в пропорциях, чем в характере работ). А во-вторых, как раз в последние десятилетия доля вещеведческих работ, особенно в Англии и Америке, меньше, чем когда-либо.

Споры же в современной метаархеологии Запада относительно предмета археологии идут в основном не по линии защиты или отрицания прав археологии на собственные цели или о важности или ненужности ее связей с историей. Почти никто не отвергает необходимости и долга использовать археологические источники для извлечения нужной современному человечеству информации о прошлом.

Спорят же в основном о том, должна ли археология делать это сама, собственными методами, в своих рамках, или она должна лишь препарировать материал и передавать готовые результаты для дальнейшей обработки другим наукам, и если передавать, то на какой стадии. Спорят также о том, какую информацию лучше извлекать – должно ли это исследование (в любом из обоих случаев) носить характер конкретно-индивидуализирующий (как у истории) или обобщающе-законополагающий (как у социологии или – в американском понимании – у антропологии). Следовательно, какую науку археология подменяет в приложении к бесписьменным народам и эпохам – историю или социологию (соответственно, или антропологию). Или (при другом решении вопроса о глубине ее предмета) какой науке археология передает материал для дальнейшей обработки – истории или же социологии (соответственно, или антропологии). Решения, как правило, оказываются крайними, односторонними.

Это вопросы, о которых и в советской археологии шел спор. При сходстве многих выводов аргументация то схожа, то различна. Случаи сходства аргументации заслуживают особенно пристального анализа, ибо за ними не всегда стоит одинаковая природа материала, иногда – незамеченный отход одной из сторон от избранных или декларируемых методологических предпосылок.

В числе таких сюжетов наиболее интересен, пожалуй, вывод о превращении археологии в дубликат истории, в раздел истории, соб-

ственно – в историю на том участке, где письменные источники отказывают. В аргументации этого вывода у советских исследователей (А. В. Арциховский, Д. А. Авдусин, А. Л. Монгайт и др.) обычно фигурировали следующие доводы: необходимость проследивать историю вглубь первобытности, неизбежность ограничения археологическими источниками на указанном участке, в то же время – базисность, содержательность (с возможностью косвенных реконструкций) и особая объективность этих источников (ненамеренность, вещность). У истоков этой идеи в советской археологии стоят теоретические тезисы марксистской «революции в археологии»: тезис С. Н. Быковского (1932а) о безразличии характера отражения к виду источников и более радикальные тезисы Арциховского (1929) о превосходстве археологических источников над другими по полноте и адекватности отражения и о возможности полных реконструкций по ним одним («метод восхождения»). Последний из этих тезисов был отвергнут тогда же, остальные подвергались критике, но в той или иной форме удержались.

В археологию Запада аналогичный вывод вошел давно – со времен эволюционистов. Он нашел организационное выражение в том, что преисторическая археология совпала с преисторией и стала обозначаться этим последним термином. Выше было показано значение позитивистской методологии (типа положений Бернгейма) для утверждения этого взгляда у эволюционистов. С тех пор этот взгляд западными исследователями, отнюдь не придерживающимися марксизма, выражался и отстаивался не раз в формулировках, чрезвычайно близких высказываниям упомянутых советских археологов.

Обоснование этого взгляда на Западе представлено у Стюарта Пигготта, известного своей склонностью к позитивизму в археологической методологии. Пигготт пишет о «бесписьменных народах»: «Эти материальные свидетельства – вот все, что у нас есть, чтобы подтвердить само их существование. <...> Археологический подход – единственно возможный для получения прямой информации... Есть иные средства, которые могут иногда дать непрямую информацию, но это уже особь статья...» (Piggott 1959: 2). Таким образом, в основе все то же позитивистское сведение: фактов – к прямой информации о них в источниках, объективности – к наличию эмпирических ощущений от источников, материальности – к вещности. В противопоставлении прямой и косвенной информации проглядывает старое, еще у Бернгейма представленное, предпочтение «остатков» – надежных, объективных, «преданию» – тенденциозному, ненадежному, недостойному доверия.

При таком понимании археология – единственный резервуар сведений о материальной культуре прошлого, а материальная культура – единственная доступная познанию часть преистории. Разумеется, Пиготт отвергает возможность объективных и разветвленных реконструкций исчезнувших сторон жизни по сохранившимся сторонам – в этом отличие его варианта указанного взгляда. Однако при некотором расхождении вариантов сходство основных выводов и аргументации разительное.

Что же касается тезиса о безразличии отражения к виду источников, то он не подвергался сомнению на Западе раньше и был подвергнут серьезной критике в работах Эггерса (Eggers 1950, 1959). Эггерсом же была развеяна иллюзия превосходства «остатков» над «преданием» по прямоте информации и по свободе от субъективного элемента.

В общем и целом приходится констатировать, что развитие взглядов на предмет археологии шло на Западе и у нас параллельными путями – несмотря на всю разницу идеологий. Поскольку нет оснований предполагать сильные влияния одной из сторон на другую (взаимная информированность была весьма слаба), причину надо видеть в общности исходных научных проблем и в том, что круг принципиально возможных решений, как и резервуар принципиально мыслимых аргументов весьма ограничен.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Для дальнейшего чтения можно рекомендовать работы, упомянутые как вехи (Taylor 1948; Binford 1962; Hodder 1986 и др.). Некоторую информацию можно извлечь из историографических исследований (Wahle 1950–51; Daniel 1962; Trigger 1989) и полемических работ (Courbin 1982, 1988; на русском полемика: Клейн против Генинга и Захарука).

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

- 1. Если не обобщать, сколько всего точек зрения на предмет археологии представлено в этом обзоре?*
- 2. Нельзя ли предложить другую их группировку (помимо избранного объединения в три взгляда – наука с источниковедческим предметом, с предметом истории, с соединением обоих)? Не является ли иная группировка более рациональной?*

3. Когда археологию называют «историей без текстов» (Леруа-Гуран), какие основания полагать, что это метафора, а не дефиция?

4. Нет ли возможности аналогичным образом назвать историю, исходя из сравнения ее с археологией? Какая спецификация имела бы аналогичный смысл («археология без...»)?

5. В скрытом споре девизов Бинфорда («археология как антропология») и Триггера («археология как история») какие аргументы «за» и «против» могла бы предъявить каждая сторона?

6. Какая разница между девизами Арциховского («археология – это история, вооруженная лопатой») и Триггера («археология как история»)?

7. В споре девизов «археология – одна» (Чайлд) и «есть много археологий» (Мюре) какие аргументы «за» и «против» могут быть у каждой из сторон?

8. Почему в «соцстранах» спор о предмете археологии приобрел остроту и размах, которых он не имел в других сообществах?

9. Какой смысл имело обсуждать этот вопрос в других странах? Есть ли у такого обсуждения общее значение?

10. В 1966 г. Фуко написал книгу «Археология наук о человеке» (Фуко 1977) – он подчеркивал этим названием, что это не история, что она не претендует на интерпретацию и что это строгая наука. На какую традицию в самой археологии он мог опереться в такой трактовке?

ГЛАВА 3

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА АРХЕОЛОГИИ

Глаз о м предмет воспринимается иначе, чем у х о м ,
и предмет г л а з а – иной, чем предмет у х а .

К. Маркс (1974: 121)

1. Проблемы из-под ковра. Когда в 1987 г. главы археологических кафедр из всех британских университетов избрали комитет для выработки общей политики на будущее в трудные годы сокращения бюджета, комитет наткнулся на неожиданное открытие (Austin 1987: 230): «Абсолютно фундаментальна дефиниция археологии как учебной дисциплины... Рассматриваем ли мы высшее образование по археологии как набор предметов, собранных под этой шапкой вместе просто для удобства...? Или мы видим здесь зависимость от некоего обязательного внутреннего ядра, неустранимой сердцевины науки, без которой ни один студент не может быть обучен, как следует?» Комитет избрал вторую альтернативу. «Но некоторые проблемы оказались заметными под ковер. Большой частью наш предмет имеет сильные связи с другими дисциплинами...» – с историей, этнологией и т. д., так что границы дисциплины предстают размытыми.

Вопрос, однако, как мы видели, не нов.

Во всем мире описание любой отрасли науки, не исключая и археологию, начинают с того, чтобы очертить полный объем изучаемого – от непосредственных объектов (исходных материалов, источников) до конечных целей изучения (искомых сущностей: законов, причин и т. п.). Словом, речь идет об охвате всего того, что в совокупности чаще всего везде именуют *предметом науки*. Все же применение терминов для этой совокупности и ее частей не унифицировано: одни и те же термины (в том числе «предмет») используются в разном значении, для одного и того же понятия служат разные термины и т. п.

Возникает вопрос о сопоставимости предложений, особенно в связи с одним обстоятельством. Различие онтологического и гносеологического подходов к изучаемой действительности, столь интенсивно разрабатывавшееся в советской философии, выражено в раздвоении основного понятия: «*объект науки*» и «*предмет науки*». «Объект» – это просто фрагмент изучаемой реальности, а «предмет» – это и цели познания. На Западе же это различие не привлекло внимания археологов. Но ведь и в марксистской философии конкретизация

этой установки в дефинициях и терминах не устоялась, а советские археологи обычно если и использовали это философское различие, когда определяли сферу своих занятий, то скорее для характеристики сложности изучения, чем для проведения его границ. Поэтому на практике всегда можно уловить, идет ли речь об одной и той же задаче. То есть относящиеся к ней предложения археологов Запада и советских–российских исследователей легко сопоставимы.

В отличие от некоторых других проблем метаархеологии, определение границ предмета науки, ввиду своего очевидного практического значения, издавна выступало необходимым сюжетом любого солидного общего руководства по археологии.

Что, однако, изменилось с появлением метаархеологии?

Во-первых, изменилась роль, отводимая разбору подобных проблем: раньше имелось в виду больше оформление готовых результатов исследования, чем разработка и проверка способов их получения. Так, изложив размышления о «цели, средствах и методе археологии», Софус Мюллер (Müller 1897) даже не предпослал их своему монументальному обзору северных древностей, а поместил в конце обзора – как заключение. Подобную практику Чжан Гуанчжи считает обычной для работ недавнего времени. Теперь без изложения и анализа предпосылок нельзя начать работу: «Никакое археологическое исследование не может быть лучше идеологических предположений, которые лежат в основе его аргументации» (Clarke 1968: XV).

Во-вторых, изменился способ рассмотрения, а с ним – и обоснованность предложений. Раньше они выдвигались с некоторым смущением – как констатация банальных истин. В той же книге Софус Мюллер счел необходимым успокоить читателя обещанием излагать методологические проблемы «как можно яснее, но и как можно более сжато. Ибо, собственно говоря, ни создавать подобный очерк, ни знакомиться с ним не очень-то заманчиво. Все выглядит таким самоочевидным. Но все же...» (Müller 1897: 292). Бушор вообще едва согласился написать методологическое предисловие к руководству по археологии, так как полагал, что «объяснения о понятии и методе какой-либо науки могут носить лишь характер самопознания», т. е. что они субъективны, лишены объективных оснований (Buschor 1936/1969: 3). Ныне общепризнанна необходимость не только строго научно разрабатывать методологические проблемы, но и *rethink* (пересматривать, переосмысливать, перепроверять, продумывать заново) испытанные исходные принципы археологии (Chang 1967).

В-третьих, изменилось восприятие структурности археологии. Прежде очень туго шли на сближение разные отрасли археологии, сложившиеся в разных сферах знания и традиционно практиковавшиеся как различные науки (преистория, классическая археология и т. п.). Зато продвижение от источников к выводам обычно представлялось простым и не нуждающимся в резком поэтапном разделении. Одним из первых Чайлд заметил, что «археология – одна» (Childe 1956: VI). Ныне, несмотря на консерватизм некоторых античников, она представляется в той или иной трактовке (как объяснительная наука ли или как система методов) все более единой по хронологическому охвату предмета и всё более сложной и расчлененной по этапам его познания.

Сто с лишним лет назад И. Е. Забелин сокрушался: «Очень трудно в точности выяснить себе даже и самый предмет археологии. В самом деле, чем именно занимается эта наука, что она разрабатывает?» (1878: 1).

«Что такое археология?» – так называются по крайней мере две книжки – русская и английская (Амальрик и Монгайт 1957; Ryddoke 1964). Названием сформулирован простой, фундаментальный и труднейший вопрос. В рецензии на одну из этих книжек сказано: «Нет двух археологов, которые бы ответили одинаково, и немногие сумели бы ответить так сжато, чтобы ответ уложился менее, чем в 20 000 слов» (Atkinson 1965: 320).

Поскольку у археологов, однако, есть общая тематика для обсуждения, ясно, что они примерно все же знают, что такое археология, и согласны в этом. Но их знания расплывчаты, слабо обоснованы, а это чревато опасными выходами за пределы действительной компетенции и влечет за собой небрежение какими-то ее аспектами. Вопрос упирается в нечеткость представлений о *предмете археологии*.

2. Исходные принципы и понятия. В систематическом описании любой частной науки ее предмет является первым компонентом. Само понятие «*предмет частной науки*» подробно разрабатывалось советскими философами и науковедомы. Однако и среди них существуют разногласия, используемая терминология не устоялась. Поэтому необходимо оговорить, в каком понимании здесь будет идти речь о предмете науки применительно к археологии.

Предмет познания (в частности и научного) соотнесен с объектом познания. Тот дискретный кусок действительности, который включен в научно-познавательную деятельность, называют «*объектом*»

данной науки, если имеют в виду его объективное, независимое от исследователей существование (онтологический подход). Если же имеют в виду роль этого куса действительности как источника знания, источника информации (гносеологический подход), то его называют «предметом» данной науки (Зотов 1973: 18–29).

Роль фрагментов действительности в качестве источников информации определяется не только их собственными свойствами, но и задачами и возможностями познающего. Поэтому, с одной стороны, предмет уже объекта, так как в задачи данной отрасли познания могут войти и не все стороны объекта, а с другой стороны, предмет шире объекта, потому что включает в себя и «задачи познания» («аспект рассмотрения»).

Раньше было принято отождествлять объект и предмет. Тогда (как до сих пор на Западе) эти термины были полными синонимами, и они рассматривались только вне учета задач познания (или наоборот – только с учетом воздействия субъекта познания). Теперь иногда предлагается свести понятие объекта к *непосредственным объектам* изучения – источникам (Грушин 1961: 12–13, 74; Ракитов 1969: 174), а понятие предмета – к сумме целей, задач познания (Ракитов 1964: 375). Эти предложения представляются неудачными: во-первых, они снова вводят ненужную синонимичность (дублирование терминов), а во-вторых, снова возвращают к рассмотрению действительности исключительно в отрыве от задач познания (исчезает понятие, в котором бы они соединялись). Кроме того, вряд ли плодотворно изъятие закономерностей из объекта.

Встречаются также предложения обозначить термином «предмет науки» совокупность знаний об объекте, отражение объекта в знаковой системе науки и т. п., т. е. результат научной деятельности (Садовский 1965а; Мельников 1967: 21; *ср.* Ракитов 1971: 37–63, 75). Но и здесь нужные термины уже есть и без того («знание», «факты», «теории»). Такое понимание лишь рождает сомнения в необходимости самого различения «объекта» и «предмета» (*см.* Trudzik 1971: 55–58). Кроме того, при таком понимании опять же элиминируется аспект рассмотрения и исчезает понятие, способное учесть активность, целенаправленность научного познания.

Коль скоро задачи познания являются важным элементом предмета науки, их наличие сказывается на всей его структуре. Та часть действительности, которая входит и в объект и в предмет науки, рас-

членяется внутри предмета. В ней различимы два полюса (Žak 1968: 456–462, 471; ср. Ракитов 1969: 169–178):

а) внешние явления, доступные непосредственному наблюдению и регистрации – это «*непосредственные объекты*» или «*исходные материалы*», «*источники*»;

б) внутренние, скрытые сущности (законы, причинные связи и т. п.), которые-то, характеризуя объект, и являются желанными, намечаемыми и достигаемыми результатами исследования – это «*цели познания*».

Это деление важно для определения обособленности частной науки.

Право частной науки на обособление, на выделение собственного предмета определяется, во-первых, спецификой исходных материалов (источников), требующей особого методического аппарата (Сомервилл 1960: 155–190; Келле и Ковальзон 1966: 52), во-вторых, однородностью и связанностью всей цепочки методов (технических операций, процедур), ведущей от этих исходных материалов к целям познания (Фролов 1968: 152–170), и, в-третьих, системной связью, цельностью, единством тех сущностей, которые являются целями познания (Соколов 1972: 71–72; Зотов 1973: 29–30).

Чем шире предмет науки, тем полнее знание. Поэтому оптимально выделенный предмет частной науки – это такой максимальный по объему предмет, в котором соблюдены все три указанных требования. Если какое-либо из этих требований оказывается неосуществимым при намечаемой версии выделения предмета, то, очевидно, предмет выделен нерационально, и надо изменить его границы – отсечь некоторые источники или приблизить цели (оставив другой науке дальнейшее продвижение к более глубоким целям). Конечные цели познания каждого крупного куска действительности – те, которые характеризуют объект, – должны быть ориентирами, но не обязательно собственными, непосредственными целями всех наук, изучающих этот кусок действительности, этот объект. Современный процесс научного познания глубоко эшелонирован (Овчинников 1968: 26, 27, 29 – о закономерном «расчленении предмета»).

3. Обзор концепций. В предшествующей главе был представлен краткий исторический очерк развития взглядов археологов на пред-

мет археологии. Теперь надо рассмотреть эти взгляды в систематическом порядке.

По вопросу о предмете археологии нет согласия ни среди археологов Запада, ни среди археологов Восточной Европы (в частности, разброд – и среди советских, ныне российских). Все сходятся лишь в определении непосредственных объектов археологического изучения. Это – *материальные древности*, рассматриваемые как источники познания жизни и культуры исчезнувших людей и их сообществ. Видимо, специфика этих источников признается достаточно очевидной. Добывание, фиксация и хотя бы внешнее упорядочение этих материалов – нечто само собой разумеющееся при любом понимании задач науки (Spaulding 1960: 439).

Однако одни археологи считают, что этим и исчерпывается содержание предмета их науки, а само познание жизни и культуры исчезнувших обществ отводится иным наукам, которым археология служит в качестве вспомогательной источниковедческой дисциплины (Городцов 1908: 8–9; Равдоникас 1939: 11–17; Taylor 1948: 43–44; Žak 1968: 461–472; Hensel 1971: 445–451; Rouse 1972: 6–11; и др.). Концепцию выражает афоризм: археология – служанка истории (американцы сказали бы: служанка антропологии).

Другие археологи расширяют предмет археологии в сторону глубоких рубежей познания, включая в границы предмета археологии также и конечные цели изучения – жизнь и культуру исчезнувших обществ (Müller 1898: 292–293; Дикшит 1960: 35–36; Clarke 1968: 12–14; Захарук 1970: 3–11; и др.). Предмет археологии эти исследователи считают двучастным. Непосредственное же изучение материальных древностей (описание, классификацию и т. п.) они иногда выделяют в особую отрасль археологии – «археологическое источниковедение» у Я. А. Шера и Ю. Н. Захарука, «археографию» у К.-А. Муберга (Шер 1966; Захарук 1970; Moberg 1969: 42). Подчеркиваются самостоятельность и методологическая обособленность археологии. Археолог по этой точке зрения – универсал и должен быть универсалом (может ли – это другой вопрос, который эти археологи не ставят).

Третьи археологи только конечные цели и считают важными, решающими в определении предмета археологии, отводя археологическому источниковедению чисто служебную роль, иногда в рамках особой технической дисциплины, удаленной за пределы археологии как науки. По этому третьему толкованию, предмет археологии соб-

ственно, совпадает с *предметом истории*, различаются лишь их источники (в *России* – Арциховский 1940; Монгайт 1955: 7–8; Рыбаков 1968: 28; в *Германии* – Eggers 1950: 51; в *Англии* – Daniel 1950: 11; в *Польше* – Hołubowicz 1961; Trudzik 1971; и др.). Подчеркиваются самостоятельность (полноправность) и методологическая неособленность археологии от истории. По крылатому выражению Арциховского, археология – это история, вооруженная лопатой. По столь же меткому выражению Леруа-Гурана, это история без текстов. Это понимание и породило специальное выделение «археологического историко-ведения».

Таким образом, определение предмета археологии сводится к определению *предмета истории*, объясняется им – как ясным и однозначным. Однако среди историков нет единства в определении предмета истории! По одной точке зрения, предметом истории или его ядром являются законы строения общества и его развития (Федосеев и Францев 1964: 15–18; Ракитов 1969: 172–174, 178–179; ср. Hempel 1959: 351). Практически здесь предмет истории тот же, что у социологии. По второй точке зрения, за предмет истории мы должны принять весь конкретный исторический процесс (Греков 1953: 24; Кон 1962: 369). Но весь процесс воспроизвести невозможно, и даже обобщение его – дело всех общественных наук. Поэтому, по третьей точке зрения, предмет истории – не весь процесс, а лишь один его аспект: реализация законов в каузальной связи явлений; открытие же, абстрагирование этих законов – дело социологии (Гулыга 1969: 7–8, 21–23; Ирибаджаков 1972: 199–208; ср. Э. Бернгейм 1908: 26).

Поскольку у историков, таким образом, существуют три различных концепции предмета истории, отождествление с ним предмета археологии тоже создает возможность тройного толкования. А так как по одной из этих концепций предмет истории (ПИ) совпадает с предметом социологии (ПС), марксистская же социология некоторыми исследователями отождествляется с историческим материализмом (ИМ), то появляется еще одна возможность уравнивания (ПА=ПИ=ПС=ПИМ), которую и реализовал В. Н. Даниленко. Этот археолог утверждал: «Все, что является предметом исторического материализма, является также предметом исследования археологической науки...» (Даниленко: 1969: 149).

Таков размах расхождений.

4. Критика концепций. Все это не схоластические споры. Они связаны с философскими и социальными позициями и имеют прямой выход в практику научной деятельности.

Принятие первой (узко-объектной) точки зрения на предмет археологии может повести и нередко ведет к отрыву археологии от истории и социологии. Археологи замыкаются в антикварном вещеведении, утрачивают целевую перспективу исследований и, даже интенсивно исследуя вещи, разучаются добывать из них ту информацию, которая необходима для исторических и социологических реконструкций. В. И. Равдоникас (1930) обвинял в этом отечественных археологов старого закала. У. Тэйлор показал, как это произошло с американскими «таксономистами». П. Мартин продемонстрировал то же на примере «сопрягателей» – последователей Тэйлора (Taylor 1948: 45–94; Martin 1974: 1–8). В то же время историки и социологи либо вовсе не пользуются археологическими источниками, либо предпринимая сугубо дилетантские набеги на археологию, результаты которых не могут иметь серьезного значения: у историков ведь нет специальных методов интерпретации археологического материала (Nachmann 1970: 11).

Утверждение третьей (узкоцелевой) точки зрения (а именно она господствовала несколько десятилетий в советской археологии) также сопряжено с нежелательными следствиями. Забывается специфика археологических источников и их принципиальная неполнота – появляется тенденция решать широкие исторические и социологические проблемы (например, проблемы этногенеза) на одном археологическом материале, методами археологии, игнорируя важную, иногда решающую роль других источников – языковых, этнографических и проч. (см. об этом Клейн 1969: 21–35).

Чтобы хоть как-то компенсировать их отсутствие, археологи предпринимая дилетантские вылазки в этнониме, топониме, фольклористику и т. д. (об этом – Пропп 1962: 87–91; Никонов 1965: 4–5; Филин 1972: 25; Клейн 1991б). Археология как бы дублирует историю, но эта вторая история получается односторонней и вялой. В учебных курсах проступает не «как бы», а настоящее дублирование археологией курса истории первобытного общества, отчасти курсов истории древнего мира и раннего средневековья. Чтобы избежать дублирования, историю первобытного общества приходится схематизировать и иллюстрировать этнографическими примерами, а курс основ археологии превращать в хронологический обзор памятников и куль-

тур (таковы все наши стандартные учебники). Показательна и сама смена названий курса: раньше он назывался «введением в археологию», потом «основами археологии» и, наконец, последнее название – «основы археологии СССР». Незаметно изменилось значение слова «археология» в названии курса: вначале оно обозначало науку, в конце – совокупность материальных древностей (хронологически и регионально упорядоченную и снабженную историческими комментариями).

Рождается требование к публикациям, чтобы они содержали непременно не только отпрепарированные материалы раскопок, но и глубокие исторические и социологические выводы (Артамонов 1959: 5–8; Hołubowicz 1961). Это сильно тормозит публикацию находок, а иногда приводит к тому, что выводы публикуются вместо материалов.

Компромиссная, вторая точка зрения (концепция широкого предмета) не получила большого распространения: ее сторонникам пока не удается показать, что задачи изучения обеих частей столь широко понимаемого предмета (материальных древностей и жизни древних обществ) осуществимы средствами одной науки, без включения источников с другой спецификой. Нет надежды, что можно объединить свойства этих обеих частей предмета и указать его общие черты, что здесь будет соблюдена связность цепочки методов. На практике эта компромиссная точка зрения сводится к одной из крайних, чаще – к третьей, с которой она имеет то общее, что возлагает на археологию функции истории и социологии. Многие археологи тоскуют по социальной и политической роли этих наук.

С этими концепциями связано и отношение к отделению преистории от археологии. При узко-объектной точке зрения на предмет археологии преистория есть особая наука. При обеих других точках зрения она сливается с археологией. Неуступны видит в археологии смысл только если она пользуется моделями, дающими реконструкцию исторического процесса, широко привлекаая для этого внеархеологическое знание. Концепция самостоятельной преистории кажется ему логичной лишь если она будет построена как археологическая теория, являющаяся источником таких моделей для археологии. «Я сомневаюсь, существует ли где-либо такая преистория сейчас, и я не уверен, что логично пытаться создать ее как особую дисциплину». Не кажется ему практичным и отделение преистории от археологии как теоретического аспекта от эмпирического. Параллель с оппозицией «история и археология» (скажем, античная история и классическая археоло-

гия), как он пишет, «вносит лишь дополнительные трудности» – не разъясняется какие (Neustupny 1993: 1–2). Трудности, конечно, есть – для противников разделения.

5. Методологическая основа разногласий. Именно Быковский, первым заметивший кристаллизацию разных концепций предмета, нащупал и методологическую основу разногласий. И выбрал крайнюю позицию, ставшую сначала открытым, а затем подспудным, неосознаваемым обоснованием концепции, шедшей к доминированию, – концепции, отождествлявшей археологию с историей. Он в 1932 г. объявил «твердо установленным, что деление исторических наук по видам источников изучения – антинаучно. Исторический процесс отражался в различных источниках, так сказать, не считаясь с их видом и характером». Это значит, что у археологии не остается собственного предмета. «Ее предмет по частям входит в соответствующие отделы исторической науки, раздробляясь как в вертикальном, так и в горизонтальном отношении» (Быковский 1932в: 3–5).

Идею тогда подхватили молодые московские археологи. Точнее, они вынуждены были подхватить эту идею своего ленинградского критика Быковского, но она была и в самом деле близка им. Они поняли дело так, что «при диалектико-материалистическом понимании исторических источников археология теряет право на существование как самостоятельная и даже как вспомогательная наука. Она подлежит упразднению... Остаются, однако, археологи, т. е. историки, умеющие производить археологические раскопки и научно пользоваться вещественными памятниками» (Арциховский и др. 1932: 48). Это историки, вооруженные лопатой!

Впоследствии авторы этих слов, прислушавшись к критике, отошли от ликвидаторского увлечения, и не стоило бы ворошить забытые страницы прошлого, если бы современная концепция («история, вооруженная лопатой», по Арциховскому) не была преемственно связана с той и если бы в основе не сохранилась та же идея – об отсутствии специфики у археологических источников.

Между тем, хотя специфику археологических источников очень непросто ухватить (это требует информационного подхода, а он входит в общественные науки лишь в наше время), она есть, и это предопределяет нужду в особой системе методов и в отдельной науке. Специфика эта (подробно см. дальше в специальном разделе) сводится к тому, что археологические источники очень односторонни, неполны и своеобразно искажают прошлое.

Конечно, и другие источники по-своему односторонни и неполны, а письменные в глубине тысячелетий и вовсе пресекаются. Но у разных категорий источников неполнота разная. Они взаимно дополняют и компенсируют друг друга – как ухо и глаз. Это не значит, что они по-разному освещают один предмет. Это означает иное – что предмет у них разный. Одним, общим для них, остается лишь объект.

6. Определение решающего звена проблемы. Отделение археологии от преистории, истории и социологии находит сейчас все больше сторонников в археологической науке (Григорьев 1973: 41–43; Бочкарев 1973: 56–60; Клейн 1977а, 1978б; Tabaczyński i Pleszczyńska 1974: 10–13; Hensel, Donato and Tabaczyński 1986). Что ж, вопреки ходячему предубеждению (Clarke 1968: 12–13; Массон 1973: 46–49), само по себе это не требует признания археологии служанкой истории, или непременно полного отрыва археологии от истории, утраты ориентировки на историю и социологию. Надежное включение «усеченной» археологии в глубоко эшелонированный процесс познания вполне возможно. В ряде современных работ проводится мысль, что археология создает из своих материалов *новый исторический источник* – систему древностей, которая и становится важным объектом *палеоистории* (преистории и ранней истории) и имеет вид письменного источника (Labuda 1957: 22; Григорьев 1973: 41; Бочкарев 1973: 59, тез.11; Лебедев 1973: 57; Генинг 1975б: 11). Подчеркиваются и обратные связи от палеоистории к археологии (при отборе признаков и т. п.) (Шер 1970: рис.1; Бочкарев 1973: 58). Археология отделяется от истории, как у представителей первой концепции, но не отрывается от истории.

Для этого требуется существенная модификация первой точки зрения. В сторону такой модификации направлены предложения современных исследователей, вводящих в предмет археологии не только вещи с их простейшим порядком, но и систему более глубоких связей и отношений, в которую эти вещи включены (Григорьев 1973: 42). Однако эти связи и отношения имеют много уровней сложности, и в конечном счете всё, что хотят ввести в предмет археологии представители третьей точки зрения (законы исторического процесса и т. п.), можно представить как последний, самый глубокий уровень таких связей и отношений (так и поступают Л. Бинфорд и др.). Тогда мы вернемся к среднему (широкому) толкованию предмета археологии, если не к третьему (узкоцелевому). Дело, однако, за тем, чтобы определить рациональный предел, на котором проникновение

археологии как особой науки вглубь этих связей и отношений должно остановиться.

Таким сдвигом будет зафиксировано четвертое понимание предмета археологии, тоже среднее между первым и третьим, но не широкое, а узкое.

7. Предложение. Познание в рамках одной науки должно продолжаться до тех пор, пока не обнаружится системная связь между ее материалами, пока совокупность фактов не предстанет в системе функциональных сцеплений. Однако ни *сумма древностей*, ни реконструированная *материальная культура* не составляют целостной системы. Это – изолированные, незамкнутые, выделенные по второстепенному признаку (материалу и сохранности) блоки цельной системы – *культуры*. Следовательно, археологам необходимо самим доводить изучение материальных древностей до того уровня, когда эти древности включаются в систему культуры, взятую в статике и в динамике.

В то же время, культура в целом не может становиться предметом археологии, так как для ее адекватного изучения в статике и в динамике требуется массовое привлечение и применение иных методов. В предмет археологии входит в качестве конечного звена лишь один *аспект культуры* – включение материальных древностей в систему ее функциональных связей. В основе этого включения – три процесса:

1) *преемственное развитие* культуры – с интеграцией, дезинтеграцией, конвергенцией и взаимодействием локальных культур (Артановский 1967: 26–50, 84–207; Соколов 1972: 58–91),

2) *«опредмечивание»* идей и событий (Deetz 1967: 105–134), и

3) *«археологизация»*, т. е. выход из жизни, трансформация результатов *«опредмечивания»* (Eggers 1959: 199–297; Бочкарев 1973: 59–60). В этом деле есть свои причинно-следственные механизмы и есть свои закономерности, и они, конечно, входят в предмет археологии.

Если эти соображения верны, то в предмете археологии три уровня глубины:

1) вещей и их соотношений,

2) явлений, событий прошлого,

3) их включения в систему культуры и в культурно-исторический процесс.

Тогда категориальный состав предмета археологии можно определить так:

1) сами материальные древности как остатки исчезнувшей материальной культуры прошлого,

2) их связи и отношения в системе культуры (между собой, с другими элементами культуры, с конкретными звеньями культурно-исторического процесса),

3) закономерности и причинно-следственные механизмы, лежащие в основе всех этих связей и отношений.

Конкретно это означает, что заботы археологии не оканчиваются, как полагает В. С. Бочкарев (1973: 59–60), выделением археологических культур. Формирование генетических (трассовых) секвенций, т. е. тех рядов культур, в которых протекал исторический процесс (Клейн 1973: 1–4; Klejn 1974: 47–48), еще целиком входит в компетенцию археологии. Это значит, что так называемые исторические реконструкции явлений (автохтонности, миграций, влияний, трансформаций и т. п.) – дело археолога, а не историка. А вот объяснение причин этих событий и выявление законов, по которым они происходили, в основном не дело археолога. Специально эти проблемы занимают археолога только с одной стороны. Он прибегает к их разработке лишь постольку, поскольку это позволяет и помогает ему установить системную связь между его материалами, сформировать секвенции. В остальном, вопреки установке Л. Бинфорда (Binford 1967: 267–275), эти проблемы отходят в ведение историка и социолога. Здесь пролегает рубеж.

При таком понимании предмета археологии она оказывается не служанкой истории, не частью и не двойником истории, но также и не абсолютно самодовлеющей наукой, а *особой методологически самостоятельной частной общественно-исторической дисциплиной*. Общественно-исторической в том же смысле, в каком так могут быть охарактеризованы этнография, языковедение, литературоведение и т. п. У нее свой предмет со специфическими исходными материалами, свои методы, свои теории. Она может выступать *в роли источниковедческой дисциплины* по отношению к другим наукам (как могут выступать в такой роли и этнография, лингвистика, филология). Такие выходы ведут из археологии в социологию, историю, культурологию, историю культуры – науки *синтетические* по природе. Местнические амбиции и громкие, пусть и благонамеренные, претензии на чужие роли не способствуют ее авторитету. Археология – наука более узко-

го, но достаточно важного назначения. Чтобы ее участие в интеграции наук было серьезным и плодотворным, нужно сначала размежевать их, четко и деловито определив ее функции и ограничив предмет.

Нежелание считаться с границами наук, тенденция к «распредмечиванию» археологии имеет давнюю традицию в нашей стране. Кроме критически рассмотренного выше методологического обоснования у этой традиции есть и позитивные идейные стимулы (тяга к интеграции наук, преодоление фактопоклонничества, повышение авторитета истории), и материальные корни (прилив в археологию кадров с подготовкой лишь общеисторической), и объективные гносеологические основания (сложность специфики археологических источников).

Стоя у колыбели советской археологии, академик С. И. Жебелев – историк, создававший руководство для археологов, – утверждал: «Ошибочно думать, что в понятие “археологии” входит только исследование вещественных памятников старины, что памятники письменные совершенно из нее исключаются. Далеко нет!» (Жебелев 1928: 27). И Жебелев делил «источники археологии» на три основных категории: а) сами памятники, б) их воспроизведения, в) письменные источники (Жебелев 1923: 4). Соответственно он считал, что какие-либо особые методы, не совпадающие с историческими и филологическими, археологии не нужны, их «вряд ли есть нужда придумывать, равно как не приходится говорить и о каком-то особом “подходе” при занятиях археологией» (Жебелев 1923: 130).

Через десятки лет в учебнике А. В. Арциховского и в популярном пособии его учеников повторяется та же идея: историческая и археологическая наука неразделимы и совместно пользуются обоими видами источников – вещественными и письменными (Арциховский 1940: 3; Амальрик и Монгайт 1966: 9). Ученики формулируют концепцию даже ближе к Жебелеву: «Научная задача археологии состоит в том, чтобы на основании всех возможных источников – вещественных и письменных – как можно полнее восстановить картину исторического прошлого человечества» (Амальрик и Монгайт 1966: 185).

Но если специфика тех и других источников требует различий в методике обработки, то это уже база для двух наук: археологии и письменного источниковедения. Проводить синтез надо, естественно, в одной науке. Спрашивается: в какой-то одной из двух (и в которой же) или в некоей третьей? И тогда не вправе ли на место этой третьей претендовать история? Да и только ли история?

Делала бы археология мастерски то, на что у нее хватает доступных ей материалов и наличных у нее методов, – право, лучше было бы и для нее самой, и для истории. Воздадим кесарево кесарю археологии и богово – богу истории.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Монография, специально посвященная этой теме, на русском языке есть (Генинг 1983), но она написана очень трудным языком и перегружена догматической марксистской философией. Моя статья на ту же тему (Клейн 1977) использована здесь, тогда как другая моя книга (Клейн 1978б, 1995) частично посвящена той же теме (все они на русском). На английском из этой темы освещены только проблемы соотношений археологии с историей (Dumond 1974).

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Считаете ли Вы рациональным предлагаемое здесь решение – отбросить деление на предмет и объект при рассмотрении дела археологии, ее поприща? Если Вам представляется разумнее сохранить это деление, то какие из этого вытекают следствия для анализа?

2. Какие плюсы и минусы видите Вы в современной тенденции к дифференциации знания? Противоречит ли это задачам синтеза, кооперации?

3. Удовлетворяет ли Вас изложенное понимание права частной науки на обособление? Можете ли Вы дополнить или изменить предложенные критерии?

4. Является ли выделение трех концепций археологии (узко-объектной, узкоцелевой и широкой компромиссной) идеальным для рассмотрения ее предмета? Нет ли возможности выделить еще одну или две концепции (помимо предложенной здесь «узкой средней») или вообще предложить другое деление?

5. Не можете ли Вы добавить в критическую оценку каждой из этих концепций дополнительные плюсы или минусы и в результате изменить общее соотношение оценок?

6. Здесь высказано мнение, что методологической основой разногласий по предмету археологии является признание или непризна-

ние специфики археологических источников. Только ли от признания этой специфики зависит определение предмета археологии?

7. А Вы как полагаете, где должна заканчиваться археология и начинаться история?

8. Есть ли разница между отделением археологии от истории и отрывом ее от истории?

9. Какие аргументы Вы можете привести в пользу отождествления преистории с первобытной археологией и какие против этого, в пользу их разделения?

10. Есть ли у археологии больше прав претендовать на функции истории, чем у других источниковедческих дисциплин (нумизматики, этнографии и др.)?

ГЛАВА 4

ОТ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ К АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

1. Современная ситуация и исторические корни. Когда я в 1978 г. принес в Издательство Ленинградского университета рукопись моей книги «Археологические источники», мне было сказано, что она может выйти в свет только если маститый археолог, скажем, директор Эрмитажа, согласится написать предисловие. Дело было в том, что я выступал против традиционной догмы, что археологические источники это просто разновидность исторических. Когда я пришел к директору Эрмитажа академику Борису Борисовичу Пиотровскому, он спросил: «А мой Кармир-Блур – исторический источник?» Кармир-Блур он копал много лет. «Нет, – ответил я, – не исторический». «Но на его основе я написал историю государства Урарту! – возразил он. – Давайте отложим решение. Я должен подумать, поддерживать ли Вас». Позже я не раз посещал его кабинет и звонил по телефону, развивая мои аргументы, пока, наконец, краткое предисловие не было написано. Решающим было мое письмо академику, которое я приоткрою дальше.

Термин «археологические источники» был широко употребителен в советской археологии и в археологии социалистических стран; он фигурирует и в общих руководствах и в названиях специальных работ (Археология с 1961; Hołubowicz 1961; Каменецкий и др. 1975; Клейн 1978). В силу привычности термина у нас даже сложилось впечатление о его естественности и общепринятости, о его понятности и о том, что он применялся в этом само собой разумеющемся значении всегда и везде. А это не так.

Достаточно пролистать основные дореволюционные российские руководства по археологии (А. С. Уварова, В. А. Городцова, А. А. Спицына) или Труды археологических съездов, чтобы убедиться, что там речь идет об «археологических памятниках» или «археологических материалах», но «источниками» они обычно не называются. В современной западной науке термины, соответствующие нашему «археологические источники», в общем-то известны, имеются в терминологическом словаре (в немецком «archäologische Quellen», во французском «sources archéologiques»). Но полное соответствие есть только в континентальной Европе. В английском термин «material

sources» употребляется чрезвычайно редко. На его месте мы встречаем термин «archaeological record». «Record» – букв. «сообщение», «запись». Если в слове «источник» подразумевается возможность *использования* информации, то слово «record» отвлечено от этого аспекта, здесь подчеркнуто лишь *внедрение* информации в объект. Вообще в зарубежной литературе если эти термины и применяются, то не в археологическом обиходе, а в общетеоретических разработках по философии и методологии истории. Практически этих терминов в зарубежной археологической литературе не встретить или почти не встретить (исключения рассмотрим далее). В контекстах, где их можно было бы ожидать, оказываются другие термины: «археологические свидетельства» (англ. «archaeological evidences»), «археологические данные» (англ. «archaeological data»), «археологические памятники», «археологические находки» (нем. «Bodendenkmaler, Bodenfunde»), «археологические документы» (нем. «archäologische Urkunden») и т. п.

Отсутствие специального термина говорит о невыделенности особого понятия, о том, что нет потребности отличать его от смежных понятий, что не чувствуется необходимость подчеркивать и обособлять соответствующий аспект изучения объектов археологии. Этот аспект считается либо ненужным, либо естественным и единственно возможным.

Вообще понятие «*археологические источники*» появилось в археологии как проекция понятия «*исторические источники*» на археологический материал, т. е. под несомненным воздействием исторической науки. Это стало возможным, когда археология вступила в тесную связь с историей и стала рассматриваться то как вспомогательная историческая дисциплина, то как отрасль истории.

Археологии далеко не всегда отводилось такое место в системе наук и не везде отводится сейчас. Некогда *археология* была частью *географии* – описывала древние достопримечательности края. В эпоху Возрождения археология стала частью *музейно-антикварного дела* и иллюстрировала *классическую филологию*. В эпоху Просвещения она превратилась в техническую экспертизу *антиковедческого искусства*. Романтики XIX в. связали ее с *этнографией*, сделали продолжением этнографии вглубь времен и придали морально-этическую направленность. Идеализацию тех или иных сторон прошлого желательно было подкрепить материальными памятниками. Такой установке, разумеется, был совершенно чужд взгляд на эти памятники как на объективные источники сведений о прошлом.

Однако размах и сила революционного движения постепенно повернули историков от деяний королей и министров к жизни широких народных масс, плохо освещенной в письменных источниках. Это стало особенно заметно во второй половине XIX в. Тогда же развитие капитализма интенсифицировало интерес к истории хозяйства, а разработка изощренной критики текстов и их содержания подорвала доверие к письменным источникам. Вот тогда и понадобились данные вещественных источников, тогда историки обратились за помощью к археологии, и тогда археология превратилась в *исторически ориентированную* дисциплину.

В России интерес к древностям возник позже, чем в странах Западной Европы (хотя и раньше, чем в Америке), и археология здесь прошла этот путь развития ускоренным темпом, но через те же этапы и в той же последовательности. Это живо показано в увлекательной книжке А. А. Формозова (1961).

2. Выделение понятия «исторические источники». В исторической науке понятие «исторические источники» кристаллизовалось в тесной связи с двумя явлениями: а) возникали четкие представления об авторстве и, б) появилось критическое отношение к сведениям о прошлом.

Конечно, и до того в исторических сочинениях давались иногда указания на *источник сведений*, но, во-первых, это не было обязательным, а во-вторых, этому не придавался тот узкий смысл, без которого просто нет понятия «исторический источник». Любой текст и любой слух без разбора принимались как пригодные и равноценные источники сведений. Список с текста или пересказ с любыми переделками, пропусками и добавками сразу же становился таким же источником для последующих переписчиков и пересказчиков. Что и у кого списано, что добавлено – не требовалось отмечать. Так писалась история в средние века.

В эпоху Возрождения, в XIV–XV вв., когда зашатался уклад догматического подавления мысли и чувств и стало слабеть слепое доверие ко всему освященному традицией, историки-гуманисты начали подвергать сомнению надежность дошедших до них переложений истории – письменных и (особенно) устных. Гуманисты осознали необходимость отделять основу своих изысканий – первичные «исторические источники» и сообщения солидных древних писателей (нередко свидетелей и участников событий) – от смутных слухов и позднейших домыслов или толкований, предлагаемых современниками

ученого и читателя. Теперь историки перестали сливать с древним текстом не только свои примечания к древним сообщениям, но и гипотетические вставки (*конъектуры*) на места пробелов.

Тогда-то и возникло разделение *исторических сочинений* на «*исторические источники*» и «*исторические пособия*». Статус исторических источников получили первичные надежные изложения сведений солидными, ответственными, знающими людьми. Преимущественно это сочинения древних писателей и средневековых летописцев, старинные документы и т. п. Однако такой же статус получают поздние списки и отрывки из них в поздних сочинениях, даже их переказы – при условии, что это самые ранние из дошедших до нас звеньев передачи древнего сообщения, а более ранние звенья, которые могли бы служить источниками, утрачены.

В эпоху Возрождения среди пособий стали выделяться в особый жанр, а затем отделились от них *исторические исследования*. Для гуманистов исторические исследования – это уже не просто переложение сообщений и описание событий в хронологическом порядке. Это сочинения, в которых проводятся проверка, сопоставление, истолкование сообщений о прошлом: по обрывочным данным восстанавливается связная цепь событий; прослеживаются истоки явлений, выясняются причины и следствия, выделяются и оцениваются с разумных и моральных позиций описываемые деяния; извлекаются «уроки истории», а над всем этим витает поиск единства, смысла и направленности всего движения человечества.

Из-за своей удаленности во времени от исследователя, из-за разнородности и нередко плохой сохранности исторические источники далеко не всегда легки для понимания. Чтобы правильно извлечь из них историческую информацию, их нужно к этому специально готовить, так сказать, отпрепарировать – определить возраст, авторство, тему, понять язык и т. д. С этой стороны они всегда подлежат заботам особой исторической дисциплины – *источниковедения* (или, скорее, целого комплекса дисциплин: палеографии, археографии, эпиграфики, текстологии, дипломатики и др.).

Исторические исследования быстро накапливаются. Они оказываются различными по уровню и направлению в зависимости от времени, места и условий создания, от социальной позиции, знаний и таланта автора и т. п. В этом плане их упорядочивает, осмысливает и критически оценивает другая историческая дисциплина – *историография* (это литературная канва *истории исторической науки*).

Источники обычно издаются иначе, чем исследования. Теперь нередко и ссылки на источники оформляются иначе, чем ссылки на исследования (например, ссылки на источники – сокращенно и в тексте, а на исследования – полностью и в сносках).

3. Ограничение понятия с появлением и развитием критики источников. Не очень доверяя устному преданию, гуманисты еще вполне полагались на письменные источники, поддерживаемые незыблемым авторитетом античных классиков, святых отцов церкви и самого Священного писания. Потребовался очистительный ветер Реформации, чтобы развеять это доверие. Уже в первой половине XV в. была разоблачена как подделка грамота римского императора Константина Великого папе Сильвестру – обоснование папских «прав» на Рим (знаменитый «Константинов дар»). Однако методы *критики источников* были подробно разработаны позже – в XVII в.

Этому способствовали возникшие в условиях Промышленной революции новые философские доктрины Ф. Бэкона (эмпиризм или индуктивизм) и Р. Декарта (рационализм). Первая учила исходить из опыта, из фактов, вторая – добиваться ясности посредством сомнения и аналитического расчленения. Новые идеи воодушевляли не только научную революцию в естествознании (труды Ньютона, Бойля, Гюйгенса и др.), но и политические революции буржуазии в Нидерландах и Англии.

В этой общей духовной атмосфере во второй половине XVIII в. плеяда затворников-эрудитов (Паперброх, Мабильон, Симон) в спорах о подлинности конкретных грамот разработала и применила на практике методы критики источников. Стало ясно, что содержание исторических источников нельзя приравнять к фактам естествознания и что содержащиеся в исторических источниках данные еще не способны удовлетворить критериям эмпирической науки. Теперь понятие *«исторические источники»*, отделенное ранее только с одной стороны – от понятия *«исторические пособия»* (включая *«исторические исследования»*), было отделено и с противоположной стороны – от понятия *«исторические факты»*.

В труде Жана Мабильона (1681) «De re diplomatica» («О грамотах») были заложены основы экспертизы подлинности. Ришар Симон в своей «Критической истории Ветхого завета» (1678) показал, как выявлять древние части текста и устанавливать их сохранность. А в анонимно вышедшем «Богословско-политическом трактате» философа Б. Спинозы (1670) появились и зачатки более глубокой критики

источников – под сомнение была поставлена не их подлинность или сохранность, но истинность их содержания.

Эта отрасль критики источников получила новые стимулы в век Просвещения и Великой французской буржуазной революции. Просветители XVIII в., философы и историки (Вольтер, Вико, Кондорсе) уже умели в общем распознавать за утверждениями источников политические пристрастия их авторов, хотя и делали это только рационалистически – по здравому смыслу и интуиции.

Но этого уже было достаточно, чтобы понять, что критика источников не сводится к проверке подлинности текста или его частей, т. е. к определению возраста, авторства и сохранности, но включает в себя и оценку достоверности сообщений, соотношений между объективностью и тенденциозностью автора, оценку его компетентности и т. п.

Просветителем, вольтерьянцем умеренного толка был немец А. Л. Шлёцер, работавший и в России. Это он не только провел первую критическую разработку такого источника, как русская летопись, но и ввел в историческую науку сам термин «источник» (Quelle) (на немецком языке в книге 1768 г., в русском переводе появилась в 1809 г.) (Schlözer 1768: 168; Шлёцер 1809: 394, 425). Шлёцер первым предложил и ясное различие между последовательными (по глубине проникновения в источник) задачами критики и соответственно между ее отраслями.

В начале пути он поместил *«малую критику»*, или *«критику слов»*, направленную на оценку подлинности и сохранности текста и на восстановление элементов оригинала. За этим у Шлёцера следует *«толкование»* текста, *«грамматическое»* и *«историческое»*, нацеленное на то, чтобы верно прочесть восстановленный текст, разобраться в его языке (перевести на современный) и соотнести с определенными историческими событиями, местами, фигурами и т. п., словом, установить истинный смысл, вложенный некогда в текст его автором. Наконец, *«высшая критика»*, или *«критика дел»* проводится с целью установить достоверность самих сведений, сообщаемых автором, и опирается, с одной стороны, на оценку личности автора, на выявление его информированности и пристрастий, а с другой – на сравнение со сведениями иных источников.

В XIX в. структура источниковедения усложнилась (рис. 1). Обе группы задач «малой критики» обособились. Первым шагом критики стала *экспертиза подлинности*. Эту функцию частично взяли на себя специальные дисциплины: *археография* (наука о рукописях), *эпигра-*

Раздел	Малая (внешняя) критика		Толкование			Высшая (внутренняя) критика	
	Техническая	Текстовая	Лингвистическое		Историческое	Коммуникационная	Содержательная
Содержание (методические операции)	Экспертиза подлинности	Проверка сохранности и восстановление подлинного текста	Перевод с чужого языка на родной язык исследователя	Перевод с древнего языка на современный	Соотнесение сведений с известными	Выявление первоисточника, история информации до ее аккумуляции в тексте	Установление объективности и полноты информации
Вспомогательные дисциплины и операции	Археография, эпиграфика, дипломатика, палеография, сфрагистика	Текстология	Дешифровка, реконструкция языка, опознание языка, прочтение, перевод	Прочтение, перевод	Герменевтика, геральдика, историческая география, хронология, историческая метрология, эвристика, генеалогия	Палеоисториография, фольклористика	Историческая гносеология (раздел философии истории)

Рис. 1. Структура исторического (текстового) источниковедения (обработка письменных источников).

фика (наука о надписях на камне и металле), *дипломатика* (наука о документах, актах, грамотах), *палеография* (история шрифтов, стилей, почерка, писчих материалов и т. п.), *сфрагистика* (наука о печатях).

Второй шаг «малой критики» (проверка сохранности и восстановление оригинала текста) оформился в особую дисциплину – «*критику текста*», или *текстологию*. Основы ее заложил в начале XIX в. немецкий филолог К. Лахман. Опираясь на сравнительный анализ «списков» (копий текста), он отыскивал родственные связи между ними и механически реконструировал все более общие предковые формы – все более древние тексты. В конце XIX – начале XX вв. А. А. Шахматов, исследуя русские летописи, коренным образом перестроил текстологию. В его представлении образ древнерусского летописца был уже далек от шлёцеровского Нестора или пушкинского Пимена, творившего, «добру и злу внимая равнодушно». По убеждению Шахматова, «рукою летописца управляли политические страсти и мирские интересы» (1916: XVI).

Выявляя вставки, пропуски, перестановки, переделки, исследователь увязывал их по смыслу с политическими позициями и идеями различных составителей летописи, с воздействиями на них тех или иных исторических событий. Он восстанавливал не просто схемы родственных отношений между списками, а сложную историю текста.

Та отрасль, которую Шлёцер называл «толкованием», также разделилась надвое.

«Грамматическое», или, как бы мы теперь сказали, лингвистическое, толкование текста включает в себя *дешифровку* (если письменность не известна), *реконструкцию языка* (если неизвестен язык), *опознание* письменности и языка (если они известны), *прочтение* и *перевод* с чужого языка на язык исследователя и с древнего или архаичного на современный. Все эти задачи отошли к лингвистам.

Историческое же толкование текста позволяет исследователю реально представить себе смысл, вложенный в текст давним автором, опознать в сообщении реальные исторические фигуры, места, события и процессы, найти им соответствия в других источниках и даже в других видах источников. Все это, конечно, осталось на обязанности историков-источниковедов, но не оформилось в особую дисциплину. Формальные результаты этой проработки обычно сводятся к научному *комментированию* текста и к *иллюстрированию* его соответствующими изобразительными материалами – старыми рисунками, карта-

ми, фотоснимками или чертежами археологических реалий и т. п., – а также к составлению *исторической энциклопедии*, словарей и справочников. Из подсобных дисциплин, связанных с этими задачами, слабо оформленная *герменевтика* ведаёт систематизацией вышедших из употребления образов, сюжетов, атрибутов, аксессуаров, регалий и т. п. и способами их опознания. Одна категория этого материала (гербы) подлежит ведению особой четко оформленной дисциплины – *геральдики*; опознанию мест помогает *историческая география*; установлению дат – *хронология* (дисциплина, изучающая измерение и обозначение времени, календари и ведущая разыскания о возрасте). Этим трем дисциплинам противоположна *историческая эвристика*, охватывающая операции обратного порядка: по заданным темам исследования отыскивать источники с необходимой информацией.

Надвое разветвилась и «высшая» шлёцеровская критика.

В начале XIX в. историки романтического направления с их интересом к «родной старине», к «историческим корням» и «народному духу», к фольклору осознали, что во многих случаях даже вполне подлинный или хорошо восстановленный текст содержит не сообщение очевидца, а запись молвы, устного предания, развивавшегося по своим особым законам, и, таким образом, не является первоисточником. Понятие «*исторический источник*» получило новое ограничение: от него отделилось понятие «*первоисточник*». Стало ясно, что еще до того, как выявлять идейные позиции и тенденциозность информаторов, т. е. еще на первом этапе высшей критики, надо установить, откуда и примерно в каком виде эта информация ими получена.

С конца XVIII в. немецкий филолог Ф. А. Вольф и его школа занялись, например, выявлением эпических сказаний, исторических легенд и даже мифов, из которых, по мнению этих исследователей, сложились представления Гомера о Троянской войне. В начале XIX в. немецкий историк Б. Г. Нибур выдвинул положение, что у истоков всякой исторической традиции лежит «баснословный период», что все повествовательные источники о заре письменной истории содержат много фольклорных мотивов и что, следовательно, надежность этих источников сомнительна. В России второй четверти XIX в. эти идеи исповедовали М. Т. Каченовский и его «скептическая школа». В критическом задоре и в ужесточении критериев достоверности многие из критиков – от Вольфа до Каченовского – зашли так далеко, что стали полностью отвергать реалистичность даже таких источников, надежность которых была впоследствии доказана: Г. Шлиман откопал «ми-

фический», по Вольфу, Илион. Но разрушительными были только перегибы, критика была созидательной – очищала строительный материал от брака.

Однако и в тех случаях, когда древний автор опирался не на фольклорное предание, а на письменную традицию, на литературу, его текст даже в первоначальном и неповрежденном виде – не первоисточник. Между тем, если автор не переписывал, а вольно перелагал или просто знал и учитывал тексты своих предшественников, то текстология своими методами не в силах проследить истоки его сведений и представлений. Нужно сопоставить его труд с трудами других древних авторов, его предшественников, – выявить источники источников, реконструировать древние русла передачи идей и фактов, древние литературные традиции. Именно таким способом тот же Нибур расчленил информацию, переданную римским историком Титом Ливием, приступив к созданию как бы «палеоисториографии». Это и стало задачей первого этапа высшей критики источников – *коммуникационного* (устоявшегося названия нет, я ввожу здесь свое).

Изошренную методику этой отрасли критики источников разработали и применили, построив сложную и детальную систему «палеоисториографии» античности и средневековья, Л. Ранке и его преемники – корифеи «немецкой исторической школы» второй половины XIX в. Я. Буркхард, К. Лампрехт, Т. Моммзен и др.

Именно Ранке сформулировал и принцип второго, последнего этапа высшей критики источников, на котором определяются объективность показаний, полнота и точность сведений – «правильность» фактов. Только на этом последнем этапе критик оценивает само содержание информации с точки зрения ее соответствия прошлой действительности, так что этот этап и стоило бы назвать *содержательной критикой* источников.

Эмоциональные оценки, проникновение в сущность процессов, гипотезы о причинах и следствиях претили всему складу мышления Ранке, так как идейной основой этого мышления был плоский эмпиризм. Конечную цель историка Ранке формулировал просто: установить, «как оно на самом деле происходило». Сами факты должны сложиться в целостную и разумную картину. Надо лишь отойти от мелочного следования зигзагам политической истории, заинтересоваться медленным ходом изменений в экономике и быте, проследить смену юридических норм, учил Ранке. Его последователи Бурк-

хард и Лампрехт, двигаясь в этом направлении, пришли к задуманной еще Вольтером *истории культуры*.

Ранке считал необходимым для современного историка отрешиться от партийных точек зрения, встать над классовыми позициями. Претендуя на это, считая это вполне достижимым (и не замечая собственной буржуазной и националистической ограниченности и тенденциозности), Ранке, естественно, стремился «очистить» от такой тенденциозности и сохранившиеся сообщения источников. Поэтому он и его преемники стремились выяснить не только осведомленность и истоки информации древних авторов, но и взгляды этих авторов, их интересы и мировоззрение, их пристрастия, цели и мораль. Такая установка требует увязывать «палеоисториографию» со всем историческим процессом изучаемого периода. Впрочем, Ранке и его школа не шли далеко в этом направлении, так как не умели видеть зависимость взглядов историка от его среды, от общего уровня эпохи и от социально-экономических интересов тех или иных слоев общества. Искажения информации казались им хаотическими. Теряясь перед их пестротой, Ранке вообще старался уменьшить зависимость историка от *нарративных* (повествовательных) источников – летописей, «историй», мемуаров и т. п., предпочитая им *документальные* источники – акты, грамоты, договоры, переписку и т. п.

Первые, по его мнению, ненадежны, потому что предназначены специально для передачи исторической информации. Поэтому в них события намеренно подаются в желательном и выгодном для кого-то освещении. Вторые же возникают для удовлетворения потребностей текущей жизненной практики и не сопряжены с такой односторонней подгонкой отражения действительности к заданным образцам. Правда, накопления документов в целом беднее и обрывочнее, чем повествовательные источники, и в собираемые из них сведения приходится вносить связь, извлеченную из нарративных источников. Все же Ранке повернул интерес историков от библиотек к архивам, от намеренных исторических сообщений к ненамеренным.

4. Остатки и предание. Позже идея такого деления, первоначально ограниченная письменными источниками, была распространена на всю совокупность исторических источников. Это осуществили историки последней трети XIX в.: немцы И. Г. Дройзен и Э. Бернгейм, французы Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос и др. На их методологических установках сказалась больше всего позитивистская философия, которая, развивая принципы эмпиризма, признавала только наглядные

факты, отвергала поиски скрытых связей и закономерностей и учила презирать гипотезы.

Конечно, этих историков отталкивала неизбежная гипотетичность «высшей» критики источников. Отсюда стремление ограничить ее, отыскать побольше источников, не подлежащих ее обработке. К этому времени, не без воздействия марксизма, история смены социально-экономических отношений, история общества и культуры сильно потеснили чисто событийную историю. Это усилило тягу к расширению круга источников, стимулировало спрос на источники более «наблюдательные» и более объективные.

Немецкие позитивисты И. Г. Дройзен и Э. Бернгейм задались целью так разграничить исторические источники, чтобы на первый план выступила степень объективности, с которой в этих источниках отражена реальность прошлого.

Для этого пригодился намеченный вчера еще у Ранке критерий деления, только уже применительно не к одним лишь письменным источникам. Все исторические источники оказалось сподручным распределить по двум большим категориям: «остатки» и «предание» (или «традиция»). Имелось в виду, что эта разбивка источников на группы *по характеру отражения действительности* есть одновременно разбивка *по познавательной ценности*. Это деление приняли и видные русские историки (В. О. Ключевский, Н. И. Кареев, А. С. Лаппо-Данилевский).

К преданию относятся любые сообщения об исторических фактах, специально предназначенные для сохранения и передачи знания об этих фактах – хроники, мемуары, повести. Они описывают факты, говорят о них, но самих этих фактов непосредственно в их материальности не фиксируют и в современность не переносят. Геродот рассказывает о скальпах, которые скифы снимают с врагов, но ни один скальп не подшит к поздним спискам геродотовых «историй»; не был он приложен, конечно, и к самой рукописи Геродота. Материальность источников здесь не совпадает с материальностью описываемых фактов. Здесь в источниках перед нами предстают не сами факты и не их части, а только их отражение в сознании неких информаторов и соответственно материализация этого отражения в знаковой системе естественного языка – устного или письменного. Термины «предание» и «традиция» обычно применяют без различия, но иногда термин «предание» связывают с устной передачей информации, а «традиция» – с письменной.

Конечно, сознание отражает факты действительности избирательно, односторонне и передает с субъективными изменениями. Наличие авторства и специального адресата создает специфическую «намеренность» отражения, тенденциозность. Для ее распознавания и «очистки» от нее информации и требуется «высшая» критика источников.

К остаткам принадлежат сохранившиеся части самих исторических явлений – останки людей, материальные следы событий, употреблявшиеся в событиях вещи, составленные тогда для текущих нужд документы; сюда же относятся язык, песни, пережиточно бытующие старые нормы, обычаи, идеи. Все это не создавалось специально для передачи нам информации о прошлом, не подчиняет передачу фактов задачам намеренного воздействия на нас, содержит лишь «ненамеренное» сообщение и, следовательно, не подлежит высшей критике.

Внедрение этой дихотомии привело теоретиков источниковедения к тому, что и в методической процедуре они стали различать только два этапа критики источников. Первый – общий для всех источников. Это – «малая», или, как ее теперь стали называть, «внешняя», критика источников («внешняя», ибо она не углубляется в содержание информации, проверяя только форму ее передачи). Второй этап – необходимый лишь для обработки предания. Это «высшая», или, по-новому, «внутренняя», критика источников.

Среднее звено шлёцеровской критики – толкование «грамматическое» и историческое – как-то ускользнуло из методической процедуры исторического источниковедения. Кроме дихотомии, сказалось еще кое-что. С самого начала «толкование» как-то выпадало из всей последовательности операций, отличаясь от других меньшей негативностью результатов – меньшей «критичностью». Шлёцер даже не решился использовать в названии этого звена термин «критика»: между «малой критикой» («критикой слов») и «высшей критикой» («критикой дел») у него вместо какой-нибудь «средней критики» (или критики чего-то промежуточного между «словом» и «делом») оказывается «толкование». Французы Ланглуа и Сеньобос назвали этот раздел «объяснительной критикой» или «критикой толкования», «положительной критикой».

Трудности исторического толкования долгое время казались сугубо техническими: факты истории представлялись твердыми и однозначными, каждому факту могло соответствовать одно и только одно место в истории, одно и только одно значение и название. Такова была устоявшаяся, респектабельная, образцовая методология исторической

науки к концу XIX в., ставшая основой для дальнейшего развития в XX в.

5. Обособление понятия «археологические источники». Рассматривать вещественные памятники (преимущественно культурные, не природные) как исторические источники сначала стали теоретики исторической науки, занимавшиеся классификацией исторических источников и сравнительной оценкой их познавательных возможностей. Подобные представления, однако, очень туго проникали в среду археологов. Ведь для этого требовалась реальная деловая увязка обеих дисциплин.

Между тем, хотя издавна не было недостатка в декларациях близости, связи, родства, общности и даже единства археологии с историей (обе направлены на прошлое человечества, обе связывают народ с его предками, обе выявляют исторические корни современных явлений и т. д.), дальше деклараций дело не шло. И во второй половине XIX, и в XX вв. для большинства направлений и школ истории оставалась прежде всего событийно-повествовательной дисциплиной, индивидуализирующей и сосредоточенной на деяниях героев. Это традиционное понимание отразилось и в терминах – ср. нем. «Geschichte» («история») от Geschehen («событие») или польск. «dzieje» («история» и «деяния»).

Археология же как раз этих способностей не могла проявить. В материалах первобытной археологии отсутствует разделение по конкретным событиям и не получается индивидуализации, которая бы выявляла роли личностей. А исследования по античной (классической) археологии дополняли в этих аспектах информацию письменных источников лишь изучением предметов искусства (архитектуры, скульптуры, живописи). Поэтому история простиралась вглубь времен лишь до начала письменности, первобытная археология ассоциировалась с «преисторией» («доисторией»), понимаемой как «не-история» и сближаемой по методике с «естественной историей», т. е. биологией, а «классическая археология» отождествлялась с историей монументального и изобразительного искусства древних греков и римлян. Все это остается во многих научных кругах Запада актуальным и уважаемым до сих пор.

Передача методических идей от истории к археологии предполагает концепцию методологического родства обеих наук. Такие представления как раз и сложились при переориентации истории с индивидуализирующего изложения событий, деяний героев на генерали-

зирующее проследивание перестройки отношений, выявление законов процесса.

Для ряда историков последней трети XIX в. ведущим направлением исследования стала *история культуры*. Все более заметным в исторической литературе стало влияние *марксистской концепции*, по которой исторический процесс раскрывается прежде всего как закономерная смена социально-экономических формаций, а на первый план в истории выступают прогресс производительных сил общества, перестройка экономических отношений, классовая борьба и политические революции – «локомотивы истории». Поступки же исторических личностей, династические браки и дворцовые перевороты, освещаемые почти исключительно письменными источниками, перестали быть единственной или определяющей тематикой исторических исследований. Главное внимание ряда ученых, не только марксистов, сместилось на народные движения, на массовые процессы в хозяйстве, в социальных и этнических отношениях, в идеологии народных масс. Подобно истории культуры, *общая история* в этой трактовке не ограничена письменными источниками информации и не замыкается в пределах нескольких последних тысячелетий.

Вот у этих-то историков резко сократился методологический разрыв между историей и преисторией. Последнюю стали понимать просто как дописьменную историю. Естественно, что первыми заговорили об археологических памятниках как исторических источниках те археологи, которые оказались в контакте с этими направлениями истории.

В конце XIX в. один из виднейших археологов Европы датчанин Софус Мюллер объявил конечной целью археологии «всю преисторию края в ее внутренней связи и хронологическом ходе, как она представлена в современных источниках – сохранившихся древних остатках всякого рода. Что допустимо описать по этим источникам, это прежде всего история культуры.. Это история особого рода, покоящаяся на особенной природе источников» (разрядка моя. – Л. К.) (Müller 1897: 293).

И археологи все больше направляли свои усилия на построение истории культуры. Один за другим выходили хронологические обзоры ранней истории различных сторон культуры по археологическим данным – хозяйства, техники, искусства. Логика хода истории, развитие социально-экономических отношений, связь материальной куль-

туры с идеологией – все это оставалось вне археологического мышления.

Советские археологи 20–30-х гг., приступая к перестройке археологической науки, к переводу ее на марксистские рельсы, предприняли критический пересмотр устоев старой археологии, осудив ее ограниченность и отвергнув постановку задач и методы. Именно тогда, в связи с внедрением историзма во все социально-исторические науки, понадобилось полнее, основательнее и результативнее увязать археологию с историей. Поэтому задача превратить археологические памятники в исторические источники была поставлена как особая методологическая проблема (Равдоникас 1930: 11, 38, 55, 59–61; Кипарисов 1933: 3–32). Лишь позже два выражения – «исторические источники» и «археологические памятники» – были совмещены и, слившись, породили одно – «археологические источники». Но база для этого терминологического неологизма была заложена еще тогда.

Почему советские археологи не сразу решились ввести для нового понятия новый термин? Почему они долго обходились громоздкими словосочетаниями: «археологические памятники в качестве исторических источников», «материальные древности как вещественные исторические источники» и т. п.? Дело в том, что тогда у нас методологическое обособление археологии еще считалось предосудительным, приравнивалось к отрыву от истории. Преобладало упрощенное понимание историзма археологии: она должна пользоваться методами и понятиями истории, которые разрабатываются историческим материализмом; других не требуется. На философское и социологическое учение – исторический материализм – возлагались непосредственно и функции специально-научной методологии ряда наук (хотя философия не может и не должна ее подменять). При этом упускалась из виду специфика разных общественных наук, нужда каждой из них не только в общефилософской методологической основе, но еще и в собственной теории, методологии и методике. Своей громоздкой терминологией археологи подчеркивали, что вещественные и письменные источники – равно исторические, что у древних вещественных источников нет каких-либо принципиальных отличий, которые бы им давали право на особое название, созвучное с названием науки (в параллель с историческими источниками). Археологи опасались (и не без оснований!), что термин «археологические источники» составит как бы оппозицию и конкуренцию термину «исторические источники» в археологии, потянет за собой представление о неких особых качествах археологических источников...

Впервые термин этот в нашей археологической литературе был применен, насколько я мог уловить, вскоре после войны – это статья археолога и историка Б. А. Рыбакова «Археологические источники русской истории» (Рыбаков 1946). Полноправное, громогласное и влиятельное употребление этого термина в советской науке засвидетельствовано в 1957 г. публикацией доклада академика Б. А. Рыбакова, ставшего директором Института археологии АН СССР (тогда еще – Института истории материальной культуры), с проектом корпуса археологических источников нашей страны (Рыбаков 1957: 8). По иронии судьбы академик Рыбаков был лидером того направления в советской археологии (господствовавшего направления), которое как раз всячески противодействовало методологическому обособлению археологии от истории (см. об этом Клейн 1993: 39–43, 55–63). Практика, исходя из своих потребностей, подталкивала теорию к уточнению, переоформлению и новому осмыслению фундаментального понятия.

В военное время американские исследователи для обозначения материальных источников еще применяли вместо термина описательные выражения: «исторические объекты как источники истории» (The use 1940).

Лишь в послевоенное время понятие «археологические источники» стало систематически применяться в археологии Запада, да и то лишь в некоторых школах и только в теоретических трактатах, но не в рабочем обиходе массы исследователей. По-видимому, внедрением в обиход на послевоенном Западе это понятие в значительной мере обязано тому, что оба понятия – археологические материалы и исторические источники – сблизил профессор Гордон Чайлд, очень влиятельный в академических кругах британский археолог марксистской ориентации, историк культуры с широким кругозором, штудировавший и старую европейскую, и советскую литературу.

В 1955 г. Чайлд в лекции студентам Лондонского университета говорил: «Плохо привинченная гайка, выпавшая из моего автомобиля сегодня утром на холме Хаверсток, банка от сардин, которую я аккуратно закопал после завтрака на лужайке в общественном парке Эшер, и воронка, оставленная немецкой бомбой, угодившей мимо цели, – это археологические данные точно так же, как лавролистный наконечник, сломанный и выброшенный солотрейским охотником на северных оленей, флоданская стена вокруг Эдинбурга и Рамессей в Карнаке... Если дождь водородных бомб уничтожит письменные

источники Европы и Северной Америки, то какой-нибудь фиджийский археолог в 5555 г. будет ограничен такого сорта хламом, восстанавливая историю того, что мы нынче называем Англией» (Childe 1956: 3). (Разрядка моя. – Л. К.)

Следом за Чайлдом и вместе с Чайлдом также и другие западные археологи обратились к понятию «археологические источники». В основном этим понятием заинтересовались три группы археологов Запада.

Во-первых, несколько видных английских теоретиков «скептического направления» (Г. Даниел, К. Хокс, С. Пиготт), которым сравнительная оценка познавательных возможностей письменных и археологических источников пригодилась, чтобы из ущербности археологических данных вывести непознаваемость важнейших сторон далекого прошлого (Daniel 1950: 9, 321; Hawkes 1954: 155–168; Piggott 1959: 1–14).

Во-вторых, влиятельная школа археологов-преисториков ФРГ (Г. Ю. Эггерс, Э. Вале, Р. Гахман), которая возникла в результате кризиса и ломки расистской археологии прежней Германии, в ходе частичного преодоления старых методологических устоев. Расистская археология пыталась в свое время обосновывать геополитику нацизма реконструкциями этногенетических связей с помощью лингвистики и антропологии. Поэтому особенно радикального пересмотра потребовали принципы кооперации этих наук, методы синтеза разнородных источников – археологических, лингвистических, антропологических, письменных. Встал вопрос о том, какой обработке необходимо подвергнуть каждый из этих видов источников перед их сопоставлением, в частности, как готовить к этому археологические источники. Проще ли критика археологических источников, чем письменных? Естественно, что понятие «археологические источники» вошло в методические разработки и в учебники этого направления (Eggers 1950: 49–59; Wahle 1970: 6–14; Müller-Karpe 1975: 42).

В-третьих, теоретики «новой археологии» – современного направления, увлекшего молодых археологов США и (в меньшем количестве) Англии. Они обратились к той же проблеме, что и «скептики», но с противоположным убеждением: археологические источники (в их словоупотреблении «archaeological record») ничем не слабее письменных и вполне достаточны для реконструкции важнейших особенностей прошлого. Несмотря на истертость от времени, они содержат всю необходимую информацию: из каких-то фактов прошлого

они просто сами состоят, а остальные факты в них так или иначе отражены. Нужно лишь уметь извлечь эту информацию, а для этого необходимо изучить природу археологических объектов как источников информации. Понятие оказалось нужным (Binford 1968: 18–25).

6. Осознание сложностей. Очень долго изучение информационной природы археологических источников шло по руслу их сопоставления с письменными источниками. Археология оказалась в выигрыше: ее источники воспринимались как более объективные, более надежные, чем основные виды письменных источников. «Вещи, однако, не могут лгать», – сказал археолог-античник Булле (1913: 9). Прежде всего, это помогало утвердиться авторитету археологии. Кроме того, упростило методическую процедуру археологического исследования – не возникала необходимость в содержательной, внутренней критике источников: она же неприменима к остаткам! Задачи толкования тоже облегчались такой трактовкой: ведь остатки связаны с фактами прошлого как часть с целым. Это очень тесные связи, и отыскивать их гораздо легче, чем увязывать отражения (предание) с отражаемыми объектами (сюжетами повествования).

Представления о благодатной специфике археологических источников насаивались на общую убежденность в том, что исторические факты однозначны, процессы истории регулярны, а связи между фактами стереотипны. Усугубляя схематизм в трактовке остатков, эти представления составляли основу для накопления устойчивых шаблонных археологических толкований, приложимых к любым кругам материала и любым разрезам исследования: скажем, кремневые листовидные пластинки всегда опознаются как наконечники дротиков, а их боковые выемки – как средство для крепления на древко; в легких дисках с центровым отверстием всегда узнаются «пряслица» (насадки на веретена) и, стало быть, свидетельства прядения и т. д. Как было удобно! (Теперь-то мы знаем, что соответствия – их теперь называют «коррелятами» – не всегда оправдываются: многие «наконечники» оказались по следам их использования ножами.)

Все эти простые рецепты утратили авторитет к рубежу XIX–XX вв. Кризис, охвативший историческую науку, затронул и источниковедение. В этих кругах пала вера в закономерность хода истории, в ее регулярность и предсказуемость. Философы-неокантианцы Г. Риккерт и В. Виндельбанд внушали историкам идеи абсолютной индивидуальности, неповторимости явлений социального бытия и культуры. Следуя этим принципам, историки «критического направления» – англи-

чанин Ф. Мэтланд, немцы Э. Мейер, В. Зомбарт, австриец А. Допш, русские А. С. Лаппо-Данилевский, Р. Ю. Виппер и др. – открыли многозначность, текучесть фактов истории и, подавленные своим открытием, усомнились в правомерности любых крупных обобщений, любых дефиниций (Риккерт 1903; Виндельбанд 1904; Мейер 1911; Лаппо-Данилевский 1910–1911; Виппер 1921. – *Общую критику взглядов ученых этого направления см. Айзенберг 1930; Гулыга 1969*).

Противопоставление остатков (как объективных и надежных источников) преданию (как источникам тенденциозным и ненадежным) потеряло смысл: согласно новому пониманию и остатки сами по себе не складываются в полную и адекватную картину прошлой действительности; и они тоже отражают жизнь односторонне, избирательно, зачастую неупорядоченно; и они нуждаются в осмыслении с помощью интуиции, а это по необходимости – субъективная процедура.

С другой стороны, материалистические философы и историки, отстаивая познаваемость исторического прошлого по источникам, отметили, что и в предании почти всегда можно выявить непреднамеренную часть информации, а в «намеренной» части отнюдь не все безнадежно искажено. Характерны сами умолчания таких источников. «Торжество исторической критики, – по знаменитому афоризму В. О. Ключевского, – из того, что говорят люди известного времени, подслушать то, о чем они умалчивали» (Ключевский 1968: 349). Ключевский, ученый конца XIX – начала XX вв., был замечательным мастером такого «подслушивания». Предание становилось у него откровенным, как остатки, а остатки – красноречивыми, как предание.

Разбивка источников на остатки и предание подверглась серьезной критике, особенно – приписываемые этим группам ценностные характеристики.

Отмечалось, что рубеж между обеими группами на деле оказывается сбивчивым. Например, договоры и коммерческая переписка участвовали в событиях прежней жизни, это части тогдашней реальности, но в то же время они имеют авторов и передают сообщение письменным языком. А любые летописи, выполняющие роль предания по отношению к описываемым в них временам, в то же время служат остатками того времени, когда они написаны. Еще труднее определить положение мемуаров.

Вообще последовательное применение избранного критерия требует, по-видимому, выделить кроме остатков и предания еще одну крупную группу источников – *идейно-творческих*, т. е. нацеленных

на отражение и осмысление действительности, но не претендующих на ее копирование (художественная литература и изобразительные искусства, философия и другие науки, религия). Их относят то к остаткам, то к преданию, но они отличаются от остатков тем, что специально нацелены на отражение, а от предания – тем, что не претендуют на изоморфную («один в один») передачу информации о жизни. Это, конечно, особая форма или даже особые формы отражения.

Однако не это главные возражения: ведь сообщения коммерческой переписки не предназначались для историков, и ее можно отнести к остаткам; в летописях нетрудно расчленить их функции, а если в мемуарах мы усмотрим переплетение признаков обеих групп, то это не разрушит основу группировки. Объекты переходные и двойственной природы слишком часты в жизни, чтобы пытаться устранять или обходить их классификацией.

Другое важно. Если у остатка нет адресата в грядущих поколениях или даже если ему вообще не предназначалось служить сообщением, то это еще не равнозначно отсутствию преднамеренности и субъективности вложенной в него информации, это еще не гарантирует полного и точного отражения былой действительности.

Все произведения культуры имели своих создателей, обладавших какими-то пристрастиями. Любые комплексы вещей – это тоже результат отбора. Если многие из этих вещей и комплексов предназначались не для воздействия на грядущее поколение (хотя некоторые не исключали и эту цель), а на тогдашнее окружение, то от этого они не становятся менее тенденциозными. «И археологические памятники могут лгать!» – воскликнул немецкий археолог Ганс-Юрген Эггерс (Eggers 1950: 59). А с другой стороны, как бы ни был тенденциозен летописец, он невольно, незаметно для себя проговаривается, выдает правду, которую хотел скрыть, и в его сочинение всегда проскальзывает та информация, которая не была ни преднамеренной, ни самому ему понятной.

Поэтому некоторые советские источниковеды отказались делить источники на остатки и предание, а критику источников на внешнюю и внутреннюю (Авдеев 1925; Быковский 1931: 65–69; Тихомиров 1962). Но другие советские ученые признают это деление теоретически оправданным и практически ценным, хотя и отводят ему ограниченное место в методике.

Эта неопределенность деления сказалась на судьбе понятия «археологические источники». В условиях возрастающей роли археоло-

гии на него вскоре стали переносить почти все свойства понятия «исторические источники». Вещественные и письменные источники были уравнены в возможностях и объявлены равноправными: в тех и других отражена прошлая действительность, те и другие содержат (потенциально) историческую информацию, те и другие надо расшифровать. Но применительно к глубокому прошлому преимущество на стороне вещественных источников (там они и выступают как археологические), а близкое прошлое полнее освещают письменные (они-то и оказываются собственно-историческими). Для кембриджского профессора Г. Даниела «преистория и первобытная археология означают почти одно и то же» (Daniel 1967: 24). Археология принимает на себя функции истории применительно к древним временам, а археологические источники понимаются просто как палеоисторические (преисторические и раннеисторические).

Однако такое обособление этого понятия не остается ни прочным, ни общепринятым.

В современной науке США разочарование археологов в истории привело к любопытному феномену: археология порвала связи с историей и вошла в состав *антропологии*. Антропология в американском понимании – это комплекс наук о человеке, выявляющих закономерности поведения и развития. Сюда входят «социальная антропология» англичан, «культурная антропология» американцев (близкая к этнографии в советском смысле), «физическая антропология», лингвистика и преисторическая археология (античную, или «классическую», археологию сюда не принято включать). Такая группировка наук продолжает давнюю традицию в английской и американской науке, связанную с биологизацией и «дегуманитаризацией» изучения социальных и культурных явлений. Особенно радикально проводит эти установки «новая археология». «Новая археология» считается в США частью антропологии.

Исключая из этой системы наук историю, американский подход стимулирует непосредственные сопоставления первобытности и современной цивилизации, что приводит к модернизации первой и упрощению второй. При таком подходе археологические источники перестают считаться историческими источниками; из-за полного отрыва археологии от истории они и не могут таковыми стать. В обиходном американском понимании разделение источников на «исторические» и «археологические» в известной мере совмещаются с разделением на «письменные» и «вещественные». История лишается помощи ар-

хеологии в изучении первобытности или вовсе отрывается от изучения этой эпохи, а археология «распредмечивается» (лишается собственного логически цельного предмета).

Последнее выражается в том, что археология теряет определенность задач, утрачивает ощущение сравнительной актуальности запросов на свою информацию, разучается реалистически оценивать ее приложимость и значимость – «релевантность», как любят выражаться американские ученые. Археологов призывают с равным тщанием изучать поведение животных, керамику индейцев или боевые топоры и недавно функционировавшие мануфактуры.

7. Есть ли в археологических источниках историческая информация? Однако и в советской науке исчезла прежняя простота в понимании связей археологии с историей, археологических источников с историческими. По этому вопросу обнаружилось резкое расхождение, обозначились крайние позиции.

Г. П. Григорьев четко утверждает новую для советской археологии точку зрения: «...ископаемые объекты суть археологические источники, а не исторические источники. В них исторической информации не содержится. Прямо никакой археологический источник не способен дать ответы на вопросы историка. Другое дело, что историк, взяв из рук археолога исторические выводы, может их использовать как исторический источник, но это ни в какой мере не означает, что наши источники – исторические» (Григорьев 1973: 41).

К его позиции близки высказывания (это 70-е гг.) некоторых других наших археологов (В. С. Бочкарева, Г. С. Лебедева), хотя они и не выводят столь радикально археологические источники из круга исторических, не отвергают связь их с исторической информацией. В самом деле, у Григорьева остается неясным, откуда же берется историческая информация археологом, если ее в археологических источниках не было? И что за информация – та, которая в них все-таки была?

Близка к этому характеристика археологических источников Неуступным, высказанная в 90-е гг.: археологические артефакты не имеют смыслового содержания, они немые и не значимы, их функции невозможно наблюдать. Любая наблюдаемая изменчивость в них является изменчивостью формальных и/или пространственных признаков, тогда как движения и развитие могут быть лишь выводными данными. Ничем больше (Neustupny 1993: 67). Но из чего выводными? Какого же сорта информация содержится в изменчивости формальных и/или пространственных признаков?

Противоположную позицию, традиционную в нашей науке, отстаивает М. В. Аникович. «В последние годы, – констатирует он, – в советской археологической литературе распространяются взгляды, противопоставляющие вещественные источники (“археологические”) письменным (“историческим”)». По мнению Аниковича, «использовать археологические выводы как исторический источник можно, лишь восстановив разорванную связь: материальная культура – общественное развитие. На практике это означает... возврат к исходному материалу (“археологическим источникам”) и попытка извлечь из него историческую информацию» (Аникович 1975: 16–17). Ту же позицию отстаивали многие участники конференции «Историзм археологии» (1976; Рыбаков 1978: 5–6; Башилов 1978: 109–111). Между тем, в их аргументации есть свои слабости. Чтобы «извлечь» из археологических источников историческую информацию, нужно, чтобы она в них предварительно содержалась, а именно этого никто не доказывал.

Во всяком случае, ясно, что при современной постановке проблемы уже нельзя аттестовать археологические источники просто как одну из разновидностей исторических источников. Ведь не только археология, но и этнография, и криминалистика изучают вещи как источники информации. Далее, историки, свободно пользуясь письменными источниками и самостоятельно проводя их источниковедческую обработку, не в силах столь же квалифицированно препарировать вещественные источники, особенно археологические, не говоря уже о том, чтобы запросто извлекать из них информацию. Историки нуждаются в предварительной обработке археологического материала специалистами-археологами. Методы источниковедческого препарирования письменных источников (установления подлинности, авторства, сохранности, объективности и т. п.) неприменимы непосредственно к археологическим источникам. Методы археологов неприменимы к результатам работы историков над письменными источниками. Уже один этот факт говорит о том, что археологические источники не могут быть поставлены в один ряд с теми, которые искони выступают как исторические, т. е. письменными. К тому же теперь извлекаемая из археологических источников информация применяется не только в истории, но и в социологии. Стало быть, по крайней мере, археологические источники – и не безоговорочно исторические, и не только исторические.

Я представил эти основания профессору Пиотровскому в письме и окончил его такой формулой, используя его инициалы ББ (его прозвище у археологов) и аббревиатуру Кармир-Блур – КБ:

КБ = археологический источник,
КБ + ББ = исторический источник.

Я оставляю развитие этого обоснования интеллекту читателя (полностью письмо приведено во втором издании моей книги (Клейн 1995: 146–149)).

Соотношения понятий оказываются значительно более сложными, чем представлялось еще недавно. Археологические источники то частично совпадают в своих функциях с историческими, то совершенно отмежевываются. Но остается ли понятие «исторический источник» всегда одним и тем же? Историческая информация двойственна: и как-то связана с археологическими источниками, и не может быть запросто извлечена из них. Но есть ли историческая информация нечто статичное, изначально данное или сразу сформированное? Вопрос, сформулированный в заголовке этого раздела, оборачивается другим: *а есть ли в исторических источниках историческая информация?*

Мы не вырвемся из развилки между двумя крайними позициями, пока не сумеем отойти от упрощенной недифференцированной, нерасчлененной версии понятия «исторический источник» и не уясним себе диалектическую природу «исторической информации», подвижность и изменчивость также и этого понятия. Только тогда станет яснее позиция «археологического источника» в системе понятий исторических наук, а также и его роль как фундаментального понятия археологии.

8. А есть ли вообще археологические источники? Позиция Григорьева была проявлением ширившегося, особенно на Западе, поветрия, отводившего все более важную роль субъективному фактору в исследовательском процессе. Происходила передвижка центра тяжести с археологического источника, с его «свидетельств» как фактов (evidence), на их осмысление, а оно проходит в голове исследователя как процесс творческий, не только преобразующий, но и созидающий. Для этих археологов творчество занимало все более значительное место в познании. Все больше операций и ячеек выплавки информации перетекало из археологического источника в голову исследователя и утверждалось там, получало там законное пребывание, пока на месте археологического источника не оказалась пустота.

И вот уже новозеландскому археологу Д. Баярду кажется ужасно смешным «предполагать, что источники преистории – или еще луч-

ше: самого прошлого – каким-то образом совершенно “реальны” и только того и ждут, чтобы их проанализировал бесстрастный и объективный ученый-испытатель...» (Bayard 1978).

Философ Линда Пэтрик выражает это настроение еще более четко, задаваясь вопросом, сформулированным в названии ее очень популярной среди американских археологов статьи: «А есть ли археологические источники?» (Patrik 1985).

Она констатирует, что археологи проводят целый ряд операций с археологическими источниками – измеряют их, описывают, гадают над их смыслом, извлекают из них информацию, освещают ее, проверяют по ним свои гипотезы и т. д. – «все это в убеждении, что источники “объективны и доступны”». Вот это она и подвергает сомнению.

Конечно, рассуждает она, если понимать под археологическими источниками просто материальные отложения и остатки, то таковые реальны, но ведь источники – нечто большее! Они должны представлять древнюю жизнь человеческих обществ и индивидов. А в этом качестве они могут выступать лишь двумя способами, и на каждый из этих способов опирается одно из двух основных течений современной археологии – «новая археология» («процессуальная») и постпроцессуальная археология (структуралистская или контекстуальная).

«Новая археология», исходящая из позитивистской философии и сближающая археологию с естественными и точными науками, приравнивает археологический источник к ископаемому – объекту палеонтологии, т. е. к физическому телу. Процессуалисты видят в ней отражение процессов адаптации системы к среде и проявление законов эволюции.

Контекстуалисты, сближающие археологию с гуманитарными науками, приравнивают археологический источник к тексту, считают, что он состоит из материальных символов, которые нужно расшифровать и прочесть, а смысл источника получают лишь в своих «строчках» и «абзацах» – контекстах.

Археологический источник, заключает Пэтрик, это научная модель, точнее две модели, и каждая из этих моделей вплетена в определенную более общую теорию и существует, коль скоро существует та.

Далее Пэтрик перечисляет слабые места в первой, «физической» модели. Она сомневается в применимости общекультурных законов при узкой позитивистской логике, в «возможности установить систе-

магические соответствия между видами археологических остатков и событиями истории или идеями древних людей». Слабые места находятся и в «текстовой» модели – и код древней культуры нередко неизвестен или недоступен, во всяком случае недостоверен, и важные части контекстов разрушены, а если код и открыт, то не все слои общества им пользовались, и бывает, что код намеренно обманчив... Выходит, обе модели несостоятельны.

Может быть, совместить их, свести в одну? Каждая из них могла бы компенсировать слабости другой. Но Пэтрик показывает несовместимость обеих концепций, их острое противостояние.

Ян Ходдер придерживается мысли Г. Чайлда, что артефакты – это не просто функциональные орудия, а «всегда и исключительно... конкретные выражения и воплощения человеческих мыслей и идей». Люис Бинфорд, напротив, считает: «Мы не находим “окаменевшие” идеи, мы находим упорядоченность в материале...» Ходдер всю эту упорядоченность видит лишь «в сети идей».

Бинфорд заявляет: «Мы не должны пытаться изучать явления мысли. На деле мы изучаем материальные явления» (обе цитаты приведены у Patrik 1985: 54–55).

И, возвращаясь к своей философии, Пэтрик предпочитает более легкое (для нее) решение: отказаться от самого понятия, счесть, что трудности вызваны его искусственностью, фиктивностью, принципиальным несоответствием реальности, которую мы просто плохо знаем.

Вопрос, поставленный ею в заголовке – «А есть ли археологические источники?» – по ее словам, «намекает на то, что археологическая информация вообще не образует никакого источника (record), даже если сейчас она сформирована археологами в источники (или в два вида источников) самим выбором понятий – право же, выбором понятий через выбор слов».

Пэтрик имеет в виду английское слово «record» (букв. «запись», «фиксация»), обозначающее то, что у нас – «источник». В английском родственные слова – «грампластинка», «судебный протокол», «документ».

«Если, – продолжает Пэтрик, – ни условия физической записи (recording), ни условия записи в знаках не кажутся точно отвечающими верной концепции археологической информации, если ни один из этих видов записи не кажется охватывающим действительную связь между археологической информацией и тем, о чем она, тогда, воз-

можно, само понятие записи (recording) не подходит для этой информации...»

И Пэтрик спрашивает в конце своей статьи: «Нет ли какой-нибудь новой модели археологической информации, не зависящей вообще от понятия записи (record)?». Лорна Кэмпбелл, считая, что «дерьмо и мусор» древних людей «делают археологический источник посмешищем», предлагает заменить в этом термине слово «запись» (record) словом «лента» (tape) (Campbell 1994: 143). То есть вместо процесса фиксации она предлагает сосредоточить внимание на носителе информации.

Ну, на вопрос-призыв Пэтрик континентальному археологу (русскому, поляку, немцу, французу) ответить легко. В наших языках данное понятие вообще не привязано терминологически к значению «запись», не заиклено на моменте фиксирования информации, а связано с этапами ее хранения, отыскания и добывания – на это нацеливает термин «источник» (нем. Quelle, польск. źródło, франц. source). Очевидно, у философа Пэтрик *термин* здесь по недосмотру заменил *понятие*. А оно должно ведь быть более свободно от своей терминологической оболочки (вспомним совет Паскаля заменять термины понятиями).

Кроме того, слабости той или иной модели не говорят о ее полной непригодности. А Пэтрик из слабости обеих моделей, т. е. слабости наличных трактовок понятия, делает даже более радикальный скачок – к выводу о фиктивности самого понятия. Три года спустя без всякой связи с работой Пэтрик в России Е. М. Колпаков (1988: 105–106) нашел, что если археологию считать историей, то вещи – просто разновидность исторических источников и называть их археологическими не имеет смысла, а если считать археологию самостоятельной наукой (как у Кларка), то «никаких археологических источников быть не может» – ведь источник подразумевается для другой науки...

• Понятие есть, как бы его ни называть и какие бы его трактовки ни строить (или отвергать). Оно есть, потому что есть в материальном мире вещи, выделяемые в особую категорию под этим уже привычным (пусть и условным) названием, и есть потребность в таком выделении. И как бы археологию ни трактовать, на ней исследовательский процесс не замыкается.

Необходимо рассмотреть археологические источники в системе понятий. Однако несомненно, что в основе всех этих заморочек и нарочито парадоксальных заключений об исчезновении археологичес-

кого источника лежит все то же глубокое недоумение: а есть ли историческая информация в археологических объектах, когда и кем она внесена в объект, как «записана»? А это влечет за собой и вопрос о том, как обстоит с этим дело в исторических источниках, как эти виды источников соотносятся в системе понятий.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Современные обобщающие работы, в которых рассматривается понятие «исторические источники» и обсуждаются связанные с ним методические проблемы: Becker 1958; L'histoire 1961; Salmon 1969; на рус. яз.: Источниковедение 1969; Пронштейн 1971; Пушкарев 1975; Фарсобин 1983; Антипов 1987. В Восточной Европе наиболее известны: Eckerthmann und Mohr 1966; Topolski 1968. Среди западных изданий наиболее авторитетны: Salmon 1969. Археологические аспекты обсуждаются в книгах: Childe 1954, 1956; Daniel 1950; Hawkes 1954; Piggott 1959; Eggers 1950, 1959; и в моей книге 1978; 2-е изд. 1995.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Верно ли сказать, что понятие «археологические источники» выделилось из понятия «исторические источники»?

2. Почему термин «археологические источники» не употребителен в англоязычной литературе, тогда как термин «исторические источники» вполне употребителен?

3. Развитие критики письменных источников ограничило понятие «исторические источники». Как соответственно могло бы развитие критики археологических источников ограничить это понятие?

4. Если составить список накопившихся за несколько веков понятий, связанных с письменными источниками, то можно ли обнаружить соответствие им в сфере археологических источников?

5. Как мы видели, академик Рыбаков был инициатором введения в СССР понятия «археологические источники», что способствовало осознанию самостоятельности археологии, но он же противодействовал методологическому отделению археологии от истории. Чем объяснить этот парадокс?;

6. О каких изменениях в археологической методологии сигнализировала смена девизов Булле («археологические памятники не мо-

гут лгать») и Эггерса («и археологические памятники могут лгать!»)? Какому изменению в понимании письменных источников это соответствует?

7. Гипотеза Линды Пэтрик: археологические источники вообще не существуют, это выдумка. Можете ли Вы привести дополнительные аргументы за или против этого утверждения?

8. Можете ли Вы привести дополнительные аргументы за или против того, чтобы распространить компетенцию археологии на современные вещественные источники?

9. Можете ли Вы привести дополнительные аргументы за или против того, чтобы считать археологические источники разновидностью исторических? За или против наличия в них исторической информации?

10. Как изменятся все эти рассуждения, если принять, что обрабатывая археологический источник, археолог создает новый источник (другого вида)?

ГЛАВА 5

ОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ К ИСТОРИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

1. Источники в познании прошлого. Чтобы понять, что такое археологические источники, и научиться с ними правильно обращаться, нужно прежде всего определить их место среди других источников информации, выявить специфику археологических источников и уяснить их соотношения с понятием «исторические источники». Это значит дополнить исторический подход структурным подходом и рассмотреть понятие «археологические источники» в сложившейся системе понятий, характеризующих и обслуживающих научное познание. Только в системе, в сети связей и отношений каждое понятие может получить достаточно полное определение, и только из этого возникает отчетливое представление о его функциях и о границах его применимости.

В каждой теории, у каждого ученого, желающего работать строго и методично, обычно возникает стройная и жесткая система основных понятий, необходимых для данной теории. Такие системы, возникшие в разных теоретических течениях, у разных ученых, частенько несогласуемы.

Наиболее же общие понятия науки призваны обслуживать и увязывать разные ее теории и даже разные дисциплины. В реальном функционировании, такие понятия постепенно «притираются» друг к другу и спонтанно складываются в единую систему, хоть она и не сразу и не всегда получается полной и четкой. Возникает задача описать, упорядочить и уточнить эту систему, начиная с ее самых общих звеньев.

Всякая позитивная наука имеет свою *фактуальную базу*. Составляют эту базу те факты, те исходные данные, те конкретные сведения об объективной реальности, которые эта наука обрабатывает своими методами и освещает своими теориями. (Науки о наиболее общих законах мира и правилах мышления – философия, логика, математика – связаны с объективной реальностью иначе, более сложным образом, но этот вопрос выходит за рамки данной темы.) Каждая из этих наук особо выделяет, заботливо разыскивает и систематизирует те объекты и процессы, в которых необходимые ей данные содержатся. Это ее средства получения информации. Они различны по структуре. Как

правило, та или иная наука не ограничивается одним видом средств, но все же какой-то из них обычно оказывается для нее основным.

Так, есть науки о функциональных зависимостях, поведении и т. п. (биология, социология, психология), для которых основным таким средством является *натуральное наблюдение*. Те же науки, но больше другие (физика, химия), опираются на *эксперимент* — исследователь вмешивается в изучаемый процесс и изменяет его условия, чтобы проследить, как это скажется, и тем обеспечить познание скрытых механизмов. Есть такие науки, которые (как лингвистика, география) мало нуждаются в специальной организации наблюдения. Они пользуются главным образом наличными *материалами*, всегда доступными для описания и непосредственно представляющими собой главный предмет изучения. Есть иные науки — для них доступные непосредственной обработке объекты сами по себе имеют вторичный интерес, а важны они (для данной науки) прежде всего как посредники, передающие информацию, иными словами, как *источники*, а уж из источников можно извлечь сведения о тех явлениях прошлого, которые эта наука и стремится познать. Таковы науки о процессах развития, о прошлом (история, историческая геология, историческое литературоведение и др.).

Слово « источник » вообще обозначает в русском языке любой резервуар, любое отверстие, из которого нечто вытекает или нечто можно почерпнуть. В прямом смысле « источник » — это родник, ключ, начало ручья. В переносном смысле это *объект, из которого можно извлечь информацию (сведения, знание) о другом объекте, причем первый нас в некотором контексте только этим и интересуется*. В этом контексте он и выступает источником. В таком именно смысле используют это слово газеты, когда ссылаются на « дипломатические источники » или на « правительственные (официальные) источники » и т. п.

Стало быть, называя так свои средства добывания фактов, историки характеризуют специфику своей науки, своеобразие и трудность исходной методологической ситуации нормального исторического исследования: интересующие ученого факты чаще всего недоступны его непосредственному наблюдению и воздействию.

В то же время этой констатацией подчеркивается и сложность, познавательная глубина тех объектов, которые доступны и подлежат непосредственному обследованию историка, — летописей, договоров и т. п. Ведь будучи сами тоже фактами прошлого — продуктами опре-

деленного времени, определенной среды и определенных действий (творчеством летописца, записью дипломатических переговоров и т. п.) – они содержат информацию и о неких иных, более удаленных фактах прошлого, зачастую особенно важных для историка: о давних переселениях народов, об исчезнувших ко времени записи обычаях и происшествиях, о войнах, дарах и т. д.

Эта глубинная информация аккумулирована сознанием давних информаторов и выражена в знаковых системах, специально предназначенных для передачи информации (в основном на естественном, словесном языке человеческого общения). В других случаях эта глубинная информация сопряжена с закономерной связью явлений, когда по одним явлениям можно судить о других. Тогда она опознается лишь сознанием исследователя-историка, приравнивающим эту закономерную связь к знаковой системе. Через нее он переходит от непосредственных сведений к выводным. Такими путями эта давняя действительность становится доступной историческому познанию.

Историческое познание – один из видов общественного познания (наряду с познанием философским, естественнонаучным, художественным и др.). «В основе теории познания диалектического материализма, – отмечал В. И. Ленин, – лежит признание внешнего мира и отражение его в человеческой голове...» (Ленин 18: 5). В системе марксистско-ленинской философии – диалектического материализма – *отражение* раскрывается как свойство всякой материи, реализуемое в различных формах и составляющее реальную основу информационных процессов в природе и обществе. «Сознание и там есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально точное) его отражение» (Ibid.: 346).

Принятая в марксизме теория отражения утверждает независимость и первичность отражаемого объекта по отношению к окружающему, но не сводит результат отражения (*образ*) к отражаемому объекту, не признает образ и результат тождественными друг другу – она учитывает активность процесса познания, возможность отлета образа от объекта, познания от действительности.

В такой формулировке эта теория аккумулирует традиционные общепринятые идеи материалистической философии и не противоречит здравому смыслу. А значит, вполне может применяться и вне марксизма.

Однако именно возможности несовпадения образа с объектом остались неразработанными в марксистско-ленинской теории отражения и в применении к практике исследований она обычно ратовала за

примитивное прямолинейное сближение образа с объектом, предпочитала упрощения и сводила все к прямому соответствию.

Историческое познание можно рассматривать как *особую разновидность отражения* (Иванов 1962, 1963, 1973а, 1973б; Данилов 1963; Пушкарев 1970: 64–84), и в нем особенно ясно видно, сколь сложным может быть процесс отражения в реальности.

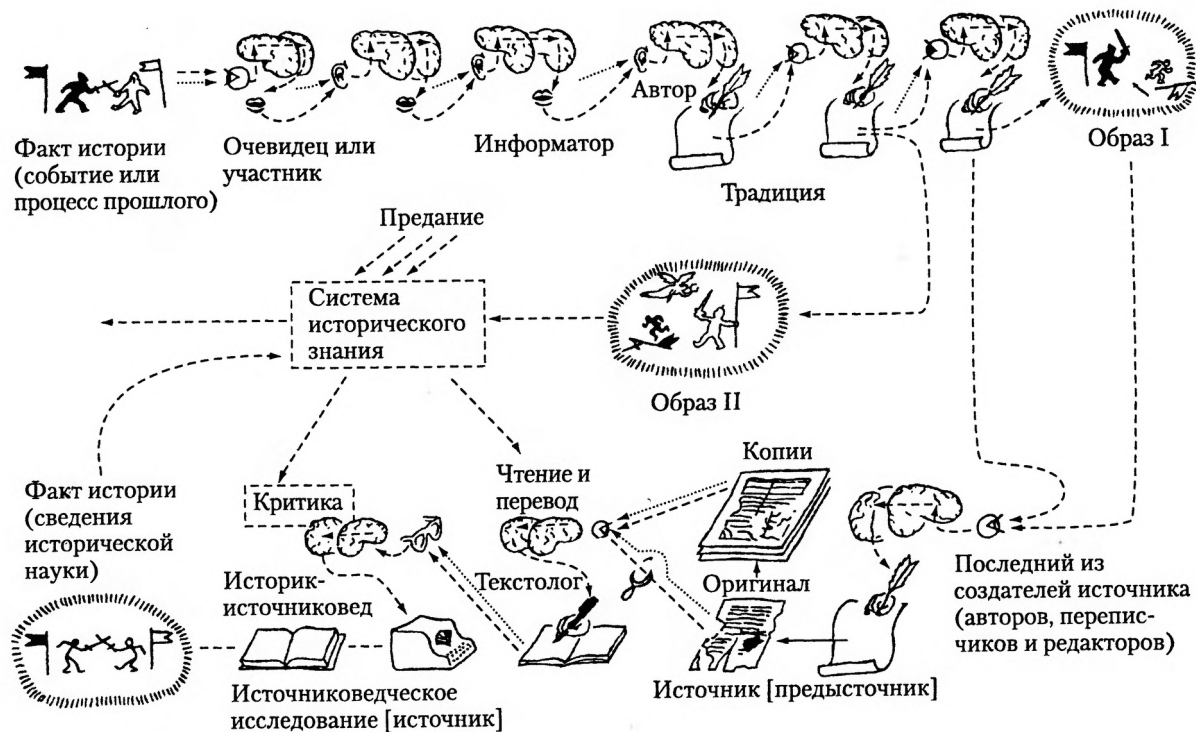
Это есть отражение сугубо опосредованное (т. е., как правило, без прямого контакта исследователя с объектом отражения), растянутое во времени, так сказать, с распределением по фазам, с фиксацией и запаздыванием (рис. 2). Сначала объекты отражаются в сознании наблюдателей; эти образы фиксируются там и выражаются в знаковой системе. Позже образы передаются другим людям, пополняясь по пути новыми результатами отражения, и опять фиксируются, снова и снова. Выделим *одну из таких фиксаций, запечатлевшую не только старые образы, но и условия их подбора и закрепления*. Все это вместе есть *источник*. Через длительное время эту фиксацию воспринимает исследователь-историк и вновь фиксирует в сознании и в знаковой системе. Отражение получается многоступенчатым, как в перископе, но зеркала этого перископа разнесены во времени и разобщены. К моменту, когда исследователь воспринял образы в их конечной форме, исходные объекты и многие промежуточные фазы фиксации уже не существуют. Когда луч достиг окуляра, многих зеркал, передавших его, не говоря о самих объектах, уже нет. Проверка чрезвычайно затруднена.

Таково историческое познание.

Источники – важное звено в механизме отражения, характерном для исторического познания. Именно они обеспечивают посредство между познаваемой действительностью (прошлым) и субъектом познания (историком-исследователем), держат связь времен. Заключенная в них информация о прошлой действительности имеет вид *образов* (Гулыга 1965). Образ содержит общие черты, выразимые абстракциями. Но он соединяет их с чертами индивидуальными, своеобразными, присущими только данному куску реальности.

Как и при всяком отражении, в общем и целом образы не могли бы возникнуть в источниках, не будь в реальной действительности объектов (*прототипов, образцов*), готовых так отразиться, и не будь в ней систем, способных провести отражение. На ранних этапах развития позитивистской исторической науки реальность объектов представлялась самоочевидной, а достоверность образов не вызывала

Условные обозначения: ---> путь информации о событиях; .....-> информация об условиях получения информации; —> передвижение во времени.

сомнений: отражающая система казалась простой, послушной и легко контролируемой.

Позже, к XX в., в исторической науке возобладали скепсис и разочарование. Реальные прототипы стоят за всей этой толпой образов, но не обязательно за каждым в отдельности. Историки распознали активность и сложность отражающей системы, ужаснулись размерам ее вклада в формирование образов и утратили не только наивную доверчивость к образам, но и уважение к реальности их прототипов. Что историк увидит в источнике зависит от подготовленности, образованности и талантливости историка, от уровня и активности его сознания. Чем больше он знает, тем больше увидит (Collingwood 1956: 237).

Отражающая система исторического познания действительно заслуживает внимания. В систему такого рода входят наблюдатели, информаторы (знатоки), создатели источников и сами источники, а также источниковеды и потребители исторической информации.

Но так как мыслительное отражение – не механическое, не зеркальное, а в истории вдобавок не прямое и не повторимое, и так как образы не тождественны в принципе объектам, то нельзя за каждым образом пытаться увидеть точно отчеканенный в нем объект. Образы могут быть более или менее близкими реальным прототипам, могут быть сугубо искаженными и вовсе фантастическими. Конечно, необходима проверка соответствия образов объектам (прототипам), а проверка эта в историческом познании в силу его специфики очень трудна.

В принципе есть две основные возможности такой проверки: либо сверить полученные образы с тем, что известно о тех же объектах по другим источникам, либо проконтролировать наиболее уязвимый момент отражения, приводящий к появлению искаженных образов, – создание источника. Данные для такого контроля частично содержатся в самом источнике, частично в других источниках, освещающих этот источник как факт прошлого.

Таким образом, в каждом источнике содержатся минимум два рода сведений: а) образы неких объектов, по отношению к которым этот источник служит только средством отражения, б) образы-факты, частью которых является сам источник как событие жизни.

Так есть ли в исторических источниках историческая информация? И да, и нет.

Рис. 2. Схема исторического познания как разновидности отражения.

Очень упрощено.

Нельзя представлять себе, что историческая информация содержится в источнике, будто молоко в кувшине: стоит наклонить – потечет, сколько влито – столько и выльется, каким было внутри – таким и останется снаружи, сохраняя одну и ту же калорийность или жирность, кто бы ни пил. С исторической информацией не так. Она не существует предварительно в источнике, но и не привносится со стороны, а вырастает из информации источников о прошлом («потенциально исторической информации») в процессе ее потребления. Она не течет сама из «наклоненного» источника – ее нужно извлекать, то выжимая источник, как бурдюк, то выворачивая наизнанку, то разрезая и т. д. А ее количество и качество зависят не только от объектов отражения, но и от того, кто и как эту информацию извлекает и потребляет. В том «молочном» или «кисельном» виде, в котором ее нередко воображают, ее нет не только в археологических источниках, но и в любых исторических источниках в их первоначальном состоянии. В этом смысле те и другие схожи.

Таким образом, если не все источники, информирующие о прошлом, суть исторические источники, то все они заслуживают тщательной проверки на пригодность в этом плане, любые из них еще могут в будущем оказаться таковыми и все нуждаются в бережном отношении. Российские теоретики источниковедения подумывают о том, не включить ли в понятийный аппарат источниковедения особую категорию – «потенциальный исторический источник», или «предысточник».

Есть разные способы группировать исторические источники – по эпохам, территориям, темам и проч. Традиционным, наиболее употребительным является деление их по способу отражения – на письменные, вещественные, языковые и т. д. Самое точное определение этого критерия предложил Л. Н. Пушкарев: классификация по способу кодирования и хранения информации в источнике (Пушкарев 1975). Ведь с точки зрения информационного подхода, все шире применяемого сейчас во многих науках, информация, заключенная в любых объектах, может условно рассматриваться как сообщения, составленные в неких знаковых системах (или на неких языках), т. е. зашифрованные в том или ином ключе. Чтобы прочесть эти сообщения, т. е. извлечь информацию, нужно знать этот ключ (или код). Вот он-то и оказывается разным у разных видов источников, коль скоро информацию приходится извлекать из них разными путями.

Строго говоря, по этому критерию мы различаем среди исторических источников, как и вообще среди источников информации о прошлом, *речевые*, или *словесные* (*письменные и устные*), *поведенческие* (обычаи, обряды, игры и т. п.), *вещественные, изобразительные*. Если придерживаться традиционного словоупотребления, то ясно, что путь к определению археологических источников пролегает через понятие «вещественные источники».

2. Отражение в вещественных источниках. По прямому смыслу слов *археологические источники* – это те источники, которыми ведает особая наука *археология*. То есть это источники, заслуживающие выделения в особую категорию по соображениям методического характера: чтобы извлекать из них информацию, требуется особая профессиональная подготовка, особая методика, особый набор понятий, словом, особая наука.

Интуитивное понимание этой необходимости возникло давно, и стихийно такая наука формировалась – археология складывалась именно в такую науку. Ведь первоначально, со времен античности до XVIII в., термином «археология» в полном соответствии с его буквальным смыслом (от греч. – *архолос*, «древний» и *логос* – «слово, учение, знание») обозначали очень широкую область знаний: всякие верные сведения о древнем прошлом. В одном сочинении философа Платона (VI–V вв. до н. э.) говорится о том, что люди с удовольствием слушают «о родословиях героев и людей, о переселениях, т. е. о том, как в старину основывались города, и вообще обо всей археологии» (Plato, *Hip. M.*).

В новое время значение термина сузилось до изучения *вещественных* памятников древности. Видимо, это было нужно – именно этот предмет требовал специализации.

Но так как это произошло стихийно и не было обосновано теоретически, то нередко эти стихийно сложившиеся границы и функции так определившейся науки нарушались. Более того, частенько выдвигались предложения изменить ее границы и функции – сдвинуть или расширить. Или вовсе такую науку ликвидировать. Приведем несколько примеров.

В первом изданном при Советской власти учебнике по археологии утверждалось, что в компетенцию археологии входят как вещественные, так и письменные источники по древнему прошлому. Что же тогда отличает ее от истории? Уклон интереса к материальной стороне дела и хронологическое углубление. Автор учебника – историк

академик С. А. Жебелев – явно не признавал за вещественными источниками какую бы ни было специфику, важную для методики исследования. Он считал, что «какой-либо особый археологический метод вряд ли есть нужда придумывать, равно как не приходится говорить и о каком-то особом “подходе” при занятиях археологией» (Жебелев 1923: 4, 27, 130).

В 1932 г. влиятельный немецкий археолог Э. Бушор во введении к авторитетнейшему коллективному «хандбуху» – «Руководству по археологии» – утверждал, что никакой особой «археологической методы» нет, что методические приемы – это индивидуальное дело каждого исследователя, «археологом является каждый, кто отнесет к прошедшей эпохе сформированную человеческой рукой вещь», а археологические источники – это просто «з е р к л о, в котором археолог видит историческую жизнь» (разрядка моя – *Л. К.*). Объективность отражения, по Бушору, целиком зависит от наблюдательности и проницательности исследователя. Подготовленное к 1932 г. «Руководство» было издано в 1939 г. и переиздано в 1969 г. (*см. Buschor 1969: 3*).

Между тем, если уж сравнивать для наглядности археологические источники как средства отражения с неким оптическим прибором, то – подобно историческим источникам – сравнивать не с зеркалом, а с перископом, погруженным в прошлое, и притом не с таким простым перископом, как «око Миноса» (простой перископ с лампочкой, погружаемый Леричи в древние погребальные камеры), а с гораздо более сложным, состоящим из системы зеркал (то прямых, то вогнутых, то выпуклых, то вычурно искривленных) и разных светофильтров – разноцветных, вращающихся, дымчатых, дырчатых и т. п. Нелепо игнорировать этот прибор на том основании, что нас интересует не сам прибор, а наблюдаемый через него объект. Без детального изучения прибора нам не представить объект (хотя бы мысленно) в его действительном облике, не сообразить, какой реальный объект скрывается за тем неполным, мутным, раздробленным и зачастую несуразным образом, который предстает нашему взору в окуляре. Слишком много зеркал и фильтров, передающих и искажающих по-разному, стоит на пути информации в системе археолого-исторического отражения: создатели и действующие фигуры, наблюдатели, информаторы, авторы, редакторы, переписчики, исследователи и проч. (рис. 3–5).

3. Слова и вещи. Вещи как источники информации коренным образом отличаются от других источников информации по способу, которым она в них закодирована. Следовательно, по средствам ее из-

влечения. Почему же профессионал-историк обычного профиля не в состоянии ее извлечь?

Любая наука функционирует только в сфере мышления и речи. История не исключение. Вдобавок в отличие от некоторых других наук она формулируется средствами обиходного литературного языка. Это значит, что она оперирует информацией, выраженной в понятиях, суждениях и умозаключениях, изложенных на естественном языке с помощью некоторого минимума специальной терминологии. Именно так и организована информация и в письменных источниках – летописях, мемуарах, договорах и т. п. Недаром так трудно провести в исторической науке резкие рубежи между первоисточниками (анналы, мемуары), вторичными источниками (компилятивные хроники, летописные своды) и учеными трудами историков. Обработка «предысточника» для его превращения в источник не отличается в принципе от основной работы историка – от установления причинно-следственных связей, от старания уловить взаимодействие законов и случайностей. На обоих поприщах – в письменном источниковедении и в истории – ученый сопоставляет обиходные понятия, сталкивает и преобразует по строгим правилам логики обычные житейские суждения.

Поэтому письменное источниковедение нередко успешно разрабатывается вполне профессионально тем же историком, который затем использует полученную информацию для исторического исследования.

Иначе обстоит дело с вещественными источниками. В сфере мышления и речи манипулировать непосредственно вещами невозможно. Без предварительной переработки информация, запечатленная в вещах, не пригодна к научному использованию. Нужно ее перекодировать и притом дважды. Сначала ее нужно перевести с того, что фигурально называют «языком вещей» на любой из естественных языков – русский, английский, немецкий и т. п. То есть описать вещи, их признаки и соотношения. На этом этапе гораздо больше, чем в истории, приходится пользоваться специальной терминологией. Затем, сопоставляя полученные сведения с другими, нужно установить, какие события и процессы прошлого отразились в описанных вещественных источниках. Только теперь информация обрела требуемую исторической наукой форму.

Раньше думали, что это очень простая задача. Теперь же ясно, что осуществить требуемое перекодирование информации вещественных источников гораздо труднее, чем перевести текст с одного есте-

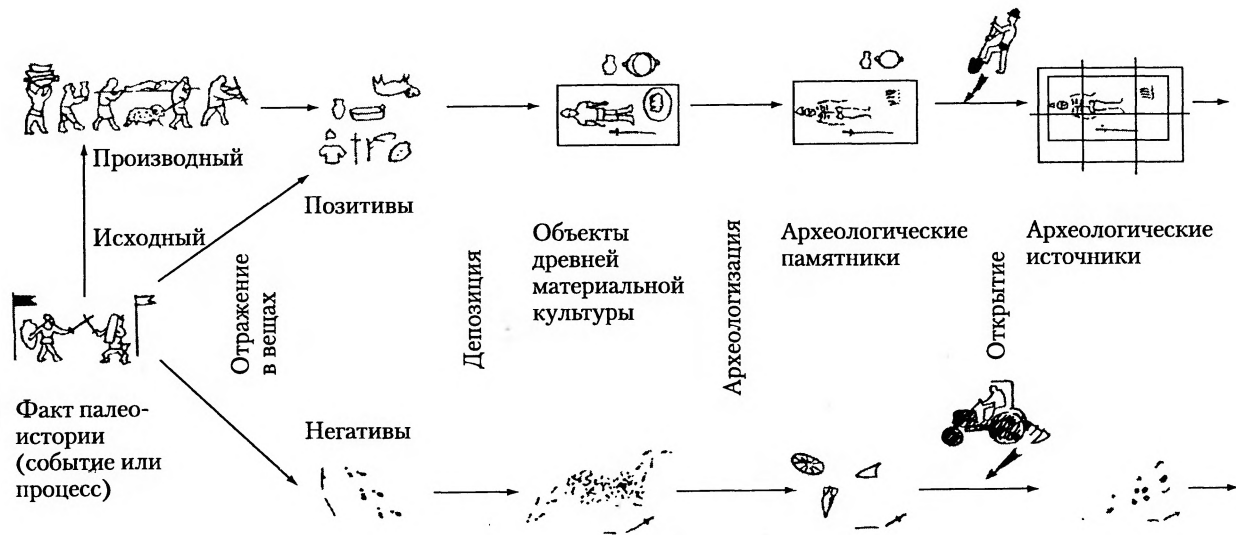
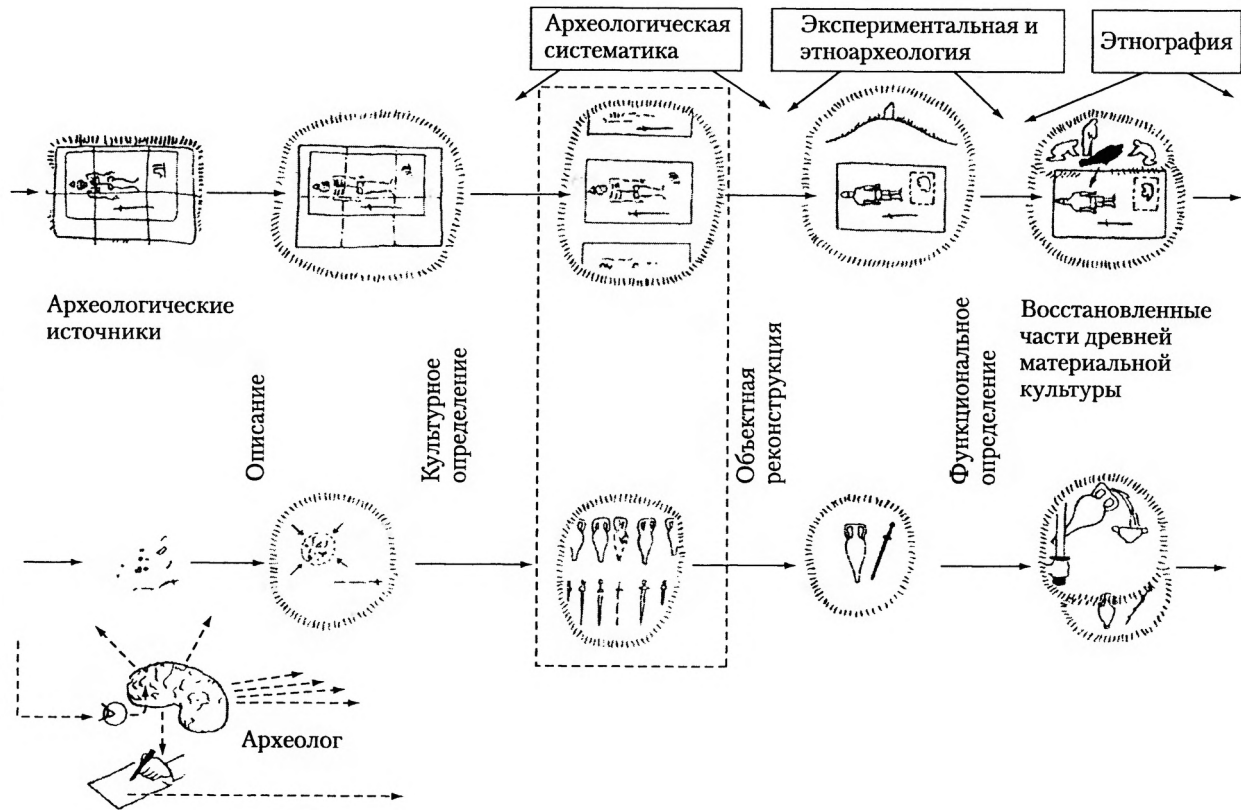
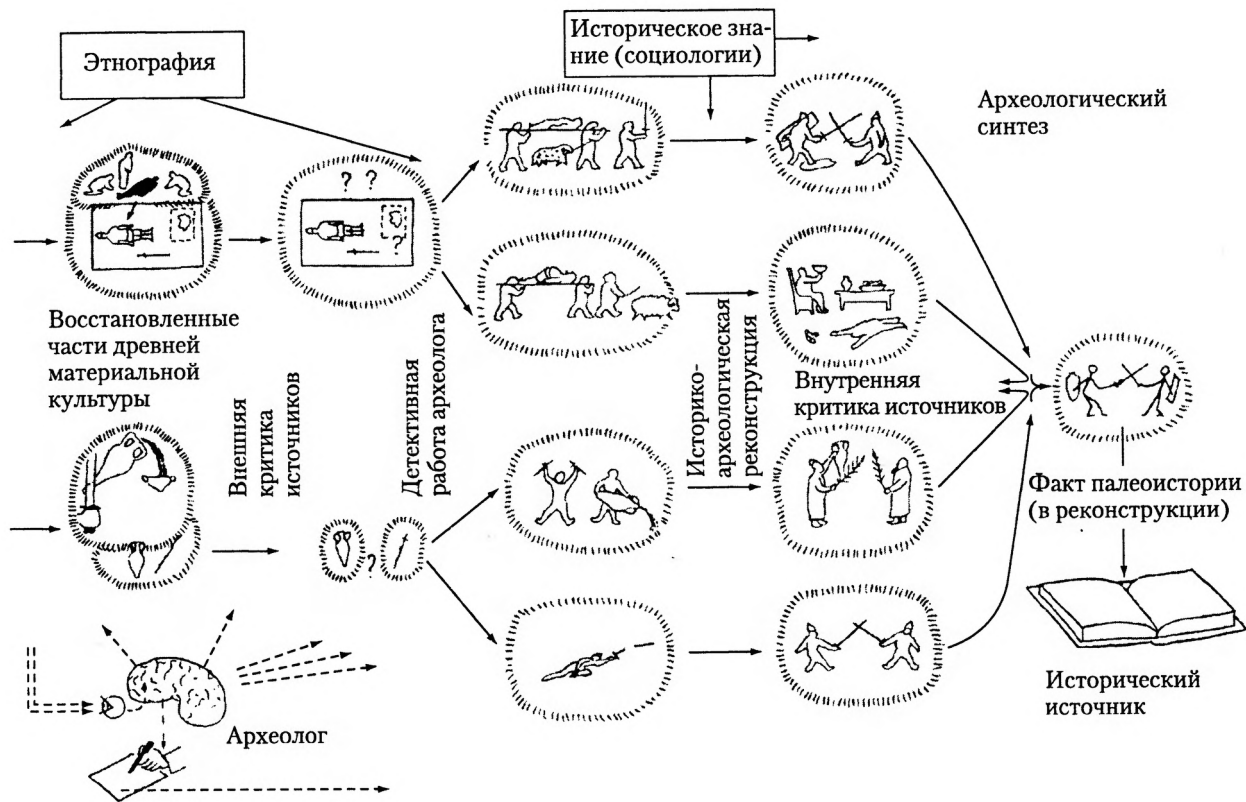

Рис. 3. Схема археологического познания как особой разновидности отражения. Часть первая: от события к археологическому источнику (формирование археологических источников). *Очень упрощено.*

Рис. 4 (с. 121). Схема археологического познания. Часть вторая: от археологического источника к восстановлению древней материальной культуры (вещеведческое исследование археолога). *Очень упрощено.*

ственного языка на другой, скажем с русского на немецкий. Ведь между естественными языками, несмотря на многозначность слов и гибкость их применений, практически установлено множество весьма узких соответствий, а контекст подскажет, которое из них выбрать. Вещественные источники гораздо более многозначны, полные списки всех возможных соответствий не составлены, а контекст зачастую нарушен.

Исследователь оказывается в классическом положении криминалиста-детектива, нашедшего окурок на месте преступления. Оставлен ли этот окурок преступником, жертвой, свидетелем или случайным прохожим, не видевшим ничего? Выкурена ли папироса в момент и на месте события, интересующего следствие, или окурок выпал из опрокинутой пепельницы, куда он попал задолго до события? Список возможных соответствий между вещами и событиями не беспределен (так, папиросу явно не курили ни лошадь преступника, ни собака следователя), но все же очень велик, и трудно гарантировать его полноту.

Здесь не обойтись простым распространением профессиональной подготовки историка на новое поприще, не обойтись обиходными представлениями, житейским опытом и здравым смыслом. Нужны совершенно новые знания, особая методика, иная наука. Для обработки вещественных доказательств, которые использует юриспруденция, создана специальная наука – криминалистика. Тем более нужна такая наука для обработки древних вещественных источников: их обрабатывать еще труднее.

4. Археологическое отражение. В течение долгого времени ученые замечали только одно существенное отличие древних вещественных источников от поздних: первых меньше, они беднее, однообразнее, хуже сохранились. От палеолита до нас дошли во множестве кремневые наконечники орудий да обломки костей, остальное представлено гораздо слабее. От неолита получена в массе еще и керамика, от более поздних эпох – также металлические украшения, монеты, фундаменты построек и проч., но лишь изредка – деревянная утварь и кожаная обувь. Зато от недавнего прошлого сохранились и меха, кружева, ткани, бумаги и т. д. Древние источники фрагментированы (разбиты на куски), лакунарны (не все куски сохранились, есть

Рис. 5 (с. 122). Схема археологического познания. Часть третья: от археологического видения материальной культуры к историческому источнику (историко-археологическое исследование). *Очень упрощено.*

лакуны) и однобоки (сохранность разных комплексов неравномерна, пробелы не скомпенсированы). Но все это чисто количественные различия.

Г. Ю. Эггерс, археолог из ФРГ, в 1950 г. первым обратил внимание на качественные отличия *живого* культурного достояния (*lebendes Gut*), изучаемого этнографами (и наблюдававшегося древними информаторами современных источников), от *мертвого* достояния (*totes Gut*), попадающего к археологам (Eggers 1950).

Ведь на свалку и в отложения мусора у жилищ чаще попадали не те вещи, которые наиболее интенсивно использовались в жизни, а те, что чаще ломались или были слишком редко нужны и слишком просты в производстве, чтобы их стоило беречь. Металлические изделия служили долго; сломанные и сточенные, они не выбрасывались, а отдавались в переплавку. Горшки же разбивались, то и дело попадали на помойку.

Покойника клали в могилу не в той одежде и нередко не с теми вещами, которыми он обычно пользовался при жизни (живые христиане не расхаживают в саваханах). В мир иной умершему давали снаряжение, особо подобранное соответственно традиционному ритуалу, а то и специально изготовленное. В ином женском погребении бронзового века Центральной Европы набор украшений весит столько, что стоять в нем было бы не под силу, в нем можно только лежать. Золотые украшения скифов и сарматов не всегда литые – нередко они только покрыты тончайшей золотой фольгой с оттиснутым в ней выпуклым изображением. Носить такие украшения было рискованно: тотчас бы помялись. А вот для помещения в могилу годятся: и вид великолепный, и расход драгоценного металла невелик. В погребении вождя скифского времени на Алтае (Пазырыкские курганы), как установлено проф. М. П. Грязновым, деревянные детали узды для каждого из 9 коней изготовлены отдельным мастером. По-видимому, кони принесены в погребальную жертву подвластными соплеменниками, но вряд ли вождь при жизни пользовался столь пестрой, сборной утварью. Таким образом, при трансформации живой культуры в мертвую изменялся ее состав, менялись пропорции ее компонентов.

Тогда же, и особенно позже, в 1959 г., Эггерс добавил соображения о последующих изменениях, происходящих с мертвой культурой после ее отложения (так сказать, после ее упокоения в земле или на земле или под водой). В сущности, он подвел читателя к выводу (хотя и не сформулировал этот вывод в таком виде), что как бы от

живой культуры ни отличалась *мертвая культура*, еще больше отличается третье состояние культуры: остатки *давно умершей культуры* – состояние, в котором она, собственно, и достается археологам (Eggers 1959: 262–270). (Термин для изменений, приводящих к этому состоянию, позже предложил Дэвид Кларк: «постдепозиционные», англ. post-depositional – после отложения – Clarke 1973.)

Ведь разрушения, поражающие мертвую культуру, действуют на нее избирательно: разные материалы по-разному выдерживают длительное действие стихий. Металлы разрушаются от коррозии, древесина рассыпается в тлен, кости сохраняются лучше, а камень и керамика устойчиво противостоят времени. Это усугубляет диспропорцию между металлом и керамикой в культурных остатках. Археологи застают руины поселений почти лишенными металла, но это не значит, что его не было в живом обиходе. В то же время эти поселения перенасыщены керамикой, ее буквально горы, но это вовсе не значит, что когда поселение жило, в домах находилась вся эта уйма глиняной посуды сразу.

Изменяется не только состав мертвого культурного достояния, но и его расположение и структура. Река подмывает городище, перемещает его остатки, береговую дюну перебивает ветер, и вот уже наслоения разных эпох, вкрапленные в песок, перемешаны в одну россыпь. Еще чаще резкие изменения вносит деятельность людей: перекопы старых отложений на городище (хозяйственными ямами, колодцами, котлованами для жилищ и т. п.), выборка грунта для укреплений, расчистка руин и нивелировка, вторичное использование крепких деталей, ограбление богатых могил и т. д.

5. Материальные древности. Сравнивая материальные древности с другими вещественными источниками, Ю. Н. Захарук отметил их различие в диагностичности. Диагностичность, т. е. понятность, опознаваемость, определимость древностей резко снижена по сравнению с источниками позднего происхождения. Эти поздние более или менее знакомы исследователю или его современникам – сами или их очевидные аналоги, близко родственные вещи. Испытаны их функции, познаны связи, известно место в системе культуры. Это могут быть и довольно старые вещи, давно бытующие, даже давно вышедшие из обихода, но если такая информация о них сохранилась в памяти живущих людей, то это не древности. В категорию *древностей* отойдут те вещи, относительно которых эта информация утрачена или сильно пострадала.

Русская терминология оказалась тут богаче и тоньше, точнее западной. В западных языках различается только один информационный рубеж среди памятников культуры. Он отделяет от современных или вообще поздних объектов те, что дошли из глубины веков и именуются «древностями» (англ. *antiquities*, франц. *antiquités*, нем. *Altertümer*). Эта упрощенность скрадывает разницу между подходами археологов и этнографов к вещественным памятникам прошлого. Проще было бы обойтись в терминологии одним рубежом, т. е. делением надвое, если бы древности отошли к археологии, а современные вещи – к этнографии. Но ведь этнография изучает не только вещи современного быта!

Эггерс ощущал эту нехватку понятия и в свою терминологию ввел между «живой культурой» и «мертвой культурой» еще одну – «умирающую культуру» (*sterbendes Gut*), обозначив так устаревшую, отживающую часть «живой культуры». Рубеж между вполне живой и едва живой (т. е. «умирающей») проходит в разных частях культуры на разной глубине. Если повседневная одежда полностью обновляется в массе каждые пять лет, а мебель – с каждым поколением, то столовое серебро и женские украшения (перстни, ожерелья, броши) живут в семье несколько поколений – около века – и считаются годными к употреблению. Изредка, однако, сохраняются в обиходе и вещи, возраст которых превышает этот рубеж, они воспринимаются как сугубо старомодные («*altmodisch*»). По немецким этнографическим коллекциям из бывшей Померании Эггерс заметил, что и это состояние имеет предельный возраст, и тоже неодинаковый в разных частях культуры (Eggers 1959: 258–261).

Иными словами, есть у «умирающей культуры» также противоположный край, за которым вещи уже не применяются в живом обиходе, не сохраняются рядом и вместе с более новыми, а выпадают полностью в «мертвую культуру» и отлагаются там. В коллекциях почти не оказалось предметов сельского, крестьянского обихода старше XVIII в. Они не сохранились в быту и не попали в этнографический музей; их надо искать в археологическом. Мещанская культура горожан представлена в этнографическом музее и XVII в., отчасти XVI в. В дворянских имениях и дворцах сохранились как фамильные реликвии вещи XV в.: оружие, доспехи, инсигнии власти. Но только в церковном употреблении оказались предметы XIII в., несколько вещей XII в. и один драгоценный ларец XI в. От X в. – нигде ничего.

Для обозначения этого (местами тысячелетнего) пласта отмирающей культуры, как ни странно, в немецком языке не нашлось общепринятого термина, а терминологические нововведения Эггерса так и остались в его индивидуальном словаре.

В русском же языке есть еще один термин – «старина», и он вписывается между двумя крайними понятиями («древности» и «современные объекты»). Старина – это все, что возникло давно и уже не соответствует современным условиям, требованиям и стандартам, все, что принадлежит к отжившим типам, но еще фигурирует в живой культуре, применяется или может применяться, так как понятно рядовым людям в своем назначении и использовании. *Вещественная старина, старинные вещи* – это вещи, технически или морально устаревшие, отживающих или отживших типов, но сохранившиеся в живом обиходе – в употреблении или хотя бы в непрерывном владении лиц, умеющих ими пользоваться, – вплоть до момента, когда эти вещи поступили под наблюдение или были изъяты для изучения или коллекционирования. Это материалы этнографического изучения (хотя это и не все материалы этнографии). Не все старое и ветхое называют стариной. И современная по типу вещь может быть просто *старой*, если она изготовлена давно, а тип еще не устарел, или *ветхой*, если она сильно изношена и плохо сохранилась.

Более узкие понятия – «антикварные вещи» и «пережитки». *Антикварными* называются у нас старинные вещи, имеющие товарную ценность и обозначаемые с этой точки зрения. Термин «*пережитки*» применяется в том же смысле, что и в западных языках (англ. survival), но и там и тут он покрывает только устарелые идеи и стереотипы поведения, а не вещи. К последним прилагается в этом значении термин «*реликты*».

Естественно, что больше шансов получить статус старины у памятников сравнительно недалекого прошлого, хотя не время – главный критерий в этом вопросе.

Древности – это остатки культуры прошлого (обычно далекого прошлого), отделенного от нашей жизни не только значительным интервалом времени (и здесь не это главное), но и разрывом в традиции – таким разрывом, который затрудняет понимание остатков: приходится выяснять назначение предметов, искать места фрагментов в системе целого. В известном смысле древности среди памятников культуры занимают такое же место, как ископаемые виды в биологии. *Ископаемыми* называются виды, не существующие ныне, прекратив-

шие свое существование к началу развития биологической науки. Оба термина – и в биологии, и в истории культуры – определяются не применительно к каждому отдельному объекту, а к целой типологической совокупности: к виду в биологии, к типу в археологии. В храмах Киево-Печерской лавры может совершаться служба до сего дня, но это все же древность и объект археологии, ибо его функционирование – редкое исключение; прочие памятники этого типа и времени давно оставлены обитателями и разрушены.

Вещественные древности (древние вещи) – это вещи, судя по их типу, давно вышедшие из употребления и заброшенные в земле, на земле или под водой ко времени их обнаружения наблюдателем. Под наблюдателем здесь имеется в виду ученый или коллекционер, изъявший их из среды для использования не по прямому, первоначальному назначению, а в качестве источника информации о прошлом.

Эта оговорка нужна потому, что случалось и добывание древних вещей для использования по прямому назначению. Еще люди каменного века подбирали кремневые орудия своих предшественников, подправляли рабочий край (у археологов это называется «оживлением» орудий – франц. *avivage*) и пускали в дело. Но уже у древних римлян и славян киевской поры кремневые наконечники стрел каменного века (их находили и даже искали) именовались «громовыми стрелами». Разумелось, что они падают с неба во время грозы, и им приписывались сверхъестественные свойства – охранительные, целебные и т. п. Их толкли в порошок и принимали внутрь или носили в металлической оправе как подвеску на ожерелье. Такое ожерелье найдено при раскопках в древнем Новгороде. Чингисхан не расставался с подобным амулетом и считал, что ему обязан всеми своими победами. О таком же забвении первоначальных функций и смысла многих других типов древностей говорят связанные с ними легенды и сами их народные названия: «громовые топоры» (каменные топоры III–II тыс. до н. э.), «Ивановы головки» (древнеримские серебряные монеты с профилем императора, принимавшиеся за изображение отрубленной головы св. Иоанна), «Змиевы валы» (укрепления разных эпох), «Турецкие могилы», «Шведские могилы», «Французские могилы» (курганы бронзового века и раннего средневековья), и т. д.

Итак, определяющим является именно фактор забвения. Это понимание предвосхитил английский философ XVII в. Ф. Бэкон своей красивой и богатой метафорой: «Древности – это стертая история или остатки истории, которые случайно ускользнули с потонувшего ко-

рабля времени» (*цит. по:* Thomas 1960: 11). К археологии же этот критерий применил позже его соотечественник А. Клэфем, и применил очень четко: «Археология начинается там, где кончается живая память» (*цит. по:* Daniel 1962: 5). Однако эти меткие, хотя и мимолетные наблюдения не были своевременно замечены и оценены археологами ни в Англии, ни за ее пределами. Так и были упущены и надолго забыты, не затронув теоретическую археологию. Возникает вопрос: почему?

Вероятно, сказалось несколько причин: и мимолетность высказываний, и непричастность их авторов к профессиональной археологии, и особенно игнорирование прежней археологией объяснительных задач. Если объяснения, расшифровка смысла и исторического значения памятников не требуются или не считаются важными, или не признаются возможными, то не все ли равно, сохранилась об этих памятниках живая память или нет? Тогда уравниваются перед ученым в своих свойствах и возможностях кремневые «громовые стрелы» и пластмассовые молодежные значки, ручные рубила и казацьи сабли, трипольские глиняные «биноклевидные сосуды» и немецкие пивные кружки – все это можно коллекционировать, описывать, классифицировать, датировать, выставлять...

А во времена Френсиса Бэкона археология переживала этап накопления фактов, коллекционерское увлечение ценными изящными и редкостными древностями – *антиквитетами*, раритетами, «куриозами» (период антикварианизма). И позже в археологии долго преобладали задачи описательские, классификационные, систематизаторские; кроме того, исследователи выясняли позиции и передвижения вещей в пространстве и времени. Наконец, в последнее время на Западе в обстановке неверия в исторические закономерности стал модным гиперскептицизм в отношении возможностей археологии реконструировать социальные и идеологические явления прошлого, объяснять события и процессы (Клейн 1975).

Что же касается археологических течений, признающих закономерности в истории, и оптимистичных в отношении реконструкций и объяснений, то в этих кругах другое удерживало теоретиков от совмещения рубежа древностей (и археологии) с обрывом живой памяти. Загвоздка в том, что, как правило, память общества о делах давно минувших дней не обрывается враз, она угасает постепенно. А с нею и объяснительные возможности должны убывать постепенно. Плавно должна слабеть диагностичность! Если так, то изменения на этой шкале

оказываются количественными и притом плавными. Это значит, что рубеж можно установить только условный или скользящий.

Только недавние исследования в семиотике показали, что это не так. Русский археолог В. Б. Ковалевская тонким математическим анализом установила, что изученная ею знаковая система археологического материала (украшения поясных наборов степных кочевников раннего средневековья) содержит избыточную информацию, т. е. больше сигналов, чем необходимо было древним людям для понимания заложенного в вещи смысла. Это позволяло понимать смысл и в тяжелых условиях (при частичном разрушении и т. п.) и тем усиливало надежность и живучесть системы. Так вот, избыточная информация знаковой системы в археологическом материале оказалась количественно такой же, какую ранее измерения обнаружили в естественных (словесных) языках – русском, английском, немецком (около 80 %). Следовательно, оптимальная избыточность (такая, чтобы было с достаточным запасом, но не слишком расточительно) оказывается примерно одинаковой для основных знаковых систем, работающих в социальном общении. Это говорит о том, что в них действуют общие закономерности понимания (социальные и психологические) (Ковалевская 1970).

А психологи установили на языковом материале, что при плавном убывании информации (например, при постепенном разрушении текста) понимание нарушается не столь же постепенно, а скачком: сначала слабеет медленно и вдруг исчезает совсем. То есть познаваемость подчиняется диалектическому закону перехода количественных накоплений в качественный сдвиг. Если нарушения текста затрагивают не более 30 % его слов, оставляя 70 % в сохранности, текст еще можно понять; если разрушено больше – текст невразумителен (Moles et Valancien 1963; Фрумкина 1965; Фрумкина и Добрович 1971: 31, 36–37). Видимо, этот феномен не ограничен языком.

Археологам же открытие порога понимания позволяет поймать, наконец, критерий отделения древностей от старины. Пусть память о вещах угасает постепенно, но вот понимание (диагностичность) при этом снижается не столь же постепенно, а падает рывком. Здесь забывание трудно измерить и порог трудно определить количественно, но ясно одно: за каким-то порогом забвения вещь становится древностью. Возникает необходимость расшифровки – нужда в археологии.

Е. М. Колпаков (1988: 103) считает, что порога понимания у материальных древностей нет, поскольку у текстов он определяется только

для той информации, которая выражена в специальных знаках, а есть там еще и другая информация. Вот информация вещей схожа как раз с нею. Мне кажется, что Колпаков смешивает выразимость порога в цифрах (она, конечно, легче у текста) с вопросом о самом его наличии.

6. Специфика археологических источников. О специфике археологических источников писалось немало. Весь ход исследований наталкивал на вывод о том, что таковая есть. И все же она все снова и снова ставилась под вопрос. Подвергались сомнению ее существование, или ее определимость, или ее важность.

Теперь мы видим, что самые глубокие разделительные критерии нельзя было ухватить без (и до) развития семиотического подхода. Поэтому исследователи, подходя стихийно к определению, обычно останавливались на признаках, которые и не могли привести к плодотворному разделению. Не могли потому, что это были признаки с кажущейся, ложной (для данного материала) разделительной способностью – таковы указания на «ненамеренность» и объективность *остатков* в противоположность намеренности и тенденциозности *предания*. Или это были признаки слабые, узкого охвата, необязательные, например «погребенность» (это исключило бы из археологических источников петроглифы и древнерусские церкви). Или это были признаки, расплывчато сформулированные, нечеткие (внешний вид, характер, материальность и т. п.). Или же, наконец, это были признаки – как, скажем, неполнота – действительно присущие археологическим источникам, но отделяющие их в функции исторических источников не от других основных категорий исторических источников (в частности, от письменных), а только от некоторых разновидностей (от современных) и то очень условно, относительно: по сути, за любыми источниками абсолютную полноту признать невозможно.

Исследователи обычно не пытались мотивировать выбор и объяснить, почему именно данный признак требует строгого обособления группы источников. Не пытались и определить, достаточно ли одного признака для обособления.

А ведь недостаточно. Это с очевидностью вытекает из приведенных выше фактов и соображений.

Археологические источники принадлежат сразу к двум более широким группам: вещам и древностям. Есть и другие вещественные источники (например, архитектурные сооружения, монеты, разбитые автомобили на месте аварии, окровавленный нож на месте преступления), часть из них – исторические. Есть и другие ископаемые и древ-

ние источники (скелеты ящеров, следы оледенений, летописи, жалованные грамоты, «законы Хаммурапи» и «Русская правда»), в числе их культурные остатки (древности). От других вещественных археологические источники отличаются тем, что они древние, от других древних – тем, что они вещественные. Именно эта двойная обособленность, видимо, важна для выделения данной группы в такую категорию источников, которая требует особой науки. Двойная обособленность создает чрезвычайную трудность познания.

Обращаясь к вещественным древностям, исследователь наталкивается на двойной разрыв: в *традициях* (между далеким прошлым и нашим временем) и в *объективации*, т. е. в формах воплощения информации (разрыв между миром вещей и миром идей, которыми можно оперировать в науке). *Этот двойной разрыв – главная специфика археологических источников.* Справиться с двойным разрывом не значит просто удвоить усилия. Двойной разрыв создает особую, качественно новую трудность.

Сравним археологию с науками, имеющими дело каждая только с одним разрывом. Таковы этнография и древняя история.

В этнографии, когда мы берем вещь в руки, нам ясно, что за предмет перед нами: прялка, пряжка, ухват, ушат. Да, это вещи, и их надо назвать и описать – перевести информацию в другую форму, как в археологии. Конечно, сформулировать информацию, перевести ее в идеи, в слова, т. е. выделить существенное, отбросить несущественные признаки, нелегко. Это ведь можно сделать по-разному. Можно и ошибиться. Но в этнографии для преодоления этой трудности многое, так сказать, наготове. Связь вещи с действиями людей в наличии, дата известна, есть контекст функционирования. Есть весь комплекс – целое.

В археологии же этого нет. Перед нами фрагменты, не связанные с жизнью и очень неопределенно связанные друг с другом. Об их назначении мы еще должны догадаться. Это сопряжено с риском и требует особых приемов исследования. В Подмосковье и смежных областях на городищах двухтысячелетнего возраста (так называемого Дьякова типа) всегда обнаруживаются небольшие глиняные диски с центровым отверстием. Одни археологи сочли их пряслицами (насадками на веретена), другие – грузиками от ткацких станов, третьи – горелками от масляных ламп, четвертые – гирьками для взвешивания зерна, пятые – предметами солнечного культа. Открыли в XIX в. Спорят до сих пор.

Обратная картина получается в истории, имеющей дело с древними письменными источниками. Здесь, как в археологии, разрыв в традиции налицо: многое забыто и непонятно современному исследователю. Но эта ущербность не так чувствительна, как в археологическом материале. Ведь она сказывается сильнее всего именно при переводе информации из вещественной формы в словесную, а историку не приходится делать эту операцию. В древних письменных источниках она уже осуществлена древним автором. Правда, он был, скорее всего, грубо тенденциозен и в отличие от современных ученых не имел столь широких интересов, столь глубокого понимания общих тенденций. Но зато в отличие от археолога он переводил не фрагменты, а целое. И он не должен был догадываться о назначении и связях: он их знал, а то и видел – не только вещи, но и сопряженные с ними действия и события.

Таким образом, по отдельности любой из обоих разрывов хотя и затрудняет познание, но не так уж опасен. Утрата знакомства с интересующим нас контекстом компенсируется передачей спасительной информации по другому руслу: в этнографии – по руслу живого общения (с соучастием исследователя) и прямым наблюдением, в древней истории – по руслу письменного предания. И только оба разрыва вместе, в сочетании, как в археологии, приводят к радикальной изоляции ученого от прошлой действительности, к сокрушительному раздроблению целого, подчас к полной утрате смысла информации. Для его восстановления нужны какие-то внешние опоры – возможность привлечения дополнительной информации, которая бы позволила перебросить мостик от известного к неизвестному: знание смысла других археологических объектов, расшифрованных ранее; иные, неархеологические источники о той же самой прошлой действительности; общие сведения о структуре объектов, подобных изучаемым; знание законов, по которым происходят и происходили воплощение идей в вещах и превращение вещей и событий в археологические следы и остатки и т. п. И нужна строгая и надежная методика использования этих знаний для восстановления утерянного смысла.

Вот почему только двойной разрыв требует выделения характеризующих им источников в особую категорию и создания особой науки для их изучения. И вот почему эту категорию составляют именно *древние вещественные источники* – те, которые и принято называть археологическими.

Из этих рассуждений следует, что установить строгую и единую хронологическую дату для отделения археологических объектов от неархеологических нельзя; что раскопки не обязательны для отнесения объектов и работ к археологии и не исключительны для археологии (есть раскопки без археологии и есть археология без раскопок); что некоторые исследования, относимые к археологии из-за устарелого широкого или сбивчивого понимания термина «археология», на самом деле, строго говоря, не входят в нее и не имеют на то оснований.

Французский историк науки Мишель Фуко написал книгу «Археология познания» (Foucault 1966; *русск. перев.* Фуко 1977). Он вскрывает в ней предшествующие нынешнему пласты мыслительной культуры ученых: как ученые подходили к исследованию в XIX в., в эпоху Возрождения и еще раньше, каких принципов придерживались и т. п. Всем ясно, что «археологией» автор книги обозначил свою тематику в сугубо переносном смысле – это казус простой. А вот посложнее. Так называемая «промышленная археология» (*industrial archaeology*) могла бы войти в археологию, если бы археология была идентична истории материальной культуры, но раз это не так, то «промышленная археология» тоже должна остаться вне археологии. Это отрасль истории материальной культуры, использующая некоторые методы археологии, этнографии и музееведения. Другой пример: если археолога вместе с криминалистом приглашают как экспертов участвовать во *вскрытии* могил второй мировой войны (археолог скажет: в *раскопках*, криминалист – в *эксгумации*), то от этого их занятие еще не становится ни археологией, ни криминалистикой. Точно так же, как радиохимик, определяющий дату неолитического очага радиоуглеродным методом, трудится, хоть метод и радиохимической, не в радиохимии, а в археологии.

Таково место археологических источников среди других видов источников информации о прошлом. Такова их специфика. Таковы основы для выделения археологии в особую науку.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Более детальный анализ вопросов, затронутых в этой главе, как и проблема классификации археологических источников, рассматриваются в моей книге «Археологические источники» (Клейн 1978); лучше второе, расширенное издание (1995), к нему приложены перепечатки критических рецензий. На английском есть обзорная статья (Dunnell and Shimek 1984).

Вопросы для обсуждения:

1. *Правомерно ли предложенное деление наук на виды по их фактуальной базе? В частности, нельзя ли под предложенное здесь определение источника подвести материал и других наук?*

2. *Что понимается под отражением действительности в вещах и что под кодированием информации в них? Можно ли рассматривать отражение действительности в вещественных памятниках как кодирование информации?*

3. *Если образ и прототип – главные понятия отражения, то как можно представить себе их участие в процессе отражения действительности в вещах?*

4. *Можете ли Вы дополнительно аргументировать то положение, что перевести информацию с «языка вещей» на язык исторического рассуждения значительно труднее, чем с языка древних документов на язык исторического нарратива и выяснения причин?*

5. *Нельзя ли уточнить, что следует понимать под разрывом в традиции применительно к пониманию археологических памятников? Утрата знания о каких сторонах вещей?*

6. *Существует ли на деле применительно к археологическим источникам разрыв в традиции?*

7. *Можно ли привести аргументы в пользу мнения Клейна о наличии «порога понимания» артефакта, выключенного из жизни, и в пользу мнения Колпакова, что такого порога нет?*

8. *Исследуя длительность сохранения вещей в умирающей культуре, Эггерс установил, что в разных социальных слоях эта длительность различна. Хокс нашел, что понимание археологического материала различно в зависимости от сферы культуры. Сопоставляя эти выводы, нельзя ли установить аналогичные зависимости и различия в диагностичности (понимании) археологического материала применительно к порогу понимания?*

9. *Если все археологические источники отнести к предысточникам, то не логично ли поступить так же и с нумизматическими, письменными и проч.? Но что же тогда окажется собственно историческими источниками?*

10. *Отказав материальным древностям в статусе исторических источников, не уберем ли мы понятие «исторический источник» из сферы, где он более всего нужен и где с ним связаны привычные представления: забота о сохранности, требование полноты и проч.?*

Часть III

ПРИРОДА АРХЕОЛОГИИ

Глава 6

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА АРХЕОЛОГИИ

1. Метод и методы. Несмотря на долгие споры о предмете археологии виднейшие археологи признавались в неспособности вообще сформулировать вразумительный ответ. Сэр Мортимер Уилер писал: «Что на самом деле есть археология? Я, собственно, и сам настоящему не знаю» (Wheeler 1954: 16). Роберт Бредвуд добавил: «Археология это то, что делают археологи» (Braidwood 1960: 1). Это совпадает с мнением Фридриха Кёппа: «Нет археологии, есть только археологи» (Коерр 1939: 11).

Один и тот же археолог то утверждал одно, то другое. Глин Даниел писал: «Слишком долго слишком много археологов плясало вокруг спора о том, наука ли археология или искусство...» Он твердо заявил, что археология ни то, ни другое, она – всего лишь ремесло и техника (Daniel 1969: 86; *также* 1950: 311). Но в другом месте он отметил: «мы все – историки» (Daniel 1967: 170). Еще где-то мы находим его оговорку: в применении к позднейшим периодам археология – служанка истории, а вот для ранних периодов это первейший источник истории (Daniel 1950: 9).

Таким образом, характеристикой предмета науки не исчерпывается ее определение. Чтобы понять, что такое археология, мало ответить на вопрос, *что* она изучает, нужно еще определить, *как* она изучает свой предмет (Taylor 1967: 23). Точнее, как должна это делать, чтобы достойно выполнять свое предназначение.

В старину об этом говорили: охарактеризовать ее метод. На Западе и сейчас нередко употребляют сочетание «теория и метод археологии» (Hawkes 1954; Willey and Phillips 1958; South 1977; Schiffer 1978; Stjernquist 1984), иногда и у нас применяется такое клише (Рогачев 1978). Несколько лет назад Эвжен Неуступны (Neustupny 1993) выпустил книгу «Археологический метод», в которой излагает специфическую методологию вообще – это не учебник археологических ме-

тодов (такой, как, скажем, Hrouda 1978 или Мартынов и Шер 1989 или Djindjian 1991). Под словом «метод» Неуступны, Хокс и др. ни в коем случае не имеют в виду частные методы исследования (эволюционно-типологический метод, картографический метод, метод горизонтальной стратиграфии и т. п.). Не подразумевается и простая сумма таких приемов. Речь идет о том, какой общий путь познания избирает археология из нескольких принципиально возможных для науки. Каковы общие характеристики способов исследования, применяемых в археологии, по сравнению с другими науками? Какова ее специфика в этом плане — ее *методологическая природа*?

Тем самым мы ставим и решаем вопросы классификационного характера. Гуманитарная ли это наука или она сродни физике, химии и социологии? Особая ли это наука или часть какой-либо другой науки или, наоборот, это целый комплекс наук? Самостоятельная наука или вспомогательная, служебная? Относится ли к числу фундаментальных или ближе к прикладным? И т. п. И практический выход из этого круга вопросов: какие задачи, процедуры и приемы в археологии допустимы, а какие — нет?

Выдающийся русский археолог прошлого века Иван Егорович Забелин выразился прямо: «Об археологическом методе исследования никто, конечно, ничего еще не слышал» (1878: 1). Выше уже приводились высказывания Жебелева и Бушора. В своем учебнике для археологов Сергей Александрович Жебелев написал: «По своему основному характеру, археология относится столько же к числу наук филологических, сколько и наук исторических. Поэтому тот метод, которым пользуются при археологических занятиях, покрывается, строго говоря, методом, применяемым при занятиях как теми, так и другими науками. Во всяком случае, какой-либо особый археологический метод вряд ли есть нужда придумывать, равно как не приходится говорить и о каком-то особом “подходе” при занятиях археологией» (1923: 130). Вполне очевидно, он включал археологию в гуманитарные науки. Это недалеко от того, что говорилось в Германии 30-х гг. Бушором — что никакой особой «археологической методой» нет (Buschor 1939/1969: 3).

Вопросы подобного рода решаются и в других науках (*см., напр.,* Carr 1964; Коллингвуд 1980; Лооне 1980; Харвей 1974; Сержантов 1972; Кудилова 1972), причем там они привлекают гораздо больше внимания, чем вопрос о предмете науки. Однако и в отечественной археологии время от времени исследователи проявляли интерес к ме-

тодологической природе своей науки (Рогачев 1978; Быковский 1932; Арциховский 1941).

Конечно, понимаемый так «метод» науки, т. е. ее методологическая природа, ее гносеологический характер, ее статус и облик, во многом определяются ее предметом. Как ей подходить к материалу, конечно же, должно обуславливаться типовыми особенностями этого материала и целями изучения. Правда, порожденные этими факторами характеристики науки, обозначаемые в общем и целом как ее метод, обладают собственной спецификой, автономными возможностями и требованиями и представляют самостоятельный объект науковедческого изучения. И все же характер предмета и его понимание научным сообществом сказывается на том, как определяется метод.

В советской науке долгое время предмет археологии трактовался (да и сейчас многими трактуется) как совпадающий с предметом истории или составляющий его репрезентативную часть, а история в марксистском понимании призвана была выявлять закономерности исторического процесса. Стало быть, археология тоже. Но от постсталинского идеологического сдвига зашатался предмет истории, а значит, и археологии.

Ситуация в советской системе наук показательна для общего решения проблемы, поскольку повсеместно существующие отношения выступали здесь с полемической заостренностью.

2. История и социология. С историей у нас все было ясно, пока в советской системе наук не было социологии. «Социологизаторский схематизм» М. Н. Покровского был заклеен Сталиным и Кировым, социология как наука ликвидирована, и ничто не препятствовало истории заниматься выявлением законов исторического процесса. Считалось само собой разумеющимся, что все науки выявляют закономерности, каждая на своем участке — в своей «форме движения материи», если пользоваться словами Энгельса. И конечно, все общественные науки историчны — не только потому, что они рассматривают материал в развитии и взаимосвязи, но и потому, что «есть только одна-единственная наука — наука истории» (Маркс, Энгельс 1966: 191).

Классификация наук производилась у нас исключительно по «Диалектике природы» Энгельса — по его знаменитой пятичленной цепочке «форм движения материи»: механическая, физическая, химическая, биологическая, социальная (Энгельс 1961: 520). В основе схемы Энгельса лежала такая же пятичленная и однолинейная схема Конта (1900), только у Конта в основе схемы — мысленное усложнение

объектов, а у Энгельса — действительное усложнение форм движения материи. Но у обоих классификация осуществляется по объекту.

А далее рассуждение очень прозрачное. У всех общественных наук объект один — общество. У всех гуманитарных наук объект тот же, коль скоро выше биологической формы движения есть только одна форма. Стало быть, общественные науки и есть гуманитарные. Это одно и то же. Различать тут особо нечего. А раз все эти науки историчны, то они и сводятся к «одной единственной науке — науке истории». Все логично, хотя и несколько примитивно.

Но когда в условиях начавшейся либерализации после смерти Сталина в семью наук вернулась социология, пусть еще и очень ограниченная в своих правах и функциях, сразу же возникло поле напряженности между нею и историей: у обеих оказались претензии на один и тот же предмет. Обе изучают общество, обе — его закономерности. Поначалу противоречие пытались разрешить такой демаркацией: история изучает общество в динамике, в развитии, а социология в статике и только современное состояние. Но марксизм этого не допускал: ведь, согласно диалектике, все общественные науки должны изучать свой материал в развитии, должны подходить исторически. Социология не может быть исключением. Попытались было разграничить иначе: социология выявляет законы для истории. Но и этого нельзя было допустить: столько лет обличали бегство от законов, уход в фактоописание — что же, теперь оставить историю без собственных законов? Пробовали разделить сами законы — оставить истории одни, а социологии отдать другие, но на поверку законы оказывались практически одинаковы (*дискуссию начала 1960-х гг. см. История и социология 1964*).

Это и была та причина (или одна из причин), которая, отразившись с запозданием в археологии, побудила в 70-е и 80-е гг. одних археологов (Григорьев 1973; Клейн 1977) отказаться от отождествления археологии с историей по предмету, а других (Генинг 1975, 1983; Захарук 1978) — начать философски-схоластические игры с расщеплением термина «предмет»; так наряду с ним появились все эти двойники: «объект», «непосредственный объект», «специфический предмет», «объективный предмет» и «предметный объект». А историки и философы тем временем стали догадываться, что классификация Энгельса не единственно возможная, что на деле существуют и другие деления — по другим критериям. И даже, что они, пожалуй, в некоторых отношениях более практичны.

В англоязычных странах главное деление наук – на естественные с точными и гуманитарные. Даже термин «наука» в нашем смысле там не существует.

Вместо него применяются два термина – один для естественных и точных наук («science»), другой – для дисциплин гуманитарных («humanity»). Если же надо обозначить науку без этой спецификации, то для этого употребляются только близкие термины «knowledge» («знание»), «scholarship» («ученость») или «discipline» («дисциплина»). (Иногда и термин «science» получает более общее значение и применяется в нем, но это может произвести путаницу.)

Так вот социологию там без колебаний помещают в science вместе с физикой, химией и политэкономией, а историю отбрасывают в humanity, где с ней соседствуют литературоведение и философия.

Это для нас очень непривычно, но мы чувствуем, что есть в методах социологии нечто такое, что в самом деле роднит ее с физикой и химией, в частности выявление законов обобщением фактов, игнорирование индивидуальных фактов и проверка гипотез по независимым фактам. В социологии факты взаимозаменяемы и не столь важны для анализа, как законы. Иначе в истории. Трудно отрицать методологическое сходство истории с литературоведением и философией, хотя типологически она, пожалуй, ближе к географии.

В США выделяется антропологический комплекс наук – физическая антропология, культурная антропология с этнографией, первобытная археология, лингвистика и психология. Весь этот комплекс помещается в science. Это еще более непривычно, но у американцев эти отрасли, кроме, пожалуй, археологии, о которой разговор особый, действительно пользуются схожими методами – примерно теми же, что социология.

Видимо, от этих критериев деления зависят более важные в каких-то отношениях вещи, чем от объекта. В частности, методологическая природа наук явно зависит прежде всего от целей изучения. Между тем, есть известные концепции классификации наук, в основу которых положено именно различие методов и целей исследования.

Френсис Бэкон различал в естествознании «физику абстрактных» и «физику конкретных» (1977). Огюст Конт (1900) свою пятиступенчатую схему усложнения предметов строил именно для ряда «абстрактных» наук, но возле каждой «абстрактной» науки располагал соответствующую «конкретную», например, возле абстрагирующей социологии – чисто фактоописательную историю. Наиболее известна из

таких концепций схема Г. Риккерта (1908, 1911), делящая науки на номотетические — нацеленные на выявление законов в массовом материале, и идиографические — озабоченные изложением и объяснением фактов в их индивидуальности. У нас долго было принято поругивать Риккерта за то, что якобы у него конкретные, «идиографические» науки носят чисто описательный характер. С конца 60-х гг. началось осознание того, что Риккерт умнее этой примитивной карикатуры, что, по Риккерту, идиографические науки тоже занимаются законами, но не выявляют их, а применяют к объяснению фактов, а в основе деления на эти два ряда наук лежит реальное различие методов и целей (Гулыга 1969).

Мир, в котором мы живем, можно уподобить квартире. Вселяясь в квартиру, мы, конечно, изучим законы владения, правила содержания и пользования квартирой, нам интересны и типовые нормы ее устройства. Но кроме того, нам важно знать, как эти нормы реализованы именно в данной индивидуальной квартире — где в ее стенах оказалась скрытая проводка, что за соседи, куда выходят окна, и т. п. География служит такому конкретному ориентированию в пространстве, история — во времени.

Исходя из этого, можно определить ее соотношения с социологией.

Социология выявляет законы функционирования и развития общества, законы исторического процесса, а история собирает события прошлого и ставит их в причинно-следственную связь — как принято говорить, реконструирует исторический процесс. Обе занимаются и фактами. Но, как показал А. В. Гулыга, у них разное соотношение факта с законом. Социология, обобщая некую совокупность фактов, обычно репрезентативную выборку, извлекает из нее закон, и в этой функции факты для нее взаимозаменяемы; затем они теряют для нее интерес. История же интересуется именно самими фактами, каждым в отдельности, в их конкретности и индивидуальности. Для нее Юлий Цезарь не может быть заменен другим гениальным полководцем, скажем, Наполеоном. Социологии факты нужны для выявления законов. Истории законы нужны для объяснения фактов.

3. Археология как наука? У Дэвида Кларка была мечта — сделать археологию строгой наукой (*a strict discipline*). «Не имея эксплицитной теории, — писал он, — археология остается интуитивным мастерством...» (Clarke 1968: XIII). Он приветствовал применение методов, заимствованных у естественных и технических наук, но, отмечал он, «средства точных наук не более делают археологию точной

наукой (a science), чем деревянная нога делает человека деревом...» Он, однако, надеялся, что применение теории, моделей, математики, вводимых в самое нутро археологии, сделает ее аналитической дисциплиной, которая уже сопоставима с точной наукой, близка к ней по статусу (Clarke 1968: 635).

И все же в представлении Кларка это еще не будет точная наука. «Нужно удержаться от соблазна, — писал он, — видеть в этом аспекте археологии археологическую науку (archaeological science). Аналитическая археология — не точная наука, а дисциплина, ее первичный механизм — скорее математический, чем научный (sic! — таким образом, для него и математика — не science. — Л. К.). Тяга археологов к миру науки долго оставляла в тени тот факт, что исследование может быть основано на эмпирическом наблюдении, эксперименте, индукции и формулировании гипотез — и все это без того, чтобы непременно быть наукой» (1968: 663). А учитывая, что и аналитическая дисциплина — еще не наука, выходит, и аналитические операции — теории, модели, применение математики — также не дают права на статус науки. Кларк пояснял: наука отличается высокой степенью достоверности (certainty), а в археологии регулярность — «более чем случайная». Но тогда и социология с антропологией — не точные науки.

То, что Кларк описал как аналитическую дисциплину, другие смело отнесли бы к науке. Даже к точной или строгой науке в узком смысле слова, хотя разграничение между точной или строгой наукой и неточной или нестрогой очень расплывчато, особенно если для него использовать степень достоверности. Для Кларка физика и химия явно были образцами, а археология — любовью. Почему он все же не претендовал на термин «наука» для аналитической археологии, это, пожалуй, психологический феномен, который очень хотелось бы раскрыть. Мы можем спокойно утверждать, что Кларк мечтал о превращении археологии в нечто подобное точной науке.

Как ни странно, эту мечту разделял с ним и даже был более радикален в этом Кристофер Хокс, от которого, по всему его образу мышления, уж казалось бы, этого никак нельзя было ожидать. Тем не менее, он выступил в антропологической секции Британской ассоциации с президентским обращением, которое было названо им «Археология как (точная) наука», и выступил за десятилетие до «Аналитической археологии» Кларка. «Моя тема — не археология *и* наука, но археология *как* наука», — заявил он (Hawkes 1957: 94). При этом он

признавал, что до осуществления этого идеала еще очень далеко, так как в археологии царит «сухая неразбериха» (Hawkes 1957: 95).

В Америке Роберт МакНиш в 1976 г. опубликовал книгу, озаглавленную «Наука археологии?» — с вопросительным знаком (MacNeish 1976). «С тех пор, — написал он позже, — я перенес сердечное заболевание и операцию на сердце. Я провел часть своего периода реабилитации пересматривая теоретические вопросы, и результат — эта вторая книга». Но и вторая книга оказалась с тем же названием и опять с вопросительным знаком. «Надеюсь, — добавил он на сей раз, — что каждая очередная попытка будет успешнее и успешнее, и, возможно, в какой-то день я смогу убрать вопросительный знак из названия этой книги» (MacNeish 1978: 47). Кажется, это не сделано до сих пор.

В Польше Збигнев Кобылиньски (Kobyliński 1981), вдохновленный примером «новой археологии», призвал провести «*номотетизацию археологии*» — превратить ее в науку, открывающую законы и управляемую теориями.

Иные археологи относятся к этой перспективе негативно. В «Антиквити» мисс М. Мёррей на исходе первого столетия своей жизни (она умерла в начале второго) заметила: «Нас всех нынче увлекло это заманчивое словечко ‘научный (scientific)’, и ‘научная археология’ — в повестке дня. В этой пылкой жажде представляться ‘научной’ археология оказывается утратившей свою гуманитарность. Она утрачивает свою истинную цель...» (Murray 1961: 12). Как можно видеть, негативное отношение выражено, но сам процесс трансформации констатируется и здесь.

То же самое в ответе Урбанчика на призыв Кобылиньского, ответе сугубо скептическом. Пшемислав Урбанчик признает: «Было бы идеально иметь теорию, научную в полном смысле — упорядоченную систему утверждений, связанных очерченными логическими отношениями». Но, продолжает он, трудно ожидать, что это будет дедуктивная система, как в математике. Такие дедуктивные науки, совершенно отвлеченные от конкретных объектов, не расширяют нашего знания о реальности. Речь может идти только о теориях эмпирических наук — о таких, как электромагнитная теория света или классическая механика. Часть аксиом принадлежит в них к детерминативным и статистическим законам. В таких науках, как термодинамика, — главным образом к статистическим законам. Но в археологии они не достигли точного количественного выражения и в ближайшем будущем

вряд ли достигнут. И Урбаньчик заключает: «Эмпирическая теория археологии все еще остается в сфере мечтаний» (Urbańczyk 1981: 58–59).

В целом эта позиция, позиция констатации происходящего преобразования археологии из гуманитарного знания или даже искусства в науку, оказывается средней между двух крайностей (рис. 6).

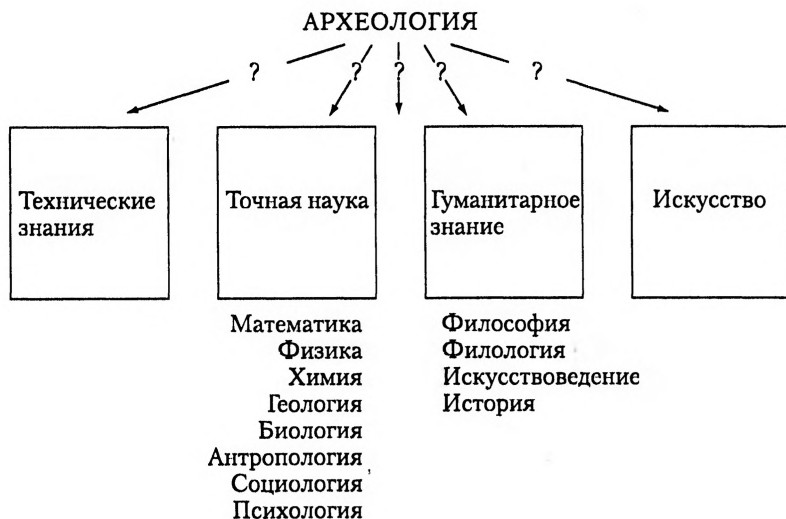

Рис. 6. Археология в системе дисциплин – традиционное представление.

С одной стороны располагаются те (особенно американские) исследователи, для кого археология – это часть антропологии (как номотетической социальной науки), или те, для кого (как для большинства советских археологов) она часть социологически ориентированной истории (в нынешней России взгляды разошлись). «Американская археология – это антропология или ничто» (Willey and Phillips 1958: 2). «Археология – это социальная наука или ничто» (Deetz 1970: 115). «Археология как антропология» (Binford 1962). «Археология с прописного S» (Flannery 1973) – в английском с S начинается Science (точная наука).

А вот схожие высказывания из отечественной археологии – с той лишь разницей, что на месте социологии здесь история, но не в том виде, как ее понимали американцы, видевшие в ней противопо-

ложность социологии. «Археология — это история, вооруженная лопатой» (Арциховский 1941: 3), а «история становится наукой лишь постольку, поскольку ей удастся объяснить изображаемые ею процессы с точки зрения социологии» (Плеханов 1957: 15). Следовательно, «цель археологического познания — исследование закономерности развития социальной структуры конкретных обществ прошлого...» (Генинг 1983: 217).

Другую крайность представляют те, кто настаивает: «археология — не точная наука» (Амальрик и Монгайт 1959: 252). Чисто гуманитарную перспективу рисовала для археологии Дж. Хокс и только в этом видела «подобающее изучение человечества» (Hawkes 1968).

Нужно признать, что обе крайности выглядят более последовательными и логичными, чем средняя позиция. В самом деле, дисциплины вряд ли могут менять свою методологическую природу по произволу — как люди не могут менять свой пол (теперь они иногда меняют, но лишь с воображаемым успехом). Ведь методологическая природа дисциплины обусловлена ее предметом, задачами изучения и местом в системе наук, а если это изменить, то просто перед нами окажется совершенно другая дисциплина. Обычно при этом у нее и имя будет другое — скажем, вместо астрологии — астрономия. Значит, либо археология по своей методологической природе — science, либо humanity (или даже art, искусство).

Что же тогда могут означать разговоры о ее трансформации из humanity в science, из гуманитарной науки в точную? То же, что разговоры о превращении мужчины в женщину. Либо она и раньше была science, только это было не очень ясно видно, потому что она была плохой science (бывает ведь, что и мужчину называют бабой, да и сам он сознает себя женщиной, оставаясь все-таки каким-никаким мужчиной). В этом случае археология просто осознает свой истинный пол. Либо она humanity, которая лишь хочет казаться science, но никогда не сможет стать такой — ей суждено оставаться humanity всегда. А стать псевдонаукой (pseudoscience) — так ли это привлекательно?

Попытка К. Ренфру и П. Бана примирить стороны, предложив считать, что археология одновременно и humanity, и science (Renfrew and Bahn 1991: 10), представляет этих исследователей как искусных политиков, но, как мы знаем, политика не дает устойчивых результатов, если мир поделен на две части.

Однако весь этот расклад верен лишь, если:

а) природа археологии действительно определяется альтернативным родством: с антропологией (соответственно социологией или социологически ориентированной историей) или же с идиографической историей, и если

б) оба эти блока действительно представляют две разных половины исследовательского знания: *science* и *humanity*.

Но это не так.

В общей форме я разделяю мнение У. Тэйлора, что «археология не есть ни антропология, ни история» (Taylor 1948: 44). Я вполне разделяю и настояние Д. Кларка, что «археология это археология, это археология» (Clarke 1968: 13). Кларк очень просто объяснил причины, по которым она не может считаться историей: поскольку «природа археологии такова, что нет простого способа уравнивания наших археологических восприятий с... утраченными событиями» (Ibid.). Можно еще добавить, что у них различно ориентированный пафос познания: история стремится проникнуться неповторимостью событий и героев, тогда как археология одержима обобщением, типизацией, и «тип» — ее центральное понятие. Но археология не может считаться и антропологией или социологией, потому что система археологических данных мертва, и нет прямых соответствий между нею и жившим некогда обществом или его живой культурой. Регулярности, отмечаемые нами в археологических данных, — это не то же самое, что законы, действовавшие в живых обществе и культуре.

Я должен также добавить, что для меня археология (даже преисторическая) не равна преистории, хоть Д. Кларк допускал такое уравнивание (Clarke 1968: 12). Для него понятия «археология и археолог... содержат в себе преисторические исследования и преисторика. Из этого следует, что преисторик — это всегда археолог... археология — это часто синоним преистории». В этом вопросе более логичной мне представляется позиция учителя Дэвида Кларка — Грэйма Кларка, который четко различал археологию и преисторию. В его книге «Археология и общество» первая глава так и называется: «Археология и преистория» (Clark 1957: 9).

Мне очень нравится афоризм Чайлда «археология — одна» (Childe 1957: VI). С этим афоризмом вполне согласуется декларация Д. Кларка насчет центральной теории, «которая объединяет внутри дисциплины исследования вне зависимости от региона, периода и культуры» (1968: XV). Он имел в виду «широкий охват археологии, простирающийся вне периметра преисторических исследований», и он упоминал такие

ее аспекты, как «классическая, средневековая, нынешняя колониальная и промышленная археология» (1968: 12). Если Чайлд и Кларк правы (а я думаю, они правы), то мы должны трактовать в составе археологии преисторические времена точно так же, как мы трактуем античную древность (классику) или средневековье. Если мы делаем четкое различие между классической археологией и древней историей, то почему мы должны сливать воедино преисторическую археологию с преисторией? Есть и другие аргументы за разграничение этих отраслей знания, но краткости ради я отошлю к моим работам «Рассечь кентавра» и «Преистория и археология» (Клейн 1991; Klejn 1993, 1995).

Согласно Д. Кларку, современное развитие «уклонилось к опасному злоупотреблению этими терминами. Сейчас наблюдается тенденция воспринимать термин ‘преисторик’ как обозначающий ‘составителя истории, охватывающей периоды без письменных источников’ — подразумевается, что ‘преисторик’ — это кабинетный синтезатор аналитической работы ‘археолога’. Здесь термин ‘археолог’ сужен до обозначения неинтеллигентного ‘раскопщика’ или узкого ‘специалиста’...» (Clarke 1968: 12).

Но ведь *археолог* есть и в самом деле раскопщик и узкий специалист. Он не может быть иным — из-за узости, ограниченности и неполноты его источников, а как только он обращается к другим видам источников, он выходит за границы своей компетенции! *Преисторик* же должен быть синтезатором, потому что необходимо сравнивать и комбинировать результаты исследования разных видов источников — не только археологических, но и этнографических, физико-антропологических, лингвистических, фольклорных и т. д. А сравнительное исследование и междисциплинарный синтез — это особый вид научного знания; он обладает своими методами, требует своеобразной эрудиции, нуждается в особой подготовке, в специализации. Никто не запрещает археологу делать также и преисторию, но при этом он должен сознавать, что это другая профессия и что ему предстоит овладеть второй профессией.

Главной причиной, по которой Кларк выступал против этого разделения, было, видимо, его опасение отдать преисторию в руки людей, привыкших делать нечто очень близкое к описательной истории вместо того, чтобы делать строго научные исследования типа социологических или биологических. Но это совсем другой вопрос. Тут все зависит от того, как мы определим методологическую природу

самой истории. Но как бы мы ее ни определили – как идиографическую науку или как номотетическую, – придется учесть, что объект *преистории* все-таки располагается на полдороге между биологической эволюцией и социокультурным развитием.

Относится ли *история* к гуманитарному знанию? Она разделяет лишь некоторые черты с другими гуманитарными дисциплинами, коренными для гуманитарного знания, – с искусствоведением и литературоведением. Подобно им она изучает свои факты как уникальные объекты (пусть и обобщенные – народы или страны), уникальные ситуации. Она не открывает и не формулирует общих законов, она лишь выявляет их выражение в конкретных фактах, чтобы объяснить эти факты. Но есть черты гуманитарного знания, которые она не разделяет с ними: право на субъективный подход, оценочные суждения.

Мое основное замечание по этому вопросу состоит в том, что традиционная дихотомия в разделении совокупности наук на точные (sciences) и гуманитарные (humanities) слишком упрощает дело и является слишком жесткой. Уже давно замечено, что есть дисциплины, которые не укладываются в эту жесткую схему. Предлагались и другие классификации наук (в частности Ф. Бэконом, Контом и др.), которые предусматривают разделение между абстрактными науками и науками конкретными. Моя собственная схема развивает именно эту традицию. Целью конкретных наук является дать нам хорошую ориентацию в том конкретном мире, в котором мы живем. К этим последним и принадлежат география и история. Первая помогает нам определить нашу позицию в пространстве, вторая – во времени. Что касается истории, то она разделяет эту функцию с учением о природной эволюции.

4. Реконструкция в истории. «Реконструкцию прошлого» называют «главной задачей» истории, понимая под «реконструкцией» «восстановление». При всем том отмечают, что это задача трудная, так как историк имеет дело лишь с обломками прошлого, а часть его вовсе не отражена в источниках и навсегда останется неизвестной историку (Ерофеев 1976). И все же многие историки считают выполнимой задачу вполне адекватной реконструкции и даже полагают, что реконструированное прошлое обладает преимуществами перед ушедшей реальностью, поскольку общие контуры издали виднее, а изощренность историков возрастает (Dondt 1969). Конечно, имеется в виду мысленное восстановление.

«Реконструкция прошлого, — пишет Э. Лооне (1980: 93), — это описание прошлого, как если бы мы его наблюдали, находясь в прошлом. Реконструктивное знание — аналог знания, фиксированного в протоколах наблюдения». Г. А. Антипов (1987) называет эту процедуру «квазивоспроизведением»: «Не просто описание, т. е. фиксация каких-то параметров события или явления, а восстановление их облика».

Собственно, как раз в сопоставлении с терминами «реставрация», «восстановление» становится ясно, что сам термин «реконструкция» не так уж однозначен и прост: благодаря своей близости с понятием конструирования он влечет за собой представления о сложности процедуры и о неадекватности результата самому прошлому. Но все же «реконструкция» воспринимается большей частью как реставрация, восстановление. Именно с учетом этого нежелательного совмещения предложено, сравнивая процедуру реконструкции с предсказанием (они схожи по исходным данным и по составу действий), определять суть этой процедуры как «ретросказание»: «Ретросказание — это процедура (и соответственно совокупность применяемых в этой процедуре методов) опосредствованного, выводного получения знаний о прошлых предметах на основе знаний о настоящих или других прошлых предметах» (Никитин 1966: 34).

Я уж не говорю о том, что реконструкция — вовсе не главная задача истории. Ведь определив так главную задачу, мы свели бы историю к хронике. Мы ищем в истории нечто большее — системность, объяснение, причинно-следственную связь. Но здесь я имею в виду другое. В духе исторической науки задача реконструкции как восстановления невыполнима или, точнее, выполнима лишь частично.

Можно выявить закономерности исторического процесса (это общесоциологические законы — то, что в марксизме отводилось историческому материализму). Можно ввести корректировку в зависимости от условий местности и среды (принципами воздействия этих условий тоже ведаёт общесоциологическое учение). Но, идя этим путем, индивидуализации не достичь. Ведь пришлось бы задействовать не только основные закономерности и главные локальные условия, но и невообразимое количество мелких частных обстоятельств, воздействие которых нам просто не всегда и известно. А кроме того учесть еще и персональный выбор многих людей (он, конечно, тоже регулируется какими-то закономерностями, но вероятностными, с

большой степенью свободы для каждого индивидуального случая); наконец, как учесть случайность?

«Случайностей в развитии культуры не бывает...», — обронил как-то П. Н. Третьяков (1962: 262). Правда то, что само это высказывание не было случайностью — оно отражало пафос эпохи. Не кто иной, как Т. Д. Лысенко провозглашал: «Такие науки, как физика и химия, освободились от случайностей. Поэтому они стали точными науками... Изживая из нашей науки менделизм-морганизм-вейсманизм, мы тем самым изгоняем случайности из биологической науки. Нам необходимо твердо запомнить, что наука — враг случайностей» (Лысенко 1948: 520–521).

Это сугубое преувеличение детерминизма, характерное не только для ранних энтузиастов марксизма в археологии, но, пожалуй, все-таки больше всего именно для них. Этим настроением они заразили едва ли не всю ученую среду, занимавшуюся изучением общественной сферы в СССР. Даже такой далекий от партийной науки исследователь, как Д. С. Лихачев, в своем источниковедческом труде уверял: «случайность существует, но она относительна, ее доля мала. Научное объяснение теснит эту случайность... Чем более конкретным стремится быть научное объяснение, тем легче оно устраняет случайность» (1962: 368–369). Чем более конкретным... Как говорится сегодня на великом и могучем, здесь все верно с точностью до наоборот. Впрочем, возможно, детерминизм Д. С. Лихачева имеет не марксистское, а религиозное происхождение.

Собственно, марксистская теория отвергала абсолютизацию детерминизма, но марксистская практика ее требовала и поощряла, ибо на детерминизме была замечана вера в правомерность и неизбежность полной и окончательной победы социализма, а тут переборщить было куда безопаснее, чем недодать. В науке о первобытности эта практика имела и теоретическую традицию, которую спонтанно продолжали марксистские археологи и этнографы: подобным же упрощением страдали эволюционисты. Для них история двигалась со строгостью железнодорожного расписания, и этапы, эпохи, стадии сменяли друг друга, как станции на однопутном пути. Но мы знаем, что и поезда, бывает, опаздывают, не говоря уж о случающихся крушениях, и путь не однопутен. А история идет и вовсе не по рельсам.

Как же все-таки восстанавливается исторический процесс во всей его полноте и во всем разнообразии индивидуальных проявлений? А он, строго говоря, в этом качестве и не восстанавливается. Он со-

ставляется. Составляется из сохранившихся остатков и обрывочных отражений. И конечно, никак не во всей полноте.

Остатки же вызывают сомнения — они могут быть попорчены. Отражения, разумеется, субъективны и нуждаются в проверке по другим отражениям, буде таковые имеются. За пределами остатков и отражений непосредственно связаны с фактами только *интерполяция*, *экстраполяция* и заключение *по аналогии*, которые, конечно, при всей связи с фактами все-таки гипотетичны. Еще дальше располагаются *модели*, основанные на этих знаниях и на теориях, т. е. на закономерностях социологических, демографических, психологических и т. п. (более полно общие принципы исторической реконструкции сформулированы геологом С. В. Мейеном — 1978: 80–86). Достаточно конкретное и красочное восстановление достигается лишь исторической беллетристикой, но с помощью столь богатой и во многом свободной игры воображения, что гарантии адекватности отпадают.

Вся эта деятельность вполне правомерна. Она углубляет и расширяет наши знания, изощряет наше понимание прошлого. Но она это прошлое не только не возвращает (констатировать это значило бы сказать банальность), но и не воссоздает мысленно во плоти — во всей очевидности и конкретности, хотя порою и порождает такую иллюзию. Продуцируемое историческими исследованиями прошлое получается в своей плотной части фрагментарным, а в своей всеохватности — схематичным. Это как бы ключья событий, сгустки происшедшего, повисшие на ажурных конструкциях теории.

Сторонники более последовательного детерминизма уподобляют историю биологической науке — палеонтологии. Часто вспоминают о том, что Кювье мог по одному зубу восстановить облик ископаемого животного. В этом видят образец для истории и археологии. По сему поводу Г. А. Антипов, рассматривая гносеологические механизмы реконструкции исторического прошлого, цитирует палеонтолога Дж. Г. Симпсона. Симпсон признает, что можно, конечно, имея зуб ископаемой лошади, весьма правдоподобно нарисовать весь ее облик, так как «все лошади похожи друг на друга». Но на деле «это не будет “реконструкция”, или “реставрация” животного. Это просто результат определения того, что зуб принадлежит хорошо известной и до сих пор существующей группе животных». Можно по одной кости восстановить и мамонта — благодаря его подобию слонам, существующим и сегодня (да и рисунки первобытных людей, а также целиком сохранившиеся в мерзлоте тела помогают). Но когда доходим до яще-

ров, задача усложняется и восстановление становится менее надежным. «Восстановление облика вымершего животного на основе его кажущегося сходства с каким-либо ныне живущим зверем невозможно при отсутствии достаточно близкого сходства...» (Симпсон 1983: 242, 243).

Когда некий факт частично сохранился, у историка еще есть возможность представить себе его целым во всей конкретности, хотя бы не вполне надежно — экстраполируя очертания и прочие характеристики сохранившейся части за пределы сохранившегося. Это подобно тому, как М. М. Герасимов восстанавливал индивидуальные черты лица по черепу. Чтобы составить реальное представление о каком-то несохранившемся факте, историк имеет не так уж много средств. Он либо подыскивает аналогичный факт и моделирует то, что ему нужно, по образцу наличного, либо конструирует нечто, исходя из ситуации или теории. Совершенно очевидно, что при этом операции совершаются над теми сторонами факта, которыми он сходен с другими фактами. Иными словами, история не может восстанавливать исчезнувшие без остатка факты в их конкретности и уникальности, она может лишь строить правдоподобные гипотезы о прошлом существовании и состоянии типичного в них, она видит их прошлое с их общей стороны. То есть это, скорее, социология, а не история.

Скажем, есть обрывочные сообщения, что существовавшее веками государство исчезло и на его территории оказались поселения соседних народов. Есть также сообщения о разрушении его крепостей и т. п. Мы вправе предположить, что здесь прошла война. Но кто напал первым, какой полководец отличился, сколько лет шла война и проч. — все это останется неизвестным. Нужны новые источники с конкретными сведениями о событиях. А где их нет, там остаются гипотезы об общей стороне дела. Можно, конечно, кое-что восстановить по косвенным данным. Например, имя полководца, известное в другой связи, ассоциировать с данной войной по некоторым косвенным приметам его участия (его награды и т. п.). Но и это всего лишь гипотезы. Конкретное восстановление исчезнувших фактов невозможно даже гипотетически, если под гипотезой понимать научно состоятельное предположение, имеющее значительные шансы на подтверждение, т. е. такое, за которым что-то стоит. Не пустое гадание в рамках возможного.

Если иметь в виду конкретные факты, то история не реконструирует, а синтезирует историческое прошлое по данным своих источников. Результат синтеза не есть реконструкция.

Если бы могла реконструировать, то могла бы и предсказывать. А ведь не может! Гегель недаром говорил, что люди не умеют извлекать уроки из истории, что каждая ситуация для этого слишком индивидуальна (Гегель 1935: 7–8). У Маркса во введении 1857 г. к «Экономическим рукописям» находим очень интересное высказывание, которое часто цитируют, не осознавая смысл: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Намеки же на более высокое у низших видов животных могут быть поняты только (sic! — Л. К.) в том случае, если само это более высокое уже известно. Буржуазная экономика дает нам, таким образом, ключ к античности и т. д.» (Маркс 1857–58/1958: 731). Но ведь это равносильно однозначному утверждению невозможности предугадывать историю! И, следовательно, реконструировать ее. Чем этот принцип обусловлен? Очевидно, открытостью перспектив развития, субъективным фактором, взаимодействием закономерного с теми случайностями, без которых «история имела бы очень мистический характер» (Маркс 1868/1964: 175), была бы фатально predetermined.

Карл Поппер доказывал, что предсказания типа пророчеств в принципе невозможны (1960). Большой сторонник уподобления истории естественным наукам А. И. Ракитов (1982: 282–289) выдвигает серьезные контраргументы, но, как оказывается, отстаивает он возможность делать прогнозирование лишь особого рода — только *вероятностные* предсказания об *устойчивых типах и последовательностях* социально значимой деятельности в *определенных временных интервалах*, а не о конкретных, точно фиксированных результатах — событиях. Б. Н. Миронов, очень умно и умело отстаивая правомерность прогнозирования в исторической науке, ограничивает его теми явлениями, которые имеют строго количественное выражение (Миронов и Степанов 1975: 54–56). Другие историки сомневаются даже в столь ограниченных возможностях прогнозирования исторических явлений. Все снова и снова приходится убеждаться в том, что нет фатальной predeterminedности конкретных поворотов исторического процесса — на каждом шагу история оказывается перед открытой ситуацией, с возможностями альтернативы (Гуревич 1969). Когда события свершились, кажется, что все можно было предвидеть и предсказать, и такие предсказания делаются — задним числом: *vaticinia ex eventu*. Но истинные предсказания конкретных событий — лишь как гадания.

Как отметил среди других геолог В. И. Оноприенко, ретросказание и предсказание схожи по логической структуре и связаны между собой. «Эти две процедуры обладают “временной симметричностью”,

противоположной направленностью хода познания... Ретросказание выглядит как основа предсказания» (Оноприенко 1976: 158). Значит, они схожи и по выводной силе. Невозможность исторического предсказания означает невозможность полного ретросказания, невозможность адекватной реконструкции подробностей конкретного хода истории, от которых не сохранилось хороших следов. Здесь полная аналогия с криминалистикой: ведь и там не бывает полного успеха: в каждом районе остается какой-то процент нераскрытых преступлений, а ведь дистанция между событием и исследованием в криминалистике не идет ни в какое сравнение с глубиной истории.

5. Реконструкция в археологии. В зарубежных изданиях часто можно встретить констатацию того, что, как пишет видный американский ученый, «археология имеет целью историческую реконструкцию» (Kroeber 1937: 163). По определению другого американского ученого, «археология – это историческая дисциплина, нацеленная на реконструкцию прошлого» (Griffin 1943: 11). Что именно подлежит реконструкции, в Америке определялось по-разному: в начале XX в. целью реконструкции полагали образ жизни народов, ближе к середине века объектом реконструкции стала выступать история культуры (Binford 1968: 5–6). Подобные же высказывания можно найти также у европейских археологов. Так, Ж.-К. Гарден, ставя перед археологией задачу «эксplikации», поясняет, что это процедура, направленная «на реконструкцию событий или способов жизни древних людей или общественных групп» (Gardin 1983: 68–69).

Как отметила В. Д. Викторова (1988: 225), «советские археологи применяют термин “историческая реконструкция” или “воспроизведение, воссоздание исторической действительности по археологическим материалам” с конца 20-х – начала 30-х годов». На практике, когда речь идет о реальной реконструкции вещей и комплексов, говорят об «археологической реконструкции», а когда о мысленной реконструкции явлений, структур и событий – об «исторической реконструкции в археологии». По-видимому, именно с учетом последнего обстоятельства В. М. Массон (1976: 12–14, рис. 1), выделяя «реконструктивный уровень» в археологическом познании, называет его и «интерпретационным».

На первый взгляд, реконструкция в археологии вполне подобна реконструкции в истории по своей роли в научной дисциплине и по своей процедуре. Но это не так. Если в истории реконструкция лишь

одна из задач, то в археологии к ней сводится все. Это всеохватная задача археологии.

В 80-е гг. в советскую археологию была перенесена идея Э. Лооне о трех уровнях познания в исторических науках: если традиционная гносеологическая трактовка дихотомична и различает эмпирический и теоретический уровни, то Э. Лооне и В. А. Башилов добавляют к ним и ставят на первое место реконструктивный (Лооне 1973, 1980; Башилов и Лооне 1986). Идея не нашла поддержки у археологов и была единодушно отвергнута.

Но сама попытка показательна и этим полезна. В дискуссии Виктора (1988: 226) заметила: «реконструкция все-таки не самостоятельный уровень, а ряд исследовательских процедур, однопорядковых с систематизацией материала и объяснением его». М. В. Аникович резонно указал, что Башилов и Лооне, в сущности, спутали гносеологические уровни познания с тремя логическими ступенями исторического исследования: источниковедческой, конкретно-исторической и общесоциологической, в каждой из которых есть эмпирические и теоретические операции, а теоретические выводы каждой предшествующей ступени оказываются эмпирическими данными для последующей ступени (Аникович 1988). Иными словами, реальной базой для самостоятельного *«реконструктивного уровня»* авторам идеи вопреки их желанию послужила напрашивающаяся самостоятельность *источниковедческой ступени* исследования исторического прошлого, каковую ступень и занимает наряду с другими источниковедческими дисциплинами археология (по иронии судьбы это то, против чего авторы идеи в своей статье отчаянно воюют). Их попытка просто наглядно подтвердила то, что археология — источниковедческая наука, потому реконструкция и пронизывает всю археологию.

Коль скоро археология — источниковедческая наука, а археологические источники — это древние вещи и комплексы вещей, то ее задача — перевести информацию с языка вещей на язык истории, язык исторических явлений, событий и процессов (Клейн 1981: 16–17). Иными словами, за сохранившимися вещами, остатками и следами, за их соотношениями увидеть древние явления, события и процессы. Как это сделать?

Упрощенный подход, к которому были склонны советские социологизаторы, и не только они, состоял в том, чтобы каждому виду вещей и следов или их соотношению приписать соответствующее социальное значение, рассматривая этот вид как знак, как постоянное

соответствие некоторому виду исторических явлений, событий и процессов. Дж. Хилл и М. Шиффер позже назвали эти виды археологических конфигураций археологическими *коррелятами* социальных явлений; соответственно последние могут быть названы социальными и культурными коррелятами археологических конфигураций. Они образуют как бы археолого-социологический алфавит для «чтения прошлого». Тогда надо лишь этот археолого-социологический алфавит, чтобы свободно читать историю по археологическим текстам.

Беда, однако, в том, что социальные явления и исторические события в разных условиях оставляют в материальной культуре разные следы. Праща и лук служили одним и тем же целям. С другой стороны, археологические следы исторических явлений не однозначны — за ними могут скрываться разные явления прошлого. Сгоревшее жилище может интерпретироваться по-разному: пожар мог быть результатом стихийного бедствия, поджога, войны или ритуала. Криминалистам и в причине современного пожара не так-то легко разобраться, а тут ведь прошли многие века и сохранились далеко не все дифференцирующие детали.

Чтобы не впасть в упрощение, надо обратным ходом проследить весь путь, которым историческое событие или процесс приводили к определенным материальным следам, проследить, учитывая все возможные воздействия различных факторов и неизбежные утери информации на каждом из пройденных шагов. Это означает выделение нескольких последовательно протекавших процессов преобразования информации — от побудительных стимулов и возникавших под их воздействием идей к социально-историческим явлениям, а от них — к образованию археологических источников и превращению оных в исторические (Клейн 1978: 45–48, 54–56, 63–80). В самом грубом обобщении эти процессы сводятся к четырем:

1. *Опредмечивание* — это создание артефактов на базе идей и в результате каких-то событий. В. Ф. Генинг, используя формулировку Маркса об опредмечивании труда, акцентирует внимание на этом аспекте, но археологов интересует при разработке теории археологии не опредмечивание труда (это забота политэкономов), а опредмечивание идей и событий.

2. *Отложение* — это выход предметов из действующей культуры (в результате изнашивания, поломки, устаревания, утери, припрятывания, похорон) и упокоение их в виде остатков и следов на земле

(или под землей, под водой) в мусоре или в культовых сооружениях и т. п.

3. *Археологизация* — это те превращения, которые происходят с материальными остатками и следами в отложенном состоянии под воздействием естественных, а подчас и культурных процессов в течение длительного времени — перемешивание, компрессия, истлевание, фоссилизация, окаменение и т. п.

4. *Открытие* — это выявление, добывание, фиксация, обработка и публикация памятников; все это процессы, при которых часть информации тоже может быть искажена или утрачена.

Под теми или иными терминами, в том или ином членении эти процессы указаны С. Дэниелсом, Д. Кларком и М. Шиффером (Daniels 1972; Clarke 1973; Schiffer 1976). Есть отрасли теории археологии, специально направленные на изучение этих процессов: этноархеология, срочная и мусорная археология, тафономия, экспериментальная археология, критика источников. В этих отраслях формулируются законы протекания этих процессов или (применительно к последнему процессу), правила, соблюдение которых считается обязательным, и закономерности появления ошибок и пропусков.

Опираясь на все эти законы, осознанно или неосознанно (и тогда нестрого и неэксплицитно) археологи восстанавливают этап за этапом прежние состояния источников, памятников, артефактов и комплексов, ретроспективно — от конца существования к началу. Если даже закон не выявлен или неизвестен археологу, то у археолога всегда есть подручное средство подменить закон или обойтись без него (правда, заведомо обрекая себя на менее надежный результат). Это средство — аналогия. Исследователь ищет принадлежащие к тому же типу или похожие предметы — уже опознанные, ищет похожие комплексы — уже интерпретированные. Или пусть столь же незнакомые, но лучше сохранившиеся. Как с некоторым заострением высказался Чжан Гуанчжи, «вся археология есть аналогия». Он пояснил: «...ибо претендовать на какое-либо знание помимо самих предметов значит применять знание конфигураций в культуре и истории и применять эти конфигурации к фактам» (Chang 1967: 109).

Дж. Хокс утверждала, что главная цель археологии — «реконструкция индивидуальных событий во времени» (Hawkes 1968: 255). Если под словом «индивидуальные» понимать «отдельные», то это утверждение сомнительно, если же под ним понимать «уникальные», «взятые в их специфичности», то оно просто неверно. Археология,

как известно каждому археологу со студенческих лет, ориентируется на типичное, на типологию. Она восстанавливает только общее в артефактах, комплексах и культурах.

В этом она вполне схожа с историей. Но если для истории это означает, что реконструкция буксует в своей основной функции и оказывается нерелевантной, то археология не смущается подобным отказом. Она довольствуется значительно меньшей степенью индивидуализации, обслуживая культурологию (антропологию в англосаксонском понимании) и историю культуры, социологию и социологическую историю — историю социальных структур, ту, которую отстаивала школа «Анналов». Протоистории (истории тех ранних народов, которые уже соседствовали с письменными обществами) она помогает удерживать общую канву культурного процесса. Преисторию она связывает с палеоантропологией и палеонтологией — ведь на значительных отрезках этой эпохи человек мало отличался от животного, а звери не знают биографий и не имеют истории. Это время, для которого индивидуализация была в значительной мере беспредметной.

Что же, археология вовсе не имеет дела с уникальными явлениями? Да нет, конечно, имеет. Уникальные предметы не так уж редки среди археологических находок. Более того, индивидуальность можно обнаружить в каждом предмете — как противоположную сторону общего. Ведь обнаружение индивидуальности — это результат не столько наличия таких свойств в объекте (хотя, конечно, и это важно), сколько подхода субъекта к нему (подхода, который в свою очередь в большей мере обусловлен наличием таких свойств в объекте).

Значительная часть уникамов оказывается там, где археолог находит предметы хорошо сохранившимися. Получив такой предмет, он должен передать его историку нетронутым (но, разумеется, археологически проработанным — датированным по комплексу, прошедшим экспертное обследование, анализы и т. п.). Есть у археологии и способ обратить уникальное и не имеющее аналогий в более податливый объект типологического исследования: нужно лишь раздробить мысленно этот объект на такое количество деталей, что каждая из них, лишась усложняющих элементов, отошедших к соседним деталям, оказывается очень простой и перестает сохранять уникальность. Так, сложный орнамент расчленился на свои элементарные составляющие и на весьма общеупотребительные узоры. Уникальным остается сочетание этих элементов и мотивов. Но оно не затрагивает археологию. Оно существует *до* археологического анализа и возвращается вещи *после* него.

Археология передает объекты исторической науке реконструированными и, насколько это ей, археологии, доступно, интерпретированными, но индивидуализации они подвергнутся по включению в историю.

6. Археология как деятельность детектива. Мы рассмотрели место истории и социологии в системе знания. А как насчет археологии? Мы видели, как она отличается от обеих. К которой группе наук она принадлежит? Конечно, она работает для истории и (пока еще в меньшей мере) для социологии, возможно, для антропологии. Но это не говорит равным счетом ничего о ее методологической природе. Это открывает лишь ее рабочие контакты, ее связи, ее партнеров. Но сотрудничество с историей не больше делает из археологии разновидность истории, чем контакт с людьми очеловечивает лошадей (или наоборот – превращает людей в лошадей). Археология это археология...

Археология, безусловно, связана с историей. Но связана деловыми отношениями – как партнер. В остальном они не только не идентичны друг другу, но даже не родственны. Они разной методологической природы. Если история – индивидуализирующая наука, а с учетом индивидуальности человеческих произведений – гуманитарная, то археология – нет. И это кардинальное различие.

Впрочем, общее у них есть. В числе этого общего заметно следующее: обе не выявляют законов, а только используют их, но история – для объяснения фактов, а археология – для реконструкции. То есть она, скорее, относится не к фундаментальным наукам, а к прикладным. Нечто подобное Г. А. Антипов (1987: 94–95) отмечает относительно нарративной реконструкции в истории: «Различия между обычными научными познавательными процедурами и такой реконструкцией прошлого вполне аналогично, например, различию между деятельностью специалиста в области теоретической механики и строительством мостов, зданий, машин и т. п.». С гораздо большим основанием это можно отнести к *археологической реконструкции* – к реальному построению недостающих деталей и конструкций (как бы ремонтно-восстановительным работам), а благодаря сходству и даже тождеству логических операций – ко всей *исторической реконструкции в археологии*.

Когда же мы обратимся к поискам ее ближайших родственников среди наук, то мы обнаружим, что среди них нет ни истории, ни социологии, ни антропологии. Мы найдем схожие методы, принципы, за-

дачи в *криминалистической трасологии*, в профессиональных знаниях и навыках *полицейского инспектора* и *судебного следователя*. Единственная разница заключается в том, что *детектив* обслуживает познание лишь патологической стороны общественной жизни, и в том, что он приходит на место событий без такого чудовищного опоздания. Но природа целей та же самая: восстановить события и процессы прошлого по их материальным следам и фрагментированным остаткам.

Аналогию с деятельностью детектива использовали многие археологи при описании своей профессии (Clark 1957: 20–21; Braidwood 1960: 5–6; Клейн 1967; 1978: 48; Adams 1973; Shanks 1992: 53–56; Olsen 1997: 295–296), но они обычно предлагали это как метафору. Нет, это не метафора, это лежит в самой сердцевине вещей.

Самый первый из этих авторов, прибегнувших к сравнению, Грэйм Кларк, был вполне серьезен, когда он начал свое Предисловие к компендиуму научных методов в археологии как раз с такой аналогии. «В своем способе работы, — писал он, — и в своем общем подходе археолог напоминает в ряде существенных отношений детектива. Подобно ученикам Шерлока Холмса, он стремится открыть деятельность людей в прошлые времена по признакам, которые компенсируют свою неполноту и часто рудиментарность обилием и разнообразием. Большинство этих свидетельств по необходимости случайны — их можно заставить заговорить только применив к ним ресурсы естественных наук; и чем эффективнее они могут быть применены, тем более полную информацию скорее всего удастся заполучить от следов, которые сами по себе могут показаться неспециалисту столь же слабыми, как пятна крови и отпечатки пальцев, используемые опытным детективом для реконструкции преступлений».

Как заметил Бартель Хроуда, «в основе археология есть разновидность криминалистики» (Hroudа 1978: 15). Не случайно археология заимствовала так много приемов своей работы у криминалистов и особенно обогатилась ими в ходе судебных процессов по поводам археологических подделок (например, во время Глозельского скандала) — обычай протоколировать исследование, прибегание к научным экспертам и т. д. Вот почему некоторые выдающиеся археологи известны также как популярные писатели в детективном жанре (Кассон, Глин Даниел) и фантастике (Франсуа Борд как Фрэнсис Карсак) — эта их деятельность частично освещена в статье Джессики Мэнн (Mann 1981). Как от судебных экспертов, так же от археологических классификаторов требуют, чтобы ради объективности суждения они

не были осведомлены о происхождении обследуемых объектов (Daniels 1978).

Можно возразить: разве ремесло историка — не того же рода? Он также старается восстановить события и процессы прошлого, хоть и основывается главным образом не на материальных следах, а рассматривая рассказы участников, очевидцев и других осведомленных личностей? Нет, давайте уточним. Собственно, это не задача истории, это историческое источниковедение, подготовительное исследование письменных источников, и есть специалисты-профессионалы для этой работы. Настоящий историк анализирует результаты такого исследования и пытается ответить на другие вопросы — о причинах восстановленных событий, об их причинно-следственной связи, об их смысле и значении, о закономерностях хода истории и как они проявились в событиях. Это более похоже на функции суда, на деятельность судей. Археолог же ближе к предшествующей стадии юридического случая — к деятельности детектива, судебного (или прокурорского, милицейского) следователя, дознавателя, сыщика.

Другое схожее занятие — это реставрация предметов искусства и древностей. Сходство нет надобности доказывать. Единственное, что нужно оговорить, это что реставрация — не просто искусство или ремесло. У нее есть обоснованные правила, принципы, методы и система понятий, так что это тоже научная дисциплина.

Что же это за дисциплины, какого рода? Полагаю, что они принадлежат к широкой группе *прикладных наук*. Такова и археология (рис. 7).

Оказывается, не так уж парадоксально мнение Уолтера Тэйлора, что «археология сама по себе не более, чем метод и ряд специализированных техник для сбора культурной информации. Археолог как археолог и впрямь не что иное, как технар» (Taylor 1968: 44). Однако археология не просто метод или техника. У нее есть собственная система понятий, своя теория, свои принципы.

Вероятно, все источниковедческие («вспомогательные») науки по методологической природе ближе всего к прикладным, техническим дисциплинам. Близость не означает тождества, но позволяет сопоставлять и в некоторых отношениях уподоблять.

Одно необходимое уподобление есть смысл провести немедленно, ибо осознание его чрезвычайно важно для дальнейшего развития археологии в нашей стране. При изложенном здесь понимании археологии отпадает правомерность идеологической ориентации в археоло-

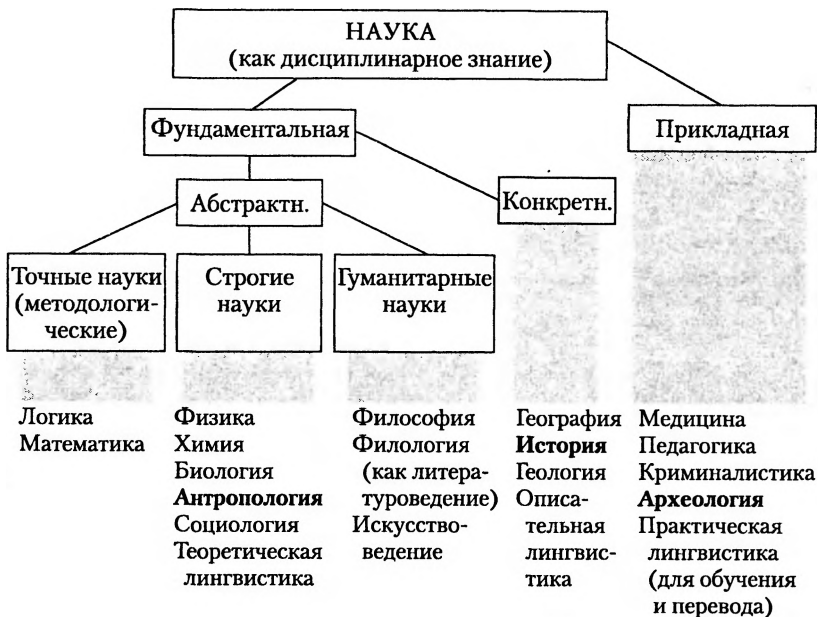

Рис. 7. Схема классификации наук (Л. Клейн).

гии, позволительность насыщения археологии политикой. Я этим не хочу сказать, что в исторической науке с идеологизацией и политизацией надо мириться. Но там все же другие соотношения этих вещей и другие основы осознания этой опасности, другие меры обеспечения объективности. В археологии все гораздо проще.

Нет двух наук — марксистской археологии и буржуазной археологии. «Буржуазная» археология — это искусственная композиция, долженствующая представить «образ классового врага». Для этой цели были собраны воедино все недостатки, присущие любой археологической деятельности, и приписаны археологии Запада, а к ним нечаянно присоединились многие достижения и достоинства тамошних археологических исследований. Марксистская археология — это еще более искусственное создание, выкроенное по лекалу «буржуазной» археологии — как ее негатив. На этот негатив наложены политические, экономические, социальные и философские догмы марксистского учения в надежде найти им археологическое подтверждение и одно-

временно показать их плодотворность для археологии. А чтобы это было реалистичнее, археологию пришлось уподобить истории и даже слить с ней.

Я не собираюсь упрощать. Несомненно, могут быть какие-то проявления буржуазности в археологии, как бывают они и во всяком другом деле. Но место их в историографии гораздо более скромное, чем было принято изображать. Сопоставимое с местом «пролетарского» вклада в археологию, хотя и более крупное. Еще того менее хотелось бы мне отрицать или отвергать достижения археологов, исходивших из марксистского учения или думавших, что они это делают. Всякие идеи могли приводить к открытиям и находкам. Существенно — какой ценой. И в любом случае это ровным счетом ничего не говорит о самих идеях.

Подобно технике и криминалистике археология едина. Нет двух противостоящих археологий, но в единой археологии есть место применению любых идей. Если они обогащают науку и выдерживают проверку практикой.

Что же касается всего мирового сообщества археологов, как внутри сужающегося социалистического мира, так и за его пределами, предложенное здесь понимание археологии влечет за собой определенные следствия. Во-первых, реализация существенного различия археологии и истории по их методологической природе обосновывает дополнительно разделение этих двух дисциплин в исследованиях и обучении. Во-вторых, вопреки принципам «критической теории», степень объективности археологического познания зависит больше от потенций и строгого соблюдения критериев и методов, чем от политических убеждений исследователя. В-третьих, очерчен основной источник инноваций в методах, заимствуемых из других дисциплин: это криминалистика, которая развивается быстрее, чем археология, благодаря настоятельным практическим потребностям общества. В-четвертых, как в криминалистике, из-за неполноты и фрагментарности данных, ошибки возможны. Здесь полная аналогия с криминалистикой: в самом деле, полный успех и там недостижим, в каждом регионе остается некоторый процент нераскрытых преступлений — несмотря на то, что расстояние во времени между событием и исследованием в криминалистике несоизмеримо меньше, чем в истории и археологии. Но это не должно подрывать общий ход деятельности судов. Как и реконструкцию прошлого.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Для дальнейшего чтения можно порекомендовать книгу Неуступного (Neustupny 1993) и мои статьи «Рассечь Кентавра» (1991) и на английском «Преистория и археология» в сборнике в честь Неуступного (1994), тогда как моя статья 1992 г. о методологической природе археологии практически покрыта текстом этой главы.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

- 1. Каковы соотношения факта и закона в археологии?*
- 2. Можно ли добавить что-либо к аргументам Урбаньчика о невозможности превращения археологии в номотетическую науку или против его аргументов?*
- 3. Какими аргументами можно отстоять положение о гуманитарности археологии и какими – опровергнуть это положение?*
- 4. Есть ли возможность отыскать место для археологии в разбивке наук на конкретные и абстрактные?*
- 5. Что следует понимать под исторической реконструкцией?*
- 6. Какие обстоятельства делают невозможной полную реконструкцию?*
- 7. Ввиду невозможности полной реконструкции, какая реконструкция может считаться достаточной?*
- 8. Какова допустимая мера воображения в реконструкции?*
- 9. Каковы соотношения закономерного и случайного в предсказании, ретросказании и реконструкции?*
- 10. Могли бы Вы представить аргументы в пользу или против предложенного здесь понимания разницы между реконструкцией истории и археологии?*
- 11. Говорит ли что-нибудь, по-вашему, против аналогии между археологией и деятельностью детектива? Или есть дополнительные аргументы в пользу этого сходства?*
- 12. Говорит ли что-нибудь, по-вашему, против предложенного здесь причисления археологии к прикладным наукам?*

ГЛАВА 7

ПРИНЦИПЫ АРХЕОЛОГИИ

1. Ради ясности – к темным началам. По мысли физика Г. Герца, есть два пути развития физики – вавилонский и греческий. В первом варианте ученые устанавливают большое число конкретных фактов, частных регулярностей и множество связей, а во втором стараются выявить несколько аксиом, из которых можно вывести все остальное (Герц 1980: 173–203). Это называется *аксиоматизацией* науки. Европейская наука – имея в виду ее точные дисциплины (*sciences*) – пошла по греческому пути. Три принципа составляют ядро классической термодинамики. Классическая механика основана на трех фундаментальных законах движения, сформулированных Ньютоном в «Математических началах натуральной философии».

Ньютон же сформулировал общее представление о *принципах* или *началах*: «Вывести из явления два или три общих начала (*principles*) движения и после этого изложить, каким образом свойства и действия всех телесных вещей вытекают из этих явных начал, было бы очень большим шагом в философии, хотя бы причины этих начал и не были еще открыты» (1954: 304). Эйнштейн утверждал: «Фундаментальные понятия и законы, которые дальше не могут быть сводимы, образуют неотъемлемую часть теории... Важнейшая цель любой теории состоит в том, чтобы этих основных элементов было как можно меньше и чтобы они были как можно проще – вот главная цель любой теории» (1967: 183). В его теории относительности таких начал два.

Так рассуждают физики.

В биологии и психологии, а также в гуманитарных дисциплинах основные принципы обычно не выделяются явно, хотя и подразумеваются (Рузавин 1978: 15) – просто, очевидно, их время оформиться еще не пришло.

Что же касается прикладных наук, то в отличие от фундаментальных они по природе своей больше ориентированы на обслуживание других наук и практики, поэтому менее теоретичны. Их объекты структурно менее четко выделены и поэтому труднее охватываются единой теорией. Соответственно, им труднее отстаивать статус научности, доказывать, что они – нечто большее, чем набор методов. Что у них есть своя строгая теория, стройность, устойчивое единство, системность, и что все это не искусственное, не внесенное извне, а коренящееся в

самой дисциплине, связанное с ее предметом. Поэтому для этих наук вопрос об *исходных принципах* особенно важен.

Кристофер Хокс так изложил эту констатацию применительно к археологии. Он перечислил ряд примеров использования естественных методов и анализов в археологии, а затем заключил: «Но к какой бы отрасли археологии или преистории вы ни принадлежали, ваши претензии на научный (scientific) статус для вас самих покоятся только на мерах, которые вы применяете, чтобы представить по возможности более точно гарантированные, ненарушенные, несмешанные образцы для соответствующего исследования. А что это действительно претензия (на научность), а не просто принятие предосторожностей здравого смысла против того, чтобы вещи перемешались, сломались или спутались, – тут должны сказаться принципы, которые коренятся в вашей части, в нашей части, в археологической части интерпретации находок. Если они научны (scientific), тогда мы – в той же мере – ученые, если они не научны, тогда мы тут всего лишь старательные и пытливые личности, которые ухищряются получать информацию от других людей, являющихся учеными (scientists), тогда как мы – нет» (Hawkes 1957: 94). (Разрядка моя. – Л. К.)

К познанию «неких общих принципов, управляющих археологическим мышлением и зависящих в большей мере от признания реальной природы археологических фактов», призвал и Стюарт Пигготт (Piggott 1960: 12–13).

У Люиса Бинфорда мы находим похожую мысль. Говоря о выводах археологии из исследуемого материала, Бинфорд заключил: «Все эти выводы получают устойчивость от привязки археологических наблюдений к принципам и законам причинности, взятым из наук механики, физики и родственных областей прикладных технических наук... Не надо археологам ждать от других областей науки развития необходимых принципов, которые позволили бы им делать надежные выводы о прошлом. Они должны сами развить науку археологии (science of archaeology)» (Binford 1983/1988: 17).

Гай Гиббон в книге «Антропологическая археология» помещает раздел «Методологические принципы и правила». Он отмечает: «Чаще всего эти принципы и правила суть недоказуемые или по крайней мере не доказанные предложения, молчаливо принятые и скрытно присутствующие в нашем мышлении» (Gibbon 1984: 93).

В книге «Объяснение в археологии» (1989: 3–4) он делит эти принципы на два ряда.

Первый ряд составляют «*первичные предпосылки*», без которых вообще никакая археология, как ее обычно понимают, немыслима. В пример Гиббон приводит такие банальные истины: «Археологические комплексы – это материальные остатки человеческой деятельности в прошлом» и «Изучая эти остатки, мы познаем историю человечества». Такие первичные предпосылки «могут рассматриваться как конечные оправдания археологии и прямо ведут к общим методологическим директивам» типа: «Сохраняйте и исследуйте археологические памятники и материалы!» «Отказ от этих первичных предпосылок... повел бы к краху археологии какой мы ее знаем».

Второй ряд принципов образуют «*вторичные предпосылки*, т. е. предположения, дополнительные к первичным и подчиненные им». Например: «Археологические комплексы – это зеркало прошлой человеческой деятельности». Не будучи необходимыми для самого существования археологической науки, такие предпосылки определяют стратегию интерпретации: отражается ли прошлая деятельность человечества в археологических памятниках адекватно, как в зеркале, – вопрос спорный, но как-то она обусловила же их создание, и от определения характера этой связи зависят приемы интерпретации. Эти принципы отнюдь не банальны. Ими-то и стоит заняться.

Во всяком случае ни *необходимость* неких общих принципов археологии, ни их *априорность*, ни то, что это должны быть прежде всего принципы *интерпретации*, отрицать не приходится. Об их необходимости здесь сказано достаточно. Остановимся на двух других характеристиках.

Именно *прикладной характер археологии*, ее нацеленность на обслуживание других наук – об обществе и культуре – делает интерпретацию главной ее частью. В ее теоретической системе главными оказываются принципы интерпретации, управляющие ее связью с этими науками, делающие ее релевантной для этих наук. Интерпретация – на выходе из археологии, но именно ради нее археология и существует.

Что же касается *априорности* этих принципов, то она связана с их аксиоматичностью. Как мы видели, таковы же и принципы других дисциплин, явно относящихся к точным наукам. Ньютон допускал неизвестность их обоснований. Что эти принципы *аксиоматичны*, было ясно еще со времен Аристотеля: «существование начал следует принять, все остальное – доказать» (Аристотель, Втор. Анал. I, 10). Вообще большей частью оправдывается замечание Мил-

ля, который сказал: «В каждой науке нет ничего более темного, чем основные принципы самой науки» (*цит. по*: Регирер 1966: 90). Фундаментальные понятия и принципы любой науки потому и являются фундаментальными для нее, что они в ней самой не находят обоснования – наоборот, она основана на них. Обоснование покоится либо в других дисциплинах, либо в практике и здравом смысле. С обоснованием имеет дело философия. Иными словами, раскусить аксиомы трудно, оставим это философам.

Нам-то важно обеспечить, чтобы они были надежны, разумны, устойчивы и чтобы прочие положения нашей дисциплины эксплицитно выводились из них по строгим правилам логики.

2. Поиск принципов. Сколько же и каких именно принципов лежит в основе археологической интерпретации, делая ее научной?

В поисках аксиом трудно предложить какой-либо предварительный порядок, разве что отправляться изнутри дисциплины, от предполагаемых производных. Если же некий задел уже есть, можно начать с обзора существующих версий, с опыта науки, затем откорректировать накопленные положения и посмотреть, чего не хватает.

В своей книге «Основы археологии» Джейсон Смит, американский археолог-марксист, пишет, что научности можно достичь, если придерживаться следующих четырех допущений (*assumptions*):

1) «что мир и вселенная реальны и независимы от человеческого сознания»,

2) «что вещи прямо или косвенно взаимосвязаны как причины и следствия»,

3) «что нет вещей, непознаваемых по своей природе, т. е. сверхъестественных или магических»,

4) «что изменения – это всеобщая константа» (Smith 1976: 391).

Можно спорить о составе набора и о корректности формулировок (скажем, мир как предмет познания все-таки зависит от человеческого сознания, или: почему указаны только причинно-следственные связи, а не системные – части и целого, и т. п.). Однако вне зависимости от того, хороши ли формулировки, эти «допущения» нельзя считать археологическими: они применимы ко всем наукам и к познанию вообще. Это, как сам Смит отмечает, «основа материалистической философии». В марксизме сталинской чеканки первый и третий из этих принципов относили к материализму, второй и четвертый – к диалектике. В том и другом разделах числились и еще некоторые прин-

ципы, которые мы должны были зазубривать и отвечать не только в установленном порядке, но и вразбивку.

В сущности, марксизм воспринял и четко сформулировал традиционные положения материалистической философии, близкие здравому смыслу естествоиспытателей нового времени, привыкших уважать опыт и факты. Каждый из этих принципов нуждается в оговорках, но в общем и целом они *п р и е м л е м ы*. В своей действительной повседневной научной практике все археологи, независимо от их философских убеждений, придерживаются этих принципов, так сказать, *бытового материализма*. Это показано в дискуссии по работе Лаудзера (Lowther 1962) и в моей критике некоторых положений Даниэля (Daniel 1982: 208–211; 1991: 176–178).

Так или иначе, принципы эти (по крайней мере, в такой форме) нет смысла здесь учитывать, они слишком общие для нашей темы, в них не выражена специфика археологии.

С марксистских позиций строил теоретические основы археологии и В. М. Массон (1969). Он просто взял *три основных принципа исторического материализма* – такими, как они выглядели в стандартных учебниках (историзм, детерминизм и примат производства), – и, перенеся их на археологию, рассмотрел соответствующие воплощения (социологическая ориентированность, предпочтение массовому материалу, интерес к функциям, учение о стадийности и т. д.). Он связывал это «с методологической функцией исторического материализма, которую тот осуществляет по отношению к гуманитарным наукам. Главные принципы в этом направлении были разработаны в конце 20-х – начале 30-х гг. ленинградскими и московскими археологами... Фактически в данном случае имела место разработка оснований археологической науки путем выведения теоретических положений из суждений другой науки, носящих более общий характер, что является достаточно обычным путем формирования оснований науки» (Массон 1978: 32).

В советской археологии и впрямь действовала эта схема. Беда не столько в том, что эти принципы были узки и догматизированы, сколько в том, что они главным образом определяли *конечный облик* реконструируемого *культурно-исторического процесса*, а не путь от материала к нему, не способы реконструкции. С этими принципами было заведомо ясно, каким должен быть результат, а как его получить, было неважно и оставлялось на долю здравого смысла, хитрости или молчаливого соглашения с авторитетом.

В цитированной книге Смит перечислил 7 других принципов, но они слишком конкретные, узкого значения – относятся только к установлению стратиграфии. Столь же частный (да притом еще и сторонний) характер имеют 12 принципов Джеймса Гриффина – «аксиомы культурного процесса» (Griffin 1956). Эти, правда, имеют некоторое отношение к интерпретации – задают некие ориентиры: как должен выглядеть культурный процесс в результате реконструкции, каким условиям удовлетворять, чтобы получить признание научной общественности. Если, конечно, она будет придерживаться «аксиом» Гриффина. Но и эти «аксиомы», вне зависимости от того, верны ли они и удачно ли сформулированы, ничего не говорят о том, как проводить реконструкцию, как интерпретировать археологический материал.

В отличие от этих ученых Эдуард Зангмейстер считал, что у археологии всего один фундаментальный принцип. «Единственная предпосылка, с которой работает всякая “археология”... – писал он, – это то, что между вещью, сделанной людьми, и ее изготовителем и пользователем существует отношение, о котором можно делать высказывания» (Sangmeister 1967: 201). Отношение не определено, а высказывания можно делать о чем угодно. Предпосылка Зангмейстера настолько расплывчата и слаба, что опираться на нее бесполезно. Этот ученый оказался чересчур осторожен.

В первой из упомянутых книг Гиббона (1984: 93–97) принципы интерпретации не составляют системы, но примеры приводятся, и среди них есть очень меткие: «В прошлом действовали те же процессы, что и в современности (принцип униформизма)»; «Люди в прошлом делали вещи по тем же причинам, по которым вещи делаются сегодня (...принцип культурного единства)». Последний принцип у Гиббона назван также «принципом Роу» – следует ссылка на работу Роу (Roe 1976). Но Роу лишь сузил, уточнил принцип, сформулированный раньше Хоксом.

Наиболее вдумчивыми и серьезными представляются мне две работы по этой теме – Кристофера Хокса (Hawkes 1957) и Роберта Даннела (Dunnell 1978). Анализ проблемы удобно провести именно на разборе этих работ.

3. Принципы Хокса. В президентском обращении Хокса интересны не только рассуждения о методологической природе археологии и о необходимости выявления фундаментальных принципов интерпретации, но и сам выбор принципов. «В чем же принципы археолога, которые воплощены в его интерпретации раскопок, измерений и

сравнений? – спрашивает Хокс. – Я часто задавал себе этот вопрос...» (Hawkes 1957: 95). По мнению Хокса, исходных принципов, управляющих археологической интерпретацией, а значит, фундаментальных для археологии вообще, только два (рис. 8):

- 1) «Люди в прошлом делали вещи для целей, которые в большинстве случаев, – а может быть, и во всех – могут быть поняты», и
- 2) Если «разные люди делали одни и те же или очень схожие вещи... то это не случайно, а имеет одно... общее для них объяснение» (если только эти схожие вещи «не очень сильно разделены во времени или пространстве»).

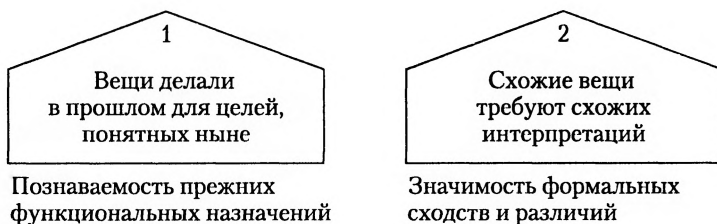

Рис. 8. Принципы интерпретации К. Хокса (Hawkes 1957).

Если приглядеться (рис. 9) к первому принципу Хокса, то можно увидеть, что критерий простоты не соблюден. Здесь в одной формулировке слиты по крайней мере два принципа – принцип *познаваемости функций в материальной культуре* (можно понять цели, для которых вещи сделаны) и принцип *связи эпох* (цели, существовавшие в древности, могут быть поняты современными людьми) – как его сформулировал Роу.

Если взять второй из исходных принципов Хокса – принцип *неслучайности сходств (соответственно различий)* в вещах, то он тоже не так уж прост. В нем могут подразумеваться два разных утверждения: первое – что формальные сходства вещей важны, поскольку они не только формальные (мыслится некая *корреляция между формой и смыслом*), а второе – что *схожие вещи имеют нечто общее в своем происхождении*: Хокс имеет в виду реальную общность происхождения – из одного культурного источника с последующей диффузией, но ведь может предполагаться и конвергенция, ибо в ней действует тоже нечто общее: общие причины, общие закономерности.

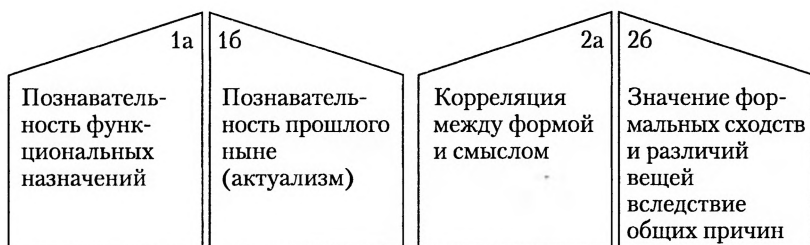

Рис. 9. Развитие схемы Хокса.

Таким образом, там, где Хокс видел два исходных принципа, их по меньшей мере ч е т ы р е. Рассмотрим их по очереди.

П е р в ы й из этих принципов оказывается очень общим: он относится ко всем наукам о человеке и культуре. Я бы даже сказал, что он не очень аксиоматичен: он сам основан на каких-то других. Например, *принцип познаваемости* не мог бы действовать, если бы каждая вещь была абсолютно уникальна и создавалась с абсолютно новыми целями. Значит, для опоры на этот принцип нужно принять существование неких регулярностей в культуре, неких законов удовлетворения основных потребностей. То есть нужен принцип *детерминизма в культуре*. Нужны и другие.

Таким образом, за этим первым из принципов, который подразумевается у Хокса, но не назван им, должны помещаться не менее трех очень важных, действительно фундаментальных принципов: *единство человеческой природы* и соответственно *общность культуры человечества*, *наличие законов общества и культуры*, *системность культуры* и т. д.

Обратимся теперь ко в т о р о м у из принципов, на которые пришлось разбить первый принцип Хокса. Этот второй хорошо известен как *принцип актуализма*.

Т р е т ь и й среди вычлененных из схемы Хокса принципов, не указанных им прямо, это как раз отмеченный уже здесь принцип *корреляции материальных элементов с нематериальными*.

Ч е т в е р т ы й принцип у Хокса не детализирован – не указано, как определяется неслучайность, зачем определяется, но из контекста ясно, что за таким *различием* Хокс видел *чужеродность*, а соответственно за *сходством* – *родство*, вызванное распространением. За этим публично высказанным размышлением явно стоит имплицитное

рассуждение, очень напоминающее гребнеровский *критерий формы*, разработанный тем для оценки сходств этнографических объектов при определении родства (гомологии). У Гребнера, однако, вопрос был более разработан. Критерий Гребнера требовал наличия редкой комбинации признаков, не вытекающих с необходимостью из природы объекта. У Гребнера был еще и другой критерий – количества: сочетание должно не быть единичным, повторяться неоднократно (Graebner 1911).

Но у Хокса есть в этом деле предшественники и в самой археологии. Еще Софус Мюллер писал: «Где есть сходство, там должно быть родство (отношение), того или иного рода связь» (Müller 1884: 185).

Принцип этот не выглядит исходным, аксиоматичным. Это принцип выводной: он совершенно очевидно выводится из признания неких закономерностей в обществе и культуре, т. е. какого-то детерминизма. Ведь если существуют регулярности в материале, повторяемость, закономерность, то должны существовать и сходства, а различия, само собой, не случайны – они говорят либо о проявлении разных закономерностей, либо о вмешательстве каких-то других факторов. А если регулярностей нет, то различия естественны – хотя бы от случайного разброса, – и отличить случайные от неслучайных невозможно. Правда, сам Хокс не видел необходимости прибегать к закономерностям для объяснения неслучайности сходств и различий, он готов был искать объяснения в тождестве и разнородности, вытекающих из распространения. Но и в этом ведь есть свои закономерности.

Кроме того, важность сходств и различий в материале зависит от признания неких регулярных соответствий материальной формы культурному и социальному значению вещей, их смыслу. Все это ведет нас к другим принципам, более глубоким.

4. Аксиомы и теоремы Даннела. Весьма серьезная работа, посвященная этой теме, – статья Роберта Даннела, точнее, раздел в ней (Dunnell 1978). И статья, и раздел озаглавлены иначе – без указания этой темы, а с концентрацией внимания на функции, но по сути речь идет именно об исходных принципах функциональной интерпретации археологического материала.

Даннел строит систему оснований интерпретации (рис. 10) из двух аксиом и вытекающих из них трех теорем и одного короллярия. Все выглядит строго и логично, как в математике (и хоть математика для Д. Кларка не наука, но столь структурно представлен-

ная в своих основаниях археология приобретает очень внушительный научный облик). Даннел предложил впечатляющий опыт организации оснований археологии – ее *аксиоматизации*.

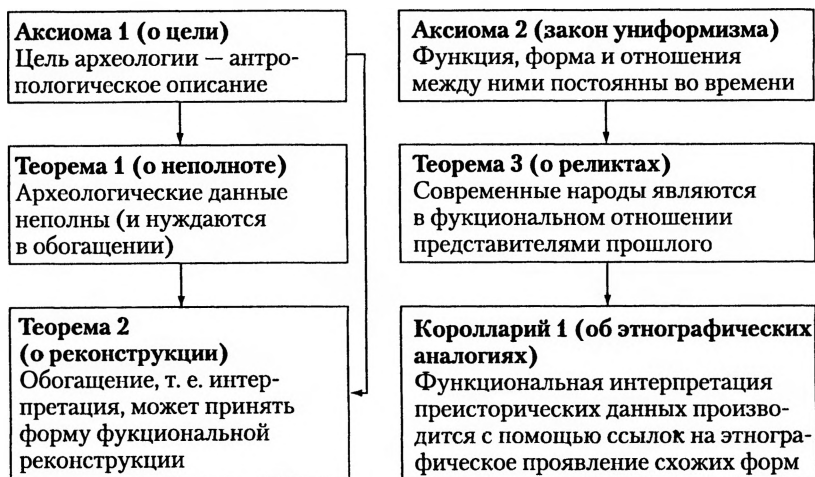

Рис. 10. Принципы интерпретации Р. Даннела (Dunnell 1978).

В одной линии его рассуждений – первая аксиома. Она гласит: цель археологии – *антропологическое* описание. Из нее последовательно вытекают две теоремы. Первая – что археологические данные *неполны*, не идентичны антропологическим, следовательно, нужно их обогащение, а оно достигается *интерпретацией*. Вторая – что антропологическая интерпретация должна получить форму *функциональной реконструкции*.

Другая линия рассуждений Даннела состоит из аксиомы и двух выводимых из нее положений – теоремы и короллария (королларий – побочное следствие, выводное дополнение к основному постулату). Эта линия ведет от признания униформизма к правомерности использования этнографических аналогий в археологической интерпретации.

Хоть построение Даннела серьезно и интересно, его конкретные заключения вряд ли могут удовлетворить (рис. 11).

Первая аксиома Даннела сформулирована неудачно. Цель археологии заужена: выпала ориентировка на историю. Вообще

если нужно было обосновать принципиальную неполноту археологических данных, то можно было выбрать основание более точно. А именно: археология нацелена на обслуживание других наук о прошлом (истории, социологии, антропологии), так что предмет ее исследований не совпадает с конечным объектом их общего интереса, оказываясь лишь источником для познания этого конечного объекта.

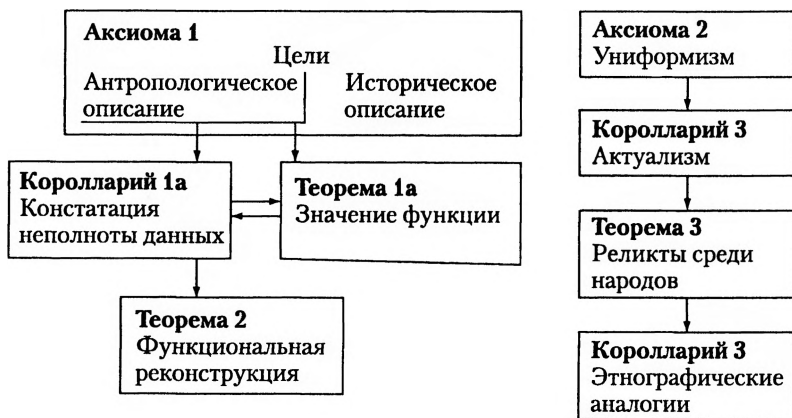

Рис. 11. Исправленная схема Даннела.

Первая теорема Даннела, пожалуй, вовсе не теорема, поскольку она не требует доказательств. Это просто королларий к первой аксиоме. Ясно, что коль скоро археологические источники отражают конечный объект перечисленных наук, то эти источники дают лишь неполные данные о нем: отражение через толщу времени выражено в следах и остатках, а они, естественно, дают меньше информации, чем сам объект.

Вторая теорема заслуживает этот статус: ее требуется доказать. Но, во-первых, для ее доказательства нужно опереться на некие положения, не содержащиеся эксплицитно в исходной аксиоме – ни в формулировке Даннела, ни в предложенной замене. Для обоснования нужны некие положения о роли функции в культуре, о ее связи с реконструкцией исторических событий. Нужно также очень широкое определение функции, включающее и семантические аспекты, и использование вещи, иначе почему реконструкция ограничивается функцией?

В целом же вся эта линия рассуждений ведет не к раскрытию механизма интерпретации, а лишь к обоснованию ее необходимости в археологии и к ее нацеленности на функциональную реконструкцию. Как проводить реконструкцию, эта линия не поясняет. Поэтому все эти положения (аксиома, теоремы, королларий) не должны входить в принципы археологической интерпретации, они, скорее, относятся к обоснованию структуры археологии и близки первому ряду принципов Гиббона. Из констатации принципиальной неполноты археологических данных я бы, скорее, извлек требование обогащать археологическую информацию неархеологической, и не только аналогиями из этнографии. Кстати, я и выдвигал такое требование (Клейн 1977; 1978: 39–44, 54–56).

Другая линия рассуждений Даннела носит иной характер. Она начинается со второй аксиомы, с постоянства законов (*униформизм*), и выводит отсюда королларий – *актуализм*.

Даннел различает эти два принципа. В отличие от эволюционистов и в соответствии с задачей своего исследования он формулирует исходный принцип очень узко – и спорно: «Функция, форма и отношение между ними остаются постоянными все время» (Dunnell 1978: 45). Отсюда он выводит теорему: «Современные народы функционально репрезентируют прошлое». А далее у Даннела следует королларий: «Функциональная интерпретация археологических данных производится с опорой на этнографическое бытование схожих форм». В этом Даннел видит обоснование применимости этнографических параллелей. Обоснование, пожалуй, недостаточное: этнографические параллели надо бы рассматривать в рамках археологической значимости аналогий вообще.

Таким образом, если иметь в виду исходные, фундаментальные принципы археологической интерпретации, работа Даннела затрагивает их лишь косвенно и неполно (а заглавие его работы и не позволяет ставить это ему в упрек). Но один принцип, давно и многими указываемый, он привлек удачно, а все построение фундамента интерпретации как системы принципов и их производных может быть образцом в этом деле.

Разбор этих двух важных статей, Хокса и Даннела, показал, что некоторые из фундаментальных принципов этим двум ученым удалось наметить, другие вылезли только в ходе анализа, при котором были использованы и предложения иных ученых.

5. Набор принципов. Анализируя эти и другие работы, приходим к заключению, что в ходе долгого опыта исследований сформировались и были отобраны 6 принципов археологии. Одни ученые опирались на какую-то одну часть из этого набора, другие – на другую, но в целом фигурировали как взаимосвязанные 6 принципов. Рассмотрим их в наборе.

1. Детерминизм. Как пишет М. Шиффер, «археологи нашли необходимым позаимствовать широкий спектр законов поведения, чтобы обеспечить документирование и объяснение событий прошлого» (Schiffer 1976: 5). Законы эти могут выглядеть по-разному – как определяющие ход эволюции, или зависимость развития общества и культуры от природных изменений, или от совершенствования орудий труда, и т. п. Закон Монтелиуса формулировал зависимость формальной схожести вещей одной категории и одной традиции от их хронологической близости, т. е. описывал характер развития вещей (Clarke 1972: 45).

Принцип детерминизма, однако, не ограничивается признанием законов. Для науки не менее важен королларий из этого признания. «Действительно, я думаю, – заявил Бор, – мы все согласны с Ньютоном: самый глубокий фундамент науки – это уверенность в том, что в природе одинаковые явления наступают при одинаковых условиях» (Бор 1932/1961: 22). Таков же и фундамент наших умозаключений применительно к культуре. Как много значит для нас уверенность в том, что в основе культурной общности или культурного сходства лежит одинаковость условий – либо географических, либо расовых, либо стадияльно-социальных. Можно назвать это положение *королларием параллельности*. В нем обоснование феномена *конвергенции*.

Из короллария параллельности логически выводима применимость аналогий в археологии. Значение аналогий для археологии, значение этнографических аналогий для археологической интерпретации общепризнанно. Чжан Гуанчжи даже нашел возможным заявить: «Что касается аналогии, то археология в целом и есть аналогия» (Chang 1967: 109). Л. Бинфорд, возражая против преувеличенных упований на этнографические аналогии, не отрицал значения аналогий вообще и описал применимость аналогий как отдельный принцип: если два или более явлений имеют много общих черт, они, вероятно, имеют дополнительные общие черты, и вероятность эта усиливается, если удастся открыть содержательную связь между этими сходствами (Binford 1967: 1–3).

2. *Универсализм*. Это принцип, провозглашающий *единство человеческой природы* (стало быть, и психики) и в связи с этим *общность человеческой культуры*. Хааг упоминает «психическое единство человечества» среди «основных предпосылок археологов» (Нааг 1969: 47). Подразумевается, что психика людей в принципе одинакова и поэтому для каждого человека существует предсказуемость поведения другого человека в конкретной ситуации. А также, что любая культура должна так или иначе удовлетворять некие основные потребности человека, а эти потребности – в пище, отдыхе, сне, продолжении рода и т. п. – в основном одни и те же. Бастиан выразил идею психического единства человечества в своем учении о «стихийных идеях» (*Elementargedanken*), одинаковых для психики всех людей. Принцип *универсализма* в общем виде сформулирован для этнографии эволюционистами (Тайлор 1989: 21). Мортилье в 1851 г. в своем путеводителе к археологическому отделу первой Всемирной выставки в Париже сформулировал это в виде одного из трех основных законов: Закон Одинакового Развития (*Lois de Développement Similaire*).

3. *Униформизм и актуализм*. Даннел прав: идея униформизма действительно очень важна для обоснования интерпретации. Обоснование это выглядит так: только если в прошлом действовали те же регулярности, которые мы наблюдаем сейчас и которые нам привычны (принцип *униформизма*, т. е. постоянства законов), можно трактовать результаты давних процессов, опираясь на современный опыт (принцип *актуализма*). Этот второй принцип хорошо известен во всех науках, имеющих дело с изучением остатков прошлого – геологии, палеонтологии, палеоантропологии, археологии (см. Fettes 1993). Принцип актуализма заключается в том, что поскольку признается единство, общность основных черт для процессов прошлого и современных, то, зная современные, мы можем судить о давних, иначе говоря, изучая современные, можем перенести это знание на давние. Таким образом, здесь, собственно, два принципа – *аксиома* и *королларий*.

Та же цепочка рассуждений фигурирует у Смита в числе принципов стратиграфии. Смит возводит ее к геологу Хаттону (Hutton 1785) и передает афоризмом: «Современность – это ключ к прошлому» (Smith 1976: 515). Правда, в соответствии с британской и американской традицией Смит покрывает оба принципа термином «униформизм», хотя с давних времен употребителен и термин «актуализм» (см. Guntau 1967) – и тоже нередко для слитного обозначения обоих принципов (что, на мой взгляд, не очень уместно). В этнографии первый принцип

был выдвинут еще Дж. Лаббокком и П. Эренрейхом. Второй также был общим местом у эволюционистов, принимая обычно форму: отсталые народы – живые ископаемые (Тайлор 1989: 31, 36–40; Морган 1934: 9–10). В археологии Мальмер (Malmer 1997: 7) делит его применение на три вида: этноархеология, экспериментальная археология и рассуждение археолога, основанное на его личном опыте.

В изучении культурного прошлого выводы из этого принципа распадаются на две группы: одна охватывает сами процессы и события социокультурного прошлого, протекавшую некогда жизнь живого общества и его культуры, другая относится к процессам формирования археологических источников об этой жизни, т. е. образования следов и остатков живой культуры и превращения их в культуру мертвую, а по истечении значительного времени – в археологизированную. Для каждой группы выводов существуют свои правила, основанные на познании специфических законов, в первом случае – историко-социологических (положения об историко-социологической детерминации), во втором случае – этнографических и археологических (положения о культурно-функциональной детерминации). Этнографические законы ведают соответствиями между культурными функциями и типами вещей и комплексов в живой культуре, археологические – между культурными процессами и событиями, с одной стороны, и их следами и остатками, оставшимися памятниками – с другой.

На основе принципа актуализма вещь превращается не просто в источник информации о событиях и идеях, но о событиях и идеях прошлого, потенциально – в *исторический источник*.

4. *Системность в культуре*. Однако эти общие положения существуют в археологии как теоремы, для выведения которых необходим не только королларий параллельности, но и принцип системности. В общей форме этот принцип сформулирован применительно к археологии Софусом Мюллером. Этот исследователь видел в основе археологического мышления «нашу уверенность, что в этом мире есть порядок и организованность» (Müller 1884: 185). Позже Элфрид Крёбер видел проявления «принципа порядка в культурах» на примере изменений моды (Kroeber 1919).

Новейшие авторы так детализируют принцип системности культуры: ее элементы взаимосвязаны и взаимозависимы. Этот принцип принимают не только Бинфорд и его «новые археологи», но и сторонник контекстного подхода Триггер. Он называет «основополагающим положением» идею, «что все элементы культурной системы взаимо-

связаны и что изменение любого компонента отзовется изменениями различной степени во всех других чертах системы и в их взаимоотношениях» (Trigger 1973: 17).

5. *Корреляция материального с нематериальным.* Это принцип, очень специфический для археологии. Его можно рассматривать как аспект принципа системности или его королларий, но связь не так уж ясна, а специфичность для археологии исключительна. Суть этого принципа Рэймонд Томпсон выразил как признание «корреляции между археологическими материальными объектами и определенными видами социокультурного поведения» (Thompson 1956: 329). Дж. Диц сформулировал это так: «Условием *sine qua non* археологии является утверждение отношения между наблюдаемым и измеримым воздействием человека на природу и его невидимой и менее легко измеряемой идейной жизнью. Оба фактора регулярны, упорядочены и взаимосвязаны» (Deetz 1971: 3). Некоторые археологи называют эти отношения «коррелятами» (Hill 1970: 63; Schiffer 1976: 12–13; Pebbles and Kus 1977).

Собственно, это то же, о чем говорил Зангмейстер, но более четко и узко определенное. Можно сказать и еще более определенно: для каждого конкретного случая идеи людей и вытекающее из них поведение признаются факторами, непосредственно определяющими форму (в широком смысле) вещей и комплексов. Это принцип *опредмеченности* идей и событий в вещах.

Отсюда возможность по форме вещей судить об условиях их формирования и причинах этого. То есть возможность воспринять вещь как источник информации о событиях и идеях. Близко к Хоксу, но более точно это сформулировал Мальмер: «физическое сходство содержит вероятность всякой другой формы сходства, например, близость по времени, имени и среде» (Malmer 1963: 264).

6. *Принципиальная достаточность данных.* Многие археологи настаивали на ней. Прежде всего, это идеологи советской археологии. В признании неполноты данных они видели аргумент тезиса о непознаваемости прошлого, а это противоречило их обязательному гносеологическому оптимизму: принцип познаваемости мира – один из основных в материалистической диалектике. Для более примитивных казенных марксистов это выглядело просто покушением на идеологию: ведь марксизм всемогущ, и нет того, что он не мог бы познать! Другой пропагандист этого принципа – «новая археология», у которой был свой гносеологический оптимизм: все в культуре взаи-

мосвязано с такой регулярностью, что по сохранившимся фрагментам можно полностью восстановить утраченные части. Эти археологи – Арциховский в конце 20-х гг., Бинфорд в начале 60-х – выдвинули утверждение – о принципиальной достаточности археологических данных для полной реконструкции и надежной интерпретации.

Итак, получается шесть фундаментальных принципов: 1) детерминизма в материальной культуре, 2) универсализма, 3) униформизма с его королларием – актуализмом, 4) системности культуры, 5) опредмеченности идей и событий в вещах, и 6) полноты, достаточности археологических данных. На этих принципах держится вся система обоснований интерпретации в археологии (рис. 12).

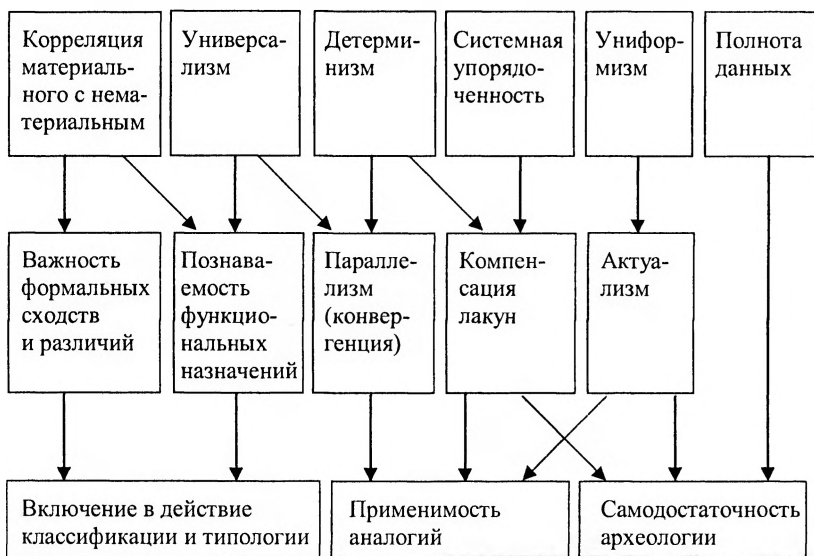

Рис. 12. Фундаментальные принципы и обоснование интерпретации в археологии.

6. Принципы в критическом рассмотрении. Увлечения опорой на какой-то из этих принципов нередко порождали оптимизм и энтузиазм, однако немедленно следовали предостережения со стороны скептиков.

В 30-е гг. А. М. Тальгрэн в работе, изданной на французском и английском языках, отметил распространенное мнение, «что метод,

воспринятый гуманитариями столь же достоверен и строг, как в естествознании». Успехи дарвинизма, отметил он, перенесенные на гуманитарную почву, и эволюция, подчиненная законам истории, должны были сделать историю столь же точной, как естественные науки. Но в самом ли деле формальный метод верен в применении к гуманитарной дисциплине? – спрашивает Тальгрэн. И отвечает: «Нет, я не думаю, что он верен, и, вероятно, большинство археологов, придерживающихся того же мнения, настроены скептически. Скептицизм – это мощное средство научной мысли... Надобно быть достаточно смелым и ставить под сомнение как теории других, так и свои собственные и даже основания своей науки и ее метод» (Tallgren 1936; 1937: 153–154).

Ни один из принципов, вошедших в представленный здесь набор, не избег критики.

1. Детерминизм? Детерминизмом увлекались эволюционисты, марксисты-социологизаторы, неопозитивисты. Как я уже упоминал, в СССР П. Н. Третьяков (1962: 262) как-то обмолвился, что «случайностей в развитии культуры не бывает». Это, конечно, не могло убедить археологов-практиков, на каждом шагу наталкивающихся на странности, неожиданности и загадки.

Сам Хокс, объявляя сходства и различия неслучайными, вовсе не трактовал эту неслучайность как проявление социальной закономерности, конвергенции и т. п. в духе эволюционизма. Он видел в этом лишь родство, культурное или генетическое, – свидетельство диффузии, миграции, общего происхождения. Но еще в 1912 г. неслучайность сходств и различий, столь фундаментальную для Хокса, отвергал Р. Лоуи: «Сравнение форм способно лишь установить тождество форм, не больше; что такое тождество объясняется родством, это всего лишь гипотеза» (Lowie 1912: 28). Современники Хокса развили скепсис Лоуи.

Одни (*напр.*, Thompson 1956) напирали на то, что субъективность выбора (как в деятельности древних мастеров, так и современных классификаторов) подрывает действенность законов. Другие отвергали справедливость поговорки, что исключение только подтверждает правило: в культурной реальности исключений слишком много, так много, что рушится само понятие закона (Köbben 1967). Представление о стохастических процессах и вероятностных закономерностях, войдя в археологию, спасло концепцию закона, но изменило само содержание детерминизма: он укрепился по отношению к мас-

совому материалу, но перестал определять каждый отдельный факт и, следовательно, оторвался от его причины.

Я не затрагиваю здесь ориентацию археологии в рамках антропологии на поиск законов (критика этой увлеченности общеизвестна), но обращаю ваше внимание на то, что само наличие законов культурного процесса и возможность их использования для археологической интерпретации подвергается сомнению и критике. «Детерминизм стали избегать», – констатировал это Ходдер (Hodder 1991: 9), который противопоставил детерминизму упор на активную роль личности в культуре (Hodder 1991: 6–10).

2. *Универсализм?* Универсализм утвердился вместе с представлением о единстве человеческого рода и культуры, которое было очень характерно для эволюционистов и поддерживалось советскими археологами-марксистами. Эволюция рассматривалась как развитие совокупной культуры человечества, в принципе однородной. Последующие течения (миграционизм, трансмиссионный диффузионизм, экологическая концепция) подточили и размывли это представление. «Ни одно состояние культуры, – писал Таллгрэн, – ни одна стадия эволюции не является и никогда не были однородными; всегда существовали различия. В каждой культуре открываются рудименты, пережитки, архаизмы, маргинальные черты, какое бы слово ни употребить. <...> На каждой стадии культуры есть ‘диалекты’, если позволено применить филологическую метафору... Любая реконструкция определенной культуры, игнорирующая ‘диалекты’, может повести к серьезным ошибкам... Это была бы ошибка не в применении метода, а в самом методе» (Tallgren 1937: 155–156).

Уолтер Тэйлор (Taylor 1948) пошел еще дальше и отверг сопоставительные манипуляции с типами, поставив во главу угла не тип, а отдельный артефакт и его позицию в отдельном конкретном контексте, позволяющую выявить функциональное применение артефакта. Широкое течение контекстуализма ведет свое начало от этого призыва.

3. *Униформизм и актуализм?* Принцип актуализма, первоначально утвердившийся в геологии, с самого начала встретил в ней сопротивление. Глава британских геологов А. Седжвик в своей президентской речи назвал эту идею «непозволительной» и «невероятной» гипотезой (*цит. по:* Шацкий 1965: 202). Немецкий геолог И. Готта привлек внимание к накопительным явлениям в геологии. Физико-химическая природа геологических процессов одна для всех времен, однако, хотя по своему геологическому содержанию процессы эти

изначально одни и те же, но их результаты, накапливаясь, изменяют условия протекания этих процессов, а это приводит к изменению самих процессов (Gotta 1839: 428). Все геологические процессы протекали по-разному в разные эпохи, показал И. Вальтер (Walther 1894: 1003).

В XX в. статья Э. Кайзера (Kaiser 1931) положила начало новой дискуссии, в которой принцип актуализма был поставлен под вопрос. Как заявил не без нацистской фразеологии К. Бойрлен, современность настолько своеобразна, что абсолютно бесполезна для понимания прошлого, и «актуалистская догма должна быть разрушена» (Beurlen 1935: 37). В советской геологии, где принцип актуализма отстаивал Н. П. Страхов, в послевоенное время группа геологов во главе с академиком Н. С. Шацким выступила против этого принципа, противопоставляя ему сравнительно-исторический метод (Шацкий и др. 1951; Высоцкий 1961; Яншин 1963).

Среди этноархеологов известно скептическое мнение Р. Гулда: «Чем меньше археолог будет зависеть от униформитарианистских допущений для выводов о прошлом человеческом поведении, тем более надежными будут его объяснения» (Gould 1978: 254). В археологической интерпретации Эткинсон признает надежными только заключения о технологии. Он придерживается этой позиции «потому, что нет причин предполагать, будто 'законы' физики и химии изменились. Выводы делаются здесь в рамках инвариантной системы. Это, однако, явно неверно относительно социальной организации или религии, где нет однозначного соответствия между намерением и действием (или между причиной и следствием), и поэтому нет возможности уверенного вывода в обратном направлении. Здесь всё происходит в системе заключений, которая придает вес... силе выводов, проистекающих из индивидуальных данных, но не более того» (Atkinson 1975: 176–177).

Очень важен был отказ этнографов считать современные отсталые народы и слои общества «живыми ископаемыми», представителями первобытного прошлого. Этнографы пришли к пониманию, что эти популяции к настоящему времени сильно изменились, существуя в иных условиях: «несправедливо рассматривать какую бы то ни было из ныне живущих групп как наших современных предков» (Herskovitz 1949: 71). Положение М. Фуко (Foucault 1966) о своеобразии каждой эпохи и даже о ее, так сказать, замкнутости для других эпох еще больше заострило проблему. Известно стремление Андре Леруа-Гурана

(Leroi-Gourhan 1964) реконструировать первобытную религию не придерживаясь прямых этнографических аналогий. Он даже считал, что они принесли больше вреда, чем пользы.

Брюс Триггер, опираясь на чрезвычайную сложность и многофакторность в обусловленности каждого культурного явления, утверждает: «кабинетный преисторик, сколь бы он ни был сведущ в общей теории, неспособен произвести детальную реконструкцию хода человеческой преистории на основе того, что он знает о человеке настоящего времени» (Trigger 1973: 104).

4. *Системность?* Принцип системности в том виде, в каком он был сформулирован тем же Триггером (взаимозависимость каждого элемента системы от любого другого в ней), противоречит обыденному опыту каждого человека: мы часто наблюдаем явную независимость тех или иных важных элементов в системе культуры от поведения многих других в ней, а там, где зависимость налицо, она часто оказывается односторонней. Уже с самого начала, с первой же своей теоретической статьи, Бинфорд выступил против признания всех элементов системы равными и сопоставимыми – он отметил, что в системе взаимодействуют и влияют друг на друга не отдельные ее элементы, а подсистемы и что элементы получают различное значение в зависимости от принадлежности к ним (Binford 1962: 218).

В 1971 г. в работе, представленной на Шеффилдский семинар, я обращал внимание археологов на принимаемый системным подходом структурную организованность системы, на ее иерархичность и значение позиции элемента в этой иерархической структуре для определения его роли в ней, его влияния по отношению к другим ее элементам (Klejn 1973: 702–703).

К этому времени даже в советской марксистской философии уже был признан принцип относительной независимости надстройки от базиса, одних надстроечных структур от других. Мир представлял менее упорядоченным и менее регулярным, чем прежде. После раскола коммунистического лагеря, после провала программ быстрого построения коммунизма и после официального отказа от них – после всего этого даже у советских ученых, обязанных декларировать казенный оптимизм, стали проскальзывать сомнения в предсказуемости хода истории и – как следствие – также в возможности ретросказания. То есть в реконструкции одних частей культурной системы по другим. Современный глобальный крах коммунизма усилил эту тенденцию.

5. *Опредмечивание?* Представление об однозначной корреляции материальных элементов культуры с нематериальными также утратило доверие. «Поскольку исторические события и существенные социальные членения преисторических народов не находят адекватного выражения в материальных остатках, — рассуждает М. А. Смит, — попытки достичь знания о них посредством археологической интерпретации неверны» (Smith 1955:7). М. Шиффер заявил, что принцип прямой отпечатанности исчезнувших обществ в материальных остатках, признанный Бинфордом, неверен (Schiffer 1976: 11–12). Шиффер имел в виду, что под действием природных и культурных факторов материальные остатки дошли до нас в сильно разрушенном виде: «Принцип, который я предлагаю, — отметил он, — заключается в том, что археологические остатки суть нарушенное отражение прошлых систем поведения» (Schiffer 1976: 12). Он не подвергал сомнению само наличие в материальной культуре «коррелятов» древним социальным структурам, процессам и событиям — наоборот, утверждал их наличие.

Но и эта идея попала под огонь критики. Хотя «корреляция между типами артефактов и различными культурными обобщениями является конечной целью археологической реконструкции» и, следовательно, в принципе мыслится возможной, она, опираясь на аналогичные отношения в этнографии, основана на суждении по аналогии (как известно, логически не обязательном) и вся пронизана субъективностью, — заявляет Рэймонд Томпсон (Thompson 1956: 330–331).

Саму этнографическую обоснованность этой корреляции подверг сомнению Карл Хейдер. Подобные заключения археологов «могут быть подтверждены только фактами этнографии. Хотя большей частью никогда не может быть показана их универсальная достоверность, достаточно лишь нескольких контр-примеров, чтобы поставить их полезность под вопрос». И Хейдер приводит такие контр-примеры. Один из них — в высказывании Фукидида, который задолго до рождения археологии как бы предвидел рискованный ход рассуждений археологов: по сравнению с великолепными Афинами Спарта выглядит всего лишь большой деревней, но было бы ошибкой в будущем, глядя на их развалины, заключать о преобладании первых над второй в политике. Исследуя современных новогвинейских аборигенов, сам Хейдер нашел, что: «Между формальной и функциональной типологиями орудий» аборигенов, равно как и по другим аспектам культуры, есть «ряд расхождений, которые введут в заблуждение археолога» (Heider 1967: 55).

Теоретически это пояснил Ходдер: «между людьми и вещами вклиниваются идеи, верования и значения. Как общество отражается в погребениях, ясное дело, зависит от отношения к смерти» (Hodder 1991: 2).

Проводя археологическую конференцию по аналогичной проблеме, К.-А. Муберг назвал всю конференцию и свой вводный доклад к ней: «Схожие находки? – Схожие интерпретации?». Все – под вопросом. В этой работе он резюмирует: «Тематический вопрос в заглавии есть на деле вопрос о том, состоятельна ли археология вообще. В самом деле, положительный ответ, даже пусть целиком бессознательный и неявный, лежит в основе всей археологии: “Схожие находки действительно предопределяют схожие интерпретации”. Но мы хорошо знаем (или должны были бы знать), что во многих конкретных случаях, ответ должен быть отрицательным – пожалуй, даже слишком часто. В этой особой исследовательской ситуации схожие находки – плохие основания для схожих интерпретаций» (Moberg 1981: A 12–A 13). Так состоятельна ли археология вообще?

6. Принципиальная достаточность данных? Если бы данных было достаточно, реконструкция сводилась бы к взаимному расположению компонентов. Но многих компонентов попросту нет – они исчезли навсегда. В нашей практике мы видим это на каждом шагу. Уже со времени Винкельмана отличают сохранившиеся, аутентичные части от новозданных. Флиндерс Питри оставлял свободные места в своих последовательностях условных дат. На археологических картах полно белых пятен, в типологических рядах – предположительных звеньев (историки языка сказали бы: форм под звездочкой). А Чайлд признавал, что его короткая хронология столь же гипотетична, как и длинная (последняя, однако, оказалась лучше обоснованной!). Уверенность Бинфорда в том, что компоненты культуры в силу их взаимной сопряженности принципиально восстанавливаемы, делает этот принцип по крайней мере зависимым от принципа системности культуры, т. е. не самостоятельным, не исходным. К тому же сопряженность компонентов в культуре не жесткая, а многие из них утеряны, так что восстанавливаемость остается условной возможностью, реализация которой далеко не гарантирована.

7. Оправдание принципов. Весь набор принципов, как видим, подвергается суровой критике. И все же реконструкции производятся, археологи, пусть с колебаниями и сомнениями, все же в ос-

новном им доверяют и на них полагаются. Принципы, о которых я веду речь, в имплицитной форме сидят у нас в головах.

Тут некоторая нестыковка между нашей теорией, в которую мы временами ныряем, и нашей повседневной практикой. В теории мы опровергаем эти принципы и время от времени над ними издеваемся (как можно ныне наивно верить в такие прописи!), но на практике мы следуем им сами и поступаем так, как если бы оправдывали их применение другими. То есть доверяем вытекающим из них результатам. Есть ли для этого основания?

Мне представляется, основания есть. Какие?

Во - п е р в ы х, та однозначная определенность, которая приведенными жесткими формулировками принципов подразумевается в законах, корреляциях и выводах, как оказывается, не единственно возможная. Все больше места в наших построениях занимают стохастические законы, неполные зависимости, вероятностные выводы, диффузные множества. Вывод, принятый относительно совокупности, не обязательно распространяется на каждый отдельный ее член. Закон, неверный применительно к отдельному элементу, может оказаться верным применительно ко всему сообществу. Это побуждает более осмотрительно решать вопрос, можно ли полагаться на перечисленные фундаментальные принципы – важно определить, к какого рода явлениям мы собираемся эти принципы применить.

Во - в т о р ы х, принципы это не что иное, как главнейшие, руководящие законы. Но универсальные ли? Более века назад Э. Тайлор писал: «Тенденция новейшего исследования все более и более сводится к заключению, что если закон существует где-нибудь, то он должен существовать везде» (*цит. по:* Köbben 1967: 3). Но с тех пор тяга к формулированию универсальных законов поубавилась и родилось убеждение, что чем закон ближе к универсальности, тем более он тривиален или несостоятелен (Trigger 1973: 102). Общеизвестна горькая ирония одного из лидеров «новой археологии», признавшего, что многие его соратники после уймы труда вывели весьма тривиальные и мелкие «законы Микки Мауса» (Flannery 1973: 51). Многие исследователи видели спасение концепции закона в его ограничении (некоторые геологи применяли это к принципу актуализма). В своем споре с Кёббеном я указывал, что закон не будет банальным и избежит от трудностей с исключениями, если будут указаны границы его применимости (Klejn 1972).

В-третьих, за границей применимости принципа не просто прекращается его действие. Там можно обнаружить действие противоположного принципа. Это в общем понятно: ведь принципы формулируют некие простейшие истины, которые не имеют градаций, а выражают полярные отношения: да – нет. Значит, если некий принцип неверен, то верен противоположный.

8. Противоположные принципы. Но как только мы попытаемся сформулировать эти противоположные идеи как самостоятельные принципы, из них тотчас вырастут свои короллории и теоремы и все это, превратившись в сложные системы суждений, в развитые теории, лишится всякого намека на простоту и банальность. Более того, скорее всего мы обнаружим, что эти принципы нам уже известны и, давно существуя, вполне respectable.

1 (7). Индетерминизм. Так, детерминизму противоположен индетерминизм, и принцип такой выдвигался как в истории, так и в археологии. Некоторые критики детерминизма доходили до такой противоположности. Вере Хокса в то, что цели первобытных создателей культурного материала можно понять, и надежде на разумность этнографических аналогий противостоит убеждение Хейдера: «К несчастью для археологического процесса, культуры обычно совершенно неразумны» (Heider 1967: 52). В заключительном обращении к Шеффилдскому семинару этнограф Эдмунд Лич предупредил археологов: «Подходящая аналогия человеческому поведению – не закон природы (физического типа), а игра в шахматы. Разметка доски и правила игры даны заранее, но ход игры непредсказуем... Пожалуйста, признайте ограничения для археолога... Нет законоподобных обобщений, позволяющих предсказывать будущий ход истории или реконструировать ход истории в прошлом» (Leach 1972: 764). Авторитетные археологи, особенно в Британии (Даниел, Пиготт) были склонны к такому мышлению. Еще более в Германии. Как выразился Ульрих Фишер, «законов культуры не существует» (Fischer 1987: 184).

2 (8). Индивидуализация. Принципу универсализма противостоит убеждение в уникальности каждого явления культуры – принцип индивидуализации. В имплицитном виде он заключался уже в той страсти, с которой диффузионисты противопоставляли свой *партикуляризм* (другое название для того же принципа) генерализациям эволюционистов (Buettner-Janusch 1957). Ныне этот принцип раскрыт и четко сформулирован: «каждый археологический предмет и (каждая археологическая) ситуация уникальны» (Chang 1967a: 230).

3 (9). *Историзм*. Ну а принципу униформизма, для которого все эпохи равны, в известной мере противостоит, конечно, принцип историзма, требующий рассматривать все явления в развитии и состоящий именно в существенном различении эпох. Этот принцип зародился еще до эволюционизма, в учениях катастрофистов и прогрессистов. Он очень пропагандировался в марксизме (у Джейсона Смита это четвертое исходное положение материалистической философии), ибо использовался для обоснования закономерности перемен, ведущих к коммунизму. Он не чужд и «новой археологии», ориентированной на изучение культурного процесса, социодинамики, изменений в культуре.

Однако само по себе признание развития еще не требует различения законов, действовавших в разные эпохи. Но и такое сужение принципа историзма, т. е. требование усматривать резкие качественные различия между эпохами, действовало в марксизме и в некоторых других учениях (из часто упоминаемых археологами – в учении Фуко, например).

4 (10). *Неупорядоченность*. Что противостоит принципу системности, сообразить нетрудно. Это принцип неупорядоченности. Труднее найти ему соответствие в исследовательской реальности. Речь, по-видимому, должна идти не о том, что существовало до введения принципа системности, а о реакции его противников. Она редко бывает четко выраженной, но имплицитно содержится в исходных представлениях тех археологов, которые не верят в благозвучность системного подхода и в безграничность познавательных возможностей. Они либо не считают культуру достаточно упорядоченной системой, чтобы это стоило класть в основу дальнейших выводов, либо, признавая живую культуру такой системой, отказывают в этом археологическому материалу: он слишком раздроблен и обрывочен. Систему в такой материал можно ввести только извне – это будет субъективное произведение археолога. Такова позиция Дж. О. Бру и Дж. Форда.

5 (11). *Полисемизм*. Принципу опредмечивания идей в вещах, принципу корреляции материальных компонентов культуры с нематериальными и с событиями истории противостоит принцип полисемизма археологических фактов. Я отстаивал этот принцип в Шеффилдском семинаре 1971 г. (Klejn 1973; см. также 1972; Клейн 1978: 48). В своей «Теоретической археологии» 1979 г. Гарден (1983: 154), приравнивая интерпретацию к «логическому парафразу, устанавливающему сходство между памятниками, рассеянными в пространстве и

времени», советовал не забывать, «что этот парафраз почти всегда один из многих, и чем меньше мы учитываем этот простой факт, тем более правдоподобными будут казаться такие парафразы». Ныне Шэнкс и Тилли отмечают, что материальная культура «несводимо полисемична» (Shanks and Tilley 1987: 115). Из того же исходят Статт и Шеннан (Stutt and Shennan 1990: 767).

Исследователи отмечают характерную для культуры *разнопричинность* однотипных явлений – у внешне совершенно одинаковых явлений оказываются разные причины (Köbben 1967: 13). Для археологической интерпретации очень важна та сторона этого обстоятельства, что разные события и процессы могут приводить к одному и тому же результату. Такую *эквивифинальность* отмечали исследователи, занимавшиеся опытами по симуляции в археологии (Hodder 1978; Sabloff 1981) и анализировавшие эту ситуацию (Moberg 1981; Watson 1986: 450; Trigger 1989: 301).

б (12). Принципиальная неполнота археологических данных. Археологические объекты менее информативны, чем части живой культуры – по определению (ведь это остатки и следы). Между уцелевшими памятниками и давней живой культурой – разрушительное действие стихий, умноженное на время.

В археологии все больше укрепляется понимание принципиальной неполноты археологических данных. Признание принципиальной неполноты археологических источников чрезвычайно важно: оно ведет к необходимости интерпретации и привлечения внеархеологической информации, к междисциплинарному синтезу в изучении исторического и преисторического прошлого.

Мортимер Уилер сказал об этом очень наглядно, отметив, что «археолог найдет бочку и упустит Диогена. Он напишет глубокие исследования о типологии бочек, он классифицирует бочки по категориям А, Б и В, он откроет народ бочек и нанесет его путешествия на географические и геофизические карты. <...> Единственное, что он проглядит и не сможет не проглядеть, это одна существенная вещь относительно этой бочки – а именно, что она служила убежищем для выдающегося киника и символизировала его философию на все времена» (Wheeler 1952: 180–181).

Хокс, сделавший одним из двух своих принципов принцип познаваемости назначения вещей, еще за три года до того предусмотрел существенные оговорки, построив свою знаменитую «*лестницу непознаваемости*», лестницу возрастающей недоступности разных сфер

бытия археологическому познанию – соответственно возрастающей неполноте источников (Hawkes 1954). Он один из тех, кто сформулировал данный принцип для археологии.

Итак, это другая группа исходных принципов археологии, вполне противоположная той, что была рассмотрена при анализе взглядов Хокса. Мы вынуждены признать, что эти другие принципы тоже реалистичны и разумны, отнюдь не беспочвенны, во всяком случае полезны. Они тоже образуют цельную систему, в которой есть свои производные – королларии, теоремы и т. п. И все они занимают видное место в археологии. Так, на принципы индетерминизма и индивидуализации опирается и из них вытекает требование сосредоточить изучение на контексте (еще одна опора этого принципа *контекстности* – интерес к функциям вещей). Контекстный принцип был внедрен в археологию последователями У. Гэйлора – Чжаном Гуанчжи, Дицем, в ином варианте – Триггером.

9. Антиномии в основании и диалектика принципов.

Что же получается? Фундаментальные принципы археологии расположились в логическом пространстве парами – как враждующие боги перед Битвой Богов в «Илиаде», – и в каждой паре принципы находят-ся в оппозиции друг к другу (рис. 13).

Детерминизм	Индетерминизм
Универсализм	Партикуляризм
Корреляция материального с нематериальным	Полисемизм
Униформизм	Историзм
Системная упорядоченность	Нерегулярность
Достаточность или компенсация лакун	Неполнота

Рис. 13. Диалектика фундаментальных принципов археологии.

Вспоминается максима Нильса Бора. «К одному роду истины, – утверждал он в дискуссии с Эйнштейном, – относятся такие простые и ясные утверждения, что противоположные им, очевидно, неверны. Другой род, так называемые “глубокие истины”, представляют, наоборот, такие утверждения, что противоположные им тоже содержат глубокую истину» (Bohr 1951: 240). Эта идея была очень дорога Бору. Посетив Москву в 1961 г., Бор повторил мысль о наиболее фундаментальных истинах, которые настолько глубоки, что противоположные им тоже верны. Открыв подобные истины, добавил он, наука переживает свой лучший период (Файнберг 1988: 30). На нечто подобное в преистории указывал Мальмер: «Какому-то ученому слабый намек на политические условия в преистории может показаться более важным, чем уйма информации о повседневной жизни, но, будем объективными, ведь и противоположный взгляд равным образом состоятелен» (Malmer 1963: 249).

Збигнев Кобылиньски (1981: 30–31, 46–47) отмечает противоположность высказанных в одном и том же, 1978, году взглядов Шиффера и Р. Гулда на униформизм: в то время как первый призывает к формулированию универсальных законов, одних и тех же для преисторических и индустриальных обществ, второй отрицает существование таких законов, когда речь идет об уникальных сочетаниях факторов, и призывает к исследованиям, ориентированным на отдельное поселение, – «и оба, видимо, правы».

В интересной статье «Аксиомы в археологии» А. Б. Юхансен пишет, что, выявив основные аксиомы и построив на их основе систему знания, хорошо бы затем развить «контрастирующую альтернативу»: «разве не могли первобытные люди быть в одно и то же время планирующими свою деятельность и не строящими расчетов? В одно и то же время ненавидящими и любящими? Реагирующими как конструктивно, так и деструктивно на внешние толчки?» (Johansen 1984: 36).

Это явно противоречит формальной логике. Мое изложение проблемы, вероятно, напоминает читателю еврейский анекдот о раввине как мировом судье. Приходит к раввину еврей с жалобой на соседа, который отнял у него сына, объявив мальчика своим. А сын рожден в браке. Раввин выслушал аргументы и сказал: «Иди с миром, ты прав, это твой сын, и он должен быть возвращен». Тут прибежал встревоженный сосед и обосновал свои претензии. Хотя мальчик и рожден, когда женщина была женой соседа, но зачат ребенок был, когда она была еще в первом браке, а на мальчика достаточно взглянуть, чтобы

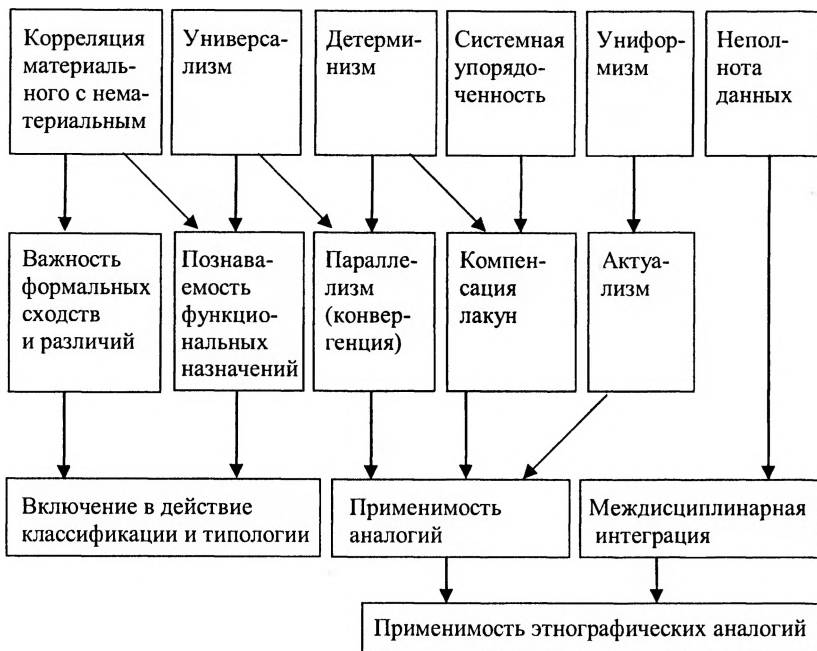
увидеть, на кого он похож. Раввин выслушал и сказал: «Да, ты прав, можешь и дальше воспитывать ребенка». Присутствовавший при сем ученик раввина не выдержал и сказал: «Ребе, как же это так – оба объявлены правыми? Ведь аргументы одного исключают правоту другого. У ребенка может быть только один отец». – «И ты тоже прав, мой сын», – был ответ.

Но если применительно к физике эта диалектика принципов остается где-то в философских осмыслениях науки, а внутри каждой физической дисциплины физикам удается построить непротиворечивые основания, то в археологии картина иная. Универсальные законы здесь несущественны, а существенные законы не универсальны, данные всегда ужасающе неполны, а смысл зашифрован. Поэтому противоречий в основаниях избежать не удастся. Битва Богов происходит в самой отрасли.

Когда боги сражаются, поражения и победы иллюзорны – после сражения убитых нет, а раны исцеляются, и всё как ни в чем не бывало. Гибнут только замешанные в конфликт люди. Что же остается делать бедному археологу, увы, далеко не богу, при виде сражающихся богов? Напрощается решение, которое, если бы оно предлагалось для боя, можно было бы расценить как циничное. Очевидно, самое глупое было бы принять одну из сторон и отстаивать ее до конца. Тогда гибель неизбежна. Приходится учитывать и исследовать полностью возможности каждой из сторон оппозиции, а затем применяться к ситуации – оценивать, которая из сторон в данной ситуации сильнее. И полагаться на свою интуицию, на чувство меры.

Более того, нет даже возможности сохранить каждую систему в целостном виде. При выведении следствий принципы из двух противоположных систем могут причудливо сочетаться. Так, заключение о необходимости этнографических аналогий в археологии опирается на выводы из принципов, содержащихся в двух противоположных системах (рис. 14).

В этом и заключается, по-видимому, кардинальное методологическое отличие археологии как прикладной науки, да еще изучающей культуру, от физики как науки фундаментальной и притом изучающей природу. Это неустрашимое отличие, видимо, и чувствовал Дэвид Кларк, когда задачей археологии объявлял не превращение в науку, а лишь становление *аналитической*, т. е. строго и эксплицитно действующей, объективной дисциплины.

Рис. 14. Фундаментальные принципы из двух противоположных систем и обоснование этнографических аналогий.

Однако не подрывает ли полученный здесь результат и возможность аналитической археологии?

10. Аналитическая машина? Для Кларка, как и для всех, вдохновлявшихся аналитической философией, идеалом, несомненно, была «аналитическая машина» – логическая структура исследования, эксплицитно и однозначно, всегда и везде одинаково перерабатывающая информацию. Этот идеал реализовался в современном компьютере. На возможности компьютера ориентируются исследователи, задавшиеся увлекательной целью построить искусственный интеллект археолога – программу, способную решать задачи интерпретации. Первое побуждение аналитиков – конечно, ориентировка на прямолинейную формальную логику, исходящую из непротиворечивой системы принципов (Watson et al. 1971; Salmon 1982). Открывшаяся картина почти шизофренического раздвоения в самом логическом фунда-

менте дисциплины способна испугать всякого, кто жаждет строгости и однозначности, непротиворечивых оснований для выводов.

Есть предложения обойти эту трудность.

Можно построить программу интерпретации как экспертную систему (Ennals and Brough 1982; Gardin et al. 1987; Gallay 1989) – подобно существующим в медицине или геологии. Однако такая система будет мало отличаться от простого обобщения существующих оценок – она лишь облегчит их розыск. Можно построить «искусственный интеллект» на основе гипертекста (Stutt 1988, 1990; Stutt and Shennan 1992) – как симуляцию обычного столкновения субъективных оценок, спора гипотез, но с эксплицитным обеспечением аргументацией. Однако ученого не оставляет чувство неудовлетворенности, пока логика не прослежена до самых оснований.

Если же попытаться моделировать именно мышление археолога-исследователя, то задача, как можно видеть, оказывается более сложной. И все же вывод не столь пессимистический, как может показаться.

В одном из первых сборников о применении компьютеров в археологии М. Доран сформулировал отличия «машинного мышления» от привычного мышления археолога-исследователя. Он хотел показать, как нужно перестроить и дисциплинировать мышление археолога, чтобы оно могло легче переводиться в формулировки, доступные пониманию машины. Машина ведь оперирует только математическими выражениями, стало быть, нуждается в точных определениях, однозначных недвусмысленных приказах, в сугубой формализации (Doran 1970). Замечательный российский математик и лингвист В. В. Налимов написал странную книгу, не без мистики. Она называется «В поисках иных смыслов» (1993). В отличие от однолинейного и строго сегментированного мышления машины, удовлетворяющего правилам формальной логики, человеческое мышление, констатирует Налимов, диффузно, текуче, не лишено внутренних противоречий, но зато очень мобильно и гибко, часто неповторимо и непредсказуемо.

Думаю, это качественное отличие обусловлено тем, что в человеческом мозгу многочисленные устройства, перерабатывающие информацию, действуют параллельно. На микроуровне это выражается в множественности причудливо разветвленных и пересекающихся нейронов со случайным путем прохождения каждого отдельного сигнала. А на макроуровне это выражается в том, что мозг расщеплен на два полушария, в известной мере независимых друг от друга и способных мыслить по-разному, генерируя подчас полярные целевые

установки. Согласование и объединение происходит в специальном органе – в продолговатом мозгу. В этом плане та двоичность исходных принципов, которая выявлена в основаниях археологии, делает эту часть археологической интерпретации, отвлеченной от исполнителя, ближе к мышлению человека, частично интуитивному, но очень идейно богатому и гибкому, чем к строгой, но ригидной формальной логике компьютера.

Возможно, что система из двух параллельных компьютеров (а может быть и с третьим – согласующим) окажется способной имитировать интерпретационную мысль археолога с наибольшим приближением к действительности. Говоря о «параллельных компьютерах», я несколько огрубляю суть дела (специалисты по вычислительной технике предпочтут более точные и громоздкие формулировки, скажут о возможности использовать виртуальные системы и т. п.), но для целей данной книги этого достаточно.

Идея параллельных компьютеров сейчас активно дебатруется в науке об искусственном интеллекте, но при этом преследуются цели ускорения действия (Хинтон 1987; Фелдман 1987; Диринг 1987). Повидимому, на этом пути должна решаться и задача структурного приближения моделирующей системы к мышлению человека – таковы идеи Хьюита об «открытых системах», основанных на «гипотезе противоречивости аксиом» (Хьюит 1987). Превышение некоторых качеств моделирующей системы над мозгом исследователя может быть достигнуто посредством усиления относительной мощности и роли третьего, объединяющего компьютера. Ведь у человека выбор взаимоисключающих установок происходит в значительной мере под воздействием иррациональных стимулов, индивидуально и не эксплицируемо.

Таким образом, аксиоматизация археологии возможна, но в результате ее образуется сеть, очень сложная и пронизанная внутренними противоречиями.

Если кому-то итог показался удручающим, пусть не принимает это слишком близко к сердцу. Да послужит ему утешением афоризм Гегеля: «Изучая науку, не следует допускать, чтобы ее принципы отвращали от нее. Они носят общий характер и не так-то много значат. Лишь тот, кажется, может понять их смысл, кто ухватил особенное. И к тому же часто они плохи. <...> Нужно изучать дальше» (Гегель 1970: 539).

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Можно рекомендовать упомянутые статьи Хокса, Даннелла и Юхансена, как и мою книжку (на русском языке) «Принципы археологии» (2001), где тема этой главы развита более пространно (рассмотрены не только принципы интерпретации, но и принципы раскопок).

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. *Можно ли считать принципы интерпретации принципами всей археологии или нужно включить в эту систему и другие принципы, найти более общие?*

2. *Действительно ли принципов интерпретации шесть (плюс шесть противоположных) или есть еще какие-то, здесь упущенные?*

3. *Существенным недостатком представленной здесь системы является ее произвольность. Принципы не выведены из непосредственного обобщения материала (да и можно ли это сделать?) и не дедуцированы из некоей системы – фрагмента научной картины мира, а вытасканы из обзора литературы. Нельзя ли исправить этот недостаток?*

4. *Не сможете ли Вы представить на конкретном примере необходимость выбора между противоположными принципами истолкования и выяснить, чем определяется этот выбор – что определяет баланс?*

5. *Из некоторых принципов выведены важные характеристики археологии: из принципа детерминизма и короллара параллельности – феномен конвергенции и возможность прибегать к этнографической аналогии, из принципа униформизма и короллара актуализма – превращение археологических памятников в исторический источник, из принципа корреляции материального с нематериальным – возможность заключать от сходства артефактов к сходству идей. Нельзя ли вывести также из других принципов некие общие характеристики археологии?*

6. *Муберг заявлял, что вопрос о корреляции схожих находок со схожими интерпретациями – это вопрос о состоятельности археологии вообще. Доказано, что схожие находки далеко не всегда ведут к схожим интерпретациям. Муберг умер, и сделать выводы не может. Так состоятельна ли археология?*

7. Принцип индетерминизма утверждает, что культуры совершенно неразумны (Хейдер), что законов культуры нет (Фишер), что нет законоподобных утверждений, на основе которых можно реконструировать прошлое (Лич). Какие аргументы можно отыскать в пользу принятия этого принципа?

8. Можете ли Вы подыскать яркие и содержательные примеры высказываний археологов в пользу принципов историзма и неупорядоченности?

9. Возможна ли аксиоматизация археологии или это утопия? Почему?

10. Возможно ли создание искусственного интеллекта археолога и каковы могли бы быть его функции?

11. Здесь установлена противоречивость системы принципов интерпретации. Какое следствие должна она иметь для аксиоматизации археологии и создания искусственного интеллекта археолога?

12. Как Вы думаете, такая диалектичность принципов характерна только для археологии или это черта многих гуманитарных наук, а то и наук вообще? Мотивируйте, пожалуйста, свой ответ.

Часть IV

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Глава 8

ЭМПИРИЗМ В АРХЕОЛОГИИ

1. Чтение прошлого – первоначальный вариант. Ян Ходдер известен как теоретик, выступивший против теоретического запала «новой археологии», против детерминизма, законов и веры в объективность. В своей книге «Чтение прошлого» («Reading the past») он противопоставляет свое простое «чтение» (*reading*) материальной культуры (с возможностью множества интерпретаций из понимания контекста) бинфордовскому *объяснению* («*reading off*») человеческих конфигураций из конфигураций материальной культуры с помощью детерминистских корреляций (Hodder 1991: 4). Он счел уместным объяснить, что его «реакционные взгляды» не возвращают нас к простому эмпирическому описанию и индуктивному обобщению. Он настаивает на том, что «археологию можно отличить от антикварианизма по ее занятиям с контекстом материальных объектов». Ему представляется, что «археологи могут включить индуктивные методы в построения на основе контекстных ассоциаций...» (Hodder 1991: 190–191).

Но если теория дискредитируется как зависящая от предвзятых идей, а в то же время пропагандируется уникальность событий и культурных ситуаций, то как контексты могут предохранить археологию от сведения к индуктивным генерализациям и догадкам о фактах, пусть и в контекстах? Читать прошлое, читать памятники без универсального ключа к их символическим значениям – не новинка. Это пытались делать еще наши эмпиристские прадеды. Не ново и прибегание к контекстам – этот путь маркировали еще Уолтер Тэйлор, Чжан Гуанчжи, «археология поселений». Кардинально ли отличается «новый контекстуализм» (Hodder 1991: XIV) от старого? «Первоначально для меня стало шоком, что постпроцессуальная археология оказала мало воздействия на сбор данных» (Hodder 1992: 171). Люди собирают факты, как прежде...

Примечательно, в какой ситуации оставлены те археологи-практики, которые лишены их недавней веры в законы, аналогии и объективность. Почти три десятилетия назад я показал, каково было воздействие идей британских гипер-скептиков, с их верой в уникальность и их отверганием теорий, на практику археологии. Сами они были блестящими теоретиками (Даниел, Хокс, Пигготт), но я тогда указал: кто сеет гиперскептицизм, пожнет эмпиризм (Клейн 1972). И ученики Пиготта оказались этого толка. Ходдер в том же русле. Что делать археологам-практикам, желающим следовать его принципам? После обильной критики, обрушившейся на постпроцессуалистские работы, молодые археологи уже остались без всякой теории и чувствуют себя в этом состоянии хорошо. «Археология не нуждается в новой Великой Теории» (Campbell 1994: 141). Они уже готовы спокойно собирать факты. На деле два десятилетия постпроцессуализма усилили эмпиризм, который никогда не умирал в археологии.

Со времени Ф. Бэкона в науку хозяином вошел *опыт*: отпали априорные, чисто философские схемы, факты стали единственно правомерным источником позитивного знания, а *индуктивный метод* – главным принципом науки. По крайней мере до конца XIX в. *эмпиризм* был самым уважаемым путем исследований. Но и позднее его авторитет нередко взмывал вверх – то в одной стране или отрасли науки, то в другой, особенно там, где господствующая теория попадала в глубокий кризис.

В археологии этот способ мышления имел, пожалуй, особенно стойких сторонников, скорее всего из-за того, что археологический материал – такой наглядный и массовый. Софус Мюллер работал именно таким способом и считал его универсальным. «Для археологии истинный метод – ... надежная индукция» (Müller 1898: 298–299). Издавна классическая археология образует для эмпиризма более надежное убежище, чем первобытная, а обе отрасли удерживают этот способ мышления гораздо прочнее в Германии и России, чем среди английских или французских археологов. И все же выдающийся британский археолог даже написал книгу «Индуктивная методология» (Petrie 1877).

В дореволюционной России даже наиболее глубоко мыслящий археолог В. А. Городцов был убежден: *факты сами за себя говорят*. «В результате методических разрезов или раскопок почвы, – заявлял он, – должно явиться столь же точное и связанное чтение памятников, как чтение обыкновенной книги. При этом не требуется никаких

субъективных вмешательств исследователя, так как каждое явление, каждая вещь должны говорить сами за себя, как буквы и слова, написанные на листах бумаги, говорят читателю все, что им велено сказать» (Городцов 1908: 11). (Курсив мой. – Л. К.)

Вскоре после Гражданской войны историк С. А. Жебелев, один из тогдашних руководителей советской археологии, написал для археологов учебник. В этом учебнике он свел «археологическую методологию» (эти слова он иронии ради взял в кавычки) к описанию, сравнению и обобщению памятников, для чего, по его мнению, нужно только обладать *старательностью, эрудицией и опытом*. Опытному археологу достаточно лишь осматривать памятники, чтобы он мог их «читать» (т. е. понимать). «Умение “читать” памятники с тем, чтобы истолковать их, составляет предмет археологической герменевтики. Последняя должна основываться на правилах, которые выводятся эмпирически, а не метафизическим путем» (Жебелев 1923: 132–133). Даже словарь тот же, что и у постпроцессуалистов.

Конечно, в своем «Чтении прошлого» Ходдер имел в виду не просто, что культурные элементы могут быть приравнены к буквам с постоянными значениями, а, скорее, что каждый может вычитать столько, сколько поймет и что каждая генерация вычитывает свой смысл. Но зависимость от индивидуального понимания подразумевалась Жебелевым тоже – он об этом говорил. И что «вещественные памятники могут иметь иногда не одно, а несколько значений» (Жебелев 1923: 11).

Эрнст Бушор, авторитетный археолог-античник, чье Введение открывает образцовое руководство по классической археологии (издания 1939 и 1969 гг.), не мог сказать об археологическом методе ничего «общеприемлемо надежного». Для него нет общего метода. «Есть столько археологических методов, сколько исследуемых памятников и групп памятников, и столько методов, сколько исследующих личностей». Хорошее соответствие ходдеровским несводимым значениям, уникальным для каждого контекста, не правда ли? «Тем не менее, – продолжает Бушор, – один исходный пункт безошибочен: глядение на объект. Археологический метод, пусть даже его выполнение интенсивно производится в аппарате мышления, всегда исходит из опыта глаза, из видения» (Buschor 1969: 5–6).

Таким образом, простое чтение памятников с интерпретаций их путем свободного сравнения с подобными, затем путем интуитивного понимания контекста было одной из черт эмпиризма. Тот факт, что это

теперь прячется под прикрытием теоретических рассуждений, показывает лишь, что истинное время эмпиризма прошло. Тем не менее он выскакивает то тут, то там более или менее открыто, иногда не как целое, а разрозненными чертами.

Сэр Мортимер Уилер смотрел открытыми глазами и вполне откровенно на гуманитарные и эмпиристические качества нашей профессии. Он завершил свой учебник раскопок «Археология из земли» ясными словами: «Как археологи, значит, мы в то же самое время и собиратели и интерпретаторы. <...> Давайте согласимся, что два слова ‘археолог’ и ‘антикварий’ в будущем окажутся точными синонимами...» (Wheeler 1954/1956: 230). Очень близко к «реакционным взглядам» Ходдера (Hodder 1982).

2. Преодоление эмпиризма. В археологии первыми, кто поднял голову против общей веры в превосходство индуктивистской методологии, были молодые советские археологи, и это было благодаря их марксистским притязаниям. Марксизм диктует исходить из теории, а именно – из марксистской теории исторического материализма. Так что археологи должны исходить из марксистских теоретических догм, а не из фактов, сколь бы эти догмы ни противоречили фактам (вспомним тезис о матриархате). Несмотря на все трудности, факты должны быть подчинены этой теории.

Когда Владислав Иосифович Равдоникас, стоявший в начале основания советской археологии марксизмом, обрушился с резкой критикой на корифеев традиционной археологии, он начал именно с обвинения в эмпиризме: «Еще не так давно считалось, что стоит произвести археологические раскопки и напечатать о них отчет, т. е. попросту, значит, стоит установить факт, как уже научная археологическая работа выполнена и автор ее может почить на лаврах, особенно, если в отчете фигурирует и хронология, и описание ‘быта’, и пресловутая этническая принадлежность...» Равдоникас осуждает «эмпирическое рабство мышления» и, указуя на скрижали марксизма, заключает: «Сейчас мы не имеем права быть эмпириками, но, к сожалению, эмпиризм многих из нас крепко держит в своем плену» (Равдоникас 1930: 51–52).

Как бы это ни было парадоксально, борьба советских догматиков за подъем теории соответствовала общему пути развития науки.

Десятью годами позже Клайд Клакхон столь же четко выступил против эмпирической установки американской антропологии (а к ней он относил и археологов). «По моим наблюдениям, – заметил он, –

для большинства антропологов ‘теоретизирование’ все еще остается тем, что вы делаете, если вы слишком ленивы, или слишком нетерпеливы или слишком кабинетный ученый, чтобы выйти и взяться за факты» (Kluckhohn 1940: 46). Это касается особенно той части американских антропологов, которая копает и ориентирована на историю, т. е. археологов-американистов. «Если они и применяют сами слово ‘теория’, то склонны употреблять его как бранный синоним ‘спекуляции’» (Ibid.: 44).

Клакхон называет археологов лишь «слегка реформированными антиквариями» (Ibid.: 42) и заключает: они остаются «на интеллектуальном уровне коллекционеров марок» (Ibid.: 45). Имея в виду *веру в самоочевидность фактов*, критик констатирует «методологическую и теоретическую наивность» своих археологических коллег (Ibid.: 51). Он повторяет слова социолога Парсонса: «Факты не говорят сами за себя; их надобно подвергать перекрестному допросу» (Ibid.: 42).

Почти через десятилетие после Клакхона, в конце 1940-х, на американских археологов набросился его ученик Уолтер Тэйлор (1948) с более развернутой, саркастической и персонализированной критикой за их эмпиризм. Тэйлор заметил, что для американских археологов *теория – не что иное, как гипотеза*. Для примера он привел мимолетное, но очень красноречивое замечание Дж. Томпсона, который свою монографию в серии «Теоретические подходы к проблемам» представил так: «Сам факт, что работа выходит в этой серии, есть достаточное доказательство того, что случай рассматривается как не вполне доказанный» (Thompson 1944: 23; Taylor 1948: 59).

Тэйлор поставил своим собратям по профессии в упрек, что они считают теоретизирование чем-то недостойным подлинной науки, далее – что они упорствуют в «несостоятельной позиции ‘придерживаться фактов’, которая означает избегание вывода, гипотезы и проверки» (Taylor 1948: 113). Он отверг их установку ‘ждать-пока-не-будут-собраны-все-факты’ (Ibid.: 61) и заключил свой критический анализ словами: «Американская археология нездорова. Ее пищеварение нарушено. Вместо того, чтобы усваивать питательный материал, она его выбрасывает» (Ibid.: 92).

Еще полтора – два десятилетия спустя Люис Бинфорд продолжил эту критику. Он восстал против методологии, которая сводит действия археолога к элементарным – «к обобщениям фактов, которые он открывает» (Binford 1962: 21). Ведь «эмпирическое обобщение данных, сколь бы оно ни было точным, не может быть одновременно

объяснением этих данных» (Ibid.: 15). Его ученик Джеймс Хилл еще через десять лет (Hill 1972) подробно разобрал различия между *индуктивным* путем и противоположной, *дедуктивной* процедурой, подчеркнув ее преимущества и сделав из этого последовательные выводы.

Так «новая археология» начала свой триумфальный поход по западному миру; повсюду она осуждала эмпиризм и возвеличивала теорию.

Также и в других кругах западной археологии как будто стало укореняться понимание ущербности эмпиризма. Еще во время II мировой войны французский историк Марк Блок писал: «Тексты или археологические находки, внешне даже самые ясные и податливые, говорят лишь тогда, когда умеешь их спрашивать. Кремневые орудия в наносах Соммы изобиловали как до Буше де Перта, так и потом. Но не было человека, умеющего спрашивать, – и не было доисторических времен» (Блок 1973: 38). В Германии Рафаэль фон Услар опубликовал статью (Uslar 1955) под дразнящим названием «О пользе спекулятивного рассмотрения доисторических комплексов».

На VII Международном конгрессе пре- и протоисторических наук в Праге в 1966 г. Геза Роан-Чермак из Парижа выступил с докладом, позже опубликованным (Rohan-Czermak 1971), против эмпиризма. *Аксиома эмпирического подхода* гласит: *Primo observare, deinde intelligere, postremo philosophare* (сначала наблюдать, потом понимать, подконец философствовать). Но поскольку никакое наблюдение невозможно без предварительного установления правил и понятий для выбора, восприятия и описания, этот автор добавляет к приведенной аксиоме спереди такое дополнение: *Primo praejudicare* (сначала *предопределять*). Согласно обозначению Дюркгейма, автор называет эту установку, которой он придерживается, *априоризмом*. Можно сомневаться, удачен ли его выбор терминов (предопределение, предрассудки, предвзятые идеи – это, пожалуй, совсем не то, в чем археология так уж нуждается), но сама идея разумна. Своим априоризмом Роан-Чермак частично присоединился к походу «новой археологии» (она, кстати, тоже любит формулировки с таким нарочитым заострением).

Борьба «новой археологии» против эмпиризма ослаблена тем обстоятельством, что *эмпиризм, собственно, сохраняется и в неопозитивистской методологии* – в методологии самой же «новой археологии». Это же А. Палубицка установила относительно Роан-Чермака

(Palubicka 1973). Тем не менее более двух десятилетий прошло под знаком «новой археологии», которая сильно, громко и влиятельно выступила против эмпиризма.

Затем постпроцессуалистская археология сломила господство «новой археологии» и, как было показано, создала почву для возрождения эмпиристского подхода, но сделала это под флагом теории.

3. Отход от теории в советской археологии. Как ни парадоксально, в это самое время в Советском Союзе произошел явный откат к эмпиризму. Эмпирика не только захлестнула практику исследований, но и была возведена в принцип. В исследовательской методологии советских археологов неожиданно вновь утвердился *примат эмпирического метода* как ведущего методического принципа, обуславливающего набор конкретных археологических методов (из старого арсенала). И что еще более парадоксально, этот откат в археологии произошел на фоне продолжающегося презрения к эмпиризму со стороны марксистской философии (а это означало *официальное* презрение!). Ситуация имела свои причины и вела к специфическим формам проявления эмпиризма в советской археологии.

В истории советской археологической методологии период, когда изобретался «метод восхождения» и господствовала «теория стадильности», было принято рисовать черными красками – как период застоя и пустых схоластических упражнений. «Метод восхождения» был призван по одним лишь орудиям труда полностью реконструировать и социально-экономические системы прошлого и всю прошлую жизнь, даже идеологию (восходить от базиса к надстройкам), не прибегая к помощи этнографии. Вскоре, почти с момента возникновения, эта идея была осуждена как вульгаризация марксизма. «Теория стадильности» предлагала новое объяснение для разрывов в развитии: это были просто революционные скачки, подготовленные внутренним накоплением напряжений. Затем и эта теория стала изображаться исключительно как вульгаризация марксизма и тормоз для исследований, хотя и признавалось, что именно в это время была заложена марксистская археология.

Позже советская археология отошла от таких упрощенных и внутренне противоречивых оценок. Исторически сложилось так, что марксизм внедрялся в археологию не рядом с «методом восхождения» и «теорией стадильности», а через них. В обеих концепциях содержались марксистские положения, хотя и в сильно упрощенном и абсолютизированном виде. Другой вопрос, в какой мере это было дей-

ствительно вульгаризацией марксизма, а в какой – лишь отражало вульгаризаторскую суть марксизма (по крайней мере, тогдашнего советского марксизма). «Метод восхождения» был предложен в Москве во второй половине 1920-х гг. учениками Городцова и выражал идеи крайнего производственного детерминизма. «Теория стадиальности» была создана под влиянием лингвистического учения – «Нового учения» Н. Я. Марра, но создана не самим Марром, а группой молодых и не очень молодых ленинградских археологов и историков в 1930–1934 гг. Они гиперболизировали идеи скачкообразности развития и универсальности законов, что и нашло выражение в этой теории.

«Метод восхождения» и теория стадиальности, несмотря на их взаимную враждебность, были родственны друг другу и тесно связаны. У них была общая методология. «Методу восхождения» были не чужды идеи скачка и универсальных законов; теории же стадиальности был присущ и производственный детерминизм. Обе концепции образовывали одну единую парадигму, суть которой как раз и состояла в прямолинейном, однозначном, схематически «чистом» возведении социологических реконструкций на исключительном применении этих взаимосвязанных идей к археологическому материалу. Поскольку «метод восхождения» был рано отброшен, теория стадиальности осталась последним главным выражением этой парадигмы.

Хотя и весьма несовершенная, это все же была новая оригинальная теоретическая концепция, предлагавшая свежие методические идеи. Она стимулировала новые направления исследования внутри страны, обусловив важные достижения (открытие палеолитических жилищ; функционально-технологический метод трасологического изучения вещей, разработанный С. А. Семеновым; объединение всех отраслей археологии на базе увязки с историей; и т. д.). Как теперь становится все более заметным, она, кроме того, оказала влияние на общее развитие мировой археологической науки – в значительной части через труды Г. Чайлда (Англия). Это влияние сказалось в творчестве видных археологов США (Р. Бредвуд, Р. Адамс, Л. Бинфорд), Швеции (М. Мальмер), Канады (Б. Триггер).

В силу ряда причин теория стадиальности не прошла нормально-го цикла развития всякой научной теории – такого, какой пройден, скажем, диффузионизмом: от наивных и упрощенных «блестящих идей» и схем типа египтоцентрических построений Эллиота Смита и др. до «модифицированного» (как его назвал Даниел) диффузионизма

Г. Чайлда, Ф. Шахермейра, В. Милойчича – с детально разработанной строгой методикой и развернутой стабильной системой понятий.

Первый удар по теории стадиальности был нанесен косвенно – в 1934 г. замечаниями Сталина и Кирова об учебниках истории, с призывом к отказу от социологизаторского схематизма школы Покровского и к изучению истории в ее конкретности. В условиях идеологических обличений и массовых репрессий делать что-либо новое по теории (не дай бог, близкое к социологии) стало очень опасно. Все застыло.

Теории стадиальности не было суждено умереть естественной смертью – исчерпав все свои возможности и ослабев в борьбе с новой, более молодой теорией, как это произошло с диффузионизмом. Догматизированная до предела и окостеневшая, избавленная от серьезной конкурентной борьбы, она сперва стала существовать в большой мере за счет искусственной поддержки, а затем была враз лишена ее – поскольку породившее ее «Новое учение» Марра было осуждено «с самого верха» (самим Сталиным) и безжалостно растоптано. Натурально, с ним вместе – и дочерняя теория.

Новой археологической теории на ее месте не оказалось, и даже вкус к теоретическим работам в археологии был надолго атрофирован. Другие задачи были выдвинуты в качестве идеала и нормы исследований и противопоставлены прежним. «Одни только вопросы взаимоотношений трипольских племен со степными, заднепровскими, – пояснял примерами эту новую норму С. В. Киселев (1955: 134), – или процесс расселения племен срубной культуры из Среднего Поволжья на запад могут служить предметом увлекательных исследований, в которых нет места стадиальному схематизму». Это действительно увлекательные и нужные исследования, однако нетрудно заметить, что в них нет места не только схематизму, но и проблеме скачка вообще, да и не только ей. Здесь конкретные исследования противопоставлены теоретическим как норма и идеал дурному уклону.

За последующие десятилетия советская археология добилась важных успехов. Количество самостоятельных раскопчных и разведочных групп измерялось десятками в 20–50-е гг., а в 1973 г. приблизилось к пятистам (Археологические экспедиции 1962; Археологические открытия 1974). Эту картину дополняют: освоение методов естественных и точных дисциплин, создание ряда первоклассных монографий регионального характера, частичная реализация «Свода археологических источников».

Однако все эти успехи лежат вне сферы теории. В сфере же теории в течение более трех десятилетий наблюдался застой. Приблизительные подсчеты по библиографическим справочникам (Советская археологическая литература 1959, 1969, 1975, 1980) показывают, что выпуск теоретических работ, преимущественно статей, в первой половине 30-х гг. превышал 15 в год (максимум достигнут в 1932, а именно 29) и составлял около 5 процентов от всей археологической литературы. Уже во второй половине 30-х гг. он упал до нескольких работ (1–5) в год, а в 50-е и начале 60-х гг. лишь изредка превышал десяток в год, составляя 0,1–0,9 процента от всей археологической литературы.

Позже число теоретических статей в год стало несколько превышать десяток. В 60-х – начале 70-х гг. оно даже составляло уже несколько десятков в год, но так как общее количество археологической литературы к этому времени чрезвычайно возросло и стало составлять в среднем около 3 тысяч в год, то доля теоретической литературы оставалась на уровне 0,6–0,8 процента от всей литературной продукции археологов.

Даже в журнале «Советская археология», который, практически являясь ведущим органом головного археологического учреждения страны, должен сосредоточивать на своих страницах теоретические работы, даже в нем доля статей по теории вместе со статьями по методике за десятилетие (шестидесятые) по самым либеральным подсчетам (Колчин, Маршак, Шер 1970: 4) не превышала 5 процентов всего содержания журнала. Отношение редакции журнала к теории лучше всего выражено таким редакционным объявлением в нем (1975, 3: 278): «Журнал *Советская археология* публикует на своих страницах статьи теоретического и научно-исследовательского характера...» (разделительное «и» акцентировано мною. – Л. К.).

У вакуума свои законы. Когда объяснения и интерпретации фактов не производятся методически какой-либо зрелой теорией, они возникают произвольно из интуиции и «здорового смысла», из «исследовательского понимания» и ходячих предрассудков, из общих идей, которые витают в воздухе. Ни их плодотворность, ни обоснованность, ни хотя бы ясность не гарантированы.

Неудивительно, что кое-где проступают неясные совпадения с теоретическими концепциями западных археологических школ, полемика с которыми почти отсутствует. Это особенно пикантно, если учесть настоятельные притязания ряда авторов на исключительную при-

вилегию представлять единственно возможное марксистское понимание и на принципиальные отличия почти каждого их конкретного взгляда от взглядов западных ученых.

По-прежнему многие наши исследователи априорно предпочитают автохтонные интерпретации миграционным, но такова же и позиция почти всех современных западно-германских и английских археологов. Методы прослеживания расселений оказываются одинаковыми у Г. Коссинны и А. Я. Брюсова – обоим достаточно картирования одной категории предметов (для Брюсова это боевые топоры, см. Брюсов и Зимина 1966: 7, 10, 17, 20–21). Высказывания А. Л. Монгайта (1967) о соотношении культуры с этносом чрезвычайно близко совпадают с положениями Г.-Ю. Эггерса (Eggers 1959), главы гамбургской школы «географической археологии». В. М. Массон (1964: 7–8, 82–84 и др.; 1966: 150–166) развивает взгляды Гордона Чайлда на происхождение цивилизации примерно в том же направлении, что и американский археолог Роберт Брейдвуд (Braidwood 1952, 1962 и др.). И даже тезис о том, что археология – вовсе не вспомогательная дисциплина, а просто начальный самостоятельный раздел истории или та же история, только «вооруженная лопатой», – этот тезис нельзя представлять одним из главных отличий марксистской археологии от других направлений, как это делал А. В. Арциховский (1955: 6). И другими направлениями (конечно, не всеми) выдвигается аналогичный тезис (Kościałkowski 1954: 28).

Не к тому речь, что сам факт совпадений плох или чем-то порочил работы тех или иных советских археологов (или наоборот, позволял рассматривать западных коллег, затронутых этим сходством, как вовлеченных в марксизм). Причины совпадений могут быть весьма различны. Я лишь констатирую, что совпадения многообразны и теоретическая основа их неясна.

Со времени «Теоретических основ» прошло более трех десятилетий. За это время количественные показатели советской теоретической литературы несколько изменились. Публикуется уже под сотню теоретических работ в год, а так как общий годовой выпуск археологической литературы за этот период вырос лишь незначительно и составляет от 3,3 до 4,0 тысяч работ (Советская археологическая литература 1983, 1986, 1989), то доля теоретических работ составляет уже 1,3–2,0 процента всей археологической литературы. Кроме того, в тонком ручейке статей стали появляться книги – раз в несколько лет. Заметно

изменилось и содержание – теперь обсуждаются уже подлинно археологические вопросы.

Однако примерно с начала 80-х гг. в разработке проблем археологического познания наметился некоторый спад. Это отразили, хотя и несколько грубовато (счет только десятилетиями), подсчеты В. Н. Боряза (1988: 104). В советской археологической литературе за три десятилетия (1956–1985) он зафиксировал 2900 случаев обсуждения этих проблем. Из этих случаев на первое десятилетие падает 24,6 процентов, на второе – 45,3, а на третье – только 30,1.

С 1986 г. в Институте археологии Академии наук СССР (Москва) создан сектор теории и методологии, однако в его составе и руководстве большей частью оказались люди, которые в прошлом были заняты главным образом обобщением материала и притом для проблем первобытной и ранней истории, а также разработкой конкретных методов. Более заметны труды другого теоретико-методического сектора, возникшего в Киевском Институте археологии. Они, однако, очень архаичны и не находят применения вне стен сектора. Крах марксистской идеологии оставил советский археологический истеблишмент без основного багажа теоретических идей.

4. Теоретическое гетто. В то же время на Западе была сформирована теоретическая археология как особая отрасль. Это не означает, однако, что западная археология в целом сменила свои чувства по отношению к теоретическим исследованиям. Атеоретический настрой немецкой археологии стал общим местом (Härke 1991, 1995), и даже несколько преувеличен (*об этом см.* Klejn 1993).

Но взглянем на Францию. Ходдер и Тилли однажды вечером «за отличным пивом» задали нескольким известным французским археологам настоятельный вопрос: французским археологам очень повезло говорить на том же языке и дышать тем же воздухом, что и Альтюссер, Бурдьё, Фуко, Леви-Стросс, так «почему же эти археологи так мало пользуются теорией?» Французские коллеги (Gleziou et al. 1991: 91) соглашаются: «Описывать позицию теоретической археологии во Франции кажется и впрямь эквивалентным тому, чтобы ставить вопрос: Почему во Франции нет теоретической археологии?» И они заключают: «Лучшие современные французские примеры предполагают, что интерпретационная работа останется основанной очень эмпирически на взаимодействии между данными, с одной стороны, и аналогией, экспериментом и аналитической техникой – с другой» (Gleziou et al. 1991: 119). Эти археологи, известные как наиболее тео-

ретически ориентированные среди французских археологов, роняют такие слова: «Ирония в том, что на деле наиболее консервативная позиция, несомненно, является наиболее многообещающей» (Gleziou et al. 1991: 105).

Когда в США «новая археология», высоко державшая знамя теории, была на подъеме, Кент Флэннери (Flannery 1972: 103, 106–107) прикинул: «вероятно, 60 процентов всех ныне работающих американских археологов» принадлежат «традиционной», «нормативной» школе. Это «включает большинство из истэблшмента и немало из младшего поколения». «Многие из них чувствовали (и многие еще чувствуют), что если только подождать, пока все факты будут собраны, они заговорят сами за себя». Лишь 10 процентов археологов принадлежит «процессуальной школе». Остальные «свободно жгут свои костры» в обоих лагерях, но по меньшей мере некоторые из них больше на стороне традиционной археологии. Это было впечатление участника противостояния на стороне процессуальной школы. Это еще оценка, благоприятная для процессуалистов.

Когда позже Эзра Заброу (Zubrow 1980) обратился к статистике цитирования за наиболее плодотворные годы «новой археологии» (1968–1972), оказалось, что наиболее цитируемыми авторами были эмпирики Зьюнер, Хоул, Бредвуд (резкий оппонент Бинфорда) и Хелбек, и лишь затем следовали Бинфорд и Флэннери, тогда как вся «новая археология» заняла лишь 2,5 %! Верно, в годы 1977 и 1978 наиболее цитируемыми авторами были уже теоретики Тэйлор, Д. Кларк, Хилл, Флэннери и Бинфорд. Но это было время, когда недалек уже был переход доминирования от США к Британии и от «процессуалистов» к «постпроцессуалистам».

Место теории в университетах Великобритании в период наивысшего пика постпроцессуалистских успехов описано постпроцессуалистом Джулианом Томасом (Thomas 1995: 349–350). Как он отмечает, в Великобритании насчитывается более 200 археологов, имеющих должности в университетах. Свыше 100 из этих ученых имеют «традиционный» облик – они «большей частью заняты добыванием, описанием, классификацией и компиляцией археологических данных». Они считают, «что их задача – накапливать как можно более исчерпывающую и хорошо документированные записи об избранном ими материале, при понимании, что достигнув полноты, эти записи составят самоочевидный отчет о прошлой человеческой деятельности». Этим «атеоретическим археологам» противостоят 85 археологов, склонных

к теории, с определенными взглядами. Из них есть «несколько меньше 40 индивидов», чей подход в общем «процессуальный» (они под влиянием Бинфорда, Кларка и Хиггза). Далее группа около 30 личностей, указанных как «весьма теоретические», но принадлежащие к различным направлениям (марксизм, феминизм и т. д.), которые не могут быть четко включены в постпроцессуальный мейнстрим. Лишь «меньше, чем 15 человек» – истинные постпроцессуалисты (исповедующие герменевтическую интерпретацию, контекстуализм и критическую теорию). Конечно, Томас считает именно эту крохотную группу истинными теоретиками (тогда как для меня постпроцессуализм, как я уже отметил, есть дорога к эмпиризму). Он заключает: «Университетская археология в Британии ошеломляюще эмпиристка по направленности».

Итак, около 70 теоретически ориентированных археологов против 100 отъявленных эмпириков и 15 скрытых эмпириков в университетах плюс все многочисленные археологи-практики вне университетов (в музеях и спасательных экспедициях) – и это в мировой цитадели теоретической археологии!

Как заметил Питер Аккоу (Ucko 1995: 2), «теоретически настроенные археологи находятся в меньшинстве во всех странах, и вынуждены формировать нечто вроде гетто внутри своей дисциплины».

5. Симптомы эмпиризма. Таким образом, на постсоветском пространстве есть глубокие корни для эмпиристской методологии, а на Западе как позитивистские идеи «новой археологии», так и деятельность постпозитивистской археологии образуют условия для удержания эмпиризма.

Каковы симптомы этой аномальной узости мышления в археологии?

1. Вся надежда на факты. Городцовское убеждение, что «вещи за себя говорят, как буквы и слова» и археолог может просто читать памятники «как обычные книги», еще правит археологией открыто или в скрытой форме.

Как заметил Хэрке (Härke 1995: 50), А. Э. ван Гиффен, основатель современной нидерландской археологии, живший в межвоенный период, любил использовать немецкую поговорку: «Интерпретация неустойчива, факты остаются» («Die Interpretation schwankt, die Tatsachen bleiben»).

Среди советских археологов широко распространилось убеждение, что «*факты сами за себя говорят*», что любой спор решают только факты. Так, сопоставив различные взгляды исследователей на происхождение и культурные связи северокавказской культуры, В. И. Марковин (1960: 8) заключает: «Такие противоречивые суждения по одному и тому же вопросу возможны лишь (разрядка моя. — Л. К.) оттого, что северокавказская культура еще далеко недостаточно ясно очерчена в литературе». Если бы так! Тогда опубликование цитированной сводки сняло бы все разнотолки, чего, как известно, не произошло. Захарук (1970: 11–14), указав на разнотолки в толкованиях черняховской культуры и перечислив расходящиеся мнения, правильно усмотрел главную причину расхождений в различии теоретических установок и методических критериев.

Когда Поль Курбэн (Courbin 1982/1988) борется против упрощений «новой археологии», он в своих филиппиках большей частью прав. Но когда он запальчиво и упорно настаивает на «сырых фактах», на «нейтральных», «объективных», «основополагающих», «очевидных» фактах, на «фактах, которые сами за себя говорят», он показывает свое упрямство. Когда он призывает свести археологию к фактам и, в сущности, задачу археологии ограничивает «установлением фактов», т. е. устраняет из археологической науки теорию, он существенно ослабляет возможности познания фактов.

2. Вера в чистые факты. Многие маститые археологи все еще жаждут «*чистых фактов*». Они убеждены, как в Польше это формулировал покойный К. Годловский (Godłowski 1962: 81–82), что в археологических источниках исследователю предстает «объективно существующая» действительность, что в археологии ведущий путь — это индукция и что в основе ее должны лежать «чистые источники», а не «уже интерпретированные и несущие на себе груз взглядов и концепций». Дедукцию этот автор допускал только при попытках «выявить, насколько возможно, лакуны в наших источниках или неясные явления и факты».

Вера в существование чистых фактов не так широко распространена в наши дни. После острой критики в рамках неопозитивизма мы понимаем, что любое наблюдение подготовлено нашим образованием и что само описание должно использовать категории, понятия и термины, разработанные в теоретических размышлениях. Так что факты с самого начала нагружены теорией. Но тяга к чистым фактам все снова и снова проглядывает в археологии.

3. **Открытие типов.** Простейший способ *выявления археологических типов статистикой и корреляцией*, который открыл учитель Бинфорда Элберт Сполдинг (Spaulding 1953, 1960), широко распространен и работает практически по сей день. Установка Сполдинга предполагает, что наши типы, собственно, *содержатся в материале готовыми*. Между тем, Джеймс Форд весьма язвительно иронизировал над верой Сполдинга, «что природа снабдила нас миром, наполненным упакованными фактами и истинами, которые можно открыть и попробовать, как пасхальные яйца, спрятанные в газоне».

Также и в нашей стране нашел широкое признание тот взгляд, что *типы содержатся в материале* и что статистикой и корреляцией их можно беспрепятственно открывать. Принято думать, что марксисту подобает утверждать объективность таких эмпирических типов – это считается у нас подлинно марксистской позицией. «Марксистской археологической школе, – утверждал Шер (1970: 13, прим. 7), – присуще представление о типах вещей, объектов и памятников как о реальных классах, различия между которыми порождены хронологическими, этническими, локальными, технологическими и прочими естественно-историческими условиями, а не мнением исследователя». Это утверждение повторено буквально в совместном труде трех авторов (Каменецкий, Маршак и Шер 1975: 78), только слово «марксистской» заменено определением «советской». Но теперь некоторые советские археологи уже представляют себе разницу между эмпирическими типами и культурными типами; они понимают, что открыть первые еще не значит познать вторые.

4. **Описание вместо продумывания.** Это может быть выражено в различных подходах. Например, в предпочтении остривных дефиниций. Кристофер Хокс писал в «Antiquity»: «Если уж и выявлять культуры как жизнеспособное понятие, то их можно определить только полным перечислением их частей» (Hawkes 1973: 177). Хотя Стюарт Пиготт признал, что «археология – в основном описательная дисциплина», тем не менее добавил: «Но это описание оказывается бессодержательным, если не проводится в системе связей и отношений» (Piggott 1958: 78).

5. **Индукция как единственный законный путь.** Преобладание эмпиризма проявляется в том, что *простое обобщение фактов стало на практике считаться единственно верным путем исследования*, надежной гарантией от спекуляций. Так, Л. Н. Гумилев (1989: 30) опирается на пример естественных наук: «вме-

сто философского постулата естественники применяют ‘эмпирическое обобщение’, имеющее, согласно В. И. Вернадскому, достоверность равную наблюдаемому факту». Имеется в виду, что при эмпирическом обобщении мелкие факты склеиваются и взамен роя мелких фактов возникает крупный факт.

Оставим здесь без подробного разбора то, что, как говорит Л. фон Берталланфи (1969: 53), «простое соединение эмпирических данных, хоть и означает определенный прогресс, но еще не составляет собственно ‘науки’». Оставим также в стороне, что эмпирическое обобщение не есть простая сумма наблюдаемых фактов и не равна индивидуальному результату наблюдения (достаточно вспомнить о проблеме выбора, отбора). Неприязнь Гумилева к насаждению философских постулатов непосредственно в позитивные науки понятна и привлекает симпатии. Ведь хотя натурфилософия давно оставлена, родственная ей социалфилософия, исторический материализм, господствовала в общественных и гуманитарных науках нашей страны. Однако в естественных науках философию заменили не эмпирические обобщения, а специально-научные теории, а в таких условиях философия помогает позитивным наукам усовершенствовать их методологию.

6. Противопоставление данных спекуляции. Выражением той же эмпирической установки является стремление, где только возможно, *противопоставить добротные индуктивные исследования материала всякой там теории* – как спекуляции (имеется в виду: пустому умствования). Бинфорд характеризует мышление другого своего учителя Джеймса Гриффина как «антитеоретическое». «Для Гриффина, – пишет он, – теория была идентична спекуляции, т. е. тому, за что берутся только когда нет данных. Если же данные достижимы, то ясно, что делать: данные суммируются и “самочевидные” ячейки значений синтезируются в историю. Для Гриффина не было вопроса о том, что же эти данные означают или что они нам рассказывают о прошлом» (Binford 1972: 3). В США многие остались на стороне Гриффина.

Ситуацию в современной Германии Генрих Хэрке (Härke 1995: 48) характеризует следующим образом: «Слово Теория для немецких ушей звучит легковесным и пустым – этакий мыльный пузырь. Оно подразумевает ‘безосновательную спекуляцию’ (т. е. рассуждение без фактов), и кажется исключаяющим практичность, рассматриваемую как чрезвычайно желательную. Когда кого-либо называют ‘теоретиком’ или что-либо называют ‘теорией’, в этом безошибочно понима-

ется оскорбительный подтекст. Чтобы избежать этих коннотаций, немецкие ученые вне естественных наук сколько возможно избегают термина 'теория', а если уж это неизбежно, они засовывают его под шапку 'методологии'. 'Методика' имеет солидное звучание; она звучит практичной, систематической, целенаправленной, эффективной». Для примера Хэрке ссылается на учебник Цигерта.

Высокоавторитетный немецкий ученый Герман Мюллер-Карпе исходит из того, что «преистории (или, в переводе с немецкой терминологии на нашу, первобытной археологии. – Л. К.) свойственно притязание быть наукой, т. е. добывать знания на основе аутентичных источников и их методично проверяемой интерпретации». По его мнению, «вряд ли конкретные отдельные явления первобытной культуры чужды нам и непонятны, как звезды; наоборот, они доступны нашему познанию в ходе специфического процесса, которым мы можем уловить исторически, – в ходе 'исследовательского понимания', как это называл Й. Г. Дройзен». Решающим тогда становится ухватить явление в его конкретности. Это дает нам те исторические свидетельства, которые противостоят «чисто теоретическому (т. е. спекулятивной концепции человеческого прошлого)» (Müller-Karpe 1975: 82–84).

Соответственно этому тома его великолепного и чрезвычайно полезного «Руководства по преистории» (1966–1980) построены так: небольшому разделу «непреисторических теорий» (с третьего тома упрятанных под шапкой обзора «исследований») противостоит упорядоченный в солидных и массивных разделах археологический материал, которому следуют выводы из него на основе «исследовательского понимания».

Для такой позиции вообще характерно само представление о споре между эмпиристами и радателями теории как о противопоставлении *чистейшей фактографии пустому теоретизированию* без малейшей связи с фактами. Между тем, в то время как *индуктивисты в сущности полностью изгоняют теорию из науки*, их противники *не считают возможным обойтись без фактов*. Даже «новые археологи», явно пересаливающие в поклонении теории, оперируют, как показал Поль Курбэн (Courbin 1982: 162–170), фактами, которые они часто заимствуют у эмпириков. Да и сам Бинфорд признает: «Читатель может с полным правом указать несогласованность между моим упорным стремлением к дедуктивному формулированию исследовательских проблем и моей же защитой весьма индуктивной процедуры для

сбора данных на основе теории выборок. Я и сам нахожу здесь нестыковку» (Binford 1972: 133).

7. Обобщение как путь к теории. Более того, *эмпирическое обобщение*, особенно при широком охвате фактов, *стало выступать в качестве теоретического исследования* (в противоположность описанию фактов). В нашем археологическом обиходе слова «*теоретическое обобщение*» слились в фразеологическую единицу, ходячий штамп. Если есть обобщение, суммирование, усреднение, то многие склонны полагать, что это уже не эмпирический уровень исследования. В соответствии с этим Брюсов назвал свою работу (1954) по обобщению фактологической базы для хронологии лесного неолита «Теоретические основы хронологии неолита»; юбилейная конференция по итогам изучения Новгорода именуется «научно-теоретической» (Бем 1960).

Если уж прибегают к теории, то она рассматривается в индуктивистском духе – как *извлечение регулярности из обобщения фактов*. Так, например, Мартин Ягутис-Эмден (Jagutis-Emden 1977) строит симметричную схему, в которой артефакты фиксируются протокольными предложениями, несколько протокольных предложений, соединяясь, образуют гипотезу, относящуюся к слою или поселению, а сводка таких гипотез относится уже к культуре и называется «теория». Стало быть, теория и гипотеза отличаются от фактофиксирующих предложений *только охватом, более высокой степенью обобщения*. Очевидно, что для этого автора один факт – это факт, два схожих факта образуют совпадение, которое может быть случайным, три – уже регулярность, и это означает закон, а закон лежит в основе теории. Обобщение многих фактов – это теория.

Именно об этом Лесли Уайт сказал Бинфорду, тогда еще студенту: «Джулиан Стюард не понимает разницы между универсальным фактом и законом» (Binford 1972: 18). О подобной ситуации в физике Альберт Эйнштейн (1965: 43) высказался так: «А теперь мы с достоверностью установили, как заблуждались те теоретики, которые полагали, что теория выводится индуктивно из опыта».

8. Ненасытная охота за фактами. Полагают, что *чем больше фактов сведено, тем глубже теория*. Отсюда молчаливо узаконенная *неопределенность целей* в планировании многих экспедиций. Ведь в любом случае что-то будет раскопано, добыты новые факты, их можно будет обобщить или включить в прежние обобщения, расширив и упрочив выводы. Как говорится, будет положен еще один

лишний кирпичик в здание науки. Охотникам за фактами невдомек, что далеко не всякие новые факты позволяют расширить вывод, что нередко простое умножение фактов не укрепляет доказательства и что кирпичик в самом деле может оказаться лишним. В этом случае раскопки рискуют превратиться в растрату средств и разрушение памятника (разумеется, если это не спасательные раскопки).

Простое накопление одинаковых фактов не приносит ничего нового. Когда перейдены границы необходимой репрезентативной выборки, дальнейшее накопление тех же фактов бесполезно.

9. *Horror vacui* (Боязнь пустоты). Как заметил Кент Флэннери, традиционные археологи «часто смертельно боятся ошибиться... Они с ужасом говорят о неполноте археологических источников и о безответственности спекулирования по скудным данным. Они, кажется, как-то чувствуют, что если бы только они могли собрать еще несколько черепков, еще несколько наконечников стрел или еще несколько архитектурных деталей, то шаткость их заключений исчезла бы» (Flannery 1972: 106–107).

Стали считаться благоразумными *сугубая осторожность, воздержание от выводов*. Археологу советуют подождать, пока не будут собраны необходимые факты, относящиеся к избранной теме, пока не будет обеспечено «достаточное» количество фактов. С. Н. Замятин (1951: 92) напоминал, что в археологии «накопление материалов идет обычно медленно, и надо найти в себе силы удержаться от соблазна разрешения, а иной раз и постановки вопроса, если источники этого не позволяют».

10. Несбыточное желание полноты. Но сколько надо фактов, чтобы постановка вопроса и предположительный вывод стали позволительными? Критериев «достаточности» не найти, если допускать неполноту. Поэтому возникает требование собрать *«все факты»*, *всю полноту источников*. «Сужение специализации, – считают Колчин, Маршак и Шер (1970: 4), – происходит не из-за утраты интереса к теоретической работе, как об этом иногда говорится, а вследствие того, что заниматься теорией невозможно, не владея всей полнотой исходных данных».

Всей полнотой! Уже Энгельс (1961: 555) возражал против подобных установок: «Если бы мы захотели ждать, пока материал будет готов в чистом виде для закона, то это значило бы приостановить до тех пор мыслящее исследование, и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона».

Эту же мысль развивает в середине XX в. американский антрополог Джулиан Стюард. Для него «очевидно, что мелочи культурной истории никогда не будут нам известны полностью и что нет необходимости откладывать формулирование закона до той поры, когда все археологи отбросят свои лопаты и все этнографы отложат свои блокноты». Если антропология не заинтересована в уникальных и экзотических подробностях, то необходимо, чтобы делались попытки сформулировать закон, сколь бы предварительными они ни были. Это формулирование позволяет нам установить новые виды проблем и направляет наше внимание на новые виды данных, которые прежде от нас ускользали. «Собирание фактов, собирание само по себе есть недостаточная научная процедура; факты существуют только в связи с теорией... а теории не разрушаются фактами, они заменяются новыми теориями, которые лучше объясняют факты» (Steward 1949: 24–25).

Как специалисты по логике давно показали, индукция в принципе не может быть полной.

11. Опытность практика – пропуск в теорию. Очень распространенным оказывается убеждение, что теоретические и методологические оценки *позволительно высказывать лишь на основе долгой эмпирической подготовки*. Иоахим Вернер сформулировал это наиболее откровенно и резко: «Издание археологических источников – это очень трудоемкое дело, оно требует упорной и тщательной работы. Только тот, кто выполнил эти настоятельные обязанности и овладел ими, получает право влезть в вопросы метода; здесь пролегает граница между наукой и журналистикой» (Werner 1951). Высокомерное презрение Вернера к определенным представителям политической журналистики в одеянии ученых вполне понятно, тем не менее его аргументация несколько наивна.

В основе этого взгляда лежит представление о теории как просто индуктивной генерализации фактов. Наиболее глубокие и осторожные из эмпирически ориентированных археологов избегают указания на исключительно индуктивный путь и говорят о «теории, которая есть лишь рационализация опыта» (Randsborg 1995: 221; *см. также* Randsborg 1994).

Многие маститые археологи России смотрят с нескрываемым скепсисом на теоретические опыты молодежи, поскольку всерьез верят, что только *большой опыт в эмпирической работе* позволяет добиться успехов в теории. Столь откровенных высказываний в этом духе, как у Вернера, я в советской археологической литературе не

встречал, но многие профессора и руководители учреждений думают именно так и, как могут, тормозят тягу молодежи к теоретическим проблемам.

Но история нашей дисциплины не поддерживает эту позицию. Коссинна и Чайлд очень мало копали и не оставили после себя импозантных работ по классификации артефактов. Несомненно, и для теоретической работы надо быть компетентным археологом, но теоретики нуждаются в совершенно ином образовании, чем раскопщики или музейные работники. А многие особенности, которые теоретику нужны как мыслителю (смелая фантазия, умение отвлечься от мелочей и т. п.), представляются прямо противоположными добродетелям эмпирического обработчика материала. Более того, они даже могут атрофироваться в многолетней эмпирической рутине. Надежда превратить опытного эмпирика в успешного теоретика сродни предложению вырастить султана из хорошего евнуха – поскольку, де, оба работают в гареме. (Чтобы не обидеть эмпириков, хочу добавить, что эту метафору можно применить и в виде перевернутой сентенции).

12. А р г у м е н т ‘еще (или уже) - не - время - для - теор и и ’. Ввиду успехов теории в других науках и славы великих теоретиков прошлого в археологии, иногда предлагается уступка: для теории есть место и в археологии, но лишь на следующей стадии ее развития или на предшествующих, только не сейчас. Первое такое рассуждение появилось как оправдание отсутствия теории в течение нескольких десятилетий в советской археологии. Ю. Н. Захарук (1970: 10) доказывал, что было необходимо пройти через эмпирический период и сначала накопить достаточно фактов, чтобы перейти к аналитическому периоду и начать возводить теоретические конструкции. Другое решение было предложено Ульрихом Фишером: «Все теоретические методы первобытной археологии... были развиты в XIX веке... Можно с полным основанием утверждать, что теоретический раздел методологии нашего предмета завершен. Добавления можно ожидать з практическим разделе» (Fischer 1987: 194).

6. С точки зрения современной философии. Но ведь абсолютизация индукции, слепое преклонение перед фактами – это принцип позитивистский. Влиятельный в философии XIX–XX вв., он отвергнут многими современными философскими и методологическими школами, в том числе и марксизмом – и при том с самого начала! «Эмпирическое наблюдение само по себе никогда не может доказать достаточным образом необходимость», – указывал Ф. Энгельс (1961:

544). «Наука, – пишет советский философ Л. Б. Баженов (1968: 316), – развивается не путем простого обобщения частных случаев, а путем выдвижения гипотез и включения их в дедуктивные системы с целью последующей проверки».

Другой философ, Н. Ф. Овчинников (1968: 12–13), отмечает, что «никто никогда не наблюдал в непосредственном чувственном опыте не только атомов Демокрита, но и элементарных частиц современной физики. Мысль об этих частицах только через длинную цепь теоретических умозаключений опосредуется экспериментом, в котором непосредственно даны нам свойства, совершенно отличные от свойств исследуемых объектов. Свойства туманного следа частицы в ионизационной камере отличны от свойств самой частицы, подобно тому как видимый высоко в небе след от пролетающего самолета не сопоставим с самолетом и совершенно отличен от него... В познании природы возникает такая ситуация, когда стремление сопоставить мысль с предметом на основе опыта оборачивается сопоставлением опыта с опытом и мысли с мыслью».

Археологические материалы интересны для ученых не только и не столько сами по себе, сколько как источники познания исчезнувших общественных и культурных систем и давно минувших событий. Эти источники составляют лишь некоторые фрагменты того, что требуется реконструировать, лишь отпечатки, следы, и они тоже сами по себе несопоставимы с обществами и событиями. С помощью их простого обобщения далеко не продвинешься. По справедливому замечанию Б. М. Кедрова, «эмпирические открытия сами по себе, как бы они ни были важны, революции в науке не вызывают» – для революции нужны открытия теоретические. «Об этом свидетельствует вся история науки» (Кедров 1966: 36).

У философов очень популярно изречение Альберта Эйнштейна (1949: 47): «Не существует никакого индуктивного метода, который мог бы вести к фундаментальным понятиям физики». Это верно для любой науки. Для археологии тоже.

Сопоставляя «мысль с мыслью», теоретическая археология неминуемо оказывается перед необходимостью обратиться к той науке, которая специально изучает сопоставление «мысли с мыслью», – к философии.

Выход в философию неизбежен для всякой частной науки в критический момент смены ее теоретических концепций. Встав перед задачей реконструкции и познания сложных систем, недоступных пря-

тому наблюдению, археология, естественно, должна обратиться к применению моделей, а среди них главными для нее окажутся наиболее схожие и доступные – этнографические параллели. Поэтому путь преодоления эмпиризма в археологии требует ее интеграции с этнографией на основе программы, разработать которую должна теоретическая археология. Без этого невозможен подъем археологии на новый, более высокий уровень.

Конечно, не стоит упрощать. С приматом эмпирического метода в 50-х и 60-х гг. связан ряд успехов нашей науки. Это всегда бывает там, где эмпирический метод работает на пустом месте, где еще не собраны материалы (такие разделы имелись в нашей археологии) или где нет никаких методов (и это было), или где он противостоит схематизму и догматизму, предвзятым идеям, априорным схемам (такие были созданы). Здесь он одерживает победы.

Крупнейшие мастера эмпирического метода внесли неоценимый и необходимый вклад в науку, заложили фактологическую основу для дальнейших исследований, устранили мешавшие априорные схемы. Пример – работы И. И. Ляпушкина и Г. Ф. Корзухиной. Победы их отчасти признаны даже их противниками (Третьяков 1966: 119). Но именно у крупнейших мастеров этого метода лучше видны и его слабости, которые уж вряд ли могут быть объяснены личной слабостью исследователей: это ведь сильнейшие!

Ляпушкин великолепно систематизировал факты и, предложив блестящую критику господствовавших концепций, не смог удовлетворительно объяснить установленные факты: у него славянское общество VI–IX вв. оказывается лишь в начале периода военной демократии, а уже через несколько десятилетий без какой-либо базы внутри общества возникает государство, причем роль внешнего фактора тоже отрицается (Ляпушкин 1968). Другие археологи-эмпирики ограничили свои исследования решением очень специфических задач и внутри этих границ великолепно обходились эмпирическим методом. Но границами этих задач не ограничена археология! А вне их – метод бессилён.

Существенным показателем общей слабости эмпирического метода может служить отсутствие новых собственно археологических методов – все методические новшества последних двух-трех десятилетий в нашей науке заимствованы почти в готовом виде из естественных наук или разработаны впервые в зарубежной археологии (функцио-

нально-технологический метод трасологии С. А. Семенова создан раньше).

Нужда археологии, в частности и российской, в собственной археологической теории снова осознается все острее, и тяга к теоретическим исследованиям действительно стала заметней. Очевидно, чтобы оказаться на подступах к общей археологической теории, мы должны четко уяснить себе, что такое научные теории применительно к археологии, в чем их отличие от эмпирических обобщений археологического материала и чего мы ожидаем от археологической теории будущего.

7. Эмпирии теории и эмпиризм практики. Однако что вызывает особую неудовлетворенность, это сохраняющийся разлад между теорией и практикой. Значительная часть этой огромной теоретической литературы, как тут, так и там, не ориентирована на потребности практики, а служит интересам философов и науковедов. С другой стороны, практики мало озабочены освоением достижений теоретической мысли. Жан-Клод Гарден (1983: 32), сопоставляя теоретическую археологию с полевыми исследованиями практиков, мечтает об интеграции «этих двух, до сих пор, по правде говоря, игнорирующих друг друга археологий: ведь теоретическая археология все еще не представила доказательств своей необходимости». Ну, прямо скажем, кое-что зависит и от практиков: если бы они присмотрелись повнимательнее, то смогли бы увидеть те доказательства, которые уже предъявлены.

Теоретики витают в эмпириях. Археологи-практики остаются со все возрастающим ассортиментом методов и унаследованной традицией эмпиризма. Не пора ли теоретикам спуститься со своих эмпирей, а практикам – отрешиться от своего эмпиризма?

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Книги Тэйлора (Taylor 1948) и Бинфорда (Binford 1968, 1972), с одной стороны, и Курбэна (Courbin 1982, 1988) – с другой, являются лучшими представителями противоположных позиций. Моя статья на русском (1977) полностью перекрыта текстом этой главы.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. В чем, по-вашему, основной смысл девиза Ходдера «читать прошлое» (т. е. памятники, материальную культуру) как текст?

2. В чем сходство и в чем разница между этим девизом и ранними убеждениями сторонников эмпирического подхода в том, что памятники можно читать как книги?

3. Какие соотношения археологов, ориентированных на использование теоретической мысли, с завзятыми эмпириками в Вашем регионе? Попробуйте подсчитать.

4. Не упущено ли в предложенном списке симптомов эмпиризма что-то важное?

5. Не могли бы Вы привести примеры эмпирического подхода в известных Вам работах археологов?

6. В чем заключаются известные Вам успехи сторонников эмпирического подхода и чем обусловлены эти успехи?

7. В чем заключаются известные Вам успехи археологов, ориентированных на теоретические идеи, и чем обусловлены эти успехи?

8. Чем, по Вашему мнению, обусловлены очаги эмпиризма в некоторых странах (Германия), сферах археологии (классическая археология) и периодах (Сталинское время в СССР)?

9. Действительно ли в археологии наблюдается отрыв теории от практики или это лишь кажется теоретикам или практикам, а все развивается нормально, некоторое же взаимонепонимание естественно?

10. Если есть отрыв теории от практики в археологии, то в чем, по-вашему, его причины и как его преодолеть?

ГЛАВА 9

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АРХЕОЛОГОВ О ТЕОРИИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

1. Предпосылки. Необходимость определить задачи, *содержание и роль специальной теории* археологической науки или, иначе говоря, общей теории археологии, ученые Запада ощутили сравнительно недавно – именно когда археологов заинтересовало методологическое рассмотрение самой их науки.

Это не значит, что до того в археологии не было теорий. Теории были – эволюционизм, миграционизм, диффузионизм и др. Они выдвигались и работали, сменяя одна другую и конкурируя: объясняли материал, выявляя те или иные скрытые закономерности, оборачивались и методами – это признано (Clarke 1968: 11; Hill 1972: 73–75). Но изучение и проверка теорий сводились к верификации фактами. Гносеологическая и логическая природа этих концепций как теорий не интересовала археологов.

Соответственно оставалось в тени, сколь обоснованы права этих концепций на ранг теорий и какое их использование предполагается их аттестацией как теорий, какова их детерминирующая сила в системе археологических исследований и какова степень их общности для разных отраслей археологической науки. Рефлексия долго была чужда археологии. Археология оставалась, по выражению Д. Кларка (Clarke 1973), невинной, девственной.

В известной мере такое положение поддерживалось традиционным разделением отраслей археологии – первобытной (пре- и протоисторической), античной (классической), ориенталистической и средневековой (позже к ним добавились американистская и промышленная, или индустриальная). Поскольку они трактовались как разные науки, развивались раздельно и были связаны не с одними и теми же смежными науками, *задача рассмотрения какой-либо теории как общей для них* не вставала в методологических изысканиях, хотя нередко влияние той или иной теории выходило за рамки одной отрасли археологии, захватывала соседние отрасли.

Современная тенденция к интеграции научного знания расшатала сепаратное блокирование разных отраслей археологии со смежными науками. Обычно наиболее тесно были связаны: преисторическая ар-

хеология – с геологией, палеонтологией и антропологией, протоисторическая – с языкознанием, американистская – с этнографией, античная – с искусствознанием, ориенталистическая – с палеографией и дешифровкой языков, средневековая – с письменной историей. Переориентировка всех их на кооперацию с одними и теми же науками в связи со включением в орбиту лидирующих ныне наук о человеке и обществе (комплексной антропологии и бихевиористской психологии в одних странах, социологии и исторической социологии – в других) создала *основу для постановки проблемы общей теории археологии*.

Однако главным стимулом, побудившим археологов Запада к анализу самого процесса исследования, к познанию самой гносеологической и логической природы археологической теории, послужил общий послевоенный переворот в мышлении западных археологов. В результате этого переворота в конце 40-х – начале 50-х гг. на смену старым концепциям (миграционизму, диффузионизму, таксономизму и т. п.) пришло новое направление, лидерами которого выступили американец Уолтер Тэйлор, англичане Глин Даниел и Стюарт Пигготт, немец Эрнст Вале и др. Если каждое из старых направлений предпочитало *то или иное объяснение смены культур* и клало его *в основу теории*, то новое направление поставило под вопрос саму возможность адекватного столкновения материалов, а с тем и *саму возможность общей теории археологии* (Piggott 1959).

Это индетерминистское и гиперскептическое направление самим своим существованием навязало и противникам таких взглядов обостренный интерес к оценке достоверности наших знаний о прошлом. Естественно, что этот интерес обратил археологов к анализу самого процесса исследования, к оценке познавательных возможностей археологического материала, к проверке археологических методов познания и к изучению той теории или тех теорий, которыми эти методы порождены.

2. *Tour de force* в рефлексии. По взглядам многих американских археологов (Ирвинг Рауз, Гордон Уилли, Филип Филлипс и др.), среди которых в этом отношении не выделялся и Уолтер Тэйлор (Taylor 1948), археология – чисто техническая дисциплина, добывающая и перерабатывающая материал для истории или, в большей мере, – для антропологии (в американском смысле), и поэтому она *вообще не нуждается в какой-либо собственной теории*. Теоретические обоснования для исследований она попросту *заимствует* у тех наук,

которые она обслуживает. Наиболее ясно эта установка выступает уже в самом названии статьи Стронга: «Антропологическая теория и археологический факт» (Strong 1936).

Таким образом, как это ни парадоксально, Тэйлор, который столько воевал с эмпиристской и, следовательно, атеоретической установкой своих предшественников таксономистов, сам оставляет археологию без собственной теории. Как же, однако, выглядит у Тэйлора *антропологическая теория*, которой археология должна придерживаться? Каков его собственный подход, собственный «метод», собственный набор принципов для обработки и истолкования рассмотрения археологического материала?

Сравнительному анализу своих предшественников, таксономистов, сравнивавших материал внутри каждой категории (мисок, тарелок, наконечников стрел и т. п.) для разбивки на классы, Тэйлор, исходя из *функционального подхода*, противопоставил *сопряжение вещей разных категорий* – горшка, ножа, печи и т. д. – внутри одного комплекса, одного контекста, чтобы выявить их взаимоотношения, их функции, а также *смысл всего контекста*. Сравнение и обобщение *контекстов* его концепция в целом не предусматривает, так как каждое культурное явление он считает *сутобо индивидуальным и уникальным*. Отрицая регулярности как выражение законов, он тем самым в рамках своей концепции также и вне археологии, для всего антропологического комплекса наук, подрывает роль теории как системы, открывающей и использующей закономерности.

В своих представлениях о теории Тэйлор (1948: 6) следует своему учителю Клакхону, по мнению которого теория «относится к *системе понятий отдельной дисциплины*» (Kluckhohn 1940: 43). (Курсив мой. – Л. К.) Для Клакхона и его последователей «в любой науке система теории включает в себя... небольшое количество категорий, а также элементарные отношения между ними» (Ibid.: 47). В теории при таком понимании *нет законов*, и антропологии надо искать другие источники и средства объяснения и предсказания, археологии же соответственно – реконструкции прошлого. Впрочем, Тэйлор предпочитает говорить не о *реконструировании*, а о *конструировании* прошлого: ведь при оценке каждого явления прошлой культуры как индивидуального наши возможности объяснить эти явления, предсказывать их (соответственно восстанавливать) резко ограничиваются. Вносятся неустрашимый заряд неопределенности, субъективности суждений.

Что же остается тогда для теории, какие функции? А вот какие: подставляя археологический материал под понятийную сеть, вносить в него порядок этой сети – в надежде, что многочисленными коррекциями удастся привести внесенное как можно ближе к собственному членению материала. Отсюда такое место *классификаций* – в центре теоретических интересов Тэйлора и его последователей, собственно – сведение «археологической теории» (1948: 143) к «теории археологической типологии» (1948: 121).

Труд Тэйлора выдержал за 20 лет четыре издания и оказался очень влиятельным. В различных направлениях послевоенного времени виден его отпечаток.

3. Концепции атеоретической археологии. Индетерминистская концепция в археологии оказалась в ряде отношений пособницей старого течения, ведущего свое происхождение от периода первоначального накопления фактов и по многим причинам живого и в наши дни. Это – *фактологическое течение*, основанное на признании *эмпирического метода, метода индукции*, главным принципом археологического исследования. Согласно исходной установке этого течения, всякая теория – это по сути гипотеза, а гипотезы ненадежны, и лучше пусть *факты сами за себя говорят*. В соответствии с этим в монументальном «Руководстве по археологии» Г. Мюллера-Карпе (Müller-Karpe 1966, 1968) рассматриваются разные теории о первобытном прошлом: «философские, естественнонаучно-антропологические, этнологические, эволюционно-психологические» – нет только археологических.

Особенно скептическое, даже гиперскептическое выражение приобрело это направление в Великобритании.

Кристофер Хокс (Hawkes 1954) строго ограничил возможности археологического познания – чем дальше от материальной сферы и ближе к духовной, тем сильнее, вплоть до полного нуля, когда дело доходит до языка. По мнению Пиготта (Piggott 1959: 3–6), в археологии «по-видимому, нет того, что ученый-естественник мог бы назвать общей теорией, охватывающей все аспекты». «Возможно, – добавляет Пиготт, – это вовсе не так уж плохо». Ставшие известными археологические теории он назвал «*моделями*», чтобы этим термином подчеркнуть их гипотетическую природу. А Даниел уже в своей истории археологии (Daniel 1950), но особенно отчетливо в своей «Идее преистории» (Daniel 1962) придал этой идее (а по его замыслу, также и идее преистории) современную форму концепции «*пулевой модели*»:

если уж все теории археологии, все эти археологические -измы, в ходе ее истории показали свою несостоятельность, то не разумнее ли вовсе отказаться от построения таких моделей, от стремления построить какую-либо новую теорию археологии?

4. Эрзац-теории. Но если нет никакой теории, откуда же тогда выводить методы? И если нет никакой общей теории, то откуда можно ожидать общие для археологии методы исследований? Согласно установке классического немецкого «Руководства по археологии» (издано под редакцией Хаусмана в 1939, переиздано в 1969 – Hausmann 1969), методы зависят исключительно от личности исследователя – методов столько, сколько объектов, и столько, сколько исследователей (Buschor 1969).

Вполне в духе старого эмпиристского направления, которое в ФРГ пользуется особенно большим авторитетом, немецкие археологи декларировали независимость методов от теории вообще, их самостоятельность (Sangmeister 1967). *Систематизация методов* во всей их полноте выдвигалась на место теории и даже просто становилась теорией. К этой позиции тяготеют многие археологи, занятые разработкой точных методов. Их теория есть систематизированная сводка методов.

Вполне очевидно, что при такой точке зрения проблема строгости методов и, следовательно, объективности исследований повисает в воздухе – она оказывается беспредметной (методы сводятся к простому описанию и суммированию находок) и на деле неразрешимой (поскольку и описание предполагает отбор, выборку и т. п.).

Умнейшие из этих исследователей чувствуют, что их теории все же не хватает *системы*. Избежать этого смутного ощущения неполноценности им помогает мысль Элберта Сполдинга об «*известных интуитивных представлениях*, которые лежат в основе всего археологического исследования». Он объясняет: «Под выражением “интуитивные представления” я понимаю редко формулируемое, предшествующее дефинициям, эмпирическое, в научном отношении примитивное понимание со стороны археологов (и других) основных характеристик человеческого поведения (*human behavior*) и его материальных остатков. Это понимание, иногда именуемое мудростью или здравым смыслом, представляет собой имплицитный теоретический аппарат, и он всегда является интеллектуальной основой, которая придает первичное значение корпусу археологического материала». Этот аппарат, замечает далее автор, у археологии общий с историей. И Спол-

динг заключает: «Короче говоря, археологи и историки располагают готовой, как в магазине, теорией прошлого человеческого поведения просто потому, что с людьми прошлого они разделяют свойства принадлежности к человечеству» (Spaulding 1971: 3).

Это рассуждение – глубокое и реалистичное, поскольку оно постигает, так сказать, *предтеорию*. Оно удачно акцентирует ту мысль, что функции теории необходимы и неизбежны – что нечто в том же роде должно быть на этом месте. Но теория отличается от таких зыбких представлений именно четкостью и определенностью. Настаивая на формальной строгости своих методов, эти исследователи оставляют для теории интуитивные, размытые и имплицитные представления – можно сказать, *эрзац-теорию*.

В современном мире успехи многих наук, достигнутые теориями, подтвердили высокий авторитет теоретического знания, его предсказательную силу. Обойтись совершенно без теорий теперь уже многим ученым, даже эмпирически мыслящим, представляется невозможным. Поэтому нынешние приверженцы фактологического направления обычно не отрицают значения теории, но сводят ее непосредственно к эмпирическому обобщению, к прямому результату индукции, к простому упорядочению фактов. Ведь в логике не исключается возможность называть предположительную констатацию, предварительное обобщение фактов гипотезой (так называемая «*описательная гипотеза*»). А благодаря этому легкому смещению понятий происходит следующее: согласно известному соотношению между гипотезой и теорией подтвержденная гипотеза сугубо схоластическим путем превращается в теорию. Так эмпирическое обобщение фактов становится теорией, «описательной теорией» (само собой, на деле также лишь эрзац-теорией).

С этой точки зрения, теоретик есть не что иное, как тот же эмпирик, но особого рода – *генерализатор*. Право на выдвижение теорий получает лишь опытный и заслуженный практик археологии (по высказыванию Вернера – Werner 1954). Стало быть, общей теории археологии суждено оставаться недостижимой конечной целью (ведь индукция никогда не может оказаться полной).

Главная ошибка здесь – понятие «описательной теории», к которой якобы ведет «описательная гипотеза». Гипотезы, предположения бывают двух родов: одни при подтверждении ведут к теории, но другие – к факту! Пусть и к обобщенному факту или к регулярности.

5. Надежда на логику. На рубеже 50–60-х гг. в Канаде была предпринята попытка построить теорию археологии на основе осознания несостоятельности простых эмпирических констатаций, на основе учета субъективного компонента в каждом наблюдении. Автор, Лаудзер (Lowther 1962), уловил дух времени: недоверие к познавательным возможностям археологии и к силе «голых» фактов, но вульгаризировал реализацию общей идеи. По его мысли, теория должна лишь *определять критерий верификации фактов археологии*. Задачу эту автор попытался решить в плане идеализма – с помощью чисто логического взаимного «согласования» понятий, совершенно отрывая понятия от соответствия реальностям (коль скоро эти реальности дискредитированы для него тем, что представлены в фактах уже осложненными субъективным компонентом наблюдения).

Ценными в этой попытке были две вещи: подступ к пониманию сложной природы фактов археологии и поиск возможностей прироста знаний вне сферы эмпирического накопления фактов. Однако, прямолинейно исходя из чисто идеалистической философии, автор не сумел предложить ни конструктивных способов оценки и обработки археологических фактов (критика источников), что уже до него сделали западногерманские археологи, ни пути построения системы нового знания сверх констатации фактов, что нашло позже более успешную постановку в «новой археологии».

На страницах «Current Anthropology» его попытка с разных сторон подверглась уничтожающей критике – более интересной, чем сама попытка. Сторонники материалистического подхода (А. Кригер, Д. Бидни, Э. Сполдинг), показывали бесплодность идеалистической методологии, кое-кто из таксономистов и индетерминистов (Г. Уилли, Г. Даниел) возмущался примитивностью и схоластичностью предложенных рассуждений, а некоторые критики отвергали верификацию как тему археологической теории – они предлагали сутью теории сделать соотношение между археологическими данными и другими сведениями о мире (дель Реаль) или даже вообще нацелить теорию на содержание, а не на носителей археологической информации, т. е. на *культурно-исторический процесс*, а не на артефакты и их обработку (Дж. Стюард).

Попытка Лаудзера любопытна тем, что в ней обычные недостатки сугубо идеалистических концепций выступают в наиболее открытом, наглядном виде.

Собственно, в русле той же рационалистической и упрощенческой традиции, с тем же упором на логику процедуры исследования

была во Франции разработана концепция Жана-Клода Гардена (Gardin 1979, 1980). Но Гарден далек от крайностей сугубо идеалистической методологии, да и вообще от всяких крайностей. Вероятно, из-за более прямого включения эмпирических данных (обобщение фактов) и более строгой (хотя и не пугающе строгой) формализации, а также, возможно (и не в последнюю очередь), ввиду размаха организаторской деятельности автора при разработке дескриптивной археологии его концепция встретила более теплый прием у археологов разных стран. У теоретиков она, однако, поддержки не получила.

Теория археологии, по Гардену, – это, по сути, *формально-логическая схема процедуры* и ее аргументация – от практического удобства и декартовского здравого смысла. У Гардена все мыслительные (рациональные, логические) операции археолога делятся на собирательные (*компиляции*) и истолковательные (*экспликации*). Внутри каждого из этих разрядов в свою очередь операции подразделяются и выстраиваются в последовательную цепь. Для каждой операции предусмотрены нормативы, условные меры и т. п. *Секреты объяснения и предсказания* оказываются вне этой схемы. Так и остается непонятным, откуда же берутся истолкования материала.

«Теоретическая археология» Гардена плоская, глубины у нее нет.

Для него мыслительная обработка археологического материала, в сущности, очень проста (слишком проста!): вся премудрость только в том, чтобы строго следовать простой единообразной схеме, не допускать вольностей. Он, кажется, всерьез думает, что такая установка на формально-логическое единообразие устранил все расхождения, поскольку содержательных оснований для них нет. Это явно иллюзия.

6. Упор на классификацию. Примерно в одно время с попыткой Лаудзера в Швеции была выдвинута теория археологии, основанная на сходных предпосылках, но более глубоко продуманная, более разработанная и более практичная. Автор ее, Матс Мальмер (Malmer 1962, 1963), именует свой подход «*рационализмом*» и противопоставляет его «*импрессионизму*» ученых, полагающихся на интуицию и избегающих точности.

Он также противопоставляет свой подход и «*эмпиризму*», под которым понимает, однако, материализм.

В теории Мальмера исходным пунктом является *неверие в объективность фактов археологии*, но не всех. Вещи и сооружения признаются реальностями, доступными объективной регистрации путем

измерения. Субъективность же оказывается неустранимой из понятий классификации – типов, культур и т. п. Поскольку именно *классификация* является основой всякой археологической деятельности и объединяющим стержнем всех отраслей археологии, то это для Мальмера и есть главная часть общей теории археологии. Его теория, по замыслу автора, должна помочь археологам осознать и объяснить эту трудную ситуацию с типами и культурами, подсказать меры ее преодоления. Выход Мальмер видит в *наложении на материал сугубо условной, но абсолютно четкой сети произвольных классификационных границ* с последующим измерением средних характеристик материалов, оказавшихся в ячейках этой сети, и установлением точных соотношений между этими характеристиками.

Теория Мальмера противоречива в своих основаниях и в своих следствиях. Если возможна объективная регистрация характеристик вещей, то непонятно, почему невозможна столь же объективная регистрация непосредственных соотношений между ними, их группировки (а ведь это и есть классификация). Признание реальности вещей и разработка методов объективной регистрации их характеристик способствуют построению объективного знания, а игнорирование реальной дискретности материала, реальных типов и культур в пользу сконструированных единиц условной классификации уменьшает познавательные возможности археологии.

У Мальмера есть исходные теоретические предпосылки и для историко-культурной интерпретации выявляемой картины, но они никак не связаны с «рационализмом» и не образуют с ним единого корпуса общей теории археологии.

Прямые последователи У. Тэйлора в США – разработчики «археологии поселений» (Чжан Гуанчжи и др.) – признают необходимость археологической теории, но сводят ее к систематизации понятий археологии. С их точки зрения, теория археологии – это *упорядоченная совокупность понятий*. Иными словами, археологическая теория – это язык археологии, или, точнее, ее словарь. В основе этих взглядов лежат идеи инструментализма, характерные для прагматической и частично также для «аналитической» философии. Ощутимы здесь и структуралистские идеи, особенно у Дица (Deetz 1967) и Хаймза (Humes 1967), которые попытались рассмотреть артефакты как слова некоего безгласного языка, различив в них смысловой и формальный компоненты.

Для Чжана Гуанчжи «фокусом всего сложного и заковыристого дела теории... являются принципы и действия классификации» (Chang 1967: 4). Сами же классификационные схемы, не говоря уж об объяснениях, все-таки приходится заимствовать, по его мнению, у этнографии, и вообще основа теории археологии должна разрабатываться на изучении современности. «Теория... – пишет Роберт Даннел, – состоит из идей об общих классах явлений». По его мнению, «в теории две основных части: классы явлений и принципы их соотношения» (Dunnell 1971: 32).

Систематизация понятий, конечно, важна для теоретического исследования, но никакая статичная система понятий не может выполнять важную функцию теории – *подсказывать методы исследования*. Разграничить и ограничить – еще не значит объяснить. Чтобы понятиями выразить закон, их нужно связать в *суждения*. Суждения-то и составляют необходимую форму теории. Фактически в «Пересмотре археологии» («Rethinking archaeology») Чжана Гуанчжи (Chang 1967) теория археологии отсутствует. Там есть лишь обсуждение философских предпосылок теории и некоторых частных проблем теории.

7. Теория в «новой археологии». В 60-е гг. пропагандисты «новой археологии», постулировав самостоятельность археологии как науки, нацеленной на открытие и изучение закономерностей жизни общества и культуры, отказались от позитивистского индуктивизма и выдвинули ему на смену нео- и постпозитивистский *гипотезно-дедуктивный подход*. Делом самой археологии они считают не только установление взаимоотношений, порядков в археологическом материале, но и их объяснение. Поэтому общая теория археологии представляется им необходимой.

Если Тэйлор говорил о «врастании археологии в дом антропологии», то Люис Бинфорд, основоположник «новой археологии» начал с утверждения, что археология есть просто часть антропологии (Binford 1962). Исходя из этого, он не стал требовать, чтобы археология заимствовала теории из антропологии, он просто распространил антропологическую ситуацию с теорией на археологию. Весь антропологический комплекс наук (по американским и английским представлениям, это культурная или социальная антропология, физическая антропология, этнография с социологией, лингвистика и первобытная археология) он в согласии с американской традицией отнес к точным наукам (sciences), а не к гуманитарным (humanities), т. е. предложил рассматривать археологию как родственную по своей природе таким

наукам, как физика, химия и социология, а не таким, как история или литературоведение.

Поэтому главной задачей изучения археологического материала Бинфорд объявил *выявление законов культурного процесса* (в более привычной нам терминологии – культурного развития или культурно-исторического процесса). Отсюда и самоназвание «новой археологии» – *процессуальная археология*. Исходя из нео- и постпозитивистского представления о научном исследовании, те регулярности, которые выявляются индуктивным путем, он расценил как банальные, не объясняющие этот материал. Объяснения же, по Бинфорду, *должны вытекать из теории*, а теория – формулировать общие законы. Формулировки эти порождаются идеями, источники которых многообразны и науке безразличны, не имеют для нее значения – лишь бы законы были проверяемы на фактическом материале по строгой логической процедуре проверки гипотез (Binford 1968a).

Таким образом, для Бинфорда теория – это прежде всего *совокупность законов культурного процесса*, продуцируемых на уровне идей и лишь проверяемых на фактическом материале.

Кроме частных теорий, относящихся к различным проблемам, Бинфорд намечает и общую теорию археологии. В ней немалую роль играет новое представление о культуре – модель культуры как системы, в которой каждая часть связана со всеми остальными и все взаимозависимы, как ячейки в волейбольной сетке: потянешь за одну – изменятся все. Это та самая модель, которая, по мысли Бинфорда, позволяет археологу на основании сохранившихся частей полностью восстанавливать несохранившиеся, в том числе и нематериальные, без хождения на поклон к этнографии (Binford 1962; 1968: 13–18). Отстаивая ради непредвзятого подхода *изначальную равноценность всех признаков артефакта* и отвергая их культурную иерархию, Бинфорд пришел к отрицанию значения типов в археологии и к требованию искать более сложные и тонкие взаимосвязи признаков – мультивариантным, в частности факторным, анализом.

При всей свежести и плодотворности новаций Бинфорда, взбудораживших археологию, надо признать, что резкая критика его положений во многом справедлива. Эта критика в значительной части вызвана общими недостатками усвоенного Бинфордом гипотезно-дедуктивного подхода и крайностями социологизма – *сведением всего содержания культурно-исторического процесса к проявлению общих законов, истории – к социологии, археологии – к антропологии* (впро-

чем, и противоположная крайность, сведение археологии к истории, имеет свои пороки).

Несостоятельна и модель, уподобляющая культурную систему волейбольной сетке. На деле в культуре есть иерархия звеньев, их различение по весу и функциям, есть известная автономность различных частей. Наконец, «новая археология» сочла, что *по археологическим остаткам может адекватно (будто непосредственно) изучать динамику культур прошлого*. Это лишь показывает, что на всякого мудреца довольно простоты и у всякого новатора свои иллюзии.

Словом, если ядро теории и впрямь состоит из законов, то знать это еще недостаточно для понимания сути теории и ее роли в археологии. Механизм действия теории оказался гораздо сложнее, чем вначале представлялось Бинфорду, а роль общих законов – не столь абсолютной.

У англичан своя разновидность «новой археологии», свой лидер, свои предпочтительные связи в сообществе наук. Английские «новые археологи» ориентируются на «новую географию». Наиболее полно «общая (или центральная) теория археологии» в их понимании разработана в книге Дэвида Кларка «Аналитическая археология» (Clarke 1968). По Кларку, эта теория призвана ясно определить природу археологических явлений – объектов и отношений между ними, синтезировать общие закономерности, выступающие в данных археологии. В составе теории Кларка три части:

а) логическая схема археологического исследования – в духе гипотезно-дедуктивного подхода;

б) ключевой принцип классификации – на политетической основе в русле числовой (нумерической) таксономии;

в) объяснительная модель изменения культуры – в плане общей теории систем, с представлением культуры в качестве кибернетической системы, взаимодействующей со средой.

Эти три части, по сути, взаимно независимы, а теория как система суждений растворяется в методике – теоретической научной дисциплине. У Кларка, да и в «новой археологии» в целом нет стержня теории – «фундаментальной теоремы» (выражение Фрэнка Хоула – Hole 1973: 22), которая бы соединила отдельные части в цельную теорию. Вероятно, это связано с тем, что вся концепция не выросла из закономерностей, открываемых в археологическом материале, а в соответствии с философией Карла Поппера, *сконструирована как иде-*

альная дедуктивная система и наложена на археологию извне – также, как она наложена на географию у представителей «новой географии», у которой Кларк и его последователи заимствовали многие идеи, установки и конкретные разработки.

По признанию самих сторонников «новой археологии» (семинар в Санта Фе, 1970), у них нет теории, «способной адекватно объяснить изменения в культурных системах» (Hill 1971).

Все это о «новой археологии» 60-х и 70-х.

8. Осознание специфики источников. В своей публикации 1972 г. Бинфорд различал в археологии два ряда законов:

а) законы, *действовавшие в живом обществе прошлого и формировавшие культуру, в частности материальную, и*

б) законы, *по которым происходило отложение и последующая трансформация остатков материальной культуры, их превращение в археологический материал.*

Второй ряд законов нужно знать для надежной реконструкции, первый – для понимания реконструируемых явлений. Но законы второго ряда не занимали важного места в бинфордовской концепции – его теория археологии *практически изучала культурные системы непосредственно по археологическим остаткам*, игнорируя и даже отрицая их неадекватность культурным явлениям прошлого.

Также и Д. Кларк в работе 1973 г. (Clarke 1973), возможно, под впечатлением от работы С. Дж. Х. Дэниелса (Daniels 1972), напечатанной в сборнике под редакцией Д. Кларка, обратил внимание на явления, регулируемые этими законами второго ряда. Он предложил разделять общую теорию археологии на следующие части:

а) теорию преддепозиционную и депозиционную, ведающую тем, что происходит с элементами материальной культуры до их депозиции (отложения) и при депозиции;

б) постдепозиционную теорию, изучающую процессы, происходящие с остатками в земле после отложения;

в) теорию обнаружения, которая оценивает добывание памятников археологом – раскопки, сборы и т. п.;

г) теорию анализа, по которой разрабатываются способы извлечения информации из добытых памятников;

д) теорию интерпретации, согласно которой по извлеченным из археологических источников сведениям делаются выводы о процес-

сах в древнем обществе и окружающей его среде, даются предсказания о еще неизвестных явлениях.

Путь был намечен интересный. Однако до своей неожиданной смерти в 1976 г. Д. Кларк так больше и не занялся этими вопросами и не оставил по ним подробных разработок.

Бинфорда же проблема эта, в литературе уже, как видим, дискутировавшаяся, занимала все больше. Еще на рубеже 60–70-х гг., следуя примеру некоторых своих коллег (Kleindienst and Watson 1956; Gould 1968; и др.), он провел полевые исследования среди эскимосов Нунамиут, наблюдая за их поведением (behavior). Он хотел понять, как на деле образуются археологические комплексы при бродячем образе жизни, комплексы каменного века (это ему было нужно для того, чтобы запастись аргументами в споре с Франсуа Бордом об истолковании различий в палеолитических культурах – разные это группы населения или разносезонные поселения одной группы). После середины 70-х результаты этих экспедиций и размышлений стали сказаться в публикациях его самого и его учеников.

С этого времени Бинфорд обратил серьезное внимание на второй ряд законов и поставил их в центр своих занятий (Binford 1977, 1978, 1983). Поскольку теория, формируемая вокруг этих законов, представляется ему рангом ниже теории культурного процесса (т. е. «общей теории» – *General Theory*), но рангом выше частных теоретических проблем, он назвал ее «теорией среднего ряда» (*Middle-Range Theory*). В русской терминологии это «теория среднего уровня». Позже Бинфорд объяснил это наименование иначе – ее посреднической функцией: она соединяет современные источники с событиями прошлого.

В середине же 70-х гг. ученик Бинфорда Майкл Шиффер концептуально оформил продвижение этой проблемы в разряд центральных. Его «*бихевиорная (поведенческая) археология*» (Schiffer 1976) призвана изучать всякое поведение людей – как люди живут, создают материальную культуру и – last but not least (последнее по порядку, но не по значению) – как они по мере изнашивания или выхода элементов материальной культуры из обихода отправляют их в отбросы или на упокое. То есть создают культурный слой, могильники и т. п. Именно общие законы последнего рода Шиффер и ввел в ядро теории археологии.

Я считаю, что это знаменует рубеж в истории «новой археологии», возможно, правильнее говорить – ее конец. Потому что с этого

времени в США лидирует не «новая археология», какой она себя зарекомендовала, не «*процессуальная археология*», как она себя называла. Центр ее концепции переместился с исследований «культурного процесса» на анализ «поведения» людей и их групп, определяющего те формы, в которых этот процесс преобразовывался и застывал в следах и остатках, чтобы предстать ими перед археологом. Так что именно бихевиорная археология должна была бы по праву называться *постпроцессуальной!*

Общий интерес к этой тематике выразился в появлении множества работ на стыке археологии с этнографией и техническими экспертизами, где сформировались специальные отрасли: главным образом, экспериментальная археология (Coles 1973, 1979; Ingersol et al. 1977) и этноархеология. Последняя возникла в двух вариантах:

а) «*срочная археология*» (*urgent archaeology*), которая раскапывает памятники, только что покинутые обитателями или строителями и потому представляющие археологам возможность легкой проверки интерпретаций; этой деятельности близка или образует ее разновидность «*мусорная археология*» (Rathje 1974);

б) «*археология активности*» или «*живая археология*» (*action archaeology, living prehistory*), которая, собственно, является ориентированной на археологические интересы этнографией (таковы работы Kleindienst and Watson 1956; Gould 1971, 1977, 1978, 1979; Donnan and Clewlow 1974; Yelenn 1976, 1977; Ghoneim-Graf 1978; Kramer 1979).

В этих отраслях, по самому определению их задач, куется теория археологии.

Итак, бывшие «новые археологи» осознали на этом этапе, что археологические источники это не то же самое, что древняя культура (название «археологическая культура» в этом смысле обманчиво). Но все они, и «бихевиорные археологи» в том числе, еще продолжают считать, что археологические источники содержат всю нужную информацию для того, чтобы полностью реконструировать общество прошлого, что без обращения к другим источникам – скажем, письменным, этнографическим – можно обойтись.

Однако в Западной Германии параллельно развивалось направление, представители которого подошли к проблеме специфичности археологических источников совершенно с другой стороны. Вот они-то прежде всего осознали *неполноту, ущербность информации, добываемой из археологических источников* – но в отличие от своих

британских коллег не абсолютизировали эту недостаточность, не впади в огульный скептицизм, а попытались определить границы познавательных возможностей каждой категории археологических источников, а ущербность археологического материала в целом компенсировать за счет привлечения других видов источников, т. е. путем синтеза наук.

Эти западногерманские археологи исходят из идей Эрнста Вале (Wahle 1941, 1953), а наиболее полную разработку их концепция получила в трудах Ганса-Юргена Эггерса (Eggers 1959) и Рольфа Гахмана (Nachmann et al. 1962; Nachmann 1966, 1970). Эти исследователи выступают против заимствования представлений из других наук, против «смешанной аргументации» такими разнородными, непосредственно не совместимыми аргументами, за получение ограниченных, но независимых выводов археологии. Они детально разработали проблемы спецификации археологических источников в связи с вопросом о границах познавательных возможностей археологии. При этом они учли не только наличие субъективного компонента в наблюдениях, но и неоднозначность и смещенность отражения жизни исчезнувших обществ в археологических источниках. То есть то, что американские и английские «новые» и «бихевиорные» археологи только еще намечали и планировали разработать, немцы, которых в англосаксонском мире мало читают, во многом уже осуществили. В Дании это проявилось в статьях Кристиана Кристиансена о внутренней критике источников (Kristiansen 1974, 1978, 1985; см. также Ebbesen 1981; Selinge 1987).

Необходимость специальных археологических методов исследования для этих археологов несомненна. О теории они мало говорят, вероятно, следуя общим настроениям германской археологии, где теорию не очень жалуют. На деле, однако, в сущности они строят общую теорию археологии, но лишь как теорию процесса исследования специфических источников, теорию специфической материальной формы, в которой отложилась история исчезнувших обществ. Содержание этой истории задевается ими в очень малой мере.

Пуристские требования очистить аргументацию, используемую до приступа к синтезу, от привнесения выводов смежных наук, на первый взгляд, очень привлекательны, но они столь же мало реалистичны, как и требования эмпиристов «выложить чистые факты» – и по тем же причинам. Центральный пункт этой теории – в ориентировке на междисциплинарный синтез, но как его проводить? Когда не удастся

простое сложение данных и взаимная компенсация лакун (а это очень редко удается), то так и непонятно, что же делать (Клейн 1974; Klejn 1974a).

Дальнейшая разработка этой темы представляется мне очень перспективной (некоторые положения Эггерса и Гахмана я старался развить дальше – см. Клейн 1978, 1988; Klejn 1974b, 1981).

9. Теория как политика? В 80-е гг. появилось и громко о себе заявило новое течение, причудливо соединившее в себе три разных традиции:

а) неокантианские идеи и изрядный индетерминизм (в духе Р. Коллингвуда, Г. Даниела и У. Тэйлора), с выросшим из них контекстуализмом, как у Чжана Гуанчжи,

б) структурализм от К. Леви-Стросса и постструктурализм от Р. Барта, М. Фуко и др.,

в) западный университетский марксизм на манер Г. Лукача, Г. Маркузе и др.

В этом новом, склеенном из старых, течении есть более академическое крыло (творчество Яна Ходдера – см. Hodder 1982, 1986, 1987 и др.) и крыло более публицистическое, чтобы не сказать декламационное (М. Шэнкс и К. Тилли – см. Shanks and Tilley 1987, 1989).

В значительной мере это течение возникло в недрах «новой археологии» как реакция на ее крайности – веру в возможность полных и абсолютно объективных реконструкций, упование на силу и самостоятельность археологии и ее теории и т. п.

Главным позитивным вкладом этого направления представляется мне подрыв непомерного увлечения «новых археологов» *прямолинейными регулярными увязками элементов материальной культуры с социальными и духовными явлениями некогда живых обществ*. Ходдер и его приверженцы показывают, что идейные, да и социальные системы имели и имеют значительную *свободу выбора форм* для своего выражения в материальной сфере (и, конечно, не только в ней), а это должно внести существенные коррективы в ходячие представления о регулярности культурного мира.

Ходдер отвергает предлагаемую Бинфордом «теорию среднего уровня» (*Middle-Range Theory*), основанную на *предположении сугубо регулярных соответствий между материальной культурой и социальным поведением*. Влияние идеологии и свободы выбора в прошлом вносило *неопределенность* в создававшийся мастерами

и подлежащий восстановлению облик вещей. Кроме того, этот облик зависит и от того, как мы его восстанавливаем, от нашей теории и практики исследований, а они в свою очередь определены и обусловлены нашей идеологией, наши же идеи зависят от наших социальных интересов и наших политических ориентаций.

Какой же смысл тогда проверять теорию фактами? «Не может быть проверки теории посредством данных» (Hodder 1986: 16). «Мы отвергаем идею абстрактного корпуса теории, которую надо жестко применять, когда и где необходимо» (Shanks and Tilley 1989: 50).

Теория в их понимании переплетается с практикой, не только археологической, но и идеологической и политической. Никакие разговоры о взаимном воздействии фактов и теории не спасут от констатации того, что у Ходдера и его сторонников содержание теории теряет четкую зависимость от фактов, от проверки фактами, и становится просто отражением идеологической позиции археолога и его социального слоя. Это установка, опасная для археологии как науки.

Здесь последователи западных марксистских интеллектуалов смыкаются с еще сохранившимися кое-где в советской археологии моги-канами марксистской ортодоксии – истовыми и твердокаменными. Да и то, скорее, не с ними самими, а с их предшественниками и вдохновителями из далеких 20-х и 30-х гг.: те-то прямо и открыто, без стеснения, стремились внедрять политические установки в археологию и прежде всего в ее теорию. Последние марксистские ортодоксы были куда скромнее: они лишь хотели добиться того, чтобы археологическая теория строилась как прямая проекция известной философско-социологической теории, классово определенной и политически выверенной – диалектического и исторического материализма в его текущем варианте, освященном последними постановлениями ЦК и зафиксированном стандартными учебниками. Последовательное проведение этой позиции в теории и практике науки принесло немало вреда советской археологии. Как говорится, это мы уже проходили...

Философские и политические предпочтения археолога, конечно, отражаются в его научной продукции. Крупные течения археологии, несомненно, обусловлены не только накоплением фактов и логикой научных открытий, но и социальными сдвигами в окружающей и воздействующей на ученых среде. Однако наука тем и отличается от прочих сфер творчества – художественной или, скажем, религиозной, что в ней есть дисциплинирующие правила проверки и самопровер-

ки, контроля и самоконтроля, строгие методы, способы выявления и элиминации субъективного компонента и предвзятых идей, будь то индивидуальных или коллективных. Теория, конечно, присутствует в фактах, и предвзятые идеи сидят в наших головах, но вся штука в том, что мы об этом знаем. На то мы и ученые, чтобы это знать и справляться с этим. И мы в той мере ученые, в какой с этим справляемся.

10. Заключение. Таким образом, в западной науке вот уже несколько десятилетий ведутся весьма интенсивные работы над созданием общей или центральной теории археологии – теории, которую можно было бы предложить для руководства всем отраслям археологии и всем (!) соперничающим направлениям (Clarke 1968: XV). Пять журналов и одно периодическое издание отведены почти исключительно под теоретические статьи: «American Antiquity», «Norwegian Archaeological Review» и «Etnographisch-Archäologische Zeitschrift», а также «Journal of Theoretical Archaeology» (существовал недолго) и новосозданные «Journal of Archaeological Method and Theory» и «Archaeological Dialogues». Ежегодно появляются по несколько капитальных монографий и солидных сборников, посвященных проблемам теории. К участию в этих работах привлечены наиболее продуктивные кадры с мобильным мышлением, включая широкие круги научной молодежи. Достигнуты значительные успехи в ряде частных вопросов (принципы критики источников, основы классификации, схемы процесса археологического исследования и др.).

Однако нет ни согласия, ни убедительного обоснования предложений о предмете, составе, задачах и даже необходимости общей (центральной) теории археологии. Теорию эту представляют себе то чрезвычайно узко – как упорядоченную совокупность фактов, или как систему понятий, как набор методов, как формально-логическую схему процедуры, или как критерий верификации фактов, или же как программу очистки классификаций от субъективности, то исчезающе узко («нулевая модель»), то широко и всеобъемлюще – как соединение метаархеологии с социологической и антропологической методологией. В последнем случае, однако, не удастся вычленить теорию из теоретической дисциплины – методологии и найти объединяющий стержень, «фундаментальную теорему».

Быть может, в какой-то мере слабостью теоретических построений оказывается и отрыв работы над теорией от выявления закономерностей в предмете археологии.

Рассмотрение западных концепций показывает, что представления об облике и задачах теории зависят от философских убеждений соответствующих групп археологов и от их представлений о предмете археологической науки. Провал многих попыток и нередкое взаимонепонимание говорят о неудачном выборе и вульгаризации философских предпосылок некоторыми школами археологии на Западе (часто это дело социально обусловленной моды) и отражают обычную расплывчатость представлений о предмете археологии.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Дальнейшее чтение, очевидно, прежде всего должно строиться на ознакомлении с основными упомянутыми произведениями. Особенно с работами, в которых наиболее полно выступают представления об археологической теории. Это в основном работы сторонников «новой археологии» и постпроцессуальной археологии (Clarke 1968, 1973; Hodder 1982, 1991; Binford 1977; Shanks and Tilley 1987, 1992), а также обобщающая книга Бернбека «Теории в археологии» (Bernbeck 1997). Мои статьи, описывающие развитие представлений о теории, переданы текстом этой главы.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

- 1. Можно ли уловить определенную логику развития представлений о том, что такое теория, или эти взгляды изменялись хаотично, случайным образом?*
- 2. Можно ли проследить связь смены взглядов на теорию в археологии со сменой философских учений?*
- 3. Какие основания полагать, что теории смены культур являются общими для археологии?*
- 4. Здесь смена взглядов на теорию прослежена главным образом на материале общей теории археологии. Можете ли Вы рассмотреть на конкретных примерах, как эти взгляды сказывались на частных теориях?*
- 5. В какой мере конструирование (как у Уолтера Тэйлора) является действительно более адекватным определением целей археологии, чем реконструирование?*
- 6. Есть ли какие-нибудь черты теории у концепции «нулевой модели»?*

7. Что общего у предтеории (в духе Сполдинга) с теорией?

8. На достаточном ли основании некоторые системы взглядов названы здесь эрзац-теориями или у них есть право называться теориями?

9. Что позволило Гардену назвать свою книгу «Теоретической археологией»?

10. «Новая археология» подымала теорию на щит, не оставляя этого и когда перешла на стадию «бихевиорной археологии». Немецкие пурификаторы испытывали инстинктивное отвращение к теории. Однако делали они то же самое, при чем немцы делали это раньше. Что общего у этих групп археологов и в чем они расходятся?

11. У постпроцессуалистов налицо резкая критика «новой археологии», отстаивание ряда старых идей («реакционные взгляды», по выражению Ходдера) и положение о переплетении теории с практикой. А есть ли у них истинно новая теоретическая концепция?

12. Проследив смену взглядов на теорию и их накопление, как лучше их систематизировать (т. е. как их расположить не в хронологическом порядке, а систематически)?

ГЛАВА 10

ЧТО ТАКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ? (СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ)

Главным для теоретика оказывается теперь не вопрос «Справедлива ли моя теория?», а, скорее, «Является ли то, что я создаю, теорией?».

Дайсон, 1967: 118–119

1. Проблема. «Что есть теория?» – спросил недавно археолог Пит Раш (Rush 1994: 66–76). Его ответ не внес большой ясности. «Однако, – пишет он, – на это нельзя дать общего и полного ответа, ибо даже если теория эксплицитно сформулирована в археологическом рассуждении, концепция теории, ее границ, способностей и назначения имеет огромную широту». Он приходит к впечатлению, что невозможно найти нечто общее в археологических теориях, и они образуют нечто похожее на витгенштейново «семейное сходство» – т. е. некоторые из них похожи на другие, те – на третьи, третьи – еще на какие-то, но последние уже совсем непохожи на первые, а все вместе они объединены только своим участием в общей сети связей. В конечном счете они связаны с практикой. Но тогда всякое рассуждение археолога может быть названо теорией.

Джулиан Томас (Thomas 1995: 350) отмечает «широко распространенное заблуждение о том, что такое теория и что она делает». Как Питер Аккоу (Ucko 1995: 1) заметил, есть «мало согласия относительно отношений теории к практике и даже, возможно, о том, что составляет ‘археологическую теорию’».

Становится ясно, что до сих пор у археологов не было единого и четкого представления о сущности теоретической работы, что отправляясь от своего узкого опыта и устарелых, чаще всего неосознанных, нечаянно заимствованных философских идей (особенно из круга эмпиризма), археологи подходили к исследовательской работе с разношерстными и крайне упрощенными представлениями о ее задачах и требованиях.

Между тем археология, переживающая сейчас этап научно-технической революции, нуждается в проверке и обосновании своих средств познания. Это побуждает ее более интенсивно обращаться за помощью к философии, а именно теперь в самых разных философс-

ких течениях (да и в разных науках) обнаружился уклон к гносеологическим проблемам, интерес к метатеории (см. эпиграф).

В наших вузовских программах не предусмотрено обязательное изучение общей методологии научных исследований. Богатая и изощренная концепция теоретического знания, разрабатываемая философами и науковедами (в том числе и марксистскими), пожалуй, просто незнакома археологам, и лишь слабые отблески ее отражаются в теоретической работе археологов.

Настоятельно необходимо ввести в археологию современные представления о том, что такое научная теория, и с этой точки зрения критически разобрать упрощенные схемы, явно или подспудно бытующие в археологии и реализуемые в повседневной исследовательской работе.

2. Обиодные представления. Перед этим (в предшествующей главе) я рассмотрел представления о теории, в их последовательности, хронологически, как они появлялись в истории дисциплины. Теперь я должен суммировать это в систематическом порядке. Поскольку в историографическом обзоре я рассматривал концепции, выдвинутые в метаархеологии Запада, теперь я приведу примеры главным образом из отечественной археологии, но затрону и западные, особенно те, которым близки взгляды ряда советских археологов на этот предмет. Археологическая теория трактуется следующим образом:

1. Упорядоченная совокупность фактов. Согласно такому пониманию, любое обобщающее исследование является теоретическим (из эмпирики изымается индукция, эмпирике отводится только описание), и чем шире круг обобщенных фактов, тем выше уровень теории. «Только теория... – сказано у Захарука (1971а: 48; 1971б: 8), – является единственной формой научного обобщения» (здесь сохранен стиль этого автора, в частности двойное выделение – «только» и «единственная»). В соответствии с этим Брюсов свою работу по обобщению фактологической базы для хронологии лесного неолита назвал «Некоторые теоретические основы хронологии неолита» (Брюсов 1954). Такая трактовка, конечно, отражает широкую авторитетность эмпирического метода (Клейн 1977) – сводка фактов возведена в теорию!

Даже у археолога, ратующего за «теоретизацию» археологии (Генинг 1982: 7) ранней теоретизацией оказывается сортировка и простое функциональное определение вещей (горшок, нож, погребение), хотя

и признается, что это «сугубо эмпирическое исследование» и к тому же что это «эмпиризм самого низшего описательного уровня». Дальнейшую теоретизацию, переходную от эмпирического уровня к теоретическому, обеспечивают обобщения, классификация, выявление регулярностей – все это и в эмпирическом исследовании уже налицо. «Известная степень теоретизации знания достигнута, – пишет Генинг, – но и это не выводит ее (археологию. – Л. К.) за пределы эмпирической науки». И поясняет цитатой из одной философской работы: «её (т. е. эмпирическую науку. – Л. К.) нельзя сводить к накоплению фактов... в основе науки и на её эмпирической стадии лежат определенные концептуальные положения, ...логическая деятельность» (1982: 10).

То есть коль скоро наука не сводится к накоплению фактов, а занимается обобщениями, оперирует наборами понятий, логикой, то это уже теоретическая деятельность. Тогда в чем отличие теоретической деятельности от эмпирической?! Да, Гете говорил: «все фактическое – уже теория». Но: «все фактическое», а не «все эмпирическое!»).

Опираясь на неудачные новации некоторых философов, Генинг причисляет к теориям «так называемые описательные теории», которые должны занять промежуточное положение между эмпирическим и теоретическим уровнями. Согласно этим философам, описательная теория «непосредственно описывает группу объектов... решает прежде всего задачу упорядочивания... фактов». Ее законы «представляют собой генерализацию эмпирического материала» (Попович и Садовский 1970: 206). Но есть ли тогда вообще основание именовать ее теорией (если, конечно, не учитывать острого желанья некоторых эмпириков считаться теоретиками)?

Для тех, кто отвергает примат эмпирического метода, отпадает и соответствующее ему понимание теории. Наши современные философы полагают, что «наука как теоретическая система знания не является и не может являться совокупностью фактов...» (Овчинников 1968: 23).

Несколько модифицируя пояснение, данное Кэпланом и Мэннерсом (Kaplan and Manners 1972: 12), я бы сказал так. Констатация «В данной группе археологических комплексов с кремневыми ручными рубилами нет орудий из выплавленного металла» – это *описательное утверждение*. Вывод «Во всех обнаруженных доныне археологических комплексах с кремневыми ручными рубилами нет орудий из выплавленного металла» – это *эмпирическое*

обобщение. Идея «Во всех археологических комплексах с кремневыми ручными рубилами нет орудий из выплавленного металла, не бывает, не может быть» – это теоретическая идея. Между высказыванием обо «всех известных комплексах» и высказыванием обо «всех вообще» индукция обрывается, здесь нужен прыжок мысли.

2. *Упорядоченная совокупность понятий.* «Археологическая теория, – пишет Чжан Гуанчжи, – это систематическая совокупность понятий, которыми, по нашему пониманию, можно разбирать и объяснять археологические факты...» (Chang 1967: 128).

Но понятия могут рассматриваться и не в качестве априорных, а как простое обобщение и оформление фактов. В этом случае вся концепция оказывается усовершенствованием первой. Поэтому нередко сторонники первой готовы принять и вторую. Так, Захарук (1970: 10–14) выдвигает разработку понятий, их систематизацию и согласование терминологии на первое место в развитии теории советской археологии. Он представляет эту работу как главное средство для перехода от «эмпирического» этапа истории нашей науки к ее «синтетическому» этапу (а синтез и обобщение отождествляются им с теорией).

Конечно, понятия необходимы для теоретической работы, и теория приводит их в определенную систему. Но сами по себе понятия (даже упорядоченные) теории не составляют. Ядро теории состоит из суждений, в которых понятия связаны друг с другом так, что установлена динамическая взаимозависимость выраженных понятиями переменных. Это и позволяет по изменению одних предсказывать изменения других. С точки зрения современной философии, «если логически непротиворечивая система понятий не способна предсказать каких-либо наблюдаемых следствий, то вообще нет оснований считать ее теорией...» (Копнин и Попович 1968: 88).

С такой существенной поправкой эта концепция изложена недавно у Чэпмена и Долуханова: «Простейшая дефиниция теории – это: отбор существенных переменных или факторов по очерченной проблеме и установление взаимоотношений между этими ключевыми переменными. Таким образом, работать в “теоретической археологии” означает работать тремя взаимосвязанными стадиями: (1) определение фокуса проблемы, (2) отбор переменных, и (3) характеристика и объяснение взаимодействия между переменными и их изменениями» (Charman and Dolukhanov 1993: 1). Вопрос, однако, в том, что за взаимодействие между этими переменными имеется в виду и как его устанавливать.

3. Система законов. В программной книге «новой археологии» дано уравнение: «Научная теория, формально говоря, есть *корпус родственных законов*» (Watson et al. 1971: 163). (Курсив мой. – Л. К.) Законы же отливаются в логическую форму «если А, то В при условии С» и понимаются как выражение повторяемости (regularity) (Fritz and Plog 1970: 411). В советской литературе трудно найти столь четкую формулировку уравнения «теория = законы», но сама идея очень широко распространена и ориентирует многие исследования. В ее основе здесь вполне марксистская установка выявлять закономерности, только редуцированная под влиянием эмпиризма до уровня простого обобщения повторяемости («закон = сходства»).

Но, как на простых примерах показывал А. Л. Монгайт (Амальрик и Монгайт 1966: 173), закономерность не сводится к выявлению повторяемости, к перечню общих внешних признаков, а подразумевает «общую причину аналогичных явлений». Сам лидер «новой археологии» Люис Бинфорд вспоминает замечание своего учителя Лесли Уайта: «Джулиан Стюард не понимает разницы между универсальным фактом и законом». «В то время, – сознается Бинфорд, – я просто не понял, что, собственно, Уайт сказал. Разве законы не выражают универсальную истину? Разница же, конечно, заключается в роли теории. Эмпирический ‘закон’ и ‘охватывающий’ закон весьма различны. Один означает “очень много смотреть”, другой означает “очень много думать”» (Binford 1972: 18).

Стало быть, законы не вытекают из эмпирии, образуя теорию, а, наоборот, формируются теорией и прилагаются к объяснению регулярностей в материале. «Логического пути, который вел бы от опытного материала к построению теории, просто не существует» (Баженов 1973: 403). Да ведь это старая идея, которую Альберт Эйнштейн (1965: 10) выразил ясно, кратко и в то же время полно: «...теоретическая система практически однозначно определяется миром наблюдений, хотя никакой путь не ведет от наблюдений к фундаментальным принципам теории».

Атмосфера археологии, пронизанная эмпиризмом, отталкивает эту идею. А. Е. Матюхин (1975: 20), декларируя, что археология «должна иметь свою теорию», называет пригодные для этого «общие закономерности». Под ними, судя по перечню, он явно имеет в виду простые эмпирические обобщения (например, «хронологическое соответствие разнообразия типов орудий характеру производства и хозяйства древних людей» и т. п.). В том же году, однако, В. Ф. Генинг (1975: 5) как

бы в ответ констатирует: «Конечно, накопилось уже достаточно фактов, которые отражают некоторую эмпирическую закономерность, последовательность явлений, но их внутренняя зависимость еще не изучена. Так, эмпирически достаточно хорошо установлено, что вещи одного типа одновременны... Но подобные эмпирические наблюдения... еще не подняты до уровня законов и научных теорий в археологии». Стоило бы только оговорить, что эта констатация справедлива лишь по отношению к данному и подобным примерам.

4. *Набор взаимосвязанных методов.* Что значит «перейти от эмпирических задач к теоретическим»? Некоторые советские археологи понимают это так: «Например, от эмпирической процедуры сравнения данного сосуда с данным сосудом... нужно перейти к общим правилам сравнения двух или более любых вещей или объектов», построить также общие правила классификации, датировки и т. п. (Каменецкий и др. 1975: 5–6). У Шера (1973: 55) «теоретическая археология» понимается как «теория обработки археологических данных», та – как «система общих моделей», а последние раскрываются как «общие правила сравнения... различные приемы статистической обработки...» и т. д.

Одно из определений «центральной теории археологии» у Дэвида Кларка – «процедуры, общие для археологии повсюду» (Clarke 1968: XV). Для многих «новых археологов» теория означает просто «математическую модель» – формулу для расчета отношений между наблюдаемыми переменными.

Патти Уотсон с соавторами, однако, полагают, что называть «археологической теорией» методы и технику раскопок и анализа не стоит, так как большей частью эти методы и техника заимствованы у других наук. «Хотя логически и допустимо собрать все эти общие правила вместе, в один корпус, который можно назвать ‘археологической теорией’, но... лучше им просто называться методами и процедурами, применяемыми в археологии» (Watson et al. 1971: 165).

Суть, конечно, не в том, что методы нередко заимствуются у других наук, а в том, что археологии для ее специфических задач нужны и свои методы, в наибольшей мере адекватные ее предмету, что они есть и что оптимально аппарат этот выводится не из самих фактов, а из их строгого осмысления, из мысленной переработки. То есть выводится из теории, а не подменяет ее.

В противном случае возникает ситуация, описанная Хоулом: «У нас есть не эксплицитная система теории, а, скорее, ряд процедур:

типология, порядковая таксономия, анализ признаков и т. п. Хуже того, раз уж нам приходится работать с тем, что у нас есть, мы хватаемся за соломинку, надеясь, что... артефакты... когда-нибудь расскажут нам о поведении того, о чем мы спрашиваем. Ни утвердившиеся процедуры, ни имеющиеся в нашем распоряжении артефакты не приведут к информации, обладающей смыслом на языке категорий культуры...» (Hole 1973: 25).

5. *Проекция философской теории.* Было время, когда в советском общественном сознании статус теории признавался только за диалектическим-и-историческим-материализмом (при чем в узко догматическом, точнее в схоластическом смысле: даже материалистическая диалектика противопоставлялась теории как метод – просто потому, что кто-то из классиков где-то так ее назвал). Считалось, что в любой социальной науке это *единственная общая для данной науки теория*. Таким образом, диалектический-и-исторический-материализм не только выступал в функции философского и социологического учения, но и наделялся функциями специальных теорий разных дисциплин с задачами отражать и специфику каждой предметной области.

Эта догматическая «натурфилософская» (или, точнее сказать, «социалфилософская») установка, сводившая теоретическую работу к подгонке материалов под заданные общие схемы, снята почти полвека назад, в годы «оттепели». Позже лишь некоторые наши ученые продолжали представлять себе общую теорию частной науки (в данном случае археологии) как простое *наложение, проекцию философской и общесоциологической теории* (в частности, исторического материализма) на интерпретацию материалов данной науки – отбор тем, подход к материалу, выводы. Так, например, Массон (1969), выделив «три исходных тезиса», полученных археологией от исторического материализма (историзм, закономерность прогресса, примат производства), и проследив, какое выражение нашли эти тезисы «в методическом и тематическом отношении» в советской археологии, считал, что сформулировал тем самым «теоретические основы советской археологии».

Сторонники такого подхода склонны требовать, чтобы не только общая теория данной науки, но и каждая ее частная теория строились на проекции философской теории. Такую позицию занимал Рогачев (1972).

Точка зрения, исходящая из отвергнутой Энгельсом трактовки философии как «науки наук», утратила признание у многих филосо-

фов-марксистов (Копнин и Попович 1968: 94–99). Значение философии для развития позитивных наук несомненно. Интересные для них идеи внесла и марксистская философия. Но внедрение философских идей в исследовательскую практику позитивных наук – процесс сложный и опосредованный. Они входят в позитивную науку не вместо ее специальных теорий и не «переодетые» в форму этих теорий, а преломленные и «освоенные» ими (Захарук 1970: 14–15).

Очень своеобразно понимал эту истину Генинг (1982: 17). Оставляя свои «описательные теории» для эмпирического уровня, теоретический уровень он конструировал иначе. Нет, не непосредственно налагая философские схемы на археологический материал (он отметал подобные представления), а вот как: «онтологическую схему реальности... представляет в нашей науке материалистическое понимание истории, выраженное в марксистско-ленинском учении об общественных формациях, в теории исторического материализма. Из основных положений этой онтологической схемы, фиксирующей основные связи, структуру и соотношения компонентов в общественной истории, необходимо извлечь исходные принципы – в основном разработать теорию исторического познания в археологии. Это и будет теория общей археологии».

Ни автономия этих извлеченных из философии «исходных принципов», ни хотя бы относительная самостоятельность археологической теории, ни ее зависимость от чего-либо помимо философии не оговорены – в чем же отличие от непосредственного проецирования? Что в лоб, что по лбу. Идеологические догмы живучи. Старым исследователям они вошли в плоть и кровь.

3. Понятие в оппозициях. «Вообще, на наш взгляд, строгое определение теории в рамках содержательно-философского исследования невозможно и не нужно», – с некоторым философским снобизмом заявил Л. Б. Баженов (1973: 392). Тем не менее он тут же, как мне представляется, наметил и частично реализовал (в той же великолепной статье) возможность четырех подходов к определению:

- 1) *логико-дедуктивного* – указанием охватывающего понятия и специфического отличия;
- 2) *остенсивного* – перечислением примеров;
- 3) *философски-содержательного* – «совокупностью основных характеристик теории»;

4) *системно-структурного* – прослеживанием того, как меняется место понятия в системе при разных ее поворотах, если рассмотреть участие этого понятия в разных оппозициях.

Именно этот последний способ определения представляется наиболее подходящим для начала общего ознакомления со сложным и многоаспектным предметом – теорией: он помогает ориентироваться и отобрать ракурс рассмотрения, адекватный задаче.

Слово «теория» многозначно. Им нередко обозначают:

а) *всякую умственную деятельность ученого*, противопоставляя «практике» (*напр.*, Strong 1973; Hensel et al. 1986; Shanks and Tilley 1987);

б) *решение практических задач на основе обобщения фактов*, противопоставляя «спекуляции»;

в) просто *гипотезу*, противопоставляя «факту» (*см.* Strong 1936; Johansen 1974, 1982);

г) *доказанную концепцию*, противопоставляя «гипотезе»;

д) *любую объяснительную идею*, противопоставляя другим таким же идеям (*напр.*, Артамонов 1947).

Это не просто омонимические употребления термина, а односторонние расширения одного и того же понятия, имеющего и более узкие значения, тоже не совпадающие. Вообще, если люди предпочитают, несмотря на некоторые неудобства, обходиться одним термином, придавая ему разные значения в разных условиях, то это все-таки неспроста. Понятия, обозначаемые одним термином, при каких-то условиях совпадают, переходят одно в другое – этот частичный переход и фиксируется передачей термина.

Так, для археологов само собой разумеется, что факты играют важную роль в образовании теории, по одному мнению – как ее источник, по другому – как пробный камень для ее утверждения в качестве теории, во всяком случае – как ее целевая задача, объект приложения. Несколько труднее усмотреть включение теории в структуру фактов, но если вспомнить о понятиях, в которых мы только и можем мысленно воспринимать и передавать артефакты... Английские археологи М. Шэнкс и К. Тилли (Shanks and Tilley 1989: 50) формулируют эту мысль до крайности резко и парадоксально: «Теория и данные не находятся во внешних отношениях друг к другу... Любой набор данных должен иметь теоретическую ориентацию... Наш диалектический

подход означает, что теоретическая структура становится частью определения данных и наоборот».

Впрочем, это старая идея. При всей противоположности «теории» (как «гипотезы») «факту» еще Гете понимал невозможность чистого фактоописания и утверждал: «Главное: понять, что все фактическое – это уже теория» (Goethe 1949, №. 886).

Или другой аспект: спекуляция противоположна теории – как обобщению фактов (см. определение б)). Но для теоретика спекуляция – это его практика, тесно связанная с другими видами научной деятельности в археологии. Гиперболизируя эту истину Шэнкс и Тилли в уже цитированном месте декларируют: «Мы делаем упор на теорию как практику... Такая позиция кладет конец теории, рассматриваемой как нечто резко отделенное от практики действительной деятельности в археологии и стоящее за этой практикой. То, для чего мы работали, есть теория от практики и внутри практики, представление, что археология – это теоретическая практика». Вот так.

С другой стороны, спекуляция – это «чистое» мышление, отделенное от практики как непосредственного обращения с фактами. А такое мышление составляет неотъемлемую часть оперирования понятиями, т. е. умственной деятельности ученого, иными словами, неотъемлемую часть научного творчества. Разумеется, оно присутствует и не может не присутствовать также и в работе археолога (Uslar 1955). С этой точки зрения, теория (см. определение а)), противопоставляемая практике, естественно, подразумевает спекуляцию и включает ее в себя.

Но продолжим перечень определений теории с указанием ее позиций. В методологии научного исследования корректным считается обозначать термином «теория»:

е) *строгие логические системы*, которые возникают не на уровне сбора и закрепления информации о конкретных объектах, а на уровне творческой переработки этой информации. Это уровень манипулирования идеальными объектами, замещающими реальные объекты, индивидуальные и (большей частью) групповые. *Результаты этих операций над идеальными объектами переносятся при определенных условиях на реальные объекты*, что позволяет в конечном счете *объяснять и прогнозировать* явления. В этом значении теория, выступающая как *программа переработки информации*, основанная на некоей фундаментальной идее, противостоит «эмпирике», «эмпирии». Это определение для меня основное.

ж) А превращая механизм переработки в стереотип, теория *оборачивается методом* (Овчинников 1968: 20–21).

С другой стороны, ради гибкости реагирования на импульсы из эмпирии и ради свободы развертывания теоретической мысли теория не скована в каждом своем звене прикладными задачами, не включает в себя стереотипный методический аппарат. Она приводит к нему лишь в конечном счете, выделяя его, и в этом смысле противостоит методу (недаром минимум полдюжины очень известных археологических работ содержит в названии оппозицию «теория и метод» – как Hawkes 1954; Willey and Phillips 1958; South 1977; Schiffer ab 1978; Теория 1980; Stjernquist 1984).

Кроме того,

з) если прогнозирование возможно лишь постольку, поскольку теория верно *схватывает и отражает закономерность*, присущую ее объекту, то как отражение (неизбежно неполное) она противостоит объекту.

Наконец,

и) сама она служит *объектом для метатеории* и в этом качестве находится в оппозиции к ней, но

к) одновременно и в тождестве, ибо метатеория – это тоже теория.

Таким образом, в каждой из указанных оппозиций «теория» способна оказаться и своей противоположностью, но с переходом в другую оппозицию, так что сами эти оппозиции связаны попарно. В каждой паре – три понятия, из которых среднее – «теория» (рис. 15).

Философ Б. С. Дынин (1972: 69), рассматривая категории «теория» и «закон», также обнаруживает «необходимость противоположных по смыслу экспликаций одних и тех же категорий методологии». Такое обилие диалектически противоречивых внешних отношений, с возможностями распространения, сдвигов и перестроек понятия, предполагающая сложную внутреннюю структуру. Современные упрощенные представления о теории в археологии связаны не столько с неумением эксплицировать, сузить и уточнить понятие «теория», сколько с подстановками на его место отдельных компонентов теории.

4. Перспектива. Пора отойти от упрощений, сводящих теорию к одному из ее компонентов. Такое обеднение оказывается особенно угрожающим именно в археологии, потому что в материалах этой науки движущие силы изучаемого процесса и его важнейшие закономерности скрыты глубже и отстоят дальше от эмпирически наблюдаемых

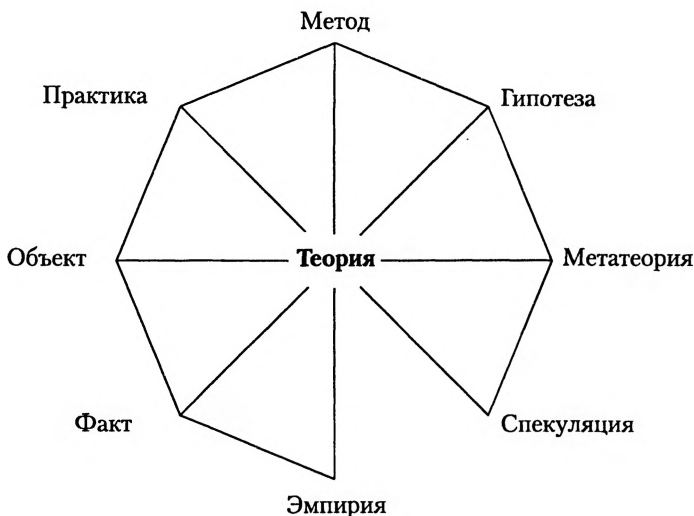

Рис. 15. Концепция теории в оппозициях.

явлений, чем в других областях. То есть компоненты теории здесь более разрознены. Мы хотим познать историю народов и культур и законы их развития, а видим лишь следы и остатки вещей.

Суммировать факты, уточнить понятия и отношения между ними, зафиксировать регулярности, отработать методы, формулы и алгоритмы, приложить философские принципы – всего этого по отдельности и даже вместе мало, чтобы объяснить сходства и различия в материале, перевести факты археологии на язык истории и социологии, надежно предсказать заполнение недостающих частей – реконструировать прошлое (а без такого объяснения и предсказания нет теории). *Нужно еще нечто, что свяжет компоненты теории воедино, превратит в работоспособный и работающий механизм, в инструмент познания. Нужны конкретные объяснительные идеи.*

И нужно знать, откуда их взять, как отбирать и как проверять. Вот что образует систему теории.

Так, скажем, если для объяснения замеченных сходств привлекается из этнографии идея диффузии, то потребуются и выверка приложимости принципа актуализма, и уточнение понятий «заимствова-

ние», «ассимиляция», «ареал» и др., и сопоставление хронологических данных (факты), и модификация типологического метода (генетическая увязка), и многое другое.

Упрощенные представления о том, что же такое теория, держатся в среде археологов не потому, что не хватает четких дефиниций, – таких немало в методологических трудах философов, и добавление еще одной ничего не решит. Гораздо важнее понять, как именно философские идеи и эмпирическая информация проникают в теорию, на какие ее компоненты воздействуют. Для этого надо знать, какое место занимают в ней разные ее компоненты, как устроен и как работает ее гносеологический механизм. Таким образом, критический разбор ходячих представлений об археологической теории обращает нас к проблеме гносеологической структуры теории. Пока по этой проблеме в советской философской литературе очень мало работ, а в теоретической археологии совсем нет. Разработка этой темы – насущная задача.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Для дальнейшего чтения полезны некоторые работы Бинфорда (Binford 1962, 1977), но практически, насколько я могу судить по доступной мне литературе, ни один археолог, за исключением Раша (Rush 1994) и меня (Клейн 1978) не проанализировал вопрос, центральный для этой главы: что такое археологическая теория. Но моя статья исчерпывающе использована для этой главы. Стоило бы почитать труды философов науки, руководства по общей методологии.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Учитывая многообразие реальных представлений археологов о теориях, впечатление Раша насчет общности теорий как «семейном сходстве» Витгенштейна выглядит весьма реалистично. Что в нем жизненно, а что – нежизнеспособно?

2. Не можете ли Вы подобрать примеры к каждой концепции теории в приведенном систематизированном списке взглядов?

3. Когда перечень обусловлен реальным накоплением концепций с ходом времени, он может считаться полным (если составитель достаточно поработал). Но когда проводится систематизация концепций, полнота спектра не гарантирована наличным составом. Соответственно критерию упорядочения должны быть учтены и

потенциально возможные концепции. Какие же потенциально возможные концепции теории (а может быть и случайно пропущенные из реальных) отсутствуют в списке?

4. Какие есть основания отвергать наличные в этом списке концепции теории, считать, что они не являются адекватным представлением о теории?

5. Здесь использован только один путь определения теории. Не попытаетесь ли Вы использовать три других?

6. Чем вызвана популярность тем «теория и факты», «теория и практика», «теория и метод»?

7. Почему менее популярны в археологии темы «теория и гипотеза», «теория и спекуляция», «теория и метатеория»?

8. Чем для определения теории хороши оппозиции?

9. Чем удобно связывание оппозиций попарно, диалектика оппозиций? Что она дает для лучшего определения теории?

10. И охарактеризованная здесь (в дефиниции «е») теория, и обобщение фактов могут быть представлены как программы переработки информации. Чем же теория отличается от обобщения фактов?

ГЛАВА 11

СТРУКТУРА И МЕХАНИЗМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

1. Пустой ящик? Однажды социолог Мюрдаль (1958: 233) заметил о теории в социологии: «Для нынешнего времени задача состоит не в том, чтобы, как это было некоторое время тому назад... заполнить 'пустой ящик' теории эмпирическими данными. Наши теоретические 'ящички' пусты, потому что они прежде всего не так сконструированы, чтобы воспринимать реальности». Верно, но надо понимать, что конструкция не означает просто форму ящика, что любая форма ящика не сделает теорию способной работать. Дело не в ящике, который надо заполнить, а в механизме внутри его, который надо привести в движение.

Эта идея входит теперь в археологию. Так что надо рассмотреть механизм в ящике нашей теории.

В этом деле ссылки на дефиниции в философских учебниках ничего не решат. Нужно разобраться в том, как именно философские идеи и эмпирическая информация входят в теорию, на какие ее компоненты воздействуют. В связи с этим нужно выяснить, из каких вообще компонентов состоит археологическая теория, какое место они занимают в ней, как устроен и как работает ее познавательный механизм.

Это проблема *гносеологической структуры* теории, и было бы рационально отличать эту структуру от *логической структуры*.

Логическая структура теории – это система ее предложений, дедуктивная связь их (выводимость одних из других) и соответствующая иерархия. Это также формально строгие средства (индукция, дедукция), призванные обеспечить утверждение и применение этих предложений.

Принятый в советской науке термин «гносеология» соответствует западному «эпистемология». Под *гносеологической структурой теории* имеется в виду составляющий ее набор средств познания (законы, понятия и т. п.) и отношений между ними, придающий теории эвристическую и творческую силу, обеспечивающий ее способность преобразовывать информацию и создавать новое знание (Штофф 1972).

Конечно, обе темы взаимосвязаны, но в археологии разработка первой темы не так уж много осветила во второй.

В археологической литературе нет еще работ по этой второй теме (кроме моей статьи – Клейн 1980), хотя некоторые ее аспекты затрагиваются американскими археологами при обращении к смежной теме – логической структуре теории и таким ее сюжетам, как объяснение и верификация (Fritz and Plog 1970; Watson et al. 1971; Gibbon 1989; и др.). А вот вне археологии, в специальных трудах по «философии науки» гносеологическая структура теории подвергалась весьма интенсивной разработке за рубежом (см. *библиографию в Харвей 1974*).

В советской философской литературе эта популярная за рубежом тема освещена лишь в немногих работах, при чем преимущественно – применительно к естествознанию (Кузнецов 1967; Ракитов 1971; Мостепаненко 1972; и др.). Обычно при этом речь ведется о логической структуре, хотя имеется в виду гносеологическая структура. При всех расхождениях, эти работы дают сеть опорных положений, пригодную и для разработки структуры археологической теории.

Правда, у культуры есть специфика: многозначность, широкое участие случайности наряду с закономерностью, интерес исследователя к индивидуальному, значение оценочной позиции и т. п. Эта специфика должна обусловить отличия в способах проверки и в сфере приложимости теории, в сравнительном весе и роли отдельных компонентов, а также в путях формализации, словом – во многом, но не в гносеологической структуре в целом, не в ее общих контурах и плане.

Рассмотрим основные компоненты гносеологической структуры теории вообще (рис. 16) и внесем необходимые коррективы применительно к специфике археологии.

Как явствует из предшествующих глав, есть основания понимать археологию как науку, добывающую и обрабатывающую материальные древности в качестве источников информации об историческом прошлом. В задачу археологии входит историческая интерпретация археологических материалов, т. е. опознавание по следам и остаткам и реконструкция вещей, исторических событий, процессов и культурных явлений далекого прошлого, тогда как каузальную связь между ними устанавливает уже история (Клейн 1978а: 3–40; 1978б). Подразумевается, что в той мере, в какой эти опознавания и реконструкции не искусство, а наука, причем особая наука, в основе их лежат некоторые закономерности, среди которых есть и специфические для археологии.

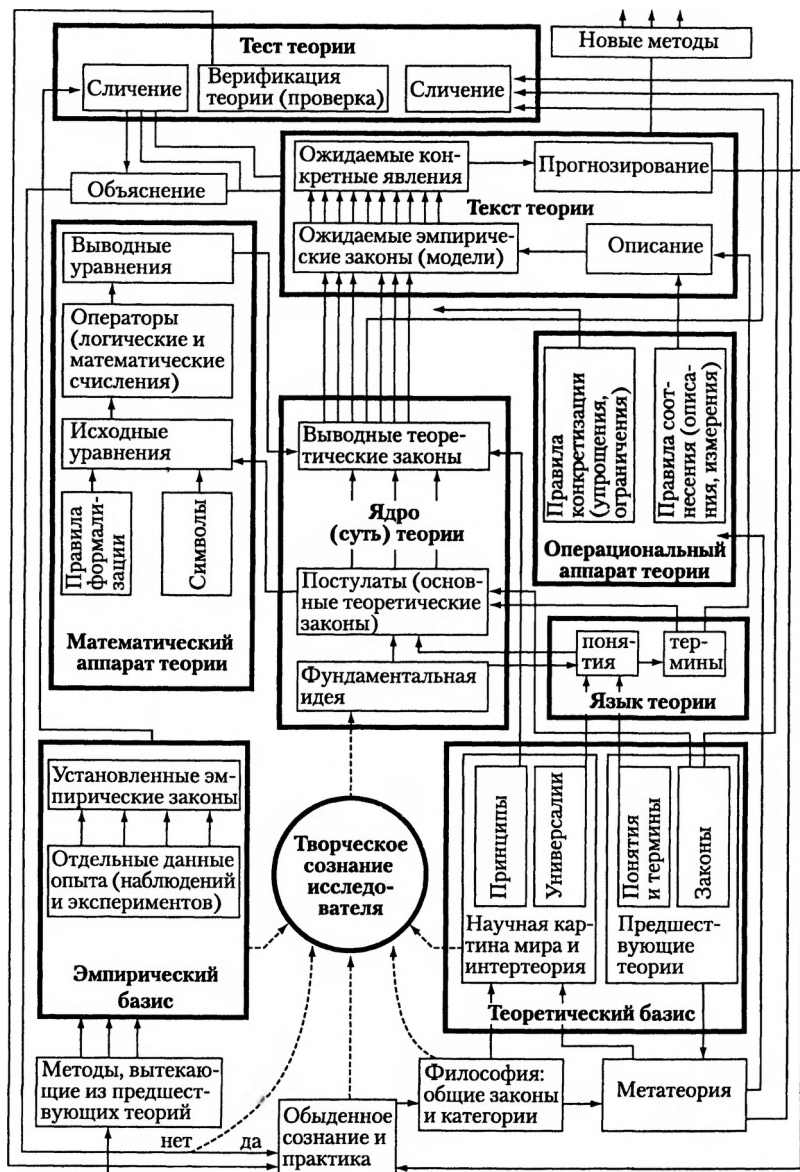

Рис. 16. Структура и механизм теории.

А. Законы и язык теории

2. Система законов. Чтобы объяснять и предсказывать поведение объектов (что и требуется прежде всего от теории), нужно знать *законы этого поведения*. Поэтому *законоутверждающие (номологические) предложения* являются ядром, сутью теории. В них формулируется зависимость между переменными явлениями, а также условия и границы, в которых эта зависимость действует, характер этой зависимости.

Очень часто, когда археологи говорят о законах, то имеют в виду *эмпирические обобщения* – общие суммарные факты, пытаются исключительно на их основе и строить теорию. Так, А. Е. Матюхин (1975: 20) надеется получить теоретическое объяснение, опираясь на такие «общие закономерности», «как хронологическое соответствие разнообразия типов орудий характеру производства и хозяйства древних людей, а также их интеллекту», «увеличение от эпохи к эпохе коэффициента использования отдельных орудий и целых комплексов» и т. п. В. Ф. Генинг (1975: 7) справедливо относит подобные закономерности к эмпирическим обобщениям. Глубокое объяснение и сильную теорию на таком каркасе не построить. И теоретическая работа в археологии не имеет перспектив без осознания этого обстоятельства.

Теоретические законы отличаются прежде всего тем, что охватывают *глубинные, скрытые зависимости между явлениями (причинные или функциональные)*. Известны работы, специально посвященные доказательству того, что в археологии есть законы (Plog 1973) и что это те же виды законов, что и в других науках: каузальные, функциональные, динамические, вероятностные и т. д. (Stickel and Chartkoff 1973). Но не менее существенно выявить специфическую для археологии группировку этих законов.

Эта специфика связана, в частности, с тем, что в археологии непосредственно наблюдаемые объекты (археологические материалы, вещественные источники информации) отделены от объектов, которые, собственно говоря, и интересуют исследователя (т. е. от социокультурных систем прошлого). Этнограф наблюдает такие объекты непосредственно, историк получает о них сведения от других людей. Археолог недоступно ни то, ни другое. Он должен судить о поведении интересующих его некогда живых, но исчезнувших объектов по «поведению» (изменчивости, разнообразию) других объектов –

мертвых (Binford 1977: 6; 1983: 21; Клейн 1978, 1995). Но поведение этих других, раз они мертвые, несамостоятельно. Поэтому законы поведения непосредственно наблюдаемых объектов (археологического материала) могут в археологии быть только эмпирическими. Для объяснения же этого поведения археолог нуждается в двух сериях теоретических законов (формулировку этого обстоятельства можно встретить лишь в немногих работах, особенно четко в: Watson et al. 1971: 24; Fritz 1972: 140).

Во-первых, это как раз законы поведения активных объектов, интересующих археолога лишь в конечном счете. То есть *законы функционирования и развития социокультурных систем*. Значит, это *законы культурно-исторического процесса (процессуальные законы)*. Иными словами, это утверждения о связях между переменными культурно-исторического процесса, в частности его давно пройденных этапов. Это законы эволюции.

Во-вторых, *законы отражения культурно-исторического процесса в археологических материалах*. Эти законы фиксируют зависимость между социокультурными явлениями далекого прошлого, с одной стороны, и конфигурациями сохранившегося археологического материала – с другой. Подобные зависимости, по Л. Бинфорду (Binford 1972: 249), это основа *«соединительной аргументации»*, буквально – *«мостящей аргументации»*, «аргументации, наводящей мосты» («bridging argument»), так что можно называть эти законы *«мостообразующими»*. Если конкретнее, то это законы, по которым последовательно происходят:

- опредмечивание идей,
- материализация событий,
- омертвление и археологизация материальной культуры («изнашивание» – срабатывание, избирательное накопление, обветшание и т. п.),
- отложение результатов и, наконец,
- поступление следов и остатков в исследовательскую обработку.

Неумение различать на практике эти две группы законов частенько приводит к сбивчивости в серьезных выводах. Так, Д. Кларк объясняет поведение археологических культур непосредственно законами адаптации их (как динамических систем) к природной среде (Clarke 1968). Но археологическая культура не может адаптироваться к среде прошлого – к ней адаптировались живые общества прошлого. Это

в их культуре для изменений можно искать стимулы в воздействии среды. А конфигурацию археологической культуры создают и другие факторы – утраты материала, вмешательство грызунов, перекопы и проч. Следы воздействия среды тут искажены, и их надо извлекать из-под нагромождений других факторов.

Взглянем на столкновение двух стратегий исследования. Контекстуалисты («традиционная археология» в США) считали, что необходимо сперва реконструировать исторические события (миграции, влияния, войны, стройки и т. п.), а уж затем, на этой базе, устанавливать законы истории (Sabloff and Willey 1967). Процессуалисты («новая археология») требовали действовать как раз наоборот – сперва выявить законы культурного процесса и лишь затем, с их помощью, реконструировать события (Binford 1968). Вроде и те и другие правы.

Чтобы выявить и проверить новые закономерности давних этапов культурно-исторического процесса, надо знать его ход, а значит, предварительно реконструировать события. А с другой стороны, чтобы реконструировать их правильно и надежно, надо обладать знанием законов. Здесь порочный круг.

Но каких законов? Вот где ключ к этой проблеме.

Что касается процессуальных, то они, конечно, нужны археологу – для общей ориентировки в выборе структурных моделей при реконструкции. «Его единственная надежда», – охарактеризовал их Грэйм Кларк (Clark 1957: 170). Если бы это было так, тогда познавательный скепсис К. Хокса, Г. Даниела, С. Пиготта получил бы метаархеологическое обоснование. Ведь роль процессуальных законов в археологии оказывается двоякой: они являются одной из главных целей познания (нужны для прогнозирования) и в то же время они служат средствами познания (нужны для объяснения археологических материалов и для реконструкции исторических событий). Однако это противоречие разрешается в динамике исследования: первая роль падает на открываемые законы, вторая – на уже открытые ранее законы (и открытые отчасти другими науками). Но несомненно, принятые однажды законы навязывали бы исследователю для реконструкции вполне определенные модели, которые бы стремились поддержать и упрочить эти же законы, и все продвижение было бы чрезвычайно замедленным.

Где выход из этого круга? Выход состоит в том, что главную роль при реконструкции играют «мостообразующие» законы, а они выво-

дятся не из археологических материалов, а из этнографических наблюдений и экспериментов.

Таким образом, обе столкнувшиеся стратегии оказались неправомерно упрощающими: они обе игнорировали разнородность законов.

Правда, до недавнего времени в археологии не было принято четко формулировать открываемые законы и снабжать их именами подобно тому, как это делается в физике или биологии (закон Джоуля – Ленца, правило буравчика, законы Менделя). Но это не значит, что законы (эмпирические и теоретические) не удавалось устанавливать. Пожалуй, инертность фиксации была обусловлена диффузным, вероятностным характером этих законов и отсутствием надежды когда-либо привести их в строгую систему. Когда же и в традиционно более точных науках видное место заняли законы-тенденции, а археология стала подвигаться в сторону точных наук, основания для сдержанности ослабели. Началось эксплицитное формулирование старых, давно установленных законов и даже присвоение им авторских имен (на основе приоритета).

Так, для стратиграфических соотношений сформулированы перенесенные из геологии *законы Стенона* (Steno), названные так по имени датского медика XVII в., в частности – «*закон суперпозиции*» (Hole and Heizer 1969: 16–17; Harris 1979). Закон этот гласит, что при отсутствии перекопов материал верхних отложений более поздний, нежели материал нижних. Для работы с погребальными комплексами сформулирован *закон Ворсо* (Worsaae), названный по имени датского археолога XIX в. Согласно ему, вещи, оказавшиеся в одном погребении, некогда употреблялись в одно и то же время (Rowe 1962). Вводятся и обсуждаются новые законы. Например, в числе законов, предложенных для преистории американцем Р. Карнейро, есть такой: степень правильности в относительном порядке следования любых двух признаков в типологическом ряду прямо пропорциональна эволюционному расстоянию между ними (Carneiro 1969). То есть чем дальше друг от друга эти элементы по уровню развитости, тем меньше случаев их обратной хронологии.

По поводу таких законов археологии могут быть выдвинуты (и в самом деле выдвигаются) каверзные вопросы: не слишком ли эти истины банальны и самоочевидны, чтобы их стоило объявлять теоретическими законами? С какой стати они объявлены законами именно археологии, тогда как каждый из них охватывает сферу, гораздо более широкую, чем предмет археологии?

Одному из зачинателей этого «похода» против археологических законов, К. Флэннери, «кажется, что исследователь, стараясь непременно открыть в опущенные ему шесть недель полевого сезона какой-нибудь “естественный закон”, вынужден хвататься за проблемы из числа наиболее тривиальных; это породило серию генерализаций низшего уровня, которую некоторые критики назвали “законами Микки-Мауса”. Такие законы, – продолжает К. Флэннери, – слетают даже с уст коллег, которых я считал здоровыми, серьезными и компетентными людьми. Например, от одного коллеги с Юго-Запада я узнал, что “когда население поселка возрастает, количество хозяйственных ям увеличивается”». И Флэннери передает возглас своего соратника Р. Уоллона: «Если это и есть новая археология, то покажи мне, как вернуться назад к Ренессансу» (Flannery 1973: 51).

Да, это вполне реальные и злободневные вопросы. К ответам обратимся далее. Пока же удовлетворимся одним «смягчающим» обстоятельством: в теории подобные законы не существуют в таком обнаженном виде – каждый из них вписан в целую систему.

Известна широкая приложимость теории и ее способность выделять и охватывать некую предметную область, способность к саморазвертыванию и систематизации. Это обеспечивается тем, что сеть законов, образующих ядро теории, носит дедуктивный характер и является древовидную структуру. Из одного или нескольких постулатов (основных законов) по строгим правилам дедуктивной логики выводятся – как их первых посылок силлогизмов – целые серии производных законов.

Обычно ускользает от внимания методологов, что при этом в качестве вторых посылок («а так как...») служат установленные ранее связи между явлениями. Собственно, приведенный закон Карнейро является производным из постулатов эволюционизма: в качестве второй посылки привлечены новые представления о случайном разбросе (дисперсии) и нормальном распределении индивидуальных артефактов вокруг расчетных позиций.

Основные *постулаты археологической теории* всякий раз являются разверткой некой *фундаментальной объяснительной идеи*, которая в сжатом виде, в потенции содержит ключ ко всей теории. Для эволюционизма – это идея эволюции, для миграционизма – идея миграции, для энвиронментализма – идея воздействия природной среды, для теории стадиальности – идея качественного скачка и т. д. Все это

были идеи, способные предложить объяснение для главной загадки («проклятого вопроса») археологии – феномена резкой смены культур, а заодно – сходств и различий культур в разных местностях и т. п. (Клейн 1975). Поэтому когда говорят о кризисе очередной ведущей археологической теории, то это означает, что назрела нужда в новой фундаментальной объяснительной идее.

В объяснении разрывов между археологическими культурами приходится всякий раз выбирать между объяснительными идеями, ориентирующимися прежде всего на ту или на другую разновидность законов – на «процессуальные» или на «мостообразующие». В основу ведущей археологической теории может быть положена идея того или иного рода. Когда миграционисты объясняли разрывы инвазиями, а стадиалисты – скачкообразной трансформацией, они обращались к «процессуальным» законам. Когда эволюционисты объясняли разрывы лакунами в наших знаниях, а Э. Вале – незаметностью ростков каждой новой культуры, они обращались к законам отражения – «мостообразующим».

Но каждая ведущая теория объясняет не одну лишь эту загадку, и в своих «побочных» объяснениях она может обращаться к другим законам. Так, миграционисты вполне последовательно объясняли малейшие сходства миграциями, всячески облегчая критерии доказанности миграций, а стадиалисты, наоборот, ужесточали требования к доказательствам миграции. Те и другие обращались при этом к «мостообразующим» законам. С другой стороны, эволюционизм немыслим без представлений о закономерном постепенном прогрессе и о его неравномерности (этим объясняются различия и сходства); теория Вале подразумевает элитарное производство культуры. Но и то и другое предполагает обращение к «процессуальным» законам.

Таким образом, системы законов в археологических теориях обладают сложной структурой.

3. Язык теории. Если бы закон оперировал непосредственно теми же объектами, что выступают в эмпирии, то в его формулировке фиксировалась бы только взаимосвязь двух конкретных явлений или (при обобщении) двух групп однородных явлений, но исследователь всякий раз оставался бы в границах наблюдаемой поверхности мира. Теории суждено было бы оставаться *гипотезой ad hoc*; ни объяснение, ни верификация независимыми данными не были бы возможны.

Однако сила теории в том, что она оперирует особыми *идеальными объектами* – абстрактными понятиями, устанавливая зависи-

мости между ними. В них обобщенно и преобразованно, осмысленно отражаются предметы реального мира, их свойства и отношения.

Как обеспечивается *транзитивность* археологических знаний? Как возможен их перенос на социокультурные явления прошлого? Обеспечение *транзитивности* археологических знаний шведский археолог М. Мальмер возлагает на *археологическую типологию*. У археологов термин «типология» давно приобрел специфическое значение – им обозначаются некоторые способы и результаты классификации, упорядочения, но единого, более точного смысла этот термин не имеет (Клейн 1979, 1991). Под типологией Мальмер понимает сеть произвольно установленных археологом классов. Типы Мальмера устанавливаются посредством *дефиниций*, пока нет дефиниции – нет и типа (Malmer 1962). Это, конечно, идеалистическая абсолютизация условности наших понятий, и она получила критическую оценку в самой археологии (Spaulding 1953, 1954; Klejn 1973).

Существенно, однако, что Мальмер верно ухватил необходимость для любого обобщения и любой интерпретации оторваться от конкретных артефактов. Археологи, которые уверены, что избегают типологии и полагаются исключительно на стратиграфию или на сочетания в комплексах, напоминают Мальмеру мольеровского мещанина, не подозревавшего, что говорит прозой. На самом деле эти археологи постоянно пользуются типологией, только неосознанно и поэтому часто неправильно.

«Стратиграфический комплекс, который показывает, что сосуд А старше сосуда В, сам по себе не имеет никакой доказательной силы сверх того, что касается самих этих обоих сосудов. Если же мы хотим обобщить свидетельства этого комплекса и сказать, что сосуды типа А старше сосудов типа В, то мы уже обратились к типологической аргументации. Ибо двух идентичных сосудов нет, и если мы выбираем сосуды, которые, по нашему представлению, “такие же, как” А или В, то мы обращаемся к типологическому действию» (Malmer 1963: 33, 34, 260, 262–263).

«Типологическое действие» помогает археологу формулировать эмпирические законы, но этого недостаточно для теоретических законов, которые выявляют скрытые зависимости, способные объяснить. При этом в числе идеальных объектов теории неизбежно должны оказаться и такие, которые соответствий в реальном мире вообще не имеют (*теоретические конструкты*). Они этих соответствий либо еще не имеют (но по замыслу получают

процессе практического созидания, по крайней мере могут получить), либо уже не имеют (вследствие исчезновения, разрушения реальных, что естественно для археологии), либо не могут иметь (ошибки сознания), либо не должны иметь (условные допущения, вспомогательные понятия, вторичные абстракции).

Из проекции всех законов и понятий теории на действительность складывается некий *генеральный совокупный теоретический объект*, и теория рассматривает его как внутреннюю сущность реального, эмпирически наблюдаемого фрагмента действительности, на объяснение которого она претендует.

Но оставаясь только идеальными, мысленными объектами, понятия были бы неуловимы в исследовании, не поддавались бы манипулированию. Между тем, требуется устанавливать между ними четкие зависимости, удерживать эту информацию и передавать.

Чтобы теория могла манипулировать этими идеальными, мысленными объектами, они должны быть материализованы – без утраты ими идеальности, абстрактности, общности, т. е. должны быть материализованы в знаковой форме. Прежде всего, на естественном языке.

Естественный язык, однако, очень пластичен, гибок, его слова и выражения многозначны и расплывчаты. Это имеет свои достоинства, но для выделения зависимостей создает неудобства: возможна путаница, напрашивается многословная детализация, а та ведет к конкретности, что противоречит духу теории. Поэтому для понятий приходится вырабатывать специальные обозначения – *термины*. Термины – это специальные однозначные слова, точно ограниченные по смыслу и снабженные *дефинициями*. Их однозначность и достаточность для целей теории обеспечиваются приведением их в систему – как бы составлением словника.

В соединении с понятиями они образуют словарь теории, а вместе с законами (как бы грамматикой) – основу языка теории. Только переводя информацию с конкретного языка наблюдений на этот абстрактный язык, можно строить теорию.

Долгое время в археологии *понятия и термины* отбирались и накапливались стихийно и вдобавок скудно – по горсти с каждой новой ведущей теорией. Эволюционисты ввели в археологический словарь «генетическую связь», «типологический ряд», «типологический рудимент», «эпоху» («этап») и др.; миграционисты добавили «ареал типа», «происхождение культуры», «прародину», «инвазию» и др.; диф-

фузионисты присоединили «влияние» и «заимствование»; от «теории стадийности» получена «синстадийность»; «новая археология» принесла «модель», «кластер», «пэтерн» («конфигурацию»), «структурную позу», «францевый набор» («tool-kit») и т. д.

Что поначалу каждая новая теория обходится старыми понятиями и терминами – это дело обычное (Акчурина и др. 1968: 56–57). Но из-за характерной для археологов Старого света терминологической консервативности и экономности это состояние закрепляется, и в результате одним термином обозначаются родственные, но разные понятия – археолог все время пытается взять одним пальцем аккорд на рояле (см. Клейн 1970: 50). А это значит, что термины утрачивают свой статус и превращаются просто в словечки профессионального жаргона.

Теперь археологи стали более тщательно продумывать свои наборы понятий и терминологию, более решительно и обильно вводить новые термины как для новых понятий, так и для экспликации старых. Стало принято сопровождать теоретические труды толковыми словариками – списками дефиниций. Обширные словари мы встречаем в книгах М. Мальмера, Д. Кларка, Р. Даннела, И. Рауза (Malmer 1962; Clarke 1968; Dunnell 1971; Rouse 1972). В чешском учебнике находим сводный словарь (Malina 1976), другой появился как отдельная книга (Классификация 1990).

Возникает, однако, риск, с которым уже ранее столкнулись американские археологи, смело вводившие новые термины. Теперь и нам грозит опасность, что скоро каждый археолог будет говорить на своем языке и другой археолог не поймет его правильно без индивидуального авторского словарика. *Выработка единого языка вошла в повестку дня*, и уже появились труды, специально посвященные задачам этого плана.

И тут пришлось столкнуться с коренной трудностью, которая обусловлена одной из важных особенностей археологии, одним из отличий ее от естественных наук. В естественных науках не только структурные элементы, но и их сочетания стереотипны и рассматриваются как равнозначные. В культурном материале важны также индивидуальные сочетания и выбор не безразличен. Поэтому задача унификации языка археологии расслаивается, и возможность решения ее в различных пластах оказывается разной.

Наиболее успешно осуществляется упорядочение элементов *аналитической классификации*, необходимых для единообразного первичного описания. Такое упорядочение, конечно, тоже подразумевает

некую теоретическую основу для описания (Gardin 1963, 1966), но это основа, связанная не с культурным содержанием материала, а только с его физической субстанцией. Учитываются только топологические параметры, физико-химические свойства и т. п. (т. е. «этные» – etic – характеристики, по К. Пайку). Для их фиксации, действительно, вполне возможна единая условная сеть стандартов, эталонов и процедур, минимально зависящая от археологических теорий.

Но как только дело доходит до *унификации номенклатуры*, т. е. названий типов, имеющих культурное значение («эмных» – emic, по Пайку), легкость исчезает. В таком упорядочении, в таксономической классификации, в культурной типологии *никакое единство критериев невозможно*: они различаются по задачам, которые стоят перед исследователем, и по культурам, которые он описывает, обуславливая различные сетки типов для одного и того же материала (Hill and Evans 1972; Клейн 1991). Зависимость от теорий заметна: выявляя эволюцию или миграции, влияния или импорт, археолог по-разному членит материал.

Археологи тоскуют по *систематике* – такой, как в биологии, а удастся археологам только *инвентаризация*. Сводные труды получаются громоздкими (*напр.*, Brézillon 1968), а бесспорный результат достигим тогда, когда автор лишь упорядочивает сложившуюся практику наименований и всю схему строит по образцу *определителей*, с удобными ключом. К сожалению, именно этого археологи, как правило, избегают, не замечая качественной однородности обеих задач (Клейн 1979). Из наук, распоряжающихся огромным серийным материалом, это единственная, которая не создала практически ни одного определителя (ср. определители костей, листьев, цветов, языков и даже античных мифологических героев).

Вот плата за теоретическую неразвитость.

Еще сложнее унифицировать *наименования теоретических конструкторов*. Строго говоря, на этом уровне *единый словарь предполагает единую теорию*. Каждой теории нужен определенный набор понятий, с определенными соотношениями между ними, хотя есть и понятия-инварианты, переходящие из теории в теорию. В археологии же чрезвычайно популярны наивные надежды сначала установить единый, общепризнанный словарь, договориться о нужном наборе теоретических понятий, об их размежевании и обозначении, а потом на этой базе строить теории и спорить (Захарук 1970; Dunnell 1971: 4; Rouse 1972: XXV).

Реалистичен только противоположный путь: сначала создавать и уточнять свой генеральный теоретический объект, выяснять его потребность в понятиях, затем работать над ними и сопоставлять их с понятиями других теорий.

Систематизация всех теоретических понятий археологии предполагает *систематизацию теорий археологии*, а это задача метаархеологии. Упорядочение же терминологии в силу своего служебного, технического характера может продвигаться и по другому, более простому пути, но тогда оно должно быть ограничено чисто словарными задачами – регистрацией и конвенциональным закреплением значений, без установления нормативной сетки и иерархии.

Б. Базис и аппарат теории

4. Математический аппарат. Современная физическая теория, как правило, сразу же выступает *в математической форме*: предложения формализуются, переменные и их отношения получают количественные характеристики, постулаты превращаются в исходные уравнения. Над ними производятся допустимые математические преобразования в полном отвлечении от содержания переменных, в результате чего возникают новые, производные уравнения – с дополнительно обнаруженными отношениями между переменными или с новыми переменными.

Остается найти этим новым отношениям и переменным соответствия на языке данной теории, т. е. наполнить математические символы содержанием теоретического объекта. Обычно это называют *содержательной интерпретацией* формализованных предложений (но Д. Харвей называет это *транслитерацией*, оставляя термин «интерпретация» для перехода от теоретических понятий к реалиям).

Вся эта процедура позволяет *сократить и стандартизировать операции по выведению законов из постулатов, механизировать операции, а также, используя изоциренность математической техники преобразований, обнаружить дополнительные законы, находящиеся с исходными в столь сложной связи, что непосредственно содержательным анализом предмета вряд ли удалось бы до них дойти.*

Применимость математики к археологии основана не столько на том, что в археологии есть что измерять и подсчитывать. Основу при-

менимости указал Ортон: археолог строит свои выводы, выявляя *отношения* в археологическом материале, а математика – это *абстрактная система отношений* (Orton 1980). Принцип действия *математического аппарата в археологической теории* тот же, что и в других науках (Шер 1970; Каменецкий и др. 1975; Shennan 1988), но здесь иные условия – иная специфика материала и иные задачи, поэтому несколько иными получаются функции и роль математического аппарата.

Прежде всего, при изучении сложного культурного материала больше места занимают *поиски оппозиций, оценки дискретных отношений*, т. е. оценки, для которых постепенные изменения несущественны, а важно лишь есть отношение или его нет. Поэтому многие законы археологии не носят количественного характера (например, те же законы Стенона и Ворсо). Правда, современная математика не сводится к количественным операциям, да и количественных законов в древнем культурном материале все же можно найти немало (Ford 1962; Carneiro 1970), и есть пути количественного выражения качественных зависимостей (*напр.*, Hill 1968). Все же *роль математического аппарата в археологии получается более скромной*.

Существенна для сужения функций математического аппарата в археологической теории также особая густота, переплетенность и каскадность связей в культурном материале, частые включения случайных, неконтролируемых факторов, трудность изоляции исследуемых связей от помех. Но важнее всего культурная неопределенность количественных характеристик археологического материала. Количественный анализ требует нивелировки, исходит из допущения о равноценности единиц счета для разных переменных, в разных условиях. В древней культуре эти единицы имели разное значение, разный вес, а какой именно – остается неизвестным археологу.

Вот почему в археологических теориях математический аппарат развивается, как правило, не с самого начала разработки данной теории, а пристраивается значительно позже и не охватывает весь корпус ее системы законов, а уточняет лишь отдельные ветви этой системы.

Так, теория диффузии заняла заметное место в археологии с начала XX в. и была упрочена с середины 20-х гг. Чайлдом, но лишь в 60-е гг. появились количественные разработки на ее основе – расчетные скорости диффузии (М. Эдмонсон), увязка процентного распре-

деления типов с территориальным продвижением (М. Мальмер) (Edmonson 1961; Malmer 1962), и они сомкнулись с количественными моделями диффузии, разработанными в географии (Hägerstrand 1952; Brown 1968; Hudson 1972).

5. Предпосылки теории. Теория возникает не на пустом месте. Чтобы объяснять, нужно иметь нечто подлежащее объяснению – некую совокупность эмпирических данных, и нужны источники, из которых можно черпать объяснительные идеи, поскольку таковые в самих эмпирических данных не содержатся. Таким образом, для создания теории требуются две группы предпосылок – *эмпирический базис* и *теоретический базис*. Сравнительная оценка их роли в формировании археологической теории вызывала наибольшие споры.

Эмпирический базис состоит из совокупности отдельных данных опыта (наблюдения и эксперимента) и полученных путем их обобщения эмпирических законов. Скажем, обнаружение в кургане погребения с бронзовым шилом есть *эмпирическое наблюдение*, а констатация того, что в курганных погребениях встречаются (могут быть встречены) бронзовые шилья, но никогда не попадают кремневые ручные рубила, есть *эмпирический закон*.

Эмпирический базис будет надежным лишь в том случае, если эти знания добыты посредством строгой методики. Но так как методика выступает одной из функций теории (Клейн 1978, 1995), а теория не может быть раньше своих предпосылок, то к их построению могут быть применены лишь методы, вытекающие из предшествующих теоретических концепций или заимствованные из других наук. Так, для проверки миграционистских построений нужна относительная датировка схожих памятников на предполагаемой прародине и в предполагаемом новом очаге. Эту датировку может обеспечить эволюционно-типологический метод, разработанный на основе более ранней, эволюционистской теоретической концепции, а могут дать методы естественных наук (споро-пыльцевой и др.).

Для приверженцев эмпиризма, включая ранних позитивистов, эмпирический базис был единственным законным источником теории и ядро ее, по сути, сводилось к оформлению эмпирических законов. Объяснить наблюдение можно было подведением его под эмпирический закон, объяснить закон – подведением его под более широкий эмпирический закон, и все это – оставаясь на поверхности

явлений, не углубляясь в скрытые причины. В этих рамках совершенно безнадежными оказались бы решения задач археологии – реконструкция и познание ненаблюдаемых процессов на основе принципа актуализма, эмпирически недоказуемого!

Противоположная крайность – отказаться вообще от опоры на эмпирический базис, сведя роль фактического материала к чисто пассивной: быть объектом применения объяснительных идей и их иллюстрацией (различные схоластические и догматические концепции). Смягченный вариант подобного подхода связан с попыткой ограничить роль эмпирического базиса проверкой теории (постпозитивистский дедуктивизм и принявшая его на вооружение «новая археология» США и Англии). Действительно, только в последней роли эмпирический базис может служить отправным пунктом для строго дедуктивного умозаключения, способного связать его с теорией. Но исчерпывается ли этим его значение и может ли теоретический базис служить единственным источником теории?

Теоретический базис состоит из двух частей: *научной картины мира* и *совокупности предшествующих теорий* данной науки.

Научная картина мира, специализированная применительно к каждой науке (Мостепаненко 1972: 164–175), складывается из *принципов* (наиболее общих законов этой науки) и *универсалий* (самых фундаментальных ее понятий). Принципы образуют рамки возможно для законов, вводимых новой теорией (таковы для физики принципы сохранения), а через универсалии приходится определять понятия, вводимые теорией. Для определения самих универсалий, раз они являются фундаментальными понятиями всей данной науки, необходим выход за ее пределы. Универсалии могут обслуживать и несколько родственных наук одновременно (и археология этим пользуется).

П р и н ц и п ы археологической интерпретации долгое время оставались молчаливо подразумеваемыми. В последние десятилетия делаются попытки сформулировать их, причем в этих попытках обнаруживается убеждение археологов, что таких принципов очень немного: от силы несколько, если не один. Хокс считает, что принципов, придающих археологии научный статус, «только два» (Hawkes 1957: 94). Но в других попытках называются другие принципы – *детерминизма*, *актуализма*, *историзма* и т. д. Когда соберется полный кодекс, их, по-видимому, окажется не так уж мало (см. Klejn 1997 и

здесь – гл. 7). Это становится ясным, как только встает вопрос о возможности поручить интерпретацию машине...

В последнее время немало работ посвящено универсалиям – понятиям «культура» и «археологическая культура», «тип», «признак», «артефакт» и др. (Dunnell 1971; Бочкарев 1975; и др.).

Научная картина мира смыкается с *интертеорией*. Интертеорией называют *среду, создаваемую теориями других наук и влияющую идеями на теоретическое развитие в данной науке*. Эти взаимосвязи хорошо видны на примере эволюционизма, представленного в биологии (дарвинизм), геологии (Т. Кальвин, Ч. Лайелль), языкознании (А. Шлейхер), этнографии (Э. Тайлор и Дж. Лаббок), археологии (Г. Мортилье и О. Монтелиус). Идея дополнительности, сформулированная Н. Бором для естествознания, немало способствовала популярности концепции моделей в ряде наук, а Г. Ёссинг сделал попытку прямого приложения этой идеи к археологии и связал это с моделями в археологии (Gjessing 1968). Интертеория и научная картина мира, развиваясь под контролем (хотя и не всегда при лидерстве) философии и изменяясь рывками, образует последовательные «стили научного мышления», по выражению М. Борна (Борн 1955: 102).

С законами и понятиями предшествующих теорий данной науки связана *метатеория*, которая, опираясь на методологическую функцию философии, изучает, обобщает и осмысливает их, а через них основные характеристики данной науки – для облегчения выработки новых теорий. Один из ее вкладов состоит в том, что она аккумулирует наиболее устойчивые понятия, переходящие из теории в теорию (*инварианты*) и связывает их с универсалиями (или возводит в универсалии).

Некоторые современные исследователи именно теоретический базис рассматривают как основной источник новых теорий, а эмпирический базис – лишь как пробный камень для их испытания.

Разумеется, многие понятия и термины почти готовыми поставляются из запасов теоретического базиса на потребу новой теории, а универсалии позволяют сформировать новые понятия. Метатеория помогает оперировать ими, соотнести их с материалом и с предшествующими теориями. Перейдут в новую теорию и многие законы прежних теорий, они послужат вторыми посылками силлогизмов. Пригодятся и принципы, они помогут сформулировать постулаты. Словом, из теоретического базиса поступает на стройку новой теории гораздо больше строительного материала, чем из эмпирического. Но

и в этой порции строительного материала нет заготовки, без которой нельзя начать строительство – нет *фундаментальной идеи*, точнее, ее гарантированной поставки.

Конечно, фундаментальная объяснительная идея может быть заимствована из теоретического арсенала смежной науки (как идеи эволюции и миграции), может быть трансформирована из унаследованного теоретического багажа (путем расширения узкой идеи, снятием ограничений – так формировался контекстуализм). «*Методологическая экспансия*» отрасли, добившейся успехов, считается нормальным явлением (Овчинников 1968: 22). В археологии обсуждаются организованные и откровенные поиски перспективного источника заимствования (*напр.*, Renfrew 1969: 74–75), а теперь для таких охотников за идеями создана и сводка когда-либо высказывавшихся объяснительных идей (к услугам потребителей собрана тысяча идей, способных объяснять человеческое поведение) (Berelson and Steiner 1964).

Но идея может прийти вообще из *внеаучного знания* или возникнуть впервые (как в концепции Э. Вале идея латентного становления культуры), и нет строгих правил для ее создания или привлечения. Задним числом можно оценить роль разных стимулов:

- ситуация в эмпирическом базисе (например, падение короткой хронологии Европы как толчок к крушению диффузионизма),
- теоретические ресурсы,
- состояние общественного сознания (например, роль идей равенства, прогресса, конкуренции и реформ в формировании эволюционизма),
- индивидуальная практика исследователя.

Но любые стимулы действуют опосредованно – через творческое сознание исследователя, через его воображение. Вот где сталкиваются несвязанные прежде представления, образуются новые, неожиданные ассоциации и рождаются «сумасшедшие» идеи, из которых затем предстоит интуитивно отобрать подходящую. Таким образом, перед индукцией и дедукцией, точнее – перед их включением в теорию стоит некий творческий акт, приравниваемый некоторыми исследователями к *абдукции* (Hanson 1965: 86–87; Hempel 1966: 15).

Эта мысль уже проникла в археологию и внесла смущающие переоценки ценностей. «Хорошая абдукция, – пишет ученик Бинфор-

да Ф. Плог, – не зависит от количества данных, изучаемых таким-то исследователем... Это функция его творческой способности как ученого – и ничего больше... Те, кому желательно видеть в создании гипотез линейную функцию изучения данных, просто пытаются либо снять с себя ответственность за неспособность создания гипотез, либо защитить себя на случай, если гипотезы окажутся ошибочными... Гипотезы могут быть заключениями из исследований других археологов, антропологов или социологов. Это значит, что используется абдукция других» (Plog 1974: 19).

В таком полном отрыве от реального материала есть, конечно, преувеличение. Для творчества тоже нужен материал. Но творчество не извлекает из этого материала общие, повторяющиеся характеристики (как индукция) и не подводит факты под выведенные из более общих регулярностей императивы (как дедукция), а перемешивает информацию и приводит к новым связям, творит. Сам по себе акт, чуждый дисциплине, собственно, не носит отпечатка принадлежности к строгой науке, но без него теории нет. Полностью охваченная строгой дисциплиной, без ее разрыва (конечно, на положенном участке – на участке введения идеи) наука совершенна и мертва. Чтобы делать теорию, мало знать факты и строго мыслить. Нужна еще творческая смелость и, как бы это ни звучало порой невежливо, нужен талант.

6. Операциональный аппарат и текст теории. Теория излагается на особом языке и устанавливает законы в особом идеальном мире, постулируя связи между идеальными объектами. Коль скоро так, для проверки ее на фактах и для использования ее применительно к реальному миру конкретных вещей и событий необходимо *перевести понятия и выводы теории на язык фактов и конкретных операций*. Возникает сложная проблема соотношения двух миров – *мира теории и мира фактов*. Эмпирические обобщения носят частный и незавершенный характер, теоретический закон выражает необходимость и в своей области универсален.

Если факты обобщены и подняты до уровня эмпирических законов, то «ближе придвинуть мир» фактов к теории невозможно, а до формы необходимости и универсальности исследовательской мысли все еще далеко. Остается «подвигать» к фактам мир теории. Есть только один способ для этого – *конкретизировать мыслительные объекты и положения теории, т. е. воспроизвести средствами данной теории исследуемый фрагмент действительности*. Это значит со-

здать «*третий мир*» – идеальный, но конкретный. Речь идет о *создании конкретного текста на языке законов и понятий данной теории*.

Для этого нужно прежде всего *описать фактический материал в понятиях и терминах данной теории*. Вообще-то чисто эмпирического описания нет, как нет и чистого наблюдения, свободного от запросов теории (или диффузной смеси старых теорий) и от теоретических представлений. При описании мы пользуемся понятиями, а понятия неизбежно представляют собой компоненты некой системы представлений, носящей теоретический характер, пусть даже эта теоретическая установка является смутной, имплицитной и нестрогой. Но понятия и термины, в которых материал описывался до создания данной теории, принадлежали к словарям прежних теорий, теперь же надлежит описать этот материал строго, в словарной системе данной теории (используя прежний словарь лишь в той мере, в какой его части ассимилированы новой системой).

Используя это описание, уже можно вывести из отвлеченных теоретических законов конкретные эмпирические регулярности, т. е. построить модели, реализующие теорию применительно к конкретному фрагменту действительности. Из каждого закона можно вывести несколько таких моделей, поскольку различны условия конкретизации. Эти модели диктуют *ожидание* тех или иных конкретных наблюдений. Ожидаемые эмпирические законы и наблюдения должны при сличении совпасть с реальными, если теория верна (они могут, правда, совпасть и в том случае, если теория не верна, но не должны не совпасть, если теория верна).

Чтобы строго описать материал, пользуясь словарем новой теории, нужно обладать *кодексом правил, регулирующих подведение конкретных явлений под понятия теории*. Эти правила соотнесения идеальных объектов с конкретными характеризуют отбор учитываемых предметов, свойств и отношений действительности, нормы измерения материала, допустимые операции с терминами, т. е. функции наличных терминов.

Точно так же, чтобы строго вывести из теоретических законов конкретные модели реальных явлений, нужно обладать *кодексом правил, регулирующих конкретизацию зависимостей между переменными*. Эта конкретизация включает:

а) упрощение, диктуемое «грубостью» материала – наличием помех, «шумов», лакун;

б) ограничение, налагаемое спецификой материала, осложняющими условиями.

Эти два кодекса правил, регулирующих при теоретическом воспроизведении действительности операции над законами и словарем теории, составляют *операциональный аппарат теории*. Если понятия и термины теории принять за словарь, а законы за грамматику некоего языка, то операциональный аппарат окажется семантикой этого языка.

Большей частью специалисты по методологии науки не делают различия между текстом теории и операциональным аппаратом. В описаниях гносеологического механизма теории можно найти либо «текст» – в одних работах (Brown 1963), либо «операциональные правила» (правила «соотнесения», «координации» и т. п.) – в других (Nagel 1961). Встречаются и прямые утверждения идентичности этих обозначений (Харвей 1974: 85). Между тем, функции их столь же различны, как в любом языке – семантики и текста, правил и результата их применения. Есть резон различать эти звенья гносеологического механизма теории еще и потому, что они различаются по связям с другими звеньями этого механизма.

В археологии (и, видимо, в истории) *задача теоретического воспроизведения действительности* оказывается сложнее, чем в других науках. Дело в том, что сами теоретические законы археологии, обеспечивая историческую реконструкцию, тем самым тоже устанавливают зависимости воспроизведения. Это зависимости между переменными либо *воспроизводящей процедуры* («мостообразующие»), либо *воспроизводимого объекта* («процессуальные законы»).

Поэтому когда, строя текст теории, мы снова воспроизводим на основе теоретических законов исходную реальность (как бы эмпирический материал, археологические источники), то это будет уже вторичное воспроизведение, а итог – дважды воспроизведенное. В самом деле, сначала мы на основе источников воспроизводим реальный мир прошлого, а затем на основе этого воспроизведенного мира должны воспроизвести источники. Однако для реконструкции реального мира на основе археологических источников есть много возможных вариантов, поскольку культурные объекты полисемичны, а источник фрагментарен и имеет много лакун. Двигаясь обратным путем к источнику от нашей гипотетической реконструкции, мы должны учитывать не только проявления известных законов формирования источников, но и вклад случайности. Так

что на обоих путях – к реальному миру прошлого и назад к источнику – возможны искажения и потери.

Здесь мы снова подходим к вопросу о *специфичности и нетривиальности археологических законов*. Действительно, обе главные категории археологических законов – «процессуальные» и «мостообразующие» – зачастую выглядят банальными. Они выявляются методами и на материале других наук (социологии, этнографии, культурологии) или просто в обыденном опыте «здравым смыслом».

Законы первой группы вполне реализуют свои объяснительные и организационные потенции также в других науках (истории материальной культуры, исторической социологии). Однако даже законы этой группы конкретизируются в археологии и иначе, чем в других науках, и требуют особых правил в операциональном аппарате (скажем, в археологии диффузию идей нужно отделять от распространения вещей). Более того, в этой группе есть законы, для выявления которых именно археологические материалы необходимы и незаменимы (в частности, таковы специфические законы ранних этапов культурно-исторического процесса) (Watson et al. 1971: 168–169).

Что же касается второй группы законов, то эти законы никакой другой науке просто не нужны. Недаром те естественнонаучные и социологические эксперименты и этнографические наблюдения, которыми эти законы добываются и проверяются, составили несколько отраслей не социологии или естествознания и не этнографии, а именно археологии: «экспериментальную археологию» (Семенов 1957; Ascher 1961; Coles 1973), «срочную археологию» и «живую преисторию», «археологию действующего» («action archaeology») (Kleindienst and Watson 1956; Ascher 1962; McKern and McKern 1974; и др.).

В сущности, именно из этих законов должны получать обоснование правила соотнесения в операциональном аппарате. В методологии науки принято строго различать *правила* и *законы* (Попов 1972: 121, 151). Для археологии их различие в изрядной мере теряет силу. Законы археологии, как отмечалось выше, переходят в операциональный аппарат. Операциональный аппарат археологической теории получает статус и значение системы законов. Здесь-то они и оборачиваются совсем не тривиальными.

Возьмем те же законы Стенона и Ворсо. И впрямь, что проще последовательности наслоений или одновременности вещей одного

погребения? Но стоит поразмыслить над тем, при каких условиях эти законы не действительны, чтобы самоочевидность отпала. Закону суперпозиции противопоказаны извержения, нивелировки, деятельность грызунов и т. д., закону Ворсо – склепы, подхоронения, перехоронения, ограбления могил и т. д. Еще сложнее распространить этот закон (что и сделал О. Монтелиус) на немогильные комплексы – клады, жилища и проч.

Иначе говоря, законы археологии делает банальными пока еще обычная манера неполных формулировок. Так получается, когда забывают, что, отношения, возводимые в закон, осуществляются лишь при известных условиях.

Археологи давно ощущали необходимость операционального аппарата для своих теорий, но до недавнего времени стремились уподобить его операциональному аппарату физических наук и найти в реальном мире жесткие соответствия своим теоретическим объектам – постоянные и точные. Так, археологи упорно, несмотря на все предостережения этнографов, видели (а многие еще и теперь видят) в археологических культурах только древние этносы (*критику этого взгляда см. в работах*: Монгайт 1967; Клейн 1969; Klejn 1974).

Критика источников в археологии долгое время ограничивалась так называемой *внешней критикой* – проверкой подлинности и сохранности материальной формы источников. Лишь недавно на археологию было распространено требование *внутренней критики источников*, т. е. оценки их познавательных возможностей (Eggers 1950, 1959; Клейн 1978; Kristiansen 1978).

Это привело к тому, что и сейчас потенции ряда старых теорий при всей их односторонности оказываются еще не исчерпанными, ибо эти теории в свое время не обрели удовлетворительного операционального аппарата. Разработка такого аппарата представляет немалые эвристические возможности.

Так, теория миграций в учении Коссинны строилась на крайне примитивных правилах соотнесения и конкретизации (Klejn 1974). Но, критикуя миграционизм и диффузионизм за то, что они превращали идеи миграции и диффузии в отмычку для интерпретации любых изменений в культуре, незачем чураться самих явлений миграции и диффузии. Эти явления занимали видное место в культурно-историческом процессе, и археологии нужны теория миграций и теория диффузии. Разработка операционального аппарата, скажем, для археологической теории миграций означает поиск археологических признаков миг-

раций, качественных критериев доказанности миграций (Клейн 1973а, 1999; Титов 1982).

Такие аппараты предстоит разработать и для других старых археологических теорий, выявивших действительные сущностные характеристики некоторых реальных явлений, и эти старые теории еще поработают в науке, постепенно становясь частными, предельными случаями более общей теории. Конечно, нет гарантии, что это не вызовет новых увлечений и преувеличений и, возможно, что археологии еще предстоит столкнуться не только с неозволюционизмом (так называют «культурный материализм» Г. Чайлда, Р. Бредвуда, Р. Мак-Адамса), но и с неомиграционизмом, неодиффузионизмом и т. д. Что ж, у археологии есть не только опыт впадения в крайности, но и опыт их преодоления.

7. Текст и тест теории. Построение *текста теории* обеспечивает возможность ее проверки сличением с реальностью – это есть *тест теории*. Для «новых археологов» это сравнительно простая процедура *эмпирической верификации* или – немного посложнее – *эмпирической фальсификации*. При первой проверяется возможность подтвердить текстовые модели соответствиями в реальном мире, при второй – возможность подыскать в реальном мире, в сфере ожиданий, явления неожиданные, не соответствующие ожидаемым, т. е. опровергнуть ожидания.

Но проверка не ограничивается сличением с реальностью через эмпирический базис (назовем такую процедуру *Э-тестом*). Дело в том, что у этой проверки есть ряд слабостей. Она могла бы оказаться строгой лишь применительно к такому материалу, в котором *факты всегда однозначны*: причина любого рода способна вызвать следствие одного и только одного рода, а у каждого такого следствия может оказаться только одного рода причина. Даже в исследованиях физического мира это условие не всегда обеспечивается.

В культурном же материале, где велика роль условного выбора форм, условного наделения их значениями, сплошь и рядом *одинаковые факторы даже в схожих условиях могут приводить к разным следствиям*, и, наоборот, *за одинаковыми явлениями в схожих условиях могут скрываться разные причины*. В культурном материале господствует «разнопричинность» (pluricausality) (Köbben 1967). *Археологический факт полисемичен*. Чтобы избежать дискредитации этих закономерностей, предлагалось рассматривать такие нарушения законов как простительные «*исключения*» – статистические вы-

падения или объяснимые ошибки (Ibid.), или как «ограничители» сферы закона (Klejn 1972). Этим хотя и устраняется дискредитация законов, но не снимается трудность их проверки. Несимметричность здесь полнее, чем в физическом мире: здесь и несбывшееся ожидание не опровергает теорию и даже не требует ее пересмотра и подправки – оно может быть просто результатом обращения к «неподходящему» факту.

С этим сопряжены дополнительные трудности в воспроизведении реальности. Чтобы понять их, надо вернуться к составу *текста*. Кроме перечисленных, в него входят еще два звена воспроизведения реальности: *объяснение* и *предсказание (прогнозирование)*. Оба получают проекцией выводных ожиданий на эмпирию и на практику, но если предсказание – это простая проекция *ожидания* (повторение его применительно к практике), то *объяснение переносит на реальность предлагаемые теорией связи и значения, воплощая в себе силу теории, ее авторитет*.

Для действия теории в «очищенной» среде, например, в физических науках, предполагается симметричность обеих проекций: если верно объяснение, то предсказания надежны; если сбываются предсказания (а они идентичны ожиданиям), то верно объяснение (т. е. теория). Правда, и в физике симметричность подвергается сомнению, но лишь с одной стороны: не всякий предсказательный вывод гарантирует объяснение (Печенкин 1973). В археологии же предсказание, обращенное в прошлое (прогнозирование открытий о прошлом), сугубо несимметрично объяснению. Если теория предсказала открытия, то, значит, верно объяснение хотя бы некоторых явлений, но всегда ли – неясно. А если теория верно объясняет, то может предсказать, а может и не предсказать открытия.

Но отсюда следует, что, зная некий культурно-исторический закон и некоторые условия его реализации, мы все же не в силах однозначно воспроизвести результат его действия, раз мы не знаем всех условий реализации, все происшедшие случайности. Историка и археологу все время приходится учитывать взаимодействие многих факторов, считаться с ролью случайностей, порой весьма результативных.

Таковы слабости Э-теста вообще и в археологии в особенности. Во многих науках в проверку все чаще включается *T-тест* – сличение с предшествующими теориями на основе «*принципа соответствия*» Н. Бора: новая теория должна не противоречить оправдавшим себя (для их сферы компетенции) старым теориям; она должна вклю-

чать их в себя как предельные случаи. Это требование, за которым скрывается убежденность в единстве законов мира, становится критерием состоятельности новой теории (см. Кузнецов 1948). За этой концепцией надо видеть веру в единство законов мира.

Разумеется, данный критерий, будучи слишком общим, лишь упорочивает респектабельность и перспективность теории, повышая, так сказать, ее кредитоспособность, но не обеспечивает полную уверенность в каждом случае.

Чем меньше надежность проверки через Э-тест, тем больше значение Т-теста. Осознание своей специфики неминуемо побуждает археологию обращаться и к этому непривычному для нее критерию. Археология привыкла безжалостно бросать и забывать свои модные теории, словно ветреная красавица возлюбленных.

Эту переменчивость некоторые авторы используют для доказательства тщетности любых теорий и для пропаганды свободы от теории. Они с упоением описывают позорные неудачи знаменитых теоретиков, скандальные провалы в предсказаниях. Они любовно коллекционируют «безобразные факты», которыми разрушены «красивые теории». Вот, де, различия в смысле схожих форм на разных континентах (удар по эволюционизму), вот бездоказательность самых пресловутых миграций и достоверность автохтонного наследия (удар по миграционизму), вот «ультра-длинная» радиоуглеродная хронология Европы (удар по диффузионизму) и т. д. (*напр.*, Daniel 1950, 1962).

А ведь это очень смахивает на передержки. Когда оправдавшая себя на каких-то многочисленных фактах одной сферы теория терпит фиаско на смежных совокупностях материала, то это не значит непременно, что она вообще ложная. Новая, конкурирующая теория может объяснить неподдающуюся совокупность фактов, не посягая на объясненную старой теорией – просто оставляя ее в стороне. Но если новая теория оказывается более мощной, то она способна включить в себя старую теорию как предельный вариант. В естествознании это считается магистральной линией развития науки.

В общественных науках развитие чаще направляется по иному пути. Здесь противоборствующие социальные силы, занимая крайние позиции, нередко в интересах противостояния защищают односторонние взгляды, отстаивают универсальность «своей» теории и стараются полностью ниспровергнуть и подавить другие. Однако и этим наукам тот же магистральный путь развития не противопоказан. Обычно идеология прогрессивного на данном этапе класса оказывается са-

мой смелой, стимулирует наиболее широкий взгляд и наиболее мощную теорию.

В поисках такого магистрального пути для теоретической археологии, очевидно, есть смысл подумать о такой теории, которая могла бы включить инвенцию, миграцию, диффузию и другие причины смены археологических культур как частные случаи. К такой теории мы движемся, отыскивая и испытывая новые идеи.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Предложить дальнейшее чтение нелегко. Насколько я знаю, только моя статья (Klejn 1980) полностью соответствует теме этой главы, но она исчерпывающе использована при написании этой главы. Есть интересные статьи, посвященные отдельным частям этой темы – законам в археологии (Cameiro 1968, 1970), объяснению (Fritz 1972; Plog 1973; Fritz and Plog 1970; Watson et al. 1971, 1984; Renfrew et al. 1982; Gibbon 1989). Но полезно почитать работы из других дисциплин, особенно географии (Харвей 1974).

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

- 1. Какие характеристики естественнонаучных теорий переносимы на археологию, какие – нет?*
- 2. Чем можно доказать, что в археологии есть место законам?*
- 3. Чем можно доказать, что в археологии есть место тем же разновидностям законов, которые существуют и в естественных науках?*
- 4. Можно ли обосновать дихотомичность группировки законов в археологии, т. е. то, что наиболее рационально здесь выделение именно двух групп законов?*
- 5. Какие еще законы археологии стоило бы снабдить именами открывателей?*
- 6. Можно ли привести аргументы в пользу первоочередности задач унификации теоретических терминов в археологии?*
- 7. Не приведете ли конкретные примеры, когда бы применение математики в археологии образовывало математический аппарат теории?*
- 8. Что общего у типологии с языком?*

9. Не сможете ли Вы привести конкретные примеры операционального аппарата теории?

10. Не сможете ли Вы привести конкретные примеры проверки теорий по эмпирическому базису и по теоретическому базису?

11. Не приведете ли конкретные примеры абдукции в построении археологических теорий?

12. В теоретической работе банальность – это явный порок. Что же приводит к банальности теории и ее компонентов? Каковы пути преодоления банальности?

ГЛАВА 12

ФУНКЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

1. Трудный вопрос. В статье «Философия археологии», предваряющей сборник работ Дэвида Кларка, Глин Айзек (Isaac 1979: 15) адресует сборник как заинтересовавшимся теорией, так и тем, кто задает вопрос: «К чему нам возиться с теорией?». «Разве мы плохо жили и работали до сих пор без теоретической археологии?» – подначивает и Я. А. Шер в предисловии к книге Ж.-К. Гардена «Теоретическая археология» (1983: 5), вкладывая этот вопрос в уста воображаемого археолога-эмпирика.

Что ж, на последний вопрос можно было бы ответить сразу, сославшись на Дэвида Кларка. В «Аналитической археологии» (1968: XIII) Кларк показал, что хотя с давних пор «археологи не имеют согласия насчет центральной теории, однако независимо от места, периода и культуры они используют схожие молчаливо подразумеваемые модели и процедуры, основанные на схожих и различных объектах – признаках, артефактах, типах, комплексах, культурах и группах культур».

Археолог-эмпирик, полагающий, что всегда обходился без теории, напоминает мольеровского мещанина во дворянстве, не подозревавшего, что всю жизнь разговаривал прозой. Но подспудная теоретическая концепция неизбежно оказывается смутной, неполной, недостаточно разработанной и слабо обоснованной. Это плохая проза. Эксплицитное представление теории позволяет лучше использовать ее достоинства и раньше обнаружить ее недостатки.

Однако вопрос, четко сформулированный Айзеком и подразумеваемый в формулировке Шера, остается. Оба автора дистанцируются от скепсиса своих воображаемых оппонентов, но скепсиса, вполне реального, с которым они, конечно, не раз сталкивались. Польза от теории для археологии представляется им несомненной, и готовый ответ они видят в трудах Д. Кларка и Ж.-К. Гардена.

Между тем, сами эти авторитеты как раз высказывали свое сожаление по поводу того, что ответить позитивно и общедоступно на этот вопрос пока нельзя. Кларк, разделив археологов на признающих необходимость теории для археологии и тех, кто не видит такой необходимости, заявил (1968: 22), что его «Аналитическая археология»

предназначена для первых, а вторые «несомненно, продолжают культивировать... узкие аспекты узких проблем, закрывая глаза шорами». «Теоретическая археология все еще не доказала своей необходимости», – просто отметил Гарден (1983: 32).

В его словах сквозит понимание того, что доказательства ожидаются от теоретической археологии. Если же подходить к этому делу с позиций теоретика, то доказывать нужно не примерами принесенной пользы (сколько бы этих примеров ни было, всегда можно привести контр-примеры – бесполезности или даже вреда конкретных теоретических концепций), а строгой логикой, методологическим анализом. Вопрос о пользе от теорий для археологии в переводе на язык методологического анализа оборачивается вопросом о функциях археологической теории.

Работ, посвященных этому вопросу, в археологической литературе почти нет. Зарубежные работы такого рода мне просто неизвестны, а из работ на русском языке могу назвать небольшую статью В. В. Радилиловского (1985) и главу в книге В. Ф. Генинга «Структура археологического познания» (1989: 156–193). Оба автора перенесли на археологию разработки, существующие в советской философской литературе и сделанные главным образом для естественных и точных наук (Печенкин 1972; Баженов 1973; Рузавин 1978). Разработки эти в свою очередь частично опираются на труды известных зарубежных специалистов по логике науки.

У Радилиловского функций археологической теории четыре: описательная, объяснительная, предсказательная и синтезирующая – этот список он заимствовал у Баженова. Генинг оставляет из них только две – описательную и объяснительную, но добавляет к ним систематизирующую, которую он взял от Рузавина. Радилиловский и Генинг старательно подыскивают аргументы для уподобления археологической теории теориям физическим, химическим, социологическим: все у археологов как у людей – и объяснения, и предсказания, и систематизация... Если мы будем исходить из интересов археологии, список функций будет гораздо более полным, а вот наиболее популярные функции – объяснительная и предсказательная – окажутся как раз под вопросом.

Как выяснить и сгруппировать функции археологической теории? Как мне представляется, нужно последовательно рассмотреть различные ступени конкретного археологического исследования с целью

обнаружить, играет ли какую-то роль на каждой из них археологическая теория, и если играет, то какую именно.

2. Опознавательная функция (1). В таком подходе одна функция, которая отсутствует в общих рассуждениях философов, опознавательная, должна быть включена в список.

Само выделение поля для археологического изучения формируется в сфере теоретической. А следовательно, и самое общее отграничение материалов для исследования, да и подход к ним, короче – определение предмета и целей археологии. Что считать объектом археологии, в чем состоит археологичность, определяет теория. Если нет ясной теории, то прямым следствием является путаница и в отнесении тех или иных объектов к компетенции археолога. А значит, и споры о применимости к данным объектам методов.

Издавна археология стабилизировалась как изучение вещественных древностей. Под вещами понимаются объекты материальной культуры, материальные произведения человека. Таким образом, археологичность определяется двумя характеристиками:

- 1) принадлежностью к материальной культуре и
- 2) древностью.

Оба понятия не столь просты, как может показаться.

Принадлежность к материальной культуре устанавливается по наличию признаков человеческой обработки, выявляемых на основе обобщения результатов опыта и наблюдения. Но культура предполагает обработку если не целенаправленную, то, по крайней мере, целесообразную, соответствующую некоторым культурным нормам и традициям. Значит, требуется теоретический анализ понятия культуры и ее подразделения – материальной культуры, а также ее составляющих – норм и традиций (все это – параархеологические темы).

Древность устанавливается также конкретным анализом, по отложившимся в длительном опыте науки признакам. Но никакие эмпирические обобщения не диктуют, какой именно возраст требуется для признания вещи археологическим объектом, сколь древней должна быть эта вещь. Тут тоже требуется теоретический анализ проблемы.

Говоря об источниковедческом изучении исторических объектов, Г. А. Антипов (1987: 49–50) перечисляет возможные ошибки идентификации и сопровождает свой перечень только археологическими примерами. На каждую из двух моих характеристик археологичности

(древность и принадлежность к материальной культуре) у него приходится по два возможных промаха в идентификации – переоценка (когда неархеологический объект принят за археологический) и недооценка (когда опущен археологический объект). Получилось четыре категории ошибок. Это ошибки:

- 1) модернизации,
- 2) архаизации,
- 3) социализации (природные объекты приняты за культурные) и
- 4) натурализации (наоборот, культурные не распознаны, сошли за природные).

Примерами у него служат соответственно: раскрашенные гальки из Мас д'Азиль, кремневые детали молотилок нового времени, зоилты. Антипов не нашел примера для четвертого вида ошибок, но такой легко добавить: древние сосуды, которые в Польше в эпоху Возрождения принимались за произведения природы.

Таким образом, определение археологичности опирается на теорию, и в то же время это вполне конкретная задача, исходная для археологического изучения. Соответственно различно формулируемой теории, по-разному решалась и эта задача.

Когда археологическая теория, сколь бы расплывчато и неясно ни была она сформулирована, рассматривалась археологами как часть географии (а такое время было), археологическими объектами считались древности, способные быть *достопримечательностями* края, – курганы, городища, крепости и храмы. Когда археологическая теория формировалась в искусствоведческом ключе, статуса археологических памятников удостаивались главным образом *памятники древнего искусства*. Ориентировка на обслуживание истории породила представление об *археологическом источнике* и обратила археологов к изучению всяких древностей, не только эстетически выразительных, но все еще всерьез учитывались только уникальные, эффектные, красноречивые. Для включения *массового материала* (керамики, кремневых отщепов и т. п.) в сферу внимания археологов потребовалось осознание важности истории культуры и, как выражаются французские историки, истории структур. Именно тогда объектами археологического изучения стали не только собственно вещи, но и всякие *материальные следы человеческой деятельности*.

Споры о крайних хронологических границах сферы археологии – до какого века простирается ее компетенция и с какого момента начинается – носят обычно отвлеченный характер, очень большая точность

здесь пока не требовалась. Однако споры такие велись и ведутся. В России прошлого века Санкт-Петербургское Археологическое Общество проголосовало единогласно за 1700 год (разумеется, нашей эры) как хронологический предел археологии – все, что позже, не должно считаться археологическими объектами. Тем не менее, то и дело раздаются голоса за расширение пределов археологии вплоть до наших дней. Отсюда обозначение ветви, ведающей раскопками только что оставленных индейцами поселений – этноархеология. Действительно ли это часть археологии? Проблема рассматривается более подробно в моей книге «Археологические источники» (1978: 48–53; 1995: 94–103).

Другие спорные вопросы могут решаться по-разному. Я имею в виду вещественную специфику археологического материала (в какой мере и в каких случаях относятся к нему *природные объекты*, не созданные людьми, – древесина, пыльца, кости и т. п.). Эти вопросы важнее, ибо затрагивают разграничение наук и характер их интеграции. С ними связаны вопросы профессиональной специализации и достаточной широты рассмотрения.

3. Интегративная функция (2). Речь идет о проблеме единства археологии.

Во многих странах археология формировалась не как одна наука – ее отрасли оказывались самостоятельными дисциплинами, даже входящими в разные группы наук. Это оформлялось созданием для них особых, отдельных институтов, журналов, кафедр, обществ.

Так, почти по всей Европе античная (классическая) археология развивалась и развивается отдельно от первобытной. Первая формируется в русле искусствоведения и филологии, вторая – как часть биологии. Первобытной археологией Германии несколько десятилетий руководил патологоанатом Вирхов с соратниками – тоже медиками. Да ведь и в России первобытные древности собирались вначале академиком Бэром в Анатомическом кабинете, тогда как с музеями была связана классическая археология. В США первобытная археология входит в состав антропологии как комплекса наук (наряду с физической и культурной антропологией, этнографией и лингвистикой), а классическая археология туда не входит, да и вообще относится не к науке, а к гуманитарному знанию. В Германии и США эти отрасли и называются по-разному: термин «археология» закреплен только за классической археологией, а первобытная называется «преисторией», «праисторией».

Восточная археология развивается где вместе с классической, где отдельно от нее. Средневековая археология, везде ориентированная на историю, кое-где вне Средиземноморья смыкается с первобытной археологией, и обе они вместе образуют отечественную археологию, которая противостоит классической. В Германии столетие назад расхождение усугубилось конкуренцией и враждой этих двух дисциплин, достигнув уровня раскола.

От имени искусствоведов-классиков Каблер (Kubler 1961) и от имени первобытников Чжан Гуанчжи (Chang 1967) стараются обосновать это резкое разделение. «Столь глубоко в истории науки укоренилось это разделение археологии... – пишет Чжан (Chang 1967: 137–138), – что статус кво непреодолим, его рационализация безнадежна и всякий великий замысел объединения этих двух соперничающих подходов в одну главную дисциплину археологии очень рискован». Чжан знает о возможности отыскать нечто общее: «Это, однако, реальный вопрос – лежит ли общая методология в основе всех археологических школ. Или, менее амбициозно: не служат ли некие понятия, методы и терминологические структуры по сути сменными линзами для одной и той же главной камеры?» Он отвечает на этот вопрос отрицательно.

В Англии К. Хокс (Hawkes 1954), в России А. Н. Рогачев (1975, 1978) выдвинули отсутствие письменных источников в качестве принципиального отличия первобытной археологии от археологии «исторической», как окрестил Рогачев все остальные ветви. Хокс не только разделил археологию на «ведомую текстами» (*texttaided*) и «бестекстную», «не имеющую текстов» (*textfree*), но и ввел хронологические подразделения первой, придумав специальные термины для них: *протоистория*, *параистория*, *телеистория*. Подразделения и термины не прижились (кроме первого, который существовал и раньше). «Но разве наличие или отсутствие письменных источников могут сказаться на содержании и специфике археологических исследований и их возможностях?» – резонно спрашивает Захарук (1978: 25).

Опыт России очень в этом плане интересен: здесь по традиции археология едина, и не испытывает от этого ни малейших затруднений. Примечательно, что в ряде стран в названии обеих «половин» все-таки сохраняется термин «археология». Все это побуждает задуматься об их родстве. Все работники этих дисциплин – археологи, и все они пользуются одними и теми же в принципе методами и основными понятиями. На дискуссии 1968 г. Микляев отрицал приложи-

мость понятия «археологическая культура» к палеолиту. Имела место следующая перепалка:

«ГРИГОРЬЕВ: Вы неолитчик, я палеолитчик. Но все мы археологи, и основные понятия у нас должны быть общие. Астрономы занимаются звездами, все – разными, но у них есть общее понятие “звезда”.

МИКЛЯЕВ: У нас разные источники. У вас, палеолитчиков, ничего, кроме кремешков и стратиграфии, нет; нет керамики, многих орудий труда.

ЛЕБЕДЕВ: Когда вы классифицируете материал, ту же керамику, вы пользуетесь понятием “тип”?

МИКЛЯЕВ: Пользуюсь.

ЛЕБЕДЕВ: Вы вкладываете в него другое содержание, чем палеолитчик, или нет? Нет. Почему же на более высоком уровне систематизации, когда встает вопрос о культурах, не сохранится то же соотношение?

КЛЕЙН: Конкретные вещи у вас разные, но абстракции общие» (Клейн и др. 1970: 301).

Как мы знаем, культуры теперь успешно выделяются и в палеолите. У всех этих отраслей, конечно, одна и та же теоретическая база. Когда Чайлд заявлял «археология одна» (Childe 1957: VI), он имел в виду именно это. Более того, исходя из того, что первобытная археология к этому времени опередила классическую и средневековую по пути развития концепций и методов, Чайлд заметил, что «если бы романисты и медиевисты могли перенять технику и категории, развитые для более древних периодов, многие проблемы истории были бы решены».

Эта проблема имеет и другой аспект. Поскольку теоретическое мышление в глазах многих должно быть тесно связано с идеологией, считается, что идеологические расхождения научных школ, национальных школ и т. п. должны приводить к резкой дивергенции теорий археологии, а следовательно, и вообще археологий. Указывая на распад «новой археологии», претендовавшей на то, чтобы быть куновской парадигмой для археологии, Б. Мюре констатировал: «Теперь уже не одна археология или одна преистория, а много, в зависимости от философской или политической теории археолога» (Muyhre 1961: 161).

Особенно преуспели в этой раскольнической деятельности идеологи советской археологии. В Советском Союзе всячески насажда-

лось убеждение, что марксистская археология – это совершенно новая, иная наука, чем вся остальная археология, именовавшаяся в советском обиходе буржуазной, что у нее иная теория, иные понятия, иные методы. Обсуждался даже вопрос, стоит ли «для такой науки... сохранять при новом содержании старый термин» (Равдоникас 1930: 20) – обдумывалась замена термином «история материальной культуры» (на короткое время это было осуществлено). В конечном счете термин был оставлен старый, но еще долго советский археологический истеблишмент продолжал уверять себя и всех, что советская археология коренным образом отличается от остальной: «восприятие ею марксистско-ленинского научного мировоззрения и развитие в условиях социалистического государства создали, по существу, совершенно новую науку, занявшую почетное место в ряду других разделов исторического знания...» (Рыбаков 1967: 583).

Все это настолько въелось в сознание ортодоксально-марксистских кадров, что ведущие теоретики истеблишмента считали возможным выпускать капитальные труды по теоретической археологии, совершенно не используя в них зарубежную литературу – не потому, что это запрещалось (в какой-то мере это было разрешено всегда), и не только потому что не владели языками, но и потому, что исходили из убеждения: там – совершенно другая дисциплина, не достигшая уровня подлинной науки, поэтому заниматься ею незачем, разве что для обличения и разоблачения.

Западные археологи нередко отвечали тем же. Американцы в своих археологических трудах примерно так же игнорировали не только русскую, но и немецкую археологическую литературу, правда, по существенно иным основаниям.

Это уже не «соперничающие археологии» Чжана Гуанчжи, это враждующие археологии. Но они спорят об одних и тех же понятиях, и нередко на одном и том же научном языке. Как правило, чем больше какая-либо школа отстаивает свою уникальность и единственность, свою монополию на право считаться наукой, чем больше ее обособленность, тем более она отстает и приходит в упадок.

Что у археологов много философских и политических ориентаций, это несомненно – их всегда было много. Но когда некоторые наблюдатели этого разногласия говорят о многих археологиях, полезно подумать о том, сколь глубоко эти расхождения археологов проходят внутрь их дисциплины. Это различия интересов, и эти интересы могут обуславливать определенные предпочтения в выборе фак-

тов и методов, да и определенные вероятности ошибок. Но методы приходится выбирать из одного и того же набора. И факты тоже. Несхожие по убеждениям археологи стремятся наполнить понятия разным смыслом, но это понятия из одной системы, и смысловые различия не столь значительны, чтобы археологи не понимали, о чем идет речь.

Помочь археологам ясно увидеть это и несмотря на все различия сохранить целостную науку, сохранить связи в ее рамках, должна теория археологии. Именно поэтому за все время не создано ни одной хоть сколько-нибудь значительной работы по теории античной археологии – теоретические работы античников были, но это работы об археологии вообще. Не создано и специальных работ, годных только для первобытной археологии. Поэтому также, когда выходит книга по теории археологии – о специфике ли источников или о понятиях классификации или о путях интерпретации, – за ней с равным интересом охотятся археологи всех отраслей.

4. Селективная функция (3). Даже после распознавания археологических материалов выбор и отбор материалов для каждого конкретного исследования производится соответственно теоретической установке.

Если принята нулевая теория, т. е. принцип эмпиризма, то материал годится любой без разбора, а по сути незаметно для самого исследователя подбирается по его вкусовым и прочим пристрастиям. При этом, однако, считается желательным набрать побольше – чтобы обеспечить более широкую базу для обобщений. В основе – мысль: любой материал даст что-то новое. Вообще же, считают эмпиристы, нужно добиваться максимальной полноты, в идеале – собрать весь материал.

Если теория есть и в нее введены принципы статистики, то можно обойтись репрезентативными выборками. Если же теория руководствуется гипотезно-дедуктивной логикой и соответственно исследование ориентировано на проверку какой-то одной гипотезы, то сбор материала оказывается узко нацеленным: берется только то, что может подтвердить или опровергнуть данную гипотезу. Конечно, такой подход опасен, особенно при раскопках, так как раскопки разрушают памятник, и весь его остальной материал, со всей потенциальной информацией, ненужной в данный момент исследователю и потому оставшейся незафиксированной, просто погибнет.

Наконец, если принять вместе с Д. Кларком, что существует некая генеральная теория, некий общий для всех локальных и хроноло-

гических подразделений археологии набор принципов, понятий, методов и процедур, то логично заключить, что есть и стандартный набор проблем и задач, которые нужно обеспечить материалом, информацией – как бы некая анкета, вопросник. По этому достаточно широкому кругу вопросов, рассчитанному в значительной мере на сбор «про запас», и есть смысл собирать информацию.

В последние десятилетия методология сбора материала как теоретическая проблема (*sampling theory*) интенсивно разрабатывалась в американской и английской археологии (Binford 1964; Mueller 1974, 1975; Cherry et al. 1978; и др.). Зависимость же подбора материала от поставленной конкретной проблемы исследования и доказывать нечего, а проблема эта либо прямо проистекает из господствующей теории, либо вызвана фактом, который в чем-то противоречит господствующей теории и тем самым порождает проблему.

5. Дескриптивная функция (4). Эта функция отмечается Радиллиовским и Генингом, писавшими о функциях теории, и некоторыми философами. Археологи, правда, в основном только разъясняют, какое место занимает описание в археологических исследованиях и как оно проводится, тогда как задача заключается в ином – выяснить, составляет ли оно или какие-то его аспекты функцию археологической теории, и если составляет, то показать эту связь.

А связь есть. Ведь описание представляет собой перевод информации о материале в знаковую систему для фиксации, хранения, переработки и передачи. Такой знаковой системой для описания служит язык. Но исходным пунктом для опоры описания на теорию является то, что к тому времени, когда научное описание начнется, язык для него уже должен существовать. Существовать заранее, до того. Существовать со своими понятиями, в которых он способен отразить материал, его компоненты, свойства, меры, связи, изменения, движения и т. д. То есть заранее должна быть проведена достаточно развернутая категоризация.

Зависимость описания и даже первичной систематизации от языка, от существующих уже в нем категорий можно видеть на следующем примере. Как заметил Коз (Caws 1965: 33), «усвоение какого-либо определенного языка может повлечь за собой характерное для него деление и расчленение того, что непосредственно воспринимается». В самом деле, для англоязычных археологов «стоянки» (*camp-sites*) отличаются от «поселений» (*settlements*) тем, что на первых люди не жили подолгу, а вторые были долговременными. Русские же архе-

ологи традиционно отличают «селища» эпохи палеометалла от «стоянок» каменного века, хотя бы эти «стоянки» были столь же долговременными – в расчет принимается не длительность обитания, а только периодизация. Причем те и другие включаются в категорию «поселения».

Категоризация изначально существует в языке, растет и разветвляется стихийно. Но археологический материал предъявляет к ней свои требования: во-первых, он имеет много объектов, уже не существующих в обиходе и потому не имеющих соответствий в действующей системе категорий, во-вторых, многие объекты испытали на себе действие времени и стихий, поэтому вообще имеют совершенно особый облик, в обычном обиходе не встречающийся; а в-третьих, археологию интересуют свойства и связи, обычно не привлекающие внимания вне археологии (например, наличие патины, ударный бугорок, стратифицированность и т. п.).

Поэтому с развитием науки (это касается и археологии) язык науки все время совершенствуется. Совершенствование идет главным образом именно по линии обогащения и рафинирования категорий, упорядочения их совокупности, дополнения ее многими абстракциями, уточнения их соотношений, организации их во все более строгую, стройную и богатую систему. А это, конечно, дело теории.

«Наш обычный язык заполнен теориями... – сказал Поппер. – Наблюдение всегда является наблюдением в свете какой-либо теории» (Popper 1965: 59). Есть философы, которые сводят теорию к языку науки. Пусть они и не правы в своей абсолютизации, но разработка языка науки, в частности языка описания, несомненно, одна из задач теории, и язык этот – ее часть, ее компонент.

Сама смена ведущих теоретических концепций (-измов археологии) вводила в обиход все новые понятия и термины языка описания. Так, со времени прогрессистов, сторонников концепции «трех веков», в язык описания вошли понятия «замкнутый комплекс» (термин сложился потом), «*in situ*», «слой». Сторонники диффузионизма (включая миграционизм) не могли обойтись без понятий «локализация», «местонахождение», «ареал». Экологи заговорили о «природной среде» и «нише». Таксономисты отработали понятие «признак». Менялось и представление об основном объекте археологии – сначала в этой роли фигурировал «антиквитет», потом «памятник» и «находка», ныне «артефакт» и «археологический источник».

Каковы этапы развития средств описания?

1. Языком науки прежде всего выступает *естественный язык*. Явления описываются обиходными словами и выражениями, обычно без указания количественных характеристик. На этой стадии описание в археологии находилось во времена Винкельмана. Для целей сравнительного анализа стилей (направленность явно теоретическая!) Винкельман сформулировал некоторые правила научного описания памятников древнего изобразительного искусства средствами естественного языка, и эти правила – *полнота описания, внимание к мелочам, личный осмотр* (описывать *de visu*) и т. п. – действуют до сих пор не только по отношению к памятникам искусства.

2. Однако при всем богатстве и при всей гибкости естественный язык обладает рядом недостатков для этой роли – он слишком многозначен, расплывчат, избыточен, эмоционально окрашен. Поэтому в нем, в его ткани стали специально вырабатываться для целей научного обихода отраслевые *специализированные языки*, своего рода научные жаргоны.

а) Одна из их особенностей – наличие *специальных терминов* для научных понятий, в том числе понятий, предназначенных для научного описания. В идеале эти термины взаимосогласованы и составляют *единую систему*, по крайней мере в рамках данного исследования, а лучше – в рамках целой научной школы, в какой-то мере это распространяется на всю отрасль. Термины условны и, если они хорошо продуманы, отличаются однозначностью и четкостью, наличием ясных дефиниций.

б) Другая особенность специального языка науки – *сухой, точный, лаконичный и нейтральный* стиль, избегающий двусмысленности, неявных переносных значений, подмены убеждений эмоциями и т. п.

в) Третья особенность – потребление *аббревиатур* вместо часто употребляемых слов, терминов и выражений.

г) Четвертая особенность – применение *формул* для показа зависимостей и связей, особенно в тех случаях, когда возможны количественные измерения и расчеты.

В археологии такой стиль описания понемногу вырабатывался издавна в записях коллекционеров и участников научных путешествий, но вполне сложился во второй половине XIX в. в каталогах музеев и полевых дневниках экспедиций. Он стал применяться и в публикуемых отчетах экспедиций. В России Городцов в начале XX в. применял и табличную форму представления данных. Во второй половине

XX в. крупные археологические труды в виду отсутствия единого языка описания нередко снабжаются терминологическими словарями с дефинициями важнейших специальных терминов (*примеры см. в: Клейн 1980: 104; 1991: 343*).

3. Наконец, в последнее время под напором компьютеризации создаются специально для целей научного описания *дескриптивные (документальные, информационные) языки*, которые отличаются сугубой *формализацией, эксплицитностью и структурированностью*. В них действует система редукции описания к *простейшим операциям*. Фиксация здесь производится специальными символами, по разработанному коду.

Каталог медных изделий Южной Евразии между Дунаем и Индом и издан-то был в виде карточек с перфорацией и кодом (Desayes et Gardin 1956). Чтобы достичь единообразия в работе, Гарден (Gardin 1963) предложил придерживаться трех наборов правил, определяющих *ориентацию, сегментацию и дифференциацию* объекта. Эти правила сами по себе – не теория, это методы. Но сама разработка этих правил, сама работа над усовершенствованием языка описания – дело теории.

На каждой ступени развития языка описания роль теории выступает все сильнее. Даже при описании на естественном языке мы укладываем то, что видим, в ту сеть категорий, ту сеть понятий, которой наука располагает к этому времени – соответственно наличной теоретической картине мира. Понятия эти еще не подлажены к нуждам археологии. Такая подладка, соответствующее взаимосогласование понятий внутри археологии, обзаведение их терминами ориентировано на принятое в данной концепции видение материала и понимание задач археологии, т. е. руководствуется теорией. Еще яснее роль теории в создании *дескриптивных языков*, ибо вся эта работа заключается в дефинировании, согласовании, делении, разграничении абстракций, в логической организации идеальных объектов. Не случайно Гарден свою книгу, половина которой посвящена описанию, назвал «Теоретическая археология». Правда, эта шапка несколько великовата его книге: даже вместе со второй половиной это не «теоретическая археология», но это, несомненно, ее часть.

6. Систематизирующая функция (5). В силу категоризации всякое описание не только обобщает (это действие эмпирическое), но и подводит материал под категории, приведенные в некоторую систему, как-то, пусть даже очень примитивно упорядоченные. Строгое

взаимосогласование и соподчинение этих категорий в соответствии со спецификой материала и задачами исследования создает научную *схему упорядочения*.

Если материал на основании сходств и различий распределяется по строго разграниченным ячейкам, подпадающим под стандартные категории, то это схема *классификации*. Если он группируется вокруг понятий, фиксирующих центры этих категорий, вокруг образов, то это схема *типологии*.

Как организовать совокупность классификационных или типологических понятий в должном соответствии специфике материала и задачам исследования, решает, конечно, та система положений, та программа действий, которая, собственно, и является теорией. В той части, которой общая археологическая теория регулирует эти действия, она называется *теорией археологической классификации* (ср. Колпаков 1992) или *теорией археологической типологии* (Клейн 1991).

Нужно оговорить следующее: распределение эмпирического материала по ячейкам классификации или группировка его вокруг идеалов, называемых типами и стилями, это *эмпирические действия* – установление *сходств и различий, идентификация, обобщение*. А вот организация самой системы понятий, разнесение их по иерархическим уровням, разграничение и взаимосогласование, подчинение общим задачам исследования – это действия *теоретические*.

Тут есть целый ряд трудных вопросов: Можно ли совмещать задачи классификации и типологии в одной схеме? Насколько те ячейки, та группировка, те границы, которые мы устанавливаем в археологическом материале, присущи самому материалу, а насколько – зависят от произвола исследователя? Отражают ли они связи и разграничения, реально существовавшие в живой культуре? И т. д. Целый ряд подобных вопросов Чжан Гуанчжи выписал из работы Клакхона о типологии (Kluckhohn 1960; Chang 1967: 83), еще ряд можно увидеть в других работах (ср. Hill and Evans 1973: 231, 268; Клейн 1991: 13, 31–32). Все это вопросы теории.

Первые классификации создавали коллекционеры антиквитетов в эпоху Возрождения (да, вероятно, и в античности). Уже тогда среди их классификаций нередко были такие, которые сортировали вещи по функциональному назначению – ведь сами собой напрашивались аналогии с существующими в обиходе вещами: оружием, орудиями, украшениями. Винкельман добавил к этому классификацию по стилистическому принципу. Ко времени эволюционизма распределение по

предполагаемым функциям стало основной формой классификации. Тогда же стали строиться типологии, в них материал группировался по стилистическим и вообще формальным сходствам и различиям только внутри категорий, выделяемых по предполагаемому функциональному назначению (и только за такими категориями в русской археологии закрепился термин «категории»).

Сам процесс определения функционального назначения вещей производится на основе представлений о функциональном устройстве древней культуры и способах его познания, а это – теория.

В культуре *связь функции с формой* детерминирована не жестко. Обычно есть известная свобода выбора формы для некой функции. А так как мы вынуждены определять забытые функции по наличным, откопанным формам, то в каждом отдельном случае задача исключительно сложна, а ключ мы вынуждены искать в системе форм данной культуры и предполагаемой системе функций, этому составу по идее соответствующей. Мы должны предварительно иметь некоторое общее представление о данной культуре, некоторые ожидания относительно функций, в ней действовавших. То есть выявление древней культурной структурированности нашего археологического материала чисто эмпирической процедурой невозможно. Это главная мысль моих работ по типологии (Клейн 1977б, 1991), а впервые ее высказал Уолтер Тэйлор (Taylor 1948). К этому наблюдению о зависимости первоначальных этапов исследования от дальнейших (о своего рода парадоксе опережения) можно еще добавить, что, становясь стандартными, классификационные ячейки быстро переключиваются в профессиональный язык описания.

И тогда уже нет надобности детально перечислять в описании признаки вещи – целый комплекс их, постоянно повторяющийся, можно заменить простым указанием на принадлежность к определенному ранее типу. Определенному ранее! – в этом разгадка парадокса опережения: первоначальные этапы исследования на поздней стадии изучения черпают информацию из завершающих этапов и результатов исследования, проведенного на предшествующей стадии изучения (см. Trigger 1982: 33).

Роль теории подтверждается тем, что смена ведущих теоретических концепций в археологии немедленно отражалась на ее классификационных и типологических понятиях. Так, Винкельман и его последователи сделали орудием классификации «стили», эволюционисты

ввели «типы», миграционисты добавили «культурную провинцию», диффузионисты-трансмиссионисты (искатели влияний и заимствований) – «археологическую культуру» и понятия «мотива», «мода» (термин прижился чуть позже), таксономисты отдали предпочтение «классу», «таксону», «признаку», и т. д.

Еще заметнее воздействие смены ведущих археологических концепций на высшем уровне систематизации – при обобщении огромных массивов материала, скажем, континентального, если не глобального охвата. Катастрофисты и прогрессисты объединяли материал в крупные блоки по эпохам, по «векам» (таков путеводитель Томсена по Копенгагенскому музею). Эволюционисты, не отказываясь от эпох, считали их условными ступеньками развития, а для удобства его прослеживания предпочитали объединять материал в глобальном охвате (как Г. Мортилье в своих трудах). Миграционисты рассматривали материал соответственно путям миграций – таковы книги Г. Коссинны. Диффузионисты трансмиссионного толка раскладывали его по зонам последовательного распространения влияний – именно так построены карты в знаменитой книге Г. Чайлда «У истоков европейской цивилизации». Таксономисты строили свои блоки соответственно формальному принципу, стараясь максимально приблизиться к нормам систематики. Археологи экологической школы, естественно, изучали материал, охваченный границами природных зон. И т. д.

Систематизация присуща теории по ее природе, так сказать – по определению: ведь теория в некоторых существенных отношениях и есть система законов, понятий и выводов. Теория систематизирует не только понятия, но и эмпирические регулярности, законы, стремясь установить между ними отношения параллельности и выводимости, а ее наибольшая организованность достигается тогда, когда *все свои законы* она оказывается в состоянии *вывести из одного общего принципа*. Для этого все их надо связать с ним логической субординацией, т. е. объяснить из него. Иными словами, этот уровень систематизации недостижим без объяснения (опять феномен опережения) и, собственно, оказывается аспектом реализации объяснительной функции.

7. Проблема объяснительной функции (6). Эта функция в наличии у обоих археологов и у всех философов, при чем ей у всех уделено наибольшее внимание – по-видимому, она считается основной.

Связь объяснения с теорией трудно оспорить, если считать, что объяснение всегда прямо апеллирует к закону: ведь законы – ядро теории. Если, однако, понимать объяснение шире и поставить под воп-

рос приравнение истории к социологии по их интересу к законам, то проблема усложняется.

В наиболее ригористичном, наиболее неопозитивистском крыле американской археологии (см. Spaulding 1968; Fritz and Plog 1970; Watson et al. 1971) суть объяснения понимается согласно философам К. Гемпелю и З. Оппенгейму: *по меньшей мере должен быть один научный закон, под который объясняемые факты могут быть подведены*. Объяснение через закон называют *номологическим* или *дедуктивно-номологическим*. Наши философы, однако, понимают объяснение более широко – как постановку явления в систему связей, а объяснение через закон – лишь как разновидность объяснения (Никитин 1970).

Позиция дедуктивистов подверглась разрушительной критике (Schuyler 1973; Morgan 1973; Levin 1973; и др.) и не получила признания. В литературе упоминается три основных типа объяснения: *причинное* или *каузальное* (в терминах причины и следствия), *структурно-функциональное* (нахождением места в структуре и определением функции) и *генетическое* (определением происхождения). Отвергая абсолютный детерминизм в культуре, часть исследователей склоняется к мысли, что в археологии применимо структурно-функциональное объяснение (М. Salmon 1982; Renfrew 1982), другая часть отстаивает каузальное объяснение как особый вид вероятностного объяснения, наиболее подходящий для исторических наук, в том числе и для археологии (W. Salmon 1982; B. Smith 1982; Eggert 1982; Mellor 1982; Trigger 1982).

Но *что* подлежит объяснению в археологии? Бинфорд, одним из первых введший в археологию дедуктивно-номологический принцип, вначале считал, что объяснять надо события и процессы в социокультурных системах прошлого, и объяснять из теории культурного процесса, формулирующей его законы. Позже у Бинфорда появились мысли, что перед тем, как изучать культурный процесс по источникам, надо *объяснить сами источники*. Некоторое время он еще полагал, что объяснять их следует событиями и процессами прошлого, но тогда ведь получается замкнутый круг, и Бинфорд пришел к выводу, что нужна особая наука об археологическом источнике, нужна соответствующая *теория* (Binford 1982).

Для него оба этапа познания – познание источников и познание прошлого – есть археология, но для Рауза, как и для меня (Rouse 1972; Клейн 1976, 1978а, 1991), они должны быть разделены. Археоло-

логия – это наука, изучающая материальные древности как источники познания далекого прошлого, а изучение затем самого прошлого по отпрепарированным источникам есть палеоистория (преистория и древнейшая история). Археология изучает не культурно-исторический процесс, а источники для постижения этого процесса, при том лишь один вид источников – материальные.

Но что подлежит объяснению в археологии? Нетрудно заметить, что в археологической литературе до сих пор все споры шли о том, каков характер объяснения в п а л е о и с т о р и и, ибо под именем археологии как исторической науки понимался весь путь познания прошлого, а объяснение концентрировалось на втором этапе этого пути – на перипетиях культурно-исторического процесса. Первая часть пути, со всеми источниковедческими дисциплинами, оставалась в стороне от дебатов об объяснении.

Коль скоро археология оказывается особой, источниковедческой наукой, вопрос о характере объяснения в ней надо решать заново.

На этом, первом, этапе познания прошлого нас интересует, что за объект мы обнаружили, каково было его ф у н к ц и о н а л ь н о е назначение в древней культуре, о каких древних событиях и процессах он свидетельствует. Эти вопросы прилагаются к материалу любого объема – один ли артефакт перед нами или комплекс, множество однотипных комплексов. В исследовательской процедуре археологии это задача *культурно-исторической интерпретации* памятников, которая сродни задачам перевода с одного языка на другой, а также (в другой своей части) задачам детектива. А вовсе не задачам историка.

Таким образом, в применении к собственно археологии *объяснительная* функция оказывается функцией *интерпретационной*, и это выводит археологию из разряда исторических наук по ее непосредственным задачам и методам, по ее методологической природе (хотя и не по конечной цели).

Каков же характер объяснения в археологии, то бишь *механизм интерпретации*?

Коль скоро события и процессы, способные послужить для объяснения облика и состава археологических источников, происходили в далеком прошлом и непосредственному наблюдению недоступны, основным типом объяснения в археологии следует признать *объяснение по аналогии – модельное*. Об аналогиях в археологии (в том числе об этнографических) написано меньше, чем они того заслуживают

(см. Ascher 1961; Smolla 1964; Morwood 1975; и др.). С некоторым преувеличением, но не без основания Чжан Гуанчжи (Chang 1967: 109) заявил: «вся археология есть аналогия». Несмотря на огромное количество археологических книг и статей со словом «модель» в названии, о моделях в собственном смысле (Klejn 1973: 75–77) написано еще меньше.

Из работ философов, методологов науки известно, что объяснение по аналогии относится к числу *индуктивных, вероятностных* (Никитин 1970; Попов 1972: 181–183). Кроме модельного объяснения применяются в археологии и другие.

Коль скоро приходится определять функциональное назначение артефактов и сооружений, не обойтись без *функционально-структурного* объяснения. Оно также в основном строится индуктивно. А поскольку археологические объекты покоятся не в том состоянии и не в тех местах, которые были для них характерны в прошлом, когда они работали в культуре, и для понимания их функций нужно мысленно продвинувшись *от их нынешнего состояния и места к прошлым*, мы выясняем, что привело их к нынешнему месту и состоянию, почему они оказались здесь и такими, – вступает в действие *причинное* объяснение. Причинное же относится к числу *дедуктивных*, хотя и не требует непосредственно универсального закона, не предполагает непременно абсолютного детерминизма.

Теперь можно выяснить, является ли такое объяснение функцией теории, т. е. какова роль теории в археологическом объяснении. И какой теории. Теория, как известно, предполагает наличие сильного закона или блока законов.

Начнем с *причинного объяснения*. За каждой причиной скрывается в конечном счете некая *закономерность*, пусть вероятностная (Кон 1969), а всякий исследователь стремится *усилить вероятность*, так что в пределе за причиной вырисовывается – как недостижимый идеал – *абсолютный закон* (Mellor 1982). Если причинное объяснение предполагает законы динамики, то структурно-функциональное – законы статики (законы устройства, структуры). Наконец, *объяснение по аналогии*, апеллируя к частному случаю, казалось бы, обходит закон. Но ведь оно потому и возможно в науке, что предполагает наличие за явлением и его аналогом, за объектом и его моделью некоего комплекса сходств помимо тех, что легли в основание сближения, а следовательно, предполагает проявление в обоих объектах некой *закономерности* – той, что обусловила их сходство. Конечно, к этой

закономерности явно апеллировать нельзя: она лишь подразумевает. Явно же в таком объяснении действуют другие закономерности, более общие, регулирующие выбор модели для данного объекта (конечно, вероятностные), и вообще отношения между всяким объектом и моделью.

В наше время уже очевидно, что основание для всех этих объяснений образует теория археологического источника и, более широко, теория интерпретации. Она опирается на эмпирические обобщения из экспериментальной археологии, из этноархеологии и этнографии, а также на теорию синтеза. Теория синтеза лежит в основе так называемой исторической реконструкции и объединяет все историко-ведческие дисциплины как базу истории.

Но ведь и в прежние времена объяснения делались тем же путем, только не так явно, не так строго и не так обоснованно. На месте теории была, так сказать, *предтеория* – нечто более расплывчатое и слабое. И все же можно проследить, как смена концепций в ней, вызванная общей сменой направлений, отражалась на господствовавших объяснениях.

Обозревая весь наличный материал своей науки и располагая его по шкале времени, археологи догадывались, что *материал должен отражать непрерывную преемственность поколений*. Однако таковой в материале не оказывалось, материал предстал в виде самодовлеющих хронологических блоков со слабыми связями между ними. Происхождение каждой археологической культуры оказывается загадкой. Почему? Каждый очередной археологический -изм начинался с попытки ответить по-новому на этот *проклятый вопрос археологии* (Клейн 1975).

Катастрофисты-креационисты и прогрессисты этим вопросом не задавались: Бог мог после каждого потопа или другого бедствия создать все заново. Но для эволюционистов это была уже проблема. Они решали ее с помощью предположения о лакунах в наших знаниях; их ключ к восстановлению порядка – *missing link* (недостающее звено). Миграционисты объясняли разрывы сменой населения, инвазией, трансмиссионисты – влиянием соседних культур. Стадиалисты в СССР, подобно катастрофистам или прогрессистам, считали разрывы естественным делом и объясняли их революциями. В Германии было разработано учение о латентном зарождении новых культур, недоступном археологическому выявлению. Приверженцы экологической школы упирали на изменения природной среды. Британские ги-

перспективы полагали, что это все результат условности наших заключений. И т. д.

Здесь совершенно очевидно, что эти объяснения связаны с теоретическими концепциями и имеют в них свое основание.

Остается еще добавить, что *синдром методологического опережения* работает и здесь: поскольку объяснение касается и функционального назначения вещей, полученные с его помощью определения в известной мере детерминируют последующие классификации, а следовательно, и описания (*ср.* Trigger 1982: 32).

8. Проблема предсказательной функции (7). Философы определяют предсказательную или прогностическую функцию как «важнейшую функцию всякой подлинно научной теории» (Рузавин 1978: 25). «Только благодаря наличию предсказательной функции, – поясняет Баженов (1973: 416), – теория перестает быть самодовлеющей, в себе замкнутой, становится практически полезной». Современные археологи, особенно «новые», осознали это вполне (Thomas 1974). Однако в археологической реализации этой функции таится какая-то трудность. Она проистекает из того, что предсказание обращено к будущему, а, по выражению Триггера, «будущее археологии есть прошлое» (Trigger 1970). Как же предсказывать, обращая предсказание в прошлое?

Одни ученые (*напр.*, Ракитов 1982: 289), стремясь сохранить для исторической и археологической теории в нерушимости функцию предсказания (должна же она быть у приличной теории!), «видоизменили» прошлое, оставив от него только какие-то намеки, и фактически подставили на его место будущее. Они говорят, что предсказать можно новые археологические открытия, места расположения новых находок, их облик.

Но, во-первых, такие конкретные предсказания (их называют эвристическими) очень мало опираются на теорию и общие законы, больше – на эмпирические обобщения. Это просто расширение обобщенного факта, индукция. Во-вторых, ясно, что, хоть эти новые находки и относятся к прошлому, предсказан будет не их прошлый облик (он уже известен), а их новые обнаружения, т. е. предсказывается не прошлое находок, а будущее исследования.

Другие ученые (*напр.*, Никитин 1966, 1970; Binford 1972: 333–334; Trigger 1973: 105; Оноприенко 1976) избрали противоположный путь – ради сохранения прошлого в месте направленности функции

они пожертвовали *предсказанием* как действием, обращенным в будущее, и стали вместо этого говорить о *ретросказании* или *постсказании* как о выводах, направленных в прошлое. Бинфорд (1972: 334) поясняет: «Единственный способ превратить... современные наблюдения в утверждения о прошлом проистекает из нашей способности к ретросказанию – устанавливая на основе современных данных, какие условия в прошлом породили наблюдаемое в современности...» Но чем такие выводы отличаются от обычного *объяснения* прошлого?

Многие указывают на родство предсказания, соответственно ретросказания, и объяснения (Dray 1957: 2; Hempel 1965: 176; Никитин 1970: 222–238; Trigger 1973: 105). Логическая структура их тождественна; то и другое есть вывод, при чем вывод гипотетический. Объяснительную гипотезу проверяют через сопоставление ожиданий, выводимых из нее, с независимыми фактами. А что такое *ожидание*? Это ведь и есть *предсказание* или *ретросказание*, только с подчеркнутой неопределенностью (Zubrow 1973: 246). С другой стороны, предсказание или ретросказание, сделанное на основе одной лишь аналогии или корреляции, т. е. на эмпирической основе, остается слабым, оно становится сильным, лишь если основа получила объяснение законом, из теории.

Но все же ретросказание и объяснение не совпадают. Отличие состоит в том, что если объяснение предполагает *увязку* одних объектов с другими, то ретросказание, как и предсказание, берется *описывать*, пусть и приближенно, предполагаемые объекты прошлого (или, соответственно, будущего).

Да ведь что значит описать предполагаемый объект прошлого на основе его видоизмененных остатков, фрагментов и следов в настоящем – так, как он выглядел в прошлом? Это значит осуществить его *мысленную реконструкцию*. Однако во многих случаях, а именно когда фрагменты мелкие и их мало, можно их составить по-разному, а следы – по-разному истолковать. Возникает большая свобода выбора решений. Значит, кроме фактов в реконструкции участвуют идеи, воображение, а если они строго организованы и обоснованы, то это – теория. Таким образом, в археологии *предсказательная* функция выступает как *реконструктивная*.

Роль теории тем значительнее, чем задача реконструкции шире, чем выше ее уровень, чем абстрактнее объект реконструкции – чем дальше от отдельного артефакта и ближе к событиям, к социальным

связям, структурам и процессам. Но тем ограниченнее и детальность реконструкции, тем менее она конкретна.

Дело в том, что в культуре детерминация всегда неполна, ограничена, велики неопределенность, произвол личностей и коллективов, свобода выбора и, следовательно, роль случайностей. С таким материалом невозможны ни точное предсказание в деталях, ни полная адекватная реконструкция. Что ж, и в природе действуют не только абсолютные законы, но и законы вероятностные, статистические, тем не менее ученые делают на их основе достаточно надежные предсказания и (скажем, в геологии) реконструкции, отказываясь от ненужной детализации, отбрасывая излишнюю конкретику.

Но специфика истории, которую обслуживает археология, как раз в том и состоит, что она не может слишком абстрагироваться от конкретики, не может вовсе отказаться от детализации. Она ориентирована не на выявление общих законов, а на установление конкретных фактов прошлого в их причинно-следственной связи (Dray 1957; Trigger 1973).

Поэтому собственно *исторические реконструкции* возможны лишь в редких случаях – когда дело касается недавнего прошлого, очень конкретной ситуации, очень хорошо обеспеченной источниками. В большинстве же случаев в истории фигурируют не исторические, а *социологические* или *антропологические* (культурологические) реконструкции. Что же касается археологических реконструкций, то они обычно не преследуют задач точного, детального восстановления *индивидуального облика*, удовлетворяясь – даже применительно к отдельным артефактам – восстановлением *типовых* особенностей. Так что в археологии реконструкции вполне реальны, но степень их полноты и адекватности обратно пропорциональна их приближенности к чисто историческим задачам.

9. Инструментальная функция (8). Под этим термином я имею в виду *оборачиваемость теории методом*. История науки учит, что теория, доведя свой операциональный аппарат до уровня стереотипности, становится методом (Овчинников 1968: 20–21). Ни в одном списке я этой функции не нашел. Между тем, она тоже служит выходу теории в практику.

Так, Винкельман и Герхард, исходя из теории (или, если угодно, предтеории), сопрягающей стиль с эпохой, разработали основы *сравнительно-стилистического метода*. Датские прогрессисты Томсен и Ворсо обратили свою схему «трех веков» в метод корреляции форм

артефактов с эпохой и вышли к *стратиграфическому методу*. Эволюционист Монтелиус прославился изобретением *типологического метода*, основанного на принципе эволюции. Миграционисты, разработав территориальный аспект археологического материала, ввели в археологию *картографический метод* прослеживания древнего расселения. Другая ветвь диффузионизма – трансмиссионизм – привела Софуса Мюллера к разработке *комбинаторного метода* синхронизации, а позже Шахермейра и Милойчича – к их критериям синхронизации. Таксономисты, естественно, довели до изощренности *методику классификации*, а дескриптивисты – принципы и методику объективного *описания* материала. Экологизм (в большой мере проявляется как географический детерминизм) обогатил археологию *авиаразведкой*, *фосфатным методом* и другими техническими средствами и *методами естественных наук*. Теория стадиальности, замешанная на интересе к производительным силам и борющаяся с «формальным вещеведением», породила *функционально-трасологический метод* Семенова. Соперничающий подход Тэйлора и родственный ему британский гиперскептицизм способствовали развитию внутренней критики археологических источников и провоцировали противников на применение *статистических методов*. Процессуальная археология ввела *многофакторный анализ* и *компьютерную симуляцию*. Бихевиорная археология означала интерес к отраслям, специально нацеленным на разработку *методов интерпретации: этноархеологии, срочной археологии и экспериментальной археологии*.

10. Эвристическая функция (9). «Каждая теория, – пишет американский философ-научковед (Kaplan 1964: 268, 302), – служит отчасти исследовательской директивой: теория руководит сбором данных и их последующим анализом, показывая нам заранее, куда эти данные подойдут и что мы из них сделаем, когда получим их... Теория функционирует во время исследования... она руководит поиском данных и поиском охватывающих эти данные законов». Археологи также отмечают нечто подобное. В их высказываниях можно выделить несколько эвристических направлений.

Первое – так сказать, внутреннее, в рамках избранной теории. «Главное назначение теоретической модели, – пишет Редмен (Redman 1973: 20), – это помогать исследователю отбирать значимые переменные и значительные гипотезы из большого числа возможных». В основном это обычная работа в существующей парадигме, если пользоваться терминологией Куна.

Другое направление – внешнее. Это *поиск новых идей*, новых теорий. В занятной статье о взаимодействии *типичных фигур* археологии в формировании всякой новой парадигмы Шварц (Schwartz 1978) выделил фигуру Искателя, который дает начало всей затее, находя новые, неожиданные данные, не подсказанные действующими в это время теориями. Потом результат поступает к главной фигуре – Гению, который предлагает новые идеи, новые объяснения, новую теорию и тем самым приводит в движение всю команду – Систематизатора, Защитников, Добытчиков, Учителей и Эклектиков. Очень славная схема, но начало изображено не совсем удачно.

Никто не может отрицать ценность новых данных, новых фактов, особенно если они неожиданны, но опыт учит, что их значение, по крайней мере в археологии, заключается, скорее, в проверке старой теории – с тем, чтобы ее поправить, видоизменить, ограничить или даже опровергнуть (кстати, ее противники – не обязательно новаторы, это могут быть и сторонники одной из старых теорий). Да ведь это вполне понятно: такой факт производит негативное воздействие – отрицает, опровергает, отводит, – но сам по себе он не является позитивным вкладом в теорию: он *не создает новых идей*, не дарует новых объяснений.

А новая теория обычно зарождается иначе (теоретический анализ этой проблемы см. – Клейн 1980, и здесь в предшествующей главе). Принципиально *новые идеи для новой теории должны прийти со стороны* или быть произведены *внутри данной дисциплины творческой личностью*, способной комбинировать и перерабатывать массу информации – как поступившей извне, так и возникшей внутри дисциплины – тут уж из сопоставления ее существующих теорий.

Присмотримся к примерам, которыми Шварц проиллюстрировал свою фигуру Гения – Тэйлор и Бинфорд. «Люис Бинфорд – это пример очевидного создателя парадигмы в современной американской археологии. Его работа привлекла многих молодых ученых в такой мере, что они мыслят о себе как о школе “новых археологов”. Его роль – стимулировать работы других...» (Schwartz 1978: 158).

Однако в статье Шварца я не нашел конкретного Искателя, который бы поставлял Бинфорду непредсказанные факты с самого начала, и я не нашел там указаний на сами такие факты. Я не нашел их и вне статьи – нигде. Очевидно, их и не было. Более того, оказывается, что Гений был ориентирован изначально, в созидательный период, *не на новые факты, а на старые идеи*.

«Но сколь новы его идеи? – спрашивает Шварц о Бинфорде. – Они явно были предварены по крайней мере Стюардом и Зетцлером (1938), Клакхоном (1948), Стюардом (1949) и Колдуэллом (1958)» (Schwartz 1978: 158). Сам Бинфорд (Binford 1972: 2–19) указывает на Уолтера Тэйлора, Элберта Сполдинга и Лесли Уайта как на источники инспирации своей новой программы. Можно добавить к списку его инспираторов еще и неопозитивистских философов Гемпеля и Нагеля. Я не хочу этим сказать, что Бинфорд не был самостоятелен или что он не создал ничего нового. Вовсе нет. Я лишь хочу подчеркнуть, что его новые идеи выросли из переработки старых идей, старых теорий.

А если мы обратимся к Уолтеру Тэйлору, то увидим за ним фигуру его учителя Клайда Клакхона, руководившего созданием знаменитой книги Тэйлора, когда она была еще диссертацией... От Тэйлора заимствовали идеи не только «процессуальные» археологи, но и их противники – контекстуалисты (как Чжан Гуанчжи, Триггер), да и новые противники – постпроцессуалисты (как Ходдер).

Дэвид Кларк имел своих вдохновителей и учителей в археологии и за ее пределами в лице Чайлда, философа Витгенштейна, в «новой географии», Порядковой Таксономии, Теории Систем.

Таким образом, в очень большой мере *теория порождает теорию*.

Новая теория происходит *из преобразования старых теорий*. Как выразился Стюард (1949: 25), «теории не гибнут, разрушаемые фактами, они сменяются новыми теориями, которые лучше объясняют факты». Это происходит частично путем добавления новых идей из других дисциплин и социальной жизни, а частично – потому что рост самой дисциплины, развитие ее концепций *имеет свою логику*, так что их последовательность и смена – не просто игра случая.

Винкельмановский принцип «стиль – это эпоха», перенесенный со скульптуры на формы орудий и оружия, помог прогрессистам осознать сопряженность материала и техники с эпохой (Томсен распределить ведь свои артефакты не просто по материалу!). Эволюционный типологический ряд, положенный на карту, становится диффузией. Марксистское учение о диалектическом скачке осмысливается в приложении к археологии как теория катастроф. Словом, в каждой теории заключено очень много для обусловливания путей к новой теории. Надо лишь знать эти теории и уметь работать с ними.

Об одной из теорий последнего времени Сполдинг (Spaulding 1973: 346) пишет: «Ценность общей теории систем и включенных в

нее концепций из кибернетики по сути эвристическая: не открыто великих новых истин, но она на деле может стимулировать археологов исследовать свои данные новыми путями». У Рандсборга это заключение носит более общий характер: он предлагает «продвигаться индуктивно, используя различные теории как указатели возможных дальнейших направлений исследования и формировать не столько догматические статичные рамки... сколько подходы» (Randsborg 1982: 425).

11. Контрольная функция (10). Однако выдвигать «догматические статичные рамки» – это тоже задача каждой новой теории, и никуда от нее не уйдешь. Дело здесь не столько в создании новой парадигмы для «нормальной» науки, по Куну, – это, скорее, следствие других задач. Дело, скорее, в том, что любой закон науки тем более абсолютен или, если речь идет о вероятностных законах, тем более силен (вероятность тем выше), чем *уже ограничена область и сфера его применимости*. Законы не только *диктуют* или (вероятностные) *разрешают*, но и *налагают запреты*.

«Ограничительная роль закона, существенно влияющая на его предсказательные функции, в наибольшей мере раскрывается в теории», – пишет философ Виноградов (*цит. по*: Попов 1972: 189). И продолжает: помимо классов допускаемых явлений «теория задает также класс запрещаемых явлений... Теория, которая бы ничего не запрещала, ничего не может ни описать, ни предвидеть. Поэтому процесс увеличения принципов запрета в теории связан с расширением класса описываемых, объясняемых и предсказываемых явлений».

Так, прогрессистская теория «трех веков» запретила обнаружение железных предметов в слоях и комплексах с каменными боевыми топорами. Аналогично, если мы встретим бронзовый кинжал в комплексе с кремневыми ручными рубилами, мы отнесем это либо к фальсификации, либо к перекопу. И дело здесь не просто в нарушенной корреляции – мало ли, может быть мы просто не знали это необычное явление; может быть оно – редкостное. Суть в том, что теория объясняет, почему это явление невозможно.

Если же все-таки запрещенный факт надежно подтвердился, это основание для пересмотра теории, которая его запрещает – для ее *ограничения* или *отмены*. Так, существенно подорвало авторитет эволюционизма подтверждение палеолитического возраста пещерной живописи. Отстаивая очень постепенный прогресс человеческих способностей, эволюционизм запрещал палеолитическую древность пещерной живописи и потому объявлял ее фальсификацией, а она ока-

залась подлинной. Но пока доверие к данной теории не подорвано, пока ее основания широки и устойчивы, она служит критерием для *проверки новых фактов и новых законов*.

Итак, теория выступает как критерий научности новых открытий и направлений в археологии.

Более того, как бы теории ни противоречили друг другу, они все же образуют некий *теоретический фонд* в виде вложений из разных теорий в *теоретическую картину мира*, на соответствие которой мы проверяем новые открытия. В теоретическую картину мира входят только очень устойчивые и очень надежные вклады разных теорий – принципы, понятия, методы проверки. Вот почему мы со спокойной душой отбрасываем все эти свидетельства о снежном человеке, об Атлантиде, о пришельцах и т. д. За этим спокойствием, за этой уверенностью стоит наше знание научной картины мира, пополнение и корректирование которой также входит в контрольную функцию археологической теории.

12. Синтезирующая функция (11). Всякая теория *синтезирует* материал – конденсирует эмпирическую информацию и упрощает ее мозаику. Тенденция к принципиальной простоте выражается в том, что теория стремится объяснить как можно более широкий круг явлений из как можно меньшего числа предпосылок. Поэтому всякой теории присуща тенденция к *экспансии*: теория начинает проникать в сферу компетенции других теорий и дисциплин. Особенно заметно эта тенденция сказывается при возникновении новых теорий: новая должна показать свое преимущество именно в том, что она *объясняет и те явления, которые прежняя объяснить не могла*.

Но при этом действует и фактор удержания результатов.

Как пишет Регирер (1966: 95), «только на предварительных стадиях одни теории просто отбрасывают, освобождая место другим. Когда теория уже подтверждена многими опытными фактами, обычно ее видоизменяют так, что новая теоретическая концепция включает старую в виде частного случая со всеми ее подтвержденными опытом результатами. Когда в объяснении фактов достигнут уже некоторого успеха, переход к другой теории будет возможен лишь при условии, если число объясненных фактов не убавится, а, напротив, увеличится: уже достигнутые объяснения так легко не отбрасываются наукой».

Поэтому меня всегда забавлял тот запал, с которым сторонники и противники миграций или автохтонного развития отстаивали *свои объяснения как принцип* и начисто отвергали *конкуреннтное объяснение*, тогда как надо было лишь определить условия, при которых оказывается актуальным то или иное.

Влияния и заимствования, с одной стороны, и миграции – с другой, долго конкурировали друг с другом в качестве объяснений массового появления новых элементов в культуре, хотя с самого начала у некоторых исследователей эти объяснения применялись на выбор как равноценные – оба явления в сущности суть разновидности диффузии (поэтому я и рассматриваю диффузионизм как широкую концепцию, объединяющую в себе две ветви – трансмиссионизм, предпочитающий влияния и заимствования, и миграционизм).

Но и диффузия выступает лишь как одно из возможных объяснений смены культур наряду с другими объяснениями – эволюцией, культурной и социальной революцией, воздействием природной среды и проч. Поэтому теории эволюции, диффузии, экологического воздействия, неолитической и городской революций и т. д. в сущности не должны противоречить друг другу и могут рассматриваться как потенциальные части более общей теории смены культур – нужно лишь найти механизм включения этих объяснений как частных случаев в более общую схему объяснения.

Мне думается, что идеи теории коммуникации предоставляют такие возможности (Клейн 1975, 1984, 1997). В свою очередь, эта теория может рассматриваться как часть более общей теории археологической интерпретации, и т. д. Попытки построить общую, центральную, как выражался Д. Кларк, теорию археологии, теорию общей археологии и т. п., вероятно, окажутся удачными тогда, когда будут осознаны как закономерное выражение синтезирующей функции всякой частной археологической теории и соответствующим образом ориентированы.

13. Осветительная функция (12). Последняя по счету, но не по важности. Никто из приведенных исследователей ее не упоминал – вероятно, потому, что она самая очевидная. Как сказал один ученый, «Теория подобна вышке, на которой устанавливают прожектора, освещающие площадку строительного участка» (Региреп 1966: 101).

В самом деле, без теории археолог, сколь бы опытен он ни был, вынужден во всех своих исследовательских операциях либо целиком подчиняться традиции, либо искать методом «тыка» (методом проб и

ошибок). Теория, разворачивая перед ним схему соотношений в его материале и схему устройства его собственного инструментария, определяя цели и задачи, освещает ему пути продвижения и участок для работы. Конечно, обе схемы неполны, в чем-то искажают картину. Но из полевого опыта пользования несовершенными картами мы знаем, что лучше такая карта, чем ничего. Тем более, что «ничего» часто на деле означает слепое доверие к неопределенному и случайному путеводителю.

Археолог, вооруженный теорией, способен к сознательному творчеству, к дальнейшему развитию методики, к самостоятельному определению пути.

Как можно воспользоваться теорией в этом плане, показывает пример Мальмера, сумевшего усовершенствовать эволюционно-типологический метод «короля археологии» Монтелиуса.

Монтелиус велик не тем, что увидел эволюцию в типах (тут он не был первым), а тем, что открыл порожденную ею структуру в материале и связанные с этим возможности. Эволюция у него сосредоточилась в типологическом ряде типов, выраженных в типичных артефактах. Но один типологический ряд может быть и случайным, показывать лишь к а ж у щ у ю с я эволюцию. Монтелиус проверял свои типологические ряды, находя *параллельные линии развития* – параллельные типологические ряды типичных артефактов и устанавливая между ними *сопряженность* посредством увязки некоторых звеньев из обеих линий развития *замкнутыми комплексами*. Эти комплексы скрепляют линии в некоторых местах и подтверждают их параллельность. Таким образом, без надежных замкнутых комплексов эволюционно-типологический метод Монтелиуса не работает. А ведь в археологии частенько встречаются ситуации, в которых надежные замкнутые комплексы отсутствуют.

Разобравшись в теоретической сути типологического метода, Мальмер увидел аналогии между *замкнутым комплексом* и *артефактом* – оба состоят из формальных элементов: первый – из вещей, второй – из деталей (или из признаков). Таким образом, Мальмер догадался, что в таком исследовании можно подставить на место замкнутого комплекса артефакт, а эволюцию, как сказал бы Рауз, модов (типов деталей) проследить вместо эволюции типов артефактов. Нужно лишь позаботиться о том, чтобы детали, выбранные на одном артефакте, были формально взаимонезависимыми.

Заменяв типичный артефакт типичной деталью, эволюцию типов эволюцией модов, связующие замкнутые комплексы связующими артефактами, Мальмер сохранил параллельность линий и сопряженность. Таким образом, он расширил возможности типологического метода, освободив его от обязательной связи с надежными замкнутыми комплексами.

14. Заключительные замечания. Археологи с сожалением отмечали существующий разрыв между теорией и практикой в своей науке (см., напр., Adams 1988). Предложенное здесь рассмотрение функций археологической теории имеет две цели и, соответственно, два адресата.

Прежде всего хотелось бы, чтобы оно помогло археологам-практикам увидеть в теории не пустую забаву, не пижонское умничанье, а нечто необходимое всем профессионалам. Я старался показать те направления, на которых практики могут извлечь пользу из теоретических разработок.

С другой стороны, глава написана и для теоретиков. Теоретикам полезно не упускать из виду, для чего вся маета. Наука ведь не сводится к теории, о чем теоретики охотно забывают. Теория проверяется практикой – это значит: реализуется в ней. Теория существует не ради собственного изящества – она должна работать, функционировать, выполнять свои функции. В чем это заключается, я и хотел показать.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Мало что может быть рекомендовано. Две работы на русском (Радиловский 1985 и Генинг 1989) соответствуют теме, но из них не очень много можно извлечь. Моя статья (Klejn 1995; Клейн 1999) все еще представляется мне резонной, но она практически перепечатана здесь. Два сборника (Redman 1972 и Renfrew et al. 1982) используются здесь часто, но они касаются лишь некоторых функций археологии.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Рассмотрение функций теории – это, по сути, обсуждение вопроса о пользе и необходимости теорий. Что же, по-вашему, могло бы для археолога-практика послужить наиболее убедительным доказательством необходимости теорий?

2. Не могли бы Вы привести примеры реализации функций теории в конкретных исследованиях археологов (т. е. когда результат зависит именно от теории)?

3. Какие существуют теоретические и практические аргументы в пользу раздельного существования отраслей археологии (классическая и др.) и против этого, в пользу их организационного объединения?

4. Ограничивается ли проблема отбора материала (селективная функция) теорией выборок (sampling theory)?

5. Есть два значения термина интерпретация, два смысла – один в рамках истории и перевода, другой – в рамках философии (герменевтики). Какой из этих смыслов применим в археологии и нет ли в ней элементов применения третьего?

6. Действительно ли объяснение в отраслях истории и в археологии столь различны? Какие дополнительные аргументы Вы могли бы подыскать в пользу этого или против?

7. Какова роль теории в археологической реконструкции?

8. Оборачиваемость теории методом здесь рассмотрена на основе обще-археологических теорий. А как это выглядит у частных теорий?

9. Можете ли Вы подобрать наглядные примеры, когда бы теория подсказывалась неким новооткрытым фактом и когда бы она выводилась из старых теорий?

10. В чем теоретическое обоснование невозможности найти Снежного человека? Столь ли тверда уверенность и в тщетности поисков Атлантиды?

Часть V

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТ И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава 13

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТ

1. Факт как проблема. «Что составляет археологический “факт”?» – спросили три современных археолога (в их числе Бинфорд). И ответили: «Мы утверждаем, что на деле источник не содержит фактов, если мы примем, что этот термин означает “данные эмпирические истины”» (Sabloff et al. 1987: 203). Тут археологи подразумевают известный девиз современных философов, что факт нагружен теорией. Даже столь отъявленный эмпирик по убеждениям как сэр Мортимер Уилер (Wheeler 1960: 199) понимал, что тут должен быть элемент теории, если наши факты вообще должны что-то значить. Это показывает, что проблема археологического факта не столь проста, как она была прежде.

В начале XIX в. британский раскопщик сэр Ричард Хор гордился тем, что не прибегает к теории. «Мы говорим от фактов, а не от теории», – написал он во введении к своей книге (Hoare 1812).

Факт издавна противопоставлялся *теории* как истинная и солидная реальность легковесным спекуляциям. Позже, по мере того, как теории обретали авторитет в науке, факт стал рассматриваться как необходимая база любых теорий, а затем – как их пробный камень, критерий проверки. Философия (в частности методология науки) уделяет проблеме факта изрядное внимание – как зарубежная (Goodman 1951, 1965), так и отечественная (Нарский 1961: 118–145; Косолапов 1964, 1965; Мерзон 1968; Штофф 1972: 105–116). *Факт науки* оказался весьма сложным явлением. В каждом факте слита воедино информация разного происхождения, и расчленить ее – непростая задача (Штофф 1972: 110–111, 114–115; Герасимов 1972: 190–191).

Но в археологии удивительно мало теоретических разработок этой проблемы. Первые специальные статьи об археологическом факте появились на Западе в середине 30-х гг. XX в. (Strong 1936; Steward and Setzler 1938), а в СССР в середине 70-х (Викторова 1975а; Захарук 1977; Шер 1985).

А. Исторический факт и историки

2. Факты и тексты. Гораздо раньше археологов сложность проблемы научного факта осознали историки, работающие по письменным источникам. Их понимание факта, несомненно, повлияло на представления археологов, поэтому стоит рассмотреть сначала взгляды историков. В истории факт всегда выступает первоначально в виде *сообщения* письменного источника.

Сейчас трудно представить себе, сколь велика была доверчивость античных и средневековых историков: все, что написано и освящено мифологией, авторитетом древних авторов и книжной традицией, воспринималось как достоверное. Еще в конце Ренессанса М. Монтень (1588/1996: 76) требовал: «Пусть историки будут щедрее на рассказы о том, что они слышали, чем на свои собственные соображения об этом».

Однако уже с конца XVII в., как показывает М. Блок (1973: 46–51, 73), картезианское сомнение привело Б. Спинозу, Р. Симона, Ж. Мабильона и др. к созданию методов проверки подлинности исторических документов, т. е. методов *внешней критики* источников. Этой критике не избежала даже Библия – «Критическая история Ветхого Завета» Р. Симона вышла в 1678 г. (Simon 1678). Автора не сожгли. Но именно пример с Библией показывает, что эта критика мало затрагивала содержание источника: критики частенько оставались верующими христианами. Даже отвергая сверхъестественную природу библейских и прочих чудес, скептики не отрицали самих событий – только старались подыскать им прозаическое, естественное объяснение (Блок 1973: 74).

В этих пределах *научный факт* вообще еще долго воспринимался учеными как нечто прочное, очевидное, само собой разумеющееся и отождествляемое с *событием* или шире – с *явлением действительности*.

Это была позиция обиденного «здравого смысла» или наивного (вульгарного) эмпиризма (по распространенной на Западе терминологии, «наивного исторического реализма»). В исторической науке ее занимал Л. Ранке (первая половина XIX в.). Для него и его последователей факты были «твердым телом» истории, и нужно было только накапливать их побольше, строго описывать и бесхитростно излагать, чтобы установить, «как оно было на самом деле» («wie es eigentlich gewesen ist») (Ranke 1874: VII). «Основой исторической науки, – писал другой представитель “немецкой исторической школы” Эд. Мейер, – всегда останутся факты, т. е. то, что реально познаваемо...» (Мейер 1904: 47).

Критика не отвергалась, более того – она была поднята на более высокую ступень: теперь уже и содержание документов было заподозрено в неточности, ненадежности, авторы их – в тенденциозности. К внешней критике источников добавилась внутренняя, детище «немецкой исторической школы» (от Б. Нибура, А. Шлецера и Л. Ранке до Э. Мейера и Э. Бернгейма). Однако эта удвоенная критика должна была лишь вылущивать факты из шелухи искажений и наслоений, и предполагалось, что простое сложение этих «очищенных» фактов наталкивает непредвзятого историка на понимание хода истории, поскольку «факты сами за себя говорят». «Все факты являются одинаково важными». «Погашение» (Auslöschchen) индивидуальной предвзятости историка, его «я» считалось вполне осуществимой задачей.

«Исторические факты, – иронизирует по этому поводу Карл Беккер, – стали в конце концов казаться чем-то прочным, реальным и вещественным, как физическая материя, чем-то обладающим определенной формой и ясными, устойчивыми очертаниями, как кирпичи и другие строительные материалы, так что мы можем легко представить историка, который спотыкается в прошлом, ушибая ноги о не замеченные им твердые факты» (Becker 1958: 42).

Э. Карр называет этот наивный эмпиризм «ересью девятнадцатого века» и поражается: «Когда в 1830 году Ранке... отмечает, что задача историка – просто показать, “как в действительности было” (“wie es eigentlich gewesen”), этот не очень глубокий афоризм имел удивительный успех. Три поколения германских, британских и даже французских историков маршировали в сражение, выкрикивая магические слова “wie es eigentlich gewesen” как заклинание, предназначенное, подобно большинству заклинаний, избавить их от неприятной обязанности мыслить самому» (Carr 1964: 9).

Концепция ранних позитивистов в историографии (И. Тэн, Г. Т. Бокль, Н. Д. Фюстель де Куланж) отличалась в данном аспекте от рассмотренной тем, что подчеркивала сводимость фактов к продуктам непосредственного объективного наблюдения историка, т. е. к препарированным источникам, документам, текстам. По Фюстелю де Куланжу, история – «не наука рассуждений», а «наука наблюдений», «наука фактов» (*une science de faits*) (Fustel de Coulanges 1922: 278). Факты существуют только в виде наших ощущений и познаются только как суммы ощущений, рассуждения же (спекуляции) опасны: они способны исказить факты. Надо лишь «хорошо видеть факты».

Свой метод сам Фюстель де Куланж сводил к трем правилам: «Изучать исключительно и непосредственно тексты в самых мельчайших подробностях, верить лишь тому, что они показывают, и решительным образом устранять из истории прошлого современные идеи, занесенные туда ложною методою» (Фюстель де Куланж 1907: XVI). Отсюда лозунг: «Тексты, все тексты, ничего кроме текстов!» (Гиро 1898: 140, 143).

Уже в этой идее заключалась искра пожара, разожженного неопозитивистами. Суть их трактовки проста и вроде бы последовательна. Если факт неизвестен вне *ощущений*, то он – *продукт сознания*, ибо одни ощущения недостаточны для образования понятий. Ощущения связываются *мыслью*. Значит, без рассуждений не обойтись. «Фактом, – пояснял Ш. Сеньбос (1902: 63), – называется... такое утверждение или суждение, которое соединяет вместе несколько впечатлений, утверждая, что эти впечатления соответствуют внешней действительности». «Воображаемые историком факты строго субъективны», хотя и имеют соответствие с реальностью. Это соответствие выясняется путем сопоставления «с существующей реальностью».

Недостаток документов и фактов историк вправе восполнять рассуждением. Но он не должен затем принимать результат за объективную реальность. Историческое познание дает не объективную картину, а, как выражается И. Г. Дройзен, «суррогат истории» (*цит по*: Croce 1949: 404). Так учили образцовые методисты этого времени Ш. Ланглуа и Ш. Сеньбос (1899: 174–176, 179, 201). Такова же и позиция А. Тойнби (1964: 229–230).

Таким образом, неопозитивисты распознали двойственную природу научного факта – того, с которым вынуждены иметь дело ученые. С одной стороны, в нем налицо отражение фрагмента объективной действительности, а с другой – результат отбора наблюдате-

лем, результат подведения под готовые понятия при описании, а для историков – еще и результат мысленного восполнения, реконструкции: ведь самого события уже нет. Значение этой субъективной стороны все более возрастает в представлении историков, факты все более отождествляются с логическими конструкциями и признаются все более условными. События действительности все более тают за ними.

Ученые «критической школы» (Ф. Мэтланд и др.) показывают, что многие факты истории, казавшиеся четкими и бесспорными, при вдумчивом рассмотрении оказываются неопределенными, расплывчатыми, изменчивыми (см. Гуревич 1969: 67–68).

Наиболее радикальные из неокантианцев, последователей Г. Риккерта и В. Виндельбанда, удалив закономерность из истории и абсолютизовав индивидуальность фактов истории, выбрали последнюю объективную опору из-под отбора материала, объявив отбор безнадежно произвольным, подведение под готовые понятия – незаконным, а реконструкцию – бездоказательной. «Прошлое означает только хаос», – провозглашает И. Хейзинга, так что «в отношении прошлого история является всегда приданием формы...» (Huizinga 1954: 8, 12). Иными словами, историк лепит факты из сырой материи прошлого.

Отсюда презентисты (Б. Кроче, С. Беккер, Ч. Э. Берд) сделали вывод, что факт истории хоть и стимулирован сведениями о каком-то событии прошлого, но существует только в уме историка, только в современности, он связан с условиями современности, и именно эти его связи имеют определяющее значение для истории. «Исторический факт, – пишет Беккер, – находится в чем-либо сознании или нигде» (Becker 1958: 48). Он существует ныне, а не в прошлом (*is, not was*) (Ibid.: 43).

В талантливой и впечатляющей книге Р. Коллингвуда «Идея истории» объединены в органичный сплав, в единую субъективно-идеалистическую теорию соображения неопозитивистов, неогегельянцев, неокантианцев и презентистов. Исторический факт для Коллингвуда есть «умственная конструкция». Факты – не просто «установленные точки (*fixed points*), между которыми историческое воображение плетет свою сеть». Они вылеплены из сырья источников, но это сырье отображено в критическом мышлении и формовано им, а вот оно-то, мышление, исходит из этой самой сети.

«Эта конструкция основывает свою значимость вовсе не на поддержке данными фактами, а как раз наоборот – она служит пробным камнем, с ее помощью мы решаем, являются ли утверждения о дан-

ных фактах верными». Это значит, что «сеть воображаемой конструкции гораздо тверже и крепче» тех «установленных» или «твердых пунктов», которые и являются историческими фактами. Следовательно, историческое познание не возникает из фактов: «историческое познание может возникнуть только из исторического познания» (Collingwood 1961: 243–244). А оно откуда? А оно есть самоопределяющаяся идея истории – врожденная или, по терминологии Канта, «априорная». Она оказывается иной не только от поколения к поколению, но и от историка к историку, и даже у одного и того же историка в разные годы (Collingwood 1961: 247–248).

Таким образом, от абсолютизации объективной стороны научно факта (в частности факта истории) западная наука отшатнулась к противоположной крайности – к абсолютизации его субъективной стороны. Соответственно переместился и сам термин «факт»: от обозначения явлений прошлого он сдвинулся к описанию и интерпретации этого явления.

«В результате разрушительной работы философов-релятивистов и поддавшихся их влиянию историков, – резюмирует положение А. Я. Гуревич, – стройное здание позитивистской методологии истории было взорвано. Среди дымящихся развалин корчился в предсмертных муках исторический факт. Он потерял плоть и не был похож на самого себя; ему отказали не только в подлинности, но даже и в праве на объективное существование; за ним все более проступало лицо историка – его творца и единственного обладателя. Вкусив по наущению сатаны скептицизма запретный плод от древа философского познания, потерявший методологическую невинность историк увидел пустоту вокруг себя: истории вне его не существовало, он был обречен на то, чтобы создавать ее исключительно из собственной набитой предрассудками головы. Наказание за грехопадение заключалось в том, что каждое новое поколение историков обязано было переписывать историю заново, не имея никакой гарантии, что они хоть сколько-нибудь приблизятся к истине. Прощай, наука!» (Гуревич 1969б: 74–75).

Надо признать, однако, что все эти драматические пертурбации происходят с фактом главным образом в теоретических эмпиреях. На земле же добросовестные историки продолжают скрупулезно выявлять факты, придирчиво проверять на них выводы своих коллег, осторожно возводить собственные здания. Словом, знамена сменяются, ветер развеивает их то в одну сторону, то в другую, а караван идет себе.

3. Потеря марксистской невинности. Ортодоксально марксистские ученые, признавая сложность исторического факта, вступились за его познаваемость, за достижимость его объективной сути – ведь от этого зависела доказательность самого марксистского учения. Сведения, содержащиеся в историческом источнике, эти ученые привыкли рассматривать как отражение событий и явлений исторической действительности, пусть искаженное, но происходящее по определенным законам, поддающимся установлению (Быковский 1931: 29–31; Иванов 1962).

Более того, в любом источнике эти исследователи сочли возможным видеть не только *отражение*, но и *остаток* какого-то исторического явления – не всегда того, которое отражается в нем, но реального и интересного для историка (Авдеев 1925: 158; Саар 1930: 12–15; и др.).

Как отмечает Н. Ирибаджаков в своей книге, содержащей наиболее полное и глубокое марксистское исследование проблемы исторического факта (1972: 277), «историческое прошлое существует как объективная реальность не только в вещественных останках его материальной и духовной культуры. Бесчисленными способами оно вплетено в ткань современности как объективная реальность». Революции совершились давно, но существуют социальные структуры, ими созданные. Войны отремели, но сохранились передвинутые ими границы и порожденные ими реваншистские, пацифистские и другие настроения масс, и т. д. Вот та перспектива, в которой объективная сторона исторического факта проверяется и поддерживается в конечном счете всей жизненной практикой человечества (разумеется, это не гарантирует беспорности каждого отдельного решения).

Не обошлось без упрощений. Упрощения можно рассматривать как вульгаризацию марксизма (что и делалось, когда очередное упрощение становилось слишком очевидным), а можно и как суть доктрины (что, вероятно, ближе к истине). Соответственно, критику этих упрощений можно расценивать как очистку завета от искажений, а можно – как ревизию или даже опровержение. Так или иначе, упрощения налицо.

Н. Ирибаджаков считает верной старую идею эмпиристов, что «твердое тело фактов» существует «объективно и независимо от интерпретации историка». Отрицать эту идею, по его мнению, могут только приверженцы субъективного идеализма (Ирибаджаков 1972: 288–289). Даже в советской науке это грозное предостережение не у всех находи-

ло поддержку. То, что стоило бы сказать о *событиях прошлого*, сказано о *фактах исторической науки*. Проигнорирована сложность исторического факта. Источники содержат информацию о событиях прошлого, так сказать, в переработанном, зашифрованном виде и не открывают ее без расшифровки. Факты берутся из источников и, следовательно, включают в себя эту информацию – вместе с расшифровкой.

А. Я. Гуревич по другому поводу замечает: «Нельзя согласиться с оценкой исторического факта как “твердого ядра в окружающей его мякоти противоречивых интерпретаций”... Научный факт неотделим от его интерпретации, понятие факта включает в себя и его интерпретацию» (Гуревич 1969: 82, прим. 58). Философ В. С. Библер добавляет парадоксальную, но не очень точную формулировку этой антиномии: «Факт не зависим от нашего знания о нем, но факт (данный факт...) включает в себя деятельность современного исследователя... деятельность по расшифровке» (Библер 1969: 98–101). Материалистическое утверждение объективной стороны факта – не в отрицании зависимости факта от интерпретации, а в признании возможности объективной интерпретации как цели, как идеала, в признании по крайней мере частичной достижимости уровня событий прошлого через интерпретацию факта. Впрочем, и это не стоило бы упоминать.

Другой пример упрощения. А. П. Пронштейн в солидном учебнике счел нужным утверждать, что «нет никаких объективных препятствий для познания исторической действительности по фактам и явлениям, сохранившимся в источниках. Не имеется для этого препятствий и субъективного характера» (Пронштейн 1971: 22). Вот как, ни объективных, ни субъективных! При такой трактовке марксистское понимание объективности фактов опять же не отличить от представлений наивного эмпиризма. Правильнее было бы сказать, что препятствия большей частью преодолимы или частично преодолимы.

Возможно, эти упрощения не столько отражают упрощенческую суть доктрины, сколько являются наследием (или, если угодно, пережитком) того времени, когда марксистские философы в пылу борьбы против агностицизма перегнули палку в этом вопросе. Отстаивая познаваемость истории и возможности объективной исторической науки, они стали так настойчиво подчеркивать зависимость исторических образов от реальных фигур, что упустили из виду зависимость от взглядов историка и т. п. По сути это было равносильно отождествлению событий действительности с их отображением в исторической науке.

Неправомерность такого отождествления отмечает Н. М. Дорошенко (1971: 37–38). Н. П. Французова находит такое отождествление в статье А. Я. Гуревича, поскольку тот определяет факт как «событие или явление прошлого», а не как «реконструкцию», на чем настаивает Н. П. Французова (1972: 252–254).

В последние десятилетия советские философы расчленили понятие факта в глубину на две ступени, образуя два понятия: 1) *явление, факт действительности (факт 1)* – событие или процесс действительности, попавшие в поле наблюдения, и 2) *материал, факт науки (факт 2)* – отображение этого явления в наблюдении и описании, фактофиксирующее предложение (Косолапов 1965: 46–47; Штофф 1972: 106–107, 112–115). Философы считают это деление адекватным и применительно к исторической науке (Дорошенко 1968: 24–25). При этом, учитывая специфику исторической науки, они иногда вводят и третью ступень, различая в материале, во-первых, *наблюдение (в прошлом)*, т. е. отражение события в сознании его современников и очевидцев (то, что можно назвать *свидетельством*) и, во-вторых, последующее *отражение* в сознании и творчестве исследователей (то, что можно назвать *данными*) (Дорошенко 1971: 38).

Соответственно, историк М. А. Барг (1984: 152) различает 1) «*факт истории*» – собственно «*исторический факт*», 2) «*сообщение источника*» и 3) «*научно-исторический факт*» – данные, полученные из источника и осмысленные историком.

Иные историки склонны сейчас к еще большему дроблению. Отражение событий в сознании наблюдателя (свидетельство) они расцепляют надвое: *восприятие* события наблюдателем (то, что он видит, его представление) – это одно, а *фиксация* этого отражения в устном, письменном или изобразительном источнике (то, что наблюдатель сообщает, его показание) – нечто иное (Гуревич 1969б: 82–83).

Итак, всякий исторический факт оказывается по своей гносеологической природе многоступенчатым: *явление прошлого – свидетельское восприятие – показание источника – данное исторической науки*. Вся эта четырехчленная схема, по сути, есть цепочка преобразования исходной информации в процессе познания. Осознание этой расчлененности, этой ступенчатости факта важно потому, что на каждом этапе преобразования, в каждом звене возможны потери информации, искажение ее, обогащение дополнительной информацией – и это необходимо учитывать историку.

В процессе исследования мысль историка движется обратным путем – так сказать, навстречу информации, т. е. от данных к явлению. Даже при неукоснительном соблюдении постепенности этого продвижения – от этапа к этапу – трудность продвижения не снимается. Дело в том, что установление адекватности каждого достигнутого понятия следующему за ним не может быть осуществлено простым их сопоставлением. Ведь при «чистом» однолинейном познании факта каждое последующее, глубже лежащее понятие заключено в предыдущем – подобно матрешкам. А в каждом случае утерянные части информации как бы отсечены и остались вне матрешки. Для их восстановления требуется многое: привлечение других фактов и теоретических идей, работа по их сопоставлению. У историков она называется критикой источников. Внешняя критика выясняет соотношение «данных» с «показаниями». Далее вступает в силу внутренняя критика, которая продвигается от «показания» через «представление» к «явлению».

Так обстоит дело с историческим фактом. А как понимался и понимается факт в археологии?

Б. Археологический факт

4. От факта к данным. Долгое время археологический факт (АФ) воспринимался археологами как нечто простое, твердое и самоочевидное – археология, подобно истории, начинала с наивного эмпиризма, но задержалась на этом этапе дольше, чем история. «Археология, – говорил хранитель Ашмолеанского музея Паркер, – это история, изучаемая глазами, показом серий осязаемых объектов» (*цит. по: Daniel 1967: 141*). «При этом, – писал о стратиграфических данных В. А. Городцов (1908: 11), – не требуется никаких субъективных вмешательств исследователя, так как каждое явление, каждая вещь должны говорить сами за себя...»

Накопление ошибок и подделок (Munro 1905; Artau 1959 или 1961; Paul 1963) показало археологам, что очевидность АФ может быть обманчивой. Пришлось разработать методику проверки подлинности и доброкачественности объектов археологии. И хотя эта методика была несомненным соответствием «внешней» критике письменных источников (Text-Kritik), у археологов она называется просто «критикой источников» (*напр., Jacob-Friesen 1928: 98; Круглов и Подгаецкий*

1935, глава II «Критика источников»: 14–31) – явное свидетельство того, что какая-либо еще, иная критика источников не мыслилась потребной. По принятой тогда классификации исторических источников, письменные попадали в разряд «*предания*» и признавались намеренными, тенденциозными, а археологические утгождали в категорию «*остатки*» и считались (за вычетом современных фальшивок) произвольными, объективными (обзор и критику этих взглядов см. – Пронштейн 1971: 17, 23–25).

«Но это ни в коем случае не так! – восклицает Г.-Ю. Эггерс. – И археологические памятники могут лгать!» (Eggers 1950: 52). Он имеет в виду, что информация, содержащаяся даже в подлинных материальных древностях, не вполне адекватна отражаемым явлениям прошлого. Сохранились не все сведения, «ужимание» происходило непропорционально, металл «не пропускали» в культурный слой (шел в переплавку), в могилу клали специально отобранные вещи, чтобы достойно представить покойника на том свете (тенденциозность! субъективный фактор!) и т. д. Эггерс отмечает три фазы в перестройке информации: живая культура – мертвая культура – давно умершая (музейная) культура (Eggers 1959: 262–270). В общем Эггерс и другие археологи ФРГ (Э. Вале, Р. Гахман), выявляя «границы познавательных возможностей» археологии (Wahle 1941; Nachmann et al. 1962: 16–28), ссылаются на искажения информации в средней части ее пробега.

Американские и английские археологи усмотрели такую же ущербность в начале и в конце пробега, увидев и там фильтрующие шлюзы, через которые трудно, с потерями протискивается информация.

Какие шлюзы располагаются в начале пробега? С точки зрения У. Тэйлора, культура «состоит из идей», этнограф наблюдает их объективацию в поведении, а археологу достаются лишь вещественные результаты этого поведения (Taylor 1948: 97–115). Таким образом, АФ, по У. Тэйлору, – это третья ступень от сути культуры, а на каждой ступени возможны сдвиги значения и утечка информации. Другие авторы поясняют: ни язык, ни социальные отношения, ни идеология не откладываются в археологических материалах, «и это, – пишет Г. Даниел (Daniel 1962: 127–128), – есть фундаментальное ограничение преистории» (под преисторией он имел в виду первобытную археологию). Дж. Гриффин говаривал, что «никогда не видал кого-либо, кому бы удалось откопать систему родства» (*цит. по:* Binford 1972: 8). Идеи же объективируются по-разному: многое зави-

сит от субъективного фактора – свободной воли личностей, а она куда регулярности.

Как у англичан и американцев обстоит дело с концом пробега информации? Здесь современные критики всячески выпячивают субъективный вклад исследователя. Не так давно Г. Чайлд полагал: «Культуры – это наблюдаемые факты» (Childe 1935: 3). А Г. Даниел возражает: «культуры современного археолога... – это всего лишь служебные понятия» (Daniel 1950: 319). А. Кригер и Э. Сполдинг отстаивали идею, что типы открываются в материале и характеризуют состояние фактов (Krieger 1944; Spaulding 1953). Дж. Бру и Дж. Форд возражают: типы конструируются исследователем и налагаются на материал (Brew 1946; Ford 1954a; Форд 1962). Форд иронизирует над представлением Э. Сполдинга о «мире, наполненном упакованными фактами и истинами, которые можно открыть и попробовать, как пасхальные яйца, спрятанные в траве на лужайке» (Ford 1954b).

Дэвид Кларк так резюмировал эти скептические взгляды: «В археологии единственные факты – это артефакты» (Clarke 1968: 41). Но и артефакты невозможно описать без подведения их под набор понятий, который держится в уме исследователя. Со своей стороны Кларк отмечает: «Эти факты оказываются наблюдениями, в которых природа наблюдателя и его намерения играют большую роль...» (Clarke 1968: 21). В таком случае в археологии вообще не остается фактов или... Или все ее факты надо признать в большой мере конструкциями исследователя и в этом смысле – артефактами. Только это будут не древние артефакты, а современные, наши артефакты (и, разумеется, артефакты не в смысле рукодельности, а в смысле искусственности).

Симпатии Д. Кларка к этим скептическим взглядам не случайны. Они отражают настроения, царившие в «новой археологии». Нео- и постпозитивистская философия «новой археологии» побуждала ее с самого начала выступить против эмпиризма и породила в ней некоторое пренебрежение к фактам – в пользу теории. «Факты сами за себя не говорят», – учил Л. Бинфорд. Факты изначально нагружены теорией, они не существуют сами по себе, вне теоретического подхода, отбора, препарирования. Надо подняться «над морем фактов», объяснить их, выявлять закономерности, строить теорию.

Главная же основа пренебрежения «новых археологов» к каждому отдельному факту – это их антропологическая и социологическая выучка, их погоня за универсальными законами культурно-исторического процесса. По этой причине для них факты часто взаимозаме-

няемы и важны лишь постольку, поскольку на основе их изучения можно вывести закон. Они важны лишь до тех пор, пока такой закон не выведен. Затем факты теряют значение. Они отбираются со специальной нацеленностью на решение некоторой проблемы – другие факты просто не нужны.

Предпочтением теории и нацеленностью на законы «новые археологи» отличаются в этом вопросе от прямых последователей У. Тэйлора, контекстуалистов. Те ведь тоже признают гносеологическую инертность фактов, их подвластность интерпретации, их «нагруженность теорией» и проч., но каждый отдельный факт они почитают, а совокупность фактов образует для них не базу для универсального закона, а уникальный контекст.

Противник «новой археологии» П. Курбэн иронизирует: в противовес старой, традиционной археологии «новая археология» декларирует, что «нет “сырых”, “нейтральных”, “объективных” фактов, нет “основных данных”, нет “неструктурированных” сборов данных, нет данных, которые бы “говорили сами за себя”. (А разве кто-либо когда-либо считал, что говорят?). Факты появляются только в “системе увязки”, в системе подхода, эксплицитно заданной заранее... Каждый (исследователь) всегда имеет и всегда имел “систему увязки”...» (Courbin 1988: 119).

Ну, это несколько преувеличено. Как мы видели, были и другие установки. Да и сам же Курбэн, уличив «новых археологов» в тайном доверии к фактам, добытым традиционной археологией, заключает: «В сущности, хоть это и неправильно на деле, не проще ли признать (лишь из практических соображений), что факты существуют независимо от точного подхода к проблемам» (Ibid.).

Тайное доверие «новых археологов» к фактам он усмотрел верно. Оно обусловлено тем, что отношение «новой археологии» к фактам зависит прежде всего от ее теоретической установки на системный подход. «Новая археология» представляет культуру системой, где все элементы тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Таким образом, для археолога, вооруженного методом системного анализа, не беда, что факты археологии нагружены теорией, содержат элементы трактовки. Благодаря корреляции фактов в системе, эта трактовка прочна и потенциально однозначна. С самого начала Бинфорд раскассировал артефакты на *техномические*, *социотехнические* и *идеотехнические* – по их напрашивающейся трактовке, по их содержанию (Binford 1962). (Впоследствии он сам признал эту разбивку «несколь-

ко глуповатой» – somewhat silly – Binford 1972: 17.) Другие «новые археологи» занялись поисками более узко определенных «коррелятов» (Hill 1970: 63; Schiffer 1972: 12–13).

Глубина фактов здесь теоретически признана, но на практике факт оказывается плоским. Факты по-прежнему говорят сами за себя, хотя и шепотом, на ушко исследователю.

Археологические системы, как они вырисовывались из прямой генерализации фактов, приравнивались в «новой археологии» к культурным системам прошлого – таким, какими они жили. Трассировка этих археологических систем (экстраполяцией и интерполяцией) через последовательные стратиграфические плоскости – через срезы времени – рассматривалась как действительное развитие. Любые изменения систем на этом пути принимались за изменения живых культур прошлого, изменения, которым надо подыскать причины в прошлой жизни – воздействия природной среды, соседних культур, действия внутренних факторов.

Между тем, какие-то из этих изменений в археологических системах были вовсе не отражением явлений прошлой жизни культурных систем, а всего лишь искажениями, внесенными в них, так сказать, посмертно – когда это уже были чисто археологические системы: выпадение целых фракций материала из-за неравномерного разрушения различных веществ, неровности исследования и т. п.

Однако в первой половине 70-х гг. робко, а во второй более уверенно, на базе «новой археологии» («процессуальной археологии») сформировался иной подход, названный «бихевиорной археологией». Центр тяжести он перенес с изучения культурно-исторического процесса на изучение формирования археологического источника. Суть была именно в осознании глубины археологического факта, многостепенности преобразований информации. В первой же схеме М. Шиффер рисует путь материалов от *жизненного контекста* (он его называет «системным») в *археологический контекст*: обзаведение заготовкой – изготовление – употребление – выбрасывание – упокоение в отбросах (Schiffer 1972; 1976, fig. 4.1–4.2). Позже схема стала более детальной, развернутой на конкретных примерах (рис. 17. – Schiffer 1976, fig. 4.3).

Наиболее многоступенчатую схему АФ предложил С. Дж. Х. Дэниелс (Daniels 1972: 201–209, fig. 5.1). Его схема прослеживает продвижение информации по семи уровням – от типов, наличных в «культурной матрице» через этапы отложения артефактов и их раскопок до

опубликованных данных. В следующем году Дэвид Кларк опубликовал свою знаменитую статью «Археология: потеря невинности» (Clarke 1973) с четырьмя уровнями, на которых фиксирует свой интерес археологическая теория – от предепозиционной ситуации через депозицию артефактов к их извлечению и анализу (далее мы рассмотрим эти работы подробнее).

В этой обстановке и Бинфорд представляет в конце 80-х гг. более сложную, чем раньше, схему соотношений, в которой он помещает «факт», «явление», «событие», «данное», не очень подробно уточняя каждое из этих понятий.

«В науке термин факт относится к аспектам актуального проявления события. Более важно, что ученые в общем придают статус факта “распознаваемому” одиночному событию, состоявшемуся в определенное время. Факт существует в событии... которое состоялось однажды и затем ушло навечно, тогда как данные являются представлением фактов посредством относительно постоянной устоявшейся документации. <...> Если мы признаем уравнение фактов с событиями, то должны заключить, что археологи никогда не могут работать с фактами прошлого. Однако археологи производят много данных как результат их (фактов прошлого) изучения и наблюдений над археологическим источником... Какие же события археологи описывают, производя данные? Они фиксируют события наблюдения, в которых участвуют... Эти записи наблюдения, сообщаемые как данные археологии, относятся к современным фактам – современным событиям наблюдения. Никакие исторические факты (прошлые события) недоступны археологическому наблюдению. Археологи производят данные из фактов современных наблюдений над артефактами».

Наблюдения над одним черепком или наконечником стрелы трактуются как одно событие и, следовательно, источник факта. «Когда археологическое явление открывается в археологическом контексте... кажется вероятным, что артефакты должны принадлежать к прошлым событиям... Тем не менее, мы не можем путать импликации с фактами. <...> нет исторических фактов, оставшихся для нас, чтобы мы их увидели и зафиксировали» (Binford 1989b: 55–57).

Итак, в прошлом происходили *события*, ставшие достоянием истории (это *исторические факты*). От них сохранились *археологичес-*

Рис. 17. Поток информации в археологии, по М. Шифферу (Schiffer 1976: fig. 4.3).

* Погребения их в могилах могут оказаться в отдельных местах – могильниках.

кие остатки, артефакты, источники. Наблюдения над этими источниками – тоже *события*, но современные (или современные факты). Фиксация этих наблюдений является *данными* – их производят археологи. По данным мы судим о давних событиях, но эти последние для нас не факты, а лишь импликации, выводы.

Стало быть, факт археологии у Бинфорда расслоился на *исторический* (событие прошлого) и *современный* (нынешний акт археологического наблюдения). В современном есть три остановки, три ступени, все отражают, фиксируют событие в материальной форме: *артефакт* (или *источник*), *наблюдение* над ним (разведки, раскопки, осмотр) и *данные* (научная документация, протокольные записи о наблюдении над источником). Эти три последние ступени фактами не названы, поскольку, по Бинфорду, статуса факта заслуживает только событие (лат. *factum* – букв. «сделанное»).

Уравнение фактов с событиями позволяет Бинфорду, учитывая, что события прошлого не существуют, придать на деле статус факта *наблюдению* и возвысить его над реалиями – это неопозитивистская установка. А больше всего в теоретических рассуждениях «новых археологов» фигурирует последняя ступень – *данные*. Не факты, а данные, как единственная реальность, которая существует для нас. Данные – этот термин вынесен и в название цитированной статьи Бинфорда. Наши суждения о событиях, т. е. то, как факты представляем себе в итоге мы, есть лишь *импликации из данных*. Это уже пятая ступень. Так или иначе, в пробеге информации Бинфорд отмечает пять ступеней.

Он использовал термин «данные» и раньше (целая глава в его книге 1972 г. была озаглавлена «Метод сбора данных»), но в общей его схеме термин обрел место лишь в 80-х. гг. Гарден (1974: 18) рассматривал дефиницию для термина «данные» («*donnée*») без таких обертонов. Для него «данные» подразумевают указание на отдельный объект в популяции и отличительную черту этого объекта, внутреннюю (морфологическое, техническое и т. п. свойства) или внешнюю (происхождение, контекст, датировка и т. п.).

Этот термин заимствован у математиков. Первоначально он имел статистический колорит. Статистик и археолог Дэниелс даже заметил о своей археологической работе: «Я предпочитаю термин ‘информация’ термину ‘данные’, поскольку данные скорее подразумевают таблицы и цифры, а я намеренно включаю... явно нечисленную информацию» (Daniels 1978: 31). Тем не менее Бинфорд удержал ‘дан-

ные' как термин для предпоследней ступени трансформации факта — последней, в которой он имеет объективную форму реалий.

Этот акцент не прошел незамеченным. Р. Гулд, которого Бинфорд уличал в эмпиризме, язвительно отозвался об «еще одной стимулирующей бинфордовской идее, которая повергнута в прах из-за того, что нуждается в надежной эмпирической базе» (Gould 1985: 641). Бинфорд на это возразил так: «Гулду приходится придти к выводу, что утверждения о прошлом невозможны, раз для нас не осталось эмпирических данных, которые мы могли бы увидеть». И Бинфорд настаивательно замечает: «Прошлое ушло, Ричард. Есть только современные статистические данные. Наше дело так понять эти современные факты, чтобы надежно сконструировать (вывести, если угодно) “реальный мир” прошлого. Настаивать на том, что “реальный мир” прошлого это тот же самый “реальный мир”, что присутствует в археологических источниках, сущий нонсенс» (Binford 1989a: 116).

Тем не менее, благодаря вере в строгую системность культуры и в наличие законов культурного процесса и процессов археологизации материала, Бинфорд убежден, что надежно вывести «реальный мир» прошлого из археологических источников вполне возможно. Разработанную им и другими «новыми археологами» методику он считает адекватным и надежным инструментом такого выведения.

В 80-е гг., однако, тон в археологии, по крайней мере британской, стали задавать идеологи следующего поколения, утратившие веру в системный порядок, а с ней и в неопозитивистский оптимизм. Главный теоретик этого направления Ян Ходдер суммировал в своей книге «Чтение прошлого» все выводы «новых археологов» и их предшественников о «нагруженности фактов теорией» и их зависимости от нее, об отсутствии «чистых фактов» и т. п. «От всего этого, — резюмировал он, — только и осталось, что факты в реальном мире, которые мы никогда не сможем наблюдать» (Hodder 1986/1991: 16).

Он решительно отверг уверенность Бинфорда в надежности его методики как независимого инструмента, способного измерять отношения между древним обществом и современным археологическим материалом. Это неверно, заявил Ходдер, потому что многие измерения зависят от нашего восприятия и нашей категоризации, а они очень слабо связаны с материалом; к тому же в нашем распоряжении нет независимого инструмента измерений: методика сама зависит от теории. «Не может быть ни проверки теории данными, ни независимых измерительных приборов, ни достоверного знания о прошлом».

Ходдер подчеркивает «разрушительный» эффект своих выводов: «Вся ткань археологии как научной дисциплины... под угрозой» (Hodder 1991: 18).

Если база фактов археологии столь ненадежна и недоступна, откуда же берет археолог свое знание о прошлом? «Как результат, теории, выдвигаемые кем-либо о прошлом, очень сильно зависят от его собственного общественного и культурного контекста... Другими словами, отношения между данными и теорией формируются в культурном и историческом контексте, и в этом же контексте ими манипулируют» (Hodder 1991: 17–18).

Эти выводы близки позиции презентистов.

Таким образом, если вначале АФ воспринимался как нечто еще более простое и самоочевидное, чем факт истории, то под конец АФ предстал перед исследователями как нечто, пожалуй, даже гораздо более сложное и глубокое, чем тот. И если археологи XIX в., воспринимавшие АФ как нечто простое, по сути, абсолютизировали его объективную сторону, то современные западные археологи, распознав гносеологическую многоступенчатость АФ, абсолютизируют его субъективную сторону.

В обзорной статье для шифферовского ежегодника А. Салливэн, сравнивая схемы Дэниелса и Д. Кларка, отдает предпочтение Кларку. У Дэниелса ведется подсчет артефактов, а трактуется артефакт одновременно и как канал передачи информации археологу, и как само сообщение, которое надо проработать. У Кларка же анализируются следы (в широком смысле), которые и есть сообщение, тогда как артефакты – это лишь канал, по которому сообщение доходит до археолога (Sullivan 1978: 193–194).

У самого Салливэна здесь нечеткое употребление терминов и, видимо, нечеткое различение понятий. В другом месте того же обзора он строго различает «свидетельство» (evidence) или «данные» (data) и «материальные остатки»: археологи добывают свидетельства (или данные) из материальных остатков (Sullivan 1978: 189). «Evidence» (свидетельство) – часто переводится как «информация», «факт», а термин «материальные остатки» употреблен здесь потому, что в английском неупотребителен более подходящий сюда термин «источник» (source) – вместо него там употребляют обычно термин «record» (запись, фиксация), и в самом деле не очень подходящий для обозначения канала или резервуара информации. ФАКТ и ИСТОЧНИКИ – бо-

лее точное обозначение тех сторон соотношения, которые Салливэн представил здесь как СЛЕДЫ и АРТЕФАКТЫ.

5. Термины и ступени. Рассмотрим теперь ситуацию в советской науке. Период наивного эмпиризма в России был естественен и соответствовал положению в западной науке. Однако в советское время он затянулся. Сначала он был искусственно удержан воздействием догматического марксизма, потом продлен подавлением теоретических исследований вообще.

В середине 70-х гг. возобновившийся в СССР интерес к археологической теории сразу же поставил археологов перед сложностью и многозначностью АФ.

Первой окунулась в эту проблему Р. Д. Викторова (1975а). Она просто перенесла на археологию представления, выработанные к этому времени советскими философами. АФ у нее расщепился на два понятия: *«факт (археологической) действительности»* и отражающий его в понятиях *«факт (археологической) науки»* (Викторова 1975а: 17–18).

У каждого понятия есть варианты. По мнению Викторовой, время сохраняет часть результатов предметной деятельности человека только (!) в вещной форме, а если это была социальная деятельность, то эти результаты прошлой деятельности являются *«фактами исторической действительности»* (подразделение фактов археологической действительности – в противоположность «фактам природы»). Конкретизируя «факты археологической науки», Викторова поясняет, что, отражая «факты археологической действительности» и фиксируя их в знаковой форме (отчеты, чертежи, фото – последние, конечно, не в знаковой форме!), они выступают как «эмпирические факты археологии» (Викторова 1975а: 22). Таким образом, *«эмпирический факт археологии»* является подразделением «факта археологической науки». Другим подразделением являются, по Викторовой, *«статистические факты»* (по-видимому, эти она считает никак не эмпирическими).

Почти в то же время Я. А. Шер (1976: 74) предложил различать в археологии два понятия: *«исторический факт»*, «в принципе ненаблюдаемый», и *«археологический факт»*, «представленный в вещественных остатках». В таком противопоставлении «исторический факт» (он оказывается тем же, что у истории) близок к «факту исторической действительности» Викторовой. Однако Шер добавляет, что «исторический факт» «всегда фиксируем языковыми средствами в каком-то тексте» (но ведь это уже *факт письменного источниковове-*

дения или исторической науки!). А об «археологическом факте» Шер говорит, что «зафиксированный средствами научного языка», он «может стать историческим фактом» (тут исторический факт — это результат интерпретации археологического факта). Ясно, что терминов у Шера в этой работе меньше, чем понятий, т. е. недостаточно. Понятий применительно к археологии минимум три.

Ю. Н. Захарук (1977) выступил с критикой обоих авторов. Обои он пеняет на нечеткость формулировок. У самого Захарука АФ расщеплен на 4 понятия, последовательно маркирующих ступени преобразования информации в процессе исследования: 1) «факт прошлой исторической действительности» — 2) «факт ископаемой действительности» — 3) «эмпирический факт археологии» — 4) «реконструированный факт археологии». Первые два — факты археологической действительности, два последних — факты археологической науки. За всеми этими понятиями он считает целесообразным сохранить термин «факт» — со спецификациями (и на мой взгляд, это резонно).

Термин «исторический факт» Захарук предлагает исключить из употребления ввиду многозначности слова «исторический», а вот термин «исторический источник» считает одной из конкретизаций понятия «факт». «Эмпирические факты археологии» — разновидность исторических источников. Термин «ископаемая действительность» применен у Захарука неудачно: ископаемыми в русском языке принято называть виды вымершие, а археологические вещи и комплексы — погребенные, да и не только погребенные, но и попросту мертвые, но не обязательно вымерших видов.

Любопытно, что хотя советский и американский авторы явно не читали друг друга, в работе Захарука — примерно та же схема, что и у Бинфорда, но изложенная на 10 лет раньше и без отделения данных от импликаций (выводов).

В специальной работе Я. А. Шер вернулся к вопросу об АФ (1985). Он считает нецелесообразным именовать «фактом» любую стадию преобразования информации. В этом он следует философу П. В. Копнину. Тот утверждал: «Нет никакого смысла сами явления, события, вещи объективной реальности называть фактами, ибо это будет только удвоение в номенклатуре понятий. Сами вещи — факты, и знание о них — тоже факты. Это порождает путаницу...» (Копнин 1966: 221). Копнин и Шер предпочли оставить за термином «факт» только знание о чем-то, достоверное знание. Как будто знание не имеет собственных терминов (сведение, показание, сообщение и т. д.). Нет, в основе сме-

ны значения не чисто терминологические соображения, а эпохальный сдвиг в психологии оценок: что подчеркнуть в понятии — объективность или субъективность.

Между тем, традиционно в археологии вещи — артефакты (разновидность фактов по самому названию), а связи и условия нахождения вещей — это фрагменты объективной реальности, и это то, что археологи в своем обиходе всегда называют фактами. Уж во всяком случае называть эти фрагменты фактами больше традиционных оснований, чем знание, отражающее их, сообщения о них.

Далее, «археологический памятник (объект)» рассматривается Шером (1985: 8) как нечто первичное, а «АФ» — как «его отражение, результат познания объекта». Но знания, полагает Шер, могут быть не вполне достоверными, их лучше именовать «археологической гипотезой», а «археологическим фактом» именовать только фактическое знание, достоверное — как, например, массовое жертвоприношение и захоронение лошадей при погребении скифских царей. Но имелось ли захоронение царя в Костромском кургане или там вообще не было покойника и то были остатки обряда ашвамедхи? Вполне ли достоверна трактовка наблюдаемого в Костромском кургане? Если пользоваться терминологией Шера, его раскрытием терминов, вполне ли факт есть факт?

Шер решительно (и правильно) возражает против отождествления АФ с археологическим источником. Факты отражены и закодированы в источниках (Шер 1985: 8–9) (здесь под фактом Шер явно имеет в виду фрагмент действительности, а не знание о нем!). При этом Шер ссылается на работы Л. С. Клейна (1978: 46–47) и А. И. Ракитова (1982: 101–102). В полном согласии с Клейном Шер (1985: 10) отмечает, что факт не содержится в источнике в готовом виде, а «образуется в результате определенных действий исследователя по отношению к источнику». Он повторяет формулировки Клейна о «зашифрованности», «коде», «дешифровке» (цитируя их, впрочем, из Ракитова). Однако все эти констатации не отменяют основного: в источнике отражена именно действительность, а знания о ней не привнесены исследователем, а образуются из столкновения его тезауруса и методов с этим отражением.

Для Шера эмпирические наблюдения — не факты, а «кирпичи» для построения фактов. Да нет же, наблюдения — это вообще понятие из другого ряда: это один из способов добывания информации, содержащей факты. Но почему «кирпичи»? У Шера есть ответ. «Некий

элемент археологического научного описания становится археологическим фактом тогда и только тогда, когда он поставлен в определенную связь с другим элементом иного или того же описания» (Шер 1985: 10). Стратиграфия, перечень и описания слоев — это эмпирические наблюдения, по Шеру, а вот указание на керамику, аналогичную другой керамике, — это уже факт. Статус факта пожалован лишь «блестящей идее».

Странное суждение. Оно идет вразрез с терминологической традицией. Фактом мы привыкли обозначать нечто достоверное, надежное, реальное, на чем можно спокойно возводить исследовательские конструкции, строить выводы. Сведения о перечне слоев, добытые эмпирическими наблюдениями, несомненно, более надежны, чем суждения об аналогичности двух наборов керамики, добытые в ходе сравнительного анализа, обычно более субъективного.

Да, можно, конечно, и это тоже считать АФ и строить на нем дальнейшие выводы, но с большей оглядкой. А это значит, что одним термином традиционного употребления покрывается целый ряд понятий. Поскольку неудобно отказываться от традиционной терминологии, нужны спецификации, производные термины.

В позиции Шера ощущается влияние неопозитивизма: увлечение фиксацией наблюдаемых явлений и операциями над ними в ущерб вниманию к самим явлениям. К чему это ведет? К ослаблению самостоятельности археологии. Сам же Шер постулирует «необходимость независимого подхода» к изучению артефактов. В то же время он отмечает, что в работах археологов (подразумевается в интерпретации, в установлении связей между явлениями) «постоянно присутствуют этнографические сопоставления и ассоциации». Археологические факты «легко теряют свою самостоятельность» и нарушается «чистота» их анализа. На практике «археологические факты, этнографические наблюдения и сведения письменных источников (а также и собственные предположения автора) излагаются в едином труднорасчленном контексте» (Шер 1985: 13–14).

Естественно: ведь за факты приняты исключительно сопоставления, связи, трактовки, а их очень трудно «очистить», ибо они делаются со значительной опорой на внеархеологическое знание. «Действительно, — подтверждает Шер (1985: 14), — в практической работе не всегда просто вычленишь археологический факт в “чистом виде”». Точнее было бы сказать, это всегда не просто. Но для этого, прежде всего, нужно повысить ранг наблюденных вещей, комплексов, связей и

условий, придав им статус фактов, ибо на их констатацию этнографические и прочие коннотации не влияют или влияют гораздо меньше.

Впрочем, в оговорках Шера можно почувствовать «сопротивление материала». В добавление к уже приведенным его оговоркам (на счет того, что отражается в источнике) укажу еще одну: Шер отмечает, что если археолог ориентируется только на этнографические аналогии, «наблюдаемые им факты легко теряют свою самостоятельность» (Шер 1985: 14). Стало быть, археологические факты это то, что археолог наблюдает, а не только результат увязок и интерпретаций...

Хотя Шер и ратовал за сужение числа понятий и ограничение АФ, на деле он не опроверг Захарука, а лишь добавил еще одну стадию АФ — *фиксацию эмпирических наблюдений*.

В большой монографии В. Ф. Генинга о структуре археологического познания одна из глав (1989: 58–84) называется «Научный факт в археологических исследованиях». У Генинга факт в археологии связан с прохождением информации из прошлого, а это прохождение оказывается многоступенным, в частности четырехступенным, как у Захарука. Предложена следующая система: 1) исторический факт в обществе (*факт исторической действительности*, фрагмент ее) — 2) факт прошлой действительности в природе или *факт действительности природы* (омертвленный социальный мир, потенциально археологический памятник) — 3) *археологический факт* (раскопанный археологический памятник) — 4) *научный факт (артефакт)*.

В первой ступени у Генинга, судя по его описанию, объединены события социальной жизни, опредмечивание их и результаты этого опредмечивания — тут явно напрашивается дальнейшее расчленение (уже осуществленное ранее в моей работе 1975 г. — Клейн 1975). Вторая ступень состоит из опредмеченных остатков социального мира, которые несколько странно рассматриваются как «перешедшие в мир природы», как явления природы. Верно, в них происходят природные процессы (тление, гниение, коррозия и т. п.), но действуют и культурные факторы (перекопы, например), а в основном до полного распада эти предметы явно остаются чуждыми природе. Только за третьей ступенью Генинг закрепляет термин «АФ», оставляя при этом и за другими ступенями наименование «факт», но со спецификациями. «Археологическое» здесь понимается узко — как только то, что связано с памятниками и раскопками, не с археологической наукой вообще.

Наиболее странно выглядит трактовка четвертой ступени у Генинга. Статус научного факта он признает только за «суждением об объек-

тивном факте», если это суждение «включено в систему научного знания» (Генинг 1989: 61). С этой точки зрения, раскопанный археологический памятник (АФ) — не научный факт (Генинг 1989: 61), а раскопки, стало быть, не наука. Ну, в этом Генинг, как можно было видеть, не одинок. Зато в конкретизации Генинг совершенно уникален. Такой «фиксированный, описанный археологический факт» он именуется... артефактом! То есть артефакты для него — это не сами предметы, а «описания предметов» и «описания остатков различных сооружений древности». «Артефакты данного вида наиболее изменчивы, постоянно пополняясь новыми данными, отражающими движение научной мысли, все глубже проникающей в сущность изучаемых фактов» (Генинг 1989: 61–63). По сути, Генинг, возможно, сам того не осознавая, сделал, наконец, последовательный вывод из суждений Кларка об артефактах как «единственных фактах» археологии и об их выводной природе. Можно подумать, что Генингу совершенно неизвестно общепринятое стандартное значение слова «артефакт» в археологии, в основном равнозначное слову «вещь», «портативный памятник». Либо Генинг не считает нужным с этим считаться. Но ничего, кроме путаницы, такое изобретательство породить не может.

В остальном Генинг лишь повторил своей раскладкой довольно точно схему Захарука, но развернул ее более детально. В подразделениях каждой ступени Генинг повторяет мои схемы пробега археологической информации, представленные в виде рисунков в книге «Археологические источники» (Клейн 1978: табл. II на с. 29 и табл. III–V на с. 42–44), но у Генинга они выполнены как логические формулы. В этих подразделениях можно усмотреть потенции дальнейшего членения системы.

Главный итог пройденного развития — как раз в этих потенциях, в осознании многоступенности АФ, а вовсе не в поднадоевших прениях о том, к какой ступени лучше приурочить термин «факт», к какой «научный факт» и т. п. Главное — что факт растянулся в глубину и предстал в динамике — как пробег информации о конечных целях исследования, что четыре ступени этого пробега осознаны, а дальнейшее членение напрашивается. В этом членении — выход к методике исследований.

В обзорную историографическую работу по теоретической археологии в СССР Е. М. Колпаков и Л. Б. Вишняцкий ввели небольшой раздел «Археологический факт» с нигилистическим заключением: «Подобные построения и терминологические хитрости лишь затемня-

ют тривиальные для ученого положения теории познания: нетождественность эмпирических наблюдений фактам действительности и нетождественность описаний эмпирическим наблюдениям» (Колпаков и Вишняцкий 1993: 8).

Таким образом, у авторов своя концепция ступеней научной информации, предельно кратко изложенная, в которой три узловых понятия: *факты действительности – эмпирические наблюдения – описания*. Оставлено не разъясненным, достаточно ли эта общая концепция и для археологии. Во всяком случае, фактами названы лишь явления действительности, при том нерасчлененные во времени. Что ж, если прилагать эту схему к археологии, то это шаг назад по сравнению с Захаруком. Значение прогрессирующего членения археологического факта в глубину авторы обзора не разглядели и не поняли.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Лишь несколько статей на русском языке в точности отвечают теме этой главы: Викторова (1975a), Захарук (1977), Шер (1985). Часть моей статьи (Клейн 1999) использована как основа для написания этой главы. Есть на русском же языке глава в книге Генинга (1989), посвященная этой теме, но написанная в заумном стиле марксистской схоластики. На английском работы Стронга, Салливэна и Бинфорда (Strong 1936; Sullivan 1978; Binford 1989b) касаются некоторых аспектов этой темы, а статьи Дэниелса и Дэвида Кларка (Daniels 1972; Clarke 1973) дают ключ к пониманию. За аналогиями можно обратиться к проблеме исторического факта (Becker 1958; Collingwood 1961; Гуревич 1969б).

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Как, по какой логике, совершился в истории переход от первоначального значения слова «факт» (*factum* – ‘сделанное’) к значению ‘надежное’, ‘достоверное’, ‘то, что состоялось наверняка’?
2. Насколько схожими Вам представляются тенденции в развитии взглядов на исторический факт и археологический факт, если проследить их в деталях? В чем схожи, в чем различаются?
3. Почему повсеместно происходило движение от отождествления факта с событиями и вещами к отождествлению его с интерпретацией – в истории и археологии, во всех странах, независи-

мо от философской традиции (и на Западе, и в марксистских странах)?

4. С какими взглядами на исторический факт можно было бы сопоставить максимуму Кларка, что «в археологии единственные факты — артефакты»?

5. В каком смысле артефакты есть факты (разновидность фактов)?

6. Заявляя, что «источник не содержит фактов», три археолога (Бинфорд и др.) сделали оговорку: если принять, что факт — это «данные эмпирические истины». В каком же случае, по Бинфорду и его товарищам, источник содержал бы факты?

7. Какой резон был у Бинфорда признать свое прежнее деление фактов на три сорта (техномические, социотехнические, идеотехнические) «несколько глуповатым»?

8. Есть ли смысл дробить понятие факт в глубину — увеличивать количество ступеней? В чем Вы видите здесь смысл? Или Вы согласны с Колпаковым и Вишняцким, что достаточно трех ступеней? Почему тогда именно три?

9. Учитывая многоступенчатость факта в его нынешнем представлении, для какой ступени стоило бы удерживать наименование «факт» и почему? Или «факт» нужно распространить на весь ряд, а для каждой ступени ввести иное наименование? В чем вообще значение этой терминологической фиксации?

10. Если сведение исторического факта к интерпретации осуществляется только в теории, а на практике историки действуют, как если бы этого не было, то какое значение имеет теоретическая трактовка факта? То же и относительно археологического факта.

ГЛАВА 14

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТ И ДВИЖЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ

1. Конверсия и реконверсия информации. Больше ста лет назад Монтелиус так высказался о потерях информации в археологическом познании: «Лишь небольшая часть того, что некогда существовало [1], погребено в земле [2]; только часть погребенного избежала разрушительной руки времени [3]; из этой части не все вышло на свет снова [4]; и мы слишком хорошо знаем, как мало из того, что вышло на свет, пригодилось нашей науке [5]. Почти все находки прошлых веков разрушены» (Montelius 1988: 5). Так что Монтелиус предсказывал 5 ступеней потерь фактического материала (цифры в квадратных скобках мои. — Л. К.). Но тогда эта идея осталась только идеей.

Операционализацию она получила почти век спустя у исследователя из Нигерии С. Дж. Х. Дэниелса (рис. 18 – Daniels 1972: 201–209, fig. 5.1).

«Модель происхождения (или обусловленности) археологической информации», разработанная Дэниелсом применительно к изолированному поселению, показывает 7 уровней:

- 1) потенциальная популяция артефактов, предлагаемая культурной матрицей,
- 2) действительно отложившаяся популяция,
- 3) сохранившаяся ее фракция,
- 4) часть, попавшая в раскопанный объем,
- 5) обнаруженные артефакты,
- 6) учтенные данные,
- 7) опубликованные данные.

На Д. Кларка явно произвела впечатление эта статья Дэниелса, отданная в сборник Кларка «Модели в археологии» и напечатанная в 1972 г. Видимо, не без влияния этой работы и сам Кларк разработал схему движения информации по уровням АФ. В статье «Археология: потеря невинности» (1973) Дэвид Кларк рассматривает археологическое исследование как процесс «обработки (или переработки) информации», поступающей по «археологическим каналам». Это «информация, которую можно извлечь из сложных интеграционных отношений, заключенных в... памятниках», «из данных» (Clarke 1973:

Рис. 18. Модель «плана исследования», по Дэниелсу (Daniels 1972: fig. 5.1).

13). Эту обработку информации он считает частью общей теории археологии — «именно эти... шаги лежат в основе критических скачков в археологическом рассуждении. Без такого корпуса теории эти критические скачки и впрямь оказываются прыжками и превращаются в свободный полет творческой фантазии — безответственный род искусства» (Clarke 1973: 16).

Знакомство со статьей Дэниелса сказалось у Кларка в конкретизации уровней, выделяющихся «в любой археологической интерпретации», а именно:

- 1) деятельность гоминид, а также социальные и природные процессы, некогда происходившие,
- 2) выборка их (результатов) и следы их, отложившиеся в какое-то время,
- 3) та часть этой выборки, которая сохранилась до открытия,
- 4) та часть последней, которая была открыта раскопками и сборами.

Соответственно этому Кларк предложил сформировать теоретические концепции, ведающие переходом от каждого из этих уровней к следующему: а) предепозиционная и депозиционная теория (1–2), б) постдепозиционная теория (2–3), в) теория обнаружения (3–4), г) теория анализа того, что обнаружено и стало «данными» — соединение данных с помощью моделей, припасенных археологией. Он добавил к этому д) теорию интерпретации, которая от этих анализируемых данных заключает к ненаблюдаемым прямо древним структурам и процессам (Clarke 1973: 15–17).

Как видим, хоть Кларк и использовал трактовку Дэниелса, он остался при четырехуровневой структуре археологической информации (он не применяет здесь термина «факт»). Но пробег информации от процессов древней жизни через археологические памятники к письменному отчету археолога прослежен четко.

Все три археолога (от Монтелиуса до Кларка) в основном упирают на потери информации в продвижении от событий прошлого к выводам археолога. Между тем, информация не только уменьшалась, но и трансформировалась, искажалась, что хорошо показано Эггерсом (Eggers 1959; Клейн 1991с).

Итак, гносеологической основой и логическим стержнем полного археологического исследования оказывается процесс преобразования информации, ведущий от фактического материала (объектов археологии) к его истолкованию в понятиях истории. Вот тот единый

сюжет, который лежит в основе нескольких фабул — процедур исследования: *индуктивистской*, *дедуктивистской* и *проблемной* (мы это рассмотрим подробнее в следующей главе).

Что выбор той или другой из этих фабул определяется философско-методологической позицией исследователя, вполне очевидно. Но чем обусловлена и как связана с философией науки структура самого сюжета — общее количество этапов, их состав и последовательность?

Можно показать, что эти характеристики обусловлены пониманием АФ. Если факт прост и сводится к тому, что лежит на поверхности, то нужны только сбор, описание и обобщение фактов. Если же факт сложен и содержит не только ту информацию, которую мы ищем, если кроме нее там намешано много иной, а та, которую мы ищем, искажена, то обработка много мудренее и объемистее. Нужны критика, очистка и восполнение.

Ведь археология изучает материальные древности (артефактные и не-артефактные) и соотношения между ними. Необходимым постулатом археологии является признание того, что ее объекты — это следы и остатки прошлого, т. е. результаты исторических событий и социокультурных явлений. Эти следы и остатки рассматриваются нами как информация о прежних событиях и явлениях — информация, рожденная ими. Проходя через стереотипные и известные нам *иллюзы* (отмирание, тление, перемещение от перекопов и др.), она испытала ряд преобразований, пока не отложились в виде фактов археологии. Стало быть, в этих фактах не *изначальная* информация, а *преобразованная*. В ней появилось дополнительное измерение. Она теперь отражает не только события, процессы и явления прошлого, но и перипетии самого этого отражения. В ней не только отложились история общества, но и ее *собственная история*. Так что АФ оказывается не простым, не плоским, он имеет глубину.

Эта *вторая история* не просто лишнее осложнение. Ее познание необходимо для того, чтобы восстановить *первую историю*. Чтобы очистить изначальную информацию от наслоений, по возможности устранить искажения, нужно восстановить все перипетии преобразований, пройти от конца пробега информации к началу. В сущности та обработка, которой мы подвергаем материал и вся процедура истолкования фактов являются не прямым преобразованием информации, а обратным. Это не конверсия, а *реконверсия*, не отход от прошлой реальности, а возвращение к ней.

Говоря о «теории интерпретации», не привязанной у него к какому-либо одному уровню или переходу, Кларк указал, что она «связывает (уровни) 4–1» (Clarke 1973: 17), т. е. прослеживает информацию в обратном порядке — вглубь археологического материала и вглубь времени.

2. Самые глубокие уровни АФ. В идеале исследователь стремится к тому, чтобы реконверсия была корректной, а размежевание субъективного и объективного в АФ — как можно более полным. Для этого необходимо, чтобы схема *гносеологической многоступенчатости* АФ, лежащая в основе процедуры археологического исследования, учитывала уровни АФ (т. е. этапы конверсии и их шлюзы) с максимальной полнотой, на полную глубину. Предлагавшиеся до сих пор схемы, как правило, учитывали только некоторые уровни — в том или ином наборе. Поскольку таких предложений было уже немало, даже простое их обобщение способно значительно продвинуть нас к обретению искомой полноты.

Большей частью весь свой исследовательский запал авторы этих схем тратили на то, чтобы от археологических остатков мысленно добраться до живой материальной культуры прошлого. И. Рауз и У. Тэйлор обратили внимание на более глубокую задачу — установить, *что же скрывается за вещами и их отношениями*. Как позже это сформулировал Р. Бредвуд, «увидеть индейца за артефактом» (Braidwood 1959: 79). Но это слишком обобщенная формулировка. Эти археологи увидели за вещами и отношениями *обычаи, стереотипы и идиомы поведения*, а еще глубже, за теми — *социальные нормы и индивидуальные мотивы*, т. е. *идеи* (Rouse 1939; Taylor 1948: 97–124). Дальше этого, глубже этого на Западе не пошел никто из теоретиков, занимавшихся понятием АФ и проблемой процедуры археологического исследования. И это понятно: объективный идеализм, лежащий в основе методологии наиболее авторитетных на Западе теоретиков и сводится ведь к первичности идей.

В методологических основах современной археологии на Западе представлен не только идеализм, но и материализм. Советские марксисты обычно (и в общем резонно) считали этот материализм неглубоким, непоследовательным, поверхностным, поскольку он обильно пропитан неопозитивистскими идеями и, таким образом, смыкается с субъективным идеализмом.

В применении к познанию АФ это отчетливо выражено установкой «новой археологии» — ограничить понятие культуры поведением и

его вещными результатами, изгнать из этого понятия идеи, поскольку они не наблюдаемы непосредственно (Binford 1965; Watson et al. 1971: 63–65). Но именно понятие культуры (в таком ограничении) оказывается фундаментальным для концепции «культурного процесса», а познание «культурного процесса» и его законов рассматривается как главная цель археологии (Binford 1968; Watson et al. 1971: 22–23). Иными словами, в реконверсии теоретики «новой археологии» предусматривают продвижение только до уровня поведенческих акций, не глубже. В их представлении АФ оказывается более плоским, чем в представлении их идеалистически настроенных предшественников.

Ортодоксальный марксизм воздействовал на археологию в схожем направлении – отказа от видения идей в основе, – но несколько иначе. Он концентрировал внимание на орудиях, предметах, производстве. В начале 30-х гг. Ф. В. Кипарисов (1933: 7–9) и К. Р. Мегрелдзе (1935: 71–81) предложили считать ведущим в марксистской археологии *принцип предметно-практической деятельности*, что в 70-х подхватила В. Д. Викторова (1975б; 1989: 16–17, 65–78). «Рассмотрение вещей через призму принципа предметной деятельности означает, прежде всего, выявление их природы как результата деятельности человека... Вещь и ее существенные признаки могут быть поняты только через процесс труда» (Викторова 1989: 125). В. Ф. Генинг рассматривает АФ как результат опредмечивания и выдвигает на первый план в археологии теорию опредмечивания. Опредмечивания чего? Конкретных идей? Нет, весьма абстрактных «сущностных сил человека», «социальной жизнедеятельности» вообще (Генинг 1989: 64–65). От «предметно-технологических реконструкций (ПТР)» он ведет исследователя (Генинг 1989: 224–270) к «социально-технологической теоретической модели (СТТМ)» и т. п., а оттуда напрямиком к конечной цели – социально-экономическим формациям, *коих, как известно, ровно пять* (фразаология булгаковского Воланда здесь очень уместна).

На мой взгляд, быть материалистом – не значит отрицать роль идей в обусловленности поведения, не значит застревать на осязаемом, зримом поведении, не значит останавливаться перед выявлением идейных мотивов поведения. Наоборот, быть разумным и последовательным материалистом – это значит, пройдя все эти уровни познания, увидеть за идеями те стимулы, которыми порождены в сознании людей эти идеи. Не отступить на шаг от уровня идей, а продвинуться на шаг дальше.

Идеи же обусловлены бытием, всей общественной и личной практикой людей — производственной, экономической, политической, идеологической, бытовой и т. д. В ней возникают и коренятся стимулы к созданию социальных норм, стандартов, «мысленных шаблонов» («мысленных лекал»), вообще — стимулы к идеям. «Проблема сознания, — отмечает советский философ Э. С. Маркарян (1969: 43, см. также 37–42, 44–45), — если рассматривать ее в генетическом плане, это прежде всего проблема стимулов его выработки, а они-то, эти стимулы, и были как раз заложены в материально-производственной практике» (впрочем, последнее можно оспорить). За «матрицей идей» нужно увидеть «матрицу стимулов».

Вот эти-то стимулы и должны рассматриваться как последний, самый глубокий уровень АФ. Они обеспечивают переход к причинно-следственным механизмам и социокультурным или историческим закономерностям, т. е. выход за пределы АФ — в теорию.

Трудности подступа к этим последним уровням АФ и их расчленению заключались в двойственности соотношений практической деятельности с идеями. Помещать ли эту деятельность уровнем выше или уровнем ниже идей? И на то и на другое вроде были основания. Поэтому в тех теоретических работах советских археологов, где авторы вообще касались этой проблемы, проводился более общий подход: деятельность соотносилась не с идеями, а непосредственно с предметными результатами — уж эти-то, несомненно, оказываются ее производными (Захарук 1970: 13–14; 1973). Корень затруднения таился в двойственности самого понятия практической деятельности. Одно дело — частные действия, динамические акции людей, компоненты поведения. Они могут рассматриваться как реализация идей. А другое дело — вся совокупная практика общества, ситуации, в которые деятельность заводит людей, создаваемые характеры. Тут коренятся стимулы идей.

3. Полный курс конверсии. Исходя из этих соображений мы можем представить полную схему гносеологической ступенчатости АФ в следующем виде (уровни перечисляются в порядке конверсии информации):

1. *Стимулы* — социальная и личная практика людей (производство, экономические и политические отношения, идеология, быт и т. п.).

2. *Идеи* — социальные нормы, обычаи, стандарты, индивидуальные мотивы (уже здесь заложены планы поведения и потенциальная популяция вещей, т. е. культурная матрица).

3. *Акции* – действия, поступки, события, т. е. то, что реализует обычаи, стереотипы и идиомы поведения.

4. *Инкорпорации* (воплощения) – вещи, следы на них и тому подобные материальные объекты, а также их соотношения в живой культуре. Налицо их полная популяция. Это объективация поведения, косвенным образом – опредмеченные идеи.

5. *Депозиты* – вещи, их фрагменты, следы на них и от них, а также соотношения их всех в мертвой культуре. Здесь уже не вся прежняя популяция, а только ее отложившаяся фракция.

6. *Остатки* – то же ко времени раскопок (или сборов, обследования и т. п.) в археологическом материале *in situ* в земле и на земле. Это сохранившаяся фракция.

7. *Деструкты* – то же после перемещения части материала непрофессиональными добытчиками (любителями, случайными находчиками, грабителями) в коллекции.

8. *Обсерваты* – то же в археологическом материале на участке, попавшем под исследование, в изучаемом пространстве (в раскопе, шурфе, в коллекциях и т. п.). Это то, на что археолог мог смотреть, что он мог видеть.

9. *Открытия* – вещи, следы и их соотношения, открытые, замеченные исследователями в поле или в коллекциях. Это увиденная фракция – то, что археолог реально сумел увидеть.

10. *Селекты* (выборки) – вещи, следы и их соотношения, учтенные исследователями и подлежащие регистрации (графической, письменной и т. п. фиксации) или взятые с поля. Это отобранная в поле или в коллекциях фракция.

11. *Фильтраты* – то же за вычетом отбракованных объектов, т. е. объектов (и их соотношений), учтенных по ошибке: псевдоартефактов, лжеследов, подделок, фальсификаций. Это очищенная фракция.

12. *Дескрипты* (описания) – отображение информации предшествующего уровня графически (средствами специального элементарного «алфавита») и сопоставлением с понятиями аналитической классификации.

13. *Компакты* (обобщения) – результат сжатия информации с выделением существенного посредством таксономической классификации, типизации и систематизации.

14. *Сведения* – информация одного из предшествующих двух уровней (или обоих), изложенная в публикации (в монографии, каталоге и т. п.) или в депонируемой работе (полевым отчете, диссертации и т. п.), в картотеке или в памяти компьютера, а также в личных архивах и (на худой конец) в естественной памяти самих исследователей.

Из этих 14 уровней АФ первые три имеют дело с *потенциями*, последующие восемь (с 4 по 11) – с *реалиями* и три последних – с *отображениями*.

4. Шлюзы на пути информации. Между этими уровнями располагаются шлюзы, в которых информация преобразуется: часть проходит хорошо, но что-то утрачивается, что-то искажается, а что-то загрязняющее примешивается (Клейн 1975б; Sullivan 1978: 193). Какие же факторы воздействуют на информацию в этих шлюзах? (Daniels 1972: 204–209; Collins 1975). М. Шиффер делит их на *культурные* – трансформации К (C-transforms) и *природные* – трансформации П (N-transforms) (рис. 19. – Schiffer 1976: 14–15). Но для целей изучения последовательности удобнее то направление, которое обозначили Дэниелс и Д. Кларк, – по ступеням прохождения информации. Рассмотрим их в том же порядке конверсии (для удобства сопоставления порядковые обозначения шлюзов составлены далее из номеров соседних уровней).

0–1. *Кристаллизация стимулов.* К ней приводят социокультурно-исторические закономерности и причинно-следственные механизмы. Дело осложняется тем, что многие из этих закономерностей действуют лишь как тенденции, обеспечивая только вероятностную (а не жестко динамическую) детерминацию, а некоторые из причинно-следственных механизмов не создают однозначных каузальных связей: одинаковые причины под действием разных условий, нередко случайных, могут приводить к разным следствиям, за одинаковыми следствиями могут стоять разные причины (*феномен плюрикаузальности*).

1–2. *Осознание стимулов.* Имеется в виду их осознание древними обществами и личностями. Процесс этот тоже детерминирован и поэтому обычаи народов, не имевших контакта, оказываются нередко схожими (*феномен конвергенции*), но доля вероятностной детерминации здесь гораздо больше. Даже ортодоксальные марксисты давно уже признают (по крайней мере, в теории) относительную самостоятельность идеологии. Индивидуальные особенности людей и даже целых популяций, а также и случайность весьма сказываются на конечном облике идей. Поэтому обычаи народов столь разнообразны.

Рис. 19. Преобразователи К (культурные) и П (природные) в потоке археологической информации, по М. Шифферу (Schiffer 1976: fig. 2.1).

2–3. *Реализация идей в поведении.* На пути этой реализации стоят различные препятствия: стихийные бедствия, нехватка опыта, противоречия между идеями, противоречия между людьми и между группами людей, между личностью и обществом. Социальная норма отличается от биологической программы поведения меньшей жесткостью. Свобода воли, свобода выбора, стоящая перед личностями и человеческими популяциями, правда, не безгранична, но и не фиктивна. Поэтому реализация идей в поведении, а вместе с тем и само поведение предсказуемы, но не строго предсказуемы. Скорее, предугадываемы.

3–4. *Опредмечивание поведенческих актов.* «Новая археология», как и ортодоксальные марксисты здесь устанавливали жесткие соответствия. Шиффер сохранил это представление, помещая перед искажающими трансформациями К и П (C- and N-transforms) «корреляты» (Schiffer 1976: 12–14). Имелась в виду корреляция между пред-

метаами и идеями. В действительности же однозначных соответствий нет, есть лишь плохо реализуемые *идеалы*. Ясно, что между идеями и предметами лежит поведение, ведущее от первых ко вторым, а поведение, как уже сказано, не точно реализует идеи. Кроме того, и между поведением и его предметными результатами есть зазор (Krause and Thorne 1971). Уже простое различие (разная сопротивляемость, неоднородность) материалов, на которые направлены одинаковые серии действий, обусловит различие результатов — получатся вещи разного облика. А ведь различны не только материалы, но и условия действий. Г. Обермайер с группой французских археологов ставили специальные эксперименты, чтобы показать, что в тепле и на морозе кремнь раскалывается по-разному и что это приводит к разным наборам кремневой индустрии (Обермайер 1913: 468). Поэтому идеалы идеальны, изделия не совпадают с эталонами, имитации — с оригиналами.

4–5. *Первый акт археологизации* — предепозиционный (умирание, выход из жизни) и депозиция, упокоение на земле, а затем и в земле. При этом сказывается селекция (можно сказать, депозиционная селекция), проведенная самими носителями культуры с учетом особенностей ситуаций и вещей (Eggers 1959: 264–268, см. также 276–294). Сами древние люди отбирали, что удалить из обращения (например, битую керамику), а что не допустить к изъятию (например, металлический лом — он идет в переплавку). Они определяли, в каких ситуациях предавать упокоению отработанные, испорченные, разбитые вещи в естественном порядке (например, на помойку), а в каких — свежие, целые, иной раз специально изготовленные вещи, непременно в искусственном наборе (например, для погребения).

По сравнению с живой культурой здесь изменены соотношения, пропорции, облик («некротическая трансформация»). Состав живого стада скота не повторен в суммарном распределении обломков костей по видам животных в культурном слое, возрастной состав живой общины не отражен как в зеркале на кладбище: за время жизни одного взрослого поколения могло смениться и попасть в могилы несколько поколений детей. Некоторые компоненты живой материальной культуры просто выпали (обычно органика), зато в мертвую культуру вошли компоненты, которых не было в живой (например, специально изготовленные украшения с золотой фольгой, глиняные модельки вещей).

Кроме того, сказалась открытость и, так сказать, «ажурность» многих subsystem в материальной культуре (они не образуют при от-

ложении сплошного компактного депозита и не часто перекрываются стерильными прослойками. Из-за этого в ряде случаев совместились и смешались элементы, которые в живой культуре были разделены огромными интервалами времени (это совмещение Ю. Н. Захарук, 1975, удачно назвал «компрессией»).

5–6. Второй акт археологизации – постдепозиционный.

Первая группа факторов – *фоссилизация*, переход в ископаемое состояние. Под этим здесь имеются в виду радикальные изменения от долгого нахождения в земле, сделавшие невозможным употребление предметов по их первоначальному назначению (другой аспект ископаемости – принадлежность к вымершему виду). На конечном облике остатков сказывается разрушительное воздействие стихий и времени – *естественная деструкция*: истлевание органических материалов, корродирование металлов, окаменение костей, ирризация стекла, патинизирование кремня, руинизация, оплывание деревоземляных конструкций, занос землей и т. п. Позиция остатков изменяется перетолжением под действием природных сил. Все это усиливает компрессию.

Вторая группа факторов – *древняя искусственная деструкция*. Она заключается в том, что после отложения (в постдепозиционный период) последующие поколения людей (обычно местные жители, но иногда и пришельцы, временные завоеватели) также воздействовали на депозиты (наращивание культурного слоя, ограбление могил, перекопы, разрушение памятников), нарушая структуру комплексов и изменяя состав материала. И это также усиливало компрессию.

Обе группы факторов действовали параллельно, без строгого чередования во времени.

6–7. *Современная искусственная деструкция*. Подразумевается вмешательство непрофессиональных искателей древностей. Это охотники за антиквита́тами (грабители, любители, торговцы, коллекционеры), которые роются в культурных слоях и могилах, добывают вещи, не фиксируя условия находки, или фальсифицируют их, разрознивают комплексы, часть материала перемещают в коллекции. Это и просто случайные находчики, сдающие найденное профессионалам, но теряющие часть информации по неведению. Именно на этом этапе в материал включается большинство подделок.

7–8. *Выбор участка для обследования*. Приходится ограничить территорию раскопок и картирования, определить расположение раскопов и наметить их размеры, лимитировать охват коллекций. Ясно, что

это повлияет на объем и состав получаемой информации. А сами воздействующие факторы зависят от многих обстоятельств — целей исследования, ассигнований, оснащенности экспедиции, доступности участков и т. п.

8–9. *Обнаружение носителей информации* (вещей, следов, отношений) исследователями в намеченном пространстве. Мало смотреть на эти объекты — их нужно увидеть. Что удастся исследователям увидеть, будет зависеть от целого ряда факторов: компетентность и добросовестность исследователей, применяемая методика, оснащенность экспедиции техникой (в частности приборами), уровень развития науки, условия работы.

9–10. *Отбор нужной информации*. Нужно отобрать все, что достойно учета и сохранения. Вся сумма замеченной информации обычно слишком велика, зафиксировать ее всю практически непосильно, не говоря уже о том, чтобы взять в музей всех ее носителей — всю керамику, все кости, все заполнение могил и весь состав культурного слоя (монолитом?). А перенести в музей все отношения со средой вообще невозможно в принципе. Селекция неизбежна. На отборе скажутся конкретные технические возможности экспедиции и представления исследователей о сравнительной важности различных частей обнаруженной информации. Эти представления опираются на целевую установку данной экспедиции и на общие сведения о примерном наборе сведений, могущих иметь значение для науки. Конечно, здесь снова скажутся и компетенция исследователей и общий уровень развития науки. А также субъективные намерения и взгляды исследователей.

10–11. *Отбор подлинной информации*. Имеется в виду очистка от подделок, фальсификаций и ошибок. Нужно избавиться от поздних, часто даже просто современных вещей, следов и отношений, принятых за древние, и от природных объектов, принятых за искусственные, за сделанные человеком, за артефакты (артефактоподобные конкреции, «каменные розы» и т. п.; ср. проблему эолитов). В этом деле возможны и опрометчивые решения: пильтдаунские находки долго принимались за подлинные, а пещерную живопись ученый мир несколько десятилетий не признавал. Иными словами, и в этом шлуже возможны искажения: утеря какой-то части верной информации и подключение или пропуск лишней, загрязняющей информации.

11–12. *Фиксация обнаруженного и отобранного*. Письменная, графическая и прочая фиксация вещей, следов и отношений есть не-

предложное правило всякой профессиональной экспедиции. Это тем более важно, что исследование памятника раскопками сопряжено с его гибелью. Памятник исчезает, и раскопать его вторично будет невозможно. Фиксация должна спасти максимально возможное количество информации о памятнике и обеспечить адекватную передачу собранной информации всякому пользователю, отдаленному в пространстве и времени.

Письменная фиксация – это отображение реалий в тексте средствами не только естественного, но и специального условного языка с элементарным «алфавитом», «лексикой» и «грамматикой» (научная терминология, сокращения, формулы, таблицы, индексы, шифры, унифицированные правила расположения объектов и порядок описания и т. п.). Такая фиксация подразумевает сопоставление с понятиями аналитической классификации. Все эти средства призваны обеспечить максимально полную и точную передачу информации. Характер передачи зависит от набора понятий и терминов, в которых приходится описывать, от его богатства, гибкости и адекватности материалу, терминологической ясности.

Графическая передача также предполагает известную условность, передачу объемных реалий плоскостными проекциями, сведение тонких отношений к линейным (штриховым) очертаниям, нередко отвлечение от цветности. Это тоже язык, правилами которого предусматривается количество и выбор проекций, степень обобщенности, набор и облик условных обозначений, масштаб. Все это тоже скажется на результатах передачи.

12–13. *Обобщение или минимизация.* Это сжатие информации для удобства хранения и пользования. В основе этого процесса – выделение существенного посредством таксономической классификации, типизации и систематизации. Выделяются типобразующие, комплексобразующие, культуuroобразующие и т. п. связи. Таксономическая классификация предполагает иерархию признаков, оценку сравнительной важности разных параметров объекта. У такой оценки есть объективные опорные пункты в материале. Но культура – сложная и многосторонняя система, а интересы наблюдателей широки и во многом не совпадают, поэтому выбор существенного, оценка важности параметров оказываются нежесткими. Некоторое расхождение решений определяется различием подходов – системами взглядов, интересами.

13–14. *Изложение.* Это оформление и объективация обработанной информации в специальных научных средствах хранения и рас-

пространения информации — в публикациях (печатных изданиях), депонируемых работах и в картотеках, в памяти компьютеров, а также в естественной памяти, конспектах, записях самих исследователей, в музейных экспозициях и т. п. Среди этих резервуаров и распространителей информации главное место занимают публикации. При подготовке к печати возможны последние искажения информации — сокращения, огрубление чертежей и фото, редакционные интерполяции и изменения акцентов, не выправленные в корректуре ошибки.

Таков полный курс преобразований археологической информации. Проследив его от начала до конца, удивляешься не ошибкам и разногласиям, а наличию общепризнанных и устойчивых истин в нашей науке. Сколь же сильны регулярности и смысловые связи между событиями и их следами, если после всего этого каскада преобразований они все еще пробиваются сквозь пеструю мозаику описаний и интерпретаций и поддаются установлению! И сколь изощрен ум исследователя, если способен их улавливать, выявлять и очищать, восстанавливать в близком к первоначальному виде!

5. Реконверсия, рефлексия и критика. Столь полно рассмотреть конверсию информации, придающую АФ многостепенность и глубину, необходимо было для того, чтобы ясно и обоснованно представить полный курс *реконверсии*. Ибо именно реконверсия лежит в основе процедуры археологического исследования.

Дело не в том, чтобы просто повторить в обратном порядке перечень этапов конверсии. Реконверсия не просто зеркальное отражение конверсии, а особый процесс. Ее полный курс надо проследить заново. Все этапы реконверсии нужно рассмотреть полностью и по порядку, потому что на каждом этапе задача реконверсии — восстановить, реконструировать состояние информации на предшествующем уровне, всякий раз учитывая, что произошло в шлюзе — что утеряно, что добавлено, что искажено.

Если *конверсия* — это было продвижение информации при формировании археологического источника, при образовании археологических фактов, и здесь действовали объективные процессы, протекавшие в культуре, то *реконверсия* — это выявление информации, прослеживание ее хода, движение исследовательской мысли в глубину АФ. Поэтому исследование этого процесса есть *рефлексия*. Это самопроверка, самоконтроль и самокритика исследователя. Но не как индивида — данной конкретной личности, а как абстрактного персонажа — исследователя вообще. В отношении конкретных лиц это может

быть и не самокритика вовсе, а просто критика. Ведь разные черты этого абстрактного персонажа могут быть воплощены в разных конкретных лицах.

И, конечно, это также (и даже в первую голову) критика получаемых порций информации на прослеживаемых отрезках реконверсии. Эта процедура называется *критикой источников*. Обычно она ограничена некоторыми шагами всего пробега информации. Здесь она понимается в самом широком смысле. *Все исследование практически понимается как критика источников*. Ничего странного, если археология рассматривается как источниковедческая дисциплина.

Двигаясь обратным путем по сравнению с предшествующим обзором, как бы навстречу информации, обозначим этапы реконверсии или критики новой нумерацией, на сей раз – во избежание путаницы с прежней – римскими цифрами, соотнося их с прежними обозначениями (в скобках).

I (14–13). *Текстологическая критика* («критика слов»). Это проверка адекватности изложения. Осуществляется с опорой на внутреннюю логику (последовательность, связность, осмысленность) изложения, а также путем сопоставления разных реализаций и версий изложения. А то и просто сверкой изложения с сохранившимися частями информации предшествующих уровней. Учитываются как внешняя характеристика изложения (подробность, техническое совершенство), так и общие сведения о личности автора и о процессе изложения.

II (13–12). *Критика понятий*. Это проверка основательности обобщения. Осуществляется двумя путями.

Первый состоит в повторении (хотя бы частичном – выборочно) проделанной работы и включает в себя выверку методологических оснований (критериев) классификации, опыты ее применения к тому же материалу и т. п. Этот путь удобен тем, что в плане фактуальном не требует выхода за пределы исследованного материала, но неприятен тем, что предлагает дублировать работу, нередко чрезвычайно трудоемкую.

Второй путь – убедиться «извне» в реалистичности данной системы обобщенных понятий. Это значит, сравнить ее с другими аналогичными системами, приложить ее к более широкому кругу материалов и выявить, «работает» ли она: вписываются ли в нее новые материалы, коррелируют ли ее суммарные понятия с другими суммарными понятиями (например, типы – с ареалами, с периодами, с другими

типами). Этот путь интереснее, но оставляет неуверенность в том, что удалось выявить все частные погрешности.

III (12–11). *Критика фиксации*. Под критикой здесь имеется в виду, прежде всего, проверка полноты и точности фиксации. Эта проверка включает в себя оценку возможностей и лимитов каждого из примененных способов фиксации и выверку аккуратности их применения. Это позволяет если не восстановить незафиксированные детали, то, по крайней мере, установить, где и какого рода пропуски можно предполагать.

IV (11–10). *Критика подлинности*. Имеется в виду проверка отбора подлинной информации. Включает оценку примененных методов отбора, а в остальном сводится к повторению отбора, так как выверка применения методов совпадает с отбором в силу критического характера самой операции отбора.

V (10–9). *Критика установки*. Это проверка отбора нужной информации. Такая проверка затронет критерии и условия этого отбора, потребует охарактеризовать личность исследователя и уровень науки того времени, когда исследователь работал, а в остальном, как и на предшествующем этапе проверки, если сомнения не исчезли, остается лишь проделать отбор заново. Разумеется, это далеко не всегда возможно: то, что было отброшено в поле, большей частью утрачено безнадежно, и можно лишь установить, в каких случаях не исключается, что объекты определенного рода в изучаемом пространстве существовали.

VI (9–8). *Критика наблюдения*. В своей известной статье в «Советской археологии» А. А. Формозов (1977) под «критикой источников в археологии» имел в виду в основном эту часть работы. Это проверка полноты обнаружения объектов в изучаемом пространстве. В ходе такой проверки надлежит оценить методику обследования, оснащенность экспедиции, компетентность и добросовестность исследователей, учесть уровень развития науки и условия работы, а если дело идет о больших территориях, то изученность местности. Проверка для контроля повторное обнаружение, конечно, возможно, но если иметь в виду раскопки, то только пока раскопки данного объекта (или данной части объекта) еще идут. По их окончании остается лишь предполагать необнаруженные детали, исходя из указанных выше оценок и из сопоставления с аналогичными комплексами.

VII (8–7). *Критика границ*. Под этим имеется в виду проверка выбора и ограничения пространства, на котором производятся исследу-

дования. Для нее достаточно оценить размер участка и его богатство археологическими материалами сравнительно с другими территориями. Факторы, которые определяли этот выбор (ассигнования, доступность участка и проч.), рассматриваются историографией, а для критической проверки интересны лишь в том случае, если сведения о выборе и ограничении участка не сохранились и предположительную характеристику их остается произвести по косвенным данным.

VIII (7–6). *Музейная критика*. Оценка размаха и последствий современной деструкции и выделение той части информации, которая этой деструкцией не затронута. Очень существенно прикинуть, что за информация могла быть в утраченных частях. Главная опора в этой селекции — музейная и полевая документация, если полевая документация сохранилась. Сопоставление само собой напрашивается. Если полевой документации нет, остается надежда на аналогии и на разнородные сведения по истории коллекций.

IX (6–5). *Критика остатков*. Оценка размаха и последствий древней деструкции — естественной (*фоссилизация*) и искусственной. Но ведь, строго говоря, последствия разрушительных процессов можно оценить только тогда, когда известно, что существовало до разрушения. А это как раз неизвестно, и вся оценка нужна именно для того, чтобы это реконструировать. Положение, однако, не так безнадежно, как могло бы показаться на первый взгляд.

Во-первых, во многих случаях уцелевшие после разрушения остатки (следы и фрагменты) однозначны или немногочисленны — допускают всего один или несколько определенных вариантов реконструкции. Во-вторых, в ряде случаев сами факторы разрушения известны, так что можно установить, какие депозиты должны были бы разрушиться (и следовательно, возможно, существовали), а какие уцелели бы (и коль скоро их нет, то значит, и не было).

В-третьих, аналогичные лучше сохранившиеся объекты, очень полно сохранившиеся (как, скажем, Помпеи, гробница Тутанхамона, Пазырыкские курганы, Толундский болотный труп), могут послужить моделями для такой реконструкции.

Критическая работа при реконструкции, таким образом, на этом этапе сводится к трем сериям операций. Эти три суть: а) подсчет степеней свободы в реконструкции из остатков различного рода, б) установление действовавших в данном случае разрушительных факторов с оценкой их эффективности, в) рассмотрение изучаемых объектов на фоне лучше сохранившихся объектов того же рода.

X (5–4). *Критика отложений*. Оценка изменений при переходе объектов из живой культуры в мертвую. Эта оценка должна охватывать «депозиционную» селекцию, проводившуюся носителями древней культуры (их «тенденциозность»), «некротическую» трансформацию (сдвиги элементов, изменения пропорций и т. п. в мертвой культуре по сравнению с живой), компрессию. Именно здесь, в этих операциях лежит центр тяжести так называемой «оценки познавательных возможностей» разных видов археологических источников — разных типов памятников, категорий инвентаря и т. д. Методы приведения параметров мертвой культуры к параметрам живой, связанные с пересчетом долей и разделением спрессованного, сложны, но достаточно строги.

XI (4–3). *Критика вещей*. Оценка сложностей опредмечивания поведенческих актов — связи между работой и артефактом, процессом и результатом, действиями и следами. Казалось бы, что за сложности? Установить закономерные соответствия, проследить регулярности, вычислить корреляции — и все тут. Появится сетка универсальных «коррелятов» и останется только сформулировать правила соответствия и применять их.

Но это, увы, не так (Клейн 1981). Культура полисемична. Устойчивых соответствий нет, есть лишь более или менее заметные предпочтения, обычно локальные, временные и конкретно обусловленные. Каждый случай нужно рассматривать особо. Предстоит обнаружить, в каких случаях одинаковые действия привели к разным результатам. Это важно сделать, чтобы не переоценить различия, не преувеличить их значение. Еще важнее, однако, обнаружить более редкую, к счастью, ситуацию — когда разные действия привели к одинаковым (или, точнее, трудноразличимым) результатам (Adams 1968, 1973). Ведь здесь мы оказываемся перед опасностью спутать совершенно различные явления и рискуем направить дальнейшее расследование по ложному пути.

Наложница, удушенная при погребении знатного господина, и супруга, умершая одновременно с мужем, могут возлежать в могиле очень схоже, но действия на похоронах были сугубо различны, и различны были социальные явления, скрывающиеся за ними. Критическая оценка сложностей, осознание их, ориентирует исследователя на поиск решающих опознавательных деталей (например, стратиграфические следы прихоронения) и на рассмотрение изучаемого объекта в более широкой системе (например, сопоставление с аналогичными

могилами, где подготовленная для второго трупа половина могильного пространства осталась незаполненной, — Итина 1954).

Дальше этого уровня познания современная бихевиористическая археология идти не желает: ее пугает зыбкость почвы для дальнейшего пути. Но действительно ли дальнейшие участки непроходимы?

XII (3–2). *Критика поведения*. Здесь под этим разумеется оценка расхождения между идеями и их реализацией в поведении. В сущности, это психологическая задача — по поведению угадать идеи. Эта психологическая задача очень трудна даже в тех случаях, когда речь идет о живых людях, наших современниках и соотечественниках, чувства, мысли и намерения которых мы понимаем лучше, чем психологию людей, далеких по культуре и эпохе. Все же в этих случаях мы можем опереться в ее решении на множество мелких подробностей, привлечь словесные признания, вообразить себя в той же ситуации, сделать поправки на отличия Другого от Себя, от «Я»... Все это почти начисто отпадает, когда к идеям нужно идти от археологических остатков и восстановленных по ним поведенческих действий.

Чтобы восстановить индивидуальную идею в такой ситуации, нужно обнаружить более адекватную реализацию той же идеи — например, оригинал артефакта, подвергшийся имитации. Умеем ли мы это делать? Пожалуй, умеем. Методика определения направленности типологического ряда (по типологическим рудиментам) и направленности влияния (по изолированности модов) есть средство решения подобных задач.

Более надежно восстанавливаются «разделяемые идеи» («*shared ideas*») — социальные нормы: если отклонений от идеала много, но и они подчинены закону нормального распределения, то выявить идеал нетрудно. Здесь в нашем распоряжении статистическая методика усреднения, идеализации, типизации, обобщения. Еще Г. Чайлд рассматривал ручное рубило как первую идею (Чайлд 1957: 30). Возникает, однако, вопрос, всегда ли отклонения от идеала подчиняются закону нормального распределения? Не могут ли возникнуть систематические сдвиги под действием одинаковых векторных давлений? Это призвана установить критическая оценка всей ситуации.

XIII (2–1). *Критика идей*. Оценка адекватности, с которой в конкретных идеях древнего человека отражались явления бытия, стимулировавшие поведение. Критика идей лежит в сердцевине реконструкции исчезнувшей жизни по идеям, отложившимся в вещах, и, следовательно, вообще по археологическим фактам. Как древний че-

людей реагировал на явления его бытия, как воспринимал их, и можно ли, восстановив по его реакциям его идеи, затем судить об этих явлениях? Эта оценка должна учесть не только проявления индивидуальных расхождений случайного характера, не только локальные различия, связанные с расой, этносом, полом, возрастом, классом, сословием, кастой, но и специфику первобытного и древнего сознания.

У нас много и усердно опровергали Л. Леви-Брюля, однако теперь становится все яснее, что, как бы ни объяснять природу постулированных им законов первобытного мышления, само наличие этих специфических законов он обнаружил верно. Не совпадало с современным и мышление античного человека, пронизанное мифологичностью. Даже поступки средневекового человека останутся нам совершенно непонятными, если мы будем воображать его себе сугубо рациональным деятелем, строго логически рассуждающим и здраво оценивающим свои интересы и историческую ситуацию. Да и позже сколь важное место в сознании личностей и общественных групп занимали иллюзии, мифы и предрассудки — религиозные, шовинистические, царистские, утопические, сословные, партийные и проч.! Приходится учитывать способность и готовность человека к абсурду.

Между тем, мы часто склонны судить об обстановке в первобытном и древнем мире по идеям и поступкам древних людей, забывая об этих западнях и ловушках и подыскивая наивно рационалистические объяснения древним идеям и поступкам с помощью сегодняшнего «здорового смысла» и обрывочных сведений о тогдашнем бытии. Эти объяснения активно участвуют в нашей системной организации сведений о тогдашнем бытии и таким образом способствуют формированию ложной исторической картины. Критика идей призвана предотвратить этот уклон.

Как первобытные люди мыслили и чувствовали, осознавали свое бытие и самих себя, мы узнаем по древним изобразительным и символическим памятникам, по этнографическому и психологическому изучению отсталых групп населения, по теоретической реконструкции. Симптоматично, что в последние десятилетия к этой тематике все больше обращаются исследователи первобытной экономики (производства, остального хозяйства и экономических отношений).

XIV (1–0). *Критика стимулов.* Оценка степени необходимости и неизбежности тех конкретных стимулов (исторических явлений, событий, ситуаций), которыми могло быть обусловлено (через идеи) отложившееся в археологических остатках и выявленное по ним пове-

дение древних людей. Это связано с выявлением регистра (границ и возможностей) вероятностной детерминации в каждом случае, где такая детерминация имела место; это связано также и с констатацией случаев плюрикаузальности.

Из этого определения видно, что если критика идей означает реконструкцию стимулов, то критика стимулов выводит на реконструкцию исторического процесса, причинно-следственной связи, и нуждается в анализе очень широких исторических перспектив. Такой анализ вряд ли осуществим на базе только археологических источников. Следовательно, критика стимулов выходит за пределы собственно археологии. Археологическое исследование в собственном смысле заканчивается на предшествующем этапе.

Археолог может, конечно, вторгаться в эту сферу, если образование позволяет ему ориентироваться в ней, но он должен быть в ней очень осторожен, сознавая, что это все-таки не его компетенция — он здесь не профессионал.

6. Заключение. Предпринятый анализ АФ отличается от предшествующих опытов одним обстоятельством. Все предшественники сосредоточивали внимание на философском аспекте темы — они выявляли соотношение между объективным и субъективным в АФ, и цель их была показать, сколь значительна доля субъективного фактора. Показать, дабы предостеречь от самонадеянного оптимизма. Они также много занимались терминологическими тонкостями, чтобы философские акценты были расставлены достаточно ясно. Мне же удалось, как мне представляется, выявить связь между *структурой АФ* и *процедурой археологического исследования*. Усложнение АФ, придание ему глубины, для меня не повод для пессимизма, а побуждение к работе — к увеличению протяженности и объема процедуры, к разработке новых ее этапов и операций. Не к философским спекуляциям ведет это исследование, а к методам работы.

Современные исследователи как западные, так и отечественные пришли к выводам о четырехуровневой глубине АФ, что соответствовало бы четырехэтапной процедуре археологического исследования. Дэвид Кларк в 1973 г. писал, в сущности, о 4 уровнях факта и 5 этапах процедуры, когда делил общую теорию археологии на последовательные шаги в своей знаменитой статье «Археология: потеря невинности». У Бинфорда практически 5 уровней. Только Дэниелс предложил в 1972 г. семиэтапную процедуру (без связи с АФ). В 1975 г. я предложил 14-этапную процедуру, а обоснованием этой процедуры

было мое понимание многоступенности АФ, разработанное тогда же и печатаемое теперь.

В наши дни дробление процедуры и скрупулезное уточнение количества ее этапов приобретает особое значение в связи с перспективной разработкой компьютерной интерпретации археологических фактов на базе так называемого «искусственного интеллекта» (Ennals and Brough 1982; Gardin et al. 1987; Stutt 1988, 1990; Stutt and Shennan 1992). Машина требует максимального дробления операций (Dogan 1970). Сегодня недостаточно знать, что АФ глубок – нужно знать какова его глубина, сколько в нем ступеней.

Невинность археологии утрачена давно. Ныне вопрос не в том, чтобы высказывать по этому поводу сокрушение, сомнение или удовлетворение (все это было), а в том, чтобы это событие оказалось плодотворным – привело к рождению сильной и здоровой парадигмы (если воспользоваться амбициозным словечком Томаса Куна).

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Эта глава есть практически детализация и развитие работы Дэниелса (Daniels 1972) и представляет часть моей статьи (Клейн 1999). Информационный подход к археологическому познанию инициирован Дэвидом Кларком (Clarke 1968, 1973), развит у Дэниелса (1972) и представлен в моей первой книге (1978, 1995). Некоторые аспекты рассматриваются в книгах Майкла Шиффера (Schiffer 1976, 1987).

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. *Необходимость расслоения двух историй – отраженной и истории самого источника – общеприемлемая проблема. В чем специфика этого дела у разных источников – письменных и археологических?*

2. *Можно ли считать, что курс прохождения информации представлен здесь действительно полным или есть какие-то пропущенные этапы (или же какие-то этапы нужно подвергнуть дальнейшему дроблению)?*

3. *У Монтелиуса, Дэниелса и Дэвида Кларка изменения при переходе информации с уровня на уровень (изменения в «иллюзах») сводятся главным образом к утратам порций информации. Но ведь*

на деле информация не только уменьшается, но и трансформируется, искажается. Какого рода искажения могут происходить?

4. Конверсия и реконверсия информации в археологическом познании являются асимметричными во многих отношениях. Можете ли Вы определить, в каких именно и какое это имеет значение?

5. В ходе конверсии информации практика выступает как стимуляция идей и как реализация идей. Идеи одни и те же, но практика разная. Нельзя ли подробнее очертить эти различия и привести конкретные примеры из истории культуры?

6. В наиболее полном из прежних списков этапов конверсии их было семь. Здесь – вдвое больше. За счет каких этапов произошло удвоение и чем можно объяснить эту локализацию?

7. Здесь всем 14 уровням конверсии даны названия. Удачны ли термины или некоторые стоило бы изменить или вообще вся эта идея с названиями представляется ненужным усложнением?

8. Реконверсия может рассматриваться как критика (или самокритика). Чем отличается эта критика от той, которую требовала «критическая теория»?

9. При определении предмета науки грань между археологией и историей была установлена на включении событий в систему культуры, на формировании трассовых секвенций, но перед установлением причин событий. Здесь – установление стимулов идей отнесено уже к истории. Как эти грани согласуются друг с другом?

10. Разные исследования археологического факта сосредоточивались одни на философских аспектах, другие на терминологических, третьи – на методологических. Какие вопросы могут иметься в виду в каждом из этих случаев?

ГЛАВА 15

ПРОЦЕДУРА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

На росстани дуб, на том дубу роспись,
расписано три дороги: первая коню сытна, самому голодна,
вторая самому сытна, коню голодна,
а третья – не быть самому живу.

Русская народная сказка

1. Предвзятые идеи и неосведомленность. С. Дж. Г. Дэниелс выдвинул стимулирующий парадокс, связанный с археологической информацией. «С ранних стадий нашего знакомства с миром ученых, — пишет он, — нас учат, что знания желательны и что неосведомленность — это условие, которое надо устранять как можно скорее и любой ценой. Процедура же [археологического исследования] утверждает недвусмысленно, что в вопросах классификации неосведомленность — это достоинство первостепенной важности, при чем такое, которое — как невинность — невосстановима, если утеряна» (Daniels 1978). Он тут понимал классификацию очень широко — как покрывающую также отбор и измерение.

Не общепринято, стоит ли убиваться по утрате невинности в археологии. Дэвид Кларк так не думал, когда писал свою статью «Археология: утрата невинности» (1973), а Кристофер Хокс даже предположил, что можно и вернуться в это состояние — он написал ответ Кларку: «Восстановление невинности в археологии» (Hawkes 1973), потому что он не желал знать новую, аналитическую археологию.

Благодаря своей математической ориентации (он работал в статистическом центре) Дэниелс был одним из первых ученых, возможно, самым первым, кто ушел от несколько пустых философских разговоров о глубине археологического факта и начал вместо этого говорить о каскадном пробеге информации от прошлых событий до анализа археологических источников. Так, он соединил две прежде раздельно существовавших проблемы: гносеологическую структуру археологического факта и нормативную процедуру исследований — нормативную последовательность этапов археологического исследования. Его главный интерес — это каскадный пробег информации, а глав-

ная забота — обеспечить ее как можно более полное прохождение и как можно более объективные результаты.

К 70-м гг. первые разговоры о субъективности выводов в археологии были уже два десятилетия как на слуху (со времени таких работ, как Smith 1955; Thompson 1956), хотя критическая теория, как раз выраставшая в это время из западного марксизма, еще не вошла в полной мере в археологию (это произошло только в 80-х). Дэниелс вступил именно в эту линию интересов, когда он счел преодоление субъективности главной задачей своих исследований. Он имел дело с ходом информации из прошлого и, соответственно, с обратным движением познания — от современности. Он имел в виду познание прошлого современным исследователем — схему, план, наметку процесса исследования. Больше всего его занимала борьба с предвзятыми идеями.

«В сердцевине исследовательской процедуры, — писал он, — лежат предвзятые идеи и путь, которым они проникают или могут быть предотвращены от проникновения в данные во время исследовательской деятельности отбора, измерения и классификации» (Daniels 1978: 29). Поскольку предвзятые идеи обычно направлены против каких-то взглядов и фактов, воплощение предвзятой идеи подразумевает предварительное знание исследуемого материала — имеются ли в нем одиозные вещи, против которых предвзятая идея может действовать, подавляя или удаляя их.

Значит, средство предотвратить воздействие предвзятой идеи — это обеспечить, чтобы исследователь не узнал слишком рано материал, на который обращены его исследовательские операции. Такие меры обычно применяются в деятельности судебных экспертов — материал должен быть им неизвестен до того, как результаты обследования будут оглашены.

Его странное настояние на желательной неосведомленности объясняется верой в эту меру. Однако, вопреки этой вере, преодоление предвзятых идей — не единственная существенная проблема в достижении объективности, возможно, даже не главная, а неосведомленность — не единственная мера достичь надежность выводов, возможно, и не лучшая. В добавление к субъективности исследователя действуют такие объективные факторы, могущие исказить результаты, как фрагментированность артефактов, большие лакуны в материалах, многозначность культурных вещей, часто отсутствие однозначных соответствий сохранившихся частей культуры утраченным. Что же до прибе-

гания к неосведомленности, то это не логика исследовательской стратегии, а психология. Преодоление собственных предвзятых идей не требует непременно таких мер, многое может быть сделано с помощью рандомизации и разработки четких правил и ограничений для методов.

Это было пространнее рассмотрено в более ранней работе того же Дэниелса. В уже упоминавшейся статье 1972 г. он опубликовал схему 7-этапного пробега информации от прошлых событий к современным остаткам (см. рис. 18, с. 350 – Daniels 1972, fig. 5.1). Между уровнями (так сказать, на шлюзах) у него на информацию воздействуют факторы, которые вклиниваются с двух сторон: слева на схеме показаны *контролируемые* исследователем факторы (например, выбор места раскопа), справа – *неконтролируемые* (например, перетолжение). По расположению на трассе пробега информации эти факторы делятся на три ряда: *исторические*, *постдепозиционные* (от отложения в земле до раскопок) и *методические*. Только последние обозначены как контролируемые – расположенные слева. В статье детально рассмотрены основные виды ошибок на этих уровнях («шум», несистематические ошибки, предвзятость) и меры по их устранению (формализация процедур, введение избыточности, рэндомизация). (Повидимому, на схеме 5.1 у Дэниелса следовало бы поменять местами «формализацию процедур» и «рэндомизацию»: последней больше поддается «шум», чем «предвзятость».)

Постдепозиционные факторы расположены справа, и о них сказано: «Самое большое, что можно сделать, это оценить их эффекты и попытаться как-то отвести им место» (Daniels 1972: 202). Приведены примеры такой подправки (привлечение теоретических моделей с применением математического критерия Колмогорова – Смирнова).

Трудно сказать, почему позже Дэниелс сузил свой взгляд на меры достижения объективности. Возможно, в это время (ближе к 80-м гг.) уже чувствовалось приближение критической теории с ее озабоченностью предвзятыми идеями (*bias*).

Обе статьи Дэниелса содержат в названии термин «research design» («исследовательский план»). Термин подразумевает нормативную схему археологического исследования.

2. Нормативность процедуры. Поскольку археология – научная дисциплина, главный процесс ее функционирования – научное исследование – должен быть дисциплинированной деятельностью, подчиненной определенным обоснованным правилам.

Он расчленен на этапы (или уровни), и организация этих этапов, т. е. их набор и последовательность, или *процедура археологического исследования* (ПАИ) – не произвольна. Нормативную схему ПАИ Д. Кларк (рис. 20) именует «моделью археологической процедуры» («*a model for archaeological procedure*») и представляет как одну из трех составных частей общей теории археологии. И. Рауз называет такую схему «стратегией» археологического и преисторического исследований, допуская отступления от нее как «тактику» (рис. 21). Б. К. Суарц излагает эту схему как «логическую последовательность археологических целей», Дж. Фриц и Ф. Плог – как «план» («*design*»), В. С. Бочкарев – как «структуру» археологического исследования (Clarke 1968: 34–35, fig. 2; Rouse 1972: VII–X, 27–28, 62–64, fig. 6; Swartz 1967; Fritz and Plog 1970: 409–411; Бочкарев 1973: 59).

Те части этой схемы, которые удается формализовать, превратить в однозначный ряд предписаний, ведущих к жестко детерминированной цепочке операций, становятся *алгоритмом* (Шер 1970: 9–23, рис. 1). Однако если внутри многих этапов достичь этой степени строгости не удастся и каждый из таких этапов расчленяется на элементарные действия свободно, то все же соотношения между этапами, воспринимаемыми как цельные блоки, предписываются достаточно строго. Так, В. С. Бочкарев настаивает на том, что «процедура имеет жесткую структуру, не допускающую пропусков уровней или смещения» (Бочкарев 1973: 59).

Как мы видели из предшествующей главы, археологический факт практически равнозначен длинному пробегу информации от прошлых событий и явлений. На этом пути информация протискивается сквозь ряд шлюзов, где часть ее искажается и утрачивается. Эта конверсия и н ф о р м а ц и и фиксируется как серия состояний, которые суть уровни археологического факта.

Ставя перед собой целью познание тех событий и явлений, археолог неизбежно совершает *реконверсию информации*. Велико искушение сделать эту реконверсию одноактной – одним шагом перейти от АФ к историко-социологическому значению, полагая его лежащим где-то у самой поверхности АФ. Это было бы так просто, так удобно! И существуют факторы, которые толкают археологов на попытки такой упрощенной, или стяженной, реконверсии – то неизжитый дилетантизм, то догматическая приверженность одной жест-

---

Рис. 20. Модель археологической процедуры, по Д. Кларку (Clarke 1968: 2).

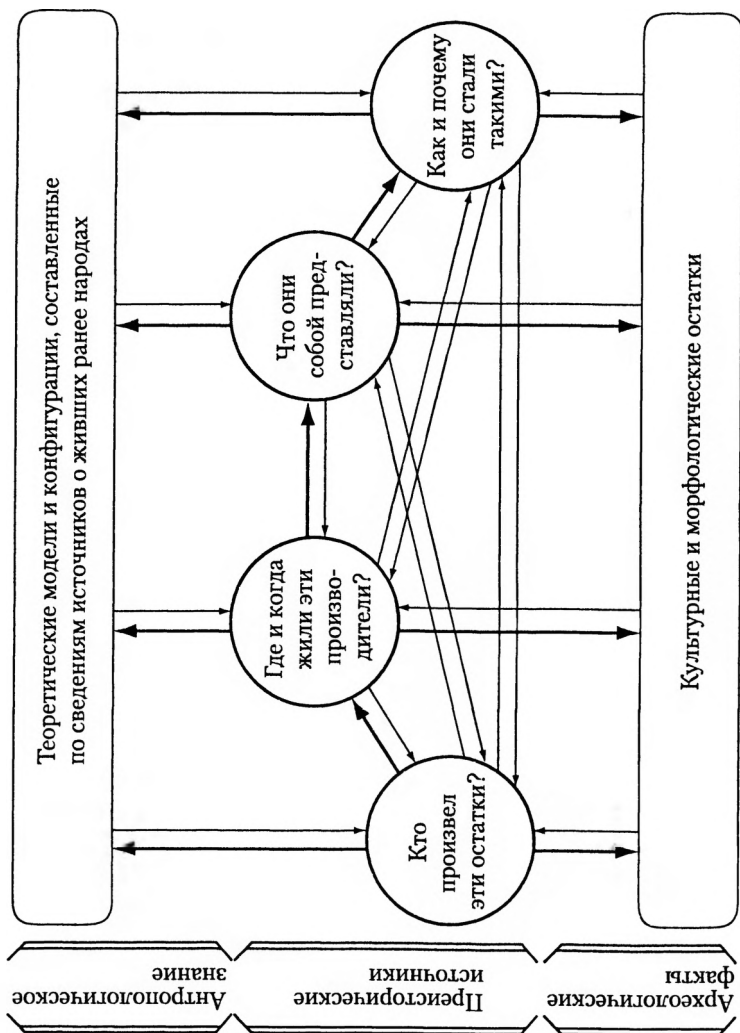

Рис. 21. Стратегия и тактика в логической процедуре археологии, по И. Раузу (Rouse 1972: 6).

кой схеме однозначных толкований с готовым набором ярлычков. Но В. С. Бочкарев (1973: 59) прав: перескакивать через этапы процедуры нельзя. Почему?

Конверсия информации состояла из *фаз*, разделенных *шлюзами*. В каждом шлюзе очередное превращение изменяло облик информа-

ции и служило трамплином для следующего превращения. Только смежные фазы были связаны между собой непосредственно как исходное и производное. И нередко только в производном сохранились какие-то остатки, по которым можно судить об исходном облике. Если, составляя суждение по последнему облику о первоначальном, перескакивать через какие-то фазы, то, возможно, будут упущены существенные изменения в информации, стало быть не замеченными окажутся искажения реальности прошлого. В итоге придем к неверной реконструкции. Отсюда важность учета всех фаз конверсии, всех шлюзов. Это и должно стать основой для разработки полной схемы процедуры археологического исследования.

И есть дополнительная сложность в этой проблеме.

Действие этих шлюзов является двояким. Тот же самый шлюз, который обуславливает материализацию в одном направлении, обуславливает идеализацию в обратном. Беда здесь в том, что утраты в этих преобразованиях асимметричны и часто невозможны.

Если при материализации своей идеи преисторический человек не смог реализовать часть идеи, скажем, в спешке не построил печь, требовавшуюся «типовым планом», то археолог при идеализации своих наблюдений по этому (и только этому) раскопанному жилищу не сможет реконструировать эту часть плана, а лишь придет к новым и совершенно другим утратам — скажем, утратит данные о входе, если он срезан более поздней землянкой, и он может получить ложные данные о содержимом хозяйственных ям, если он смешал его воедино с некоторыми материалами из врезавшейся землянки.

Так что утраты не взаимоуничтожаются, а накапливаются и складываются, и не просто складываются, а становятся более сложными.

Это означает, что правила координации и конкретизации в археологических теориях не могут обходиться простыми соответствиями, а должны предусматривать процедуру, гораздо более сложную, чем в других дисциплинах, должны предусматривать организацию и постоянное привлечение внешней информации, не содержащейся в вывешиваемом потоке.

Итак, почему же проводить такую реконверсию необходимо последовательно, без пропусков? Потому что в случае пропуска какого-либо шлюза те изменения, которыми информация обязана данному шлюзу, не удастся уловить и опознать, а следовательно возникшие здесь особенности информации будут приписаны более ранним причинам. Неверно будет реконструирован исходный облик информации,

будут предположены в первоначальной картине факторы, которых на деле не было. Вот почему так необходимо выявление всех шлюзов, прослеживание полного курса конверсии и соблюдение строгой последовательности в реконверсии обратным путем через все шлюзы.

Давно дискредитированы наивные представления дилетантов и ранних позитивистов, которые не ожидали многостепенной природы археологического факта и не представляли себе, сколь опасно переосмыслить от археологических фактов прямо к событиям и социальным явлениям прошлого. Как бы это ни было скучно, в археологическом познании надо не прыгать, а вкапываться.

3. Усложнение. Представленный в предшествующей главе перечень фаз конверсии (соответственно реконверсии) четко делится на две половины. Что касается конверсии, первые семь актов представляют образование (1–4) и умирание (5–7) материальной культуры. Результат – археологический источник. Семь последующих фаз представляют ее первичное, преимущественно эмпирическое познание (разведка, раскопки, фиксация и т. д.).

Процедура исследования, осуществляющего это познание, главным образом, следует реконверсии, но с некоторыми оговорками. Эта связь реализуется в двух вариантах.

Если исследователь строит свое исследование на первоисточниках, то ход процедуры совпадает с конверсией, охватывающей этапы 8–14, и включает в себя внешнюю критику археологических источников (этап 11). Результатом исследования является перевод археологического источника из вещной формы в обобщенную понятийную, пригодную для оперирования в науке. Продолжением выступает интерпретационное исследование, процедура которого следует реконверсии по этапам 7–1. Основой этого исследования является внутренняя критика археологического источника (оценка изменений информации в каждом шлюзе), а результатом – создание нового источника, исторического (Лебедев 1973).

Когда же исследователь работает не по первоисточникам, а по литературным данным (используя «привлеченный материал»), вся процедура следует полному курсу реконверсии по этапам 14–1, а внешняя критика источника расширяется на все первые семь этапов (14–8), так как требуется проверка преобразований и в каждом из этих шлюзов. Только по окончании реконверсии (14–1) начинается исследование историческое, социологическое или культурологическое.

На деле реализация этой процедуры даже сложнее, поскольку эта прямая логическая схема обработки информации – только основа, на которой строятся разные подходы к материалу. Эти разные подходы связаны с разным пониманием взаимоотношений между фактом и выводами, с разным размещением обобщения, гипотезы и проблемы.

Но под всеми этими вариантами процедуры покоится общая база – процесс конверсии и реконверсии информации через эти 14 шлюзов.

Тем не менее в практике исследований нормативная схема ПАИ реализуется лишь как тенденция, и отступления от «стратегии» нередко далеко выходят за границы всякой рациональной «тактики». В осуществлении ПАИ царят неразбериха и методическая неряшливость.

Эту ситуацию в науке поддерживают два обстоятельства. Во-первых, схемы ПАИ обычно оказываются скорее директивными, чем нормативными: они выдвигаются теоретиками без серьезного обоснования, или только с общефилософским обоснованием, не соотношенным со спецификой археологического материала. Во-вторых, по этому вопросу в представлениях самих теоретиков господствует разноречивость: вместо одной нормативной схемы исследователям-практикам предлагается много схем, различающихся как по количеству и составу (набору) этапов, так и по их последовательности.

Всё же эти схемы можно сгруппировать, по мнению сторонников «новой археологии» – в два главных варианта (их и противоположный), на самом деле – в три. Каждый из этих вариантов изменялся с течением времени, в них вводились новые блоки операций, усложнялись связи между блоками (к однолинейной цепочке добавлялись боковые и – в последнее время – обратные связи). По-разному группировались блоки – то замыкались в рамках одной науки (археологии или преистории, палеоистории), то вся череда более или менее радикально разбивалась на две части (археологическую и историческую или социологическую, антропологическую). Но за всеми видоизменениями можно все же различить три главные конфигурации.

4. Индуктивная процедура. Одна конфигурация сложилась еще в прошлом веке. Это схема, которой следовали, не задумываясь над ее экспликацией, многие ученые–естествоведы и гуманитары. Из археологов ее отчетливо сформулировал первым Софус Мюллер. Он так описал порядок археологического исследования:

- 1) сбор материала,
- 2) наблюдение (осмотр его),
- 3) выводы о частностях,

4) обобщения – выводы о правилах (с установлением типов, комбинаций, стилей, культурных групп),

5) подтверждение их подведением под общечеловеческие правила (в частности подключение к современным),

6) выяснение причин обнаруженных явлений сравнением и заключением по аналогии, выдвижение и проверка гипотез (Müller 1898: 292–307).

Конечной целью является познание причинной зависимости; от материала к этой конечной цели ведет исследователя постепенное обобщение, индукция. «Собственным методом археологии является... надежная индукция» (Müller 1898: 298–299).

С различными модификациями эта индуктивная в основе схема излагается у К. Г. Якоб-Фризена (конечная цель – «генеалогия»), Г. Кларка (конечная цель – реконструкция прошлого), И. Мак-Уайта, Д. Кларка (введены обратные связи), Я. А. Шера (выделено в отдельный этап взвешивание признаков), Е. Шураки (методика объединена с техникой исследования), И. Рауза (в трехэтапной процедуре археология познает природу остатков и передает результаты преистории, а уж та в четырехэтапной процедуре выясняет разные вопросы, кончая выяснением причин) (Jacob-Friesen 1928: 98–152; Clark 1957: 9–10, 18–20, 169–170, 174; MacWhite 1956: 3–7, tabl. 1; Clarke 1968; Шер 1970; Chouraqui 1972: 212–228; Rouse 1972: 28).

Хотя эта схема логически разработана и гносеологически аргументирована индуктивистами – философами раннего позитивизма, особенно Д. С. Миллем (1914), она была принята археологами разных философских ориентаций – видимо, потому, что отражала и логически оформляла некий реальный аспект эмпирических исследований. Этот аспект даже в тех системах, где он не абсолютизируется и не заполняет собой всю суть исследования, все же остается необходимым: индукция присуща эмпирическим исследованиям, и расширение фактов, введение новых фактов в научный оборот способно привести к перестройке старых концепций, послужить толчком к ней.

В своей книге И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак и Я. А. Шер (1975: 10, 12) представляют все ту же индуктивную схему ПАИ как «схему всякого археологического исследования» и поясняют: «Такая структура присуща сейчас всем хорошим исследованиям, выполнение которых принято характеризовать как фундаментальное. Нет никаких оснований думать, что в будущем эта структура нарушится, что будет предложен какой-то принципиально новый путь исследования».

Между тем, незачем ждать будущего: индуктивная схема ПАИ не обладает монополией уже сейчас.

5. Проблемно-установочная процедура. Другая схема процедуры, уже давно утвердившаяся как строгая норма в естественных исследованиях, на практике применялась в археологии тоже давно, но стихийно, спорадически и нестрого, а в отчетливом виде изложена применительно к археологии впервые в работе У. Тэйлора. У него порядок операций выглядит так (Taylor 1948: 152–202, tabl. 4):

A. Определение проблемы в рамках концепции.

B. Работа с материалами:

- 1) сбор данных,
- 2) критика их пригодности,
- 3) анализ,
- 4) интерпретация (установление техники, назначения и т. п.),
- 5) описание,
- 6) подача (в публикациях и т. п.).

C. Построение локальных хронологий.

D. Синтез по связям в контексте обнаружения.

E. Сравнительное изучение культуры в статике и динамике.

F. Изучение природы культуры, ее констант, законов, функционирования.

По У. Тэйлору, только этапы B и, возможно, C – дело археологии, а далее эстафету перенимают историография и этнография (D), этнология (E) и антропология (F).

B. К. Суарц следует У. Тэйлору, устанавливая свои этапы:

1. «Подготовка» (сводка прежних исследований и предвидение полевых проблем).

2. «Приобретение» (материалов в поле).

3. «Анализ» (размещение данных в сети времени и пространства).

4. «Интерпретация» (определение технологии и функционирования артефактов).

5–6. «Интеграция» – а) «реконструкция» жизни популяции и
b) «синтез» крупных культурных общностей,

5–6. «Сравнение» (интегрированных данных).

7. «Абстракция» – формулирование законов или принципов (Swartz 1967).

В конкретном исследовании подобную схему строго реализовал Дж. Хилл (Hill 1968: 103–142).

В советской археологии по схожей, но более сложной схеме был построен курс методов историко-археологических исследований в Ленинградском университете (Программа курса «Методы историко-археологических исследований», составитель Л. С. Клейн, утверждена к преподаванию в Ленинградском университете в первой редакции с 1967 г., во второй редакции – с 1979 г. Здесь излагается по второй редакции). Путь исследователя прослеживался трижды: от наблюдений к гипотезам («логическая эвристика»), от данных к неизвестному («психологическая эвристика») и наиболее подробно – от археологического материала к историческим и социологическим заключениям (специально-археологические методы). С постановки проблемы (формулирование задачи) начиналось второе из этих продвижений, с характеристики наблюдений – первое. Поэтому оба этапа не рассматривались при третьем продвижении, и оно начиналось непосредственно с критики источников:

- 1) внешняя критика,
- 2) внутренняя критика,
- 3) описание материала,
- 4) классификация,
- 5) выявление связей и расстановка во времени и пространстве,
- 6) историческая реконструкция,
- 7) социологическое истолкование.

Преимуществами этой разработки были увязка ПАИ с общенаучными аспектами исследовательского процесса (логическим и психологическим) и введение в советскую археологию выдвинутого Г.-Ю. Эггерсом требования внутренней критики источников. Недостатком разработки было выпадение этапа сбора – отбора материалов из непосредственной археологической линии рассмотрения. Важность этого этапа хорошо показал Л. Бинфорд (Binford 1964: 425–441), а общенаучная характеристика наблюдений не служит адекватной заменой такого разбора, так как не решает специфических проблем археолога. Аналогичная схема В. С. Бочкарева повторяет этот недостаток (усугубляя его отсутствием параллельных линий рассмотрения) и завершает собственно археологическую часть процедуры «выделением фракций и культур». Сомнительно, чтобы можно было перепоручать историку истолкование сходств между культурами и выявление миграций, влияний, автохтонности и т. п., словом, формирование секвенций, в которых протекал культурно-исторический процесс.

Разработанная У. Тэйлором проблемно-установочная схема находит философское обоснование у прагматиста Дж. Дьюи, в его учении о проблемной ситуации (Dewey 1955: 104–105). Общая прагматическая ориентация «контекстного подхода» У. Тэйлора делает эту схему и даже ее абсолютизацию естественной для него и его последователей. Что же касается археологов с другими философскими убеждениями, то для них эта схема оказалась приемлемой (с некоторыми ограничениями) потому, что она отражает и оформляет реальный и важный аспект исследовательского процесса в археологии: его организованность, возникновение и наличие в нем проблем, а в связи с этим – целенаправленность исследований, по крайней мере, многих.

6. Дедуктивная процедура. Более трех десятилетий назад археологам предложена схема процедуры, широко практикуемая в физико-химических науках. По ней, исследование начинается с выдвижения гипотезы, из которой дедуцируются ожидания, сопоставимые с материалом, – в сопоставлении и состоит проверка гипотезы. Эта дедуктивная схема ПАИ впервые изложена (хотя и по частям) у Л. Бинфорда в работах 1967–1972 гг. (Binford 1972: 47–48, 92–93, 114–121, 245–260) и – наиболее ригористично – у Дж. Фрица и Ф. Плога. В их статье стержнем процедуры оказывается объяснительная гипотеза, подводящая факт археологии под закон антропологии (так что объяснение извлекается из теории). Перечень этапов ПАИ у них таков:

- 1) обоснование гипотезой,
- 2) выведение из нее ожиданий,
- 3) разработка плана сбора данных,
- 4) приобретение данных,
- 5) анализ данных, преобразующий данные так, чтобы они стали пригодными для проверки ожиданий,
- 6) проверка ожиданий (установление связи между переменными),
- 7) оценка гипотезы по результатам проверки, оценка объяснения (Fritz and Plog 1970).

Этому образцу следуют и другие американские «новые археологи» (Watson et al. 1971: 114–152). Принятая ими ориентировка исследования на проверку определенной гипотезы пронизывает весь ход исследования и определяет не только последовательность, но и облик всех его этапов – от сбора материалов («собирать надо только относящиеся к делу данные» – Ibid.: 114) до публикации отчета (с «данными из раскопанного местонахождения, достаточными только для того,

чтобы поддержать аргументацию» – Ibid.: 157). «Эта процедура не только правомерна, – пишут “новые археологи”, – но и является жизнью науки» (Ibid.: 14). Конечно, это сугубая абсолютизация – дедуктивная схема становится дедуктивистской.

На сей раз философский источник своих методологических идей четко указывают сами археологи: это гипотезно-дедуктивная схема объяснения К. Поппера – К. Гемпеля – Э. Нагеля (Popper 1935: 26–27; Hempel 1942: 35–48; Nagel 1965); у них исследователь объясняет конкретные факты путем подведения их под закон. Схема эта зародилась на основе логического позитивизма, но развернута лишь в постпозитивизме. Ее много и в большой мере справедливо критиковали и в философии, и в археологии – за узость, ограниченность, упрощенчество и непомерные претензии (Dray 1957; Tuggle et al. 1972: 3–12). Однако показано, что объяснение через закон действительно остается центральным и определяющим видом объяснения в исторических науках (Кон 1969: 263–295), к тому же гипотеза является необходимым этапом любого объяснения, а объяснение – стержнем полного исследования. Так что и эта схема ПАИ, все больше отделяющаяся от своей узкой законо-объяснительной основы, оформляет вполне реальный аспект археологических исследований. Поэтому и у нас многие исследования, посвященные проверке какой-либо широкой гипотезы, практически следуют этой схеме если не в изложении, то в выполнении, если не строго, то примерно.

7. Дискуссионное противопоставление. В некотором отношении проблемно-установочная схема ПАИ может рассматриваться как промежуточная между двумя другими, как переходная: определение проблемы – это еще не выдвижение гипотезы, но оно уже как-то ограничивает изначально сбор и обработку данных, стимулирует внутреннюю критику источников – оценку их познавательных возможностей применительно к поставленной проблеме.

Поэтому основной спор разгорелся между сторонниками двух других, крайних концепций ПАИ, а наличие средней просто не замечалось – ее adeptов зачисляли в тот или другой из крайних лагерей. Аргументы каждого из этих крайних вариантов подробно рассмотрены Дж. Хиллом (Hill 1972), выступающим в защиту одного из них – дедуктивистского.

Что вменяют в вину сторонники дедуктивистской схемы своим противникам? Что индуктивистская процедура построена на ложных предпосылках:

1) будто и впрямь можно прибыть в поле без априорных представлений и собрать всю информацию, содержащуюся в памятниках – все, что попадется («пылесосный подход» – иронизирует Хилл – Hill 1972: 67);

2) будто собранные таким путем данные окажутся универсальными и их сможет потом использовать любой исследователь для решения любых задач;

3) будто каждый археологический факт однозначен, будто факты сами за себя говорят и простого их обобщения достаточно для понимания прошлого.

Между тем и трактовка фактов зависит от аспекта рассмотрения, и при сборе информации одна программа нередко технически исключает другую (например, слой можно снимать либо горизонтальными срезами, либо вертикальными). Индуктивистская процедура заставляет приспособлять цели к характеру собранных данных, а этот характер предопределен незамеченной, неосознанной подготовленностью исследователя. Собирая вслепую материал, археолог наберет массу деталей, вообще никому не нужных – ни сейчас, ни в будущем.

В чем защитники индуктивистской схемы обвиняют своих соперников? В том,

1) что те навязывают материалу какой-то один аспект рассмотрения и игнорируют богатство и многообразие информации, содержащейся в источниках, более того – что это приведет к упущениям в сборе данных,

2) что ориентировка на проверку одной-единственной гипотезы психологически собьет исследователя – побудит его изыскивать подтверждения этой гипотезе и не искать опровержений,

3) что дедуктивная процедура особенно не подходит именно археологам, так как памятники обычно преподносят сюрпризы – дают не то, что от них ожидают,

4) что есть экспедиции (спасательные), которые стимулированы не запросами исследователей, а потребностями жизненной практики,

5) что археологи обычно не имеют возможности проверять гипотезы экспериментами, и т. д. Некоторые из этих недостатков Хилл опровергает или смягчает, другие оправдывает неизбежностью.

На деле, по крайней мере, часть взаимных обвинений справедлива применительно к абсолютизации этих схем ПАИ и показывает ограниченность обеих. Возможны ситуации, в которых индуктивная

схема ПАИ оправдана (например, исследование «белых пятен», региональные монографии, обработка материалов спасательных экспедиций). Есть исследования, требующие дедуктивной процедуры (сюжетные исследования, атрибуция находок, полемические работы). Существенно, что большей частью эти обвинения не применимы к промежуточной, проблемно-установочной схеме ПАИ.

Проблемная установка может быть уподоблена выдвиганию гипотезы в начало исследовательского процесса – но не узко определенной гипотезы, а некой *суммарной гипотезы*, составленной из всех принципиально возможных, практически необходимых и реалистичных гипотез относительно существа проблемы. Проблема имплицитно содержит в себе такой набор *потенциальных гипотез* – нечто вроде тех «множественных гипотез» Ллойда Чемберлена или «теорий в себе» К. Поппера, «которые никогда не были произведены или поняты людьми», но существуют в потенции (Chamberlain 1944; Popper 1963: 237). Это как бы *матрица гипотез*. Естественно, что проблемно-установочная схема ПАИ, хотя и не свободна тоже от ограничений, все же обладает наиболее широкой – из всех трех – приложимостью к исследованиям (тематические монографии и проч.).

Конечно, опытный археолог в силах нацелить экспедицию так, чтобы среди добытых сведений оказалось побольше тех, которые нужны для проверки заданной гипотезы или, беря шире, для решения намеченной проблемы. Но материал непременно будет богаче и преподнесет сюрпризы. Было бы непростительным догматизмом игнорировать это, ссылаясь на безграничность возможных аспектов наблюдения и на невозможность описать все. Планы научных исследований подобны планам сражений: их тщательно разрабатывают, чтобы оставить, как только начался бой. Но современный бой хоть и далек от регулярных экзерциций, все же не беспорядочная драка. На деле в науке всегда, относительно каждого потенциального источника материала, существует конечный, даже не очень большой набор актуальных проблем. А им соответствует такой же набор программ по сбору сведений.

Для многих источников эти проблемы и программы, обусловленные господствующей ведущей теорией, – общие. Получается если не универсальный, то достаточно широко применимый *пул проблем и программ*, тяготеющий к формированию широкой, но *стандартной программы*, которая бы фиксировала высший на данное время профессиональный уровень методики и могла служить основой для част-

ных модификаций. В уме всякого хорошо подготовленного археолога присутствует один или несколько таких пулов, чем и обеспечивается возможность работы на «чужом» (привлеченном) материале.

8. Структурное сопоставление. Правомерность применения всех трех видов ПАИ (в соответствующих условиях) и наличие стандартной программы сбора данных побуждают полагать, что есть какая-то общая, *инвариантная схема*, лежащая в основе всех трех схем ПАИ и содержащая в себе объективный критерий полноты исследовательского процесса (так, обобщенная стратиграфическая колонка полнее любой из исходных колонок).

Нетрудно заметить, что коренное структурное различие между рассмотренными генерализациями схем ПАИ лежит в размещении кортежа операций (один или несколько этапов), связанных с выдвижением и развертыванием гипотез.

В индуктивной процедуре этот кортеж следует за длинной чередой операций по широкому сбору и обработке материалов, так что результаты обработки рассматриваются как предпосылка и объект приложения гипотезы. Независимые факты для последующей проверки должны быть привлечены извне. В проблемно-установочной процедуре кортеж расчленен – вперед вынесена только матрица гипотез. В дедуктивной процедуре указанный кортеж целиком выносится вперед, так что добывание и обработка фактов оказываются узко ориентированными на проверку заданной гипотезы. Но здесь то что послужит фактуальной предпосылкой гипотезы, объектом ее приложения? Очевидно, в конечном счете какая-то информация о фактах, известных до того.

Таким образом, во всех случаях налицо один и тот же цикл, состоящий из 4 кортежей операций:

- а) подготовка исходных фактов,
- б) обзаведение гипотезой,
- в) привлечение независимых фактов,
- г) проверка гипотезы.

Какова же разница? В одном случае (индуктивная процедура) за исходные факты принимаются свежие материалы, а за привлекаемые для проверки факты принимаются результаты прежних исследований. В других случаях (проблемно-установочная и дедуктивная процедуры) – все наоборот: за исходные факты принимаются результаты прежних исследований, а за привлекаемые – свежий материал. Разница

сказывается в характере обработки свежего материал, новых данных: в первом случае их стремятся собирать применительно к любым возможным гипотезам (т. е. полно, всеядно), во втором случае – к определенной матрице гипотез, в третьем – к одной заданной гипотезе (т. е. узко и сугубо избирательно).

Естественно, что чем ближе исследование к полевой работе, тем опаснее такая избирательность и тем предпочтительнее сдвиг к противоположной процедуре.

9. Общая основа и ограничения. Прделанное сопоставление показывает, что в каждом из трех случаев применения процедуры археологического исследования налицо две взаимно независимых группы фактов (ср. LeBlanc 1973). Непременно одна из них – свежая. Она подвергается именно в проводимом исследовании обработке, нацеленной на проверку гипотезы – будь то определенная заранее выдвинутая гипотеза или некая суммарная неопределенная гипотеза. Так или иначе, но эти факты должны быть добыты и обработаны так, чтобы стало возможно сопоставление их с другими системами знания, чтобы стал возможен перевод информации (через гипотезы и их проверку) в другие системы понятий – социально-историческую или этнолого-антропологическую.

Отсюда ясно (**первое ограничение**): все три типа процедуры рассчитаны только на *конкретное*, преимущественно эмпирическое, но также интерпретационно-теоретическое исследование. Процедура *общетеоретического (методологического)* исследования археолога вообще пока обсуждению не подвергалась. К сожалению, никем из упомянутых в этой книге авторов это ограничение не оговаривалось.

Второе ограничение: будучи идеальной, схема ПАИ имеет в виду *полную* проработку материала, *предельное* преобразование извлеченной из него информации, проведение ее через *все* этапы археологического и исторического (или социологического, культур-антропологического) изучения. А в исследовательской практике вполне допустимы и рациональны также *частные* исследования, условно замкнутые в рамках одной из этих наук или даже одного или нескольких уровней какой-либо из них. Соответственно такое исследование займет на шкале ПАИ лишь узкий отрезок в один или несколько этапов.

И третье ограничение: все рассмотренные схемы ПАИ имеют в виду работу археолога над *свежими первоисточниками* –

над собранными им самим вещественными материалами, необработанными. Немало исследований, однако, проводится по так называемому «привлеченному», т. е. «чужому», давно отобранному и обработанному музейному материалу, по литературным данным. Процедура такого исследования обязательно должна предусмотреть регрессивную проверку проделанной другими исследователями части операций.

Наконец, необходимо еще оговорить то обстоятельство, что ПАИ регулирует *ход* исследования, выполнение исследования, но не обязательно его *изложение*. В последнее время, однако, заметна тенденция приблизить план изложения к схеме ПАИ или, по крайней мере, уяснить читателю примененную ПАИ, как и другие структурные компоненты исследования.

Эта тенденция проявилась в авторефератах кандидатских диссертаций, где свободный план изложения (в порядке хронологии или обзора компонентов культуры) сменился более близким к традиционному для естествоведения, т. е. стал примерно таким (Клейн 1968; см. также Сафронов 1970):

1. Задача исследования.
2. Значение вопроса.
3. Методика исследования.
4. Фактографическая база исследования.
5. Его выполнение.
6. Результаты исследования.
7. Обсуждение результатов (оценка результатов и их включение в общую систему).
8. Структура изложения в диссертации.
9. Публикация результатов.

Итак, логическим стержнем и гносеологической основой полного конкретно-археологического исследования оказывается процесс преобразования информации, ведущий от фактического материала (непосредственных объектов археологии) к его истолкованию в понятиях истории, социологии, культур-антропологии и т. п. Вот тот единый сюжет, который лежит в основе всех трех фабул – индуктивной, проблемно-установочной и дедуктивной. Достаточно очевидно, что выбор той или иной из этих фабул определяется характером исследования, а абсолютизация какой-то из них – философской позицией археолога.

Но чем обусловлена и как связана с философией науки структура самого сюжета – общее количество этапов, их качественный состав и последовательность? Можно показать, что эти характеристики обусловлены пониманием природы *археологического факта* – его гносеологической сложности, глубины, многоступенчатости. Инвариантная основа ПАИ не произвольна. Теория археологии, опирающаяся на гносеологию, в силах обосновать эту основу.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

В добавление к работам Бинфорда, Суарца и Хилла (Binford 1964; Swartz 1967; Hill 1972) две статьи Дэниелса специально посвящены этой теме (Daniels 1972, 1978). Мои статьи на русском (Клейн 1975б, 1978) использованы как материал при написании этой главы.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. *Какое название для той последовательности исследовательских операций, о которой идет речь в этой главе, представляется Вам наиболее удачным (процедура, исследовательский план, алгоритм, стратегия и проч.) и почему?*

2. *Действительно ли рационально группировать накопившиеся схемы процедуры в три основных варианта или их больше (меньше)?*

3. *Не могли бы Вы подыскать из знакомых Вам исследований примеры применения этих трех процедур?*

4. *Верно ли определены философские обоснования этих трех концепций или можно отыскать другие идейные связи?*

5. *Чем отличается индуктивная процедура от индуктивистской, дедуктивная от дедуктивистской?*

6. *Полемика велась главным образом между сторонниками индуктивистской и дедуктивистской процедур. Перечислялись их плюсы и минусы. Не можете ли Вы рассмотреть аналогичным образом проблемно-установочную процедуру?*

7. *Не могли бы Вы сформулировать тот пул программных требований, который Вам представляется действующим в современной археологии?*

8. Коль скоро в реальной жизни исследование редко осуществляется в полном виде, обычно оно охватывает лишь какой-то этап процедуры, и эти этапы следуют друг за другом нередко не логической цепью, а вразбивку, как же можно определить, какой вариант процедуры применяется?

9. Имеет ли характер материала (свежесобранный или привлеченный) значение для выбора процедуры, какое-то особое тяготение к одной из описанных схем?

10. Все изложенные процедуры разработаны применительно к исследованию конкретного археологического материала. Не могли бы Вы предложить схему процедуры для теоретического исследования?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Итоги. Подытожим кратко, что изложено в этой книге. Я расцениваю теорию как важный компонент археологии, в котором обычно и происходят научные революции. Я настаиваю на том, что теоретики – это особая специализация в археологии и что их надо тренировать специально с юности. Теоретическую археологию я определяю не слишком широко (не как такую, которая включала бы все методы и все идеи) и не слишком узко (не как особую логическую схему). Я охватываю этим понятием философские, методологические, логические, теоретические и частью исторические проблемы, которые касаются всей археологии в целом. Теоретическую археологию я отличаю от археологической теории.

Что до структуры теоретической археологии, я делю эту отрасль на три части: метаархеологическую, эндоархеологическую и параархеологическую.

В определении предмета археологии мне предстоял выбор из трех главных положений: 1) только материальные древности (если так, то археология – всего лишь служанка истории), 2) исторические события и процессы прошлого (тогда археология это разновидность или часть истории), и 3) оба поля вместе (но тогда одна ли это целостная дисциплина?). Для меня предмет археологии включает материальные древности сами по себе, их связи и отношения в системе культуры (преимущественно материальной культуры), а также закономерности и причинные механизмы в основе всех этих связей и отношений. Но не причинные объяснения этих исторических событий и процессов – они суть дело истории, тогда как археология это лишь историковедческая дисциплина.

Важной задачей теоретика является, по-моему, определение специфики археологических источников, ибо на этом покоится право выделения археологии в особую дисциплину. Я считаю, что специфика материальных древностей как археологических источников состоит в двойном разрыве между ними и прошлой исторической реальностью, которую археологу-то и предстоит восстановить. Этот двойной разрыв, т. е., по сути, два разрыва, таковы: 1) разрыв в кодировании информации (между «языком вещей» и обиходным языком), 2) разрыв в традиции (древности – это вещи, не имеющие связей с живой культурой и в живой культуре). Все другие виды источников имеют по одному из этих двух разрывов, только у археологических – два.

Если говорить о методологической природе дисциплины, археология как источниковедческая дисциплина не является ни чистой и точной наукой, ни гуманитарной, а относится к числу прикладных. Но она находится в рабочем контакте с гуманитарными науками. Подобно истории, она имеет задачу восстанавливать исторический процесс и, подобно истории, она не может реконструировать его в конкретных деталях. Но для истории это означает, что реализация задачи невозможна, если не прибегать к воображению, так что каждый историк строит собственное повествование, рисует собственную картину. Археология же реконструирует лишь типичные черты и структуры, но реконструирует их полностью, реконструирует исторический процесс точными методами, но, конечно, не в такой полноте, как история, не на таком уровне конкретной реализации.

Подобно Дэвиду Кларку, я имел намерение аксиоматизировать археологию, если и не превратить ее в аналитическую машину. Но имея это на уме, я скоро открыл, что ряд принципов, лежащих в основе всей дисциплины, расщеплен на две части – каждая состоит из шести принципов, и эти подряды противоположны друг другу – и обе валидны в археологии! На каждый принцип есть контрпринцип, который также валиден. Так что противоречия внутренне присущи нашей дисциплине, коренятся в ее основе.

Переходя к археологической теории, я, прежде всего, попытался определить, что есть эмпиризм в археологии, каковы его главные признаки. Затем я перечислил существующие определения археологической теории (систематизация фактов, упорядоченная общность понятий, набор методов, наложение философской теории на археологический материал и т. д.) и предложил собственную дефиницию: программа переработки археологической информации, основанная на некой фундаментальной объяснительной идее. При превращении механизма переработки в стереотип теория оборачивается методом. Компоненты теории образуют ряд оппозиций, где «теория» есть промежуточное звено, например: предмет – теория – метатеория, эмпирика – теория – идея, и т. п.

Структура теории в ее динамике, в ее работе, пожалуй, сложна. Она покоится на двух основаниях: теоретическом базисе и эмпирическом базисе, но оба служат только в проверке теории (как гипотезы). Главный путь переработки информации исходит не из них, а из фундаментальной объяснительной идеи, которая создается в сознании исследователя, и создается не с помощью дедукции или индукции, а

абдукцией. Затем из нее выводится система законов. Применяя язык теории, они поступают в операционный аппарат и в математический аппарат теории. Результат сопоставляется с фактами и старыми теориями и т. д. и, наконец, превращается в подтвержденное знание и в новый метод.

Функции теории редко являются предметом теоретического рассмотрения. Между тем, они заслуживают некоторого внимания, так как многие функции обычно игнорируются или ошибочно понимаются. Так, объяснительная функция (принимаемая за главную) в археологии более связана с интерпретацией, чем с объяснением. Предсказательная функция больше выступает как реконструктивная (что есть предсказание, когда речь идет о прошлом?).

Проблема факта больше разработана в истории, чем в археологии. Философы и историки открыли глубинные структуры научного факта. В археологии факт также глубок – он структурирован в соответствии с уровнями, которые информация проходит от прошлого через археологические источники к сознанию исследователя. Я насчитал 14 таких уровней с фильтрами между ними, в каждом из которых информация изменяется, искажается и теряет некоторые элементы, приобретая какие-то другие.

Общий план исследования (модель исследования, исследовательская процедура, алгоритм исследования) зависит именно от понимания этой проблемы – я имею в виду реализацию многоступенчатой реконверсии информации, глубину археологического факта. Однако это именно общий план исследования. Есть три соперничающих альтернативных модели исследовательского плана: индуктивная, дедуктивная и проблемно-ориентированная. Все они могут быть сведены к указанному генеральному плану.

2. Озираясь вокруг. Я не задавался целью получить сенсационные новшества, мое намерение было добиться здоровой и систематично разработанной теории, подходящей для практических нужд и покоящейся на солидных основаниях. Мои теоретические взгляды формировались долгое время, ведущие положения – в основном в 60-е и 70-е гг. Позже они главным образом разрастались и перестраивались. Поработав несколько десятилетий, я нахожу все меньше и меньше, что добавлять и что менять. Это не значит, что я считаю свои выводы абсолютно совершенными, но просто я сделал, что мог.

Когда я вырабатывал основные положения моих теоретических взглядов в 60-е гг., в воздухе носились идеи «новой археологии»,

процессуальной археологии. Американская «новая археология» искала законы и археологические методы открытия систем прошлой реальности, британская ветвь надеялась построить аналитическую машину, способную обрабатывать археологический материал и получать на выходе прошлую реальность. Кое-какие из этих целей и убеждений вошли в мою систему, что-то выросло как оппозиция амбициям «новой археологии».

В 70-е гг. новое течение выросло в недрах «новой археологии». Оно было обозначено «поведенческой археологией» Шиффера, «теорией среднего ранга» Бинфорда, а у Кларка это были поиски пути информации от прошлого (и к прошлому) в его «Потере невинности». На деле это и было постпроцессуальной археологией, так как внимание к законам культурно-исторического *процесса* было заменено вниманием к формированию археологических источников. Независимо от этих событий (но не независимо от немецкого сопоставления археологических источников с письменными источниками) я развивался в том же направлении.

В 80-е гг. снова громко прорезалось новое течение, в котором странным образом сочетались три разные традиции, которые раньше казались несопоставимыми: а) неокантианские идеи и сугубый индетерминизм (в духе Р. Коллингвуда, Г. Даниела и У. Тэйлора), как и контекстуализм (типа Чжана Гуанчжи); б) структурализм от Леви-Стросса; и в) западный университетский марксизм, инициированный Д. Лукачем, Г. Маркузе и др. В этом новом течении, сплавленном из старых, появилось солидное академическое крыло, воплощенное в творчестве Яна Ходдера (1982, 1986, 1987, и др.), и более журналистское крыло (если не чисто декламативное) – Шэнкса и Тилли. Практически все это течение было не постпроцессуальным, а пост-постпроцессуальным, но не будем слишком педантичными. Это течение также выросло в основном в недрах «новой археологии» (ее британской ветви) как реакция на ее крайности – такие, как вера в возможность абсолютно объективной реконструкции, надежда на силу и самостоятельность археологии и ее теории и т. п.

Главный позитивный вклад этого течения, полагаю, это подрыв излишней отважности «новых археологов», которая была выражена в их смелом утверждении прямолинейной связи элементов материальной культуры с социальными и духовными явлениями некогда живших обществ. Ходдер и его последователи показывают, что системы идей и социальные системы имели (и всегда имеют) решительную

свободу выбора среди форм для своего выражения в материальной культуре (и, конечно, не только в ней), и это должно внести значительные коррективы в текущие представления о закономерностях в культурном мире.

Однако у постпроцессуальной археологии Ходдера есть некоторые проблемы, уже раскритикованные в ряде известных публикаций. Что, мне кажется, недостаточно обсуждалось, это ее игнорирование археологии как единого предмета с единой теорией и потеря критерия достоверности.

Чайлд сказал, что археология – одна. Но для Яна Ходдера тут все наоборот. «Идея единой науки археологии, еще поддерживаемая в Северной Америке и проскользнувшая в Скандинавии и Британии в середине 1970-х, ныне в полном беспорядке в Европе. Представление, что археологии нужна единая теория, метод и цели повсюду отвергнуто» (Hodder 1991a: 19). Ходдер объясняет эту диверсификацию социально-политической враждой в современном мире. По постпроцессуалистам, у археологии нет средств объективного познания прошлого и исследование осуждено на зависимость от мировоззрения и политических взглядов исследователя, от его классовой позиции. Это постпроцессуальное извлечение из марксизма.

«Новая археология», особенно американская, отвергает связи археологии с историей. В Англии, однако, как и «по всей Европе теснейшие интеллектуальные связи археологии – с историей» (Hodder 1991a: 10). Археология здесь является «фундаментально исторической в акцентах, очень марксистской в ориентации и неопровержимо социальной в конструкции» (Hodder 1991b: VIII).

Но подход Ходдера эклектичен; он объединяет разные вряд ли согласуемые традиции. Ходдер пишет и о самостоятельности археологии: «... в течение последних десятилетий... (археология) все сильнее способна определять себя как дисциплина независимая от истории и классических штудий» (Hodder 1991a: 7). А «в то время как говорят, что археология должна восстановить свои европейские связи с историей, важно также видеть разницу между археологией и историей». Он признает, что «археология есть часть истории», но коль скоро письменные источники созданы из некой материальной субстанции (бумага, чернила), можно добавить, что «история есть часть археологии» (Hodder 1991c: 12).

Ходдер вспоминает с симпатией выражение Тэйлора, что «археология – это ни история, ни антропология» и утверждение Дэвида

Кларка, что «археология это археология, это археология». Но для Ходдера у Тэйлора недостаточно контекстуализма, тогда как у Кларка он отсутствует вовсе. Для самого же Ходдера археология отличается от антикварианизма именно упором на контекст каждого объекта (Hodder 1991c: 190–191). Таким образом, предмет археологии в постпроцессуализме это вещи и их контекст. Археология это исторически ориентированная дисциплина о материальной культуре, тогда как последняя понимается прежде всего как система символов, значений, которые можно читать как письменный текст. «Чтение прошлого» называется известная книга Ходдера, выпущенная впервые в 1986 г. (Hodder 1991c).

Проблема «чтения» материальных остатков оказывается более сложной, чем это кажется постпроцессуалистам. Их определение предмета археологии реалистично, хотя оно не очень далеко ушло от позиций столетней давности – позиций Софуса Мюллера.

Разве археология не одна? Ее расщепление опровергается самим результатом данного исследования. Все теории и методы, вся метаархеология релевантны для всех ветвей археологии, не правда ли? А вот и другой аспект расщепления – констатация удивленным Триггером (Trigger 1978a: 196–197) поразительного сходства советских и западных археологических дискуссий, выведенная из чтения моей «Панорамы» (Klejn 1977a). Сегодня это сходство не удивило бы никого. Мир более не расколот на два лагеря. Идеологическая оппозиция, ответственная для науки, включая археологию, окончилась естественным фиаско. И археология как дисциплина, ныне, как и тогда, одна. При всем размахе идеологических расхождений, при всем многообразии ее школ и течений, она имеет те же проблемы на Западе и на Востоке и один набор возможных решений.

Теперь о критериях проверки. Моя позиция, видимо, ясна читателю. Как археологический факт, так и подтвержденные теории являются критериями проверки. Эта идея отличается как от гипотетико-дедуктивной схемы Бинфорда, так и от позиции Ходдера.

«Теорию нельзя подтвердить посредством данных», – говорит Ходдер (Hodder 1986: 16). Он отвергает концепцию Теории среднего уровня, предложенную Бинфордом, поскольку она основана на предположительно очень закономерных соответствиях материальной культуры социальному поведению. Сознание людей прошлого и их свобода выбора, утверждает Ходдер, сказывались на вещах, произведенных мастерами и подлежащих восстановлению в настоящем, а это вводит неопределенность в их облик. Кроме того, он зависит также от того,

как мы восстанавливаем их, от нашей теории и практики исследований. В свою очередь они определены и обусловлены нашей идеологией, а наши идеи зависят от наших социальных интересов и политических ориентаций. Это о Ходдере и его последователях.

Теория в их понимании переплетена с практикой, не только с археологической, но и с идеологической и политической. Никакие разговоры о взаимном влиянии фактов и теории не спасут нас от впечатления, что в сочинениях Ходдера и его приверженцев выводное знание археологии теряет его ясную зависимость от фактов, теория теряет свою зависимость от проверки фактами и начинает отражать просто идеологическую позицию археолога и его социальной среды. Теория превращается в простое отражение такой позиции.

Таким образом, по сравнению с моей позицией в постпроцессуальных взглядах факты как критерии проверки исчезают, а подтвержденное теоретическое знание (старые теории) заменены политикой и политическими теориями.

Это опасная директива для археологии. Здесь последователи западных марксистских интеллектуалов объединяются с рьяными и твердолобыми могиканами марксистской ортодоксии, еще остающимися кое-где в постсоветской археологии.

Философские и политические предпочтения археолога отражены, конечно, в научной продукции. Крупные течения археологии, несомненно, обусловлены не только накоплением фактов и логикой открытий, но и социальными сдвигами в окружении, которые воздействуют на археологов.

Однако научное познание отличается от других сфер творчества именно наличием дисциплинирующих его правил проверки и самопроверки, контроля и самоконтроля, его строгими методами, средствами вскрывать и ограничивать субъективный компонент и предвзятые идеи, все равно индивидуальные или коллективные. Теория, конечно, присутствует в фактах, а предвзятые идеи торчат у нас в головах, но дело как раз в том, что мы это сознаем. Мы ученые именно потому, что мы это сознаем и можем с этим справляться. И мы ученые в той степени, в которой мы можем справляться с этим. Единственная необходимая оговорка – это что для того, чтобы справиться с этим, нам не нужно знать каждую предвзятую идею и видеть ее корни (что в других отношениях было бы интересно), но мы нуждаемся в регулярном фильтрующем механизме, который показывает любые предвзятые идеи вообще.

3. Самоидентификация. Когда я читал свои лекции в Турку, я хотел сопоставить свой подход с подходом Ходдера. Имея в виду его «Чтение прошлого» (Reading the past) понимаемое как «Чтение памятников»), я назвал свою филологическую лекцию о гомеровском эпосе «Раскопки текста» (Digging the text), ибо к филологическому анализу «Илиады» я применил типично археологические методы (типификацию, стратификацию, корреляцию). Я должен признать, что это было не только противопоставление Ходдеру, но в то же время и поддержка его в некотором отношении, так как сопоставление двух отраслей было все-таки налицо. Хотя мой подход в этом случае был именно противоположным подходу Ходдера.

Из этих признаний может создаться впечатление, что моим главным оппонентом являлся Ян Ходдер. Эта иллюзия вызвана только аберрацией времени: его труды пришлось ближайшими по времени к моему курсу лекций, приведшему к публикации этой книги, так что я должен был подчеркивать разницу между нами (особенно мою критику писаний его герольдов Шэнкса и Тилли). Но Ходдер, как и Бинфорд, или Тэйлор, или Монтелиус, в широком смысле являются моими соратниками и оппонентами в равной мере. Это тем более, что в моей собственной системе теоретических взглядов имеются как согласия с идеями «новой археологии», «поведенческой археологии», постпроцессуальной археологии и т. д., так и оппозиция им.

Так что я должен признать, что нахожусь не только в оппозиции к Ходдеру, но и поддерживаю его, поскольку некоторые его идеи близки мне и равно важны также в моей собственной работе. Когда на заседании я резко критиковал молодого молдавского археолога за его типично постпроцессуальную диссертацию (его книга называлась «Археология свободы»), он возразил, что получил свои основные идеи от меня. Тогда я прочесал свое собственное творчество и обнаружил, что да, в нем были некоторые положения, которые сильно напоминали постпроцессуальную археологию. Еще в своей «Археологической типологии» (первое издание 1981 г., так что я не могу сказать, что она была сделана под влиянием Ходдера), да и в более ранних «Типах в культуре» (Клейн 1979б), где изложен доклад 1974 г., моя главная идея была, что невозможно, раздробив археологический материал на мелкие частицы, а затем, объединяя их с помощью корреляции, получить достоверные культурные типы с тем, чтобы на следующем шагу достичь культур. Я настаивал на том, что путь должен быть прямо противоположным – сначала ухватить смысл культур, за-

тем выделить в них типы и только затем разбить типы на признаки для проверки всей картины. Конечно, это была постпроцессуальная идея.

Потом я пришел к диалектике принципов, лежащих в основе всей археологии. Безусловно, это постпроцессуальная идея. Сначала я выступил с этим в 1993 г. в Первой мемориальной лекции памяти Кларка в Кембридже, которую я прочел по инициативе Яна Ходдера. Ходдер (ученик Кларка) был очень любезен вообще и выглядел чрезвычайно обрадованным успехом моего выступления. Теперь я понимаю, что содержание моей лекции действительно было способно обрадовать его.

Но постпроцессуальные идеи не определяют общего облика моего творчества. Также не определяют и структуралистские или постструктуралистские идеи, хотя и они присутствуют. Я уже указывал, что заимствовал некоторые идеи из марксизма, но еще весьма рано у меня выработался критический подход к его кардинальным порокам. В этом смысле моя позиция была постмарксистской. Однако этот негативный термин, как и все подобные (все пост-), не показывают ничего, кроме времени и отхода. Они не отражают моих собственных позитивных идей. То же и с постпроцессуализмом. Для постпроцессуализма это означает, что в его арсенале нельзя указать некую примечательную идею, которая была бы новой и определяющей. Это течение искало такие идеи, но тщетно. Контекстуализм? Ну, этот существовал раньше.

Когда я писал свои «Достижения и проблемы советской археологии» (1982, позже переделано в «Феномен советской археологии», 1993а), я назвал свою позицию «эшелонированной археологией», подразумевая, что путь археологического исследования должен быть методично поделен на последовательные шаги, ни один из которых не может быть опущен (я направил этот лозунг против преждевременных исторических выводов, тогда типичных для ряда советских археологов). Однако это ведь чересчур общая черта. Теперь, после работы над моими «Принципами археологии» (2001), я склонен называть свою систему взглядов Диалектической Археологией, ибо внутренние противоречия и парадоксы были той стороной исследуемого объекта, которую я всегда стремился открыть (начиная с «Археологических источников», 1978б, 1995а). Я знаю, что некоторые марксистские археологи на Западе уже называли свои работы Диалектической Археологией, но для меня марксизм и диалектика – разные вещи.

Однако ярлычок обычно навешивают противники или историографы. Было бы к чему навешивать.

Библиография

Авдеев Н. 1925. О научной обработке источников по истории РКП(б) и Октябрьской революции // Пролетарская революция. № 1. С. 150–159.

Айзенберг А. 1930–1931. Марксистская критика Риккертта или риккерттианская интерпретация марксизма // Проблемы марксизма. № 5–6. С. 48–64.

Акчурина И. А., Веденов М. Ф., Сачков Ю. В. 1968. Диалектическая противоречивость развития современного естествознания // Материалистическая диалектика и методы естественных наук / Под ред. М. Е. Омеляновского. М.: Наука. С. 43–69.

Амальрик А. С., Монгайт А. Л. 1957. Что такое археология. М.: Учпедгиз (3-е изд.: Просвещение, 1966).

Амальрик С. А., Монгайт А. Л. 1959. В поисках исчезнувших цивилизаций. М.: АН СССР (2-е изд.: Наука, 1966).

Аникович М. В. 1975. Первобытная археология – конкретная историческая наука (к постановке проблемы) // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.: Наука. С. 16–17.

Аникович М. В. 1988а. Место археологии в системе общественных наук // Актуальные философские и методологические проблемы археологии (Študijné Zvesti Archeologického ustavu Slovenskej Akadémie vied 25). Nitra. С. 73–78.

Аникович М. В. 1988б. Три уровня археологического исследования или три ступени исторического познания // Советская археология. № 4. С. 218–224.

Аникович М. В. 1989а. О месте археологии в системе общественных наук // Категории исторических наук. Л.: Наука. С. 73–98.

Аникович М. В. 1989б. Проблема определения археологии как науки в русской дореволюционной археологии // Историки об истории. Омск: Омский ун-т. С. 4–26.

Антипов Г. А. 1987. Историческое прошлое и пути его познания. Новосибирск: Наука.

Артамонов М. И. 1947. Археологические теории происхождения индоевропейцев в свете учения Н. Я. Марра // Вестн. Ленингр. ун-та. Вып. 2. С. 79–106.

Артамонов М. И. 1959. Предисловие к Трудам Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II // МИА. Вып. 75. М.: Изд-во АН СССР. С. 5–8.

Артановский А. С. 1967. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л.: Просвещение.

Арх. откp. 1974. – Археологические открытия 1973 г. М.: Наука.

Археологические экспедиции... 1962. – Археологические экспедиции ГАИМК и Ин-та археологии АН СССР 1919–1956 гг.: Указатель. М.: Изд-во АН СССР.

Археология с 1961. – Археология СССР. Свод археологических источников. М. (многотомное издание, выходит с 1961 г.): АН СССР.

Арциховский А. В. 1929. Новые методы археологии // Историк-марксист. № 14. С. 136–155.

Арциховский А. В. 1940. Введение в археологию. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Арциховский А. В. 1955. Основы археологии. М.: Госполитиздат.

Арциховский А. В., Киселев С. В., Смирнов А. П. 1932. Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии» // Сообщения ГАИМК. Вып. 1–2. С. 46–48.

Баженов Л. Б. 1968. Современная научная гипотеза // Материалистическая диалектика и методы естественных наук / Под. ред. М. Е. Омеляновского. М.: Наука. С. 294–321.

Баженов Л. Б. 1973. Строение и функции естественнонаучной теории // Синтез современного научного знания. М.: Наука. С. 390–420.

Баженов Л. Б. 1979. Строение естественнонаучной теории. М.

Барз М. А. 1984. Категории и методы исторической науки. М.: Наука.

Бауэр Е. Р. 1935. Теоретическая биология. М.: ВИЭМ.

Башилов В. А. 1978. Конференция по проблеме историзма археологии // Краткие сообщения ИИМК АН СССР. М. Вып. 152. С. 109–111.

Башилов В. А., Лооне Э. Н. 1986. Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии // Советская археология. № 3. С. 192–208.

Бем Ю. О. 1960. Научно-теоретическая конференция, посвященная 1100-летию Новгорода // Вопросы истории. № 1. С. 199–205.

Бернгейм Э. 1908. Введение в историческую науку. М.: Т-во М. Н. Прокопович.

Берталанфи Л. 1969. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем. М.: Наука. С. 23–82.

Библер В. С. 1969. Исторический факт как фрагмент действительности (Логические заметки) // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М.: Наука. С. 98–101.

Блок М. 1973. Апология истории. М.: Наука.

Бор Н. 1961. Атомная физика и человеческое познание. М. С. 15–26.

Борн М. 1955. Состояние идей в физике и перспективы их дальнейшего развития // Вопросы причинности в квантовой механике. М.: Изд-во иностр. лит. С. 102–121.

Боряз В. Н. 1975. Природа археологического источника и объект археологии как науки // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.: Наука. С. 6–11.

Боряз В. Н. 1976. Методологические предпосылки и принципы выделения объекта археологической науки // Материалистическая диалектика и частные науки. Л.: Наука. С. 185–216.

Боряз В. Н. 1988. Теория познания диалектического материализма – методологическая основа. Разработки гносеологических проблем археологии // Актуальные философские и методологические проблемы археологии (Študijné Zvesti Archeologického ustavu Slovenskej Akadémie vied 25). Nitra. С. 101–105.

Бочкарев В. С. 1973. К вопросу о структуре археологического исследования // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент: Фан. С. 56–60.

Бочкарев В. С. 1975. К вопросу о системе основных археологических понятий // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.: Наука.

Брюсов А. Я. 1954. Некоторые теоретические основы хронологии неолита // Советская археология. № XVIII. С. 13–48.

Брюсов А. Я., Зимица М. П. 1966. Каменные сверленные боевые топоры на территории европейской части СССР // Свод археологических источников. Е 4–4. М.: Наука.

Быковский С. Н. 1931. Методика исторического исследования (Образовательная библиотека ГАИМК. Вып. 2). Л.

Быковский С. Н. 1932а. К итогам Всероссийского археолого-этнографического совещания // Сообщения ГАИМК. Вып. 11–12. С. 8.

Быковский С. Н. 1932б. О предмете истории материальной культуры // Сообщения ГАИМК. Вып. 1–2. С. 3–5.

Бэкон Ф. 1977. О достоинстве и приумножении наук // Сочинения: В 2-х т. 2-е изд. Т. 1. М.: Мысль.

Викторова В. Д. 1975а. Археологический факт // Вопросы археологии Урала. № 13. С. 17–26.

Викторова В. Д. 1975б. Принцип предметно-практической деятельности как основание для систематизации археологических фактов // Новейшие открытия советских археологов. Киев: Наукова думка. Ч. 3. С. 18–19.

Викторова В. Д. 1988. [Замечания на статью Башилова и Лооне] // Советская археология. № 4. С. 224–226.

Викторова В. Д. 1989. Научный поиск в археологии. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та.

Виндельбанд Д. 1904. Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб.: Изд-во Д. Е. Жуковского.

Виппер Р. 1921. Кризис исторической науки. Казань: Госиздат. РСФСР Казан. отд-ние.

Витгенштейн Л. 1994. Философские работы (Феноменология. Герменевтика. Философия языка). М.: Гнозис.

Высоцкий Б. П. 1961. Проблема актуализма и униформизма и система методов в геологии // Вопросы философии. № 3. С. 134–145.

Гарден Ж.-К. 1983. Теоретическая археология. М.: Прогресс.

Гегель Г. В. Ф. 1935. Сочинения. Т. 8. М.; Л. (или: Гегель Г. В. Ф. 1970. Афоризмы // Работы разных лет в 2-х т. М.: Мысль. С. 530–562).

Генинг В. Ф. (отв. ред.). 1980. Теория и методы археологических исследований. Киев: Наукова думка.

Генинг В. Ф. 1975а. Объект и предмет археологии // Новейшие открытия советских археологов. Ч. III. Киев. [Ин-т археологии АН УССР]. С. 14–17.

Генинг В. Ф. 1975б. Специфический предмет и некоторые актуальные задачи современной археологии // Вопросы археологии Урала. № 13. С. 5–16.

Генинг В. Ф. 1982а. Проблема теоретизации научного знания в археологии // Новые методы археологических исследований / Под ред. В. Ф. Генинга. Киев: Наукова думка. С. 6–22.

Генинг В. Ф. 1982б. Структура системы археологического знания (К вопросу о методологическом анализе уровней знания в археологии) // Методологические и методические вопросы археологии. Киев: Наукова думка. С. 5–47.

Генинг В. Ф. 1983. Предмет и объект в археологии. Киев: Наукова думка.

Генинг В. Ф. 1985. Теоретическое знание в археологии // Методологические проблемы общественных наук. Киев: Наукова думка. С. 6–22.

Генинг В. Ф. 1989а. Археология – целостная научная система или «дилетантские вылазки» и «полуфабрикат знания»? // Советская археология. № 3. С. 215–228.

Генинг В. Ф. 1989б. Структура археологического познания. Проблемы социально-исторического исследования. Киев: Наукова думка.

Герасимов Л. Г. 1972. Научное исследование. М.: Политиздат.

Герц Г. 1980. К вопросу о единстве физики и единых физических теориях // Физическая теория / Под ред. И. А. Акчурина. М.: Наука. С. 179–209.

Гиро П. 1898. Фюстель де Куланж. М.: Т-во И. Н. Кушнарев.

Городцов В. А. 1908. Первобытная археология. М.: Печатня Снегиревской.

Горский Д. П. 1974. Определение (логико-методологические проблемы). М.: Мысль.

Греков Б. Д. 1953. История // Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. М., Т. 19. С. 24–33.

Григорьев Г. П. 1973. О предмете археологии // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент: Фан. С. 41–43.

Григорьев Г. П. 1981. О предмете археологии // Описание и анализ археологических источников. Иркутск: Иркут. ун-т. С. 3–5.

Грузинский К. К. 1902. Археология и история // Древний мир (Павловск, Петерб. губ.). № 2. С. 21–27.

Грушин Б. А. 1961. Очерки логики исторического развития. М.: Высшая школа.

Гулыга А. В. 1969. История как наука // Философские проблемы исторической науки. М.: Наука. С. 7–50.

Гумилев Л. Н. 1989. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та.

Гуревич А. Я. 1969а. Об исторической закономерности // Философские проблемы исторической науки. М.: Наука. С. 51–79.

Гуревич А. Я. 1969б. Что такое исторический факт? // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М.: Наука. С. 59–88.

Дайсон Ф. Дж. 1967. Математика в физических науках // Математика в современном мире. М.: Мир. С. 111–128.

Даниленко В. Н. 1969. Неолит Украины. Киев: Наукова думка.

Данилов А. И. 1963. Марксистско-ленинская теория отражения и историческая наука // Средние века. Вып. 24. М. С. 3–23.

Дикийт С. К. 1960. Введение в археологию. М.: Изд-во иностр. лит. (перев. с ориг. 1952).

Диринг М. Ф. 1987. Архитектура машин для искусственного интеллекта // Реальность и прогнозы искусственного интеллекта. М.: Мир. С. 209–230.

Дорошенко Н. М. 1968. К вопросу о характере исторического знания // Проблемы философии и социологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. С. 24–29.

Дорошенко Н. М. 1971. К проблеме факта в историческом познании // Методологические вопросы общественных наук. Вып. 2. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. С. 34–41.

Дынин Б. С. 1972. К вопросу о характере проблем методологии // Философия. Методология. Наука / Под ред. В. А. Лекторского. М.: Наука. С. 45–69.

Ерофеев Н. А. 1976. Что такое история. М.: Наука.

Жебелев С. А. 1923. Введение в археологию. Пг.: Наука и жизнь. Ч. 2. Теория и практика археологического знания.

Забелин И. Е. 1878. В чем заключаются основные задачи археологии как самостоятельной науки? // Труды III Археологического съезда. Т. I. С. 1–17.

Замятнин С. Н. 1951. О локальных различиях в культуре палеолитического периода // Труды Ин-та этнографии (нов. серия). XVI. М. С. 89–152.

Захарук Ю. Н. 1969. О методологии археологической науки и ее проблемах // Советская археология. № 3. С. 11–20.

Захарук Ю. Н. 1970а. Ленинское теоретическое наследие и археологическая наука // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.: Наука. С. 7–16.

Захарук Ю. Н. 1970б. Ленинское теоретическое наследие и некоторые вопросы развития археологической науки // Советская археология. № 2. С. 8–17.

Захарук Ю. М. [Ю. Н.] 1970в. Деякі методологічні питання археологічної науки // Археологія (Київ). № 24. С. 3–11.

Захарук Ю. М. [Ю. Н.] 1971а. До розробки теоретичних основ археології // Археологія. № 2. С. 8–17.

Захарук Ю. Н. 1971б. К вопросу о теоретических основах археологии // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Археологические секции (дополн. вып.). Тбилиси: АН СССР, АН ГССР. С. 45–48.

Захарук Ю. Н. 1973. К вопросу о содержании и структуре археологической теории // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент: Фан. С. 43–46.

Захарук Ю. Н. 1975. К вопросу о предмете и процедуре археологического исследования // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.: Наука. С. 4–6.

Захарук Ю. Н. 1977. О понятии «факт» в археологической науке // Советская археология. № 4. С. 30–40.

Захарук Ю. Н. 1978а. Археология или первобытная археология? (по поводу концепции первобытной археологии А. Н. Рогачева) // Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР (Москва). Вып. 152. С. 23–33.

Захарук Ю. Н. 1978б. Спорные вопросы объекта и предмета археологии // Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР (Москва). Вып. 152. С. 7–17.

Захарук Ю. Н. 1983. Об одной концепции археологического источниковедения // Советская археология. № 3. С. 72–81.

Захарук Ю. Н. 1989. Археология: наука историческая или источниковедческая? // Советская археология. № 3. С. 207–214.

Захарук Ю. Н. 1992. К дискуссии о статусе археологии // Российская археология. № 4. С. 97–101.

Звегинцев В. А. 1967. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Просвещение.

Зотов А. Ф. 1973. Структура научного мышления. М.: Политиздат.

Иванов Г. М. 1962. Своеобразие процесса отражения действительности в исторической науке // Вопросы истории. № 12. С. 73–87.

Иванов Г. М. 1963. К вопросу о своеобразии исторического познания // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск: Изд-во Томск. у-та. С. 12–17.

Иванов Г. М. 1973а. Гносеологические вопросы источниковедения // Философские науки. № 3. С. 25–33.

Иванов Г. М. 1973б. Исторический источник и историческое познание (методологические аспекты). Томск: Изд-во Томск. ун-та.

Ирибаджаков Н. 1972. Клио перед судом буржуазной философии. М.: Прогресс.

Историзм 1976. Историзм археологии: методологические проблемы. Конференция: Тезисы докладов (Отделение истории АН СССР). М.: Наука.

История и социология. 1964. М.: Наука.

Источниковедение 1969. Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М.: Наука.

Итина М. А. 1954. К вопросу об отражении общественного строя в погребальном обряде первобытных народов // Советская этнография. № 3. С. 63–68.

Каменеуцкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. 1975. Анализ археологических источников. (Возможности формализованного подхода). М.: Наука.

Кедров Б. М. 1966. О диалектике научных открытий // Вопросы философии. № 12. С. 26–37.

Келле Ж., Ковальзон М. Я. 1966. К вопросу о классификации общественных наук // Методологические вопросы общественных наук. М.: Изд-во Моск. ун-та. С. 40–57.

Кипарисов Ф. В. 1933. Вещь – исторический источник // Известия ГАИМК. Вып. 100. С. 3–22.

Киселев С. В. 1955. О недостатках и новых задачах в изучении бронзового века // Против вульгаризации марксизма в археологии. М.: Изд-во АН СССР. С. 129–140.

Классификация 1990. – Классификация в археологии: Терминологический словарь-справочник. М.: Ин-т археологии АН СССР.

Клейн Л. С. 1955. Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР // Советская археология. № XXII. С. 257–272.

Клейн Л. С. 1967. Глазами Шерлока Холмса // Знание – сила. № 12. С. 15–17.

Клейн Л. С. 1968. Происхождение Донецкой катакомбной культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: Ленингр. отд-ние Ин-та археологии АН СССР.

Клейн Л. С. 1969. К постановке вопроса о происхождении славян // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. С. 21–35.

Клейн Л. С. 1970. Проблема определения археологической культуры // Советская археология. № 2. С. 37–51.

Клейн Л. С. 1972а. О приложимости идей кибернетики к построению общей теории археологии // Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М. С. 14–16.

Клейн Л. С. 1972б. Рец. на кн.: Studies in Ancient Europe. Essays presented to Stuart Piggott. Edit. by Coles J. N. and Simpson D. D. A. Leicester, 1968 // Советская археология. № 3. С. 385–389.

Клейн Л. С. 1973а. Археологические признаки миграций // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук в Чикаго, 1973: Доклады советской делегации. М.: Наука.

Клейн Л. С. 1973б. Метаархеология на Западе // Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент: Фан. С. 49–52.

Клейн Л. С. 1974в. Рец. на кн.: Hasemann R. Goten und Skandinavien. Berlin, 1970 // Советская археология. № 3. С. 278–284.

Клейн Л. С. 1975а. К разработке процедуры археологического исследования // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л. С. 42–44.

Клейн Л. С. 1975б. Проблема смены культур в современных археологических теориях // Вестн. Ленингр. ун-та. Вып. 8. С. 95–103.

Клейн Л. С. 1976. Археология и преистория в системе И. Рауза // Советская археология. № 1. С. 306–315.

Клейн Л. С. 1977а. К оценке эмпиризма в современной археологии // Проблемы археологии и этнографии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. С. 13–20.

Клейн Л. С. 1977б. Понятие типа в современной археологии // Типы в культуре. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. С. 50–74.

Клейн Л. С. 1977в. Предмет археологии // Археология Южной Сибири (Известия кафедры археологии Кемеровского ун-та. Вып. 9). Кемерово: Изд-во Кемеровского ун-та. С. 3–14.

Клейн Л. С. 1978а. Археологическая теория (проблема статуса и дефиниции) // Проблемы археологии. № 2. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. С. 8–17.

Клейн Л. С. 1978б. Археологические источники. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. (нов. расшир. изд.: СПб.: Фарн, 1995).

Клейн Л. С. 1978в. Три процедуры археологического исследования // Вопросы археологии Урала. № 14. С. 15–24.

Клейн Л. С. 1979а. Понятие типа в современной археологии // Типы в культуре / Под ред. Л. С. Клейна. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. С. 50–74.

Клейн Л. С. 1979б. Теории в археологии // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука. С. 30–39.

Клейн Л. С. 1980. Структура археологической теории // Вопросы философии. № 2. С. 99–115.

Клейн Л. С. 1981а. О языке вещей // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та. С. 16–18.

Клейн Л. С. 1981б. Проблема смены культур и теория коммуникации // Количественные методы в гуманитарных науках. М.: Изд-во Моск. ун-та. С. 18–23.

Клейн Л. С. 1982. Введение в специальность // Программа спецкурсов по археологии и этнографии. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та. С. 3–7.

Клейн Л. С. 1986. О предмете археологии // Советская археология. № 3. С. 209–219.

Клейн Л. С. 1988. Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу // Советская этнография. № 4. С. 13–23.

Клейн Л. С. 1991а. Археологическая типология. Л.: АН СССР.

Клейн Л. С. 1991б. Рассечь кентавра. О соотношении археологии с историей в советской традиции // Вопросы истории естествознания и техники (Москва). № 4. С. 3–12.

Клейн Л. С. 1991в. Языческий подход к лингвистике // Советское славяноведение (Москва). № 4. С. 88–92.

Клейн Л. С. 1992. Методологическая природа археологии // Российская археология (Москва). № 4. С. 86–96.

Клейн Л. С. 1993. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн.

Клейн Л. С. 1995а. Археологические источники. 2-е изд. СПб.: Фарн.

Клейн Л. С. 1995б. Парадигмы и периоды в истории отечественной археологии: Рец. на кн. Г. С. Лебедева // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. С. 173–183.

Клейн Л. С. 1997. Культурно-исторический процесс и теория коммуникации // Грани культуры. Тезисы докладов и выступлений. СПб.: б. и. С. 107–110.

Клейн Л. С. 1998. Змей с хоботом (Фольклор и этнография в работе археолога) // Памятники старины: открытия, концепции, версии. СПб.: ИИМК РАН; Псков: Псковский музей. Т. I. С. 289–296.

Клейн Л. С. 1999. Миграция: археологические признаки // Стратум плюс. СПб.; Кишинев; Одесса. № 1. С. 52–71.

Клейн Л. С. 2001. Принципы археологии. СПб.: Бельведер.

Клейн Л. С., Миняев С. С., Пиотровский Ю. Ю., Хейфец О. И. 1970. Дискуссия об археологической культуре в Проблемном семинаре Ленинградского университета // Советская археология. № 2. С. 298–302.

Ключевский В. О. 1968. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Наука.

Ковалевская В. Б. 1970. К изучению орнаментики наборных поясов VI–IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука. С. 144–145.

Коллингвуд Р. Дж. 1980. Идея истории. Автобиография. М.: Прогресс.

Колпаков Е. М. 1988. Проблема специфичности понятия «археологические источники» // Категории исторических наук. Л.: Наука. С. 99–114.

Колпаков Е. М. 1992. Теория археологической классификации. СПб.: б. и.

Колпаков Е. М., Вишняцкий Л. Б. 1993. Современная советская теоретическая археология // Археологические вести. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. Вып. 1. С. 3–20.

Колчин Б. А., Маршак Б. И., Шер Я. А. 1970. Археология и математика // Статистико-комбинаторные методы в археологии / Под ред. Б. А. Колчина, Я. А. Шера. М.: Наука. С. 3–7.

Кон И. С. 1962. История // Философская Энциклопедия. М. Т. 2. С. 368–376.

Кон И. С. 1969. К спорам о логике исторического объяснения (схема Поппера–Гемпеля и ее критики) // Философские проблемы исторической науки. М.: Наука. С. 263–295.

Конт О. 1900. Курс положительной философии. Т. II. СПб.

Копнин П. В. 1966. Введение в марксистскую гносеологию. Киев: Наукова думка.

Копнин П. В., Попович М. В. 1968. Проблемы диалектической логики в их связи с естествознанием // Омеляновский М. Е. (отв. ред.). Материалистическая диалектика и методы естественных наук. М.: Наука. С. 70–104.

Косолапов В. В. 1964. Гносеологична природа наукового факту. Київ: Наукова думка.

Косолапов В. В. 1965. Факт как основание научного знания // Логика научного исследования. М.: Наука. С. 45–67.

Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. 1935. Родовое общество степей Восточной Европы // Известия ГАИМК. Вып. 119. М.; Л.

Кудилова Е. А. 1972. Философские проблемы в современной психологии. М.: Наука.

Кузнецов И. В. 1948. Принцип соответствия в современной физике и его философское значение. М.; Л.: Гостехиздат.

Ланглау Ш. В., Сеньбос Ш. 1899. Введение в изучение истории. СПб.: О. Н. Попова.

Лаппо-Данилевский А. С. 1910–1911. Методология истории. Вып. I–II. СПб.: студенч. издат. комитет при истор.-филол. ф-те СПб. ун-та.

Лебедев Г. С. 1973. Отражение социальной структуры в археологических материалах // Философия, история, современность. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. С. 55–63.

Лебедев Г. С. 1992. История отечественной археологии. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та.

Ленин В. И. 1908/1961. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 18. М.: Госполитиздат.

Лихачев Д. С. 1962. Текстология. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Лооне Э. Н. 1973. Об уровнях исторического знания и познания // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 301 (Труды по философии. Вып. 16).

- Лооне Э. Н.* 1980. Современная философия истории. Таллин: Ээсти раамат.
- Лысенко Т. Д.* 1948. О положении в биологической науке // Стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ. М.: Архив ВАСХНИЛ.
- Ляпушкин И. И.* 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА. Вып. 52. Л.: Наука.
- Маркарян Э. С.* 1969. Очерки теории культуры. Ереван: Изд-во АН АрмССР.
- Марков Б. В.* 1983. Критика буржуазной «философии науки». Л.: Знание.
- Марков Б. В.* 1984. Проблема обоснования и проверяемости теоретического знания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та.
- Марковин В. И.* 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы // МИА. Вып. 93. М.: Изд-во АН СССР.
- Маркс К.* 1857-58/1958. Из рукописного наследства К. Маркса. Введение. (Из экономических рукописей 1857–1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Госполитиздат. Т. 12. С. 709–738 (или Т. 46. Ч. 1. 1968. С. 17–48).
- Маркс К.* 1868/1964. Письмо Людвигу Кегельману 11 июля 1868 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Госполитиздат. Т. 33. С. 175.
- Маркс К.* 1974. Экономически-философские рукописи 1844 года. Коммунизм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. Т. 42. С. 113–127.
- Маркс К., Энгельс Ф.* 1955. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Госполитиздат. Т. 3. С. 7–544.
- Мартынов А. И., Шер А. Я.* 1989. Методы археологического исследования. М.: Высшая школа (2-е изд. 2002).
- Массон В. М.* 1964. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.: Наука.
- Массон В. М.* 1966. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества // Доклады и сообщения археологов СССР (VII Международный конгресс преисториков и протоисториков). М. С. 150–166.
- Массон В. М.* 1973. Археология за бортом гуманитарии // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований в СССР в 1972 г. Ташкент: Фан. С. 46–49
- Массон В. М.* 1976. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука.
- Массон В. М.* 1978. Системный подход и исследование палеоэкономических структур // Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР (Москва). Вып. 152. С. 30–36.
- Матюхин А. Е.* 1976. Об источниках, роли и типах объяснения в первобытной археологии // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.: АН СССР, ЛОИА. С. 18–23.

Мегрелидзе К. Р. 1935. Н. Я. Марр и философия марксизма // Проблемы истории доклассовых обществ. Вып. 3–4. С. 70–89.

Мейен С. В. 1978. О наиболее общих принципах реконструкции в геологии // Известия АН СССР. Сер. геол. наук. Вып. 11. С. 79–91.

Мейер Э. 1904. Теоретические и методологические вопросы истории. Философско-исторические исследования. М.: Типогр. т-ва И. Д. Сытина (2-е изд. 1911: Типогр. Г. Лисснера и Э. Собко).

Мельников Г. П. 1967. Азбука математической логики. М.: Знание.

Мерзон Л. С. 1968. К вопросу о гносеологической природе фактов науки // Ученые записки Ленингр. Педагогического ин-та им. Герцена. Т. 365. Л. С. 3–25.

Милль Дж. Ст. 1914. Система логики силлогической и индуктивной. 2-е изд. М.: Г. А. Леман.

Миронов Б. Н., Степанов З. В. 1975. Историк и математика. Л.: Наука.

Монгайт А. С. 1949. Американская археология на службе империализма // Вопросы истории. № 5. С. 97–104.

Монгайт А. С. 1955. Археология в СССР. М.: АН СССР.

Монгайт А. Л. 1967. Археологические культуры и этнические общности // Народы Азии и Африки. № 1. С. 53–65.

Монтень М. 1996. Опыты. В 3-х кн. М.: Терра.

Морган Л. Г. [Л. Х.] 1934. Древнее общество. Л.: Ин-т народов севера (ориг. 1877).

Мостепаненко М. В. 1972. Философия и методы научного познания. Л.: Лениздат.

Налимов В. В. 1993. В поисках иных смыслов. М.: Прогресс.

Нарский И. С. 1961. Современный позитивизм. М.: АН СССР.

Никитин Е. П. 1966. Метод познания прошлого // Вопросы философии. № 8. С. 34–44.

Никитин Е. П. 1970. Объяснение – функция науки. М.: Наука.

Никонов В. А. 1965. Введение в топонимику. М.: Наука.

Ньютон И. 1954. Оптика. 2-е изд. М.: Гостехиздат (ориг. 1730).

Обермайер Г. 1913. Доисторический человек. СПб.: Брокгауз–Ефрон.

Овчинников Н. Ф. 1968. Методическая функция философии в естествознании // Материалистическая диалектика и методы естественных наук / Под ред. М. Е. Омеляновского. М.: Наука. С. 9–42.

Оноприенко В. И. 1976. Логика процедуры ретросказания в геологии // Методология геологических исследований. Владивосток: Дальневосточный научный центр АН СССР. С. 154–167.

Печенкин А. А. 1972. Функции научной теории // Философия. Методология. Наука. М.: Наука. С. 202–218.

Печенкин А. А. 1973. Проблема симметрии предсказания и объяснения // Вопросы философии. № 2. С. 167–174.

Плеханов Г. В. 1957. 1957. О книге Риккерта // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М.: Госполитиздат. Т. 3. С. 508–515.

Попов П. В. (ред.). 1972. Методологические основы научного познания. М.: Высшая школа.

Попович М., Садовский В. 1970. Теория // Философская энциклопедия. Т. 5. М.: Советская Энциклопедия. С. 205–207.

Пронштейн А. П. 1971. Методика исторического исследования. Ростов: Изд-во Ростовск. ун-та.

Пронн В. Я. 1962. Об историзме русского эпоса // Русская литература. № 2. С. 87–91.

Пушкарев Л. Н. 1970. Исторический источник в свете ленинской теории отражения // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М.: Наука. С. 64–84.

Пушкарев Л. Н. 1975. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука.

Равдоникас В. И. 1930. За марксистскую историю материальной культуры // Известия ГАИМК (Ленинград). Т. 7. Вып. 3–4.

Равдоникас В. И. 1939. История первобытного общества. Ч. 1. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та.

Радилюловский В. В. 1985. К вопросу о построении научной теории в археологии // Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск: Наука. С. 16–23.

Ракитов А. И. 1964. Статистическая интерпретация факта и роль статистического метода в построении эмпирического знания // Проблемы логики научного познания. М.: Наука. С. 375–407.

Ракитов А. И. 1969. К вопросу о структуре исторического исследования // Философские проблемы исторической науки. М.: Наука. С. 169–178.

Ракитов А.И. 1971. Курс лекций по логике науки. М.: Высшая школа.

Ракитов А.И. 1982. Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М.: Политиздат.

Регирер Е. И. 1966. О профессии исследователя в точных науках. М.: Наука.

Риккерт Г. 1903. Границы естественно-научного образования понятий. Введение в исторические науки. СПб.: Типогр. Е. Д. Кускова.

Рогачев А. Н. 1975. О предмете и методе первобытной археологии // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.: Наука. С. 11–14.

Рогачев А. Н. 1978. О предмете и методе первобытной археологии // Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР (Москва). Вып. 52. С. 17–23.

Рузавин Г. И. 1978. Научная теория. Логико-методологический анализ. М.: Мысль.

Рыбаков Б. А. 1946. Археологические источники русской истории // Краткие сообщения ИИМК (Москва). Вып. 13. С. 181–182.

Рыбаков Б. А. 1957. О корпусе археологических источников (тезисы доклада на пленуме ИИМК АН СССР в марте 1957 г.). М.: АН СССР.

Рыбаков Б. А. 1967. Археология // Октябрь и научный прогресс. М.: Изд-во АПН. Т. 2. С. 575–595.

Рыбаков Б. А. 1968. Советская археология за 50 лет // Вопросы истории. № 1. С. 28–37.

Рыбаков Б. А. 1978. Историзм археологии // Краткие сообщения ИИМК АН СССР (Москва). Вып. 152. С. 5–6.

Саар Г. П. 1930. Источники и методы исторического исследования. Баку: Изд-во АзГНИИ.

Садовский В. Н. 1965. Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы // Социология в СССР. Т. I. М.: Мысль. С. 164–192.

Сафронов В. А. 1970. Хронология памятников II тыс. до н. э. юга Восточной Европы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т археологии АН СССР.

Семенов С. А. 1957. Первобытная техника // МИА. Вып. 54. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Сеньобос Ш. 1902. Исторический метод в приложении к социальным наукам. М.: Т-во типогр. А. И. Мамонтова.

Сержантов В. Ф. 1972. Введение в методологию современной биологии. Л.: Наука.

Симпсон Дж. Г. 1983. Великолепная изоляция: История млекопитающих Южной Америки. М.: Мир.

Сов. арх. лит. 1959–1989. – Советская археологическая литература. Библиография. М.; Л. (с 1969 Л.): Наука. За годы 1918–1940 (1965); 1941–1957 (1959);

1958–1962 (1969); 1963–1967 (1975); 1968–1972 (1980); 1973–1975 (1983); 1976–1979 (1986); 1980–1982 (1989).

Соколов Э. В. 1972. Культура и личность. Л.: Наука.

Соммервилл Дж. 1960. Что отличает науку от других форм знания // Соммервилл Дж. Избранное. М.: Прогресс. С. 155–190.

Стефанов Н. 1961. По вопросу за предмета, метода и границите на археологическата и историческата наука // Известия на Института по философия. София. С. 167–198.

Тайлор Э. 1989. Первобытная культура. Л.: Госполитиздат.

Титов В. С. 1982. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М.: Наука. С. 89–145.

Тихомиров М. Н. 1962. Источниковедение истории СССР. Вып. 1. М.: Изд-во соц.-экон. лит.

Третьяков П. Н. 1962. Рец. на кн. Е. И. Горюновой «Этническая история Верхне-Окского междуречья» // Советская археология. № 4. С. 258–269.

Третьяков П. Н. 1966. Основные итоги работ Верхнеднепровской археологической экспедиции // Древности Белоруссии / Под ред. В. Ф. Исаенко, А. Г. Митрофанова, Г. В. Штыхова. Минск: Ин-т истории АН БССР. С. 114–126.

Файнберг Е. Л. 1988. Нильс Бор // Нильс Бор и наука XX века. Киев: Наукова думка. С. 27–37.

Фарсобрин В. В. 1983. Источниковедение и его метод. Опыт анализа понятий и технологии. М.: Наука.

Федосеев П. Н., Францев Ю. П. 1964. О разработке методологических вопросов истории // Вопросы истории. № 3. С. 4–22.

Фелдман Дж. А. 1987. Сетевые модели // Реальность и прогнозы искусственного интеллекта. М.: Мир. С. 137–147.

Филин Ф. П. 1972. Происхождение русского, белорусского и украинского языков. Л.: Наука.

Форд Д. А. 1962. Количественный метод установления археологической хронологии // Советская этнография. № 1. С. 32–43.

Формозов А. А. 1961. Очерки по истории русской археологии. М: Изд-во АН СССР.

Формозов А. А. 1977. О критике источников в археологии // Советская археология. № 1. С. 5–14.

Франк Ф. 1960. Философия науки. М.: Прогресс.

Французова Н. П. 1972. Исторический метод в научном познании. М.: Мысль.

Фролов И. Т. 1968. Система методов биологического исследования // Материалистическая диалектика и методы естественных наук / Под ред. М. Е. Омеляновского. М.: Наука. С. 132–170.

Фрумкина Р. М. 1965. Понимание текста в условиях ограниченного знания словаря // Научно-техническая информация. № 4. С. 44–48.

Фрумкина Р. М., Добрович П. 1971. Как лузировать Сименона? // Знание – сила. № 1. С. 31–37.

Фуко М. 1977. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс.

Фюстель де Куланж Н. Д. 1907. История общественного строя древней Франции. Т. 3. Франкская монархия. СПб.: Т-во И. Н. Кушнарв.

Харвей Д. 1974. Научное объяснение в географии. М.: Прогресс.

Хинтон Дж. Е. 1987. Обучение в параллельных сетях // Реальность и прогнозы искусственного интеллекта. М.: Мир. С. 124–136.

Хьюит К. 1987. Открытые системы // Реальность и прогнозы искусственно-го интеллекта. М.: Мир. С. 85–102.

Чайлд В. Г. 1957. Археологические документы по предыстории науки // Вестн. истории мировой культуры. Вып. 1. С. 24–42.

Шахматов А. А. 1916. Повесть временных лет. Ч. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг.: Изд-во Импер. Археологической Комиссии.

Шацкий Н. С. и др. 1951. К вопросу о периодизации осадкообразования и о методе актуализма в геологии // Шацкий Н. С. 1965. Избранные труды. Т. 4. М.: Наука. С. 85–101.

Шер Я. А. 1966. Типологический метод в археологии и статистика // 7-й Международный конгресс доисториков и протоисториков: Доклады и сообщения археологов СССР. М. С. 253–266.

Шер Я. А. 1970. Интуиция и логика в археологическом исследовании (к формализации типологического метода археологии) // Колчин Б. А., Шер Я. А. (ред.) Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука. С. 8–24.

Шер Я. А. 1972. Некоторые вопросы теоретической археологии // Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М. С. 401–405.

Шер Я. А. 1973. К характеристике структуры общей археологии // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент: Фан. С. 53–56.

Шер Я. А. 1976. Методологические вопросы археологии // Вопросы философии. № 10. С. 67–79.

Шер Я. А. 1983. Вступительная статья // Гарден Ж.-К. Теоретическая археология. М.: Прогресс. С. 5–28.

Шер Я. А. 1985. К характеристике понятия «археологический факт» // Проблемы реконструкций в археологии / Под ред. Р. С. Васильевского, Ю. П. Холушкина. Новосибирск: Наука. С. 5–16.

Шлёцер А. Л. 1809. Нестор. Русские рукописи на древлеславянском языке. Сличенные, переведенные и объясненные А. Л. Шлёцером. Часть I. СПб.

Штофф В. А. 1960. Введение в методологию научного познания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та (2-е изд. 1972).

Эйнштейн А. 1965. Физика и реальность // Эйнштейн А. Физика и реальность: Сб. статей. М.: Наука. С. 38–60.

Эйнштейн А. 1967. Собрание научных трудов: В 4-х т. М.: Наука. Т. 4. С. 181–186.

Энгельс Ф. 1873–83/1961. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Госполитиздат. Т. 20. С. 339–756.

Янин А. Л. 1963. Принцип актуализма и проблема эволюции геологических процессов // Пути и методы познания закономерностей развития земли: Тезисы докладов на объединенной теоретической конференции философских (методологических) семинаров научных учреждений АН СССР. М. С. 1–2.

A dialogue 1994. A dialogue between Iain Mackensie and Michael Shanks. Archaeology: theories, themes and experience // Mackensie I. M. (ed.). Archaeological theories: progress or posture? Avebury: Addershot et al. P. 19–40.

Adams W. Y. 1968. Invasion, diffusion, evolution? // Antiquity. № 42. P. 194–215.

Adams W. Y. 1973. The archaeologist as detective // Lathrap D. W., Douglas J. (eds.). Variation in anthropology: Essays in honor of John C. McGregor. Ann Arbor, Mich.: Braun-Brunfield. P. 17–29.

Adams W. Y. 1988. Archaeological classification: theory versus practice // Antiquity. № 62. P. 40–56.

Arnau F. 1960. Kunst der Fälscher, Fälscher der Kunst. 3 000 Jahren Betrug mit Antiquitäten. 3. Aufl. Düsseldorf: Econ.; 1964, München; Zürich: Droemerische Verl., Knaur (transl. to Engl.: Arnau F. 1961. Three thousand years of deception in art and antiquities. London: Jonathan Cape).

Ascher R. 1961. Analogy in archaeological interpretation // Southwestern Journal of Anthropology. Vol. 17. P. 317–325 (repr. in: Deetz J. (ed.). Man's imprint from the past. Boston: Little, Brown and C°. P. 262–271).

Ascher R. 1961. Experimental archaeology // American Anthropologist. Vol. 63. № 4. P. 793–816.

Ascher R. 1962. Ethnography for archaeology: a case from the Seri Indians // Ethnology. № 1. P. 360–369.

Atkinson R. F. 1978. Knowledge and explanation in history. An introduction to the philosophy of history. London et al.: MacMillan Press.

Atkinson R. J. 1965. Review of Pyddoke's book // Antiquity. № 156. P. 320.

Atkinson R. J. C. 1975. British prehistory and the radiocarbon revolution // Antiquity. Vol. 49. № 195. P. 173–177.

Austin D. 1987. The future of archaeology in British universities // Antiquity. Vol. 61. № 232. P. 227–238.

Barich B. E. 1977–1982. Archeologia Theoretica // Origini. № XI (Roma). P. 7–44.

Bayard D. 1978. 15 Jahre «New archaeology»: Eine kritische Übersicht // Saeculum. Vol. XXIX. № I. S. 69–109.

Becker C. L. 1958. What are historical facts? // Becker C. L. Detachment and the writing of history: Essays and letters. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press. P. 41–64.

Berelson B., Steiner G. A. 1964. Human behavior: An inventory of scientific findings. N. Y.: Harcourt, Brace & World.

Bernbeck R. 1997. Theorien in der Archäologie. Tübingen; Basel: A. Francke.

Bertalanffy L. von. 1932. Theoretische Biologie. Bd. I. Berlin: Borntraeger; Bern: Francke.

Beurlen K. 1935. Bedeutung und Aufgabe geologischer Forschung. I. Zur Kritik des Aktualismus // Zeitschrift für gesamte Naturwissenschaft. H. 1–2. S. 23–36.

Bidney D. 1953. Theoretical Anthropology. N. Y.: Columbia University Press.

Binford L. R. 1962/1968. Archeological perspectives // Binford S. R., Binford L. R. (eds.). New perspectives in archeology. Chicago: Aldine. P. 5–32.

Binford L. R. 1962. Archaeology as anthropology // American Antiquity. Vol. 28. № 2. P. 217–225.

Binford L. R. 1964. A consideration of research design // American Antiquity. № 29. P. 425–441.

Binford L. R. 1965. Archaeological systematics and the study of culture process // American Antiquity. № 31. P. 203–210.

Binford L. R. 1967a. Smudge pits and hide smoking: The use of analogy in archaeological reasoning // American Antiquity. Vol. 32. № 1. P. 1–12.

Binford L. R. 1967b. Some comments on Historical vs. Processual archeology // Southwestern Journal of Anthropology. № 24. P. 267–275.

Binford L. R. 1968. Archaeological perspectives // Binford S. R., Binford L. R. (eds.). *New perspectives in archaeology*. Chicago: Aldine. P. 5–32.

Binford S. R., Binford L. R. (eds.). 1968. *New perspectives in archeology*. Chicago: Aldine.

Binford L. R. 1968/1972. Rev. of «A guide to field methods in archeology» by R. F. Heizer and J. A. Graham // *American Anthropologist*. № 70. P. 806–808 (quot. from reprint in L. R. Binford. *An archaeological perspective*. N. Y.; London: Seminar Press, 1972. P. 182–184).

Binford L. R. 1972. *An archaeological perspective*. N. Y.; London: Seminar Press.

Binford L. R. 1977. *For theory building in archaeology*. N. Y. et al.: Academic Press.

Binford L. R. 1978. *Nunamiut ethnoarchaeology*. N. Y. et al.: Academic Press.

Binford L. R. 1982. Objectivity – explanation – archaeology 1981 // Renfrew A. C. et al. (eds.). *Theory and explanation in archaeology*. N. Y.: John Wiley & Sons. P. 125–138.

Binford L. R. 1983/1988. *In pursuit of the past. Decoding the archaeological record*. London: Thames and Hudson.

Binford L. R. 1989a. Data, relativism, and archaeological science (1987) // Binford L. R. *Debating archaeology*. San Diego et al.: Academic Press. P. 55–57.

Binford L. R. 1989 b. *Debating archaeology*. San Diego et al.: Academic Press.

Binford S. R., Binford L. R. 1968. *Archeological theory and method* // Binford S. R., Binford L. R. (eds.). *New perspectives in archeology*. Chicago: Aldine. P. 1–3.

Boüard M. de. 1982. Archéologie et archéométrie. Quelques réflexions // *Archéologie médiévale*. T. XII. P. 7–15.

Boucher de Perthes J. 1863. *Sous dix rois, souvenirs de 1791 a 1860*. Paris: Jung-Treuttel. Vols. 1–2.

Brøndsted J. 1938. *Danmarks oldtid*. Bd. I. København, Gyldendal, Nordisk vorlag (transl. to Germ.: *Nordische Vorzeit*. Bd. I. Neumünster, Wachholtz, 1960).

Brézillon M. N. 1968. *La dénomination des objects de pierre taillé*. Paris: CNRS.

Braidwood R. J. 1952. *The Near East and foundations for civilization*. Eugene: Oregon State System of Higher Education.

Braidwood R. 1959a. *Archaeologists and what they do*. N. Y.: Franklin Watts Inc.

Braidwood R. J. 1959b. *Archaeology and the evolutionary theory* // Meggers B. J. (ed.). *Evolution and anthropology: a centennial appraisal*. Washington D.C.: Anthropological Association of Washington. P. 76–89.

Braidwood R. J., Willey G. R. (eds.). 1962. Courses toward urban life // Viking Fund Publications in anthropology. Vol. 32. Chicago: Aldine.

Brew J. O. 1946. The use and abuse of taxonomy // The archaeology of Alkali Ridge, Southern Utah (Papers of the Peabody Museum. Vol. 21). Cambridge, Mass. P. 44–66.

Brown L. A. 1968. Diffusion processes and location. Philadelphia: Regional Science Research Institute.

Brown R. R. 1963. Explanation in social science. Chicago: Aldine.

Buettner-Janusch J. 1957. Boas and Masson: particularism versus generalization // American Anthropologist. № 7. P. 318–324.

Bulle H. 1913. Einleitung // Bulle H. (Hrsg.). Handbuch der Archäologie. Bd. I. Lieferung 1. München: Beck.

Bunge W. 1962. Theoretical geography (Lund Studies in Geography. Series C, 1). 2nd ed. 1966.

Buschor E. 1939/1969. Begriff und Methode der Archäologie // Hausmann U. (Hrsg.). Handbuch der Archäologie. Bd. 1. Allgemeine Grundlagen der Archäologie. München: Beck. S. 3–10.

Campbell L. 1994. Traces of archaeology // Mackensie I. M. (ed.). Archaeological theory: process or posture? Aldershorst et al.: Avebury. P. 140–151.

Carneiro R. L. 1969. A quantitative law in anthropology // American Antiquity. Vol. 35. № 4. P. 492–494.

Carneiro R. L. 1970. A theory of the origin of the state // Science. № 169. P. 733–738.

Carr E. H. 1964. What is history? Harmondsworth: Penguin Books.

Caws P. 1965. The philosophy of science. A systematic account. Princeton: D. Van Nostrand.

Chamberlain T. D. 1944. The method of multiple working hypotheses // Scientific Monthly. № 59. P. 357–362.

Champion T. 1991. Theoretical archaeology in Britain // Hodder I. (ed.). Archaeological theory in Europe: the last 3 decades. London; N. Y.: Routledge. P. 129–160.

Chang K. C. (Chang Kuang-Chih) 1967a. Major aspects of the interrelationship of archeology and ethnology // Current Anthropology. Vol. 8. № 3. P. 227–243.

Chang K. C. (Chang Kuang-Chih) 1967b. Rethinking archaeology. N. Y.: Random House.

Chapman J., Dolukhanov P. 1993. Cultural transformations and interactions in Eastern Europe: theory and terminology // Chapman J., Dolukhanov P. (eds.). Cultural transformations and interactions in Eastern Europe. Aldershot et al.: Avebury. P. 1–36.

Cherry J. F., Gamble C., Shennan S. 1978 (eds.). Sampling in contemporary British archaeology. Oxford: BAR (Brit. Ser. 50).

Childe V. G. 1936. Changing methods and aims in prehistory // Proceedings of the Prehistoric Society for 1935. Pt. 1. P. 3–16.

Childe V. G. 1956. Piecing together the past: The interpretation of archaeological data. London: Routledge and Kegan Paul.

Chouraqui R. C. 1972. Languages formels et reconnaissance des formes // Les Méthodes mathématiques de l'archéologie. Marseille. P. 212–228.

Clark J. G. D. 1939. Archaeology and society. London: Methuen. (3d ed.: 1960. N. Y.: Barnes & Noble University Press).

Clark J. G. D. 1957. Archaeology and society: Reconstructing the prehistoric past. 2nd ed. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Clark J. G. D. 1963. Foreword // Brothwell D., Higgs E. (eds.). Science in archaeology. London: Thames and Hudson. P. 17–19.

Clarke D. L. 1968. Analytical archaeology. London: Methuen.

Clarke D. L. 1970. Analytical archaeology: epilogue // Norwegian Archaeological Review. № 3. P. 25–34.

Clarke D. L. (ed.). 1972. Models in archaeology. London: Methuen.

Clarke D. L. 1972. Models and Paradigms in archaeology // Clarke D. L. (ed.). Models in archaeology. London: Methuen. P. 1–60.

Clarke D. L. 1973. Archaeology: the loss of innocence // Antiquity. № 47. P. 6–18.

Coles J. M. 1966. Experimental archaeology // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. Vol. 99. P. 1–20.

Coles J. M. 1973. Archaeology by experiment. London: Hutchinson University Library.

Coles J. M. 1979. Experimental archaeology. London et al.: Academic Press.

Collingwood R. 1956. The idea of history. N. Y.: Oxford University Press (ed. of 1966, Oxford).

Collins M. B. 1975. Sources of bias in processual data: An appraisal // Mueller J. W. (ed.). Sampling in archaeology. Tucson: University of Arizona Press. P. 26–32.

Conze A. 1869. Über die Bedeutung der classischen Archäologie. Antrittsvorlesung. Wien: Universitätsverlag.

Courbin P. 1982. Qu'est-ce que l'archéologie? Essai sur la nature de la recherche archéologique. Paris: Payot. (Engl. transl.: Courbin P. 1988. What is archaeology? An essay on the nature of archaeological research. Chicago; London: University of Chicago Press.)

Crawford O. G. S. 1960. Archaeology in the field. London: Phoenix House (1st ed. 1954).

Croce B. 1949. Die Geschichte als Gedanke und als Tat. Hamburg: von Schröder.

Déonna W. 1922. L'archéologie, son domain, ses buts. Paris: Flammarion.

Daniel G. E. 1950. A hundred years of archaeology. London: Duckworth.

Daniel G. E. 1962. The idea of prehistory. London: C. A. Watts.

Daniel G. E. 1967a. Editorials // Antiquity. Vol 41. № 162. P. 169–173.

Daniel G. E. 1967b. The origins and growth of archaeology. Baltimore, Maryland; Harmondsworth: Penguin Books.

Daniel G. E. 1969. Editorials // Antiquity. Vol 43. № 170. P. 85–90.

Daniel G. E., Renfrew A. C. 1975. A hundred and fifty years of archaeology. London: Duckworth.

Daniels S. G. H. 1972. Research design models // Clarke D. L. (ed.). Models in archaeology. London: Methuen. P. 201–229.

Daniels S. G. H. 1978. Implications of error: research design and the structure of archaeology // World Archaeology. Vol 10. № 1. P. 29–35.

Déchelette J. 1908. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine. Partie I. Archéologie préhistorique. Paris: Auguste Picard.

Deetz J. 1967. Invitation to archaeology. Garden City; N. Y.: The Natural History Press.

Deetz J. 1971a (ed.). Man's imprint from the past. Readings in the methods of archaeology. Boston: Little, Brown & Co.

Deetz J. 1971b. Must archaeologists dig? // Deetz J. (ed.). Man's imprint from the past. Boston: Little, Brown & Co. P. 2–9.

Desayes J., Gardin J.-C. 1956. Le fichier mécanographique de l'outillage: outils du Bronze de Balkans à l'Indus. Beirut: Institut français d'archéologie.

Dewey J. 1955 (reed. from 1938). Logic: the theory of inquire. N. Y. et al.: Holt, Reinhart and Winston.

Djindjian F. 1991. Méthodes pour l'archéologie. Paris: Colin.

Donnan Chr. B., Clewlow Jr., C. W. (eds.). 1974. Ethnoarchaeology (University of California at Los Angeles: Institute of archaeology. Monograph № 4).

Dondt J. 1969. Histoire et reconstruction du passé // Revue de l'Institut de Sociologie (Bruxelles).

Doran M. J. 1970. Archaeological reasoning and machine reasoning // Garden J.-C. (ed.). Archéologie et calculateurs. Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique. P. 57–66.

Dray W. H. 1957. Laws and explanation in history. London: Oxford University Press.

Droysen J. G. 1937. Historik. Vorlesungen über Enzyklopädie und Methodologie der Geschichte. München; Berlin: R. Oldenburg.

Dunnell C. R. 1971. Systematics in prehistory. N. Y.; London: The Free Press and Colliers-Macmillan.

Dunnell R. C. 1978. Archaeological potential of anthropological and scientific models of function // Dunnell R. C., Hall E. S. (eds.). Archaeological essays in honor of Irving Rouse. Paris; N. Y.: The Hague, Mouton Pubs. P. 41–73.

Dunnell C. R., Shimek J. 1984. What does the archaeological record mean? // Reviews in Anthropology. № 11. P. 1–11.

Dymond D. 1974. Archaeology and history. A plea for reconciliation. London: Thames and Hudson.

Ebbesen K. 1983. Inledning til en arkaeologisk kildekritik // Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie (1981). S. 160–181.

Eckermann W., Mohr H. 1966. Einführung in das Studium der Geschichte. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften.

Edmonson M. S. 1961. Neolithic diffusion-rates // Current Anthropology. Vol. 2. № 1. P. 71–102.

Eggers H.-J. 1950. Das Problem der ethnischen Deutung in der Frühgeschichte // Dauer A., Kirchner H. (Hrsg.). Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft (Wahle-Festschrift). Heidelberg: Carl Winter- Universitätsverlag. S. 49–59.

Eggers H.-J. 1959. Einführung in die Vorgeschichte. München: Piper.

Eggert M. K. H. 1982. On form and content // Renfrew A. C. et al. (eds.). Theory and explanation in archaeology. N. Y.: Academic Press. P. 139–146.

Embree L. 1989. The structure of American archaeology: a preliminary report // Pinsky V., Wylie A. (eds.). Critical tradition in contemporary archaeology. Cambridge University Press. P. 28–37.

Embree L. (ed.). 1992. Metaarchaeology: reflections by archaeologists and philosophers. Boston: Kluwer.

Ennals J. R., Brough D. R. 1982. Representing the knowledge of the expert archaeologist // Computer applications in archaeology. P. 132–144.

Fetten F. G. 1993. Kulturgeschichtlicher Aktualismus und Ethnoarchäologie: Thesen zu einer aktualistischen Archäologie // *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*. № 34. S. 317–339.

Fischer U. 1987. Zur Ratio der prähistorischen Archäologie // *Germania*. Jg. 65. № 1. S. 175–195.

Flannery K. V. 1972. Culture history vs. culture process: A debate in American archaeology // *Contemporary archaeology: A guide to theory and contributions*. Carbondale; Edwardsville: Southern Illinois University Press; London; Amsterdam: Feffer & Simonds. P. 102–107.

Flannery K. V. 1973. Archeology with a capital «S» // Redman Ch. L. (ed). *Research and theory in current archaeology*. N. Y. et al.: John Wiley & Sons. P. 47–53.

Fleming A., Jonson M. 1990. The Theoretical Archaeology Group (TAG): origins, retrospect, prospect // *Antiquity*. Vol. 64. № 243. P. 303–306.

Ford J. A. 1954a. Comment on A. C. Spaulding's «Statistical technique for the discovery of artifact types» // *American Antiquity*. № 19. P. 390–391.

Ford J. A. 1954b. The type concept revisited // *American Anthropologist*. Vol. 56. P. 42–54.

Ford J. A. 1962. A quantitative method for deriving cultural chronology (Pan-American Union Technical Manual. № 1). Washington D.C.

Foucault M. 1966. Les mots et les choses: L'archéologie des sciences humains. Paris: Gallimard.

Fowler P. J. 1977. Approaches to archaeology. London: Book Club Associates.

Fritz J. M. 1972. Archaeological systems for indirect observation of the past // Leone M. P. (ed.). *Contemporary archaeology. A guide to theory and contributions*. Carbondale; Edwardsville: Southern Illinois University Press. P. 135–157.

Fritz J. M., Plog F. T. 1970. The nature of archaeological explanation // *American Antiquity*. № 35. P. 405–412.

Fustel de Coulanges N. D. 1922. Histoire des institutions politiques de l'Ancienne France. Ed. 4me. Vol. 4. Paris: Hachette.

Furtwängler A. 1908. Einleitung zu einer geplanten griechischen Kunstgeschichte. Aus dem Nachlas // *Deutsche Rundschau*. S. 231.

Gaffney C. F., Gaffney V. L. (eds.). 1987. Pragmatic archaeology: Theory in crisis? Oxford: BAR (Brit. ser. 167).

Gallay A. 1989. Logicism: a French view of archaeological theory founded in computational perspective // *Antiquity*. № 63. P. 27–39.

Gardin J.-C. 1963. Problèmes d'analyse descriptive en archéologie // Courbin P. (ed.). Études archéologiques. Paris: Service d'Édition et de Vente des Publications de l'Éducation Nationale. P. 133–150.

Gardin J.-C. 1967. Methods for the descriptive analysis of archaeological material // American Antiquity. № 32. P. 13–30.

Gardin J.-C. 1974. Les projets de banques de données archéologiques // Banques de données archéologiques. Colloques Nationaux du CNRS, Marseille, 1972. Paris: CNRS. P. 15–26.

Gardin J.-C. 1979. Une archéologie théorique. Paris: Hachette.

Gardin J.-C. 1980. Archaeological constructs. An aspect of theoretical archaeology. Cambridge University Press.

Gardin J.-C. et al. 1987. Systèmes experts et sciences humains: les cas de l'archéologie. Paris: Eyrolles.

Ghoneim-Graf I. 1978. Möglichkeiten und Grenzen der archäologischen Interpretation: Eine aktual-archäologische Untersuchung an afrikanischen Gruppen (Arbeiten zur Urgeschichte des Menschen. Bd. 3). Frankfurt a.M. et al.: Lang.

Gibbon G. E. 1984. Anthropological archaeology. N. Y.: Columbia University Press.

Gibbon G. E. 1989. Explanation in archaeology. London; Oxford: Basil Blackwell.

Gjessing G. 1962. Comment on epistemology and archaeological theory // Current Anthropology. № 3. P. 504–505.

Gjessing G. 1968. Complementarity, value, and sociocultural field // Ethnographic Museum of the University of Oslo, Bulletin 12.

Gleziou S., Coudart A., Demoule J.-P., Schnapp A. 1991. The use of theory in French archaeology // Hodder I. (ed.). Archaeological theory in Europe: The last three decades. London; N. Y.: Routledge. P. 91–128.

Godłowski K. 1962. Uwagi o niektórych zagadnieniach interpretacji źródeł archeologicznych // Prace i materiały Muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. Ser. Archeologii. № 8. Łódź'. S. 79–102.

Goethe W. 1949. Maximen und Reflexionen, neu geordnet, eingeleitet und erläutert von G. Müller. Stuttgart: Krömer.

Goodman N. 1951. The structure of appearance. Cambridge, Mass.: Harvard University Press (3d ed.: 1977. Dordrecht; Boston: Reidel Publ.).

Goodman N. 1965. Fact, fiction and forecast. 2nd ed. N. Y.: Bobbs – Merrill.

Gotshalk L. 1951. Understanding history. A primer of historical method. N. Y.: Knopf.

Gould R. A. 1968. Living archaeology: The Ngatatjara of western Australia // Southwestern Journal of Anthropology. № 24. P. 101–121.

Gould R. A. 1971. The archaeologist as ethnographer: a case from the Western Desert of Australia // World Archaeology. Vol. 3. № 2. P. 143–177.

Gould R. A. 1977. Ethno-archaeology: or, where do models come from? // Wright R. V. S. (ed.). Stone tools as cultural markers. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies. P. 162–168.

Gould R. A. 1978a. Beyond analogy in ethnoarchaeology // Gould R. A. (ed.). Explorations in ethnoarchaeology. Albuquerque: University of New Mexico Press. P. 249–294.

Gould R. A. (ed.). 1978b. Explorations in ethnoarchaeology. Albuquerque: University of New Mexico Press.

Gould R. A. 1979. Living archaeology. Cambridge: Cambridge University Press.

Gould R. A. 1985. The empiricist strikes back: reply to Binford // American Antiquity. Vol. 50. № 3. P. 638–644.

Graebner F. 1911. Methoden der Ethnologie. Heidelberg: Universitätsbuchhandlung. Gotta J., 1839.

Griffin J. B. 1943. The Fort Ancient Aspect, its cultural and chronological position in Mississippi Valley archaeology. Ann Arbor: University Michigan Press.

Griffin J. B. 1956. The study of early cultures // Shapiro H. L. (ed.). Man, culture, and society. N. Y.: Oxford University Press. P. 22–48.

Guliaev V. I. 1993. The theoretical archaeology in the U.S.S.R. // Theory and practice of prehistory: views from the edges of Europe. Santander: Universidad de Cantabria. P. 333–345.

Guntau M. 1967. Der Aktualismus in den geologischen Wissenschaften. Leipzig: Deutscher Verlag für Grundstoffindustrie.

Haag W. G. 1969. The archaeologist's presumptions // Tyler St. A. (ed.). Concepts and assumptions in contemporary anthropology. Athens (Southern Anthropological Society, Proceedings. № 3). P. 45–50.

Hachmann R. 1970. Die Goten und Skandinaviern. Berlin: Walter de Gruyter & Co.

Hachmann R. 1971. Die Germanen (Archaeologia Mundi). München et al.: Nagel.

Hachmann R., Kossack G., Kuhn H. 1962. Völker zwischen Germanen und Kelten. Neumünster: Wachholtz.

Handbuch 1939. Handbuch der Archäologie. Bd. I. München: Beck.

Hanson N. R. 1965. Patterns of discovery. An inquiry into the conceptual foundations of science. Cambridge: Cambridge University Press.

Harris E. C. 1979. The laws of archaeological stratigraphy // *World Archaeology*. № 11. P. 111–117.

Hausmann U. (Hrsg.). 1969. Allgemeine Grundlagen der Archäologie (Handbuch der Archäologie. Bd. I). München: Beck.

Hawkes C. F. C. 1954. Archaeological theory and method: Some suggestions from the Old World // *American Anthropologist*. № 56. P. 155–168.

Hawkes C. F. C. 1957. Archaeology as science: purposes and pitfalls // *Archaeological News Letter* (London). Vol. 6. № 4. P. 93–100.

Hawkes C. F. C. 1973. Innocence retrieval in archaeology // *Antiquity*. Vol. 47. № 187. P. 176–178.

Hawkes J. 1968. The proper study of mankind // *Antiquity*. Vol. 42. № 168. P. 255–262.

Hägerstrand T. 1952. The propagation of innovation waves (Lund studies in geography. Ser. B, 4). Lund.

Härke H. 1989. The Unkel Symposia: The beginnings of a debate in West German archaeology? // *Current Anthropology*. Vol. 30. № 3. P. 406–410.

Härke H. 1995. «The Hun is a methodical chap» // Ucko P. J. (ed.). *Theory in archaeology: A world perspective*. London; N. Y.: Routledge. P. 46–60.

Heider K. H. 1967. Archaeological assumptions and ethnographical facts: A cautionary tale from New Guinea // *Southwestern Journal of Anthropology*. № 23. P. 52–64.

Hempel C. G. 1942. The function of General Laws in history // *Journal of Philosophy*. № 39. P. 35–48 (repr. in Hempel C. G. 1965. *Aspects of scientific explanations and other essays in the philosophy of science*. N. Y.: Harper and Row. P. 231–243).

Hempel C. G. 1965. *Aspects of scientific explanation*. N. Y.: The Free Press.

Hempel C. G. 1966. *Philosophy of natural science*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.

Hensel W. 1971. *Archeologia a prahistoria*. Wrocław: Ossolineum.

Hensel W., Donato G., Tabaczyński S. (red.). 1986. *Teoria i praktyka badań archeologicznych*. I. Wrocław et al.: Wydawnictwo PAN.

Herskovitz M. J. 1949. *Man and his works*. N. Y.: Alfred A. Knopf.

Hill J. N. 1968. Broken K Pueblo: patterns of form and function // Binford S. R., Binford L. R. (eds.). *New perspectives in archaeology*. Chicago: Aldine. P. 103–143.

Hill J. N. 1970. Broken K Pueblo: Prehistoric social organization in the American Southwest (*Anthropological Papers*. № 18). Tucson: University of Arizona Press.

Hill J. N. 1971. Seminar on the explanation of prehistoric organizational change // Current Anthropology. Vol. 12. № 3. P. 406–408.

Hill J. N. 1972. The methodological debate in contemporary archaeology: a model // Clarke D. L. (ed.). Models in archaeology. London: Methuen. P. 61–107.

Hill J. N., Evans R. K. 1972. A model for classification and typology // Clarke D. L. (ed.). Models in archaeology. London: Methuen. P. 231–273.

Hohubowicz W. 1961. Jak publikować źródła archeologiczne. Warszawa; Wrocław: Państwowe wydawnictwo naukowe.

Hoare R. C. 1812/1975. The Ancient history of South Wiltshire. Wakefield: EP Publ. in collab. with Wiltshire County Library.

Hockett H. C. 1955. The critical method in historical research and writing. N. Y.: MacMillan.

Hodder I. 1982. Theoretical archaeology: a reactionary view // Hodder I. (ed.). Symbolic and structural archaeology. Cambridge: Cambridge University Press. P. 1–6.

Hodder I. 1986/1991. Reading the past. Current approaches to interpretation in archaeology. Cambridge: Cambridge University Press (cit. after 2nd ed. 1991).

Hodder I. 1991a. Archaeological theory in contemporary European societies: the emergence of competing traditions // Hodder I. (ed.). Archaeological theory in Europe: the last 3 decades. London; N. Y.: Routledge. P. 1–24.

Hodder I. 1991b. Preface // Hodder I. (ed.). Archaeological theory in Europe: the last 3 decades. London; N. Y.: Routledge. P. VII–XI.

Hodder I. 1991c. Reading the past. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press (orig. 1986).

Hodder I. 1992. Towards a coherent archaeology // Hodder I. (ed.). Theory and practice in archaeology. London: Routledge. P. 169–180.

Hodder I. (ed.). 1987. The archaeology of contextual meanings. Cambridge: Cambridge University Press.

Hodder I. (ed.). 1991. Archaeological theory in Europe: the last three decades. London: N. Y.: Routledge.

Hofer T. 1968. Comparative notes on the professional personality of two disciplines // Current Anthropology. № 9. P. 311–315.

Hole F. 1973. Question of theory in the explanation of culture change in prehistory. // Renfrew C. (ed.). The explanation of culture change. Models in prehistory. London: Duckworth. P. 19–34.

Hole F., Heizer R.F. 1969. An introduction to prehistoric archeology. 2nd ed. N. Y.: Holt, Reinhart and Winston.

Holtorf C., Quensel L. 1992. Über archäologische Theorie und theoretische Archäologie. Bericht von der Theoretical Archaeology Group '92, Leicester, Großbritannien // Archäologische Informationen. Bd. 15. H. 1–2. S 70–79.

Hrouda B. 1978. Einleitung und Beweggründe // Hrouda B. (Hrsg.). Methoden der Archäologie. München: Beck. S. 13–17.

Hudson J. C. 1972. Geographical diffusion theory. Evanston, Ill.: North Western University Dept. of Geography.

Huizinga J. 1954. Geschichte und Kultur: Gesammelte Aufsätze. Stuttgart: Kröner.

Hutton J. 1785. Theory of the Earth, or an investigation of the laws observable in the composition, dissolution, and restoration of land upon the globe. Edinburgh, s. a.

Hymes D. 1970. Linguistic models in archacology // Garden J.-C. (ed.). Archéologie et calculateurs. Paris: Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique. P. 91–120.

Ingersoll Jr. D. W., Jellen J. E., MacDonald W. (eds.). 1977. Experimental archaeology. N. Y.: Columbia University Press.

Isaac G. Ll. 1979. The philosophy of archaeology // Clarke D. L. Analytical archaeologist. Collected papers. London; N. Y.; San Francisco: Academic Press. P. 15–20.

Jacob-Friesen K.-H. 1928. Grundlagen der Urgeschichtsforschung. Stand und Kritik der Forschung über Rassen, Völker und Kulturen in urgeschichtlicher Zeit. Hannover: Helwing.

Jaguttis-Emden M. 1977. Zur Präzision archäologischer Datierungen // Archaeologia Venatoria. № 4. Tübingen.

Johansen A. B. 1974. Forholdet mellom teori og data i arkeologi og andre erfaringsvitenskaper. Er teoristabilitet et problem i empirisk forskning (Arkeologiske skrifter fra Historisk museum Universitet i Bergen). Bergen.

Johansen A. B. 1982. Arkeologiens teori og data // Fornvännén. № 77. P. 212–225.

Johansen A. B. 1984. Aksiomer i arkeologi // Det Kgl. Norske videnskabens Selskab, Museet Rapport. Arkeologisk serie. №. 1. Trondheim. P. 21–37.

Kaiser E. 1931. Der Grundsatz des Aktualismus in der Geologie // Zeitschrift der Deutschen Geologischen Gesellschaft. Bd. 83. H. 6. S. 389–407.

Kaplan A. 1964. The conduct of inquiry. San Francisco: Chandler.

Kaplan D., Manners R. A. 1972. Culture theory. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.

Kelley J., Hanen M. 1988. Archaeology and the methodology of science. Albuquerque: University of New Mexico Press.

Kleindienst M. R., Watson P. J. 1956. Action archeology: The Archeological inventory of a living community // Anthropology tomorrow. № 5. P. 75–78.

Klejn L. S. 1972. On the logic of cross-cultural analysis: comment on Köbben // *Current Anthropology*. Vol. 13 № 1. P. 131–139.

Klejn L. S. 1973. Marxism, the Systemic approach and archaeology // Renfrew C. (ed.). *The explanation of culture change: models in prehistory*. London: Duckworth. P. 691–710.

Klejn L. S. 1974. Kossinna im Abstand von vierzig Jahren // *Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte* (Halle). Bd. 58. Deutscher Verlag der Wissenschaften. S. 7–55.

Klejn L. S. 1977. A panorama of theoretical archaeology // *Current Anthropology*. Vol. 18. № 1. P. 1–42. № 2. P. 371–373.

Klejn L. S. 1980. Panorama de l'archéologie théorique // Schnapp A. (ed.). *L'archéologie aujourd'hui*. Paris: Hachette. P. 262–303.

Klejn L. S. 1980–1981. Panorama teoretske archeologije // *Archeo*. № 1. P. 1–16. № 2. P. 1–42.

Klejn L. S. 1981. Ethnogenese als Kulturgeschichte archäologisch betrachtet: Neue Einstellung // *Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte* (Coblenz-Festschrift). Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften. Teil 1. S. 13–25.

Klejn L. S. 1982. *Archaeological Typology*. Oxford: BAR (International Series. Vol. 153).

Klejn L. S. 1990. Theoretical archaeology in the making: A survey of books published in the West in 1974–1979 // *Fennoscandia Archaeologica* (Helsinki). № VII. P. 3–15.

Klejn L. S. 1991. A Russian lesson for theoretical archaeology // *Fennoscandia Archaeologica* (Helsinki). № VIII. P. 67–71.

Klejn L. S. 1992. Intervju // *Arheo* (Ljubljana). № 15. P. 52–56 (recorded by prof. Biba Teržan).

Klejn L. S. 1993a. *La arqueología soviética. Historia y teoría de una escuela desconocida*. Barcelona: Critica.

Klejn L. S. 1993b. To separate a centaur: On the relationship of archaeology and history in Soviet tradition // *Antiquity*. Vol. 67. № 255. P. 339–348.

Klejn L. S. 1994. Prehistory and archaeology // Kuna M., Venclova N. (eds.). *Whither archaeology? Papers in honour of Evžen Neustupny*. Praha: Institute of archaeology. P. 36–42.

Klejn L. S. 1995a. Is German archaeology atheoretical? // *Norwegian Archaeological Review*. Vol. 26. № 1. P. 49–54.

Klejn L. S. 1995b. The functions of archaeological theory // *Journal of Theoretical archaeology*. № 3/4 (1993–1994). P. 1–39.

Klejn L. S. 1997. Das Phänomen der Sowjetischen Archäologie. Berlin: Peter Lang.

Kluckhohn C. K. M. 1940. The conceptual structure in Middle American studies // Hay C. L., Tozzer A. M. et al. (eds.). The Maya and their neighbors. N. Y.; London: D. Appleton – Century Co. P. 41–51.

Kluckhohn C. K. M. 1960. The use of typology in anthropological theory // Wallace A. F. C. (ed.). Selected papers of the Fifth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Philadelphia, 1956. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. P. 141–151.

Kościałkowski S. 1954. Historyka: wstęp do studiów historycznych. Londyn: Polski uniwersitet na obczyźnie.

Kobyliński Z. 1981. Badania etnoarcheologiczne a nomotetyzacja archeologii // Archeologia Polski. T. 26. № 1. S. 7–47.

Kolpakov E. M. 1993. The end of theoretical archaeology? A glance from the East // Norwegian Archaeological Review. Vol. 26. № 2. P. 107–115.

Kolpakov E. M., Vishnyatsky L. B., [Kolpakov E. M., Vishnjackij L. B.]. 1990. Current theoretical discussion in Soviet archaeology: An essay // Fennoscandia Archaeologica. Vol. 7. P. 17–25.

Kossack G. 1992. Prehistoric archaeology in Germany: its history and current situation // Norwegian Archaeological Review. Vol. 25. № 2. P. 73–109.

Köbben A. J. F. 1967. Why exceptions? // Current Anthropology. Vol. 8. № 1–2. P. 3–34.

Kraft V. 1960. Erkenntnislehre. Wien: Springer-Verlag.

Kramer C. (ed.). 1979. Ethnoarchaeology: implications of ethnography for archaeology. N. Y.: Columbia University Press.

Krause R. A., Thorne R. M. 1971. Toward a theory of archaeological things // Plains Anthropologist. № 16. P. 245–257.

Krieger A. D. 1944. The typological concept // American Antiquity. Vol. 9. № 3. P. 271–288.

Kristiansen K. 1974. En kildekritik analyse af depotfund fra Danmarks bronzealder (periode IV–V). En bidrag til den arkhaeologiske kildekritik // Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie. S. 119–160.

Kristiansen K. 1978. The application of source-criticism to archaeology // Norwegian Archaeological Review. Vol. 11. № 1. P. 1–5.

Kristiansen K. (ed.). 1985. Archaeological formation processes: the representativity of archaeological remains of Danish prehistory. Copenhagen: Nationalmuseets Forlaget.

Kroeber A. L. 1937. Archaeology // Encyclopedia of the social sciences. Vol. 2.

Kubler G. 1961. Rival approaches to American antiquity. Three regions of primitive arts. N. Y.: The Museum of Primitive art.

Labuda G. 1957. Próba nowej systematyki i nowej interpretacji źródeł historycznych // *Studia źródłoznawcze.* Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. T. I. S. 3–52.

Leach E. 1972. Concluding address // Renfrew C. (ed.). The explanation of culture change: Models in prehistory. London: Duckworth. P. 761–771.

LeBlanc S. A. 1973. Two points of logic concerning data, hypotheses, general laws and systems // Redman Ch. L. (ed.). Research and theory in current archeology. N. Y.: Wiley; Interscience. P. 199–214.

Ledieu A. 1885. Boucher de Perthes, sa vie, ses ouvres, sa correspondance. Abbeville: Caudron.

Leinfellner W. 1965. Einführung in die Erkenntnis- und Wissenschaftstheorie. Mannheim u. a.: Bibliograph. Inst.-Wissenschaftsverlag.

Leone M. P. (ed.). 1972. Contemporary archaeology. A guide to theory and contributions. Carbondale; Edwardsville: Southern Illinois University Press.

Leroi-Gourhan A. 1961. L'histoire sans textes: ethnologie et préhistoire // Samaran Ch. (ed.). L'histoire et ses méthodes. Paris: Gallimard. P. 217–249.

Leroi-Gourhan A. 1964. Les religions de la préhistoire. Paris: Presses Universitaires de France.

Levin M. 1973. On explanation in archaeology: A rebuttal to Fritz and Plog // *American Antiquity.* № 38. P. 387–395.

L'histoire 1961. – L'histoire et ses méthodes. Dir. Ch. Samaran. Paris.

Lowie R. H. 1912. The principle of convergence in ethnology // *Journal of American Folk-Lore.* Vol. 25. № 45. P. 24–42.

Lowther G. R. 1962. Epistemology and archaeological theory // *Current Anthropology.* № 3. P. 495–503. (Discussion – P. 503–509.)

MacNeish R. S. 1976. The science of archaeology? Hamilton, Ontario: D. G. Seldon Printing Limited.

MacNeish R. S. 1978. The science of archaeology? North Scituate, Mass.: Duxbury Press.

MacWhite E. 1956. On the interpretation of archaeological evidence in historical and sociological terms // *American Anthropologist.* № 58. P. 3–25.

Malina J. 1975. Archeologie: jak a proč? Mikulovo; Břeclav: Regionální Muzeum: OV Socialistické akademie.

Malina J. 1980. Archeologie včera a dnes, aneb Mají archeologové šedé hmoty více za nehty než za ušima? 1–2. Česká Budejovická: Jihočeské Muzeum.

Malina J., Vašiček Z. 1990. Archaeology yesterday and today. The development of archaeology in the sciences and humanities. Cambridge et al.: Cambridge University Press.

Malmer M. P. 1962. Jungneolithische Studien (Acta Archaeologica Lundensia, series in 8°, 2). Bonn: Habelt; Lund: Gleerup.

Malmer M. P. 1963. Metodproblem inom järnalderns konsthistoria (Acta Archaeologica Lundensia, Series in 8°, 3). Bonn; Lund.

Malmer M. P. 1997. On objectivism and actualism in archaeology // Current Swedish Archaeology. № 5. P. 7–8.

Mann J. 1981. Dons and detection // Evans J., Cunliffe B., Renfrew C. (eds.). Antiquity and memory. London: Thames and Hudson. P. 203–207.

Martin P. S. 1968. Revolution in archaeology // American Antiquity. Vol. 36. № 1. P. 1–8.

McKern S. S., McKern Th. W. 1974. Living prehistory: an introduction to physical anthropology and archaeology. Menlo Park, Ca.: Cummings.

Mellor D. H. 1982. Probabilities for explanation // Renfrew A. C. et al. (eds.) Theory and explanation in archaeology. N. Y. et al.: Academic Press. P. 57–63.

Merton R. K. 1967. On theoretical sociology. N. Y.: Free Press; London: Collier-Macmillan.

Moberg C.-A. 1969. Introduktion til arkeologi. Stockholm: Natur och Kultur.

Moberg C.-A. 1976. Introduction a l'archéologie. Paris: François Maspero.

Moberg C.-A. 1981. Similar finds? Similar interpretations? A spectrum of approaches // Moberg C.-A. (ed.). Similar finds? Similar interpretations? Göteborg: University of Gothenburg. P. A1–A18.

Moles A., Valancien B. (réd.). 1963. Communications et language. Paris: Gauthier – Villars.

Montelius O. 1884. Den förhistoriske fornforskarens metod och material // Antiquarisk Tidskrift för Sverige, 8. № 3. P. 1–28.

Montelius O. 1888. The civilization of Sweden in heathen times. London: Macmillan.

Montelius O. 1899. Typologien eller utvecklingsläran tillämpad på det menliga arbetet // Svenska Fornminnesföreningens Tidskrift (Stockholm). S. 10. № 3. P. 237–268.

Montelius O. 1903. Die älteren Kulturperioden im Orient und in Europa, I. Stockholm.

Morgan C. G. 1973. Archaeology and explanation // World Archaeology. № 4. P. 259–276.

Mortillet G. de. 1883. Le préhistorique, Antiquité de l'homme. Paris: s. e. (4me ed., 1910: La Préhistoire).

Morwood M. J. 1975. Analogy and the acceptance of theory in archaeology // American Antiquity. № 40. P. 111–116.

Mueller J. W. 1974. The use of sampling in archaeological survey // Memoirs of the Society for American archaeology. № 28 = American Antiquity. Vol. 39. № 2. Pt. 2.

Mueller J. W. (ed.). 1975. Sampling in archaeology. Tucson: University of Arizona Press.

Munro R. 1905. Archaeology and false antiquities. London: Methuen (Antiquary Books).

Murray M. 1961. First steps in archaeology // Antiquity. Vol. 35. № 137. P. 8–13.

Müller S. 1884. Mindre bidrag til den förhistoriske Archaeologis methode // Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie. København.

Müller S. 1897–1898. Nordische Altertumskunde. Straßburg: Karl Trübner. Bd. I–II.

Myhre B. 1991. Theory in Scandinavian archaeology since 1961: a view from Norway // Hodder I. (ed.). Archaeological theory in Europe. The last three decades. London; N. Y.: Routledge. P. 161–186.

Myrdal K. G. 1958. Value in social theory. A selection of essays on methodology. London: Routledge and Kegan Paul.

Müller-Karpe H. 1966, 1968, 1974, 1980. Handbuch der Vorgeschichte. Bd. I–IV. München: Beck.

Müller-Karpe H. 1975. Einführung in die Vorgeschichte. München: Beck.

Nagel E. 1961. The structure of science. N. Y.: Harcourt, Brace and World.

Narr K. J. 1957. Abriss der Vorgeschichte. München: Oldenburg. S. 1–2.

Neustupny É. 1993. Archaeological method. Cambridge: Cambridge University Press.

Niemeyer H. G. 1968. Einführung in die Archäologie. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Olivier L., Coudart A. 1995. French tradition and the central place of history in the human sciences // Ucko P. J. (ed.). Theory in archaeology: A world perspective. London; N. Y.: Routledge. P. 363–381.

Olsen B. 1997. Fra ting til tekst. Oslo: Universitet.

Orton C. 1980. Mathematics in archaeology. London: Collins.

Palubicka A. 1973. W sprawie «aprioryzmu» i «empiryzmu» w archeologii i etnologii // Fontes Archaeologici Poznaniensis. № 22. S. 252–255.

Parker J. S. 1870. The Ashmolean Museum: Its history, present state and prospects. Oxford: Oxford University Press.

Patrik L. E. 1985. Is there an archaeological record? // *Advances in archaeological method and theory*. N. Y.: Academic Press. Vol. 8. P. 27–62.

Paul E. 1962. Die falsche Göttin: Geschichte der Antikenfälschung. Leipzig: Koeler & Amelang; Heidelberg: L. Schreider.

Pebbles C. S., Kus S. M. 1977. Some archaeological correlates of ranked societies // *American Antiquity*. Vol. 42. № 3. P. 421–448.

Petrie W. M. F. 1877. Inductive methodology. London: Hargrave Saunders.

Petrie W. M. F. 1904. Methods and aims in archaeology. London: Macmillan.

Piggott S. 1958. The Dawn: and an Epilogue // *Antiquity*. Vol. 32. № 126. P. 75–79.

Piggott S. 1959. Approach to archaeology. London: Adam and Charles Black (new ed. N. Y.: MacGraw-Hill, 1965).

Plog F. T. 1973. Laws, systems of law, and the explanation of observed variation // *Renfrew 1973*. P. 649–661.

Plog F. T. 1974. The study of prehistoric change. N. Y.; London: Academic Press.

Popper K. 1935. Logik der Forschung. Wien: Springer.

Popper K. 1963. Conjectures and refutations. 2. N. Y.: Harper and Row.

Popper K. 1965. The logic of scientific discovery. N. Y.: Harper torchbooks.

Pyddoke K. 1964. What is archeology? N. Y.: Roy Publ.; London: J. Baker.

Randsborg K. 1982. Theoretical approaches to social change: an archaeological viewpoint // *Renfrew A. C. et al. (eds.). Theory and explanation in archaeology*. N. Y.: Academic Press. P. 423–430.

Randsborg K. 1994. Ole Worm. An essay on the modernization of antiquity // *Acta Archaeologica (Copenhagen)*. № 65. P. 135–169.

Randsborg K. 1995. Hjortspring: Warfare and sacrifice in Early Europe. Aarhus: Aarhus University Press.

Randsborg K. 1997. On archaeology and history // *Acta Archaeologica (Copenhagen)*. № 68. P. 189–194.

Ranke L. von 1874. Sämtliche Werke. Bd. 33–34. Leipzig: Dunker und Humblot.

Rathje W. L. 1974. The Garbage project: A new way of looking at the problems of archaeology // *Archaeology*. Vol. 27. № 4. P. 236–241.

Redman Ch. L. 1973. Research and theory in current archaeology: an introduction // *Redman Ch. L. (ed.). Research and theory in current archaeology*. N. Y.: John Wiley & Sons. P. 5–20.

Redman Ch. L. (ed.). 1973. Research and theory in current archaeology. N. Y. et al.: John Wiley & Sons.

Reinach S. 1911. La méthode archéologique (De la méthode dans les sciences. 2me serie). Paris: Falcan.

Renfrew A. C. 1969a. Review of Clarke's and Binford's books // Antiquity. № 43. P. 241–244.

Renfrew A. C. 1969b. Trade and culture process in European prehistory // Current Anthropology. Vol. 10. № 2–3. P. 151–169.

Renfrew A. C. (ed.). 1973. The explanation in culture change: models in prehistory. London: Duckworth.

Renfrew A. C. 1982. Explanation revisited // Renfrew A. C. et al. (eds.). Theory and explanation in archaeology N. Y.: Academic Press. P. 5–23.

Renfrew A. C. et al. (eds.). 1982. Theory and explanation in archaeology. N. Y.: Academic Press.

Renfrew A. C., Bahn P. 1991. Archaeology: Theories, methods and practice. London: Thames and Hudson.

Roe D. 1976. Typology and the trouble with hand-axes // Sieveking G. et al. (eds.). Problems in economic and social archaeology. London: Duckworth. P. 61–70.

Rohan-Csermak G. de. 1971. Apriopisme et empirisme dans l'archéologie et ethnologie. Actes du VII-e Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Prague 1966, 1. Prague. P. 97–100.

Rouse I. B. 1939. Prehistory in Haiti: a study in method (Yale University Publications in Anthropology. № 21). New Haven: Con.

Rouse I. B. 1968. Prehistory, typology, and the study of society // Chang K. C. (ed.). Settlement archaeology. Palo Alto, Ca.: National Press Books. P. 10–30.

Rouse I. B. 1972. Introduction to prehistory: a systematic approach. N. Y. et al.: McGraw-Hill.

Rowe J. H. 1962. Worsaae's law and the use of grave lots for archaeological dating // American Antiquity. № 28. P. 129–137.

Rumpf A. 1953. Archäologie. München: Beck.

Rush P. 1994. The use of theory in archaeology // Mackenzie I. M. (ed.). Archaeological theory: progress or posture? Adershot et al.: Avebury. P. 66–76.

Sabloff J., Willey G.R. 1967. The collapse of Maya civilization in the Southern Lowlands: a consideration of history and process // Southwestern Journal of Anthropology. № 23. P. 311–336.

Sabloff J. A., Binford L. R., McAnany P. A. 1987. Understanding the archaeological record // Antiquity. Vol. 61. № 232. P. 203–209.

- Salmon P.* 1969. *Histoire et critique*. Bruxelles: Ed. de l'Universite de Bruxelles. 2nd ed.
- Salmon M. H.* 1982a. *Models of explanation: two views* // Renfrew A. C. et al. (eds.). *Theory and explanation in archaeology*. N. Y.: Academic Press. P. 35–44.
- Salmon M. H.* 1982b. *Philosophy and archaeology*. N. Y.: Academic Press.
- Salmon W. C.* 1982. *Causality in archaeological explanation* // Renfrew A. C. et al. (eds.). *Theory and explanation in archaeology*. N. Y.: Academic Press. P. 45–55.
- Sangmeister E.* 1967. *Methoden der Urgeschichtswissenschaft* // *Saeculum*. Vol. 18. № 3. S. 199–244.
- Sankalia H. D.* 1965. *An introduction to archaeology*. Poona: Deccan College.
- Scheidigger A. E.* 1961. *Theoretische Geomorphologie*. Heidelberg.
- Schiffer M. B.* 1972. *Archaeological context and Systemic context* // *American Antiquity*. № 2. P. 156–165.
- Schiffer M. B.* 1976. *Behavioral archaeology*. N. Y. et al.: Academic Press.
- Schiffer M. B. (ed.)*. *Ab 1978*. *Advances in archaeological method and theory*. Vol. 1–... N. Y. et al.: Academic Press.
- Schlözer A. L.* 1768. *Probe russischer Annalen*. Bremen; Göttingen: Georg Foster.
- Schuyler R. S.* 1973. *Review of Watson et al.* // *American Antiquity*. № 38. P. 372–374.
- Schwartz D. W.* 1978. *A conceptual framework for the sociology of archaeology* // Dunnell R. C., Hall E. S. (eds.). *Archaeological essays in honor of Irving B. Rouse*. The Hague: Mouton. P. 149–176.
- Selinge K.-G.* 1987. *On the prerequisites and needs of archaeological source-criticism* // *Malmer-Festschrift (BAR 366)*. P. 27–42.
- Shanks M.* 1992. *Experiencing the past: On the character of archaeology*. London; N. Y.: Routledge (the section: *The detective*).
- Shanks M., Tilley Chr.* 1987a. *Re-constructing archaeology: Theory and practice*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shanks M., Tilley Chr.* 1987b. *Social theory and archaeology*. Cambridge: Polity Press.
- Shanks M., Tilley Chr.* 1989. *Archaeology into 1990s (with discussion)* // *Norwegian Archaeological Review*. № 22. P.1–54.
- Shennan S.* 1988. *Quantifying archaeology*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Simon R.* 1678. *La histoire critique du Testament Vieux*. Paris.

- Smith B. D.* 1982. Explanation in archaeology // Renfrew A. C. et al. (eds.). Theory and explanation in archaeology. N. Y.: Academic Press. P. 73–82.
- Smith J. W.* 1976. Foundations of archaeology. Beverly Hills: Glencoe Press.
- Smith M. A.* 1955. The limitations of inference in archaeology // The Archaeological Newsletter. № 6. P. 1–7.
- Smolla G.* 1964. Analogien und Polaritäten // Uslar R. v. und Narr K. J. (Hrsg.). Studien aus Alteuropa. Bd. I. (Beih. d. Bonner Jahrbücher, 10/1). Köln; Graz. S. 30–35.
- South S.* 1977. Method and theory in historical archaeology. N. Y.; San Francisco; London: Academic Press.
- Spaulding A. C.* 1953. Statistical techniques for the discovery of artifact types // American Anthropologist. Vol. 18. № 4. P. 305–313.
- Spaulding A. C.* 1954. Reply to Ford // American Anthropologist. № 56. P. 112–114.
- Spaulding A. C.* 1960. The dimensions of archaeology // Dole G. E., Carneiro R. L. (eds.). Essays in the science of culture in honour of Leslie A. White. N. Y.: Thomas Y. Crowell. P. 437–456.
- Spaulding A. C.* 1968. Explanation in archaeology // Binford S. R., Binford L. R. (eds.). New perspectives in archaeology. Chicago: Aldine. P. 33–40.
- Spaulding A. C.* 1971. Some elements of quantifying archaeology // Hodson F. R., Kendall D. G., Tautu P. (eds.). Mathematics in the archaeological and historical sciences. Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 3–6.
- Spaulding A. C.* 1973. Archaeology in the active voice: the New Archaeology // Redman Ch. L. (ed.). Research and theory in current archaeology. N. Y.: John Wiley & Sons. P. 95–111.
- Steward J. H.* 1949. Cultural causality and law: A trial formulation of the development of early civilizations // American Anthropologist. № 51. P. 1–27.
- Steward J. H., Setzler F. M.* 1938. Function and configuration in archaeology // American Antiquity. Vol. 4. № 1. P. 4–10.
- Stickel E. G., Chertkoff J. L.* 1973. The nature of scientific laws and their relation to the law-building in archaeology // Renfrew A. C. (ed.). The explanation in culture change: models in prehistory. London: Duckworth. P. 663–671.
- Stjernquist B.* 1984. Perspective on archaeological theory and method (University of Lund Institute of archaeology. Report series. № 20). Lund: Universitets historiska museum.
- Strong W. D.* 1936. Anthropological theory and archaeological fact // Lowie R. H. (ed.). Essays in anthropology in honor of Alfred Louis Kroeber. Berkeley: University of California Press. P. 359–370.

Strong D. E. (ed.). 1973. Archaeological theory and practice. London; N. Y.: Seminar Press.

Stutt A. 1988. Second generation expert systems, explanations, arguments and archaeologists // Rahtz S. P. O. (ed.). Computer and quantitative methods in archaeology. Oxford: BAR International series 446. P. 356–368.

Stutt A., Shennan S. 1990. The nature of archaeological arguments // *Antiquity*. Vol. 64. № 245. P. 766–777.

Stutt A., Shennan S. 1992. Designing a workbench for archaeological arguments // *Archaeology in the Information Age: A global perspective*. London: Routledge.

Sullivan A. 1978. Inference and evidence in archaeology: A discussion of the conceptual problems // *Advances in archaeological method and theory*. Vol. 1. N. Y. et al.: Academic Press. P. 193–194.

Swartz B. K. 1967. A logical sequence of archaeological objectives // *American Antiquity*. Vol. 32. № 4. P. 487–497.

Szekely E. B. 1977. Archaeosophy, a New Science. N. Y.: Academic Press.

Tabaczyński St., Pleszczyńska E. 1974. O teoretycznych podstawach archeologii // *Archeologia Polski*. T. 19. № 1. P. 10–13.

Tallgren A. M. 1937. The method of prehistoric archaeology // *Antiquity*. Vol 11. № 42. P. 152–161.

Taylor W. W. 1948. A study of archaeology // *American Anthropologist*. Vol. 50. № 3. Pt. 2. Memoir 69. Menasha: American Anthropological Association (2nd ed. 1967. Carbondale: Arcturus Books, Southern Illinois University Press; London; Amsterdam: Feffer & Simons).

The use 1940. – The use of historical objects as sources of history. Detroit: American Association of Museums.

Thomas D. A. 1974. Predicting the past: An introduction to anthropological archaeology (Basic anthropology units). N. Y.: Holt, Rinehart & Winston.

Thomas J. 1995. Where are we now? Archaeological theory in the 90s // Ucko P. J. (ed.). *Theory in archaeology: A world perspective*. London; N. Y.: Routledge. P. 343–362.

Thomas N. 1960. A guide to prehistoric England. London: Batsford.

Thompson J. E. 1944. The fish as a Maya symbol for counting and further discussion of directional glyphs (Theoretical approaches to problems. № 21). Washington: Carnegie Institution.

Thompson R. H. 1956a. The subjective element in human culture // *Proceedings of the Prehistoric Society*. Vol. 5. P. 209–221.

Thompson R. H. 1956b. The subjective element in archaeological reasoning // *Southwestern Journal of Anthropology*. № 12. P. 327–332 (reprint in Deetz J. (ed.). *Man's imprint from the past*. Boston: Little, Brown & Co., 1971. P. 148–154).

Tilley C. 1991. Comments on Klejn: «Theoretical archaeology in the making» // *Fennoscandia Archaeologica*. № VIII. P. 59–61.

Topolski J. 1968. *Metodologia historii*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe.

Toynbee A. J. 1964. *A study of history*. Vol. 12. *Reconsiderations*. London et al.: Oxford University Press.

Trigger B. G. 1968a. *Beyond history: The methods of prehistory*. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston.

Trigger B. G. 1968b. Major concepts of archaeology in historical perspective // *Man* N. S. 3. P. 527–541.

Trigger B. G. 1970. Aims in prehistoric archaeology // *Antiquity*. Vol. 44. № 173. P. 26–37.

Trigger B. G. 1973. The future of archaeology is the past // Redman Ch. L. (ed.). *Research and theory in current archaeology*. N. Y.: John Wiley & Sons. P. 95–111.

Trigger B. C. 1978a. No longer from another planet // *Antiquity*. Vol. 52. № 206. P. 193–198.

Trigger B. G. 1978b. *Time and traditions. Essays in archaeological interpretation*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Trigger B. G. 1982. Archaeological analysis and concepts of causality // *Culture*. Vol. 2. № 2. P. 31–42.

Trigger B. G. 1989. *A history of archaeological thought*. Cambridge: Cambridge University Press.

Trigger B. G., Glover I. (eds.). 1981–1982. Regional traditions in archaeology // *World Archaeology*. Vol. 13. № 2–3.

Trudzik Z. 1971. O przedmiocie archeologii i jej procesie badawczym // *Acta universitatis Wratislaviensis, Studia Archeologiczne*. Wrocław. № 4. S. 5–56.

Tuggle H. D., Townsend A. H., Riley Th. J. 1972. Laws, systems and research design: a discussion of explanation in archaeology // *American Antiquity*. № 37. P. 3–12.

Tylor E. 1958. *Primitive culture*. N. Y.: Harper and Row (Harper Torchbooks).

Ucko P. J. (ed.). 1995. *Theory in archaeology. A world perspective*. London; N. Y.: Routledge.

Ucko P. J. 1995. Archaeological interpretation in a world context // Ucko P. J. (ed.). *Theory in archaeology: A world perspective*. London; N. Y.: Routledge. P. 1–27.

Urbańczyk P. 1981. Archeologia współczesności // Archeologia Polski. Vol 26. № 1. S. 49–63.

Uslar R. von. 1955. Über den Nutzen spekulativer Betrachtung vorgeschichtlicher Funde // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. № 2. S. 1–20.

Vishnyatsky L. B., Kolpakov E. M. 1990. Current theoretical discussion in Soviet archaeology: An essay // Fennoscandia Archaeologica. № 7. P. 17–25.

Wahle E. 1924/1964. Vorgeschichte des deutschen Volkes. Vorwort (republ. in Wahle 1964. P. 316–333).

Wahle E. 1930/1964. Besprechung A. W. Brögger // Deutsche Literaturzeitung (republ. in Wahle 1964. S. 307–315).

Wahle E. 1941. Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlicher Kulturprovinzen. Grenzen der frühgeschichtlicher Erkenntnis. I. Heidelberg (Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, 1940/41, Abh. 2).

Wahle E. 1950–1951. Geschichte der prähistorischen Forschung // Anthropos. № 45. S. 497–538; № 46. S. 49–112.

Wahle E. 1954. Ur- und Frühgeschichte im mitteleuropäischen Raum (republ. in Wahle 1964. S. 334–449).

Wahle E. 1964. Tradition und Auftrag prähistorischer Forschung. Berlin: Duncker & Humblot.

Wahle E. 1970. Ur- und Frühgeschichte im mitteleuropäischen Raum // Handbuch der deutschen Geschichte. Bd. 1. Stuttgart, Union., 9. Aufl. S. 6–14.

Walther J. 1894. Einleitung in die Geologie als historische Wissenschaft. Bd. 3. Jena, G. Fischer.

Watson P. J., LeBlanc S., Redman Ch. L. 1971. Explanation in archaeology. An explicitly scientific approach. N. Y.; London: Columbia University Press (2nd ed. 1984. Archaeological explanation. N. Y.: Columbia University Press).

Werner J. 1954. Neue Wege vorgeschichtlicher Methodik? // Forschungen und Fortschritte. Jg. 28. H. 8. S. 246–248.

Wheeler M. 1952. Archaeology and the transmission of ideas // Antiquity. Vol. 26. № 104. P. 180–192.

Wheeler M. 1954 (quot. from 2nd ed. 1956). Archaeology from the earth. Harmondsworth: Penguin books.

Wheeler M. 1960. Moderne Archäologie: Methoden und Technik der Ausgrabungen. Reinbek; Hamburg: Rohwolt.

Willey G. R., Phillips Ph. 1958. Method and theory in American archaeology. Chicago: University of Chicago Press (2nd ed. 1965).

Willey G. R., Sabloff J. A. 1973. A history of American archaeology. San Francisco: Freeman & Co. (2nd ed. 1980).

Yellen J. E. 1976. Settlement patterns of the !Kung: An archaeological perspective // Lee R. B., De Vore I. (eds.). Kalahari hunter-gatherers. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. P. 47–72.

Yellen J. E. 1977. Archaeological approaches to the present: Models for reconstructing the past. N. Y.; London: Academic Press.

Zubrow E. 1973. Adequacy criteria and prediction in archaeological models // Redman Ch. L. (ed.). Research and theory in current archaeology. N. Y.: John Wiley & Sons. P. 239–255.

Zubrow E. 1980. International trends in theoretical archaeology // Norwegian Archaeological review. Vol. 13. № 1. P. 14–23.

Żak J. 1968. Archeologia w systemie nauk historycznych // Archeologia Polski. Vol. 13. № 2. S. 455–473.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абдукция 279, 280, 289, 396
- Аксиома, аксиоматичность 143, 165, 167, 168, 170, 172–176, 178, 193, 197, 199, 205
- Аксиоматизация 36, 165, 167, 174, 197, 199, 395
- Актуализм 33, 172, 176, 178, 179, 181, 183, 184, 188, 195, 198, 258, 277, 406, 419, 420
- Аналитическая машина 36, 147, 195, 382, 395, 397
- Аналогия
заключение по аналогии 151, 186, 307, 308, 311, 382
- Антикварианизм, антикварий 44, 49, 50, 56, 59, 60, 129, 200, 203, 204, 399
- Антикварные вещи 127
- Антиквитеты 44, 129, 300, 303, 360
- Антиномии 35, 192, 329
- Античники 30, 44, 45, 56, 66, 98, 202, 298
- Антропология, антропологи 16, 20, 22, 23, 41, 44, 47, 48, 50–52, 55, 57, 58, 60, 63, 69, 97, 100, 101, 140, 142, 144, 146, 158, 159, 175, 183, 203, 204, 220, 227, 228, 235, 236, 280, 294, 383, 385, 398
- антропология культурная 44, 45, 100, 101, 140, 294, 390, 391
- Априоризм 205
- Априорность 51, 167, 201, 210, 223, 250, 327, 387
- Артефакты 12, 42, 51, 52, 102, 106, 135, 156–158, 183, 186, 198, 218, 221, 232, 234, 236, 253, 255, 268, 270, 278, 290, 300, 307, 308, 311–313, 315, 319, 320, 333, 334, 337, 338, 340, 341, 343–346, 348, 349, 352, 353, 356, 361, 367, 368, 374, 383
- Археография 69, 83, 85
- Археологизация 75, 157, 205, 265, 339, 359, 360
- Археология
античная 12, 30, 35, 45, 93, 101, 226, 227, 294, 296, 298
- антропологическая 166, 235
- бихевиорная (поведенческая) 239–241, 246, 313, 335, 368, 401
- буржуазная 162, 163, 297
- диалектическая 315, 402
- западная 19, 22, 29, 48, 56, 59, 65, 80, 96, 97, 162, 205, 209, 211, 227, 244, 245, 294, 297, 299, 306, 314, 332, 333, 339, 340
- как антропология 44, 50–52, 63, 144, 294
- как детективная деятельность 123, 156, 159–161, 164, 307
- как история без текстов 27, 45, 47, 63, 70, 295, 307
- как история материальной культуры 44, 52, 55–57, 297, 307
- как источниковедение 27, 35, 44, 45, 52, 58, 59, 69, 76, 155, 307, 364, 394, 395
- как метод 18, 49, 51

- как помощница классической филологии 81, 294
- как служанка истории 46, 47, 69, 74, 76, 136, 175, 227, 293, 312, 394
- как техническая экспертиза антиковедческого искусствознания 45, 81, 293
- как часть географии 81, 210, 293
- как часть музейно-антикварного дела 12, 18, 81, 293
- как этнография древности 68, 126, 239, 240–242, 258, 284
- марксистская 16, 150, 162, 169, 206, 210, 215, 297, 354, 402, 404
- неотложная 25, 240, 283, 313
- «новая» 19, 27, 28, 51–55, 97, 101, 105, 143, 179, 180, 188, 190, 200, 205, 206, 212–214, 217, 232, 235–242, 245, 246, 251, 252, 266, 268, 272, 277, 285, 296, 314, 333–335, 339, 353, 354, 358, 381, 385, 396–398, 401
- общая 24, 37, 39, 40, 163, 254
- ориенталистическая 51, 226, 227, 295
- первобытная 35, 46, 51, 57, 58, 79, 93, 100, 101, 140, 201, 217, 221, 226, 235, 237, 294–296, 298, 332, 403, 407, 409, 414, 417
- полевая 11, 12, 125, 224, 252, 266, 267, 316, 345, 367
- поселений 200, 234
- постпроцессуальная 19, 54, 105, 200, 206, 240, 245, 313, 397, 398, 400, 401
- промышленная (индустриальная) 55, 134, 147, 226
- советская 16, 22, 24, 32, 33, 39, 55, 56, 59, 60, 61, 65, 71, 77, 80, 95, 96, 101, 103, 138, 144, 169, 180, 183, 202, 203, 206, 208–211, 214, 215, 221, 243, 250, 252, 253, 296, 297, 355, 365, 384, 402
- средневековая 35, 45, 147, 226, 227, 293, 295–297
- срочная 25, 157, 240, 283, 313
- теоретическая 9, 12, 14, 21–33, 36–43, 54, 55, 129, 208, 211–213, 222–224, 233, 246, 250, 252, 253, 259, 288, 290, 291, 297, 302, 346, 394, 406, 412, 419
- специализация в теоретической археологии 157
- экспериментальная 25, 157, 179, 240, 283, 309, 313
- единство археологии 294–296, 298, 398
- практика археологии 13, 14, 250, 390, 400
- «проклятый вопрос» археологии 269, 309
- раскол в археологии 35, 295, 297
- распредмечивание археологии 55, 77, 100
- распространение археологии на современность 128, 129
- Б**
- Биология теоретическая 22, 43, 127, 128
- В**
- Верификация 226, 232, 244, 262, 269, 285
- Вещеведение 12, 26, 39, 48, 60, 71, 313
- Восстановление 38, 85, 87, 133, 148, 149, 151, 152, 160, 161, 181, 187, 243, 309, 312, 331, 363, 369, 373, 398–400
- Вскрытие могил 134

Г

- Генетическая связь 76, 97, 182, 271
География историческая 88
Геральдика 88
Герменевтика 88, 202, 213, 321, 406
Гиперскептицизм 27, 31, 129, 201, 227, 313
Гипертекст 196
Гипотеза противоречивости аксиом 197
Гипотезы 21, 89, 91, 105, 109, 140, 142, 152, 182, 183, 196, 197, 204, 218, 222, 229, 231, 233, 235, 236, 255, 256, 260, 269, 280, 298, 311, 313, 343, 381, 382, 384–390, 395
Гомология 173
Городища 125, 132, 293
Громовые камни
    громовые стрелы 128, 129
    громовые топоры 128
Гуманитарный 35, 105, 137, 139, 140, 143–145, 148, 159, 164, 165, 169, 182, 199, 203, 216, 235, 294, 395, 411, 419

Д

- Дедукция 143, 214, 235, 238, 261, 268, 279, 280, 306, 385, 386, 395
Детективная работа археолога 123, 156, 159, 160, 161, 164
Детерминизм 143, 150, 151, 169, 172, 173, 177, 179, 181–183, 189, 198, 200, 207, 227, 277, 306, 308, 313, 357, 370
Дипломатика 83, 87
Диффузия, диффузионизм 25, 37, 42, 171, 182, 183, 189, 207, 208, 226, 227, 258, 267, 271, 272, 275, 276, 279, 281, 283–285, 287, 288, 300, 305, 313, 315, 318

- Доказательства 12, 18, 56, 123, 175, 204, 219, 224, 264, 269, 287, 291, 320

Ж

- «Живые ископаемые» 176, 178, 179, 184, 239

З

- Законы, закономерности
    вероятностные 149, 182, 264, 267, 308, 309, 312, 316
    закон суперпозиции 267, 284
    статистические 143, 308, 312
Зашифрованность 12, 105, 116, 129, 130, 133, 329, 343

И

- Идеи 12, 13, 23, 37, 40, 48, 75, 87, 92, 106, 127, 133, 156, 178–181, 187, 198, 200, 211, 235, 236, 244, 254, 256, 258, 268, 269, 279, 280, 283, 311, 314, 327, 332, 339, 344, 353–359, 368–370, 372–375, 379, 386, 394–397, 400–402
Импрессионизм 233
Инвазия 269, 271, 309
Инварианты 184, 273, 278, 389, 391
Индетерминизм 34, 189, 192, 199, 227, 232, 242, 397
Индивидуализация 18, 49, 53, 93, 149, 158, 159, 189, 192
Индуктивизм 84, 218, 235, 308, 382
Индукция, индуктивный метод 142, 200, 201, 203, 205, 214–218, 220, 221, 222, 229, 231, 236, 248, 250, 261, 279, 280, 282, 310, 316, 381–383, 387, 389, 391, 392, 395, 396
Интерполяция 151, 335, 363

Интерпретация 14, 16, 21, 23, 24, 36, 38, 40, 41, 45–47, 63, 71, 154, 156, 157, 159, 166–168, 170, 171, 173, 174, 176–178, 181, 183, 184, 186, 187, 190, 191, 195–199, 202, 209, 210, 213, 217, 262, 278, 284, 307, 309, 313, 334, 345, 347, 351, 363, 371, 380, 383, 396

Интертеория 278

Интуиция 85, 99, 117, 141, 194, 197, 202, 209, 230, 233, 279, 419

Информация 10, 37–39, 41, 48, 50, 60–62, 67, 71, 81, 83, 88–94, 97–113, 115, 116–119, 125, 128, 130–135, 155–157, 160, 161, 166, 175, 176, 179, 180, 191, 193, 195, 196, 232, 238, 240, 253, 256, 259–262, 264, 271, 280, 298, 299, 304, 314, 317, 322, 329–333, 335, 337–343, 345–347, 349, 351–353, 355–358, 360–366, 371–376, 378–381, 387, 389–391, 394–397, 419

Исключения 30, 32, 33, 81, 119, 128, 134, 139, 182, 189, 259, 285

Ископаемое 53, 102, 105, 127, 131, 151, 179, 184, 342, 360

Искусственный интеллект археолога 195–197, 199, 371

Историзм 23, 95, 103, 169, 190, 192, 199, 253, 277, 404, 409, 416, 417

Историк с лопатой 13, 39, 63, 70, 73, 145, 210

Историография 19–21, 23–25, 29–31, 44, 50, 62, 83, 163, 226, 235, 246, 248, 325, 346, 366, 383

Исторический материализм 34, 57, 70, 95, 149, 169, 203, 216, 243, 253, 254

История

археологического мышления 23, 25, 26, 28, 30, 31, 226

культуры 46, 47, 76, 90, 91, 94, 128, 154, 158, 293, 372

первобытная 71, 211, 416

Источники

археологические 10, 11, 24, 26, 27, 33, 36, 39, 45, 47, 52, 58–61, 71, 73, 77–81, 93, 95–98, 100–110, 116–118, 131, 132, 134, 135, 155, 156, 179, 208, 214, 219, 220, 238, 240, 241, 282, 293, 294, 300, 306, 307, 309, 339, 343, 346, 363, 367, 370, 373, 380, 394, 397, 402, 404, 405, 407, 409, 411, 412, 417

специфика археологических источников 26, 37, 45, 52, 69, 71, 73, 77, 95, 131, 132, 394

формирование археологических источников 332, 363, 397

документальные 47, 82–84, 90, 91, 93, 97, 100, 103, 109, 112, 117, 119, 131, 133, 161, 293, 344, 371, 397

идейно-творческие 99

изобразительные 117

исторические 73, 74, 80–84, 88, 90, 91, 93–96, 100–104, 107, 108, 110, 115–118, 122, 123, 131, 135, 156, 165, 179, 198, 262, 323, 342, 409, 410, 416

пособия исторические 83, 84

сочинения исторические 82, 83

нарративные 90, 295

словесные, речевые 117

Источниковедение 39, 119, 161, 342, 404, 407, 409, 418

археологическое 39, 40, 59, 69, 70, 93

К

Категоризация 26, 107, 116, 125, 133, 299, 300, 302, 339

Каузальная связь 47, 70, 262, 306, 357

Кластер 272

- Кодирование информации 106, 116, 118, 119, 132, 135, 343, 394
- Компиляция 38, 39, 119, 212, 233
- Комплекс 17, 26, 100, 124, 132, 154, 155, 157, 158, 167, 179, 180, 205, 228, 239, 249, 250, 264, 267, 270, 284, 290, 300, 307, 316, 319, 320, 342, 344, 360, 365
- Конвергенция 75, 171, 177, 181, 182, 195, 198, 357
- Конверсия информации 349, 352, 353, 355, 357, 363, 372, 376, 378–381
- Контекст, контекстуализм 26, 50, 54–56, 81, 105, 106, 111, 123, 132, 133, 172, 179, 183, 192, 200, 202, 213, 228, 242, 266, 279, 315, 334, 335, 337, 338, 340, 344, 383, 385, 397, 399, 402
контекст археологический 26, 50, 56, 105, 335, 337
- Конъектуры 83
- Королларий 173–181, 189, 192, 198
- Корреляты 98, 156, 180, 186, 335, 358, 367
- Криминалистика 103, 123, 134, 154, 160, 163
криминалистическая трасология 160
- Критерии сходства 116, 117
критерий количества 173
критерий формы 173
- Критика источников
внешняя 92, 100, 284, 323, 324, 331, 380, 384
внутренняя 24, 27, 92, 98, 100, 284, 313, 324, 331, 380, 384, 386
высшая (критика дел) 10, 19, 53, 85, 88–92
коммуникационная 89
критика слов 20, 35, 62, 85, 92, 364
малая 34, 37, 39, 42, 44, 52, 85, 87, 92
содержательная 61, 89
- Культура
археологическая 40, 76, 158, 214, 240, 265, 266, 269, 278, 284, 288, 296, 305, 309, 332, 401, 410, 412, 415
давно умершая 26, 52, 69, 76, 125, 332
живая 39, 42, 45, 124–127, 146, 156, 179, 190, 303, 332, 335, 356, 359, 360, 367, 394
материальная 29, 39, 42, 44, 48, 52, 55–58, 62, 75, 76, 94, 96, 103, 134, 156, 171, 181, 186, 191, 200, 224, 238, 239, 242, 265, 283, 292, 293, 297, 328, 353, 359, 380, 394, 397–399, 405, 416
мертвая 124–126, 179, 332, 356, 367
умирающая 126, 127, 135
- Культурология, культурологи 20, 39, 41, 76, 158, 283, 380

Л

«Лестница непознаваемости» 191

Логика

археологическая 36, 37
науки 18, 20, 24, 58, 94, 243, 291, 315, 347

М

Марксизм 26, 33–35, 54, 55, 61, 91, 112, 139, 149, 150, 168, 169, 180, 190, 203, 210, 213, 221, 242, 243, 254, 328, 341, 347, 348, 354, 374, 397, 398, 402, 403, 410, 415

Массовый материал 12, 21, 26, 44, 141, 169, 183, 201, 293

- Материализм бытовой 169
- Материалы 15, 16, 21, 23, 25, 29, 36–38, 40, 41, 44, 47, 52, 55, 57, 59, 60, 64, 68, 71, 72, 74–76, 78, 80, 81, 87, 93, 96, 98, 103, 106, 111, 125, 127, 130, 131, 133, 135, 138, 139, 154, 155, 166, 167, 169, 170, 173, 180, 189, 190, 198, 201, 204, 207, 211, 212, 215–217, 219, 221–224, 226–230, 233–238, 241, 245, 249, 251, 253, 254, 257, 258, 262, 264–267, 272, 273, 275, 277, 278, 280–283, 285, 287, 292, 294, 296, 298–300, 302–305, 307, 309, 312, 313, 315, 317, 319, 321, 324, 326, 330, 332, 333, 335, 339, 345, 349, 351–353, 356, 359, 360, 362, 364, 366, 374, 379–385, 387–393, 395, 397, 401, 413
- Материальные древности 44, 69, 71, 72, 75, 76, 95, 125, 130, 135, 262, 293, 307, 332, 352, 394
- Матрица гипотез 388–390
- Метаархеология 10, 41, 42, 44, 49, 60, 65, 244, 248, 266, 268, 274, 278, 394, 399, 410
- Метатеория 41, 248, 257, 260, 278, 395
- Метафизика археологическая 37
- Метод
 археологический – см. Методологическая природа археологии
 горизонтальной стратиграфии 137, 313
 картографический 137, 313
 «восхождения» 18, 61, 206, 207
 эволюционно-типологический 137, 313, 319
- Методологическая природа археологии 10, 22, 50, 69, 73, 95, 136, 137, 159, 163, 164, 291, 313, 395
- Методология 15, 18, 20–22, 25, 28, 30, 36, 41, 47, 48, 61, 81, 90, 92, 95, 109, 136, 201–207, 211, 213, 216, 217, 221, 232, 233, 244, 248, 257, 268, 282, 283, 291, 295, 299, 322, 327, 353, 408, 413, 416, 420
- Миграционизм 183, 210, 226, 227, 268, 271, 276, 284, 285, 287, 300, 305, 318
- Модель, моделирование 27, 36–38, 72, 105–107, 142, 151, 152, 196, 223, 229, 230, 236, 237, 244, 245, 252, 266, 272, 276, 278, 281, 285, 290, 306, 308, 309, 313, 349–351, 354, 359, 366, 375, 376, 378, 396, 418
- Модернизм, модернисты 19
- Музейщик 12, 16, 43, 221
- Мышление археологическое 11, 15, 23, 65, 95, 166, 176, 179, 196
- ## Н
- Наблюдение натуральное 111, 264
- Натурфилософия 156, 216
- Наука
 классики науки 17–20, 45, 47
 классификация наук 15, 35, 138–140, 148, 162
- Науки
 абстрактные 140, 148, 162, 164
 гуманитарные 41, 105, 137, 139, 140, 144, 148, 159, 162, 165, 169, 182, 199, 216, 395, 411, 419
 естественные 48, 105, 140, 141, 153, 160, 182, 208, 215–217, 272, 276, 288, 291, 313, 403, 404, 413, 415, 419
 идиографические 53, 141, 148
 конкретные 140, 141, 148, 164
 номотетические 52, 141, 144, 148, 164

общественные 26, 39, 70, 73, 76, 95,
138, 139, 216, 287, 403, 406, 408, 410
строгие 63, 141, 142, 280
точные 105, 140, 141, 142, 144, 145,
148, 150, 165, 167, 208, 235, 267,
291, 395, 416
фундаментальные 159, 162, 165, 194
Науковедение, науковеды 20, 66, 138,
224, 248
Научная картина мира 277, 278, 317
Неокантианство 26, 35, 47, 48, 98, 242,
397
Неопозитивизм 19, 27, 36, 47, 182, 205,
214, 235, 240, 325, 325, 333, 339, 344,
353
«Новая археология» – см. Археология
«новая»
Номотетизация археологии 52, 54, 143
Нумизматика 79

О

Обобщение 22, 39, 70, 99, 140, 146,
156, 186, 189, 196, 198, 200, 202, 204,
211, 215, 216, 218, 222, 224, 228, 231,
233, 248–251, 255, 256, 260, 264, 269,
276, 280, 292, 298, 303, 305, 309, 310,
352, 353, 356, 362, 364, 368, 381, 382,
387
Обработка материала 15, 24, 38, 41, 47,
60, 103, 228, 233, 352, 388–390
Образ 87, 88, 112–115, 135, 142, 154,
162, 303, 329
Образцы 90, 113, 142, 151, 152, 166,
176, 273, 385
Объект археологии 38, 39, 58, 64, 78,
81, 88, 133, 134, 139, 191, 264, 293,
311, 331, 351, 352, 391
Объективация 132, 332, 356, 362

Ограбление могил 125, 284, 360
Оживление орудий 128
Ожидание 11, 285, 286, 304, 311, 385
Описание 24, 25, 30, 40, 53, 64, 66, 69,
83, 111, 149, 160, 174, 200, 202, 205,
212, 214, 215, 218, 231, 248, 249, 272,
273, 281, 282, 299–302, 304, 310, 313,
326, 327, 330, 344, 346, 347, 352, 356,
362, 363, 383, 384, 407
Оппозиции 14, 35, 72, 95, 193, 194, 254,
256–258, 260, 275, 395, 397, 399, 401
Определение, дефиниция 10, 21–24, 41,
44, 48, 49, 51, 52, 56, 63–65, 68–70,
74, 79, 85, 99, 110, 117, 131, 135, 136,
151, 154, 167, 173, 175, 185, 191, 196,
215, 230, 240, 245, 248, 250, 252, 254–
256, 259–261, 270–272, 277, 293, 301,
302, 304–306, 310, 338, 344, 346, 368,
370, 372, 383, 386, 394, 395, 399, 403,
407, 410, 411
определение культурное 69, 292, 293
Опредмечивание 40, 58, 75, 156, 180,
181, 186, 190, 265, 345, 354, 356, 358,
367
Остатки 37, 38, 44, 45, 53, 54, 56, 59,
61, 62, 76, 90–92, 94, 98–100, 105, 106,
125, 127, 128, 131–133, 151, 155–157,
160, 167, 175, 178, 179, 186, 191, 230,
237, 238, 240, 258, 262, 265, 311, 332,
338, 340, 341, 343, 345, 346, 352, 353,
356, 360, 366, 368, 369, 375, 378,
379, 382, 399
Отложение 105, 124, 125, 156, 238, 265,
267, 337, 359, 360, 367, 375
Отражение 39, 49, 61, 62, 67, 90–92,
100, 112, 113, 115, 116, 175, 186, 241,
257, 269, 325, 328, 330, 335, 343, 363,
400, 407, 409, 413, 416
археологическое 98, 99, 105, 117, 118,
123, 135, 148, 151, 167, 265, 332,
352

П

- Палеогеография 83, 87, 227
Палеоисториография 89, 90
Палеоистория 17, 74, 307, 381
Палеонтология 105, 151, 158, 178, 227
Памятник, памятники 12, 16, 29, 44, 58, 59, 71, 73, 77, 80, 81, 93–95, 100, 108, 109, 117, 126–129, 135, 157, 167, 179, 190, 191, 198, 200–202, 213, 215, 219, 224, 225, 238, 240, 276, 293, 298, 300, 301, 307, 331, 332, 343, 345, 346, 349, 351, 360, 362, 367, 369, 387, 401, 412, 417
Партикуляризм 53, 189
Первоисточник 88, 89, 119, 380, 390
Пережитки 45, 127, 183, 329
Перекопы 125, 252, 266, 267, 316, 345, 352, 360
Петроглифы 131
Подхоронения 284, 367
Позитивизм 25, 48, 61, 91, 105, 113, 213, 221, 312, 325, 382, 386, 415
Познаваемость прошлого 30, 99, 105, 110, 329, 387, 398
Познание
археологическое 36–38, 66, 120, 123, 145, 154, 163, 192, 211, 229, 291, 332, 343, 345, 349, 371, 372, 380, 406
историческое 112, 113, 115, 133, 254, 325, 327, 329, 403, 408, 409, 416
Полевик 16, 43
Полисемизм 190, 285, 367
Полнота фактов 327–329, 332
Порог понимания 130, 135, 329, 332
Постпроцессуализм, постпроцессуалисты 14, 54, 56, 201, 202, 212, 213, 246, 315, 398, 399, 402
Постпроцессуальная археология – см. Археология постпроцессуальная
Прародина 271, 276
Предание 61, 62, 84, 88–92, 98–100, 131, 133, 332
Предвидение 17, 53, 164, 231, 233, 239, 250, 256, 258, 264, 286, 287, 291, 383, 396
Предмет науки
предмет археологии 23, 25, 41, 44, 48, 51, 54–58, 60, 62–64, 66, 68–72, 74–76, 78, 136, 138, 139, 244, 245, 267, 292, 300, 391, 394, 399, 403, 405, 406–411, 414, 417
предмет истории 58, 62, 70, 138, 139, 405
Предсказание задним числом 153
Предтеория 231, 246, 309, 312, 382
Предысточник 116, 119, 135
Преистория 26, 27, 45, 48, 51, 53, 54, 61, 62, 66, 72, 74, 79, 93, 94, 101, 104, 146–148, 158, 164, 166, 185, 193, 217, 229, 267, 283, 294, 296, 307, 332, 381, 411
Престижность и непрестижность теории 15, 16
Прикладной 167, 257, 409
Прикладные науки 137, 159, 161, 162, 164–166, 194, 395
Принципы 38, 42, 66, 89, 90, 97, 98, 134, 149, 151, 153, 161, 163, 166, 168–170, 172–174, 177–180, 183–186, 189, 190, 194, 195, 199, 201, 206, 221, 228, 229, 235, 237, 244, 254, 258, 275, 277, 278, 286, 298, 299, 303, 305, 313, 315–318, 354, 383, 395, 405, 413, 415, 420
археологии 10, 18, 65, 165, 168, 170–172, 177, 178, 192, 193, 198, 306, 402, 412

- фундаментальные 42, 168, 170–172, 176, 181, 188, 192, 194, 195, 251
 Принципиальная достаточность археологических данных 180, 181, 187
 Принципиальная неполнота археологических источников 71, 73, 163, 174, 175, 176, 191, 192, 195
 Прихоронения 367
 Противоречия 14, 16, 23, 25, 30, 35, 39, 139, 194, 196, 197, 199, 206, 266, 295, 358, 395, 402
 Протоистория 158, 295
 Прототипы 113, 115, 135
 Процедура археологического исследования
   дедуктивная 205, 279, 352, 385, 387, 388, 389, 391, 392, 396
   индуктивная 205, 217, 279, 352, 381, 387–389, 391, 392, 396
   проблемно-установочная 49, 383, 389, 391, 392, 396
 Процесс исторический, культурный, культурно-исторический 26, 37, 42, 45, 54, 58, 70, 72–76, 90, 94, 98, 138, 141, 149, 150, 153, 156–158, 169, 170, 179, 183, 190, 232, 236, 239, 240, 265, 266, 283, 284, 306, 307, 333–335, 339, 354, 370, 384, 394, 395, 397, 412
 Пэтерн 272
- Р**
- Разнопричинность 191, 285
 Ранцевый набор 272
 Раскопки 12, 14, 23, 38, 72, 73, 128, 134, 170, 198, 201, 203, 219, 238, 252, 294, 298, 335, 337, 338, 345, 346, 349, 351, 356, 362, 365, 375, 380, 401
 Рационализм 11, 36, 84, 233, 234
 Революция научная 13, 56, 61, 84, 222, 247, 394
 Регулярности 26, 34, 37, 52, 98, 142, 146, 165, 172, 173, 178, 180, 181, 218, 228, 231, 236, 242, 249, 251, 258, 280, 281, 305, 333, 363, 367, 388
 Реконверсия 349, 352–354, 363, 364, 372, 376, 379–381, 396
 Реконструкции 26, 27, 30, 39, 52, 61, 62, 71, 72, 75, 76, 87, 89, 97, 129, 141, 148, 149, 151, 152, 154, 155, 157–160, 163, 164, 169, 170, 174–176, 181, 183, 185–188, 199, 207, 222, 228, 238, 242, 262, 266, 277, 282, 288, 309, 311, 312, 321, 326, 330, 342, 354, 363, 366, 368–370, 379, 382–384, 395, 397, 415, 416, 420
 Реставрация 149, 151, 161
 Ретросказание 149, 153, 154, 164, 185, 311, 416
 Рефлексия 41, 226, 227, 363
 Родство 53, 93, 146, 159, 166, 172, 173, 182, 295, 311, 333
- С**
- Самообразование 15, 17, 18, 19
 Сбор материала 21, 38, 204, 219, 223, 298, 299, 381, 385, 387, 389
 Сериация 25
 Синтез исторический 47, 309
 Систематика археологическая 21, 22, 130, 223
 Системность, систематизация 9, 15, 17, 31, 38, 40, 42, 52, 56, 66, 68, 69, 73, 75, 76, 81, 88, 105, 106, 108, 110, 113, 118, 125, 127, 149, 155, 165, 168, 172, 176, 179, 180, 181, 185, 187, 190, 230, 234, 235, 250, 255, 259, 268, 274, 291,

296, 299, 302, 305, 334, 335, 336, 339,
356, 362, 369, 390, 395–397, 399, 405
Случайности 119, 150, 153, 182, 262,
268, 275, 282, 286, 312, 319, 357, 387
Социалфилософия 216, 253
Социология, социологи 20, 22, 34, 39–
41, 50, 57, 60, 70–72, 74, 76, 103, 111,
137–142, 144–146, 152, 158, 159, 175,
208, 227, 235, 236, 258, 261, 280, 283,
306, 391, 407, 409, 417
социологизаторский схематизм 138,
139, 208
социологизация археологии 60, 155,
236, 293
Спекуляция 13, 15, 204, 205, 215, 216,
255, 256, 260, 322, 325, 370
Списки (копии текстов) 82, 83, 87, 91
Старина 77, 88, 117, 127, 130, 136, 412
Стимулы человеческого поведения 156
Субъективизм 92
Сходство 56, 60, 62, 140, 152–154, 159,
161, 164, 171–173, 176, 177, 180, 182,
187, 191, 198, 210, 225, 247, 251, 258,
259, 269, 303, 304, 308, 354, 384, 399

Т

Таксономизм, таксономисты 71, 227,
228, 232, 237, 300, 305, 313
Творческое сознание исследователя 18,
34, 43, 104, 279, 280, 330, 402
Текстология 83, 87, 89, 413
Теорема 173, 174, 175, 176, 179, 189,
192, 237, 244
Теоретизирование как привилегия 16,
204
Теоретик
возраст 17, 18, 43
подготовка 14, 15, 19, 42, 115, 117, 147

требования к теоретику 14, 15, 17, 19,
115, 320
Теоретическая отрасль (любой) науки
13, 15, 16, 21, 22, 25, 32, 43, 211, 256,
257
Теоретической археологии группа
(TAG) 14, 29, 427
Теоризм 16, 27, 34, 38, 40
Теории
метаархеологические 41, 42, 394
параархеологические 42, 394
эндоархеологические 41, 42, 394
смена теорий 30, 31, 54, 287, 288, 304,
305
Теория
аналитическая 38
восстановления 38
депозиционная 37, 238, 351
и метод 21, 22, 28, 29, 36, 41, 54, 136,
228, 230, 253, 257, 260, 312, 406
интерпретации 38, 238, 309, 318, 351,
353
коммуникации 318, 412
описательная 231, 232, 249, 254
постдепозиционная 38, 238, 351
преддепозиционная 37, 238, 351
«среднего уровня» 239, 242, 397, 399
стадиальности 206–208, 268, 272, 313
математический аппарат теории 17,
274, 275, 288, 396
объяснительная функция теории 262,
291, 305, 316
операциональный аппарат теории
282, 283, 289, 312, 396
опыт как предпосылка теории 13, 16,
286
предпосылки теории 235, 276, 279,
280

предсказательная функция теории 149, 153, 291, 310, 311, 316, 396
текст теории 280, 282, 285
теоретический базис теории 30, 40, 289, 395
тест теории 285
эвристическая функция теории 261, 313, 316
эмпирический базис теории 144, 230, 289
Типология археологическая 270, 303
типологический рудимент 271, 368
типологический ряд 187, 267, 271, 315, 319, 368
Толкование 57, 69, 70, 74, 82, 85, 87, 92, 98, 214, 378
Традиция 29, 30, 35, 44, 46, 50, 55, 63, 77, 82, 88, 89, 91, 101, 127, 132, 133, 135, 148, 150, 177, 178, 224, 232, 235, 242, 292, 295, 318, 323, 344, 348, 394, 397, 398, 412
Транзитивность археологических знаний 270

У

Универсализм 21, 26, 178, 181, 183, 188, 189, 194, 195
Универсалии 277, 278
Уникумы, уникальные находки 44, 49, 148, 158, 172, 201
Униформизм 170, 174, 176, 178, 181, 183, 190, 193, 195, 198, 406

Ф

Факт
археологический 10, 11, 166, 190, 228, 232, 250, 285, 322, 323, 331, 335, 341–349, 352, 363, 368, 371–373,

376, 378, 380, 387, 391, 396, 399, 405, 420

исторический 84, 89, 91, 98, 141, 152, 312, 322–324, 326–331, 337, 340–342, 345, 347, 348, 404, 407

фактуальная база 22, 110, 135, 248

Фактологическое, фактографическое направление 15, 23, 217, 223, 229, 231

Фальсификация (как опровержение) 285, 316

Физика теоретическая 43, 267

Философия, философы 15, 16, 19–21, 25, 37, 42, 43, 57, 64, 66, 78, 81, 84, 85, 90, 95, 98–100, 105–107, 110, 112, 117, 128, 139, 140, 165, 168, 185, 190, 191, 206, 216, 221, 222, 224, 232, 237, 247–250, 253, 254, 257, 259, 262, 278, 290, 292, 299, 300, 305, 306, 308, 310, 313, 315, 316, 321, 322, 327, 329, 330, 333, 341, 342, 352, 355, 382, 386, 391, 396, 406, 407, 408, 409, 413–416, 418

философия аналитическая 36, 195, 234

Формализм 35, 36, 262, 302

Функция 10, 26, 46, 57, 72, 77, 79, 85, 95, 100–102, 104, 110, 117, 125, 128, 131, 139, 141, 148, 158, 161, 169, 171, 175, 176, 179, 192, 199, 228, 229, 231, 235, 237, 239, 253, 275, 276, 278, 280–282, 290–292, 294, 298, 299, 302, 304–308, 310–313, 316–318, 320, 321, 396, 404, 415, 416

Х

Хроника 50, 91, 119, 149

Хронология 15, 17, 25, 46, 50, 88, 187, 203, 218, 248, 259, 267, 279, 287, 294, 298, 309, 383, 391, 405, 417, 418

- Ц**
- Церкви 131
- Ч**
- «Чтение прошлого» 56, 156, 200, 202, 399, 401
- Ш**
- Школа научная
критическая 89, 90, 326
скептическая 88, 97
- Шлюзы на пути информации 332, 333, 352, 353, 357, 361, 363, 371, 375, 376, 378–381
- Э**
- Эволюции идея, эволюционизм 25, 37, 49, 57, 61, 105, 148, 150, 176, 182, 183, 190, 226, 265, 268, 269, 278, 279, 287, 303–305, 316, 318, 319, 324
- Эквифинальность 191
- Эксгумация 134
- Эксперимент 17, 111, 142, 211, 222, 267, 276, 283, 359, 387
- Экспертиза подлинности 84, 85
- Экспертная система 158, 196
- Экспликация 37, 38, 58, 154, 157, 194–196, 233, 257, 272, 283, 290, 381
- Экстраполяция 151, 152, 335
- Эмпиризм 10, 15, 46, 49, 84, 89, 90, 200–206, 213, 215, 223–225, 230, 233, 247, 249, 251, 276, 298, 324, 329, 331, 333, 339, 341, 395, 411
- Эмпирика, эмпирия, эмпирический 15, 40, 46, 49, 61, 72, 84, 142–144, 155, 200, 203–206, 212, 213, 215, 216, 218, 220–225, 229–233, 248–252, 254, 256, 257, 259, 261, 264, 267, 269, 270, 276–282, 285, 286, 289, 290, 292, 302, 303, 305, 309–311, 317, 322, 339, 341–345, 347, 348, 380, 382, 390, 395, 416
- Эпиграфика 45–47, 83, 85, 87
- Эпистемология археологическая 22, 24, 37, 41, 261
- Эпоха 17, 18, 31, 40, 42, 44, 45, 60, 81–83, 90, 102, 116, 118, 123, 125, 128, 134, 150, 158, 171, 184, 190, 264, 271, 293, 300, 303, 305, 312, 315, 368, 414, 416
- Эрзац-теории 230, 231, 246
- Эрудиция 15, 21, 147, 202
- Этноархеология 25, 40, 42, 157, 179, 240, 294, 309, 311, 313
- Этногенез 13, 27, 71, 407, 411
- Эшелонирование познания 68, 74, 402
- Я**
- Язык, языки
вещей 119, 135, 155, 394, 411
дескриптивные 302
документальные 99, 302
естественные 12, 15, 21, 32, 41, 87, 91, 119, 123, 130, 264, 269, 271, 272, 280–282, 288, 301, 302, 342, 362, 394
информационные 302
специализированные 301

*Составители: С. В. Воронятов,
О. В. Гусакова, Т. М. Кармов*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Авдеев Н. 100, 328, 403
Авдусин Д. А. 61
Айзек Г. Лл. (Isaac G. Ll.) 290, 432
Айзенберг А. 99, 403
Аккоу П. Дж. (Ucko P. J.) 33, 42, 213, 247, 443
Акчурин 272, 403, 407
Амальрик А. С. 30, 66, 77, 145, 251, 403
Аникович М. В. 58, 59, 102, 103, 155, 403
Антипов Г. А. 108, 149, 151, 159, 292, 403
Анучин Д. Н. 57
Аристотель 167
Арнау Ф. (Arnau F.) 331, 420
Артамонов М. И. 13, 36, 72, 255, 403
Артановский А. С. 75, 403
Арциховский А. В. 39, 61, 63, 70, 73, 77, 138, 145, 181, 210, 404

Б

- Баженов Л. Б. 21, 222, 251, 254, 291, 310, 404
Бакл (Бокль) Г. Т. 325
Бан П. (Bahn P.) 28, 29, 42, 145
Барг М. А. 330, 404
Барич Б. Э. (Barich B. E.) 22, 421
Барг Р. 242
Бауэр Е. Р. 22, 404
Башилов В. А. 103, 155, 404, 406
Баярд Д. (Bayard D.) 104, 105, 421
Беккер С. Л. (Becker C. L.) 108, 324, 326, 347, 421
Бельзони Дж. Б. (Belzoni G. B.) 12
Бем Ю. О. 218, 404
Берд Ч. Э. 326
Берельсон Б. (Berelson B.) 279, 421
Бернбек Р. (Bernbeck R.) 28, 245, 421
Бернгейм Э. (Berheim E.) 20, 45, 47, 61, 70, 90, 91, 324, 404
Берталанфи Л. фон (Bertalanffy L. von) 22, 216, 404, 421
Библер В. С. 328, 404
Бидни Д. (Bidney D.) 22, 421
Бинфорд Л. Р. (Binford L. R.) 10, 13, 27, 28, 51–53, 62, 63, 74, 76, 98, 106, 144, 154, 166, 177, 179, 181, 185–187, 204, 207, 212, 213, 215–218, 224, 232, 235–239, 242, 245, 251, 259, 265, 266, 279, 299, 306, 310, 311, 314, 315, 332–335, 337–339, 342, 347, 348, 354, 370, 384, 385, 392, 397, 399, 401, 421, 422, 430, 439, 441
Блок М. (Bloc M.) 205, 323, 404
Бойль Р. (Boyle R.) 84
Бойрлен Э. (Beurlen K.) 184, 421
Бор Н. (Bohr N.) 177, 193, 278, 286, 404
Борд Ф. (Bordes F.) 18, 160, 239
Борн М. (Born M.) 278, 405
Боряз В. Н. 57, 211, 405
Боуар М. де (Boüard M. de) 46, 422
Бочкарев В. С. 74–76, 102, 278, 376, 378, 384, 405
Браун Л. А. (Brown L. A.) 423
Браун Р. Р. (Brown R. R.) 276, 282, 423
Браф Д. Р. (Brough D. R.) 196, 371, 426
Бредвуд Р. Дж. (Braidwood R. J.) 136, 160, 207, 210, 212, 285, 353, 422, 423

Брезильон М. Н. (Brézillon M. N.) 273, 422

Брейль А. (Breuil H.) 18

Брѐндстед Й. (Brøndsted J.) 46, 422

Бру Дж. У. (Brew J. O.) 190, 333, 423

Брюсов А. Я. 210, 218, 248, 405

Булле Х. (Bulle H.) 44, 98, 108, 423

Бунге В. (Bunge W.) 22, 423

Бурдьѐ П. (Bourdieu P.) 211

Буркхард Я. (Burkhard J.) 89

Буше де Кревкѐр де Перт Ж. (Boucher de Creveur de Pertes J.) 17, 205, 422

Бушор Э. (Buschor E.) 65, 118, 137, 202, 230, 423

Быковский С. Н. 56–58, 61, 73, 100, 138, 328, 405

Бэкон Ф. (Bacon F.) 84, 128, 129, 140, 148, 201, 405

Бэр К. М. 294

Бютнер-Януш Й. (Buettner-Janusch J.) 189, 423

В

Валансьен Б. (Valancien B.) 130, 436

Вале Э. (Wahle E.) 10, 31, 48, 51, 62, 97, 227, 241, 269, 279, 332, 444

Вальтер И. (Walther J.) 184

Вашичек З. (Vašiček Z.) 32, 33, 42, 436

Вебер М. (Weber M.) 20

Веденов М. Ф. 403

Вернадский В. И. 216

Вернер И. 220, 231, 444

Вико Дж. (Vico G.) 85

Викторова В. Д. 154, 155, 323, 341, 347, 354, 405, 406

Виндельбанд Д. (Windelband D.) 98, 99, 406

Винкельман Й. Й. (Winckelmann J. J.) 18, 35, 187, 301, 303, 304, 312, 326

Виноградов В. Г. 316

Виппер Р. Ю. 99, 406

Вирхов Р. (Virchow R.) 294

Витгенштейн Л. (Wittgenstein L.) 20, 259, 315, 406

Вишняцкий Л. Б. 32, 346–348, 412, 434, 444

Волков Ф. К. 57

Вольтер, псевд. Аруэ Ф. М. (Voltaire, i. e. Arouet M. F.) 85, 90, 444

Вольф Ф. А. 88, 89

Ворсо Й.-Я. 17, 267, 275, 283, 284, 312

Высоцкий Б. П. 184, 406

Г

Галле А. (Gallay A.) 196, 427

Гарден Ж.-К. (Gardin J.-C.) 21, 22, 24, 27, 38, 39, 41, 154, 190, 196, 224, 233, 246, 273, 290, 291, 302, 338, 371, 406, 425, 428

Гаффни К. Ф. и В. Л. (Gaffney C. F. and V. L.) 25, 427

Гахман Р. (Hachmann R.) 71, 97, 241, 242, 332, 410, 429

Гегель Г. В. Ф. (Hegel G. W. F.) 35, 153, 197, 406

Гемпель К. Г. (Hempel C. G.) 70, 279, 306, 311, 315, 386, 413, 430

Генинг В. Ф. 10, 40, 57–59, 62, 74, 78, 139, 145, 156, 248, 249, 251, 254, 264, 291, 299, 320, 345–347, 354, 406

Герасимов Л. Г. 322, 406

Герасимов М. М. 152

Геродот 91

Герхард Э. (Gerhard E.) 312

Герц Г. (Hertz G.) 165, 407

Гѐте Й. В. (Goethe J. W.) 249, 256, 428

Гиббон Г. Э. (Gibbon G. E.) 28, 42, 166, 167, 170, 262, 288, 428

Гиро П. 325, 407
Гиффен А. Э. ван 213
Глезиу С. (Gleziou S.) 211, 212, 428
Гловер Я. К. (Glover I. C.) 33
Годловски К. (Godłowski K.) 214, 428
Голубович В. (Hołubowicz W.) 70, 72, 80, 431
Гомер 88
Гонейм-Граф И. (Ghoneim-Graf I.) 240, 428
Городцов В. А. 18, 69, 80, 201, 202, 207, 301, 331, 407
Горский Д. П. 21, 407
Готта И. (Gotta I.) 183, 184
Готшок (Gotshalk) 21, 428
Готье Ю. В. 58
Гребнер Ф. (Graebner F.) 20, 173, 429
Греков Б. Д. 70, 407
Григорьев Г. П. 57, 59, 74, 102, 104, 139, 296, 407
Гриффин Дж. Б. (Griffin J. B.) 154, 170, 216, 429
Грузинский К. К. 58, 407
Грушин Б. А. 67, 407
Грязнов М. П. 124
Гудмен Н. (Goodman N.) 322, 428
Гулд Р. А. (Gould R. A.) 184, 193, 239, 240, 339, 429
Гульга А. В. 70, 99, 113, 141, 407
Гуляев В. И. (Guliaev V. I.) 22, 429
Гумилев Л. Н. 215, 216, 407
Гунтау М. (Guntau M.) 178, 429
Гуревич А. Я. 153, 326, 327, 329, 330, 347, 407
Гюйгенс Кр. (Huygens Chr.) 84

Д

Даймонд Д. (Dymond D.) 78, 426

Дайсон Ф. Дж. (Dyson F. J.) 247, 407
Даниел Г. Э. (Daniel G. E.) 10, 26, 31, 42, 45, 50, 62, 70, 97, 100, 108, 129, 136, 160, 169, 189, 207, 227, 229, 232, 242, 266, 287, 331–333, 425
Даниленко В. Н. 70, 407
Данилов А. И. 113, 407
Даннел С. Р. (Dunnell C. R.) 44, 134, 170, 173–176, 178, 198, 201, 235, 272, 273, 278, 426
Декарт Р. (Descartes R.) 84
Демокрит 222
Демуль Ж.-П. (Demoule J.-P.) 11, 428
Деонна В. (Déonna W.) 25, 425
Деррида Ж. (Derrida J.) 25
Дешелет Ж. (Déchelette J.) 12, 45, 425
Дезэй Ж. (Desayes J.) 302, 425
Джинджян Ф. (Djindjian F.) 137, 425
Джонсон М. (Jonson M.) 427
Дикшит С. К. 46, 69, 407
Диоген 191
Диринг М. Ф. (Deering M. F.) 197, 407
Диц Дж. (Deetz J.) 27, 32, 44, 45, 75, 144, 180, 192, 234, 420, 425, 443
Добрович П. 130
Долуханов П. М. (Dolukhanov P. M.) 250, 424
Донатто Г. (Donato G.) 74
Дондт Ж. (Dondt J.) 148, 426
Доннан Кр. Б. (Donnan Chr. B.) 240, 425
Допш А. (Dopsch A.) 99
Доран М. Дж. (Doran M. J.) 196, 371, 426
Дорошенко Н. М. 330, 407, 408
Дрей У. Х. (Dray W. H.) 21, 311, 312, 386, 426
Дройзен Й. Г. (Droysen J. G.) 21, 90, 91, 217, 325, 426
Дынин Б. С. 257, 408

Дьюи Дж. (Dewey J.) 285, 425
Дэниелс С. Дж. Х. (Daniels S. G. H.)
157, 161, 238, 335, 338, 340, 347, 349,
350, 351, 357, 370, 371, 373–375, 392,
397, 425
Дюркгейм Э. (Durkheim E.) 20, 205

Е

Егерstrand Т. (Hägerstrand T.) 276, 430
Еллен Дж. Э. (Yellen J. E.) 240, 445
Ерофеев Н. А. 148, 408
Ёссинг Г. (Gjessing G.) 15, 278, 428
Ефименко П. П. 18

Ж

Жак Я. (Žak J.) 57, 68, 69, 445
Жебелев С. И. 30, 77, 118, 137, 202, 408

З

Забелин И. Е. 56, 57, 66, 137, 408
Заброу Э. (Zubrow E.) 212, 311, 445
Замятнин С. Н. 219, 408
Зангмейстер Э. (Sangmeister E.) 170, 180,
230, 440
Захарук Ю. Н. (Ю. М.) 10, 16, 22, 38,
39, 57–59, 62, 69, 125, 139, 214, 221,
248, 250, 254, 273, 295, 323, 342, 245–
347, 355, 360, 408, 409
Звегинцев В. А. 22, 409
Зелинге К.-Г. (Seling K.-H.) 241, 440
Зетцлер Ф. М. (Setzler F. M.) 49, 315,
323, 441
Зими́на М. П. 210, 405
Зомбарт В. (Sombart W.) 99
Зотов А. Ф. 67, 68, 409
Зьюнер Ф. Э. (Zeuner F. E.) 212

И

Иванов Г. М. 113, 328, 409
Ивенс (Эванс, Evans) 273, 303
Ингерсол Д. У. Мл. (Ingersol D. W. Jr.)
240, 432
Ирибаджаков Н. 70, 328, 409
Итина М. А. 368, 409

К

Каблер Дж. (Cubler G.) 295, 435
Кайзер Э. (Kaiser E.) 184, 432
Кальвин Т. (Calvin T.) 278
Каменецкий И. С. 80, 215, 252, 275,
282, 409
Кареев Н. И. 91
Карнейро Р. Л. (Carneiro R. L.) 267,
268, 275, 288, 423
Карр Э. Х. (Carr E. H.) 20, 137, 324,
328, 423
Карсак Ф. (Carsac F.) 160
Кас К. М. (Kus C. M.) 180, 438
Кассирер Э. (Cassirer E.) 20
Каченовский М. Т. 88
Квенсель Л. (Quensel L.) 22, 432
Кёббен А. Й. Ф. (Köbben A. J. F.) 182,
188, 191, 285, 434
Кедров Б. М. 222, 409
Келле Ж. 68, 410
Келли Дж. (Kelley J.) 28, 432
Кёпп Ф. (Коерр F.) 136
Кипарисов Ф. В. 354, 410
Киров С. М. 138, 208
Киселев С. В. 208, 404, 410
Клакхон К. К. М. (Kluckhohn C. K. M.)
16, 203, 204, 228, 303, 315, 434
Кларк Д. Л. (Clarke D. L.) 13, 22, 27,
36–39, 41, 44, 52, 53, 55, 56, 65, 69,
74, 125, 141, 142, 146, 147, 157, 173,

- 177, 195, 212, 213, 226, 237, 238, 239, 244, 245, 252, 265, 272, 290, 298, 315, 318, 333, 337, 340, 347–349, 351, 353, 357, 370, 371, 373, 376, 382, 395, 397, 399, 402, 424, 431
- Кларк Дж. Г. Д. (Clark J. G. D.) 26, 146, 160, 266, 382, 424
- Клейн Л. С. 21–23, 27, 28, 30, 31, 33, 56, 59, 62, 71, 74, 76, 78, 80, 96, 104, 129, 134, 135, 139, 147, 155, 156, 160, 164, 176, 185, 188, 190, 201, 211, 242, 248, 259, 262, 265, 269, 270, 272, 273, 276, 277, 284–286, 288, 296, 302–304, 306, 308, 309, 314, 318, 320, 343, 345–347, 351, 357, 367, 371, 384, 391, 392, 399, 401, 410–412, 433, 434, 443
- Клейндинст М. Р. (Kleindienst M. R.) 239, 240, 283, 432
- Клэфем А. (Clapham A.) 129
- Клююла К. У. Мл. (Clewlow C. W., Jr.) 240, 425
- Ключевский В. О. 91, 99, 412
- Кобылински З. (Kobyliński Z.) 143, 193, 434
- Ковалевская В. Б. 130, 412
- Ковальзон М. Я. 68, 410
- Коз П. (Caws P.) 299, 423
- Колдуэлл Дж. Р. (Caldwell J. R.) 315
- Коллингвуд Р. Дж. (Collingwood R. G.) 20, 26, 115, 137, 242, 326, 327, 347, 397, 412, 424
- Коллинз М. Б. (Collins M. B.) 357, 424
- Колмогоров А. Н. 375
- Колпаков Е. М. 25, 32, 107, 130, 131, 135, 208, 303, 346–348, 412, 434, 444
- Колчин Б. А. 209, 219, 413
- Кон И. С. 70, 308, 386, 413
- Кондорсе М. Ж. А. Н. Карита маркиз де (Condorcet M. J. A. N. Caritat Marquis de) 17, 85
- Константин Великий 84
- Конт О. (Conte A.) 35, 138, 140, 148, 413
- Конце А. (Conze A.) 45, 424
- Копнин П. В. 250, 254, 342, 413
- Корзухина Г. Ф. 223
- Косолапов В. В. 322, 330, 413
- Коссак Г. (Kossack G.) 429, 434
- Коссинна Г. (Kossinna G.) 13, 27, 210, 221, 284, 305, 433
- Косцялковски С. (Kościałkowski S.) 210, 434
- Коулз Дж. М. (Coles J. M.) 240, 283, 424
- Крамер К. (Kramer C.) 240, 434
- Крафт В. (Kraft W.) 20, 434
- Крёбер Э. Л. (Kroeber A. L.) 20, 154, 179, 434
- Кригер А. Д. (Krieger A. D.) 232, 333, 434
- Кристиансен К. (Kristiansen K.) 11, 241, 284, 434
- Кроз Р. Э. (Krause R. A.) 359, 434
- Крофорд О. Г. С. (Crawford O. G. S.) 46, 425
- Кроче Б. (Croce B.) 325, 326, 425
- Круглов А. П. 331, 413
- Кудар А. (Coudart A.) 55, 428, 437
- Кудилова Е. А. 137, 413
- Кузнецов И. В. 262, 287, 413
- Кун Т. (Kuhn Th.) 20, 313, 316, 371, 429
- Курбэн П. (Courbin P.) 44, 47, 62, 214, 217, 224, 334, 425
- Кэмпбелл Л. (Campbell L.) 107, 201, 423
- Кэплан Д. (Kaplan D.) 249, 432
- Кэплан Э. (Kaplan A.) 313, 432
- Кэссон Ст. (Casson St.) 160

Л

Лаббок Дж. (Lubbock J.) 179, 278

- Лайелль Ч. (Lyell Ch.) 278
 Лакатос И. (Lakatos I.) 20
 Лампрехт К. (Lamprecht K.) 89, 90
 Ланглуа Ш. В. (Langlois Ch. V.) 46, 90, 92, 325, 413
 Лаппо-Данилевский А. С. 91, 99, 413
 Лаудзер Дж. Р. (Lowther G. R.) 169, 232, 233, 435
 Лахман К. (Lachmann K.) 87
 Лебедев Г. С. 31, 74, 102, 296, 380, 412, 413
 Лебланк С. Э. (LeBlanc S. A.) 27, 390, 435, 444
 Леви-Брюль Л. (Levi-Bruhl L.) 369
 Левин М. (Levin M.) 306, 435
 Леви-Стросс К. (Lévi-Strauss C.) 35, 211, 242, 397
 Ледьё А. (Lcdieu A.) 17, 435
 Лейнфельнер В. (Leinfellner W.) 20, 435
 Ленин В. И. 112, 413
 Леони М. П. (Leone M. P.) 27, 435
 Леричи К. М. (Lerici C. M.) 118
 Леруа-Гуран А. (Leroi-Gourhan A.) 45, 63, 70, 118, 184, 185, 435
 Лихачев Д. С. 150, 413
 Лич Э. (Leach E.) 189, 198, 435
 Лооне Э. Н. 137, 149, 155, 404, 406, 413, 414
 Лоуи Р. Х. (Lowie R. H.) 182, 435, 441
 Лукач Д. (Lucacs Gy.) 242, 397
 Лысенко Т. Д. 150, 414
 Лэйард О. Г. (Layard A. H.) 12
 Лябуда Г. (Labuda G.) 74, 435
 Ляпушкин И. И. 223, 414
- М**
- Мабильон Ж. (Mabillon J.) 84, 323
 Маккензи Й. М. (Mackensie I. M.) 24, 420, 423
 Мак-Керн С. С. и П. У. (McKern S. S. and P. W.) 283, 436
 Мак-Ниш Р. (MacNeish R.) 143, 435
 Мак-Уайт И. (MacWhite E.) 382, 435
 Малина Я. (Malina Ja.) 32, 33, 42, 272, 435, 436
 Мальмер М. П. (Malmer M. P.) 11, 13, 179, 180, 193, 207, 233, 234, 270, 272, 276, 319, 436
 Манроу Р. (Munro R.) 331, 437
 Маркарян Э. С. 355, 414
 Марков Б. В. 20, 414
 Марковин В. И. 214, 414
 Маркс К. (Marx K.) 20, 64, 138, 153, 414
 Маркузе Г. (Marcuse H.) 242, 397
 Марр Н. Я. 207, 208, 415
 Мартин П. С. (Martin P. S.) 50, 71
 Мартынов А. И. 137, 414
 Маршак Б. И. 209, 215, 219, 282, 409, 413
 Массон В. М. 58, 74, 154, 169, 210, 253, 414
 Матюхин А. Е. 251, 264, 414
 Мегрелидзе К. Р. 354, 415
 Мейен С. В. 151, 415
 Мейер Э. (Meyer E.) 99, 324, 415
 Меллор Д. Х. (Mellor D. H.) 306, 308, 436
 Мельников Г. П. 67, 415
 Мерзон Л. С. 322, 415
 Мёррей М. (Murray M.) 143, 437
 Мертон Р. К. (Merton R. K.) 22, 436
 Микляев А. М. 295, 296
 Милль Дж. С. (Mill J. St.) 282, 415
 Милойич В. (Milojčić W.) 208, 313
 Миронов Б. Н. 153, 415
 Моль А. (Moles A.) 130, 436
 Моммзен Т. (Mommsen T.) 89

Монгайт А. Л. 30, 49, 61, 66, 70, 77,
145, 210, 251, 284, 403, 415

Монтелиус О. (Montelius O.) 13, 25,
177, 278, 284, 313, 318, 319, 349, 351,
371, 401, 436

Монтень М. (Montaigne M.) 323, 415

Мор Г. (Mohr H.) 108

Морвуд М. J. (Morwood M. J.) 308,
437

Морган К. Г. (Morgan C. G) 179, 306,
415, 436

Морган Л. Г. 179, 415

Мортилье Г. де (Mortillet G. de) 13, 18,
45, 178, 278, 305, 437

Мостепаненко М. В. 262, 277, 415

Муберг К.-А. (Moberg C.-A.) 29, 46,
69, 187, 191, 198, 436

Мэнн Дж. (Mann J.) 160, 436

Мэннерс Р. А. (Manners R. A.) 249, 432

Мэтланд Ф. (Maitland F.) 99, 326

Мюллер Дж. У. (Mueller J. W.) 299, 437

Мюллер С. (Müller S.) 17, 25, 46, 56,
65, 69, 94, 173, 179, 201, 313, 381,
382, 399, 437

Мюллер-Карпе Г. (Müller-Karpe H.) 97,
217, 229, 437

Мюрдаль К. Г. (Myrdal K. G.) 261, 437

Мюре Б. (Muhre B.) 54, 63, 296, 437

Н

Нагель Э. (Nagel E.) 282, 315, 386, 437

Налимов В. В. 196, 415

Наполеон Бонапарт 141

Нарр К. Й. (Narr K. J.) 45, 51, 437

Нарский И. С. 322, 415

Неуступны Э. (Neustupny É.) 58, 72,
73, 102, 136, 137, 164, 437

Нибур Б. Г. (Niebuhr B. G.) 88, 89, 324

Никитин Е. П. 149, 306, 308, 310, 311,
415

Никонов В. А. 71, 415

Нимейер Г. Г. (Niemeier H. G.) 44, 437

Ньютон И. (Newton I.) 84, 165, 177, 415

О

Обермайер Г. (Obermaier H.) 359, 415

Овчинников Н. Ф. 68, 222, 249, 257, 279,
312, 415

Оливье Л. (Olivier L.) 55, 437

Ольсен Б. (Olsen B.) 160, 437

Омельяновский М. Е. 403, 404, 413, 415

Онопrienко В. И. 153, 154, 310, 416

Оппенгейм З. 306

Ортон К. (Orton C.) 275, 437

Остин Д. (Austin D.) 64, 421

П

Пайк К. Л. (Pike K. L.) 273

Палубицка А. (Palubicka A.) 205, 206,
437

Паперброх Д. (Paperbroch D.) 84

Паркер Дж. С. (Parker J. S.) 331, 438

Парсонс Т. (Parsons T.) 20, 204

Пауль Э. (Paul E.) 331, 438

Пebbлз К. С. (Pebbles C. S.) 180, 438

Печенкин А. А. 286, 291, 416

Пигготт С. (Piggott S.) 27, 50, 51, 61, 62,
97, 108, 166, 189, 201, 215, 227, 229,
266, 410

Пиддок К. (Pyddoke K.) 66, 438

Пиотровский Б. Б. 80, 103, 412

Питри Флиндерс У. М. Ф. (Petrie
Flinders W. M. F.) 25, 187, 201, 438

Платон 25, 117

Плеханов Г. В. 145, 416

Плешчыньска Э. (Pleszczyńska E.) 74, 442

Плог Ф. Т. (Plog F. T.) 251, 262, 264, 279, 288, 306, 376, 385, 427, 438

Погодин М. П. 57

Подгаецкий Г. В. 331, 413

Покровский М. Н. 138, 208

Попов П. В. 283, 308, 316, 416

Попович М. Б. 249, 250, 254, 413, 416

Поппер К. (Popper K.) 20, 153, 237, 300, 386, 388, 413, 438

Прайс Д. (Price D.) 20

Пронштейн А. П. 108, 329, 332, 416

Пропп В. Я. 13, 35, 36, 71, 416

Пушкарев Л. Н. 108, 113, 116, 416

Пэтрик Л. Э. (Patrik L. E.) 105–107, 109, 438

Р

Равдоникас В. И. 58, 69, 71, 95, 203, 297, 416

Радилюловский В. В. 291, 299, 320, 416

Ракитов А. И. 21, 67, 68, 70, 153, 262, 310, 343, 416

Рандсборг К. (Randsborg K.) 9, 45, 220, 316, 438

Ранке Л. фон (Ranke L. von) 46, 89, 90, 91, 324, 438

Ратье У. Л. (Rathje W. L.) 240, 438

Рауз И. Б. (Rouse I. B.) 26, 44, 46, 69, 227, 272, 273, 306, 319, 353, 376, 378, 382, 439

Рауи Дж. Х. (Rowe J. H.) 267, 439

Раш П. (Rush P.) 247, 259, 439

Регирер Е. И. 21, 168, 317, 318, 416

Редмен Ч. Л. (Redman Ch. L.) 27, 52, 313, 320, 438, 439, 444

Ренфру А. К. (Renfrew A. C.) 10, 27–

29, 41, 42, 145, 279, 288, 306, 320, 433, 439, 441

Риккерт Г. (Rickert H.) 20, 35, 98, 99, 141, 326, 416, 417

Роан-Чермак Г. де (Rohan-Csermak G. de) 205, 439

Рогачев А. Н. 57, 58, 138, 253, 295, 417

Роу Д. (Roe D.) 170, 171, 439

Рузавин Г. И. 165, 291, 310, 417

Румпф А. (Rumpf A.) 45, 439

Рыбаков Б. А. 39, 69, 96, 103, 108, 297, 417

С

Саар Г. П. 417

Саблоф Дж. Э. (Sabloff J. A.) 31, 42, 191, 266, 322, 439, 445

Садовский В. Н. 67, 249, 416, 417

Салливен Э. (Sullivan A.) 340, 341, 347, 357, 442

Сальмон П. (Salmon P.) 108, 440

Санкалия Х. Д. (Sankalia H. D.) 46, 440

Саут С. (South S.) 136, 257, 441

Сафронов В. А. 391, 417

Седжвик А. (Sedgwick A.) 183

Секели Э. Б. (Szekely E. B.) 22, 442

Семенов С. А. 207, 224, 283, 313, 417

Сеньобос Ш. (Segnobos Ch.) 46, 90, 92, 325, 413, 417

Сервис Э. (Service E.) 20

Сержантов В. Ф. 137, 417

Сильвестр, папа римский 84

Симон Р. (Simon R.) 84, 323, 440

Симпсон Дж. Г. (Simpson G. G.) 151, 152, 417

Смирнов В. И. 375

Смит Б. Д. (Smith B. D.) 306, 441

Смит Дж. У. (Smith J. W.) 168, 170, 178, 190, 441

Смит Дж. Эллиот (Smith G. Elliot) 207
Смит М. А. (Smith M. A.) 186, 374, 441
Смолла Г. (Smolla G.) 308, 441
Соколов Э. В. 68, 75, 418
Соммервилл Дж. (Sommerwill J.) 68, 418
Сорокин П. (Sorokin P.) 20
Спиноза Б. (Spinoza B.) 84, 323
Спицын А. А. 12, 80
Сполдинг Э. К. (Spaulding A. C.) 51, 69,
215, 230–232, 246, 270, 306, 315, 333,
441
Срезневский И. И. 57
Сталин И. В. 138, 139, 208
Статт А. (Stutt A.) 191, 196, 371, 442
Стейнер Г. Э. (Steiner G. A.) 279, 421
Стенон Н. (Steno N, Steensen N.) 267,
275, 283
Степанов З. В. 153, 415
Стефанов Н. 57, 418
Стикел Э. Г. (Stickel E. G.) 264, 441
Стронг У. Д. (Strong W. D.) 228, 255,
323, 347, 441
Стронг Д. Э. (Strong D. E.) 255, 442
Стюард Дж. Х. (Steward J. H.) 20, 49,
220, 232, 251, 315, 323, 441
Суарц Б. К. (Swartz B. K.) 376, 383,
392, 442
Сэлмон М. Х. (Salmon M. H.) 306, 440
Сэлмон У. Ч. (Salmon W. C.) 195, 306,
440

Т

Табачыньски Ст. (Tabaczyński St.) 74,
442
Тагг Х. Д. (Tuggle H. D.) 386, 443
Тайлор Э. (Tylor E.) 178, 179, 188, 418,
443
Тальгрэн А. М. (Tallgren A. M.) 49, 181–
183, 442

Тержан Б. (Teržan B.) 13, 433
Тилли К. (Tilley Chr.) 16, 191, 211, 242,
243, 245, 255, 256, 397, 401, 440, 443
Титов В. С. 285, 418
Тихомиров М. Н. 100, 418
Тойнби А. Дж. (Toynbee A. J.) 20, 325,
443
Толстов С. П. 12
Томас Д. А. (Thomas D. A.) 442
Томас Дж. (Thomas J.) 14, 212, 247, 442
Томас Н. (Thomas N.) 129, 310
Томпсон Дж. Э. (Thompson J. A.) 204,
442
Томпсон Р. Х. (Thompson R. H.) 180,
182, 186, 374, 442, 443
Томсен К. (Tomsen Chr.) 17, 305, 312,
315
Топольски Е. (Topolski Je.) 108, 443
Торн Р. М. (Thorne R. M.) 359, 434
Третьяков П. Н. 150, 182, 418
Триггер Б. Г. (Trigger B. G.) 11, 27, 31,
33, 42, 49, 53, 54, 56, 62, 63, 179, 180,
185, 188, 191, 192, 207, 304, 306, 310–
312, 315, 399, 443
Трудзик Э. (Trudzik Z.) 57, 67, 70, 443
Тэйлор У. У. (Taylor W. W.) 13, 26, 27,
49–51, 55, 56, 62, 69, 71, 136, 146,
161, 183, 192, 200, 204, 212, 224, 227–
229, 234, 235, 242, 245, 278, 304, 313–
315, 332, 334, 353, 383, 385, 397, 398,
401, 442
Тэн И. А. (Taine H. A.) 325

У

Уайт Л. (White L.) 20, 218, 251, 315
Уваров А. С. 80
Уилер М. (Wheeler M.) 136, 191, 203,
322
Уилли Г. Р. (Willey G. R.) 22, 31, 42, 51,

136, 144, 227, 232, 257, 266, 423, 439,
444, 445
Уотсон П. Дж. (Watson P. J.) 27, 191,
195, 239, 240, 251, 252, 262, 265, 283,
288, 306, 354, 385, 432, 444
Урбаньчык П. (Urbańczyk P.) 143, 144,
164, 444
Услар Р. фон (Uslar R. von) 205, 256,
444

Ф

Файнберг Е. Л. 193, 418
Фарсобин В. В. 108, 418
Фаулер П. Дж. (Fowler P. J.) 22, 24, 427
Федосеев П. Н. 70, 418
Фейерабенд Л. (Feierabend L.) 20
Фелдман Дж. А. 197, 418
Феттен Ф. Г. (Fetten F. G.) 178, 427
Филин Ф. П. 71, 418
Филлипс Ф. (Phillips Ph.) 22, 51, 136,
144, 227, 257, 444
Фишер У. (Fischer U.) 189, 198, 221, 427
Флеминг Э. (Fleming A.) 427
Флэннери К. В. (Flannery K. V.) 144, 188,
212, 219, 268, 427
Форд Г. (Ford H.) 53, 333
Форд Дж. А. (Ford J. A.) 190, 215, 275,
418, 427
Формозов А. А. 31, 82, 365, 418
Франк Ф. (Frank Ph.) 20, 418
Францев Ю. П. 70, 418
Французова Н. П. 330, 418
Фриц Дж. М. (Fritz J. M.) 251, 262, 265,
288, 306, 376, 385, 427
Фролов И. Т. 68, 419
Фрумкина Р. М. 130, 419
Фукидид 186
Фуко М. (Foucault M.) 63, 134, 184, 190,
211, 242, 419, 427

Фуртвенглер А. (Furtwängler A.) 45, 427
Фюстель де Куланж Н. Д. (Fustel de
Coulanges N. D.) 325, 407, 419, 427

Х

Хааг У. Дж. (Haag W. G.) 178, 429
Хаймз Д. (Humes D.) 234, 432
Харви (Харвей) Д. 20, 137, 262, 282,
288, 419
Харрис Э. С. (Harris Edw. C.) 267, 430
Хаттон Дж. (Hutton J.) 178, 432
Хаусман Е. (Hausmann E.) 230, 430
Хейдер К. Н. (Heider K. H.) 186, 189,
198, 430
Хейзинга И. (Huizinga I.) 326, 432
Хейнен М. (Hanen M.) 28
Хельског К. (Helskog K.) 12
Хензель В. (Hensel W.) 69, 74, 255, 430
Херсковиц М. Дж. (Herskovitz M. J.)
184, 430
Хиггз Э. С. (Higgs E. S.) 213
Хилл Дж. Н. (Hill J. N.) 156, 180, 205,
226, 238, 273, 275, 303, 335, 383, 386,
387, 392, 430, 431
Хинтон Дж. Е. 197, 419
Ходдер Я. (Hodder I.) 11, 22, 25, 28, 33,
42, 54, 55, 56, 62, 106, 183, 187, 191,
200, 202, 203, 211, 224, 242, 243, 245,
246, 315, 339, 340, 397–402, 431
Хокит Х. К. (Hockett H. C.) 21, 430
Хокс Дж. (Hawkes J.) 145, 157, 430
Хокс Ч. Ф. Кр. (Hawkes C. F. Chr.) 22,
27, 97, 108, 134, 136, 137, 142, 143,
166, 170–173, 176, 180, 182, 189, 192,
198, 201, 215, 229, 257, 266, 277, 295,
373, 430
Холмс Шерлок (Holmes Sh.) 160, 410
Хольторф К. (Holtorf C.) 22, 432
Хор Р. С. (Hoare C.) 322, 430

Хоул Ф. (Hole F.) 212, 237, 252, 253, 267, 431

Хофер Т. (Hofer T.) 15, 431

Хроуда Б. (Hrouda B.) 137, 160, 432

Худзон Дж. С. (Hudson J. C.) 276, 432

Хьюзер Р. Ф. (Heizer R. F.) 267

Хьюитт К. (Hewitt K.) 197, 419

Хэнсон Н. Р. (Hanson N. R.) 279, 429

Хэрке Г. (Härke H.) 211, 213, 216, 217, 430

Ц

Цигерт Г. (Ziegert H.) 217

Ч

Чайлд В. Г. (Childe V. G.) 13, 18, 26, 54, 63, 66, 96, 97, 106, 108, 146, 147, 187, 207, 208, 210, 221, 275, 285, 296, 305, 315, 333, 368, 398, 419, 424

Чарткоф Дж. Л. (Chartkoff J. L.) 264

Чемберлен Т. Д. (Chamberlain T. D.) 388, 423

Чемпион Т. (Champion T.) 55, 423

Черри Дж. Ф. (Cherry J. F.) 299, 424

Чжан Гуанчжи (Chang K. C.) 27, 51, 65, 157, 177, 189, 192, 200, 234, 235, 242, 250, 295, 297, 303, 308, 315, 397, 423

Чэпмен Дж. (Chapman J.) 250, 424

Ш

Шайлер Р. С. (Schuyler R. S.) 306

Шацкий Н. С. 183, 184, 419

Шахермейр Ф. (Schachermeyr F.) 208, 313

Шахматов А. А. 87, 419

Шварц Д. У. (Schwartz D. W.) 314, 315, 440

Шейдигер А. Э. (Scheidiger A. E.) 22, 440

Шеннан С. (Shennan S.) 191, 196, 275, 371, 424, 440, 442

Шер Я. А. 24, 69, 74, 137, 209, 215, 219, 252, 275, 290, 323, 341–345, 347, 376, 382, 409, 413, 419, 420

Шернквист Б. (Stjernquist B.) 136, 257, 441

Шимек Дж. (Shimek J.) 134

Шиффер М. Б. (Schiffer M. B.) 28, 42, 54, 136, 156, 157, 177, 180, 186, 193, 239, 257, 335, 357, 358, 371, 397, 440

Шлейхер А. (Schleicher A.) 278

Шлёцер А. Л. (Schlözer A. L.) 85, 87, 92, 324, 420, 440

Шлиман Г. (Schliemann H.) 12, 88

Шнапп А. (Schnapp A.) 11, 428; 433

Штофф В. А. 20, 261, 322, 330, 420

Шураки Р. С. (Chouraqui R. C.) 382, 424, 440

Шэнкс М. (Shanks M.) 11, 14, 24, 160, 191, 242, 243, 245, 255, 256, 397, 401, 420

Э

Эббесен К. (Ebbesen K.) 241, 426

Эггерс Г.-Ю. (Eggers H.-J.) 27, 29, 51, 62, 70, 75, 97, 100, 108, 109, 124–127, 135, 210, 241, 242, 284, 332, 351, 359, 384, 426

Эггерт М. К. Г. (Eggert M. K. H.) 306, 426

Эдамс У. Й. (Adams W. Y.) 160, 320, 367, 420

Эдмонсон М. С. (Edmonson M. S.) 275, 276, 426

Эйнштейн А. (Einstein A.) 17, 165, 218,
222, 251, 420

Эккерман В. (Eckermann W.) 108, 426

Эмбри Л. (Embrece L.) 42, 426

Энгельс Ф. (Engels F.) 20, 35, 138, 139,
219, 221, 253, 414, 420

Энналз Дж. Р. (Ennals J. R.) 196, 371,
426

Эренрейх П. (Ehrenreich P.) 179

Эткинсон Р. Дж. С. (Atkinson R. J. C.)
21, 421

Эткинсон Р. Ф. (Atkinson R. F.) 66, 184

Эшер Р. (Ascher R.) 283, 308, 420, 421

Ю

Юлий Цезарь 141

Юм Д. (Hume D.) 17

Юхансен А. Б. (Johansen A. B.) **193, 198,**
255, 432

Я

Ягутис-Эмден М. (Jaguttis-Emden M.)
218, 432

Якоб-Фризен К.-Г. (Jacob-Friesen K.-H.)
331, 382, 432

Яншин А. Л. 184, 420

Составитель: О. В. Гусакони

Учебное издание

Лев Самойлович Клейн

ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРЕТИЧЕСКУЮ АРХЕОЛОГИЮ

КНИГА 1: МЕТААРХЕОЛОГИЯ

Учебное пособие

Редакционная подготовка:

Галина Чередниченко

Ольга Гусакова

Дизайн обложки:

Александра Калинина

Рисунки:

Людмила Философова

Оригинал-макет:

Ольга Гусакова

Подписано в печать с оригинала-макета 12.04.2004. Формат 60x88/16.

Печать офсетная. Печ. л. 29,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 705.

Издательство «Бельведер».

199034, Санкт-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта, 11, к. 410.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ИПП «Искусство России»

198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 38/2.

СМОЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ СВОБОДНЫХ ИСКУССТВ И НАУК

Смольный Институт — совместная образовательная программа Санкт-Петербургского государственного университета и Бард Колледжа (США, штат Нью-Йорк), осуществляющая подготовку бакалавров по направлению «Искусства и гуманитарные науки».

Это первая в России программа, основанная на принципах свободных искусств и наук. В число этих принципов входит:

- индивидуальный учебный план для каждого студента,
- междисциплинарный подход в преподавании, позволяющий студентам научиться смотреть на мир с различных точек зрения,
- интерактивный метод проведения занятий, ориентирующий студента и преподавателя на творческое сотрудничество.

Обучение в Смольном Институте учитывает лучшие традиции российского университетского образования и самые современные тенденции в мировой образовательной практике.

Студенты Смольного Института получают возможность раскрыть свою творческую индивидуальность, развить навыки критического мышления, приобрести умение работать в различных языковых и социокультурных условиях, что становится особенно актуальным сегодня, когда наряду с узкоспециальными знаниями все большую ценность при приеме на работу приобретают творческие способности, умение быстро перестраиваться и генерировать новые идеи.

Обучение в Смольном Институте ведется на двух языках (русском и английском), а в круг изучаемых предметов включаются не только теоретические дисциплины, но и практические искусства.

Выпускники Смольного Института получают два диплома о высшем образовании: Санкт-Петербургского государственного университета с квалификацией «бакалавр искусств и гуманитарных наук» и Бард Колледжа с квалификацией «бакалавр искусств» (Bachelor of Arts).

Смольный Институт предоставляет студентам возможность участия в международных образовательных программах (обмен студентами с Бард Колледжем, продолжение обучения в магистратуре ряда американских университетов и т. д.).

Учебный план Смольного Института состоит из двенадцати основных и семи дополнительных программ (изобразительное искусство и архитектура, музыка, литература, философия, социология и антропология, политическая наука, международные отношения и права человека, экономика и др.), а также включает более трехсот различных курсов.